

ДОНЕЦЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

**ДОНЕЦЬКИЙ
АРХЕОЛОГІЧНИЙ
ЗБІРНИК**

2013 № 17

**НАУКОВИЙ ЩОРІЧНИК
ЗАСНОВАНИЙ 1992 р.**

Донецьк – 2013

ББК Т4 (45)
УДК 902 (4-11)
Д 673

**Донецький археологічний збірник. – № 17. – Донецьк: Вид-во
Донецьк. ун-ту, 2013. – 290 с.**

У збірці вміщено статті з проблем археології Східної Європи та суміжних регіонів від кам'яного віку до козацької доби, публікації матеріалів археологічних розкопок і музейних колекцій, матеріали дискусії та з історії археології.

Головний редактор:

ЛИТВИНЕНКО Р.О. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)

Відповідальний секретар:

КОЛЕСНИК О.В. – к.і.н., доц. (Донецький національний університет)

Редакційна колегія:

БРЕДІХИН А.В. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)
ДЕРГАЧОВ В.О. – д.і.н. (Інститут Культурної спадщини АН Молдови)
ДОБРОВ П.В. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)
ЗАЛІЗНЯК Л.Л. – д.і.н., проф. (Інститут археології НАН України)
КЛЕЙН Л.С. – д.і.н., проф. (Санкт-Петербурзький державний університет)
КОСЬКО О. – д.н.г., проф. (Інститут праісторії Познанського університету)
КРАПВІН О.В. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)
МАХНІК Я. – д.н.г., проф. (Польська Академія мистецтв і науки)
ОТРОЩЕНКО В.В. – д.і.н., проф. (Інститут археології НАН України)
ПРЯХІН А.Д. – д.і.н., проф. (Воронезький державний університет)
СКОРИЙ С.А. – д.і.н., проф. (Інститут археології НАН України)
СТЯЖКІНА О.В. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)
ТЕМІРОВА Н.Р. – д.і.н., проф. (Донецький національний університет)
ТОЛОЧКО П.П. – акад. НАНУ, д.і.н., проф. (Інститут археології НАН України)
ЧЕРНИХ Є.М. – чл.-кор. РАН, д.і.н., проф. (Інститут археології РАН)
ШЕПКО Л.Г. – д.і.н., доц. (Донецький національний університет)

Рецензенти:

БАРАН В.Д. – чл.-кор. НАН України, д.і.н. (Інститут археології НАН України)
ПАНКОВСЬКИЙ В.Б. – к.і.н., н.с. (Інститут археології НАН України)

Свідоцтво про держреєстрацію ЗМІ: КВ № 15946-4418Р від 13.11.2009 р.

Постановою Президії ВАК України від 23.02.2011 р. № 1-05/2 збірку внесено до Переліку наукових фахових видань України.

Друкується за рішенням Вченої Ради Донецького національного університету

DONETSK NATIONAL UNIVERSITY

**DONETSK
ARCHAEOLOGICAL
COLLECT**

2013 № 17

**SCIENCE ANNUAL COLLECT
LAUNCHED IN 1992**

Donetsk – 2013

Donetsk archaeological collection. – № 17. – Donetsk: Donetsk University Press, 2013. – 290 p.

The collection contains articles on problems of archeology of the East Europe and adjacent regions from a primitive epoch up to Middle Ages, publications of materials of archeological excavations and museum collections, discussion and history of archeology.

Editor-in-chief:

LYTVYNNENKO R.A. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)

Responsible secretary:

KOLESNYK A.V. – Ph.D., Assoc. professor (Donetsk National University)

Editorial board:

BREDIHIN A.V. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)
DERGACIOV V.A. – Dr. Hab., (Institute of Culture Heritage of Acad. of Sc. of Moldova)
DOBROV P.V. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)
ZALIZNIAK L.L. – Dr. Hab., Prof. (Institute of Archaeology of Ukraine's NAS)
KLEIN L.S. – Dr. Hab., Prof. (Saint Petersburg State University)
KOŠKO A. – Dr. Hab., Prof. (Ad. Mickiewicz University, Institute of Prehistory)
KRAPIVIN A.V. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)
MACHNIK J. – Dr. Hab., Prof. (Polish Academy of Arts and Sciences)
OTROSCHENKO V.V. – Dr. Hab., Prof. (Institute of Archaeology of Ukraine's NAS)
PRYAHIN A.D. – Dr. Hab., Prof. (Voronezh State University)
SKORY S.A. – Dr. Hab., Prof. (Institute of Archaeology of Ukraine's NAS)
STIAZHINA E.V. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)
TEMIROVA N.R. – Dr. Hab., Prof. (Donetsk National University)
TOLOCHKO P.P. – Acad. of Ukraine's NAS (Institute of Archaeology of Ukraine's NAS)
CHERNYKH E.N. – Corresponding member of RAS (Institute of Archaeology of RAS)
SHEPKO L.G. – Dr. Hab., Assoc. Prof. (Donetsk National University)

Reviewers:

BARAN V.D. – Corresponding member of Ukraine's NAS, Dr. Hab., Prof.
PANKOVSKIY V.B. – Ph.D., S.R. (Institute of Archaeology of Ukraine's NAS)

Registration state certificate of mass media: KB № 15946-4418P from 13.11.2009

The collection is included in the List of scientific special editions of Ukraine by the Decision of Presidium of the Supreme Certifying Commission of Ukraine № 1-05/2 from 23.02.2011

Recommended for publishing by the Academic council of Donetsk National University

© Donetsk National University, 2013

© Original-breadboard model: Lytvynenko R.A., 2013

ЗМІСТ

Статті

Небрат С.Г. Вторинні поховання інгульської катакомбної культури	7
Грищук О.М. Астрагали як елемент поховального обряду населення Дніпро-Донської бабинської культури	24
Бровендер Ю.М. Степанівський мікрорайон пам'яток доби бронзи на Донецькому кряжі	35
Забавін В.О. Характеристика поховальних споруд зрубної культури Північного Приазов'я	56
Загородня О.М. Історія вивчення металовиробничого інструментарію зрубної спільноти	79
Шепко Л.Г. Некрополі Європейського Боспору VII-II ст. до н.е. в просторово-хронологічному вимірі	99
Венцова М.І. Прикраси в ґрунтових некрополях Боспору VI-II ст. до н.е.	115

Публікації

Горбов В.М., Божко Р.П., Кушнір В.В. Археологічні комплекси на території фортеці Кальміус та її околиць	132
Отрощенко В.В., Салій Н.Г. Курган 1 біля с. Гнарівське в Надпоріжжі	150
Литвиненко Р.О., Санжаров С.М., Усачук А.М. Кістяний диск з карпато-мікенським декором із Середнього Подонців'я та деякі питання хронології зрубної культури	180
Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В. Курган зрубної культури могильника Зинцева балка (Північно-Східне Приазов'я)	199
Полідович Ю.Б. Унікальне зображення вовка з Середнього Подонців'я	220

Дискусії

Потапов В.В. «Некоторые дискуссионные проблемы» финальной бронзы и некоторые дискуссионные решения этих проблем	225
--	-----

Історія археології. Першоджерела

Колесник О.В., Стахурська К.І. Стельська печера: хронографія вивчення, архівна спадщина	271
Список скорочень	289
Відомості про авторів	290

CONTENTS

Articles

Nebrat S.G. Secondary burials of Ingul catacomb culture	7
Gryshchuk O.M. Astragals as an element of the funeral ceremony of the Dnepr-Don Babyne culture population	24
Brovender Yu.M. Stepanovskiy microdistrict of the Bronze Age memorials on the territory of Donetsk Hills	35
Zabavin V.O. Characteristics of grave constructions of Timber-Grave culture of the north Azov-Sea region	56
Zagorodnia O.N. History of research of metal production tools of Srubnaya community	79
Shepko L.G. The necropolises of the European Bosphorus VI-II centuries BC in the spatial and chronological measurement	99
Ventsova M.I. Jewelry from the Bosphorus necropolises VI-II centuries BC	115

Publications

Gorbov V.N., Bogko R.P., Kushnir V.V. The archaeological complexes on the territory of the Kalmius fortress and its surroundings	132
Otroshchenko V.V., Saliy N.G. Barrow 1 nearby Gnarovs'ke village, above the Dnepr rapids	150
Lytvynenko R.A., Sanzharov S.N., Usachuk A.N. Bone discs with Carpathian-Mycenaean decor from the Middle reaches of the Seversky Donets and some questions of chronology of Timber-Grave culture	180
Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Barrow of Timber-Grave culture of Zintseva Balka burial ground (North-Eastern Azov Sea littoral)	199
Polidovych Iu.B. Unique image of wolf from the Middle Donets pool	220

Discussions

Potapov V.V. "Some debatable problems" of archaeology of the Bronze Age ending and some controversial solutions to these problems	225
---	-----

History of archaeology. Original source

Kolesnik A.V., Stakhurskaya X.I. The Styla Cave: the history of its study and archival heritage	271
List of abbreviations	289
Data about authors	290

Небрат С.Г.

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Реферат: Статья посвящена довольно редкому ритуалу вторичного погребения в ингульской катакомбной культуре (ИКК) средней поры эпохи бронзы. Целью работы является всесторонняя характеристика данных комплексов, их анализ и интерпретация. Исходя из поставленной цели, возникают следующие задачи: 1) дать характеристику степени изученности проблемы; 2) пересмотреть все известные автору погребения ИКК и выделить те из них, которые можно отнести к группе вторичных погребений; 3) проанализировать погребальный ритуал; 4) предложить попытку интерпретации данных комплексов.

Вторичные погребения представляют собой захоронения либо одних костей умерших, либо тел, находящегося на разных стадиях процесса разложения. Чаще всего останки выкладывались в псевдоанатомическом порядке, имитируя традиционную позу, либо были сложены компактной кучкой на дне могилы.

Подобным способом погребались люди, умершие вдали от родных мест во время выпаса скота или военного набега. Поскольку их тела не получалось своевременно предать земле, соплеменники были вынуждены хоронить кости или не до конца разложившиеся тела. При этом желательно было придать телу традиционную при погребении позу – вытянуто на спине. Для этого кости складывались в порядке, который несколько напоминает анатомический.

Ключевые слова: “вторичные погребения”, “расчлененные погребения”, ингульская катакомбная культура, средний бронзовый век, Северное Причерноморье.

Abstract: The article is devoted to rather rare ritual secondary burials of Ingul catacomb culture (ICC) of the Middle Bronze Age. The purpose of work is a comprehensive description of these burials, their analysis and interpretation. Based on the goal, you experience the following tasks: 1) to characterize the degree of knowledge of the problem; 2) review all known burials of ICC and highlight those, that can be attributed to the group of secondary burials; 3) to analyze the funerary ritual; 4) to propose to attempt to interpret this complexes.

Secondary burials represent a disposal or bones of the dead, or body, staying at different stages of decomposition. Most often, the bones are in order imitating anatomical, mimicking the traditional pose, or were folded compact bunch on the bottom of the grave.

In this way were buried people who died far from home during grazing or military incursion. Because their bodies are not getting timely betray the earth, people were forced to bury the bones or not fully decomposed body. Thus it was desirable to make your body a traditional burial position, stretched out on his back. For this bone shape in order that somewhat resembles the anatomical.

Keywords: “secondary burial”, “dissected burial”, Ingul catacomb culture, Middle Bronze Age, Northern Black Sea region.

Введение. Среди многочисленных погребальных традиций бронзового века юга Восточной Европы обращают на себя внимание комплексы со скелетами, анатомическое положение которых было нарушено в древности. В археологической литературе они чаще всего известны как “погребения с расчленениями” или “вторичные погребения”.

Отклонение от модели рядового погребения заключалось в том, что останки находились чаще не в “канонической” позе. Кости либо складывались в кучу (“пакетом”) либо выкладывались так, чтобы придать останкам погребенного некую ориентацию и позу, как этого требовала традиция.

Следует согласиться с В.И. Мельником в том, что необходимо различать среди “расчлененных” погребений те, в которых прослежено искусственное разделение тела (с отчленениями отдельных частей тела) и те, где скелет распался полностью или частично до момента окончательного погребения. Последний вариант принято называть “вторичными погребениями”.

Отметим, что погребения полностью или частично разложившихся трупов широко практиковалось в эпоху палеометалла. Несмотря на это, работ, посвященных данному

аспекту крайне мало. В них чаще охватывалась часть ареала какой-либо культуры либо просто “обыгрывались” исследователями несколько таких комплексов.

Справедливо сказать, что удельный вес вторичных погребений в катакомбных культурах довольно высок, в сравнении с другими культурами бронзового века. По этой причине, памятники эпохи средней бронзы заслуживают отдельных исследований. Обращает на себя внимание полное отсутствие специальных работ, посвященных этому аспекту в ингальской катакомбной культуре (ИКК). Учитывая обширный ареал последней и накопившуюся к настоящему времени источниковую базу, необходимость такого исследования стала очевидна.

Историография. Погребения с “расчленениями” стали интересовать исследователей с момента их первых открытий. Вопрос о трактовке таких комплексов стал предметом дискуссий. Д.Я. Самоквасов, а затем и В.А. Городцов видели в них свидетельства антропофагии, в то время как А.С. Уваров настаивал на иной интерпретации, связывая погребения костей с зороастрийским обычаем выставления трупов [Мельник 1991, с. 6-7].

В начале XX ст. французский социолог Роберт Херц в своей работе “Коллективные представления о смерти” рассматривал подобные погребения в контексте идеологических воззрений древних людей на жизнь и смерть. Р. Херц отмечал, что окончательная смерть наступает только тогда, когда заканчивается разложения трупа [Venbrux 2007, p. 5-8]. Это объяснение причин появления вторичных погребений было встречено критикой со стороны других исследователей, стоявших на более прагматичных позициях. Так, Питер Меткальфф высказал предположение, что погребения с нарушенной антропологической целостностью скелета было результатом действия времени, необходимого соплеменникам для выполнения ряда ритуальных действий, требующих немалых материальных затрат. В это время тело сберегалось в определенном месте, которое можно считать первичным местом погребения [Schroeder 2001, p. 80]. Ряд исследователей из США (Дж. Ховман, Дж. Уэлтхолл и др.) проводят связь обряда вторичного погребения с подвижным образом жизни охотников и собирателей, не имевших стационарных поселений, а стало быть, и стационарных мест для погребения своих соплеменников [Schroeder 2001, p. 81].

Пожалуй, первым, кто на катакомбных материалах полноценно рассмотрел неординарные погребения (в том числе и вторичные захоронения) был В.И. Мельник [1991]. Основываясь на материалах Нижнего Дона, была проведена работа на высоком методическом и теоретическом уровне, в ходе которой были выделены и даны определения погребениям с расчленениями, вторичным, совместным и кенотафам. Исследователь отказывается от антропофагии, как причине появления захоронений, где кости были сложены “пакетом” либо выложены в “традиционную” позу и склоняется к тому, что вторичные погребения являются результатом невозможности своевременного погребения умерших.

Несколькими годами позднее Ю.А. Шилов предложил иную трактовку “расчлененных” погребений, рассматривая их как человеческие жертвоприношения, обращая внимание читателя на арийский Гимн Пуруше [Шилов 1995, с. 137]. По его мнению, такие жертвоприношения были добровольные. В том случае, если в катакомбе находились двое погребенных, один в стандартной позе, а второй “расчлененный”, то последний субъект как бы усиливал магические способности сопровождавшегося им “обычного” покойника. И все же, Ю.А. Шилов не оспаривает взгляды В.И. Мельника, и вполне допускает трактовку таких комплексов, как дозахоронений перевезенных с чужбины останков умершего соплеменника [Шилов 1995, с. 141].

В 2000-х гг. интерес к “особым” погребениям в древних культурах Евразии возрастает. В свет выходят работы, в которых в той или иной мере затрагивается вопрос о вторичных погребениях. Не ставя задачи полного и всестороннего историографического обзора, стоит отметить, что результаты исследований неравнозначны в виду объема публикации, убедительности аргументов, источниковой базы, которой владел исследователь.

В этно-археологических реконструкциях В. Кульбаки и В. Качура носители ингульской катакомбной культуры отождествляются с протоиранцами, а вторичные погребения (а с ними и погребения с глиняными моделировками лица по черепу) рассматриваются как следы древнеиранского обычая выставлять трупы, зафиксированного в Авесте [Кульбака, Качур 2000, с. 42].

Весьма любопытна работа Ю.М. Васильева, который вовсе оспаривает критерии выделения погребений, определяемых как вторичные, кенотафы, жертвоприношения, погребения со следами каннибализма. Исследователь предлагает термин “двухактные погребения”, под которым понимается ингумация, как первый акт в погребальном обряде и эксгумация как второй и финальный. Во время эксгумации, вероятно, происходило “обезвреживание”, когда кости и сопровождающий инвентарь разбрасывались. После этих ритуальных действий покойник окончательно отправлялся из мира животных в мир мертвых [Васильев 2005, с. 41].

Особый интерес представляют работы О.В. Зайцевой. На основе широкого круга источников различных культур, начиная от эпохи неолита и заканчивая средневековьем, всесторонне рассматривается проблема погребений с нарушенной анатомической целостностью костяка. Разработан на конкретных случаях опыт выделения вторичных погребений, “оскверненных” погребений (“ритуальных вскрытий”), расчлененных и парциальных захоронений; предложены практические рекомендации по исследованию таких комплексов. Следует подчеркнуть, что ряд основных положений В.О. Зайцевой дополняют и конкретизируют положения В.И. Мельника [Зайцева, Ражев 2005; Зайцева 2005а; 2005б].

Работы в этом же направлении ведет Т.В. Осипова на средневековых материалах Окско-Сурского междуречья. Были выделены три группы разрушенных захоронений: вторичные, обезвреженные и неопределенные. Под вторичными погребениями подразумевались комплексы, с компактно сложенными костями. “Обезвреженные” выделялись по признаку смещения некоторых костей. Как правило, следы ритуального разрушения отмечались в области груди и черепа покойного [Осипова 2006]. Дифференцируя погребения, исследовательница порой затрудняется в силу различных причин отличить вторичные от разрушенных погребений, что и заставило ее выделить группу неопределенных.

Большой интерес представляют исследования последних лет, основанные на материалах курганных культур эпохи бронзы. Так “расчлененные” погребения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья были рассмотрены С.С. Поповичем и С.М. Агульниковым [Попович 2010, с. 132-135; Агульников, Попович 2011, с. 323-344]. Вторичные захоронения междуречья Днестра и Прута, по мнению исследователей, свидетельствуют об обряде демембрации, который понимается как умышленное смещение костей человеческого скелета с первоначального положения и размещение их либо в беспорядке, либо в порядке, прямо противоположном первоначальной позиции, в которой находился покойный в момент погребения. Такая практика, по мнению С.М. Агульникова и С.С. Поповича, имеет узколокальный признак и, вероятно, маркирует представителей определенной социальной прослойки. Отметим, что в свое время С.В. Иванова не решилась дать интерпретацию этим погребениям в своем социо-археологическом исследовании, ссылаясь на недостаточное количество антропологических определений [Агульников, Попович 2011, с. 342].

Показательной является работа Р.А. Литвиненко, который, проанализировав практически все известные погребения культурного круга Бабино, выделяет серию комплексов с довольно редким обрядом перезахоронения. Большинство таких комплексов было обнаружено в курганах между Днепром и Доном (в пределах ареала Днепро-Донской бабинской культуры). Р.А. Литвиненко отмечает, что это, как правило, погребения взрослых мужчин с высоким/повышенным социальным рангом (не путать со статусом). По мнению исследователя, появление такой практики было обусловлено экстраординарными

жизненными обстоятельствами. Подобные обстоятельства вполне могли носить характер военных экспедиций, в результате которых не всегда своевременно удавалось предать тело воина земле [Литвиненко 2011, с. 26-30].

Известны такие погребения и в срубной культуре, но они уже встречаются гораздо реже. Реконструируя социальную структуру общества носителей срубной культуры, В.В. Цимиданов затрудняется сказать, был ли обряд вторичного погребения статусным либо же ранговым знаком. Но другие признаки, очевидно, указывают на социально неординарное положение погребенных по такому обряду людей. Именно по этой причине В.В. Цимиданов отклоняет предположение о стечении обстоятельств, не позволивших своевременно похоронить труп. Наоборот, тело, скорее всего, намеренно долго не зарывалось в землю. Служили ли останки объектом поклонения, сказать трудно [Цимиданов 2004, с. 61-62]. Недавние исследования кургана срубной культуры “Аэропорт” у г. Донецка дали новую информацию о дополнительных ритуально-магических действиях. Стало известно, что кости, лишенные мягких тканей, были раздроблены перед погребением. Так же отсутствовала верхняя и нижняя челюсти. Все же стоит отметить, что данный случай является уникальным [Усачук и др. 2010, с. 194]. Было ли это обезвреживание “опасного” покойника или какие-то иные магические действия – сказать трудно.

Как видим, исследователи по-разному интерпретируют подобные случаи. Сделав историографический обзор и проанализировав выводы выше упомянутых авторов, можно выделить три причины, которые могли заставлять древних людей прибегать к подобной погребальной практике: 1) религиозно-магические; 2) ситуативные; 3) социальные.

Источниковая база.

Наиболее сложным шагом является отбор и оценка источников. При написании данной работы был учтен опыт других исследователей, в первую очередь В.И. Мельника и В.О. Зайцевой.¹

Следуя за вышеупомянутыми авторами, под вторичными погребениями подразумеваются перезахоронение костей или частично разложившихся трупов. При этом кости либо были сложены компактной кучкой – “пакетом” (возможно, находились в мешке), либо имитировали традиционное положение тела вытянуто на спине. В ряде случаев крупные кости и позвонки были зафиксированы в естественном сочленении, что указывает на еще сохранившиеся органические связи.

В нашу выборку не попали так называемые “парциальные” погребения, т.е. те, в которых было обнаружено несколько костей, зуб, фаланга пальца и т.п. Подобные случаи являются свидетельствами погребальных традиций, имевших, скорее всего, иное по своей смысловой нагрузке значение. К тому же стоит учитывать степень сохранности костей.

Не принимаются в расчет те парные/коллективные погребения, в которых кости первого умершего были, вероятнее всего, сдвинуты к дальней стене катакомбы для подзахоронения второго по обряду ингумации. Напротив, когда “пакетированный” скелет лежал возле входа в камеру катакомбы, то этот случай предлагается считать комплексом, в котором один субъект все же был погребен по обряду вторичного погребения (синхронно или асинхронно с первым покойником – вопрос сложный). Примером могут быть погребения у с. Заможное, к. 12, п. 4 и у с. Виноградное, к. 13, п. 2 (рис. 5, 2) [Пустовалов 1999, с. 229, 237]. С.Ж. Пустовалов оценивает “расчлененных” погребенных в этих катакомбах как первичные, которые были сдвинуты вследствие дозахоронения второго покойника. Тем не менее, более очевидным кажется иной вариант. Кости, действительно, часто перемещались при дозахоронении, но они чаще сдвигались к дальней стенке камеры катакомбы. Такие манипуляции были, вероятно, обусловлены ограниченным пространством погребального сооружения и очень узким лазом в камеру. В приведенных случаях, наоборот,

¹ Выразим свою признательность Р.А. Литвиненко, неоднократно консультировавшему нас по данной проблеме.

“расчлененные” кости лежали в центре камеры, ближе к выходу, что может говорить о том, что они не были сдвинуты, а скорее представляли собой погребение костей, лишенных мягких тканей.

Проведя ревизию имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы, можем сказать, что на данный момент располагаем сведениями о 31 вторичном погребении из известных нам 884 погребений ИКК, что составляет примерно 3,5% от общего числа. Приведем их краткую характеристику (табл. 1).

Анализ источников и попытка их интерпретации.

Картографирование вторичных погребений показывает, что они встречались чаще в курганах верхнего и среднего течения Ингульца, на р. Молочной, в нижнем течении Самары; значительно реже – в Северо-Западном Причерноморье и Крыму (в северной его части) (рис. 1). Большая их часть происходит из курганов Днепро-Азовского региона.

Бросаться в глаза то обстоятельство, что, не смотря на сравнительную редкость вторичных захоронений, они могут встречаться в пределах одной курганной группы, и даже в одном кургане.

В 5 случаях это были основные погребения, для которых была возведена первичная насыпь. В целом наличие/отсутствие насыпи или досыпки удалось проследить для 16 комплексов: для 7 был возведен курган или осуществлена досыпка; 9 ее не имели.

Обратимся к особенностям размещения могил в подкурганном пространстве. Анализ планиграфии показывает, что чаще всего вторичные погребения были обнаружены под восточной частью курганной насыпи (рис. 2, 1). Как правило, катакомбы были направлены камерами к центру кургана. Стоит сказать, что это характерно для большинства известных нам ингульских захоронений различных регионов. Все же необходимо отметить и случаи отступления от обрядовых норм. Так, погребение 12 в к. 8 у с. Филатовка в Крыму было ориентировано камерой от центра насыпи, а сама катакомба сооружена в северо-западном секторе кургана, что также довольно редко практиковалось ингульскими племенами. В одном из комплексов в верховьях Ингульца – Головковка VII, к. 25, п. 7 – была исследована катакомба с необычайно широкой шахтой (рис. 5, 1). Этот признак выделяет данный комплекс из всех известных автору погребений ИКК. Примечательно, что дно шахты было окрашено охрой, а на дне была обнаружена необожженная посуда.

Все погребения можно разделить на индивидуальные, когда в камере катакомбы находились останки одного умершего, парные и групповые. Индивидуальные захоронения доминируют – 22 (71%). Можно говорить и о биритуализме, когда одному из погребенных была придана поза вытянуто на спине, а второй был уложен “пакетом”. Известен редкий случай погребения двоих “расчлененных” покойников – Филатовка к. 8, п. 12 (рис. 3, 2). Весьма интересно тройное погребение 8 из к. 19 у с. Виноградное, которое можно отнести к ярусным.

В большинстве случаев костям придавалось некоторое направление, благодаря чему представляется возможным говорить о попытке ориентировать погребенных по сторонам света (север – 3 случая; северо-восток – 1; восток – 3; юго-восток – 3; юг – 4; юго-запад – 1; запад – 6; северо-запад – 2). Преобладает ориентация на запад (рис. 2, 3).

Положение костей в ряде случаев позволяет предположить, что останки находились в мешках из кожи или ткани. Так, в погребении из Дубовой Могилы удалось зафиксировать тлен от кожаного мешка с завязками в области черепа [Ковалева и др. 2003, с. 82-83]. Учитывая плохую сохранность органических материалов, проследить остатки мешков из кожи или ткани крайне сложно. В данном случае стоит упомянуть в качестве аналогии один раннекатакомбный комплекс из Северо-Западного Приазовья, в котором кости одного из трех погребенных были погребены в мешке из грубых ниток (Константиновка, к. 2, п. 7) [Болтрик и др. 1991, с. 71].

Проанализировав качественные и количественные характеристики погребального инвентаря, можно сказать, что все вещи находят аналогии в других комплексах ИКК. 13 погребений

(42%) являются вовсе безинвентарными, не считая случаев моделировок глиняной массой лицевого отдела черепа.

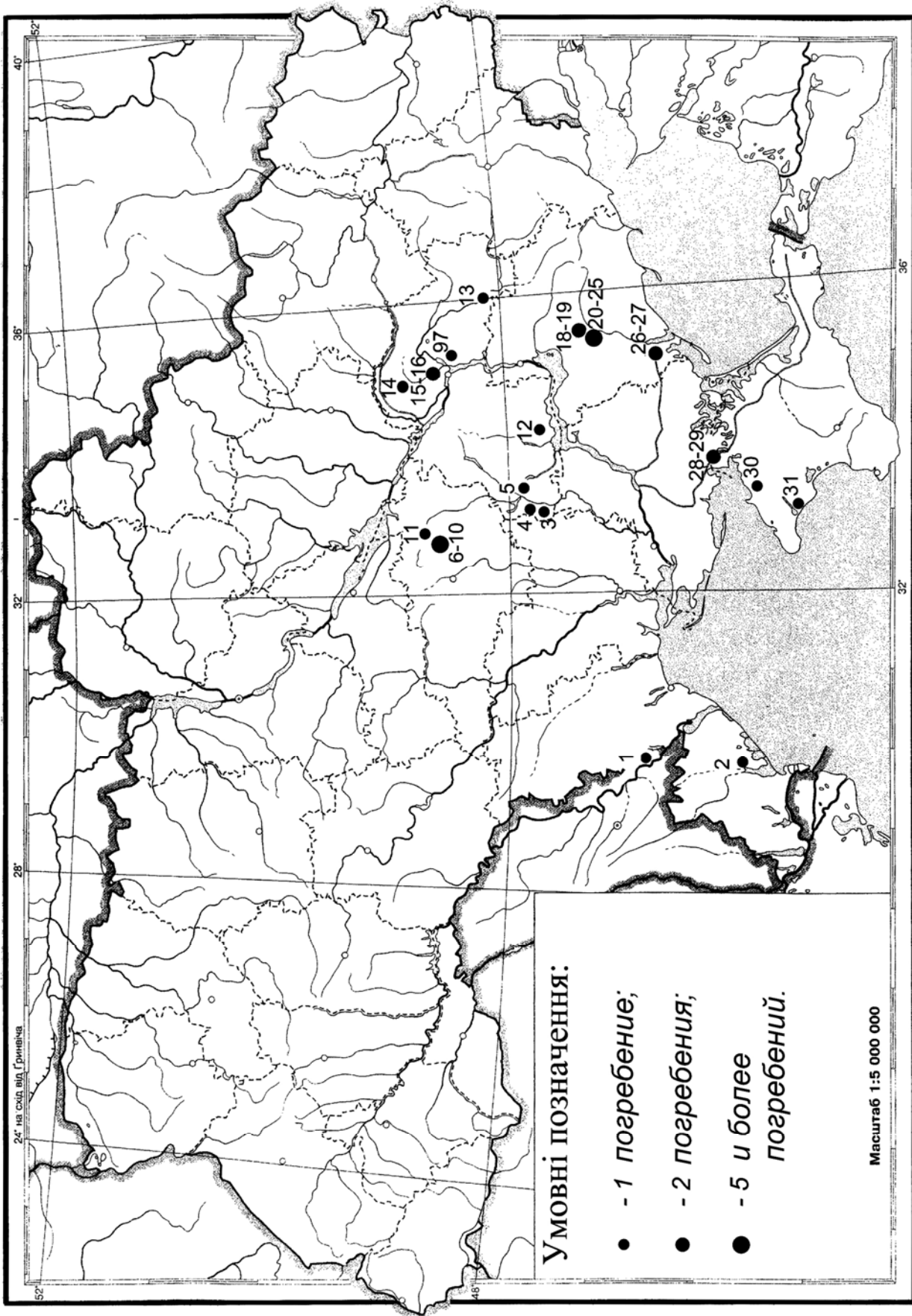

Рис. 1. Ареал вторичных погребений ингульской катакомбной культуры
Fig. 1. The area of secondary burials Ingul'skaya culture

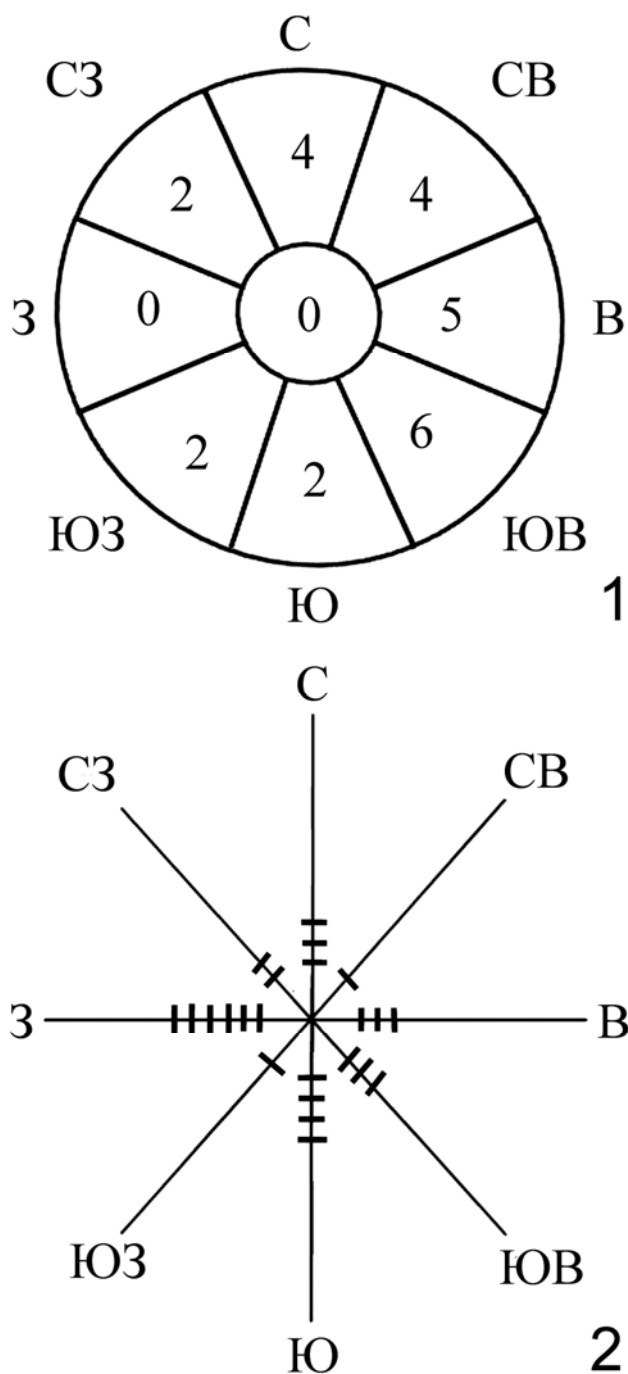

Рис. 2. Планиграфия могил и ориентация погребенных ингульской катакомбной культуры: 1 – закономерности размещения впускных катакомбных погребений в подкурганном пространстве; 2 – диаграмма ориентировок погребенных по сторонам света

Fig. 2. Accommodation graves and orientation buried Ingul catacomb culture: 1 – The patterns of intake catacomb burials in the burial mound; 2 – Chart bulletins buried on the parties of light

Все же обращает на себя внимание редкость глиняной посуды, которая была обнаружена в 6 комплексах (19%). Лишь в трех погребениях сосуды были обожжены (собственно керамическая посуда), а в остальных случаях, покойников сопровождали необожженные сосуды. Касаясь формы посуды, стоит отметить присутствие амфорок. Так, на дне шахты вышеупомянутого головковского погребения находились две необожженные амфорки, еще одна амфорка происходит из Верхней Маевки (к. гр. XVIII, к. 4, п. 12) и амфоровидный сосуд из Заможного (к. 12, п. 4). Деревянная посуда представлена чашами из 3 могил (10%).

4 погребения (13%) также сопровождалась изделиями из металла: шилья, нож, гвоздь, пластинка, а также изделиями из камня и кремня в виде растиральников, абразивов, отщепов кремня, наконечников стрел (погребения у с. Филатовка). Еще в двух могилах были обнаружены каменная булава и топор-молоток.

Уникальным остается погребение у с. Глинное (рис. 4, 1) [Разумов и др. 2013, с. 307]. Это единственный для ингульской культуры известный автору случай погребения целой туши коня. При этом стоит сказать, что кости животных крайне редко присутствуют в погребениях ИКК, в отличие от культур восточной половины катакомбной области.

Важной чертой погребального ритуала является использование охры. В различных регионах удельный вес катакомбных могил с охрой неодинаков. Во вторичных погребениях охра присутствовала в 25 случаях (83%) и окрашивала (порой довольно обильно) как кости, так и дно катакомбы в виде аморфных пятен, а в 4 случаях – в форме стоп. Также охра входила в состав массы, из которой изготавливались “маски” – моделировки лица по черепу (11 погребений, 10 из которых были обнаружены в Северо-Западном Приазовье и Крыму). Охрой были окрашены зубы коня из погребения у с. Глинное.

Интерпретация полученных результатов остается наиболее сложной задачей. Для того, чтобы перейти из археологической плоскости в историческую, необходимо учитывать, что

традиция вторичного захоронения известна в различных культурах различных периодов. Археологические данные говорят, что древнейшие проявления ритуала вторичного захоронения фиксируется в памятниках неолита Западной Сибири [Зайцева 2005а], а позднейшие, по этнографическим данным, приходится на 30-е гг. XX в. (один из способов погребения шаманов в Якутии) [Варавина 2008, с. 38].

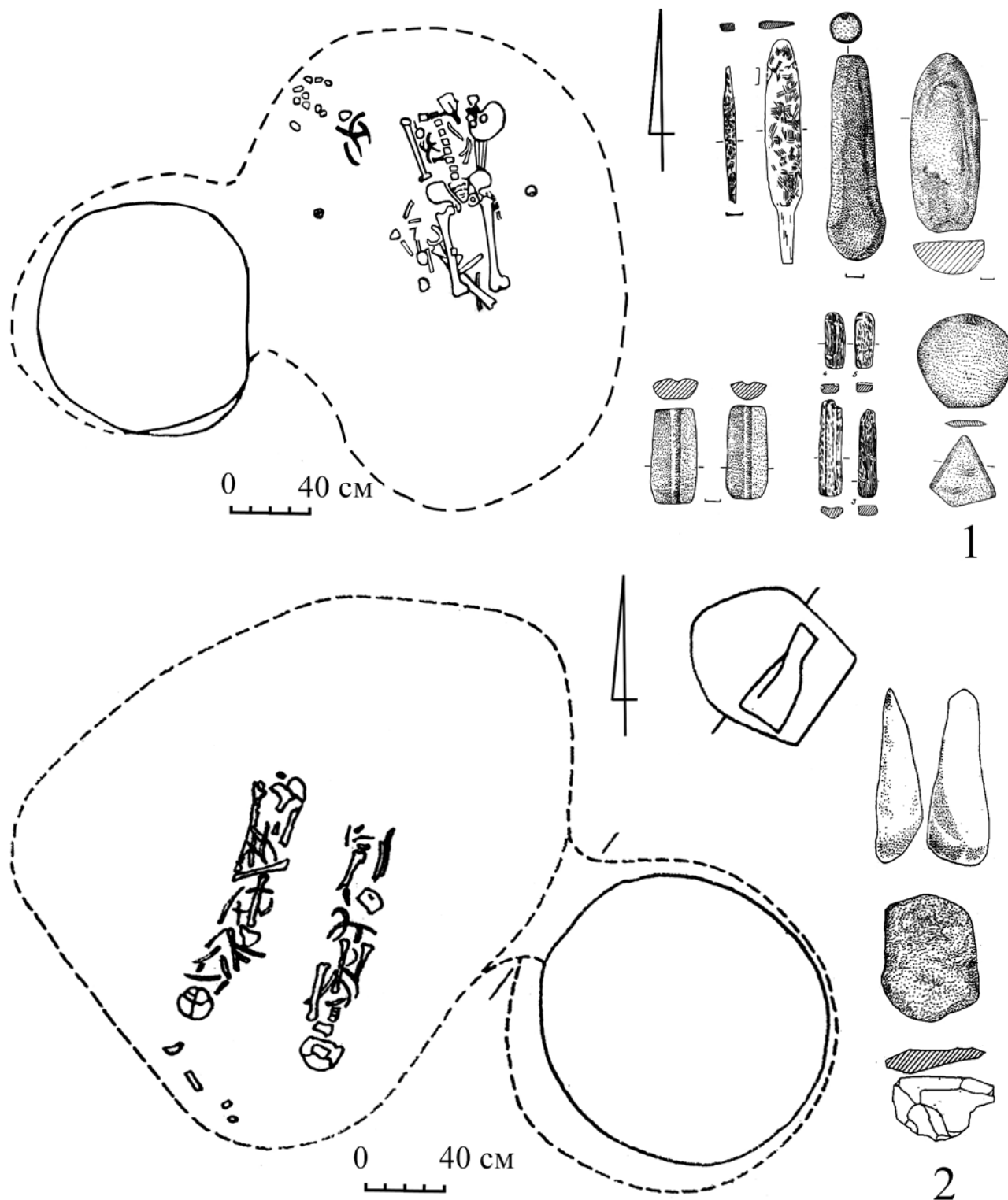

Рис. 3. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры: 1 – Филатовка 12/2; 2 – Филатовка 8/12
 Fig. 3. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Filatovka 12/2; 2 – Filatovka 8/12

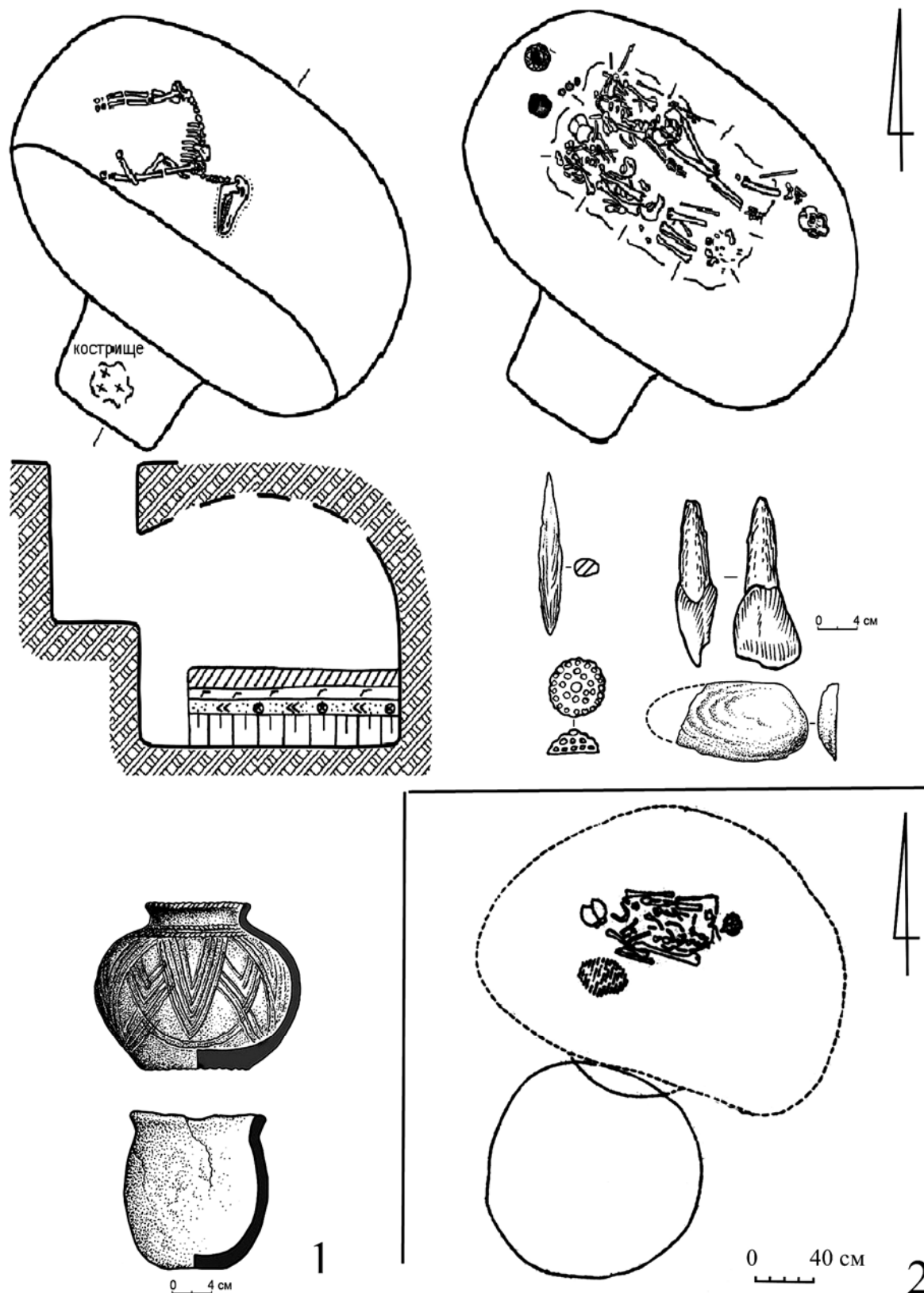

Рис. 4. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры: 1 – Глиное 1/43; 2 – Траповка 6/11
Fig. 4. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Glinoe 1/43; 2 – Траповка 6/11

Не менее широкими окажутся и территориальные рамки. Подобные комплексы встречаются и в Западной Европе (могильник Сант-Микаэль во Франции), так и на о. Окинава (Япония) [Roksandic 2002; Бакшиев, Смирнов 2010, с. 60]. Подобная практика в

разноэтничных культурах, существовавших в различных природно-климатических условиях, с различным укладом хозяйства, еще раз подтверждает тезис В.О. Зайцевой о том, что “за общим термином «вторичные погребения» в некоторых случаях могут скрываться семантически совершенно несопоставимые явления” [Зайцева 2005а].

Теперь обратимся к материалам курганных культур раннего металла степного Причерноморья. Наиболее древними погребениями со следами вторичного перезахоронения, на наш взгляд, пока можно считать могилы ямной культуры. Удельный вес таких комплексов, по подсчетам А.В. Николовой, не превышает 2% от общего числа известных ей могил Украинской Степи [по: Литвиненко 2011, с. 23].

Трудно согласиться с выводами С.С. Поповича и С.М. Агульникова о том, что вторичные погребения (авторы склонны интерпретировать их как погребения с признаками “демембрации”) являются узколокальными и концентрируются в основном в Днестро-Прутском междуречье [Попович 2010, с. 135; Агульников, Попович 2011, с. 342-343].

Ямные погребения “с расчленениями” хорошо известны и в других регионах, к примеру, в Поингулье (Привольное, к. 1, п. 27); Приднепровье (Васильевка I, к. 6, п. 5; Васильевка II, к. 2, п. 3; Харчевик, к. 1, п. 8); в Приазовье (Волонтеровка, к. 1, пп. 6, 9, 11) и в Крыму (Бабенково, к. 3, п. 15; к. 4, п. 7) [Шапошникова и др. 1980, с. 34; Ковалева и др. 1995, с. 26-29; Либеров 1952, с. 77; Константиnescу 1988, с. 102; Щепинский, Черепанова 1969, с. 103, 110]. Снова бросается в глаза то обстоятельство, что вторичные погребения, несмотря на свою малочисленность, встречаются в пределах одного кургана/курганной группы.

Традиция вторичного захоронения бытовала и в среде носителей раннекатакомбной культуры Азово-Черноморских степей (Харчевик, к. 1, п. 7, п. 9; Константиновка, к. 2, п. 3; Огородное, к. 3, п. 3) [Либеров 1952, с. 79; Болтрик и др. 1991, с. 70; Посредников, Зарайская 1993, с. 141].

Подобный способ погребения известен и в материалах других катакомбных культур, которые можно считать синхронными с определенным этапом существования ингульских древностей. Примером вторичных погребений донецкой катакомбной культуры могут быть впущенное в естественное холм п. 3 у с. Черкасское на Северском Донце [Кузин-Лосев 2005, с. 163], а также уникальный комплекс, открытый возле г. Артемовска – к. 2, п. 1, в котором были похоронены по обряду вторичного погребения сразу девять субъектов [Кравец, Татаринов 1997, с. 77-115].

Практиковался обряд перезахоронения останков и носителями среднедонской культуры (могильник Жетухин, к. 6, п. 4) [Кияшко, Хабарова 2007, с. 22]. Известны подобные комплексы в позднекатакомбных памятниках манычского круга (могильник на левом берегу Маныча – Москва I к. 1, пп. 12 и 13) [Потапов 2007, с. 122-123] и памятниках бахмутского типа (Ивано-Дарьевка на Донеччине, к. 3, п. 3) [Кравец и др. 1990, с. 74]. Эти примеры не единичны.

Можно сказать, что обряд вторичного погребения у “ингульцев” не возникает спонтанно. Вероятно, эта традиция в степях Северного Причерноморья, появилась в среде скотоводов ямной культуры, а позднее практиковалась и племенами, населявшими катакомбную культурно-историческую область.

С исчезновением катакомбных культур, в т.ч. и ингульской, традиция вторичного захоронения не исчезает. Свое яркое проявление она находит в погребальном обряде культурного круга Бабино, а именно в Днепро-Донской бабинской культуре [Литвиненко 2011]. В срубных погребениях следы вторичных погребений встречаются, но уже значительно реже, чем в эпоху средней бронзы.

Объяснять снижение удельного веса вторичных погребений в эпоху поздней бронзы какими-то изменениями в религиозно-культурной сфере, на наш взгляд, не представляется пока возможным. Скорее всего, это объясняется прагматичными обстоятельствами. Если, племена ямной и катакомбных культур степей Северного Причерноморья и Приазовья вели довольно подвижный способ жизни (поселения и даже кратковременные стоянки

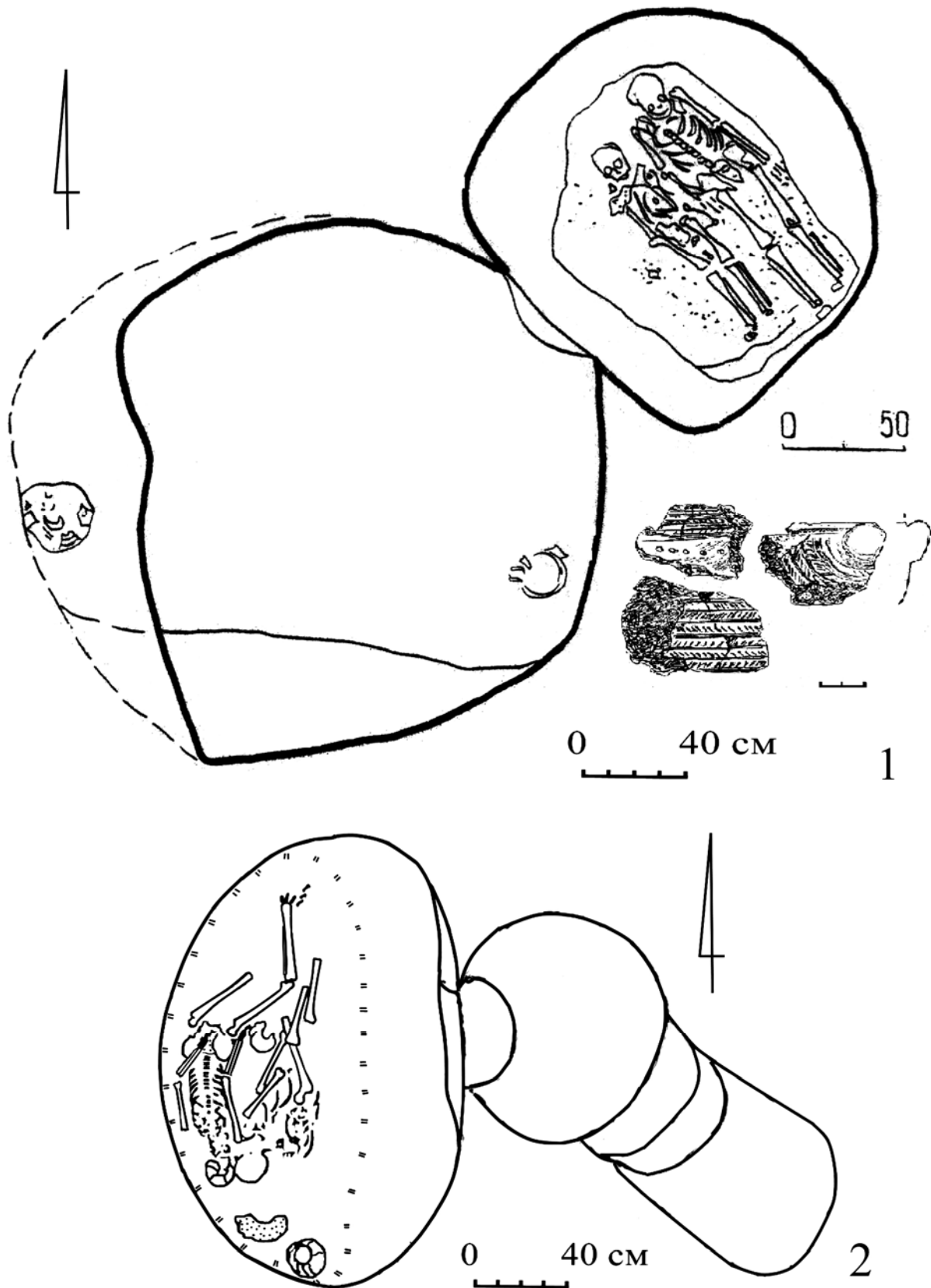

Рис. 5. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры:
1 – Головкивка VII 25/7; 2 – Заможное 12/4

Fig. 5. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Holovkivka VII 25/7; 2 – Zamozhne 12/4

встречаются крайне редко), то период поздней бронзы характеризуется оседлым способом жизни. Средний этап бронзового века – время частых военных конфликтов, о чем свидетельствуют многочисленные погребения с оружием, которое встречается чаще всего именно в катакомбных погребениях.² Скот, являвшийся мерилем богатства, мог становиться главным объектом и военных экспедиций.

Вооруженные конфликты либо заканчивались гибелью пастухов, выпасавших скот в отдалении от мест обитания основной части населения, либо провалом набега и боевыми потерями. А поскольку поиск погибших, их транспортировка, устройство могильного сооружения и другие ритуально-магические действия требовали определенного времени, то становится понятным, что в ряде случаев погребались останки в виде полуразложившихся трупов или вовсе голых костей, помещенных в мешок. Это был просто удобный способ транспортировки костей умершего соплеменника и изоляции трупной скверны. Логично и то, что хоронили павших не так далеко друг от друга – в пределах одной курганной группы или даже одного кургана.

В эпоху поздней бронзы происходят значительные изменения в хозяйственно-экономической сфере, меняется характер межплеменных и межкультурных взаимоотношений. Степное население переходит к мирному оседлому образу жизни с присущим ему придомным скотоводством. Оружие встречается крайне редко в погребениях этой поры (сабашиновская и срубная культуры), что свидетельствует о наступлении некоторого “затишья”. Именно в это время практически исчезает и обряд вторичного погребения.

Выводы. Исследователи культур степной бронзы неоднократно обращали внимание на могилы, в которых останки людей находились в расчлененном виде. Речь идет о так называемых “вторичных погребениях”, когда в могилу помещались либо одни кости погребенного, либо тела, находящиеся на разных стадиях процесса разложения. При этом костные останки либо выкладывались в псевдоанатомическом порядке, имитируя традиционную позу, либо были сложены компактной кучкой (“пакетом”).

Яркое проявление этого ритуала иллюстрируют материалы ИКК. Удельный вес таких комплексов невелик – всего 3,5% от общей массы известных нам ингульских катакомб. Проанализировав погребальный обряд, качественные и количественные характеристики сопутствующих вещей, можно сказать, что большинство вторичных погребений ИКК отличаются неординарностью и отклонениями от стандартных обрядовых норм.

Наиболее трудной задачей остается интерпретация этих комплексов. Причины, которые могли заставлять людей прибегать к подобной погребальной практике, могли быть разные и носить религиозно-магический, ситуативный или социальный характер. Мы склонны считать, что помещение в могилу “расчлененных” скелетов является результатом погребения лиц, умерших вдали, во время выпаса скота или военного похода. Если не удавалось своевременно предать тело земле, хоронили кости или не до конца разложившиеся тела, упакованные в мешок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М. Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья / С.М. Агульников, С.С. Попович // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной

² В погребениях позднего бронзового века удельный вес комплексов с оружием заметно сокращается. О вооруженных конфликтах ингульских племен на чужой территории могут свидетельствовать случайные находки разбитых орнаментированных топоров на Луганщине (занятой восточнокатакомбными племенами), погребения с оружием на самой периферии ареала ИКК, трофейный (?) ингульский топор в восточнокатакомбном погребении Залиман II, к. 1, п. 1 на Северскодонетчине [Берестнев 2001, с. 37, рис. 44, 2].

зоны Восточной Европы (сборник научных статей и мемориальных работ посвященных памяти луганских археологов). – Луганск: Глобус, 2011. – С. 323-344.

Бакшеев Е.С. Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность / Е.С. Бакшеев, Ю.А. Смирнов // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 60-76.

Берестнев С.И. Восточноукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков, 2001. – 264 с.

Бессонова С.С. Курганы у с. Филатовка / С.С. Бессонова, Л.А. Черных, С.А. Куприй // Курганы степного Крыма. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 41-68.

Болтрик Ю.В. О позднем чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной / Ю.В. Болтрик, В.Н. Левченко, Е.Е. Фиалко // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991. – С. 57-84.

Васильев Ю.М. Деструкция органических веществ при двухактных погребениях / Ю.М. Васильев // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 31-42.

Варавина Г.Н. Погребения шаманов у эвенов Якутии (кон. XIX – нач. XX в.) / Г.Н. Варавина // Aus Sibirien – 2008. – Тюмень: РИФ, 2008. – С. 35-38.

Зайцева О.В. Тафономические индикаторы вторичности погребения / О.В. Зайцева, Д.И. Ражев // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда: тез. докл. всерос. науч. конф. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 9-11.

Зайцева О.В. Практический опыт диагностики вторичности погребения: погребение 3 кургана 17 могильника Шайтан II / О.В. Зайцева // История Сибири и Дальнего Востока. – 2005а. – Вып. 1 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/conf/data/doc/ov_zaiцева.doc

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 – “Археология” / Ин-т археол. и этнограф. РАН. – Новосибирск, 2005б. – 28 с.

Кияшко А.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог / А.В. Кияшко, Н.В. Хабарова. – Волгоград: Понорама, 2007. – 118 с.

Колтухов С.Г. Курганные древности Крыма / С.Г. Колтухов, Г.Н. Тощев. – Вып. II. – Запорожье, 1998. – 194 с.

Колотухин В.А. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-86 гг. Сакский р-н Крымской области) / В.А. Колотухин, Г.Н. Тощев. – Запорожье: Изд-во ЗГУ, 2000. – Вып. III. – 245 с.

Кравец Д.П. Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе / Д.П. Кравец, В.А. Посредников, Р.А. Литвиненко. – Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1991. – 100 с.

Кравец Д.П. Новые катакомбные памятники Бахмутского края / Д.П. Кравец, С.И. Татаринцов // ДАС. – № 7. – Донецк, 1997. – С. 77-115.

Ковалева И.Ф. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маёвка в степном междуречье рек Орели и Самары / И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачева, В.А. Попцов // Курганные древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1972. – С. 8-113.

Ковалева И.Ф. Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье / И.Ф. Ковалева, З.П. Марина // Курганы Степного Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. – С. 4-17.

Ковалева И.Ф. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье / И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, В.Н. Шалобудов // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995. – С. 4-35.

Ковалева И.Ф. Курганы энеолита-бронзы в криворожском течении Ингульца / И.Ф. Ковалева, З.П. Марина, В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко, В.Н. Шалобудов, В.А. Векленко. – Днепропетровск: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2003. – 131 с.

Константинеску Л.Ф. Новые материалы позднемного времени Северо-Восточного Приазовья / Л.Ф. Константинеску // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – К.: Наук. думка, 1988. – С. 92-107.

Кубишев А.І. Модельовані черепи інгульської культури з пониззя р. Молочної / А.І. Кубишев, С.Ж. Пустовалов // Наукові записки. Теорія та історія культури. – К.: Києво-Могилянська академія, 2002. – Т. 20-21. – С. 53-66.

Кульбака В. Індоевропейські племена України епохи палеометалу / В. Кульбака, В. Качур. – Маріуполь: Рената, 2000. – 80 с.

- Кузин-Лосев В.И.** Могильник эпохи палеометалла / В.И. Кузин-Лосев // АА. – № 17: Колесник А.В., Весельский А.П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца. – Донецк, 2005. – С. 158-166.
- Либеров П.Д.** Курганы у хутора Харчевик / П.Д. Либеров // КСИИМК. – 1952. – № XLV. – С. 74-82.
- Литвиненко Р.О.** Обряд вторичного похоронения в культурах бабинского кола / Р.О. Литвиненко // ДАЗ. – № 15. – Донецк, 2011. – С. 7-35.
- Марина З.П.** Курганы эпохи бронзы у села Павловка / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988. – С. 5-20.
- Мельник В.И.** Особые виды погребений катакомбной общности / В.И. Мельник. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
- Мельник О.О.** Охоронні розкопки Криворізького музею в 2008-2009 рр. / О.О. Мельник // АДУ 2009 р. — К.: Вид-во ІА НАНУ, 2010. – С. 286-289.
- Осипова Т.В.** Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Т.В. Осипова. – Пенза, 2006.
- Отрощенко В.В.** Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности / В.В. Отрощенко, С.Ж. Пустовалов // Духовная культура древних обществ. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 59-84.
- Полин С.В.** Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Успенка и Головковка) / С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, А.В. Николова. – К., 1992. – 47 с.
- Полин С.В.** Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Головковка, Звенигородка, Протопоповка) / С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, А.В. Николова. – Кировоград, 1994. – Вып. 3. – 95 с.
- Полин С.** Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина) в 2007 г. (предварительное сообщение) / С. Полин, Л. Черных, М. Дараган, С. Разумов // Revista arheologică. Serie nouă. – Vol. IV. – N. 1. – 2008. – P. 135-145.
- Попович С.С.** Погребение ямной культуры с обрядом демембрации в кургане 3 у с. Талмаза / С.С. Попович // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М.: МГОУ, 2010. – С. 132-135.
- Посредников В.А.** Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) / В.А. Посредников, Н.П. Зарайская // ДАС. – № 4. – Донецк, 1993. – С. 82-178.
- Потапов В.В.** Курганы Западного Маныча / В.В. Потапов // Археологические записки. – Ростов н/Д, 2007. – Вып. 5. – С. 115-143.
- Пустовалов С.Ж.** Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры / С.Ж. Пустовалов // Stratum plus. – СПб., Кишинев, Одесса, 1999. – № 2. – С. 222-255.
- Разумов С.Н.** Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра / С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2013. – № 2. – С. 297-340.
- Рассамакин Ю.Я.** О погребениях предкатакомбного времени в Северо-Западном Приазовье / Ю.Я. Рассамакин // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: ИА НАН УССР, 1991. – С. 42-56.
- Субботин Л.В.** Археологические древности Буджака (Курганы восточного побережья озера Сасык) / Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский. – Одесса, 1995. – 134 с.
- Усачук А.Н.** Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка / А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 13/14. – Донецк, 2010. – С. 185-202.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Шапошникова О.Г.** Курганный комплекс у с. Привольное / О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, В.Н. Корпусова // Археологические памятники Поингульи. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 17-70.
- Шилов Ю.А.** Прародина ариев: История, обряды и мифы / Ю.А. Шилов. – К.: СИНТО, 1995. – 744 с.
- Щепинский А.А.** Северное Приазовье в V-I тысячелетиях до нашей эры / А.А. Щепинский, Е.Н. Черепанова. – Симферополь: Крым, 1969. – 328 с.
- Venbrux E.** Robert Herz's seminal essay and mortuary rites in the Pacific region / E. Venbrux // Journal de la Société des Océanistes. – 2007-1. – 124. – P. 5-10.
- Roksandic M.** Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior / M. Roksandic // Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives. – Chemical Rubber Company Press, 2002. – P. 100-117.
- Schroeder S.** Secondary disposal of the dead: cross-cultural codes / S. Schroeder // World cultures. 2001. – № 12 (1). – P. 77-93.

Таблица 1. Основные характеристики вторичных погребений ингумальной катакомбной культуры

№	Пункт	Стратиграф. положение	Сектор в кургане	Размеры (м):		Полож. останков	Ориентация	Присутствие охры	Потреб. ложе	Модет. лица по черепу	Инвентарь, кости жив.	Источник
				шахта	камера							
1	Глинное, 1/43	Вп.	ЮЗ	0,65×1,1 5	3,25×2,05	Имитация позы	СЗ	+	+	-	два сосуда, бр. шильце. Скелет лошади	Разумов и др. 2013, с. 307.
2	Траповка, 6/11	Вп.	ЮЗ	1,4	2,5×1,7	“пакетом”	-	+	+	-	-	Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995, с. 42.
3	Зелен. Гай, 1/7	Вп.	Ю	1,5	2,05×1,6	Имитация позы	З	-	+	-	Сосуд	Ковалева и др. 2003, с. 83.
4	Дубова Могила, 1/3	Вп.	СЗ	1	2×1,4	Имитация позы	В	-	+	-	Колесо, дер. чаша, кремн. пластинка и отщеп	Ковалева и др. 2003, с. 11.
5	Кривой Рог, 1/10	Вп.	СЗ	0,63	2,68×1,84	Имитация позы	В	-	+	-	каменный “алтарики”	Мельник 2009, с. 287
6	Головковка I, 3/4	Вп.	ЮВ	1×0,75	2,15×1,6	Имитация позы	З	+	+	-	Сосуд, топор	Полин и др. 1992, с. 35.
7	Головковка V, 6/10	Вп.	ЮВ	?	1,7×1,3	Имитация позы	ЮЗ	+	+	-	Дерев. чаша	Полин и др. 1994, с. 42.
8	Головковка, VII, 25/3	Вп.	ЮВ	?	0,8×0,6	Имитация позы	Ю	+	+	-	-	Полин и др. 1994, с. 53.
9	Головковка, VII, 25/7	Вп.	ЮВ	3×2,4	2,2×2	Имитация позы	СЗ	+	+	+	Два сосуда, бронз. гвоздик и пластика	Полин и др. 1994, с. 12.

10	Головковка VIII, 26/6	Вп.	В	?	2,15×1,1	Имитация позы	Ю	+	-	-	Полин и др. 1994, с. 59.
11	Звенигородка, 10/2	Вп.	СВ	?	1,75×1,25	Имитация позы	ЮВ	+	+	Зуб животного, дерев. прутик	Полин и др. 1994, с. 33.
12	Павловка, 1/10	Вп.	ЮВ	0,9	1,55×0,9	Имитация позы	З	+	+	-	Марина, Ромашко, Фещенко 1988, с. 8
13	Старая Катериновка, 31/2	Вп.	Ю	1,1	2,6×1,5	Имитация позы	З	+	-	-	Полин и др. 2007, с. 138.
14	Игнатовка, 2/7	Вп.	СВ	1,9×1,25	2,1×1,6	Имитация позы	СВ	+	-	-	Марина, Морковина, Фещенко 1984, с. 14
15	В. Маевка XIV, 1/4	Вп.	ЮВ	1,05	2,2×1,6	“пакетом”	-	+	-	Гранитный диск	Ковалева и др. 1972, с. 33
16	В. Маевка XVIII, 4/12	Вп.	Вп.	0,7	2,22×1,4	Имитация позы	С	-	-	Сосуд	Ковалева и др. 1972, с. 111.
17	Соколово, VI, 2/1	Вп.	В	1,2×1,1	2,2×1,8	Имитация позы	-	-	-	-	Ковалева, Марина 1980, с. 17.
18	Заможное, 6/2	Вп.	В	?	1,99×1,1	Имитация позы	ЮВ	+	+	-	Отрошенко, Пустовал. 1991, с. 68.
19	Заможное, 12/4	Осн.	-	1,3×1,1	2,35×1,65	Имитация позы	С	+	+	Сосуд	Пустовалов 1999, с. 229.
20	Виноградное, 3/18	Вп.	СВ	?	1,8×1,3	“пакетом”	-	+	+	-	Пустовалов 1999, с. 241.
21	Виноградное, 12/1	Осн.	-	1,1×1	2,5×2,1	Имитация позы	З	+	+	Колесо, посох (?)	Пустовалов 1999, с. 237.
22	Виноградное, 13/2	Осн.	-	1,1×1,05	2,45×1,9	Имитация позы	З	+	+	Бронз. шильце, кож. коврик	Пустовалов 1999, с. 237.
23	Виноградное, 19/8	Вп.	СВ	?	1,95×1,33	“пакетом”	В	+	-	Сосуд, кремн. наконеч. стрел	Рассамакин 1991, с. 52.

24	Виноградное, 23/6	Вп.	Ю	?	1,55×1,05	“пакетом”	ЮВ	-	-	+	-	Пустовалов 1999, с. 236.
25	Виноградное, 34/12	Вп.	С	?	2,1×1,4	Имитация позы	Ю	+	+	+	-	Пустовалов 1999, с. 234.
26	Волчанск, 2/3	Вп.	С	?	1,75×1,15	Имитация позы	Ю	+	+	+	-	Кубишев, Пустовал. 2002, с. 55.
27	Волчанск, 5/9	Вп.	С	0,63×0,5 2	2,15×1,47	Имитация позы	-	+	+	+	-	Кубишев, Пустовал. 2002, с. 58.
28	Филатовка, 8/12	Вп.	С	1,2	2,2×1,75	“пакетом”	С	+	-	+	Лопатка животного, камен. брусок, ракушка, 2 кремн. отщеп	Бессонова, Черных, Куприй 1984, с. 52.
29	Филатовка, 12/2	Осн.	-	1,25	2,4×1,7	Имитация позы	-	+	-	+	Булава, бронз. нож, бр. шило, камен. выпрям. стрел, пест, плитка, два точильных камня, кремн. желваки, отщепы, ракушки	Бессонова, Черных, Куприй 1984, с. 65.
30	Славное, 1/8	Вп.	В	1,1	2,4×2	“пакетом”	-	+	-	+	-	Колтухов, Тошев 1998, с. 103.
31	Крыловка, 12/4	Вп.	В	1,2×1,1	2,58×1,65	“пакетом”	-	-	-	-	Рог	Колотухин, Тошев 2000, с. 158.

Грищук О.М.

АСТРАГАЛИ ЯК ЕЛЕМЕНТ ПОХОВАЛЬНОГО ОБРЯДУ НАСЕЛЕННЯ ДНІПРО-ДОНСЬКОЇ БАБИНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Реферат: Статтю присвячено дослідженню практики використання астрагалів у поховальному обряді населення дніпро-донської бабинської культури (ДДБК) доби фіналу середньої бронзи. Астрагали (альчики, бабки), які знаходять на похованнях разом з небіжчиком – це окрема категорія поховального інвентарю, що заслуговує на особливу увагу та є окремою темою для ґрунтового дослідження на рівні з іншим реманентом. Актуальність запропонованої теми пов'язана з постійним зростанням зацікавленості у вивченні релігійних уявлень прадавніх народів, а як окремої теми – й можливих міжкультурних запозичень на рівні не лише матеріальної, а й духовної культури. Мета статті – проаналізувати існуючі археологічні, етнографічні та інші види джерел для створення загальної картини поширення астрагалів у похованнях ДДБК та подальшої розробки варіантів інтерпретації використання їх у поховальному обряді. Для досягнення поставленої мети було виконано наступні завдання: розглянуто поховання, в яких серед іншого реманенту трапляються астрагали; продемонстровано наявність у похованнях людей різних статевовікових груп наборів астрагалів з можливими відмінностями за призначенням, в залежності від їх використання; проаналізовано наявність згадок про маніпуляції з астрагалами за відомими етнографічними джерелами; запропоновано варіант історично-культурної інтерпретації археологічних свідочств крізь призму початкових релігійних уявлень та елементів ритуального життя населення зазначеного регіону. Внаслідок дослідження виявлено залежність наявності окремої кількості астрагалів у похованні відповідно до віку померлого. Основними напрямками використання цієї категорії реманенту, за думкою автора статті, є гра та ворожіння.

Ключові слова: фінальний етап середньої бронзи, дніпро-донська бабинська культура, астрагали, поховальний обряд, ритуальні маніпуляції.

Summary: The article presents the research of the use of astragals in a funeral rite of the population of the Dnepr-Don Babyne culture (DDBC) at the time of the end of the Middle Bronze Age. Astragals (fingers, dragonflies) which are found in burials with the dead is a separate category of burial implements which deserves special attention and is a separate subject for a thorough research as well other remnants. The topicality of the subject under consideration is connected with the continuous growth of interest in studying religious ideas of ancient people as a separate subject and also as possible cross-cultural borrowings at the level of not only material but also spiritual culture. The purpose of the article is to analyze existing archaeological, ethnographic and other types of sources to create an overall picture of astragals distribution in burials of DDBC and further investigation of options of interpretation of their use in a funeral rite. To achieve the aim the following tasks have been carried out: burials which among other inventory contain astragals have been examined; the occurrence of astragals sets with possible differences of destination depending on their use in burials of people of different sexual and century groups has been shown; the existence of mentions of manipulations with astragals according to the known ethnographic sources has been analyzed; there has been offered an option of historical and cultural interpretation of archaeological evidences in the light of initial religious ideas and elements of ritual life of the population of the region under consideration. As a result of the research it has been discovered that occurrence of a certain quantity of astragals in a burial depends on the age of the dead. On the opinion of the author of the article the main directions of use of the inventory of this category are game and fortune-telling.

Keywords: the final period of the Middle Bronze Age, the Dnepr-Don Babyne culture, astragals, funeral ceremony, ritual manipulations.

Історія дослідження бабинської археологічної культури починається ще в ХІХ ст. За цей значний проміжок часу у багатьох напрямках її дослідження було зроблено чимало вагомих відкриттів, які поступово змінювали уявлення науковців про можливу долю її населення. Окремим полем для дослідження наразі виступає також духовне життя цієї спільноти, а саме поховальна обрядовість, як важливий елемент для розуміння початкових релігійних уявлень місцевого населення. Не є великою таємницею, що важливим аспектом у

вивченні цього питання виступає поховальний реманент, за наявності якого і в залежності від його складових, наявних у могилі разом з небіжчиком, висувуються різноманітні гіпотези щодо його обрядового призначення, як в цьому житті, так і за його межами – у потойбіччі, серед духів та, можливо, надприродних істот. Саме в такому контексті цікавим і необхідним стає більш глибоке та детальне вивчення однієї з його складових, а саме астрагалів (таранних кісток копитних, які мають різні варіанти назви, наприклад, альчики та бабки), що трапляються у похованнях та, на думку багатьох фахівців, мають власне ритуальне призначення та змістовне навантаження. Саме продовження вивчення цього напрямку стосовно до бабинських пам'яток Дніпро-Донського регіону та загальної проблеми дослідження астрагалів у курганних культурах доби бронзи є метою запропонованого дослідження. Не викликає сумнівів, що шукати культурні паралелі, а отже й можливі витoki релігійних уявлень для людності ДДБК, необхідно не лише в колі археологічних культур, що оточують її географічно та наближені за часом, а й серед тих, що розглядаються в якості можливих осередків її культурогенези. Тому вагомим аспектом у цьому напрямку залишається вивчення не лише археологічних, а й етнографічних джерел. Зважаючи на це, важливим для подальшого дослідження є розуміння існуючих концепцій походження бабинців.

Протягом 60-70-х рр. ХХ ст. у радянській історіографії поступово оформлюється перша концепція походження бабинської культури. Її автором став С.Н. Братченко. На його думку, поступовий процес формування цього культурного кола відбувався на ґрунті взаємопроникнення степових і лісостепових елементів місцевої катакомбної культури на тлі загальноєвропейської зміни світу культур шнурової кераміки, що стало поштовхом для формування культури нового типу (в подальшому її відносять до посткатакомбної та постшнурової). З часом у нього з'являється також ідея щодо відродження у бабинському поховальному обряді елементів традицій носіїв пізнього етапу ямної культури [Братченко 1971, с. 342-343; 1976, с. 118; 1977; 1985, с. 458]. С.С. Березанською було висунуто концепцію, згідно якої бабинська культура виступає як місцева, а чотири її локальні варіанти відрізняються залежно від підґрунтя, на якому вони формувалися. Важливим елементом в цьому процесі виступають зовнішні імпульси (міграційні хвилі) [Березанская 1986, с. 41-42]. Сутність ще однієї концепції, яку було висунуто В.В. Отрощенко, полягає у просуванні на захід загонів вояків-колісничих синташтинської культури, що спричинило витискання населення середньодонської катакомбної культури й започаткувало процес її трансформації на бабинську [Отрощенко 2002, с. 14]. Не втрачає свого значення й гіпотеза І.Т. Чернякова, який вбачав осередок бабинської культурогенези в Балкано-Дунайському регіоні [Черняков 2001, с. 153]. Найбільш цілісну концепцію бабинської культурогенези запропонував Р.О. Литвиненко, на думку якого утворення бабинського культурного кола відбувалося під впливом одразу двох осередків культурогенези – Кавказького та Карпато-Дунайського, а первинним вогнищем формування цієї спільноти є саме регіон поширення ДДБК [Литвиненко 2009, с. 61; 2009а, с. 28]. Нещодавно ця точка зору знайшла підтвердження на рівні антропологічних даних. Російський антрополог О.О. Казарницький оприлюднив результати дослідження краніології населення бабинської культури. На основі зіставлення краніологічних серій культур середньої та пізньої бронзи Східної Європи він зробив висновок, що “популяція носіїв бабинської археологічної культури формувалась на базі населення східних шнурокерамічних культур за участі колективів, походження яких було пов'язане з територіями Північного Кавказу та Закавказзя” (переклад мій – О.Г.) [Казарницький 2013, с. 76].

Проблема дослідження та інтерпретації поховань з астрагалами вже неодноразово порушувалася в науковій літературі. Р.О. Литвиненко розглядає наявність астрагалів у похованнях ДДБК як місцеву традицію, витoki якої необхідно розшукувати в середовищі катакомбних культур Надчорномор'я [Литвиненко 2005, с. 84]. В.В. Циміданов у своїх працях, присвячених астрагалам у похованнях степових культур Східної Європи доби пізньої

бронзи та раннього заліза, доходить висновку, щодо існування традицій, пов'язаних з цією категорією поховального приданого [Цимиданов 1997; 2001; 2004, с. 53-54, 77-78]. По-перше, він вказує на своєрідну надкультурність цього феномену, по-друге, пов'язує факт наявності астрагалів саме з ритуальними діями, а похованих з ними – до релігійної сфери життя [Цимиданов 2001, с. 236]. Проблема наявності альчиків і гральних наборів у похованнях доби бронзи порушується у працях І.Ф. Ковальнової [Ковалева 1990], С.М. Санжарова [Санжаров 1988], М.О. Стрельник, С.А. Сорокіної, М.А. Хомчика [Стрельник та ін. 2009; 2010], В.Б. Панковського [Панковський 2012, с. 84-89] тощо.

Астрагали, хоча й виступають одним з яскравих елементів поховального реманенту степових культур доби бронзи Східної Європи, трапляються далеко не у всіх похованнях. За останніми даними, у ДДБК астрагалами супроводжується приблизно 4,4% захоронень [Литвиненко 2005, с. 75]. Якоїсь залежності між особливостями курганного будівництва, розташування могили в кургані та її архітектури виявлено не було. Астрагали траплялися як у ґрунтових ямах, дерев'яних рамах, кам'яних скринях, так і в курганних насипах. Серед досліджених матеріалів здебільшого було знайдено кістки вівці, на другому місці – кози, а найрідкіснішими є залишки свині та сайгака. Кількість астрагалів у похованні може сягати від 1 до 150 штук. У дорослих небіжчиків найбільша кількість знайдених таранних кісток складала 7 (чоловіче поховання) та 32 (жіноче). Частіш за все в могилі дорослої людини знаходився лише один астрагал. У похованнях підлітків було знайдено по одному випадку – 1, 6, 18, 50, 115 та 138 астрагалів [Литвиненко 2005, с. 75-77]. Найбільшу кількість астрагалів було відкрито в дитячому похованні 1 кургану 4 Макіївського могильника – 150 одиниць [Гершкович, Шепель 1987, с. 66]. У дитячих похованнях знаходилося по 1, 3, 6, 11, 12, 15, 35, 36, 76, та 100 астрагалів [Литвиненко 2005, с. 77]. Наявність у похованні одного астрагалу є статистично найчастішою, відома у всіх вікових і статевих групах, хоча найбільше – у дорослих чоловіків. Випадки знахідок великих наборів астрагалів є поодинокими та притаманними для захоронень дітей та підлітків. Обробка астрагалів для носіїв ДДБК не була характерною. Серед відомих матеріалів лише в одному випадку частина астрагалів мала сточені грані та нарізки [Татаринів и др. 2003, с. 23]. В інших випадках ніяка обробка таранних кісток не проводилася.

Для ДДБК характерним є розміщення астрагалів всередині могили поряд із тілом небіжчика. Якоїсь сталої системи в цьому не простежено. Астрагали локалізуються в різних місцях: навколо голови, попереду на рівні грудей (так звана зона маніпулювання) [Панковський 2012, с. 84], навпроти живота (зона носіння) [Панковський 2012, с. 84] та колін, в ногах, за спиною, за шиєю, за тазом. У переважній більшості випадків астрагали були згруповані позаду та попереду померлого; у випадках великої кількості покладених таранних кісток, їх укладали у вигляді видовжених скупчень і ланцюжків на долівці могили [Литвиненко 2005, с. 78]. В.В. Цимиданов вважає, що розташування астрагалів у похованні було пов'язано із соціальним статусом померлого. На прикладі поховань представників зрубної КІС він вважає, що у похованнях вищих соціальних щаблів астрагали здебільшого розташовувалися в голові та ногах, а положення перед тілом померлого та позаду було характерно для нижчих шарів суспільства [Цимиданов 2001, с. 219]. Р.О. Литвиненко зазначає, що бабинці демонструють у цьому плані єдину з іншими степовими культурами традицію [Литвиненко 2005, с. 82].

Стосовно використання астрагалів не лише у поховальній обрядності культур доби бронзи, а й повсякденному житті людей, існує чимало підходів. Попри різні думки стосовно окремих аспектів інтерпретації використання астрагалів, майже всі дослідники схиляються до думки, що вони були важливою частиною якихось ритуальних маніпуляцій (гра або ворожба). Враховуючи зростаючу популярність цього напрямку дослідження, авторкою статті висунуто припущення щодо двох напрямів можливого використання альчиків людністю ДДБК:

1. Гра (окремо або у складі гральних наборів з допоміжними засобами у вигляді дошок або дзиг).

2. Реманент для ворожіння чи інших дій, пов'язаних з релігійно-культурою сферою. Серед іншого, в контексті даної інтерпретації, враховується можлива належність небіжчика до соціального прошарку т.зв. “жерців”, людей, обов'язком яких було виконання ритуалів, зокрема пов'язаних із потойбічним світом.

Окрім зазначених положень, цікавим для дослідження залишається також і низка інших питань. Серед них: використання астрагалів, як амулетів для охорони від злих духів і надприродних створінь під час подорожі до потойбічного світу; залежність кількості астрагалів у похованні від віку померлого; зв'язок астрагалів з обрядами ініціації.

Найбільш дослідженою та аргументованою є позиція щодо використання астрагалів для гри. На це вказують чисельні археологічні та етнографічні матеріали. Для кожної людини гра здається невід'ємною частиною життя, особливо в дитинстві. У своїй більшості вона спрямована не лише на розваги, а й на засвоєння дитиною якихось правил, вмінь на навичок, своєрідне навчання під час гри. Поширеною є також думка, що у прадавніх суспільствах гра була невід'ємною частиною ритуальних маніпуляцій, займатися якими мали право лише окремі (посвячені) представники суспільства. Це пов'язували з сакральними знаннями доступними лише обраним.

Гра альчиками була поширена теренами Старого світу. Згадки про них відомі у різних народів Європи та Азії, а історія ігор налічує тисячоліття. Існують різні погляди на класифікацію ігор з астрагалами. Один з них був представлений М.О. Стрельник зі співавторами. Вони розподіляє їх на: 1) гру, коли кожна з кісток при киданні випадала певним боком, який мав закріпити за собою певну кількість очок, що потім склалися разом; така гра була своєрідним попередником гри у кості; 2) астрагали, розкладені у певному порядку, вибивали биткою [Стрельник та ін. 2010, с. 46]. Загалом, на нашу думку, по відношенню до матеріалів ДДБК, використання астрагалів саме для гри також можливо розподілити на два варіанти:

1) використання лише астрагалів для кидання їх на кшталт гральних кісток. У цьому випадку у грі можуть біти задіяні лише 4 боки, які різняться між собою та мають різну кількість очок у разі випадання;

2) використання астрагалів разом з т.зв. допоміжним полем або приладдям (дошки, кістяні палички, дзиги).

Для першої групи притаманне широке використання астрагалів і для ритуальних маніпуляцій, що відкриває додаткові шляхи пошуку. Через те, що грані альчиків візуально не однакові, з шести їхніх боків для гри використовували лише чотири, найбільш стійкі, що зумовлювали сталі положення кістки на гральній площині під час кидання. Короткі бічні боки дуже рідко могли затриматися в такому положенні, тому, скоріш за все, майже або зовсім не враховувалися. А ось останні чотири в такому разі не вимагали спеціального маркування через можливість розрізнити їх наочно. Л.С. Клейн вважає, що перемога в такій грі здобувалася тим, у кого випадала не комбінація з більшою кількістю очок, а з старшинством боків або їх комбінацією [Клейн 2010, с. 334]. Кожен бік альчика мав власну назву (в різних мовах – свої). Навряд чи для такої гри користувалися 1 чи 2 астрагалами, скоріш за все, це були набори у складі від 3 до 7 (як припущення) кісток. Це мало бути зумовлене зручністю одночасного викидання альчиків. У Давній Греції для гри в астрагали використовували набори з 4 або 5 кісток [Стрельник та ін. 2009, с. 35]. Слід зазначити, що такі невеличкі набори могли, серед іншого, використовувати також й для ворожіння.

Якщо ми подивимося на вже вивчені археологічні джерела, то побачимо, що набори в такій кількості астрагалів трапляються у 10 похованнях ДДБК (це 21% від загальної кількості поховань з астрагалами). Набір із 4 астрагалів – у 1 похованні дорослого; з 7 – дорослого чоловіка; з 6 – у підлітка та у дитини; з 3 – у двох похованнях дітей та у похованні, де стать померлого визначено не було; два набори по 6 кісток та один набір із 7 кісток – у

невизначених похованнях. У визначених жіночих похованнях астрагалів у такій кількості знайдено не було [Литвиненко 2005, с. 77]. Не простежено кореляції таких наборів за віковими групами: вони притаманні як дорослим, так і дітям. Зазначимо, що правила гри (порядок викидання кісток та підрахунку очок) залишаються загадкою через відсутність достеменних історичних джерел.

До другою групи “гральних” астрагалів було віднесено т.зв. набори, до складу яких разом із альчиками входило інше ігрове спорядження. Р.О. Литвиненко вказував на те, що наразі відомо 4 поховання ДДБК з так званими кістяними конусами, разом з якими знаходилися й астрагали [Литвиненко 2005, с. 82]. Один із цих комплексів курган Чотири Брати в цьому плані й досі залишається непевним [Романовская 1975, с. 127]. Один з таких конусів було знайдено В.В. Яценком у бабинському дитячому похованні 2 кургану 7 могильника Юдинський III на правобережжі Нижньої Донщини. У похованні 8 кургану 2 могильника Хамуш-Оба було відкрито “кістяний предмет у вигляді порожнистого конуса. Цей конус був зроблений з проксимальної фаланги великого копитного шляхом загострення її дистального кінця та просвердлення проксимальної суглобної поверхні” [Литвиненко 2005, с. 82]. Зацікавившись визначенням функцій конусів, В.Б. Панковський через експериментальне дослідження зробив висновок, що вони є дзигами, які в окремих випадках входили до гральних наборів разом з астрагалами; одним із таких прикладів є набір з Хамуш-Оби 2/8. Дослідником було реконструйовано процес гри, під час якої необхідно було змінювати положення астрагалів на гральному полі, а саме виштовхувати їх за допомогою дзиги. Астрагали в даному випадку відносять не стільки до грального знаряддя, скільки до виграшу [Панковський 2012, с. 84-85].

Серед іншого “грального” реманенту у похованнях доби бронзи зазвичай фігурують дерев’яні дошки або “таці”. У випадку з бабинцями одним доволі непевним варіантом виступають знахідки 100 астрагалів на долівці кам’яної скрині, а саме на дереві. Автори розкопок вважають, що спочатку кістки знаходились на перекритті могили, а пізніше впали до ями [Ляшко и др. 2004, с. 66]. На відміну від цієї думки, Р.О. Литвиненко висуває припущення, що в контексті поховальної обрядовості астрагали “були покладені саме в могилу, на якийсь дерев’яний предмет, скажімо, блюдо чи тацю” [Литвиненко 2005, с. 77]. В даному випадку кількість астрагалів є завеликою для грального набору та більше схожа на приладдя для ритуальних маніпуляції, але не можна заперечувати й можливе використання цього набору для ігор. Такий набір припустимо віднести й до комплекту, в складі якого був не лише гральний реманент, а й виграш (приз) померлого. Ще одним прикладом такої знахідки для ДДБК є пласка кам’яна плитка підтрикутної форми, що знаходилася у похованні підлітка разом зі 150 астрагалами у похованні 1 кургану 4 Макіївського могильника; її розміри – 24×12×2 см [Гершкович, Шепель 1987, с. 66]. Деякі дослідники припускають, що це знаряддя використовувалося в якості гральної дошки [Цимиданов 2001, с. 224; Литвиненко 2005, с. 83].

Цікавим для дослідження залишається також поховання 3 кургану Беева могила на Донеччині. У похованні дорослого чоловіка (30-35 років) знаходився набір із 7 астрагалів вівці, один з яких знаходився попереду померлого, а шість позаду – на рівні шиї та спини [Полидович 1993, с. 81]. Цікавим є те, що разом з астрагалами у звіті поруч з 5-м астрагалом фігурує “зітліла кістяна загострена паличка” [Полидович 1993, с. 81]. Якщо звернутися до знахідок В.О. Городцова початку ХХ ст., що відносяться до катакомбної культури, то серед матеріалів розкопок 1901 р. в Ізюмському повіті, а саме в с. Шпаківка (поховання 5 кургану 9), серед іншого реманенту було знайдено набір з двох гральних кісток та трьох кістяних виробів. Ці матеріали були окремо досліджені С.М. Санжаровим [Санжаров 1988, с. 140]. Л.С. Клейн відніс ці знахідки саме до гральних наборів. Можливо, що наявність в основному похованні з Беевої могили такого знаряддя, як кістяна паличка, вказує на використання цього набору саме для гри. Нажаль, згадувана знахідка не збереглася, тому робити припущення

наразі можливо користуючись лише матеріалами звіту, не маючи можливість перевірити їх, наприклад трасологічно.

Якщо звернутися до прадавньої Ригведи, то там ми знайдемо одну з найяскравіших згадок про гру в кості (окремі дослідники вважають, що гра з астрагалами та гра в кості були схожі між собою, а в окремих випадках астрагали використовували найменш заможні представники суспільства, наслідуючи багатіям, а для кочовиків-скотарів кістки стали повноцінною заміною альчиків [Клейн 2010, с. 334; Цимиданов 2001, с. 224; Стрельник та ін. 2009, с. 34-37]). Важка доля людини, залежної від звички грати, відкривається у “Гімні гравця”, де йдеться про азартну гру, звичка до якої поступово знищує людину [Ригведа, X, 34, с. 156-157]. П. Гіро відзначав, що гра в кості була однією з найулюбленіших для давніх греків: “Гральні будинки траплялися там (в Афінах), незважаючи на суворі заборони законів, на кожному кроці” (переклад мій – О.Г.) [Гіро 1913, с. 96]. Серед матеріалів для виготовлення цих гральних знарядь фігурують не лише кістки тварин, а й слонова кістка та коштовні метали. Окремою грою вважалася саме гра в астрагали. В ній використовували чотири боки кісток, які за кількістю очок відповідали 1 або “пес”, 3, 4 та 6 або “коса”. Такий різновид гри був азартним, а до складу грального набору входило 4 астрагали [Гіро 1913, с. 96-97]. Набори астрагалів знаходять й на теренах античного Північного Причорномор’я (Ольвія та Пантікапей), а також пізніше за часів Київської Русі.

Що ж може значити наявність у похованнях ДДБК астрагалів, що їх, з різним рівнем імовірності, можливо віднести до гральних наборів? Поховальний обряд, разом з обрядом народження та одруження, відносять до обрядів переходу [Геннеп 1999, с. 134-150]. Смерть, в якомусь сенсі, – це перетин кордону між профаним і сакральним світами. А отже перетинаючи цей кордон, людина опиняється в іншому, новому для себе фізичному та духовному стані. Такий перехід мав бути пов’язаний з різними труднощами, змінами. У людей мало би виникнути бажання полегшити небіжчикові цю подорож, забезпечивши його знайомими та дорогими речами. В багатьох культурах до сьогодні в труну небіжчика вкладають особливо важливі для нього речі. В такому контексті гральний набір міг відбивати схильність людини до гри за життя та небажання розлучатися із такою звичкою після смерті. Таким чином, можна припускати, що набори вкладали до поховань “професійних” гравців, можливо, навіть людей, існування яких було частково або повністю пов’язане саме зі грою, яка не мала припинятися навіть у потойбіччі. Можливо, “гральні” астрагали в процесі переходу до потойбіччя набували нового магічно-ритуального значення, ставали не просто знаряддям гри, а й сакральним символом чи оберегом.

Коли врахувати, що ігри ці були переважно дитячими або підлітковими, на що вказує переважна більшість знахідок астрагалів саме в цих похованнях, то це може нести дещо інше змістове навантаження. Наявність грального набору в таких випадках пов’язують з іграшками, невід’ємним компонентом дитинства. Саме ця обставина могла зумовлювати наявність “гральних” астрагалів у цих похованнях.

У будь-якому разі, розглядаючи астрагали в контексті грального знаряддя, слід пам’ятати, що для прадавніх часів гра була не лише розвагою, а в багатьох випадках пов’язувалася з магічними та ритуальними діями. Для багатьох скотарських культур ігри з астрагалами були частиною культу родючості та добробуту й використовувалися під час відповідних ритуальних свят. Цей аспект, але по відношенню до зрубної КІС, був ретельно досліджений В.В. Цимидановим [Цимиданов 2001; 2004]. Дослідник вказує на наявність таких ігор у осетин, таджиків, інших народів Середньої Азії [Цимиданов 2001, с. 222]. Відтак доцільним було б, у випадку дослідження саме поховальної обрядовості, розглядати астрагали не лише як складові гральних наборів, а і як невід’ємну частину ритуального та, можливо, магічного боку життя спільноти, одним з відображень якого виступає поховальних обряд.

Поширеним тлумаченням астрагалів у поховальному обряді степових культур доби бронзи, окрім гри, є їхнє призначення для ворожби. У багатьох випадках ці функції

пов'язують між собою. На це вказує використання астрагалів у країнах Середньої Азії під час обрядових календарних ігор. Та й взагалі, традиція осягати таємниці майбутнього, а й іноді й минулого, була широко поширеною серед різних народів і в різні часи. За такими загальними тенденціями населення ДДБК також не мало би бути винятком.

Думка щодо ритуального призначення астрагалів у степових культурах висловлювалася неодноразово. І.Ф. Ковальова припускала причетність небіжчиків з таких поховань до прошарку “професійних ворожій”, що мали безпосереднє відношення до відправлення місцевих культів. Такі поховання, на її думку, належали жерцям, або людям, посвяченим до таємниць цих культів [Ковалева 1990]. Схожа думка належить також В.В. Циміданову і М.О. Чауру, які вважають, що такі поховання не просто належали окремому соціальному прошарку професійних жерців, цей статус був спадковим, саме тому велику кількість астрагалів демонструють поховання дітей і підлітків [Циміданов, Чаур 1997].

Якщо звернутись до матеріалів ДДБК, то можна побачити наступну картину. 22 із 47 досліджених поховань з астрагалами (тобто 47%) належать підліткам (6 захоронень, або 13%) і дітям (16 – 34%). Більша частка з цих матеріалів – це набори від 11 до 150 кісток [Литвиненко 2005, с. 77]. Якщо ми повернемося до думки, що й “гральні” набори могли використовуватися для ворожіння, то в такому разі набори астрагалів від 3 до 150 (можливе призначення – ворожіння) складатимуть 57% відомих матеріалів. Щоправда, існує вірогідність, що для ворожіння використовувався лише один астрагал, в цьому випадку весь комплекс поховань з астрагалами можливо підвести саме під концепцію “жерців”. Але, в змістовому навантаженні поховальної обрядовості один астрагал міг нести й інше значення.

Як уже зазначалося вище, для багатьох народів астрагали та маніпуляції з ними були пов'язані з уявленнями про добробут і родючість. У народів Середньої Азії наявність астрагалів у будинку мала приносити його мешканцям щастя й багатство. Гра в астрагали згадується також в осетинському епосі, де в руках героїв пальчики, наповнені магичною силою, шляхом зіткнення один з одним виконували різні дії, примушували з'являтися тварин та поле засіяне пшеницею [Нарты 1990, с. 137-138]. Схожі ритуальні дії існували також у монголів під час обрядових свят. Вони були спрямовані на покращення життя людей та панування в їхньому суспільстві добробуту та щастя. Наявність у будь-якому соціумі тих, хто відповідав за виконання цих дій, практично не викликає сумнівів. Навряд чи життя скотарів ДДБК обходилося без подібного роду ритуалів добробуту та осіб, що їх відправляли. Виходячи з цього, стає можливим припущення щодо відношення поховань з астрагалами до категорії служителів культів.

Разом із тим, досліджуючи цю проблему В.В. Циміданов з М.О. Чауром зауважили, що в такому контексті статус (професія) жерця був спадковим, а отже поховання дітей та підлітків – це поховання майбутніх потенційних хранителів цих знань та традицій [Циміданов, Чаур 1997, с. 59]. Можливо у суспільстві ДДБК також існувала система вікової диференціації, в якій мав місце перехід від одного стану до іншого. З цим, скоріш за все, були пов'язані особливі ритуальні дії. Автори також на базі досліджених матеріалів зробили припущення, що таке відношення до молоді умовно можливо порівняти з устроєм ведичного суспільства (хоча в ньому й не було розподілу на вікові класи), а саме з обрядом другого народження [Циміданов, Чаур 1997, с. 55]. Цей обряд проходили брахмани у віці 8 років, кшатрії – 11 років, вайш'ї – 12 років. Цікавим є той факт, що новий період життя починався з учнівства, яке мало тривати 12 років, по закінченню якого брався шлюб [Бешем 1977, с. 174-178]. На підставі цих фактів зроблене припущення, що померлі у віковому інтервалі від 6-7 до 20-25 років могли відноситись до т.зв. “учнів” [Циміданов, Чаур 1997, с. 55]. Таким чином, цю концепцію можливо використати й по відношенню до населення ДДБК, зважаючи на спадкоємність цих культур, а також пам'ятаючи думку про те, що деякі маніпуляції з астрагалами (щоправда в даному контексті згадуються ігри) могли прийти у зрубну культуру саме з середовища бабинців [Циміданов 2001, с. 224].

Погоджуючись із висунутою думкою, все ж таки хочеться відзначити на рівні міркувань, що наявність астрагалів серед супроводжуючого реманенту може бути своєрідним показником незавершеності якихось дій за життя та перенесення їх до періоду посмертного існування. В багатьох культурах існує думка, що смерть – це не кінець, а продовження подорожі. Людина не зникає остаточно, вона лишень набуває іншого стану, а в деяких культурах – переходить до виміру, що дзеркально відбиває світ живих. Лишень як живі не в змозі побачити мертвих, вони так само не бачать живих, а життя там продовжується у тих самих клопотах. Цікавим є те, що подібні уявлення збереглися на різних кінцях ойкумени – у австралійців і серед мисливців тундри, в героїчних епосах яких культурні герої відправляються до поселень померлих, а іноді навіть набувають нових знань [Петрухин 2010, с. 61-62]. Можливо припустити, що віра у продовженні посмертного існування могла бути й у місцевого населення. А відтак астрагали у похованні могли вказувати на необхідність пройти обряд посвяти у новому вимірі, бо цього не встигли зробити за життя. В такому контексті це не просто “учні” – вони займають власне положення у суспільстві та продовжуватимуть виконувати обов’язки й після смерті. Так само це може стосуватися й поховань “жерців”, які продовжуватимуть викидати астрагали на культових святах вже у іншому вимірі.

Ще одне питання, до якого хотілося б звернутися – це поховання, в яких присутній лише один астрагал. Для ДДБК їх відомо 16, це – 34% від загальної кількості. Вони охоплюють всі статево-вікові групи – дорослих, підлітків і дітей, чоловіків і жінок. Вони не мають штучно зроблених отворів, тому трактувати їх як амулети важко, хоча цю думку неможна остаточно відкидати. Такі амулети все ж могли використовувати для охорони від злих чар і духів або надприродних створінь під час обрядів переходу. Навряд чи вони слугували для гри, однієї кістки замало й для ворожіння. Але все ж таки вони можуть мати власне змістове навантаження, можливо, в контексті того самого переходу до потойбіччя.

Таким чином, стає зрозумілим, що наявність у похованнях носіїв дніпро-донської бабинської культури такої категорії поховального реманенту, як астрагали (альчики), вказує, скоріш за все, на їхнє ритуальне значення. Найпоширенішою версією їхнього використання залишається гральна. Гра з альчиками була поширена як в Азії так і в Європі, а на думку деяких вчених навіть стала попередником або, в окремих випадках, заміником гральних кісток. Варіації таких ігор різні, до них залучали навіть допоміжні знаряддя – дошки, дзиги або кістяні палички. Не слід забувати, що ігри також могли мати ритуальну або магічну символіку (можливо померлий міг грати у потойбіччі не лише з людьми, а й з духами), а наявність гральних наборів вказувати на пристрасть до гри та перемоги. Ворожіння також мало посідати важливе місце у житті прадавніх людей, а статус жерця, разом з його знаннями, міг переходити, наприклад, від батька до сина або від вчителя до учня, створюючи таким чином своєрідну категорію посвячених у сакральні знання. Астрагали могли бути й маркером вікової диференціації – статусу “учнів”. Вони могли слугувати людині після смерті так, як слугували за життя. Астрагали могли бути й амулетами, що супроводжували людину в її останній подорожі.

Попри існуючі дослідження з означеної проблематики, ставити крапку в цьому питанні ще зарано. Залишається низка аспектів, для вивчення яких необхідно провести більш детальне джерелознавче дослідження не лише бабинських матеріалів, а й передуючих їй археологічних культур, зокрема катакомбних. Серед таких питань: використання астрагалів, як амулетів для охорони від злих духів і надприродних створінь під час подорожі до потойбічного світу; залежність розташування астрагалів у похованні до віку померлого; можливий зв’язок між наявністю астрагалів у похованні з характером смерті людини (для цього бракує ретельних палеоантропологічних досліджень); сумісність астрагалів зі статусом воїна; зв’язок астрагалів з обрядами ініціації та положення астрагалів у похованні (це цікаво розглянути з точки зору комбінацій які “випали” в могилі; їх покладання випадкове чи воно

має значення перемоги або програшу); астрагали, як елемент поховального декору, що супроводжував померлого.

Все це відкриває можливості для подальшого вивчення астрагалів, як елементу поховального обряду населення дніпро-донської бабинської культури.

Грищук О.М.

АСТРАГАЛЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье исследуются астрагалы, как элемент погребального обряда населения днепродонской бабинской культуры. Предполагается, что эта часть инвентаря в захоронении несет собственное смысловое значение, а потому является важным элементом всей обрядности. Необходимым является более детальное изучение использования астрагалов как отдельных предметов, элемента погребального декора, в составе игровых наборов, в составе наборов для гадания, как возможных амулетов и охранных символов при переходе в потусторонний мир. Отдельно рассматривается предположительная принадлежность погребенных с астрагалами к разным социальным группам. Используя не только археологические, но и этнографические источники рассматривается место манипуляций с астрагалами в повседневной и религиозной жизни народов Европы и Азии. Анализ существующих материалов дает возможность проследить зависимость количества таранных костей копытных в захоронении от возраста умершего. Чаще большое количество астрагалов встречается в захоронениях детей и подростков, в то время как у взрослых – это только один астрагал, в редких случаях – несколько. Все это дает материал и возможности для дальнейших исследований погребального обряда ДДБК.

Ключевые слова: финальный этап средней бронзы, днепро-донская бабинская культура, астрагалы, погребальный обряд, ритуальные манипуляции.

Gryshchuk O.M.

ASTRAGALS AS AN ELEMENT OF THE FUNERAL CEREMONY OF THE DNEPR-DON BABYNE CULTURE POPULATION

The article analyzes astragals as an element of the funeral ceremony of the population of the Dnieper-Don Babyne culture. It is supposed that this part of burial implements carries its own semantic value, and therefore is an important element of all the ceremonial rites. It is important to study the usage of astragals as separate objects, an element of the funeral decorations, as a part of game sets, as a part of fortune telling sets, as possible amulets and protective symbols during transition to the other world. A presumable belonging of the buried with astragals to different social groups is separately considered. Making use of not only archaeological, but also ethnographic sources the place of manipulations with astragals in everyday and religious life of the people of Europe and Asia is considered. The analysis of existing materials makes it possible to track the dependence of the number of ankle bones of hoofed animals in a burial from the age of the dead. More often a large number of astragals is found in burials of children and teenagers while adults have only one astragal, several in rare cases. All this gives a material and opportunities for further researches of a funeral ceremony of DDBC.

Keywords: the final period of the Middle Bronze Age, the Dnepr-Don Babyne culture, astragals, funeral ceremony, ritual manipulations.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ І ЛІТЕРАТУРИ

- Березанская С.С.** Культура многоваликовой керамики / С.С. Березанская // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 5-43.
- Бондаренко Г.В.** Повседневная жизнь древних кельтов / Г.В. Бондаренко. – М., Молодая гвардия, 2007. – 396 с.
- Братченко С.Н.** Пам'ятки багатовалякової кераміки / С.Н. Братченко // Археологія Української РСР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1971. – Т. 1. – С. 334-344.
- Братченко С.Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С.Н. Братченко. – К.: Наук. думка, 1976. – 251 с.
- Братченко С.Н.** К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.
- Братченко С.Н.** Культура многоваликовой керамики / С.Н. Братченко // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 451-458.
- Бэшем А.** Чудо, которым была Индия / Пер. с англ. Г. Бонгард-Левина. – М.: Наука, 1977. – 616 с.
- Геннеп А., ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. Ю.В. Ивановой, А.В. Покровской. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1999. – 198 с.
- Гершкович Я.П.** Макеевский курганный могильник эпохи бронзы / Я.П. Гершкович, Е.А. Шепель // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 58-74.
- Гиро П.** Частная и общественная жизнь греков / Пер. с франц. Н.И. Лихаревой. – Вып. 3. – СПб.: Издание Т-ва О.Н. Поповой, 1913. – 120 с.
- Гуляев В.И.** Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации / В.И. Гуляев, В.С. Ольховский // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 10-18.
- Горбач О.** Наші давні ігри / О. Горбач // Пам'ятки України. – К., 2001. – № 1-2. – С. 22-32.
- Жуковская Н.Л.** Категория и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 1988. – 194 с.
- Казарницкий А.А.** Краниология населения бабинской культуры / А.А. Казарницкий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – № 2 (21). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. – С. 70-78.
- Клейн Л.С.** Время кентавров. Степная прародина греков и Ариев / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2010. – 496 с.
- Ковалева И.Ф.** Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – 78 с.
- Ковалева И.Ф.** Срубные погребения с наборами альчилов / И.Ф. Ковалева // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990. – С. 59-71.
- Литвиненко Р.А.** Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днедро-Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Матеріали вузівської наук. конф. професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи. – Кн. 1. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 1997. – С. 10-13.
- Литвиненко Р.О.** Поховання культурного кола Бабіне з астрагалами / Р.О. Литвиненко // Древности 2005. – Харьков: ХИАО; НМЦ “МД”, 2005. – С. 74-86.

Литвиненко Р.О. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине / Р.О. Литвиненко // МДАСУ. – № 9: Від неоліту до кіммерійців. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2009. – С. 44-90.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 – “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2009а. – 32 с.

Ляшко С.Н. Курганні могильники Дніпровського Надпорожжя (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) / С.Н. Ляшко, З.Х. Попандопуло, О.В. Дровосекова. – Запорожжє, 2004. – 178 с.

Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2 / Под ред. У.Б. Далгат. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. – 492 с.

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 – “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2002. – 33 с.

Панковський В.Б. Лолінсько-бабинська дзига / В.Б. Панковський // ДАЗ. – 2012. – № 16. – С. 77-99.

Петрухин В.Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов / В.Я. Петрухин. – М.: Астрель, 2010. – 416 с.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области / Ю.Б. Полидович // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-98.

Ригведа. Мандалы IX-X / Под ред. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1999. – 560 с.

Романовская М.А. Работы Багаевского отряда / М.А. Романовская // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 127-128.

Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями / С.Н. Санжаров // СА. – 1988. – № 1. – С. 140-159.

Стрельник М.О. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України / М.О. Стрельник, М.А. Хомчик, С.А. Сорокіна // Археологія. – 2009. – № 2. – С. 34-49.

Стрельник М.О. Ігри давнього населення України / М.О. Стрельник, С.А. Сорокіна, М.А. Хомчик // Наукові записки НаУКМА. – 2010. – Т. 101: Теорія та історія культури. – С. 46-54.

Субботин Л.В. Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман / Л.В. Субботин, Г.Н. Тошев. – Запорожжє, 2002. – 105 с.

Татаринов С.И. Археология Бахмутского края / С.И. Татаринов, С.И. Федяев, С.А. Федотов. – Артемовск, 2003. – 64 с.

Цимиданов В.В. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности / В.В. Цимиданов, Н.А. Чаур // Древности Подонцовья. – Луганск, 1997. – С. 50-61.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В.В. Цимиданов // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Черняков И.Т. Рец. на: Балагури Э.А. Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы. – Ужгород: УжНУ, 2001. – 392 с. / И.Т. Черняков // Археологія. – 2001. – № 4. – С. 149-154.

Бровендер Ю.М.

СТЕПАНОВСКИЙ МИКРОРАЙОН ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ДОНЕЦКОМ КРЯЖЕ

Реферат: Изучение археологических микрорайонов, в состав которых входят различные виды памятников одного культурно-исторического образования, как показывает опыт многолетней исследовательской работы, является весьма результативным и перспективным.

Особой активностью в последние два десятилетия отличаются полевые исследования памятников эпохи бронзы на востоке Украины. Масштабными археологическими раскопками изучены многочисленные погребальные, а также поселенческие комплексы памятников эпохи бронзы в рамках микрорайонов. Однако, если крупные могильники, насчитывающие значительное количество насыпей, в большей степени исследованы на Северскодонецком Правобережье (Донецком кряже), памятники бытового характера, в т.ч. образующие целые археологические микрорайоны изучены, преимущественно, на левобережье Северского Донца. Исследования же разнородных памятников эпохи бронзы в рамках археологического микрорайона, которые охватывают как бытовые, так и погребальные памятники, и представляют собой единый культурно-исторический комплекс, к сожалению, практически не проводились. Сложившаяся ситуация не способствует формированию более полного представления о культурно-исторических процессах и явлениях в древности, а напротив, создает односторонний взгляд на характер обитающих в регионе массивов древнего населения.

Цель статьи – установить культурную и хронологическую взаимосвязь между памятниками микрорайона, в т.ч. и между разнохарактерными памятниками в системе поселения – некрополь. Для достижения поставленной цели проанализирована топография и планиграфия археологических комплексов Степановского микрорайона, особенности домостроительства, погребальной обрядности, а также их периодизация и хронология. В результате исследования, по материалам преимущественно поселенческих памятников, установлена активная роль бабинского компонента в формировании БМСК, откорректирована периодизация жилищно-хозяйственных комплексов Первого степановского поселения, а также получены дополнительные сведения о том, что функционирование памятников степановского типа соответствует времени активной разработки медных руд Бахмутской котловины Донбасса.

Ключевые слова: Степановский археологический микрорайон, жилищно-хозяйственный комплекс, поселение, погребение, бережновско-маевская срубная культура, эпоха бронзы.

Abstract: Archeological studying of microdistricts, which contain various memorials of one cultural and historical formation as long investigation activity shows, is rather effective and perspective

Of special active work within the last two decades one can mark field investigations of the Bronze Age memorials in the east of Ukraine. Large-scale archeological excavations have studied numerous burial as well as dwelling complexes of the Bronze Age in the microdistricts. But while large burials with number of mounds are mostly studied on the right bank area of Severskiy Donets river (Donetskiy Hill) then dwelling memorials, forming large archeological microdistricts are studied in particular on the left bank of Severskiy Donets river. Investigations of mixed memorials of the Bronze Age within an archeological microdistrict both of burial and dwelling purpose, which compose one cultural-historical complex unfortunately were not done. And the existing situation does not promote the full imagination of cultural-historical processes and phenomena in ancient times, but conversely forms unilateral mind on the character of the ancient dwellers in a region.

Aim of the article is to find out a chronological junction between memorials of the microdistrict including mixed memorials in dwelling system – necropolis. To achieve the aim assigned it has been analyzed a topography and planigraphy of Stepanovskiy microdistrict archeological complexes, specific features if house building, burial customs as well as their periodization and chronology. Investigation results on the materials of mostly dwelling memorials have revealed an active role of Babyne's component in forming of BMSK, have corrected periodization of dwelling-economical complexes of the First Stepanovskiy settlement and there were received the additional information that functioning of the memorials of Stepanovskiy type satisfies the period of active copper production on the territory of Bakhmut basin of Donbass area.

Keywords: Stepanovskiy archeological microdistrict, dwelling-economical complex, settlement, burial, Berezhnovsko-Maevskiy timber-grave culture, the Bronze Age.

Общая характеристика микрорайона. На территории Луганской области находится целое созвездие памятников археологии, имеющих широкую, в том числе и европейскую известность. Широко известными являются не только отдельные памятники, но и целые археологические микрорайоны, включая системы памятников, образующие уникальные археологические территории: Рогаликско-Передельский комплекс памятников каменного века в Станично-Луганском р-не [Горелик 2001], Капитановская агломерация поселений эпохи бронзы в Новоайдарском р-не [Бровендер 1997], Картамышский комплекс горно-металлургических памятников эпохи бронзы в Попаснянском р-не [Бровендер и др. 2010] и другие.

Одной из такого рода территорий является Степановский археологический микрорайон, расположенный практически в самом центре Донецкого кряжа между сс. Степановка (Малоконстантиновка) Перевальского р-на и Мартыновка Лутугинского р-на Луганской обл.

Тщательное археологическое обследование территории в окрестностях с. Степановка, проведенное Ю.М. Бровендером и В.А. Парамоновым в 70–90-е годы прошлого столетия, позволили исследователям на площади около 16 км² выявить три поселения эпохи поздней бронзы, одно кочевье салтово-маяцкой культуры, курганный могильник, а также серию отдельно стоящих курганов, насчитывающих более двадцати насыпей (рис. 1).

Среди памятников эпохи бронзы Степановского археологического микрорайона выделяется культовый комплекс “Мергелевая гряда” [Клочко 2007; Клочко, Парамонов 2007]. Располагаясь в южной части микрорайона на участке протяженной гривки высокого водораздельного плато, памятники “Мергелевой гряды” являются наиболее высоко расположенными из всех, образующих микрорайон археологических объектов.

Высокой топографией отличается и курганный могильник, расположенный в 1 км на северо-восток от “Мергелевой гряды”. Могильник из пяти насыпей занимает слегка покатый склон высокого плато. Наибольшими размерами и вытянутой формой отличается курган, расположенный в центральной части могильника. Его размеры 15×35 м, высота 2,2 м. С запада, почти вплотную к нему примыкает курган диаметром 12 м и высотой 1,1 м. Вблизи длинного кургана по обе стороны могильника, с запада и востока, расположены курганы диаметром 15-17 м и высотой до 1,5 м. Наименьшие размеры имеет крайний курган, находящийся в западной части могильника. Его диаметр 6 м, высота до 0,4 м. На поверхности всех курганов фиксируются камни песчаника и известняка.

К северу от могильника на гривках водораздельного плато, замыкая микрорайон с востока, расположены отдельно стоящие курганы. Расстояние между ними от 0,25 до 0,7 км. Размеры курганов: диаметр 15-30 м, высота 1,5-2,2 м. На их поверхности встречены крупные камни известняка и песчаника.

Северную часть микрорайона, замыкает одиночно стоящий курган. Он расположен на гривке водораздельного плато. С запада к нему, почти вплотную примыкает частный сектор жилой застройки. Высота кургана 0,4 м, диаметр 8 м. На поверхности насыпи прослеживается скопление камней песчаника.

На запад и северо-запад от “Мергелевой гряды”, с интервалом 0,1-0,7 км, замыкая микрорайон с юго-запада и запада, по гривкам водораздельного плато цепочкой тянутся курганы. Здесь они не образуют скоплений в виде локально размещенных могильников, как это прослеживается в юго-восточной части микрорайона. Размеры курганов здесь несколько меньше. Их высота от 0,5-1,5 м, диаметр 10-25 м.

В юго-западной части микрорайона, на слегка покатом склоне западного борта балки Дубовая, на площади около 200 м² выявлены обломки амфорной посуды салтово-маяцкой культуры (Степановка-4). Небольшая площадь распространения керамики, а также слабая насыщенность находками культурного слоя дает основание характеризовать данный объект как раннесредневековое кочевье.

Небольшая коллекция керамики эпохи бронзы выявлена в северо-западной части микрорайона. На слегка покатоном склоне западного борта балки Пугачева, на площади около 60 м² собраны единичные фрагменты боковин глиняной посуды.

Памятниками с достаточно мощными культурными напластованиями, выявленными на территории микрорайона, являются поселения Степановка-1, Степановка-2 и Степановка-3. Все три памятника однослойные, представлены материалами бережновско-маевской срубной культуры эпохи поздней бронзы. Обращает на себя внимание характер расположения поселений. Все они находятся на возвышающемся до 3,5-4,5 м относительно уровня воды в ручье (правые притоки р. Белая) мысу боровой террасы, а планиграфически, очерчивают фигуру в виде равностороннего треугольника, одной из вершин направленных в сторону “Мергелевой гряды”. Расстояние между поселениями около 1,9 км.

Поселение Степановка-1 было выявлено в 1977 г. в ходе проведения разведок (руководитель В.А. Парамонов) в административных границах Бугаевского поселкового совета Перевальского района Луганской области, а в дальнейшем в течение ряда лет исследовалось Центрально-Донецкой экспедицией ИА НАН Украины (руководитель Ю.М. Бровендер). Поселение расположено в северо-западной части микрорайона, в 0,5 км на юг от восточной окраины с. Степановка (Малоконстантиновка).

Территория поселения выделяется топографически. Она представляет собой относительно ровный, слегка понижающийся к юго-западу и востоку мыс боровой террасы безымянного ручья. С трех сторон поселение окружено обводненной балкой, ширина которой достигает 50 м. Максимальная высота мыса, относительно уровня воды около 3,5 метров. Таким образом, доступ на поселение в древности регулировался характером прилегающей местности (рис. 2).

Размеры поселения около 100×100 м. Практически вся его площадь в 70-80-е годы ушедшего столетия распаивалась, а до распашки, по сведениям старожилов здесь находился фруктовый сад.

В своей основе материал культурно однороден, представлен находками бережновско-маевской срубной культуры эпохи поздней бронзы. Лишь единичные фрагменты керамики относятся к салтово-маяцкой культуре эпохи раннего средневековья. Среди керамического комплекса, кроме того, выделяется несколько фрагментов керамики воннигского типа [Шарафутдинова 1982], выполненной в традициях бабинской культурно-исторической общности эпохи бронзы [Бровендер 2012].

Общая площадь поселения, изученная раскопками составила 1950 м². Всего исследовано пять жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК). В истории поселка выделяется два периода [Бровендер 2000; 2012]. Типологически близкие между собой ЖХК 1, 2, 4, 5 представляют один период (рис. 2). Пристройка, совершенная к основному помещению ЖХК 3, частично разрушившая помещение 1 ЖХК 4, является несколько более поздней, что явилось основанием для отнесения ранее автором всего ЖХК 3, тем более, отличающегося по форме от основного количества построек, ко второму периоду развития поселка. Наличие двух периодов в истории Степановского поселения, кроме того, прослеживалось и в керамическом массиве (рис. 3-6). Вместе с тем комплексный анализ источников дает возможность говорить об их принадлежности к достаточно узкому хронологическому горизонту [Бровендер 2000, с. 125, 126, рис. 3].

Из пяти ЖХК два исследованы полностью (ЖХК 1 и 3). Три ЖХК раскопаны частично, но, в целом, создают представление об их размерах и форме.

Все строения на Степановке-1 сооружены с использованием камня – плитчатого песчаника. Все плиты ломанные, поверхность их необработанная. Выходы песчаника на поверхность зафиксированы в 0,2 км на юг от поселения. Очевидно здесь, в древности, находились каменоломни (рис. 2). Глина при сооружении построек не применялась.

Каменные конструкции возводились в два технологических приема – орфостатный ряд и иррегулярная постелистая кладка (по С.Д. Крыжицкому) [Крыжицкий 1982]. Нижний

орфостатный ряд представлял вертикально стоящие у стен, по периметру котлована, крупные плиты песчаника. Их функция заключалась в укреплении стенок котлована от разрушения. Плиты орфостатного ряда возводились на высоту погребенной почвы. В материк они практически не вкапывались. Сверху них с уровня древнего горизонта, укладывались друг на друга, плашмя, в один ряд (в ширину) более мелкие камни. Данный технологический прием осуществлялся без применения связующего раствора. Его прочность определялась тяжестью верхнего яруса, сохранившаяся высота которого на некоторых участках достигала 0,4 м.

Основным типом построек на Первом Степановском поселении являются полуземлянки. Относительно небольшая глубина их котлованов была рассчитана на сооружение наземной части. Однако уже на заключительном этапе (втором периоде) жизни поселка появляется наземный тип строений, используемый, очевидно для хозяйственных целей. Такой тип строений представлен пристройкой к основному помещению ЖХК 3 [Бровендер 2000, с. 126, рис. 3.3; 2012, с. 65, рис. 20.2, 20.3].

Особый интерес представляет погребение 1, выявленное в ЖХК 3. На месте нар, устроенных в северо-западной части постройки, с восточной стороны из плит песчаника сложена однорядная постелистая кладка дугообразной формы, соединяющая северную и западную части помещения. Полученная таким образом конструкция напоминает каменный ящик. Под мощным каменным закладом, на уровне материка выявлен костяк взрослого человека. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север. Кости ног прижаты друг к другу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута, а ее кисть на предплечье [Бровендер 2000, с.126 рис. 3, 3; 2012, с. 65 рис. 20, 2, 3, с. 66, рис. 21].

Данное погребение неординарное. Оно не имеет аналогов среди погребений БМСК. Однако подобное вытянутое положение костяка на спине известно в Днепро-Донском регионе среди погребений переходного периода от эпохи средней к поздней бронзы. Стратиграфическое их положение в курганах (между погребениями позднекатакомбной и срубной КИО) указывает на бабинское время [Тощев 1993, с. 158; 2007, с. 166]. Особенно представительна данная группа погребений на Крымском полуострове. По подсчетам Г.Н.Тощева, по состоянию на 1993 г., рассматриваемые погребения, для которых исследователем предложено название “евпаторийская группа” с костяными пряжками в составе погребального инвентаря, насчитывала порядка десяти погребений. Количество погребений выделяемой группы, как об этом ранее говорил исследователь, значительно увеличивается (до 30 комплексов, по Р.А.Литвиненко [Литвиненко 2009, с. 11]), если учитывать безинвентарные погребения [Тощев 1993, с.157-158]. Известны они и за пределами Крыма. Р.А.Литвиненко в Нижнем Поднепровье насчитывает семь таких комплексов. Исследователь характеризует эти погребения как “... слабко і нерівномірно досліджену периферійну групу пам'яток, характер і статус якої поки що залишається незрозумілим і значною мірою залежить від подальшого накопичення джерел”, относит ее к выделенной им громовской подгруппе, включая их в состав евпаторийской группы [Литвиненко 2009, с. 10-11].

В степановском костяке особо обращает на себя внимание, согнутое в локте с кистями на предплечье положение левой руки. Подобное положение рук костяков среди погребений евпаторийской группы, как будто бы неизвестно. В этой связи интерес вызывает погребение 11 кургана 1, исследованное Запорожской экспедицией у с. Лукьяновское Васильевского р-на Запорожской обл. В кургане исследовано 11 погребений: два бабинских, восемь срубных и одно неопределенное. Усматривая п. 11 как основное в кургане № 1, З.Х. Попандопуло относит его к бабинской КИО. Однако, в отличие от степановского погребения, при положении костяка на спине, лукьяновское имело согнутые в коленях ноги и южную ориентацию [Попандопуло 1990, с. 88, 89, рис. 2, 7].

Важно заметить, что описываемый обряд, по которому совершено степановское погребение в пределах постройки 3, – не единственный источник проявления на

Степановском поселении БМСК бабинских (Днепро-Донской бабинской культуры [Литвиненко 2010, с. 47]) традиций [Бровендер 2013, с. 138-139].

Пять радиоуглеродных дат получено по костям животных из трех ЖХК (1, 3 и 4), а также из погребения 1 ЖХК 3 поселения Степановка-1 (табл. 1). Анализы выполнены в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины и Министерства чрезвычайных ситуаций Украины (аналитик Н.Н. Ковалюх).

№ п/п	Привязка	Лабораторный номер	ВР	BC
1	Степановка-1, ЖХК 1 (зап. помещения 1)	Ki - 16435	3080 ± 60	1σ 1420-1260 BC 2σ 1460-1120 BC
2	Степановка-1, ЖХК 1 (дно помещения 1)	Ki - 16891	3340 ± 70	1σ 1690-1520 BC 2σ 1780-1440 BC
3	Степановка-1, ЖХК 3 (дно помещения 1)	Ki - 16436	3340 ± 50	1σ 1690-1580 BC 1570-1520 2σ 1740-1510 BC
4	Степановка-1, ЖХК 3 (погр. 1)	Ki - 16890	3420 ± 80	1σ 1880-1840 BC 1780-1610 2σ 1920-1520 BC
5	Степановка-1, ЖХК 4 (дно помещения 2)	Ki - 16889	3280 ± 70	1σ 1640-1490 BC 2σ 1700-1410 BC

Табл. 1. Радиоуглеродные даты из поселения Степановка-1

Обращает на себя внимание близость дат из ЖХК 1 (анализ Ki – 16891) и ЖХК 4. По средним показателям калиброванных дат они укладываются в XVII в. до н.э. Этим же возрастом, XVII в. до н.э., датируется и ЖХК 3. Здесь следует заметить, что по результатам радиоуглеродного анализа, ЖХК 3 является несколько более ранним, нежели ЖХК 4, хотя планиграфически ситуация как будто бы прослеживается обратная. На первый взгляд, настораживает радиоуглеродная дата, полученная по костям из погребения 1 ЖХК 3. Погребение, находящееся на нарах постройки, по данным радиоуглеродного датирования является более ранним, нежели сама постройка. Возможно, полученные даты требуют проверки повторным анализом. Хотя, впрочем, с появлением новых сведений по домостроительству на комплексе памятников Картамышского археологического микрорайона [Бровендер, Загородняя 2011], где на поселении Червонэ озеро 1 исследована аналогичная Первому Степановскому ЖХК 3 постройка 1, давшая, подобно Степановке (1,6% [Бровендер 2012, с. 204, табл. 2, 4]), коллекцию керамики с реминисценциями бабинских керамических традиций (вовнигский тип), но более представительную (от 10,6% до 27%) [Бровендер 2012а, с. 553], хронологическое сопоставление ЖХК 3 с ЖХК 4, а соответственно и с ЖХК 1 и 5 требует критического подхода.

Напомним, что приоритет во времени существования ЖХК 4, которому типологически близки ЖХК 1 и 5, определялся нами фактом частичного разрушения помещения 1 ЖХК 4 каменной конструкцией, примыкающей к основной постройке полуземляночного помещения, ранее рассматриваемых нами в комплексе как единый ЖХК 3. В связи с появлением новых сведений на Картамыше, автор не исключает возможность предполагать функционирование каменной конструкции, тяготеющей к ЖХК 3 и частично разрушившей помещение 1 ЖХК 4, как более поздней, не связанной во времени с периодом функционирования постройки (ЖХК) 3. Если наши рассуждения верны, то соотношение дат

радиоуглеродного анализа, как определяющего время существования построек Степановского поселения, можно признать объективными.

Степановский курганный некрополь. Обследование окружающей поселение территории, позволило автору статьи совместно с В.А. Пармоновым выявить курган, являющийся, по всей видимости, некрополем этого поселка.

Курган расположен на склоне возвышенного плато в 650 м на юго-запад от Степановского поселения (рис. 1). На некоторых участках кургана прослеживались крупные плиты песчаника и известняка. В силу особенностей ландшафта Степановского археологического микрорайона, поселение и курган были взаимно обозреваемы.

Всего в кургане исследовано 24 погребения, в т.ч. 23 срубной культурно-исторической общности (СКИО), одно погребение сарматское (?).

Основное количество погребений в кургане (19) совершено в каменных ящиках, представленных двумя типами конструкций. Большинство из них сооружено с использованием четырех крупных плит песчаника, поставленных на ребро. Лишь одно погребение (п. 2) совершено в каменном ящике (цисте), сложенном из небольших плиток песчаника методом горизонтальной (постелистой) кладки. Четыре погребения СКИО совершены в ямах, в т.ч. одно погребение в яме с подбоем (п. 18).

Анализ погребальных сооружений Степановского курганного некрополя позволяет говорить об определенном разнообразии типов могильных конструкций, в которых хоронили умерших жители поселка. Погребения в каменных ящиках и ямах имеют взаимоперекрестную стратиграфию. В этой связи есть основание предполагать сосуществование представленных в кургане типов могил. Все погребения срубной общности, исследованные в Степановском курганном некрополе, согласно периодизации Р.А. Литвиненко, относятся к развитому и позднему этапам срубной культуры Северского Донца и Приазовья [Литвиненко 1999, с. 15-17, рис. 13; 2000а, с. 85-86, рис. 4]. Керамика в этих погребениях имеет типичный для данного периода внешний облик. Обращает на себя внимание абсолютное отсутствие валиковой посуды. В отношении каменных ящиков с горизонтальной кладкой стен, заметим, что в исследованном курганном комплексе данного типа, погребение 2 было впущено в первичную насыпь, основное погребение в котором (п. 9) было совершено в каменном ящике, сложенном из четырех поставленных на ребро плит песчаника. Такое временное соотношение в очередной раз подтверждает основанные на многочисленных стратиграфических наблюдениях выводы Р.А. Литвиненко о несколько поздней хронологической позиции погребений в цистах в системе памятников СКИО [Литвиненко 2000б, с. 9-10].

Анализ стратиграфии Степановского курганного некрополя и планировки его погребений дает основание в какой-то степени проследить их развитие во времени.

Данные стратиграфии памятника, а также зафиксированные случаи нарушения погребений, дают основание считать группу каменных ящиков с северо-восточной ориентировкой умерших (рис. 7), несколько более ранней по сравнению с погребениями, имеющими восточную ориентировку (рис. 8, 1-5). Однако все они рассматриваются нами в рамках первого периода бережновско-маевской срубной культуры.

Значительный массив в кургане погребений, относящихся к одному культурно-историческому образованию, причем совершенных в пределах достаточно узких хронологических рамок, а также расположение самого кургана вблизи Первого Степановского поселения дают возможность рассматривать основной массив погребений в некрополе и поселение Степановка-1 как одновременно функционировавший комплекс.

Зафиксированные в кургане две основных стратиграфических группы погребений бережновско-маевской срубной культуры (погребения с ориентацией каменных ящиков по линии северо-восток – юго-запад и восток – запад) наводят на мысль о сопоставимости их с исследованными на Первом Степановском поселении жилищно-хозяйственными комплексами (ЖХК), относящимися также к двум стратиграфическим горизонтам. Таким

образом, небезосновательным будет сопоставление погребений, имеющих северо-восточную ориентацию, с первым периодом (рис. 7), а погребений, имеющих восточную ориентацию, (рис. 8, 1-5) – со вторым периодом поселения Степановка-1.

Поселение Степановка-2¹. В северо-восточной части микрорайона, на мысу боровой террасы, возвышающейся над уровнем ручья до 4,5 м и окруженной с трех сторон глубокой балкой, расположено поселение Степановка-2. Его площадь около 100×120 м. Территория поселения систематически распахивалась глубокой вспашкой, результатом чего явилось значительное разрушение культурного слоя. На дневной поверхности основной части памятника прослеживаются многочисленные плиты песчаника – свидетельства каменного домостроительства. Культурный слой в не потревоженном состоянии сохранился лишь в северо-восточной части памятника, у края мыса, укрепленного лесопосадкой.

В центре восточной части памятника был заложен раскоп-1 площадью 11 м². Культурный слой залегал с глубины 0,3-0,4 м. Вне котлована он достигал мощности 0,3 м. Материк, представленный глиной светло-коричневого цвета, вне котлована постройки фиксировался на глубине 0,7-0,8 м, а в пределах исследованной части помещения – на глубине 1 м. В раскопе-1 выявлена часть постройки, котлован которой укреплен орфостатным рядом каменных плит, сверху которого положена постелистая кладка песчаника. Исследованная часть стены постройки ориентирована по линии север – юг.

Материал, выявленный в раскопе, как, впрочем, и собранный на поверхности памятника, культурно однородный, связан с бережновско-маевской срубной культурой (рис. 9; 10). По характеру укрепления стенок котлована и сооружения стен построек, данный комплекс аналогичен жилищно-хозяйственным комплексам поселения Степановка-1. Достаточно близкой Первому Степановскому поселению является и керамика. Как и на Степановке-1, посуда Второго Степановского поселения представлена баночной, горшковидной формой и горшками. Достаточно близким является характер обработки поверхности сосудов. Основное количество посуды имеет заглаженную поверхность, однако встречаются фрагменты керамики, имеющие хрупкую внешнюю поверхность, а также единичные фрагменты, внутренняя сторона которых обработана грубыми бороздоподобными расчесами. Близость двух Степановских поселений прослеживается и по элементам орнамента, а также технике его нанесения. Вместе с тем, даже при небольшой коллекции керамики с поселения Степановка-2, обращает на себя внимание большое количество горшков.

Подобно Первому Степановскому поселению, где найдена значительное количество кремня (148 экз.), в т.ч. изделий из него, особенно в пределах ЖХК 3 [Колесник, Бровендер 2010, с. 92], на поселении Степановка-2 в виде подъемного материала также собрана большая коллекция кремневых находок (более 100 экз.). Она представлена желваками, обломками, отщепами, а также изделиями. Коллекция кремневых изделий здесь насчитывает 13 экземпляров. Среди них: наконечник стрелы, скребки, ножевидные пластины, нуклеусы. Обращает на себя внимание обломок кремневого наконечника стрелы с усеченным основанием, найденный среди подъемного материала (рис. 9, 9). Его длина 7,5 см, ширина основания 1,6 см. Аналогичное изделие выявлено в погребении Днепро-Донской бабинской культуры на Нижнем Дону (Котлубань IV 1/4) [Литвиненко 1998, с. 50, рис. 2, 14]. Следует заметить, что такой же тип наконечника, отличающийся лишь шириной основания, найден в помещении 3 ЖХК 1 Первого Степановского поселения. Его аналоги мы находим также в погребении Днепро-Донской бабинской культуры на территории Донецкого Приазовья (Новоандреевка 4/1) [Литвиненко 1998, с. 50, рис. 2, 15]. Наличие на Первом и Втором Степановских поселениях близких по типу наконечников стрел, известных как на бабинских,

¹ Автор искренне благодарен В.А. Парамонову за предоставленную возможность опубликовать материалы его разведок по поселениям Степановка-2 и 3, а также за деятельную и неоценимую помощь в раскопках поселения Степановка-1 и курганного некрополя у этого поселения.

так и на раннепокровских памятниках, могут свидетельствовать как о хронологической близости двух Степановских поселений, так и о достаточно раннем их возрасте в рамках бережновско-маевской срубной культуры. Что же касается происхождения наконечников стрел с усеченным основанием, то, по предположению Р.А. Литвиненко, они могут быть связаны с проникновением инокультурного населения из Доно-Волжского региона [Литвиненко 1998, с. 51].

По кости из раскопа-1 Второго Степановского поселения в Киевской радиоуглеродной лаборатории проведен анализ (табл. 2):

№ п/п	Привязка	Лабораторный номер	BP	BC
1	Степановка-2, раскоп-1	Ki-16437	3110 ± 50	1σ 1440-1310 BC 2σ 1500-1250 BC

Табл. 2. Радиоуглеродная дата из поселения Степановка-2

Полученная дата является более поздней, по сравнению с датами, представленными постройками Первого Степановского поселения. Впрочем, хронологическая близость прослеживается при сопоставлении ее с датой, полученной из заполнения ЖХК 1 поселения Степановка-1. В целом же, для синхронизации этих двух поселений необходимы как более масштабные полевые исследования поселения Степановка-2, так и дополнительные радиоуглеродные анализы материалов из комплексов этого памятника.

Поселение Степановка 3 является наиболее близко расположенным к “Мергелевой гряде” бытовым памятником эпохи поздней бронзы.

Поселение занимает мысовидный участок боровой террасы, с запада ограниченной балкой, а с севера оврагом, переходящим в высокую гривку. С двух сторон мыс омывается ручьями. Его высота относительно уровня воды в ручьях достигает 3,5 м. Территория памятника задернована, однако на дневной поверхности, в некоторых местах прослеживается орфостатный ряд каменных плит постройки. Ее площадь около 50×30 м.

За пределами постройки был заложен разведочный шурф, размерами 2×2 м. Культурный слой залегал под дерновым слоем, с глубины 0,1 м. Его мощность около 0,4 м. Материк, представленный светло-коричневой глиной, выявлен на глубине 0,8 м.

Памятник культурно однородный, представлен материалами бережновско-маевской срубной культуры. Поскольку материалы с данного памятника малочисленны, а количество диагностической керамики ограничивается лишь двумя фрагментами (рис. 10), выводы о синхронности поселений Степановка-3 и Степановка-1 предположительны. На хронологическое соответствие этих двух памятников указывают результаты радиоуглеродного датирования.

По кости из шурфа 1 поселения Степановка-3 в Киевской радиоуглеродной лаборатории проведен один анализ (табл. 3):

№ п/п	Привязка	Лабораторный номер	BP	BC
1	Степановка-3, шурф-1	Ki-16438	3330 ± 60	1σ 1690-1520 BC 2σ 1750-1490 BC

Табл. 3. Радиоуглеродная дата из поселения Степановка-3

Полученная дата сопоставима с датами из ЖХК 1 и ЖХК 4 Первого Степановского поселения. Для более аргументированных выводов о синхронности поселений Степановка-1 и Степановка-3 необходимы значительные по площади полевые исследования поселения Степановка-3.

Масштабные исследования поселения Степановка-1, сопоставление его с другими поселениями СКИО восточноевропейской степи и лесостепи, позволили автору в начале нового тысячелетия в ареале Донецкого края выделить памятники степановского типа БМСК [Бровендер 2000; 2000а]. Их особенностью является каменное домостроительство (в т.ч. постройки усадебного типа, многокамерность построек, представленных жилищно-хозяйственными комплексами), погребальные конструкции в виде каменных ящиков, характерные черты керамического комплекса (в т.ч. охристый ангоб, хрупчатость внешней поверхности, специфический валиковый орнамент), обилие каменных дисков, являющихся своеобразной визитной карточкой памятников степановского типа. Традиции бабинской культуры, прослеживаемые в домостроительстве, погребальных конструкциях, керамике, каменном инструментарии, а также в других предметах материальной культуры, убеждают в правомерности суждений о доминирующей роли местной Днепро-Донской бабинской культуры, при участии покровского компонента, в формировании БМСК. Сопоставление поселений степановского типа БМСК Донецкого края с поселениями покровско-мосоловской срубной культуры Северскодонецкого Левобережья свидетельствуют об их синхронности в рамках развитого периода СКИО [Бровендер 2000а]. Свидетельства о сосуществовании поздней ПМСК и ранней БМСК прослеживаются и по материалам погребальных памятников Северскодонецкого региона [Отрощенко 2001, с. 152].

Результаты масштабных по площади раскопок памятников Картамышского археологического микрорайона эпохи бронзы на эпонимном рудопроявлении Донбасса [Бровендер и др. 2010], а также общий анализ источников, выявленных на бытовых памятниках в зоне иных медных рудопроявлений Донбасса (Выскривское, Кислый Бугор, Клиновое) [Татаринев 2003], позволяют говорить о том, что расцвет производственной деятельности Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы, базирующегося на рудах Бахмутской котловины Донбасса, связан с населением БМСК, оставившим памятники степановского типа. Не противоречат сказанному и результаты радиоуглеродного анализа, полученные по материалам памятников Картамышского горно-металлургического комплекса эпохи бронзы. Так, по средним показателям калиброванных дат, представленных материалами из верхнего уровня культурного слоя техногенного участка рудника Червонэ озеро-I (5 определений) и погребения 1 у горной выработки-1 рудника Червонэ озеро-IV (одно определение), все они укладываются в XVII в. до н.э. При вероятности в одну сигму, диапазон дат укладывается в промежуток времени 1685-1447 гг. до н.э., а при использования вероятности в две сигмы – 1851-1410 гг. до н.э. [Бровендер 2005, С. 17, 19-20]. Соответствующие показатели по поселению Степановка-1 (3 радиоуглеродных определения со дна построек ЖХК 1, 3, 4): одна сигма 1690-1490 гг. до н.э.; две сигмы 1780-1410 гг. до н.э. Сопоставление дат этих двух памятников свидетельствует об их синхронности. В этот же хронологический диапазон укладывается и радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из рудника-I рудопроявления Медная руда (табл. 4):

№ п/п	Привязка, образец	Лабораторный номер	ВР	ВС
1	с. Медная руда, фрагмент фаланги (копытовидной кости)	Ki-16415	3270 ± 60	1σ 1620-1490 ВС 2σ 1690-1410 ВС

Табл. 4. Радиоуглеродная дата из рудопроявления Медная руда

Подытоживая характеристику памятников Степановского археологического микрорайона, акцентируем внимание на том, что данный микрорайон памятников эпохи бронзы, расположенный в центральной части Донбасса, является уникальной археологической территорией не только для изучения древней истории населения,

обитающего на территории Донецком кряже, но и на более широких пространствах Восточноевропейской степи и лесостепи.

Бровендер Ю.М.

СТЕПАНІВСЬКИЙ МІКРОРАЙОН ПАМ'ЯТОК ДОБИ БРОНЗИ НА ДОНЕЦЬКОМУ КРЯЖІ

У статті встановлено культурно-хронологічний зв'язок між пам'ятками мікрорайону, де досліджені розкопками поселення Степанівка-1 та курганний некрополь, розглядаються як єдиний культурно-історичний комплекс. Результати досліджень археологічних пам'яток мікрорайону, насамперед поселень, дають додаткові свідчення щодо ролі бабинського компоненту у формуванні бережнівсько-маївської зрубною культури. Зіставлення матеріалів поселень Степанівка-1 та Червоне озеро-1 Картамиського археологічного мікрорайону за характером домобудівництва і керамічного комплексу сприяло корегуванню періодизації житлово-господарчих комплексів Першого Степанівського поселення. З'ясовано, що ЖГК 3, відносно інших досліджених комплексів поселення, є більш раннім, а не навпаки, як вважалося раніше. Отримані додаткові свідчення про найбільш активний період розробки мідних руд Бахмутської улоговини Донбасу, який припадає на період існування пам'яток Степанівського типу.

Ключові слова: Степанівський археологічний мікрорайон, житлово-господарчий комплекс, поселення, поховання, бережнівсько-маївська зрубна культура, доба бронзи.

Brovender Yu.M.

STEPANOVSKIY MICRODISTRICT OF THE BRONZE AGE MEMORIALS ON THE TERRITORY OF DONETSKIY HILLS

The article presents cultural and chronological connection between memorials of the microdistrict where moreover the investigated the settlements Stepanivka 1 and necropolis are considered to be a unified cultural-historical complex. Investigation results of archeological memorials of microdistrict, settlements, in particular, give additional information about active role of Babyne's component in forming of Berezhnovsko-Maevskiy framed culture. Comparing the materials of settlements of Stepanivka 1 and Chervone ozero 1 of Kartamysh archeological microdistrict according to house building, ceramic complex promoted the correcting of periodization of dwelling-economic complexes of the First Stepanovskiy settlement. It was found out that dwelling-economic complex 3 with respect to other investigated complexes is older, not vice versa as it has been known before. There have been obtained additional testimonies about the most active period of copper production on the territory of Bakhmut basin of Donbass area, that corresponds the period of existence of the memorials of Stepanovskiy type.

Keywords: Stepanovskiy archeological microdistrict, dwelling-economic complex, settlement, burial, Berezhnivsko-Maevskiy timber-grave culture, the Bronze Age.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бровендер Ю.М. К вопросу о выделении доно-донецкой производственной зоны металлургии и металлообработки в эпоху поздней бронзы (Донецкий ареал) / Ю.М. Бровендер // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: матер 3-го укр.-рос. польового археолог. семінару. – К; Вороніж; Перевальськ, 1997. – С. 6-11.

Бровендер Ю.М. Степановский тип памятников бережновско-маевской зрубной культуры / Ю.М. Бровендер // ПАП. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2000. – С. 123-134.

Бровендер Ю.М. Поселення зрубною спільності в середній течії Сіверського Дінця: автореф. дис. на здобуття вчен. степеню канд. іст. наук: спец. 07.00.04 "Археологія" / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2000а. – 20 с.

Бровендер Ю.М. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы (некоторые итоги исследований) / Ю.М. Бровендер //

Проблеми гірничої археології: матер. II-го Міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2005. – С. 11-23.

Бровендер Ю.М. Картамиський комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в центральному Донбасі / Ю.М. Бровендер, В.В. Отрошенко, А.Д. Пряхін // Археологія. – 2010. – № 2. – С. 87-101.

Бровендер Ю.М. Раскопки поселения Червонэ озеро 1 Картамышского комплекса горно-металлургических памятников эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // АДУ 2010 року. – К.; Полтава, 2011. – С. 47-48.

Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже / Ю.М. Бровендер. – Алчевськ: Изд-во ДонГТУ, 2012. – 234с.

Бровендер Ю.М. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса / Ю.М. Бровендер // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матер. III Луганської міжнар. історико-археолог. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 551-556.

Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юга-Восточной Украины / А.Ф. Горелик. – Луганськ: РИО ЛИВД, 2001. – 366 с.

Клочко В.І. “Мергелева гряда” / В.І. Клочко // Искусство и религия древних обществ. – Луганськ: Світлиця, 2007. – С.118-121.

Клочко В.І. Мергелевая гряда: 2004–2007 гг. / В.И. Клочко, В.А. Парамонов // Археологічні відкриття на Сході України в 2007 р.: тези доп. регіон. наук.-практ. конф. – Луганськ, 2007. – С. 25-28.

Колесник А.В. Кремневая индустрия срубного поселения Степановка и Картамышского археологического комплекса в Донбассе / А.В. Колесник, Ю.М. Бровендер // ДАЗ. – № 13/14. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. – С. 91-97.

Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. / С.Д. Крыжицкий. – К.: Наук. думка, 1982. – 166 с.

Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики / Р.А. Литвиненко // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: матер. 4-го укр.-рос. польового археолог. семінару. – К.; Вороніж, 1998. – С. 46-52.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Литвиненко Р.А. Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики / Р.А. Литвиненко // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 12-19.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) / Р.А. Литвиненко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: матер. междунар. науч. конф. – Воронеж, 2000а. – С. 81-90.

Литвиненко Р.О. Поховання зрубної культури в кам'яних гробницях з горизонтальною кладкою стін / Р.О. Литвиненко // Археологія. – 2000б. – № 4. – С. 3-18.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... д-ра іст. наук.: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2009. – 32.

Литвиненко Р.О. До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я // ДАЗ. – 2009/2010. – № 13/14. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. – С. 30-66.

Отрошенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрошенко. – К, 2001. – 288 с.

Татаринов С.И. Древние горняки-металлурги / С.И. Татаринов. – Славянск: Печатный двор, 2003. – 131с.

Тощев Г.Н. Погребения КМК с вытнутыми костяками в Крыму / Тощев Г.Н. // ДСПК. – Т. IV. – Запорожье, 1993. – С. 157-161.

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы / Г.Н. Тощев. – Запорожье, 2007. – 304 с.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.

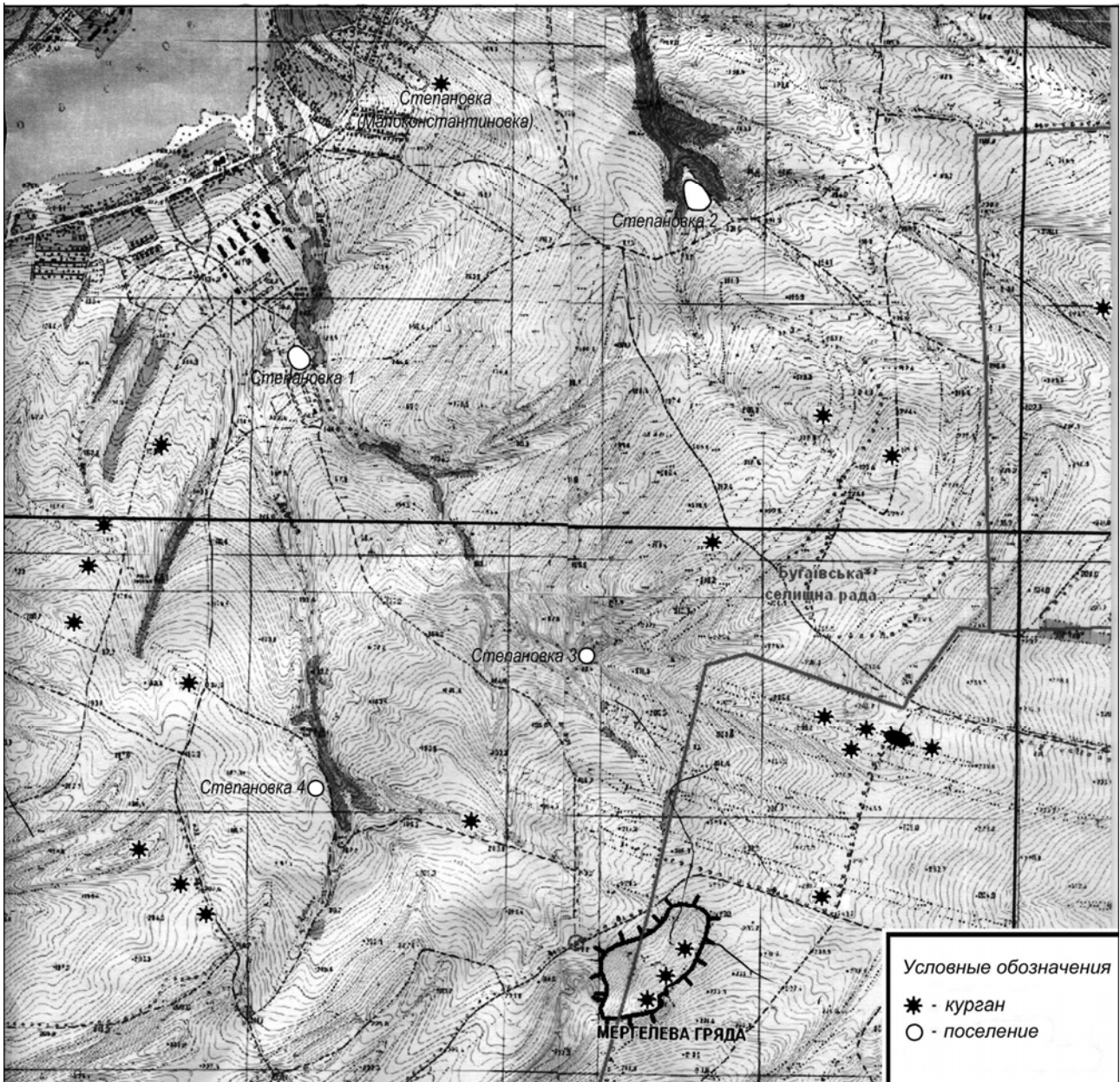

Рис. 1. Карта памятников Степановского археологического микрорайона

Fig. 1. Map of the memorials of Stepanovskiy archeological microdistrict

Рис. 2. Топографический план поселения Степановка-1

Fig. 2. Topographic plan of Stepanovka-1 settlement

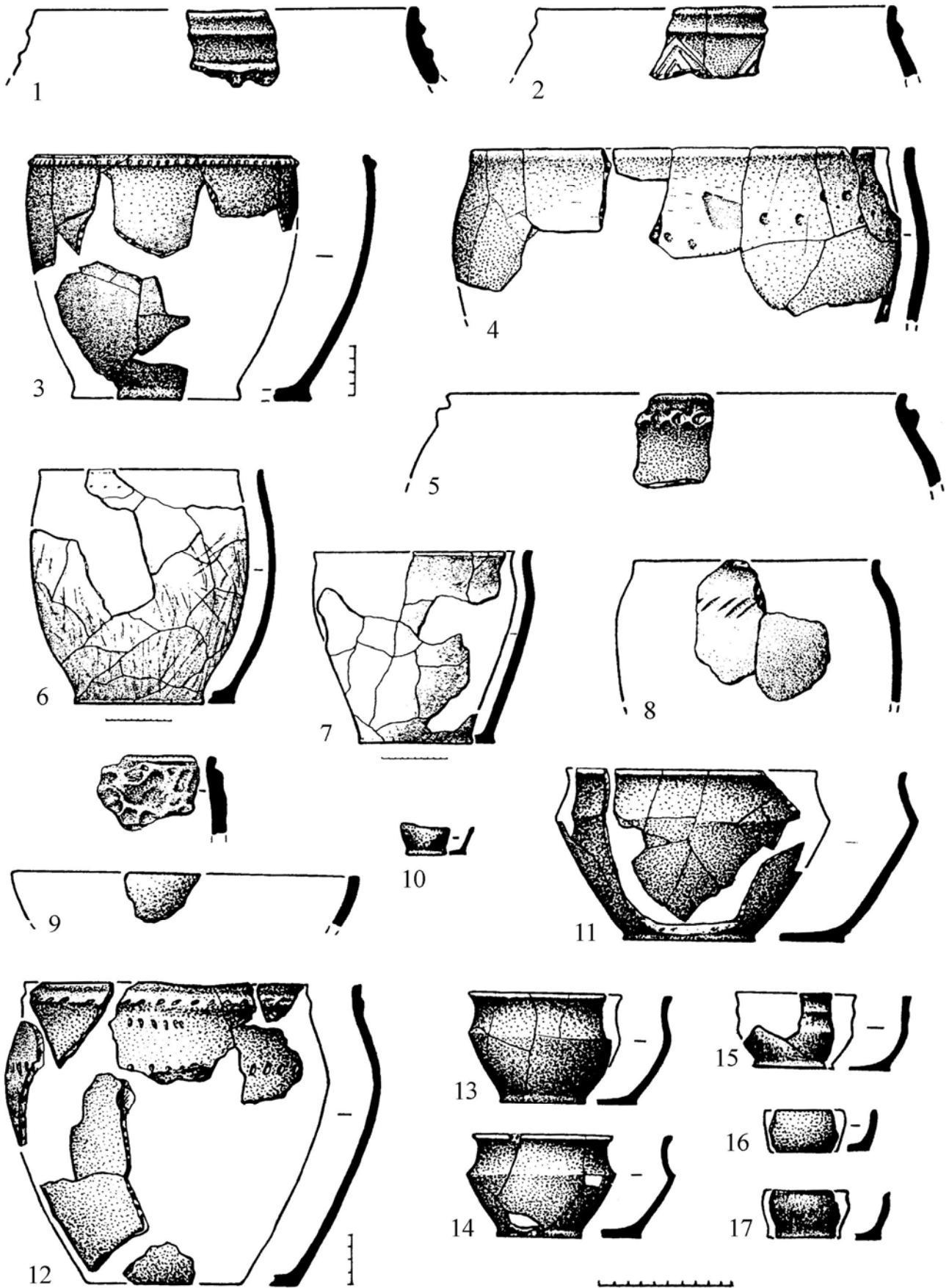

Рис. 3. Керамика поселения Степановка-1. Жилищно-хозяйственный комплекс – 1

Fig. 3. Ceramics of Stepanovka-1 settlement. Dwelling-economic complex-1

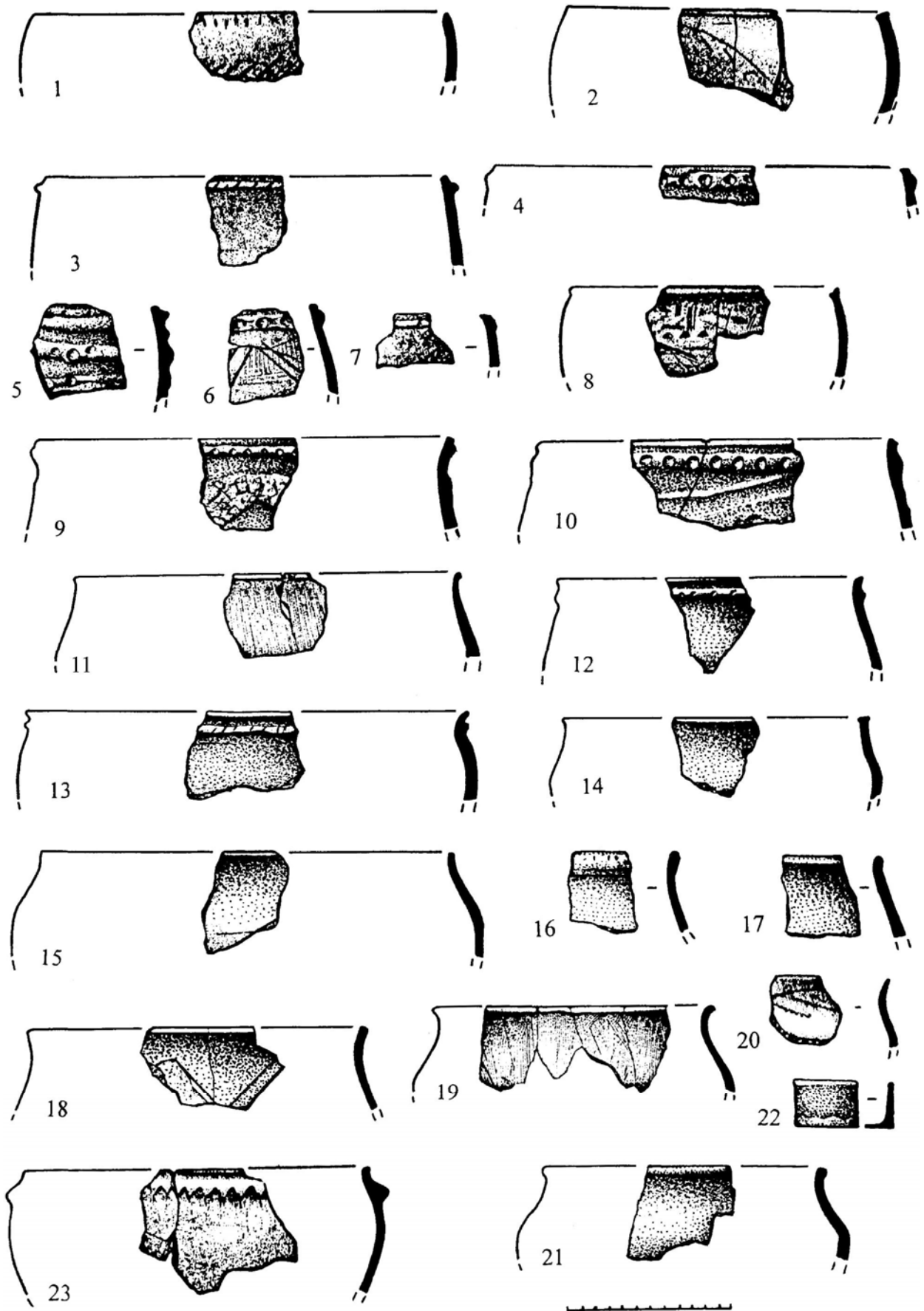

Рис. 4. Керамика поселения Степановка-1. Жилищно-хозяйственный комплекс – 3
Fig. 4. Ceramics of Stepanovka-1 settlement. Dwelling-economic complex-3

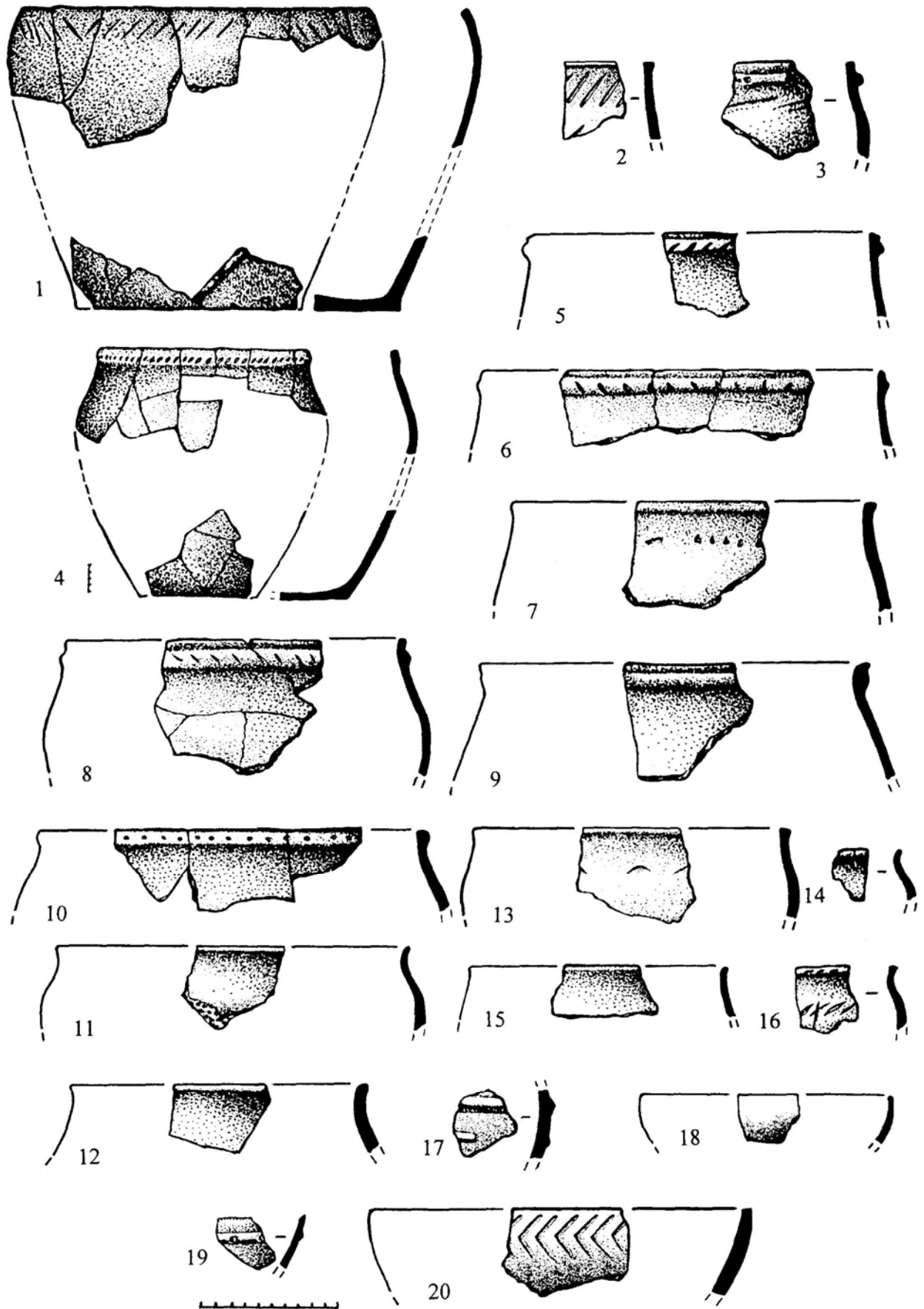

Рис. 5. Керамика поселения Степановка-1. Жилищно-хозяйственный комплекс – 4
Fig. 5. Ceramics of Stepanovka-1 settlement. Dwelling-economic complex-4

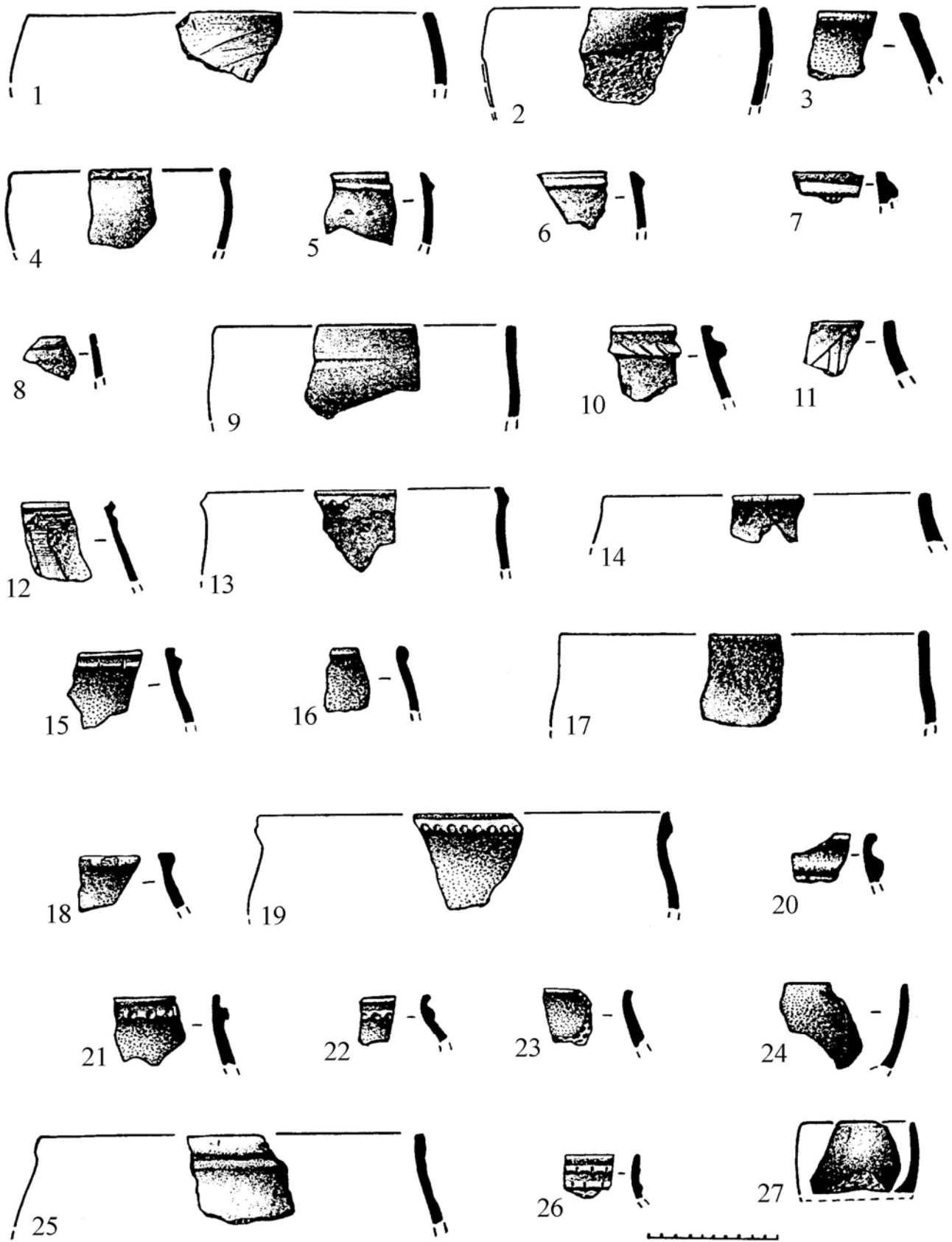

Рис. 6. Керамика поселения Степановка-1. Жилищно-хозяйственный комплекс – 5

Fig. 6. Ceramics of Stepanovka-1 settlement. Dwelling-economic complex-5

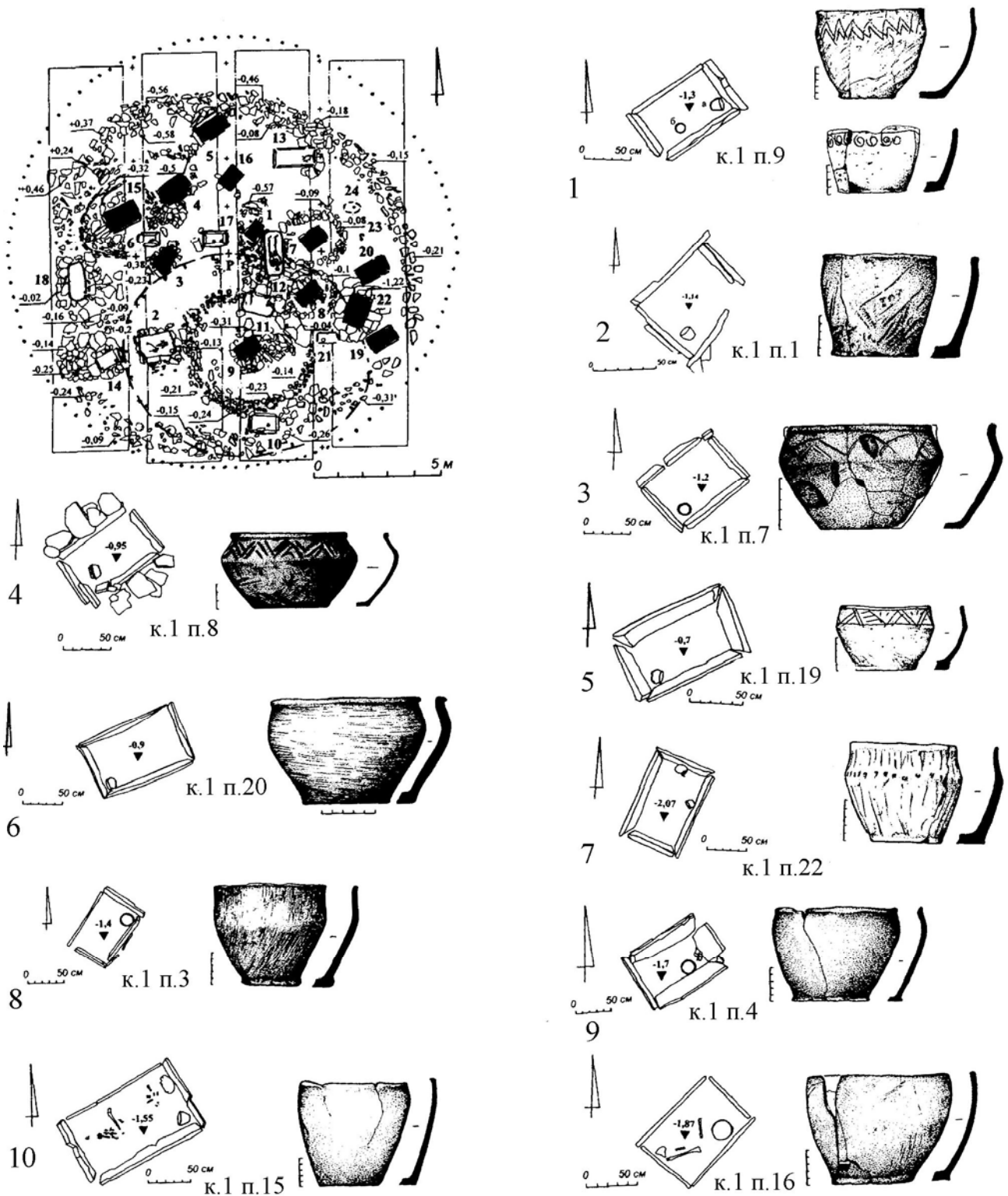

Рис. 7. Некрополь поселення Степанівка-1. Погребення I-го стратиграфічного горизонту:
 1-7 – погребення 1-ї групи (східний сектор кургану);
 8-11 – погребення 2-ї групи (північно-західний сектор кургану)

Fig. 7. Stepanovka-1 settlement necropolis. Burials of the 1-st stratigraphic horizon:
 1-7 – burials of the 1-st group (eastern sector of the barrow);
 8-11 – burials of the 2-nd group (north-eastern sector of the barrow)

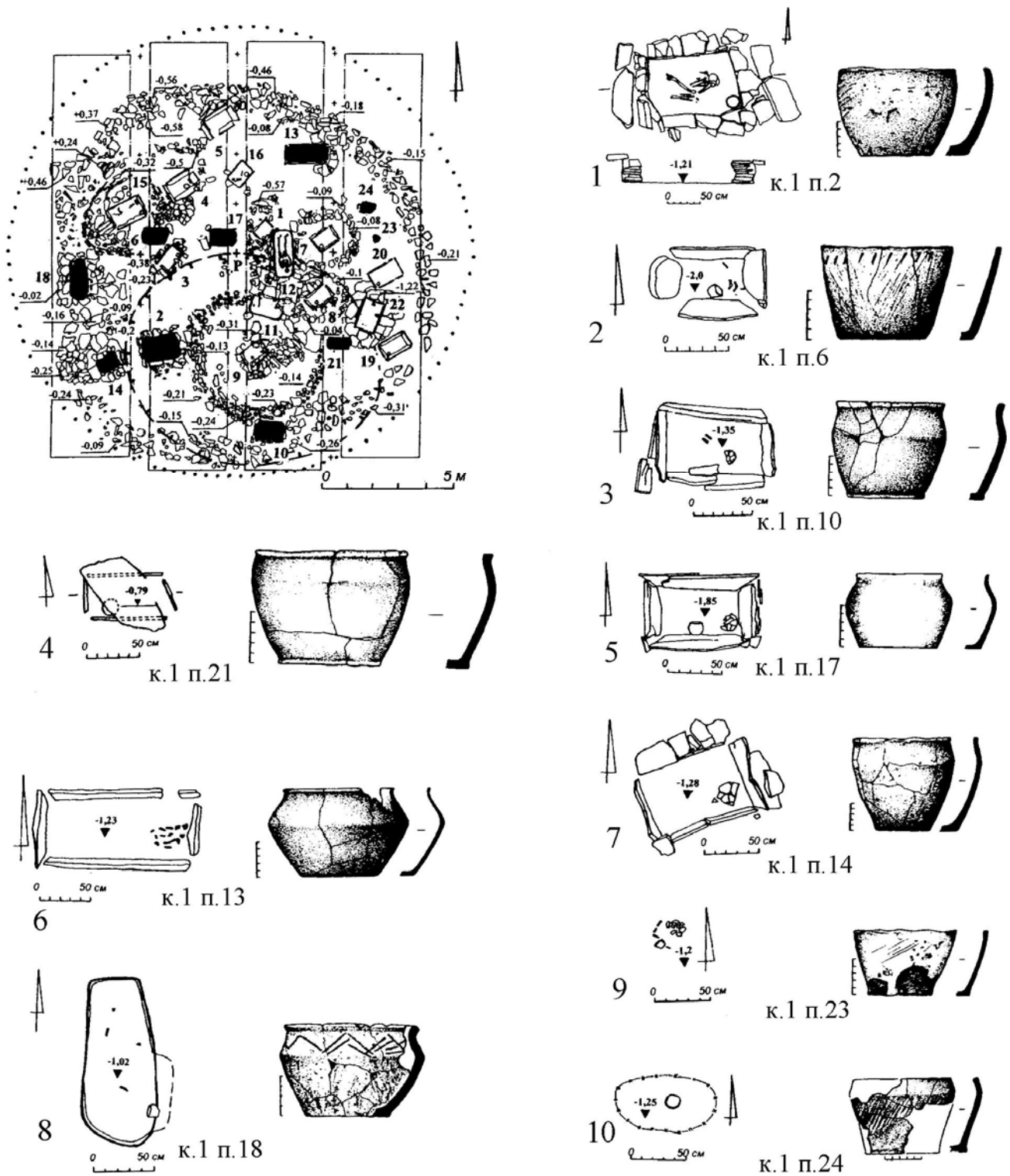

Рис. 8. Некрополь поселения Степановка-1:

1-5 – погребения II-го стратиграфического горизонта (3-я группа);
6-10 – погребения III-го стратиграфического горизонта (4-я группа)

Fig. 8. Stepanovka-1 settlement necropolis:

1-5 – burials of the 2-nd stratigraphic horizon (3-rd group);
6-10 – burials of the 3-rd stratigraphic horizon (4-th group)

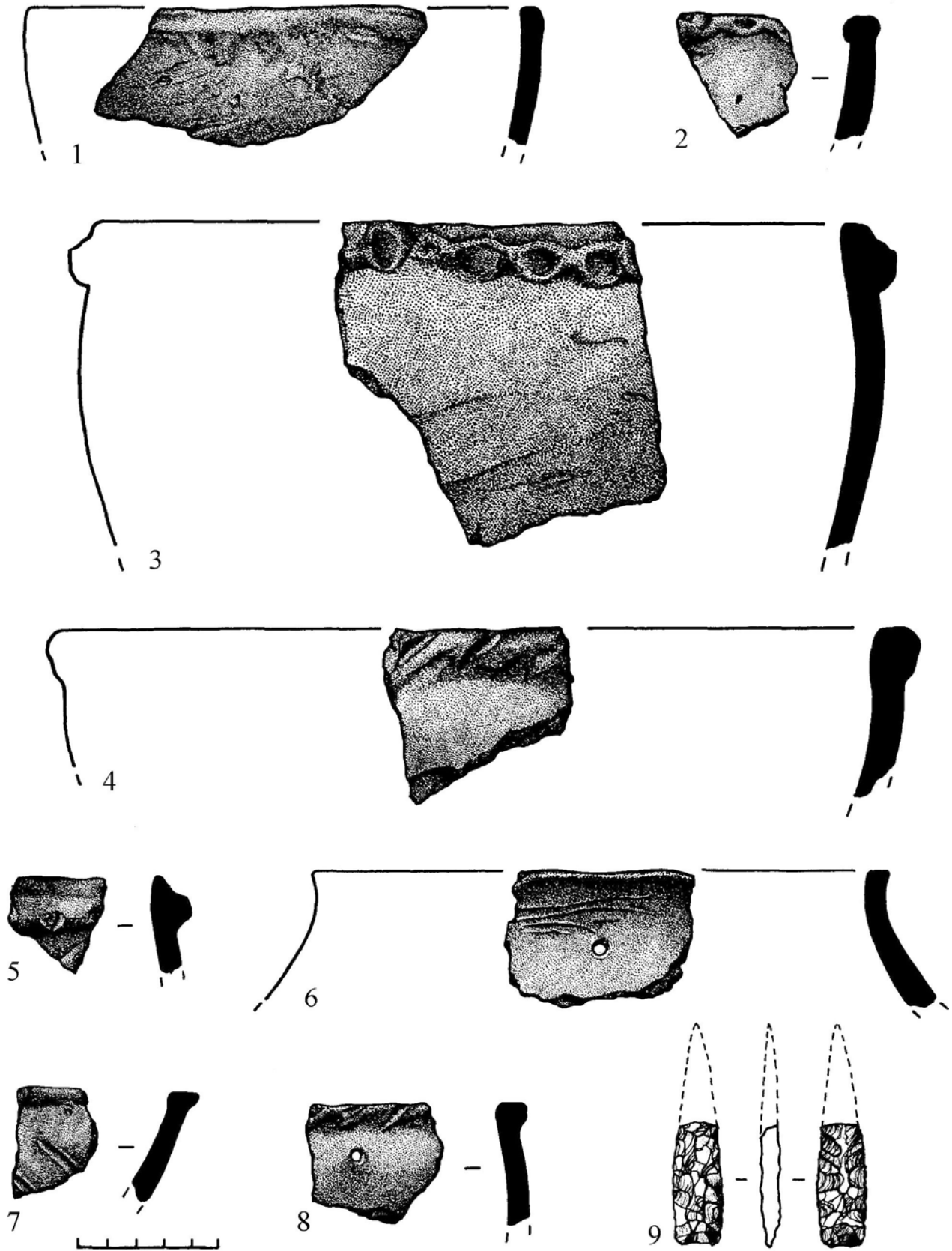

Рис. 9. Керамика (1-8) и изделие из кремня (9) поселения Степановка-2

Fig. 9. Ceramics (1-8) and silicon tool (9) of Stepanovka-2 settlement

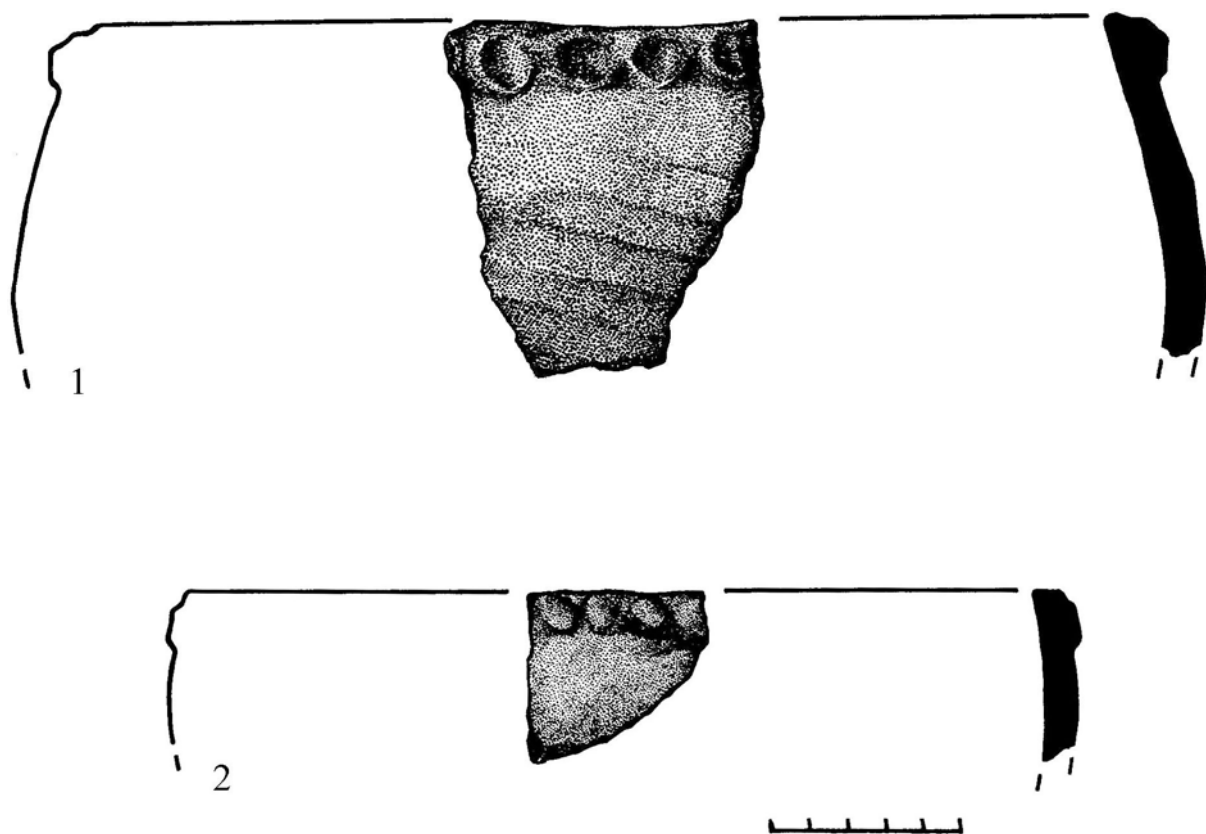

Рис. 10. Керамика поселення Степановка-3

Fig. 10. Ceramics of Stepanovka-3 settlement

Забавин В.О.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Реферат: В статье представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Анализ погребального сооружения, рассматриваемого в качестве составной части погребального обряда, включает в себя описание формы и размеров могильной ямы, ее конструктивных особенностей, а также внутримогильных и надмогильных сооружений из древесины и камня. Данная тема специально не исследовалась, ее отдельные аспекты нашли отображение в трудах, которые либо охватывали более широкий круг вопросов, либо регионально не совпадали с очерченным ареалом, являясь достаточно сжатыми по объему. В настоящее время до сих пор отсутствует работа, в которой была бы представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, которая включала бы в себя не только описание отдельных элементов погребального сооружения, но и набор статистических данных, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Ставшие доступными в последние годы материалы раскопок и расширение географических рамок исследования на все Северное Приазовье, позволяют внести определенные дополнения к выводам авторов. Выявленные закономерности позволяют с уверенностью утверждать, что конструктивные особенности могильных сооружений, как составная часть погребальных традиций срубной культуры Северного Приазовья, находятся в прямой зависимости от природно-географических условий обитания и обусловлены характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе.

Ключевые слова: Северное Приазовье, поздний бронзовый век, срубная культура, курган, погребение.

Abstract: The article presents a detailed characterization of grave constructions of Timber-Grave culture of Northern Azov, which includes a set of statistical data, and a description of the individual elements of the grave construction, allowing to speak about the viability of certain expressions and elements of the rite. Analysis of the grave construction, considered as part of the funeral ceremony, includes a description of the shape and size of the burial pit, its design features, as well as internal and gravestones made of wood and stone. This topic is not specifically studied, aspects of it were reflected in the works, which are either covered a wider range of issues, regionally did not match the outlined area, being sufficiently compressed by volume. At present, there is still no work in which would be as detailed characteristics of burial structures of Timber-Grave culture of Northern Azov, which would include not only a description of the individual elements of the funeral facilities, but also a set of statistical data to talk about the viability of certain manifestations and elements of the rite. Have become available in recent years, excavated material and the geographical scope of research; allow making some additions to the conclusions of the authors. The revealed regularities can say with confidence that the design features of the grave construction, as part of funerary traditions of Timber-Grave culture of Northern Azov, are directly dependent on the natural and geographical conditions and habitat due to the nature of the construction material available in some region.

Keywords: Later Bronze Age, Timber-grave culture, Barrow, grave construction, North Azov-sea region.

В теоретических разработках последних десятилетий широко используются такие понятия, как “погребальный обряд”, “погребальные традиции”, “погребальный культ” или “погребальные обычаи”. При этом авторами зачастую конкретное содержание каждого понятия не раскрывается, в ряде работ перечисленные термины употребляются как синонимы, а в отдельных случаях один и тот же термин используется для обозначения понятий, нередко различных по содержанию и объему. Данному вопросу посвящена обширная, в том числе и специальная литература, разработан ряд структурных схем погребальных памятников [Генинг 1975; Лебедев 1977; Леонова 1977; Ковалева 1981;

Обыденнов 1992; Крамарев 2003; 2003а; и др.], однако формат данной статьи не предусматривает рассмотрение историографического аспекта проблематики.

На наш взгляд, для анализа источников по изучению срубной культуры Северного Приазовья наиболее приемлемой и емкой представляется схема В.С. Ольховского, разработанная для евразийских степных погребений раннего железного века [Ольховский 1986, с. 65-76] и прошедшая успешную апробацию, в том числе на материалах погребальных памятников срубной культуры эпохи бронзы [Литвиненко 1994 с. 60-126]. Предложенная структура изучения погребальных памятников представлена в виде совокупности семи групп элементов, расположенных по трем уровням: погребения, погребальные комплексы и погребальные группы [Ольховский 1986, с. 70-71, табл. 1].

Погребальный памятник является не единственным, но очень важным источником для изучения погребального ритуала. В то же время исследователями подчеркивается, что достоверность его реконструкции прямо отражается на правильности окончательных исторических построений [Литвиненко 1994, с. 64]. Таким образом, комплексную характеристику погребальных памятников срубной культуры Северного Приазовья целесообразно проводить по следующим структурным параметрам [Литвиненко 1994, с. 60-61]:

- 1) топография и планиграфия курганных могильников;
- 2) курганная насыпь;
- 3) организация подкурганного пространства, следы ритуальных действий;
- 4) внутрикурганная планиграфия погребальных сооружений;
- 5) погребальное сооружение;
- 6) останки погребенного;
- 7) погребальный инвентарь.

Характеристика погребальных сооружений представлена практически в каждой работе публикационного характера, независимо от эпохи и культурной принадлежности. Кроме того, классификация отдельных элементов, которые входят в структуру погребального памятника, а также описание погребальных сооружений в целом, представлены в статьях и работах обобщающего характера. Общая характеристика и региональные особенности погребальных сооружений срубной общности также нашли свое отображение в целом ряде обобщающих [Агапов 1983, с. 6-58; Березанская 1982, с. 36-37; Берестнев 2001, с. 81-89; Васильев 1985, с. 60-94; Ковалева 1981, с. 57-59; Крамарев 2003, с. 277-305; Обыденнов 1992, с. 71-93; Чередниченко 1986, с. 55-56; Шарафутдинова 1985, с. 146-183; и др.] и диссертационных работ [Литвиненко 1994, с. 93-109; Отрощенко 1981, с. 91-102; и др.].

Накопленная с конца XIX века в результате раскопок погребальных сооружений на территории Северного Приазовья источниковая база представляется достаточно представительной в количественном и качественном отношении. В настоящий момент база, которой располагает автор (без учета грунтовых могильников), насчитывает 440 курганов, происходящих из 208 могильников, которые содержали не менее 1400 погребений срубной культуры¹, что в процентном отношении составляет не менее 94% от общего массива исследованных памятников [Забавин 2012, с. 101, рис. 1]. Однако, несмотря на это, данная тема специально не исследовалась, ее отдельные аспекты нашли отображение в трудах, которые либо охватывали более широкий круг вопросов, либо регионально не совпадали с очерченным ареалом, являясь достаточно сжатыми по объему. В настоящее время до сих пор отсутствует работа, в которой была бы представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов

¹ В работе использованы неопубликованные комплексы из раскопок А.И. Привалова и О.Я. Приваловой. Автор выражает искреннюю признательность О.Я. Приваловой за разрешение использовать эти материалы для публикации.

обряда. На фоне дефицита специальных исследований по погребальным памятникам срубной культуры Приазовья, выгодно выделяются работы Я.П. Гершковича и Р.А. Литвиненко, посвященные погребальным сооружениям срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья [Гершкович 1982, с. 15-21; Литвиненко 1992, с. 29-46; 2000, с. 3-18]. Ставшие доступными в последующие годы материалы раскопок и расширение географических рамок исследования на все Северное Приазовье, позволяют внести определенные дополнения к выводам авторов.

Анализ погребального сооружения, рассматриваемого в качестве составной части погребального обряда, включает в себя описание формы и размеров могильной ямы, ее конструктивных особенностей (ступеньки, заплечики, подбой и т.п.), а также внутримогильных и надмогильных сооружений из древесины и камня.

В настоящей работе была привлечена выборка из 1324 погребений срубной культуры Северного Приазовья. Весь массив погребений был разделен по типам могильных сооружений на три группы: погребения в ямах; погребения в каменных конструкциях; погребения в срубках.

Погребения в ямах. К данной группе были отнесены в первую очередь те захоронения, в которых документально зафиксировано наличие погребального сооружения в виде ямы – 490 случаев (36,9%), из них на Донецком Кряже – 184, в Приазовье – 306. В подавляющем большинстве случаев могильное сооружение фиксируется в тех случаях, когда яма входит в материк. Однако нередко контуры могильных сооружений не фиксируются в тех случаях, когда впускные погребения находятся в насыпи кургана, в черноземном грунте или в предматерике. Будет вероятнее всего предположить, что в качестве могильного сооружения в данных случаях также использовалась обычная яма. В выборке, привлеченной для данного анализа, присутствуют не менее 678 погребений в насыпи (51,8%), форма погребальной конструкции которых не определена. Таким образом, к группе погребений в яме в целом можно отнести 1168 могил (88,2%).

Могильные ямы в погребениях срубной культуры Северного Приазовья в подавляющем большинстве имеют прямоугольную форму с различной степенью округленности углов (рис. 5, 3) [Кульбака 1989]. Авторами раскопок могильные ямы иногда характеризуются как: подпрямоугольные, квадратные, овальные, округлые, неправильной формы и т.п. Таким образом, данный параметр погребального сооружения в немалой степени зависит от многих субъективных факторов и сложности классификации, а поэтому потребуются ввод дополнительных критериев, упорядочение терминологии и анализ дополнительных признаков, что не входит в задачи данного исследования.

Абсолютное большинство могильных ям имеют относительно ровное дно, ровные отвесные (рис. 5, 1, 2) [Забавин 2011, рис. 3, 1-2; 4, 3-5] или слегка наклонные стенки (рис. 5, 8,9) [Привалова 2001, рис. 2, 2-5]. Однако в незначительном числе случаев в устройстве могильной ямы наблюдаются некоторые отклонения от шаблона. К таким конструктивным особенностям можно отнести наличие ступенек вдоль одной, нескольких стенок или по всему периметру ямы; уступов; подбоя в стенке могильной ямы и некоторых других элементов. Так, в одном случае была зафиксирована яма с невысоким уступом у дна по всему периметру (Рыбинское, к. 7, п. 1) [Клименко 1988; 1998, с. 118, рис. 39, 1, 2]. Еще в одном случае (Каменные Могилы, к. 1, п. 8) погребение было совершено в яме с заплечиками, входная часть которой была полностью забутована камнем, а сама могильная яма перекрыта тремя мощными гранитными плитами, опирающимися на эти заплечики [Самар, Антонов 1994; Самар 1998, с. 76, рис. 1, 1-2]. В социально значимом погребении, изученном у с. Антоновка Розовского р-на Запорожской обл. (Азов, к. 2, п. 4), была зафиксирована яма подпрямоугольной формы с закругленными углами и небольшими заплечиками подквадратной формы. По краю заплечиков было отмечено несколько камней, под которыми прослежен тлен кожи светло-желтого цвета [Самар, Антонов 1996; Самар 1998, с. 77, рис. 2]. Ступенька вдоль одной из стен ямы достоверно была зафиксирована в

одном случае (Полковое, к. 2, п. 12), где был прослежен уступ высотой 0,43 м [Шаповалов и др. 1986; Литвиненко 1992, рис. 1, 2]. Из этого же могильника происходит единственное известное в Приазовье погребение в яме с подбоем (Полковое, к. 3, п. 2) [Шаповалов и др. 1986; Литвиненко 1992, рис. 2, 2]. Малочисленность подбойно-катакомбных конструкций отмечается исследователями и для других регионов срубной общности [Литвиненко 1992, с. 39; Крамарев 2003, с. 293; и др.].

Уникальный для Северного Приазовья случай был зафиксирован в погребении, исследованном у с. Луганское Розовского р-на Запорожской обл. (Луганское, к. 2, п. 1). Здесь перед сооружением могильной ямы были подготовлены подпрямоугольные с закругленными углами заплечики, ориентированные длинной осью по линии С–Ю. Стенки заплечиков сужаются в направлении могильной ямы. На уступах заплечиков был зафиксирован мощный тлен деревянных плах, уложенных поперек могильной ямы. На дне ямы, имеющей подчеркнuto прямые углы и сужающейся ко дну, были зафиксированы по углам четыре ямки диаметром 0,15–0,2 м и глубиной 15–0,2 м, в которые вертикально устанавливались столбики для поддержки деревянных и кожаных элементов конструкции перекрытия [Самар, Антонов 1994].

Примечательно, что погребения в ямах со столбовыми конструкциями отсутствуют в Орельско-Самарском междуречье [Ковалева 1981, с. 59], не известны они и собственно в бассейне Северского Донца и в Северо-Восточном Приазовье, за исключением двух случаев, исследованных в бассейне р. Волчьей [Литвиненко 1992, с. 32]. При этом авторами отмечается, что подобный тип погребальной конструкции территориально и обрядово близок комплексам, исследованным к югу от р. Самары в бассейне р. Волчьей [Антоненко 1977, с. 31–35; Марина 1988, с. 5–20] и вместе с ними образуют своеобразную локальную группу бассейна р. Волчьей [Литвиненко 1992, с. 32]. Однако погребению, исследованному у с. Луганское также территориально и обрядово близки погребения, исследованные Запорожской экспедицией в междуречье Днепра и Молочной, где 2,5% ям содержали перекрытие, опирающееся на деревянные столбики (четыре или шесть) [Салий 1987, с. 92]. Отмечается, что погребения со столбовыми конструкциями встречаются по всей территории от Поднепровья до Подонцовья, но наиболее высок их удельный вес именно в Поднепровье [Цимиданов 2004, с. 48, табл. 4].

Анализ размеров погребальных сооружений показал, что площадь ям зависит от двух аспектов: возрастного и социального. Площадь ям детских погребений варьировала от 0,12 м² до 1,0 м², а средние размеры ям взрослых погребений составляли 0,6–2,0 м². Так, исследователями обычными или средними считаются ямы, площадь которых не превышает 2 м² [Отрощенко 1981а, с. 12; Литвиненко 1992, с. 30; Цимиданов 2004, с. 44–45].

Анализ графика распределения могильных ям (всего было привлечено 484 комплекса) по площади (рис. 1; 2) позволяет выделить три группы больших ям:

1. Ямы площадью 2,0–3,0 м² (23 комплекса), что составляет 58,9% больших ям и 4,75% всех ям нашей сводки, по которым есть данные о площади;

2. Ямы площадью 3,0–4,5 м² (13 комплексов), что составляет 33,3% больших и 2,68% всех ям;

3. Ямы площадью более 4,5 м² (3 комплекса), что составляет 7,7% больших и 0,6% всех ям.

Ямы каждой из групп распространены по всей территории Северного Приазовья (рис. 3), поэтому правомерно предположение, что увеличение размера ям находится в прямой зависимости от возрастания ранга погребенного [Цимиданов 2004, с. 45]. В то же время большие размеры могильных ям не следует считать датирующим признаком раннего этапа [Литвиненко 1992, с. 30]. Однако картографирование могильных ям большой площади позволило выявить некоторое тяготение подобных могильных сооружений к районам, прилегающим к верховьям рек левобережного бассейна Днепра. Так, на территории Орельско-Самарского междуречья частота встречаемости больших по площади могильных ям значительно превышает аналогичные показатели на интересующей нас территории [Ковалева 1981, с. 55, табл. 5]. Таким образом, анализ диаграмм размеров погребальных

сооружений и картографирование показали, что большие ямы распространены по всей территории Северного Приазовья (включая Кряж) относительно равномерно. А расширение географических рамок и увеличение источниковой базы исследования позволяют утверждать, что в этом отношении ямы Северного Приазовья не уступают ямам Северского Донца, как считалось до этого [Литвиненко 1992, с. 30].

Анализ глубин могильных ям показывает, что количественно преобладают ямы с глубинами около 1,0 м, причем, как в массиве малых, так и в массиве больших ям. Необходимо отметить, что на смежных территориях средняя глубина могил срубных погребений также варьировала в этих пределах [Отрощенко 1981а, с. 12; Шарафутдинова 1985, с. 150; Литвиненко 1992, с. 30; Цимиданов 2004, с. 45]. Исключением также являются ямы Орельско-Самарского междуречья, где более половины погребений были совершены в глубоких ямах (глубина свыше 1,6 м) [Ковалева 1981, с. 55, табл. 5].

Погребения в срубах. Чрезвычайно редким типом погребальных сооружений для Северного Приазовья следует признать захоронения в деревянных срубах. Под срубом исследователи понимают сооружение из бревен, досок или плах, установленных в виде прямоугольной конструкции, иногда скрепленных между собой при помощи различных конструктивных приемов. Группа представлена 5 могилами, что составляет 0,35% всей выборки. Срубная конструкция, как правило, помещалась в специально вырытую для этого грунтовую яму. Однако в одном случае (Семеновка, к. 2, п. 1/2) было отмечено сооружение деревянной конструкции на древнем горизонте [Моруженко и др. 1984]. Подобная ситуация отмечается и для смежных территорий, где сооружение сруба на древнем горизонте признается скорее исключением нежели нормой [Отрощенко 1981, с. 94; Литвиненко 1992, с. 32; Берестнев 2001, с. 85], в отличие от восточного ареала срубной КИО, где абсолютное большинство срубов были сооружены на уровне погребенной почвы [Крамарев 2003, с. 283]. Конструктивные особенности срубов детально были рассмотрены в целом ряде исследований [Ковалева 1981, с. 58-59; Литвиненко 1992, с. 32-35; Берестнев 2001, с. 84-85; Крамарев 2003, с. 283-285; и др.]. В могилах со срубами перекрывался сам сруб, а яма засыпалась грунтом (Благовка, к. 2, п. 1), а также применялось перекрытие и ямы, и сруба (Егоровка, к. 1, п. 1).

Ямы со срубами зачастую имеют заплечики или уступы. Так, известно погребение, где вдоль длинных сторон яма имела заплечики шириной 0,4 м (Егоровка, к. 1, п. 1), на которые были уложены концы четырнадцати деревянных досок, перекрывавших яму. В нижней части ямы был сооружен сруб высотой 0,3 м в один венец из досок толщиной 2 см [Клименко 1998, с. 159-160, рис. 54]. Следует отметить, что стены срубов в большинстве случаев состояли из деревянных плах и брусьев различной толщины и ширины, квадратных либо прямоугольных в сечении. В одном случае (Благовка, к. 2, п. 1) было достоверно прослежено использование в одной погребальной конструкции и бревен, и брусьев одновременно [Моруженко и др. 1981]. В Приазовье, как и на сопредельных территориях, в подавляющем большинстве срубы состояли из одного венца брусьев или бревен [Литвиненко 1992, с. 35; Берестнев 2001, с. 85 и др.]. И лишь в одном случае (Баба, к. 3, п. 2) авторами раскопок была зафиксирована срубная конструкция из бревен в четыре венца [Привалова, Привалов 1980] (рис. 6, 1-3). На необычность этого случая исследователи уже обращали внимание [Литвиненко 1992, с. 35]. Эта уникальность усиливается еще и тем, что могильник находится на территории Приазовской возвышенности, бедной древесными ресурсами. При этом, для смежных территорий, богатых деревом, характерны одновенцовые конструкции срубов, двух- и трехвенцовые встречаются значительно реже [Ковалева 1981, с. 58; Пряхин 1988, с. 138; Литвиненко 1992, с. 35; Берестнев 2001, с. 84; Крамарев 2003, с. 283], а единичные срубы в четыре или пять венцов рассматриваются как исключение [Берестнев 2001, с. 85].

Срубные конструкции встречаются практически по всей территории распространения срубной КИО, но в разных регионах их удельный вес неодинаков. Подобные сооружения в Северном Приазовье единичны (рис. 4). Реже срубы встречаются разве что на территории Крыма [Тошев 2007, с. 182]. Сравнительно редко встречаются срубы и в Степном

Поднепровье, где их удельный вес не превышает 2% общего количества погребений [Шарафутдинова 1982, с. 60]. Однако и в самом Приазовье захоронения в срубах распространены неравномерно. За исключением вышеуказанного уникального погребения, исследованного в курганной группе “Баба” у с. Николаевка Волновахского р-на Донецкой обл., все захоронения в срубах расположены на южных и юго-западных отрогах Донецкого Кряжа и территориально тяготеют к северостепным районам. Так, в бассейне Северского Донца учтено 85 срубов, что составляет 11% всех погребений региона [Литвиненко 1992, с. 32]. Столь же часто (12% погребений) срубы встречаются и на Среднем Дону [Синюк 1985, с. 124]. Аналогичные показатели для лесостепных районов Восточной Украины составляют 15% [Берестнев 2001, с. 84], в Южном Средневолжье – до 17,5% [Крамарев 2003, с. 283], а в Орельско-Самарском междуречье достигают 20,4% [Ковалева 1981, с. 58]. Из 34 погребений в срубах, в свое время учтенных в Степном Поднепровье, 21 приходилось на Днепропетровскую область, приближаясь к пограничью с Орельско-Самарским междуречьем [Отрощенко 1981, с. 94]. Таким образом, отчетливо прослеживается тенденция уменьшения количества погребений, содержащих деревянные конструкции, с продвижением на юг в безлесные степные районы, где их с успехом заменил камень.

Погребения в каменных ящиках. Значительно более распространенными на территории Северного Приазовья оказались погребения, сооруженные в каменных ящиках различной конструкции. Этот тип погребальных сооружений представлен 157 комплексами и составляет 11,7% всей выборки, что даже несколько превышает удельный вес ящичных конструкций, исследованных в бассейне Северского Донца (10,3%) [Литвиненко 1994, с. 102]. При этом 58 погребений (36,9%) являлись основными в курганах, а в 97 случаях (61,8%) была сооружена над погребением досыпка. В лесостепных районах погребения в каменных ящиках практически неизвестны, их количество постепенно увеличивается с продвижением на юг, вглубь степи. Исследователями это обстоятельство связывается с некоторыми этнографическими различиями в погребальном обряде носителей срубной культуры, обусловленными, в первую очередь, наличием выходов природного камня [Отрощенко 1981, с. 94; Литвиненко 1992, с. 44; Цимиданов 2004, с. 47; и др.]. Интересно отметить, что удельный вес погребений в каменных ящиках превосходит приазовские показатели только на территории Крыма (23%). Здесь подобные комплексы были также выявлены в местах с выходами камня – Предгорном Крыму, на Тарханкуте и прилегающей к нему степи, а также на Керченском полуострове [Тощев 2007, с. 180].

Применение метода картографирования для погребальных сооружений с использованием камня в Северном Приазовье также позволило локализовать погребения с каменными конструкциями в непосредственной близости от сырьевой базы (рис. 4). Как правило, эти могильники тяготели к районам Донецкого кряжа и Приазовской возвышенности, богатым открытыми выходами природного камня, распространяясь далее на юг, к Приазовской низменности вблизи речных пойм и балок, богатых выходами камня. Поскольку сооружение каменных конструкций – погребальных, жилищных – связано с природными условиями (наличие выхода камня), поэтому, начиная с правобережья низовий Дона, соседствующего с Северо-Восточным Приазовьем, памятники бронзового века содержат каменные сооружения различных типов. Таким образом, Донская дельта является восточной границей широкого применения камня не только в погребальном обряде, но и в домостроительстве [Шарафутдинова 1985, с. 150; Братченко, Шарафутдинова 2000, с. 212]. В западной оконечности Донецкого кряжа, в пограничье с бассейном рек системы Днепра, использование камня в курганном строительстве не практиковалось. Не известны также мощные каменные конструкции и в Приазовье западнее р. Берды.

Каменные ящики Северного Приазовья по своим конструктивным особенностям традиционно подразделяются на три основные группы [Литвиненко 1992, с. 37-39]. К первой группе относится наиболее характерный и распространенный тип каменных ящиков, сооруженных из вертикально (орфостатно) поставленных на ребро каменных плит. К данной

группе из общего массива нами было отнесено 114 погребений, что составляет 8,5% или 72,6% всех могил в каменных ящиках. Из них 42 погребения (36,8%) являлись основными в курганах, а в 27 случаях (23,7%) над погребением была сооружена досыпка.

Для ящичных конструкций в подавляющем большинстве случаев выкапывались ямы, близкие по размерам обычным грунтовым сооружениям. Конструктивные особенности этой группы могильных сооружений также отличаются некоторым разнообразием. В большинстве случаев каменные плиты опускались в яму и устанавливались вдоль ее стен вертикально или с некоторым наклоном (рис. 7, 1-2) [Кульбака 1989]. Однако этот показатель также представляется достаточно субъективным и обусловленным рядом факторов (степень сохранности, качество фиксации и т.д.). Так, часть ящиков обладает стенами, состоящими из одной цельной плиты (рис. 7, 3) либо облицованными небольшими плитками (рис. 7, 4) [Моруженко, Литвиненко 1993, рис. 12, 2; 3, 3-4]. Известны ящики, где поперечные короткие стены выполнены из одной плиты, а продольные длинные – из нескольких небольших вертикально установленных плит (рис. 7, 10) [Плешивенко 1995, рис. 5, 1-2]. Иногда в ходе полевых исследований авторам удавалось проследить по дну ямы небольшие по глубине канавки, в которые вкапывались плиты стен ящиков. Оставшееся между каменными плитами и ямой пространство впоследствии засыпалось грунтом, изредка забутовывалось камнем. Иногда плиты подгонялись друг к другу довольно плотно, при этом оставшиеся щели заделывались мелким камнем, а в некоторых случаях можно предположить, что некоторые из орфостатно установленных плит закреплялись или расклинивались в основании камнями-клиньями.

В некоторых случаях верхние края вертикальных плит несколько возвышались над уровнем древнего горизонта, а иногда стены ящика сверху обрамлялись однослойной постелистой кладкой. Следует отметить, что обрамление ящика сверху горизонтальными плитками считать имитацией ограды вряд ли следует, поскольку известны случаи, когда аналогичные конструкции находились внутри каменных оград [Литвиненко 1990, с. 74-75; 1992, с. 37; Потапов 2013, с. 85]. На самом деле такое сочетание, когда поверх плит, установленных вертикально, укладывалась горизонтальная кладка, широко известно и в каменной архитектуре жилищ на поселениях срубной культуры Приазовья и Подонцовья. При сооружении таких конструктивных элементов жилищ, как облицовка котлованов и каменные цоколи, использовались те же технологические приемы, что и в погребальных сооружениях: горизонтальная кладка, орфостатный ряд и смешанная орфостатно-постелистая кладка [см.: Литвиненко 2000, с. 9].

Незначительная часть ящиков этой группы отличается неполнотой конструкции, в которой отсутствует одна или две стенки (рис. 7, 6, 7, 9) [Косиков 1996, рис. 2, 2; Привалова 1999, рис. 2, 1-2; Кульбака 1988]. Причем подобные факты неоднократно документально были зафиксированы в неразрушенных, закрытых погребальных комплексах различных могильников [Литвиненко 1992, с. 37]. Всего таких случаев в Приазовье нами было отмечено 16 (14% всех погребений в ящиках первой группы), из них в 11 (9,6%) погребениях ящик состоял из трех стенок и в 5 (4,4%) случаях – из двух. Подобные каменные конструкции А.Н. Усачуком были названы “полуящиками” и, по мнению исследователя, составляют отдельную группу погребений [Усачук 1991, с. 48]. Кроме того, к подгруппе неполных ящиков с определенными оговорками можно отнести также единственное известное нам захоронение (Обильное, к. 1 п. 4), где документально было зафиксировано присутствие одной вертикально установленной стенки. Еще в одном случае (Дружное, к. 2 п. 2) конструктивной особенностью устройства могильного сооружения можно признать разделение каменного ящика примерно посередине на две камеры перегородкой из двух вертикально поставленных плит (рис. 7, 8) [Клименко 1994, с. 72, рис. 26, 3; 2001].

Еще один строительный прием был прослежен в единичном стратиграфически достоверном случае, когда каменный ящик из плит был сооружен не в яме, а на поверхности (Дубовский, к. 1 п. 1). “Здесь основное погребение в кургане было сооружено на древнем горизонте, представленном в этом районе Донецкого края твердыми сланцевыми породами.

Поэтому при сооружении ящика были сделаны только углубления для плит, а яма сама не выкапывалась. Для устойчивости и прочности конструкции стены ящика были составлены не из одной, а из двух плит, внешняя из которых была установлена с соответствующим упорным наклоном” [Литвиненко 1992, с. 37].

Следующая группа погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья – каменные ящики, возведенные методом горизонтальной кладки стен из каменных блоков или плит, уже привлекала пристальное внимание исследователей [Гершкович 1982, с. 15-21; Литвиненко 1992, с. 37-39; 2000, с. 3-18]. Иногда исследователями именно этот тип каменных гробниц называется цистами (лат. *cista*, англ. *cist* – каменный ящик или гробница) [Литвиненко 2000, с. 3-18; Цимиданов 2004, с. 48; и др.], или каменными склепами [Отрощенко 1981, с. 97]. В свое время, рассматривая погребальные сооружения срубной культуры Азово-Донецкого региона, Р.А. Литвиненко выделил три типа каменных ящиков, среди которых сложные конструкции были отнесены ко II и III группе [Литвиненко 1992, с. 37-39]. Ко II группе относятся гробницы, стены которых сложены горизонтальной кладкой (рис. 8, 2, 3, 5, 7) [Привалова 1999, рис. 1, 6; 4, 1; Привалов и др. 1978; Посредников 1992, рис. 4, 1-3], а к III группе принадлежат комбинированные ящики или ящики смешанных типов, стены которых возведены из орфостатно установленных плит в различных сочетаниях с постелистой кладкой (рис. 8, 4, 6) [Усачук 2006, рис. 2; Привалов и др. 1978]. Поскольку и тот и другой типы подразумевает использование при сооружении погребальной конструкции приема горизонтальной кладки стен, мы склонны в настоящей работе рассматривать погребения, совершенные в классических цистах и комбинированных ящиках, в качестве составных частей единой группы погребений в каменных ящиках сложной конструкции. Кроме того, зачастую переход от одного типа к другому является трудноуловимым, что обусловлено множеством конструктивных вариантов, степенью сохранности памятника и качеством полевой фиксации.

В отношении конструктивных особенностей каменных гробниц и природных материалов, из которых они были возведены, исследователями отмечалось, что способ кладки ящиков, как правило, был обусловлен характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе. Так, в соответствии с геологическими особенностями Донецкого края стены всех гробниц этого региона представляют собой многослойные кладки плит песчаника или других сланцев [Литвиненко 1994, рис. 57]. Для Приазовской возвышенности, богатой выходами гранитов, характерны гробницы, сооруженные из этого материала. В таких случаях, нижняя, придонная часть стен всегда сложена из массивных блоков, а верхняя – из тонких плоских камней. На территории Приазовской низменности встречаются ящики, выполненные из ракушечника, природная неровность которого и обуславливает некоторую неупорядоченность кладки стен [Литвиненко 2000, с. 3-4]. В таких случаях, вероятно, применялся прием, когда внутренние неровности поверхностей стен или щели между плитами заделывались грязевыми или глинистыми растворами. Подобный прием был прослежен в низовьях р. Кальмиус (Октябрьское, к. 1 п. 5), где между камнями ракушечника, из которых была сложена гробница овальной формы, встречалась глиняная промазка [Братченко и др. 1976; Гершкович 1982, с. 17, рис. 2]. Аналогичные случаи были прослежены в погребениях сабашиновской и срубной культур, совершенных в близких по конструкции каменных ящиках, исследованных на правом берегу Днепра [Отрощенко 1981 с. 97; Ключинцев 1989, с. 254].

Поскольку основные типы и конструктивные особенности этой группы захоронений уже были детально описаны в вышеуказанных работах, приведем лишь некоторые статистические материалы и обобщающие характеристики. К данной группе из общего массива нами было отнесено 43 погребения, что составляет 3,1% всех захоронений (или 27,4% всех могил в каменных ящиках). Причем 16 погребений (37,2%) являлись основными в курганах, а в 28 случаях (65,1%) над погребением была сооружена досыпка. Исследователями неоднократно обращалось внимание на то, что погребения в цистах по

инвентарю и комплексу обрядовых особенностей отличаются высоким социальным статусом [Гершкович 1982, с. 18; Литвиненко 1990, с. 75; 1992а, с. 140; 1992б, с. 110; 2000, с. 13; Ольховский, Отрощенко 1991, с. 121; Плешивенко 1993, с. 155; и др.]. Особое внимание цистам в своем исследовании уделяет В.В. Цимиданов, который пришел к выводу, что сама неординарная конструкция в виде цисты, также как и ящики сложной конструкции, являются знаками социального ранга, а не статуса [Цимиданов 2004, с. 49]. Как правило, могильные сооружения этой группы отличаются внушительными размерами, а внутренние размеры гробниц значительно превышают средние показатели ящиков первой группы.

В этой связи обратим внимание на гробницу, исследованную в кургане 3 неподалеку от с. Семеновка Амвросиевского р-на Донецкой обл., которая уже неоднократно привлекала пристальное внимание исследователей [Литвиненко 1994, с. 106, рис. 58, 1; 2000, с. 4; и др.]. Основное и единственное погребение в этом кургане является самым масштабным по своим размерам среди известных сооружений этого типа: яма размерами 3,65×3,35×2,0 м (объем – 24 м³); гробница имела внутренние размеры 3,1×2,9×2,19 м и была сложена из плит песчаника, сланца и гранита. Камера погребения оказалась засыпана грунтом и камнями завалившегося перекрытия. В центральной части камеры была прослежена округлая яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,7 м, забутованная камнем. В погребении, которое оказалось ограбленным, сохранились лишь фрагменты керамики срубной культуры и кальцинированных костей [Моруженко и др. 1984]. Яму в центре камеры, скорее всего, следует связывать с опорным столбом, который поддерживал перекрытие [Литвиненко 2000, с. 4].

Мясная пища присутствовала в 13 погребениях, что составляет 30,2%, при средних показателях для Северного Приазовья в 7,1%. Причем в некоторых случаях (Таврия-I, к. 1 п. 1) [Ларенок П. 1998а, с. 61] наличие черепа и отчлененных в коленных суставах конечностей крупного животного (бык, конь) можно интерпретировать как сложенную или растянутую шкуру животного, связываемую с транспортным или тягловым животным для переправы в мир иной [Литвиненко 1997, с. 11]. Избыточный инвентарь был отмечен в 14 случаях (32,5%). В трех случаях могильное сооружение представляло собой кенотаф (7%) и в трех случаях была зафиксирована кремация (7%). Полученные нами результаты по большинству показателей оказались близкими приведенным исследователями [Цимиданов 1996, с. 201, табл. 1; 2004, с. 116, табл. 8], однако анализ социально-значимых признаков позволил присоединиться к выводу, что они в целом выражены больше в цистах, нежели в гробницах смешанного типа [Литвиненко 2000, с. 14]. При этом отмечается, что во всех регионах удельный вес захоронений с цистами ниже удельного веса захоронений в ящиках, а по степени выраженности социально значимых отклонений массив комплексов с цистами превосходит массив захоронений с ящиками [Цимиданов 2004, с. 48].

Несмотря на то, что для половозрастной характеристики погребений в каменных ящиках сложной конструкции имеется слишком мало антропологических определений, используя данные публикаций и архивных материалов, можно сделать некоторые общие выводы. Так, почти все костяки в погребениях принадлежали взрослым, за исключением четырех детско-подростковых (9,3%). Среди них антропологически определены 2 мужских и 1 женский. Кроме того, используя выявленные половозрастные признаки-критерии погребального обряда и инвентаря срубных могильников Донецкого региона [Литвиненко 1996, с. 62-66], возможно более-менее уверенно отнести к мужским еще 5 погребений (чистые признаки) и с большой долей вероятности – не менее 10 погребений (частные признаки).

Помимо рассмотренных могильных конструкций, в анализируемой выборке выделяется небольшая группа погребений, конструкции которых занимают промежуточное положение между каменными ящиками и обычными ямами. В этих погребениях, совершенных в ямах стандартных размеров, по дну были прослежены небольшие камни, расположенные по периметру (Лисичье, к. 1 п. 1) [Братченко и др. 1978; Литвиненко 1992, рис. 2, 3]. Известны случаи, когда в насыпи кургана сооружалось овальное кольцо из камней, выложенных в один ряд (рис. 8, 1) [Кульбака 1986; 2009, рис. 2, 2]. В одном случае в углах ямы были положены

камни [Журнал... 1908, с. 188, рис]. Нельзя исключать, что данная конструкция представляла собой имитацию каменного ящика или была семантически равнозначна ему (по принципу *pars pro toto*) [Цимиданов 2004, с. 47].

Самой массовой составной деталью погребального сооружения являются перекрытия. В Северном Приазовье распространение получили два основных вида перекрытия могил – деревянные и каменные. Всего перекрытия были отмечены в 482 случаях (34,1% от всей выборки). Деревянные перекрытия были зафиксированы в 81 случае (5,7%), каменные – в 380 (26,9%). Еще в 20 погребениях (1,4%) было отмечено одновременное использование в перекрытии и дерева, и камня. Для приазовских погребений, совершенных в простых грунтовых ямах, данные показатели оказались достаточно близкими. Так, деревянные перекрытия присутствовали в 76 случаях (6,4% всех ям), каменные – в 268 (22,7%), а комбинированные – в 16 (1,4%) погребениях. Здесь необходимо сделать оговорку, что, вероятно, вследствие активной разрушаемости курганных насыпей (антропогенный фактор, денудационные и аккумулятивные процессы), в особенности их верхних слоев, где обычно сосредоточены впускные срубные погребения, часть перекрытий может не сохраниться. Кроме того, деревянные перекрытия в отличие от каменных менее долговечны, поэтому ранее уже выдвигалось предположение, что на самом деле число погребений с деревянными перекрытиями было несколько большим [Литвиненко 1992, с. 30].

Тем не менее, в отличие от Подонцовья, где количество деревянных и каменных перекрытий было примерно одинаковым (соответственно, 14,1% и 14,4%) [Литвиненко 1992, с. 30], в Приазовье это соотношение претерпевает существенное изменение в сторону значительного увеличения количества каменных перекрытий (соответственно, 5,7% и 26,9%). Для сравнения можно привести следующие цифры. В Степном Поднепровье деревянные перекрытия были зафиксированы в 18,2% случаев, а каменные – в 15,5% погребений [Отрощенко 1981, с. 97]. В Среднем Поволжье деревянное перекрытие имелось у 23% всех срубных захоронений [Агапов 1983, с. 24]. На Среднем Дону этот показатель достигает уже 36% всех могил [Синюк 1985, с. 124], а на Нижнем Дону деревянное перекрытие было отмечено лишь в 5,6% всех срубных погребений [Шарафутдинова 1985, с. 150]. Для Восточноукраинской Лесостепи остатки деревянных перекрытий из бревен, плах, жердей или толстых досок были зафиксированы в 85% случаев для основных погребений и 30% для впускных [Берестнев 2001, с. 84].

Наиболее часто при сооружении погребения в Северном Приазовье над могилой возводилось простое деревянное однослойное перекрытие из плах или горбылей, уложенных вдоль (рис. 5, 4, 5) [Клименко 1998, рис. 19, 1; 20, 7] или поперек длинной оси (рис. 5, 6, 7) [Литвиненко 2004, рис. 11]. Древесина укладывалась непосредственно на уровне древнего горизонта, при этом в целом ряде случаев площадь деревянного перекрытия значительно превышала площадь самой могильной ямы. В зависимости от характера перекрытия деревом погребального сооружения, можно выделить три основных вида деревянных перекрытий:

1. Поперечное деревянное перекрытие – отмечено в 43 случаях (42,6% всех деревянных перекрытий);
2. Продольное деревянное перекрытие – отмечено в 9 случаях (8,9%);
3. Продольно-поперечное деревянное перекрытие – достоверно прослежено в 5 случаях (4,9%).

Тот факт, что для Приазовья наиболее характерным являлось поперечное перекрытие ям, встречающееся в три раза чаще продольного, уже отмечался исследователями [Литвиненко 1992, с. 30]. При этом соответствующие показатели для сопредельных регионов оказались несколько отличными. В Орельско-Самарском междуречье поперечное перекрытие было отмечено в 67% могил, а продольное – в 3% [Ковалева 1981, с. 58; Литвиненко 1992, с. 30]. В Подонцовье поперечное перекрытие зафиксировано в 63% погребений, продольное – в 37% случаев [Литвиненко 1992, с. 30]. Очень близкое соотношение было отмечено и для Южного Средневожья (поперечное – 62,6%, продольное

– 28,8%) [Крамарев 2003, с. 280]. Для Восточноукраинской лесостепи также присуще преобладание поперечных перекрытий над продольными [Берестнев 2001, с. 84].

В целом ряде случаев могильное перекрытие представлено отдельными небольшими кусками дерева или деревянной трухой, которая не позволяет определить характер конструкции. Поэтому все такие случаи включены в число погребений с простыми деревянными перекрытиями. Вероятно, древесина перекрывало яму либо поперек, либо вдоль, поэтому в этих случаях говорить о каких-то усложненных деревянных конструкциях не приходится. Вполне вероятно допустить, что некоторые погребения имели символические перекрытия. Так, в целом ряде случаев авторами отмечается присутствие в могильном заполнении тлена камыша, травы или коры. Отмечается, что в некоторых случаях покрытие костяка травой или камышом заменяло и, не исключено, символизировало деревянное перекрытие могилы [Берестнев 2001, с. 84].

Интересно, что среди всех могил с деревянным перекрытием в 56,4% случаев погребения являлись либо основными, либо имели досыпку. Как правило, сооружение усложненных деревянных конструкций связано с захоронениями, выделяющимися целым рядом признаков, подчеркивающих повышенный социальный статус погребенного. Так, рядом авторов само присутствие деревянного перекрытия могилы считалось признаком социальной неординарности и некоторой архаичности обряда [Кузнецов 1991, с. 176; Зудина 1998, с. 37; и др.]. В то же время, любая деревянная конструкция в могиле, по мнению исследователей, может рассматриваться в качестве показателя принадлежности к определенной социальной группе [Берестнев 2001, с. 141].

В погребальных памятниках срубной культуры Северного Приазовья зафиксировано использование камня и каменных плит в качестве перекрытий погребений и могильных ям, отличающихся достаточным конструктивным разнообразием (рис. 5, 10, 11) [Привалова, Привалов 1980; Полидович 2004, рис. 5]. Так, в свое время для погребений срубной культуры Миусского п-ова было выделено пять групп конструкций каменных перекрытий [Ильюков 1988, с. 93], которые распространены на территории Приазовской низменности, Приазовской возвышенности и Донецкого кряжа [Литвиненко 1992, с. 32]. Обычно каменные перекрытия состояли из 1-4 плит, уложенных в один слой перпендикулярно длинной оси ямы. Иногда фиксируется положение плит внахлест, известны случаи, когда мощность перекрытия достигала 3-5 слоев плит. Для перекрытия камнем ям больших размеров иногда могли использоваться несущие деревянные конструкции в виде досок или плах, уложенных поперек (Федоровка-I, к. 1 п. 4) [Ларенок П. 1998, с. 19] или вдоль ямы (Самарский-II, к. 3 п. 6) [Ларенок В. 1998, с. 116]. Причем использование подобного приема зафиксировано в Приазовье и в ящичных конструкциях (Камышеватое, к. 1 п. 1; Таврия-I, к. 2 п. 4) [Кульбака 1989; Ларенок П. 1998а, с. 67]. Известны случаи, когда каменное перекрытие укладывалось на мощную деревянную решетчатую основу (рис. 6, 4-8) [Привалова, Привалов 1980; Литвиненко 1992, рис. 1, 3]. В одном случае (Соколовский к. 1 п. 3) ящик смешанного типа был перекрыт продольно-поперечной деревянной конструкцией [Попандопуло 1991, с. 69, рис. 1, 4-5]. Из анализируемой выборки погребений в 113 каменных ящиках (72%) было зафиксировано каменное перекрытие, при этом в 3 случаях (1,9%) наряду с камнем в конструкции перекрытия было отмечено присутствие дерева. Кроме того, над погребениями довольно часто сооружались каменные заклады различной мощности (рис. 7, 5) [Братченко 1997, рис. 3].

Выводы. Приведенная развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяет говорить о значительном разнообразии могильных конструкций, а также об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Несмотря на присутствие некоторых региональных особенностей в погребальном обряде, обусловленных рядом факторов природно-географического и исторического характера, приазовские погребальные сооружения отображают общие погребальные традиции, характерные для всей срубной общности.

Анализ размеров погребальных сооружений показал, что площадь ям зависит от двух аспектов: возрастного и социального. Анализ графика распределения могильных ям по площади позволил выделить три типа больших ям. Ямы каждой из подгрупп распространены по всей территории Северного Приазовья относительно равномерно, однако картографирование больших по площади могильных ям позволило выявить некоторое тяготение таких могильных сооружений к районам, прилегающим к верховьям рек бассейна Днепра.

Чрезвычайно редким типом погребальных сооружений для Северного Приазовья следует признать захоронения в деревянных срубах. Однако и в самом Приазовье захоронения в срубах распространены неравномерно, абсолютное большинство всех известных захоронений в срубах расположено на южных и юго-западных отрогах Донецкого Кряжа и территориально тяготеют к лесостепным районам. Таким образом, отчетливо прослеживается тенденция уменьшения количества погребений, содержащих деревянные конструкции, с продвижением на юг в безлесные степные районы, где их с успехом заменил камень. Многочисленные стратиграфические наблюдения в бассейне Северского Донца и Северо-Восточном Приазовье показали, что наиболее древними конструкциями срубной культуры здесь являются грунтовые ямы с деревянными перекрытиями и ямы со срубами, которые относятся к I хронологическому горизонту, выделенному для курганных могильников Северо-Восточного Приазовья [Литвиненко 1999, с. 4]. При этом отмечается, что традиция поперечного деревянного перекрытия оказалась древнее продольного [Литвиненко 1992, с. 39].

Значительно более распространенными на территории Северного Приазовья оказались погребения, сооруженные в каменных ящиках различной конструкции, которые появляются здесь несколько позже ям и срубов, что отмечалось еще В.А. Городцовым [Городцов 1907, с. 238, 248]. В целом же бытование каменных ящиков приходится на развитой и поздний этапы существования срубной культуры. Что касается цист и ящиков сложной конструкции, то имеющиеся материалы позволяют отнести их к концу развитого – началу позднего этапа срубной культуры Донетчины [Литвиненко 1992, с. 42] или ко II-III горизонтам могильников Северо-Восточного Приазовья [Литвиненко 1999, с. 19].

Применение метода картографирования для погребальных сооружений с использованием различных материалов (дерево, камень) в Северном Приазовье позволило локализовать их в непосредственной близости от соответствующей сырьевой базы. Как правило, могильники со всевозможными каменными сооружениями тяготели к богатым камнем районам Донецкого кряжа и Приазовской возвышенности, распространяясь далее на юг, к Приазовской низменности. Таким образом, Донскую дельту можно считать восточной границей широкого применения камня в погребальном обряде, а западной – западную оконечность Донецкого кряжа, в пограничье с бассейном рек системы Днепра, где использование камня в курганном строительстве не практиковалось.

Выявленные закономерности позволяют с уверенностью утверждать, что конструктивные особенности могильных сооружений, как составная часть погребальных традиций срубной культуры Северного Приазовья, находятся в прямой зависимости от природно-географических условий обитания и обусловлены характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе.

Забавін В.О.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОХОВАЛЬНИХ СПОРУД ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ ПІВНІЧНОГО ПРИАЗОВ'Я

Наведена розгорнута характеристика поховальних споруд зрубної культури Північного Приазов'я, що включає в себе набір статистичних даних та опис окремих елементів поховальних споруд, дозволяє говорити про значне розмаїття могильних конструкцій, а також про стійкість тих чи інших проявів та елементів обряду. Незважаючи на присутність деяких регіональних особливостей у

поховальному обряді, обумовлених рядом факторів природно-географічного та історичного характеру, приазовські поховальні споруди відображають загальні похоронні традиції, характерні для всієї зрубною спільноти. Виявлені закономірності дозволяють з упевненістю стверджувати, що конструктивні особливості могильних споруд, як складова частина поховальних традицій зрубною культури Північного Приазов'я, перебувають у прямій залежності від природно-географічних умов проживання і обумовлені характером будівельного матеріалу, наявного в тому чи іншому регіоні.

Ключові слова: Північне Приазов'я, пізній бронзовий вік, зрубна культура, курган, поховальна конструкція.

Zabavin V.O.

CHARACTERISTICS OF GRAVE CONSTRUCTIONS OF TIMBER-GRAVE CULTURE OF THE NORTH AZOV-SEA REGION

The above detailed description of grave constructions of Timber-Grave culture of Northern Azov, which includes a set of statistical data, and a description of the individual elements of the grave construction, allows us to speak about the great variety of grave construction, as well as the stability of certain expressions and elements of the rite. Despite the presence of some of the regional characteristics of the funeral rite, due to several factors natural geographical and historical, Northern Azov burial structures reflect the general funerary traditions inherent in the whole Timber-Grave community. The revealed regularities can say with confidence that the design features of the grave constructions, as part of funerary traditions of Timber-Grave culture of Northern Azov, are directly dependent on the natural and geographical conditions and habitat due to the nature of the construction material available in one or another region.

Keywords: Later Bronze Age, Timber-grave culture, Barrow, grave construction, North Azov-sea region.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) / С.А. Агапов, И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев, 1983. – С. 6-58.

Антоненко Б.А. О результатах работы Ивановской археологической экспедиции / Б.А. Антоненко, С.А. Васильченко, И.С. Пиоро, Л.Г. Самойленко // Некоторые вопросы археологии Украины. – К.: Вища шк., 1977. – С. 31-35.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы / С.С. Березанская. – К.: Наук. Думка, 1982. – 212 с.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.П., Горелик А.Ф., Дубовская О.Р., Шилов Ю.А., Гершкович Я.П., Смирнов А.М., Константиnescу Л.Ф., Швецов М.Л., Балонов Ф.Р., Самойленко В.Г. Отчет Второй Северскодонецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. – НА ИА НАНУ. – № 1976/106.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф., Левченко В.Н., Смирнов А.М., Швецов М.Л., Шкарбан А.С., Кротова А.А. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г. Исследование курганов в Славяносербском р-не Ворошиловградской обл. (сс. Смелое, Пришиб, Знаменка, Сокольники, Крипаки) и в Амвросиевском р-не Донецкой обл. (сс. Петро-Павловка, Лисичье). – НА ИА НАНУ. – № 1978/1.

Братченко С.Н. Курганы у сел Песчаное и Раздольное в Приазовье / С.Н. Братченко // ДАС. – № 7. – Донецк, 1997. – С. 116-129.

Братченко С.Н. Ливенцовский могильник I / С.Н. Братченко, Э.С. Шарафутдинова // ИАИАНД в 1998 г. – Вып. 16. – Азов, 2000. – С. 160-215.

Васильев И.Б. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 60-94.

Генинг В.Ф. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда / В.Ф. Генинг, В.А. Борзунов // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 42-72.

Гершкович Я.П. Про кам'яні поховальні споруди зрубної культури Північно-Східного Приазов'я / Я.П. Гершкович // Археологія. – 1982. – № 41. – С. 15-21.

Горбов В.Н. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 120-123.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 145-162.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-285.

Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 222 с.

Забавин В.О. Курганный могильник срубной культуры у восточной окраины г. Мариуполя / В.О. Забавин // ДАЗ. – № 15. – Донецк: Вид-во Донецк ун-ту, 2011. – С. 161-170.

Забавин В.О. Топографические и ландшафтные особенности размещения курганов срубной культуры Северного Приазовья / В.О. Забавин // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2012. – С. 100-107.

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья / В.Н. Зудина. – Самара, 1998. – 124 с.

Ильюков Л.С. Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ильюков, Л.М. Казакова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1988 – 168 с.

Клименко В. Ф. Раскопки курганов у с. Рыбинское Волновахского района Донецкой области. – НА ІА НАНУ. – № 1988/41.

Клименко В.Ф. Курганные древности Центрального Донбасса / В.Ф. Клименко, А.Н. Усачук, В.И. Цымбал. – Донецк, 1994. – 127 с.

Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины / В.Ф. Клименко. – Енакиеве, 1998. – 220 с.

Клименко В.Ф. Кенотафы срубной культуры Центрального Донбасса / В.Ф. Клименко, В.И. Цымбал // Проблемы археологии и архитектуры: в 2-х т. – Донецк; Макеевка, 2001. – Т. I. – С. 65-70.

Клюшинцев В.Н. Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец / В.Н. Клюшинцев // СА. – 1989. – № 4. – С. 250-254.

Косиков В.А. Курганная группа у п. Новоамвросиевка на р. Крынка (из раскопок Т.А. Шаповалова) / В.А. Косиков // ДАС. – № 6. – Донецк, 1996. – С.63-75.

Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И.Ф. Ковалева – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – 78 с.

Крамарев А.И. Характеристика погребальных сооружений срубной культуры Южного Средневожья / А.И. Крамарев // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 277-305.

Крамарев А.И. Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневожья / А.И. Крамарев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003а. – С. 153-160.

Кузнецов Л.В. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье / Л.В. Кузнецов, М.С. Седова // СА. – 1991. – № 3. – С. 161-178.

Кульбака В.К. Отчет об исследовании курганов у с. Коминтерново Новоазовского р-на Донецкой области в 1986 г. – НА ІА НАНУ. – 1986/39.

Кульбака В.К. Отчет об исследованиях курганов в зонах строительства оросительных систем на землях совхоза “Берестовой” у с. Берестовое и с. Кондратьевка Константиновского р-на и совхоза “Грузской” г. Макеевка Донецкой обл. в 1988 г. – НА ІА НАНУ. – № 1988/105.

Кульбака В.К., Гнатко И.И. Отчет об исследованиях курганов в зонах новостроек: у с. Калиновка Новоазовского р-на, у с. Раздольное Старобешевского р-на, у с. Камышеватое Першотравневого р-на, у с. Кондратьевка Константиновского р-на и г. Мариуполя Донецкой обл. в 1989 г. – НА ІА НАНУ. – 1989/87.

Кульбака В.К. Курган срубной культуры у с. Коминтерново / В.К. Кульбака, В.О. Забавин, С.Г. Небрат // Гілея. – Вип. 29. – К., 2009. – С. 136-141.

Ларенок В.А. Курганный могильник «Самарский»-II / В.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов н/Д, 1998б. – С. 102-120.

- Ларенок П.А.** Курганные могильники «Федоровка»-I-II / П.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов н/Д, 1998. – С. 17-41.
- Ларенок П.А.** Курганные могильники «Таврия»-I-III / П.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов-н/Д, 1998а. – С. 56-90.
- Лебедев Г.С.** Погребальный обряд как источник социологической реконструкции / Г.С. Лебедев // КСИА. – 1977. – Вып. 148. – С. 24-30.
- Леонова Н.Б.** Погребение как объект формального анализа / Н.Б. Леонова, Ю.А. Смирнова // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 16-23.
- Литвиненко Р.А.** Об одной из групп каменных подкурганных сооружений срубной культуры / Р.А. Литвиненко // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1990. – Ч.1. – С. 74-75.
- Литвиненко Р.А.** Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // ДАС. – № 1. – Донецк, 1992. – С. 29-46.
- Литвиненко Р.А.** О социальном членении погребений срубной культуры лесостепи / Р.А. Литвиненко // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992а. – С. 138-140.
- Литвиненко Р.А.** Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) / Р.А. Литвиненко, В.А. Посредников, В.К. Гриб // ДАС. – № 2. – Донецк, 1992б. – С. 94-112.
- Литвиненко Р.А.** Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология» / Ин-т археол. НАНУ. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
- Литвиненко Р.А.** Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 62-66.
- Литвиненко Р.А.** Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Матеріали доповідей вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу по результатах науково-дослідної роботи. Історичні науки, політологія: в 2-х кн. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 1997. – Кн. I. – С. 10-13.
- Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.
- Литвиненко Р.О.** Похоронения срубной культуры в кам'яних гробницах з горизонтальною кладкою стін / Р.О. Литвиненко // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 3-18.
- Литвиненко Р.А.** Курган эпохи бронзы у села Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-Восточное Приазовье) / Р.А. Литвиненко, Н.П. Зарайская // АА. – № 14. – Донецк, 2004. – С. 203-232.
- Марина З.П.** Курганы эпохи бронзы у села Павловка / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988. – С. 5-20.
- Моруженко А.А.,** Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П. Археологические работы ДонГУ в Донбассе в 1981 г. – НА ІА НАНУ. – № 1981/132.
- Моруженко А.А.,** Санжаров С.Н., Посредников В.А. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1984 году. – НА ІА НАНУ. – № 1984/84.
- Моруженко А.А.** Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус / А.А. Моруженко, Р.А. Литвиненко // ДАС. – № 3. – Донецк, 1993. – С. 72-92.
- Обыденнов М.Ф.** Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности / М.Ф. Обыденнов, Г.Т. Обыденнова. – Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1992. – 171 с.
- Ольховский В.С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий / В.С. Ольховский // СА. – 1986. – №1. – С. 65-76.
- Ольховский В.С.** Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму / В.С. Ольховский, В.В. Отрощенко // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 111-125.
- Отрощенко В.В.** Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.04 «Археология» / Ин-т археол. АН УССР. – К., 1981. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 1. – № 598. – 329 с.
- Отрощенко В.В.** Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.04 «Археология» / Ин-т археол. АН УССР. – К., 1981а. – 23 с.

- Плешивенко А.Г.** Могильник кургана “Бабакова Могила” из Северного Приазовья / А.Г. Плешивенко // ДСПК. – Т. 4. – Запорожье: Запоріжжя, 1993. – С. 128-156.
- Плешивенко А.Г.** Курганный могильник у с. Конские раздоры / А.Г. Плешивенко // ДСПК. – Т. V. – Запорожье, 1995. – С. 143-159.
- Попандопуло З.Х.** Курганы “Соколовский” у города Пологи / З.Х. Попандопуло // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 66-76.
- Посредников В.А.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса / В.А. Посредников, Д.П. Кравец // ДАС. – № 1. – Донецк, 1992. – С. 47-56.
- Потапов В.В.** Курганы эпохи поздней бронзы могильника Нижнеясиновский II / В.В. Потапов // Вестник Южного научного Центра. – Т. 9. – № 1. – М., 2013. – С. 77-89.
- Привалов А.И.** Отчет новострочной экспедиции Донецкого госуниверситета за 1978 год / А.И. Привалов, В.П. Андриенко, А.А. Моруженко. – НА ИА НАНУ. – № 1978/73.
- Привалова О.Я.,** Привалов А.И. Отчет о раскопках курганов из группы “Баба” у с. Николаевка Волновихского района Донецкой области в 1980 году. – НА ИА НАНУ. – № 1980/103.
- Привалова О.Я.** Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса / О.Я. Привалова // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 8-97.
- Привалова О.Я.** Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье / О.Я. Привалова // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 145-154.
- Пряхин А.Д.** Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1988. – 209 с.
- Салий Н.Г.** Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной (по материалам Запорожской экспедиции) / Н.Г. Салий // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С.82-94.
- Самар В.А.,** Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточного отряда АЭ Запорожского краеведческого музея в 1994 г. – НА ИА НАНУ. – № 1994/104.
- Самар В.А.,** Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточной АЭ ЗОИОПИК в 1996 году. – НА ИА НАНУ. – № 1996/89.
- Самар В.А.** Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья / В.А. Самар // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С.75-83.
- Синюк А.Т.** Периодизация срубной культуры Среднего Дона / А.Т. Синюк, В.И. Погорелов // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 118-145.
- Тощев Г.Н.** Крым в эпоху бронзы / Г.Н. Тощев. – Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2007. – 304 с.
- Усачук А.Н.** Исследование курганов срубного времени (по материалам архива и фондов Донецкого краеведческого музея) / А.Н. Усачук // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. – Полтава, 1991. – Ч. 2. – С. 46-48.
- Цимиданов В.В.** Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) / В.В. Цимиданов // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996. – С. 198-213.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Чередниченко Н.Н.** Срубная культура // С.С. Березанская, В.В. Отрошенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.
- Шаповалов Т.А.** Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1986 году / [Т.А. Шаповалов, С.Н. Санжаров, В.А. Косиков, В.А. Подобед, А.В. Евглевский, Р.А. Литвиненко]. – НА ИА НАНУ. – № 1986/45.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в позднем бронзовом веке / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.
- Шарафутдинова Э.С.** Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.

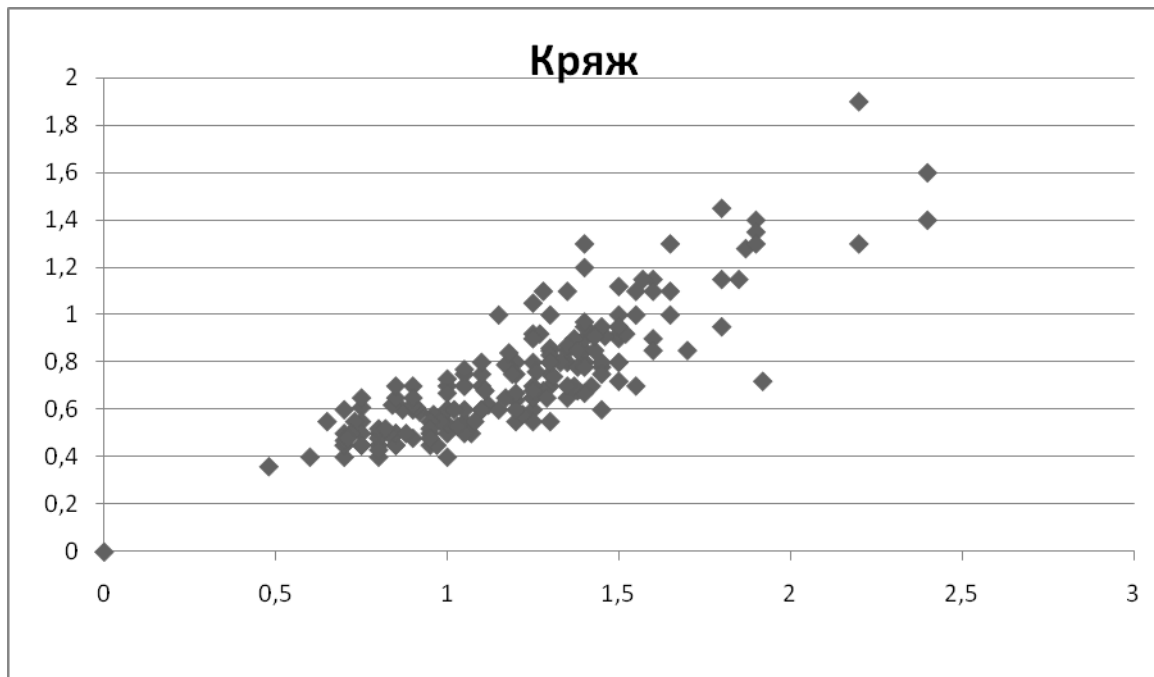

Рис. 1. Размеры погребальных ям Донецкого Кряжа
Fig. 1. Dimensions of burial pits of Donetsk Kryazh

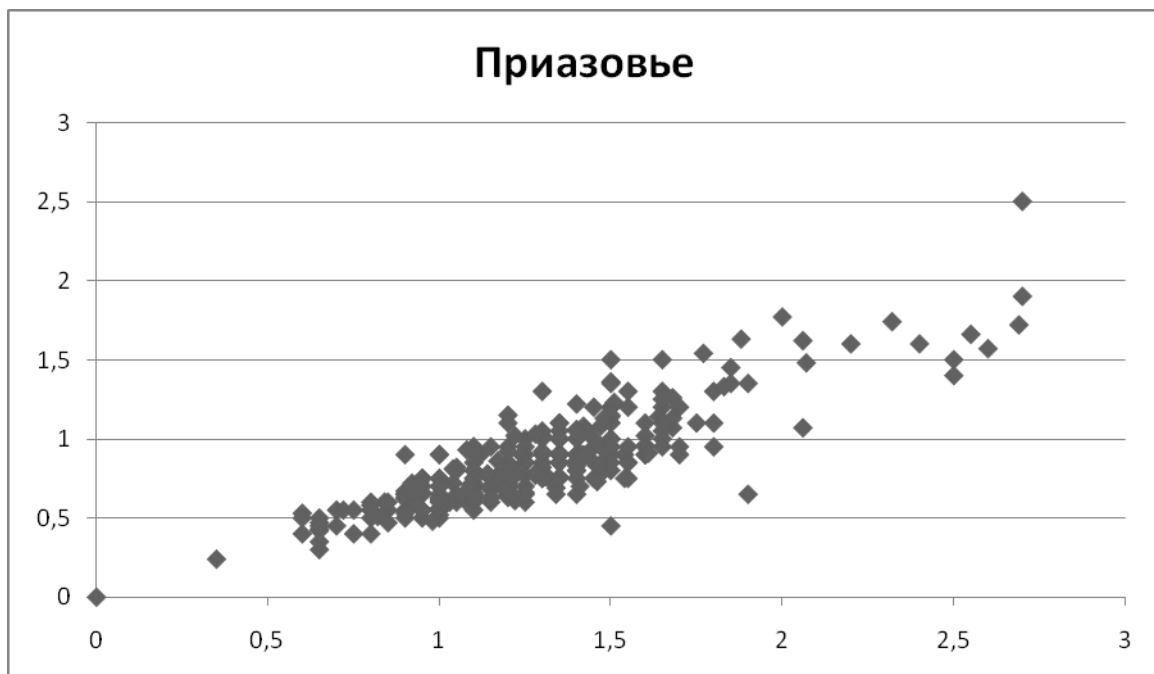

Рис. 2. Размеры погребальных ям Северного Приазовья
Fig. 2. Dimensions of burial pits of Northern Azov Sea

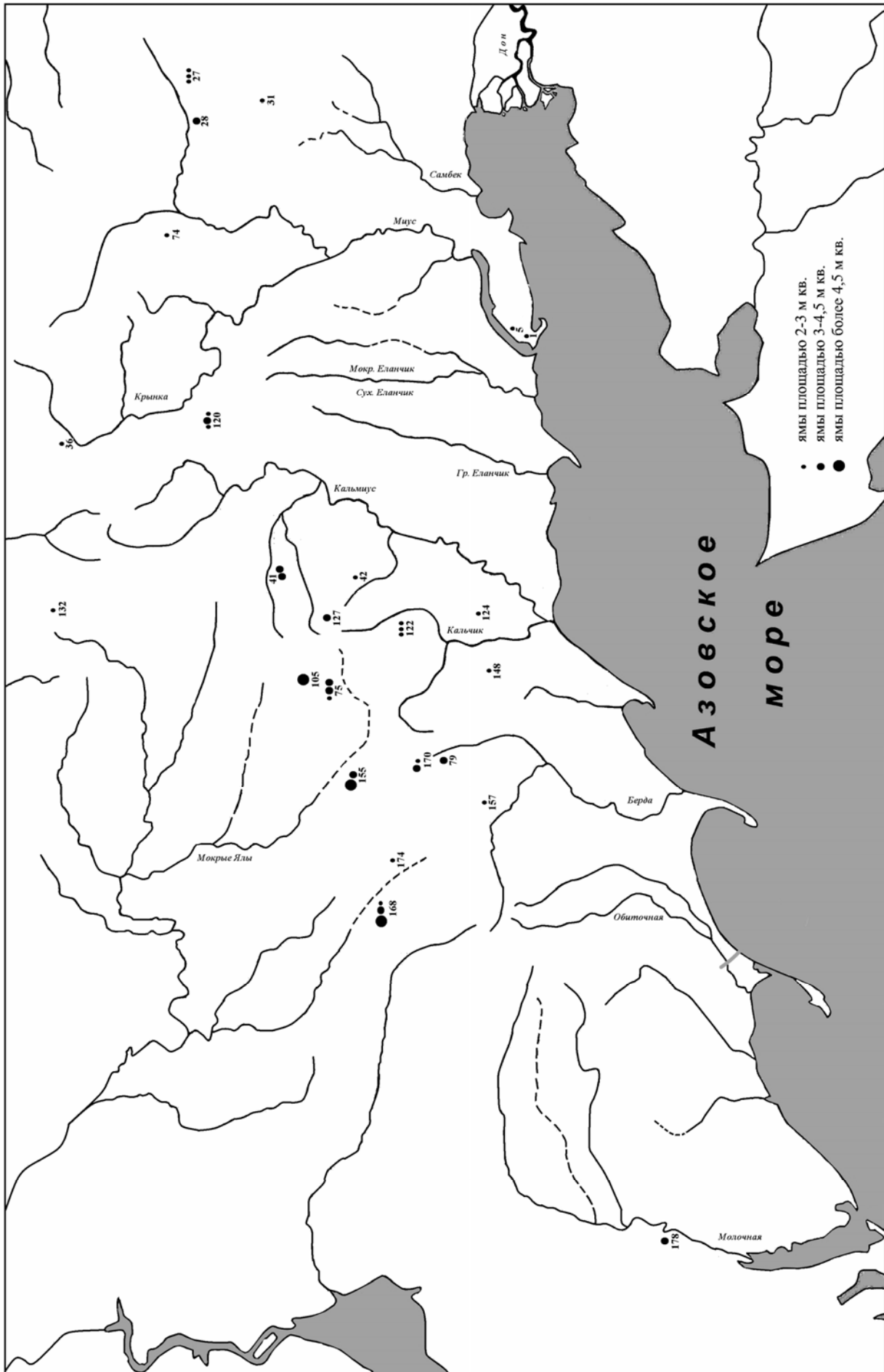

Рис. 3. Карта распространения больших ям
Fig. 3. Map of the spread of large pits

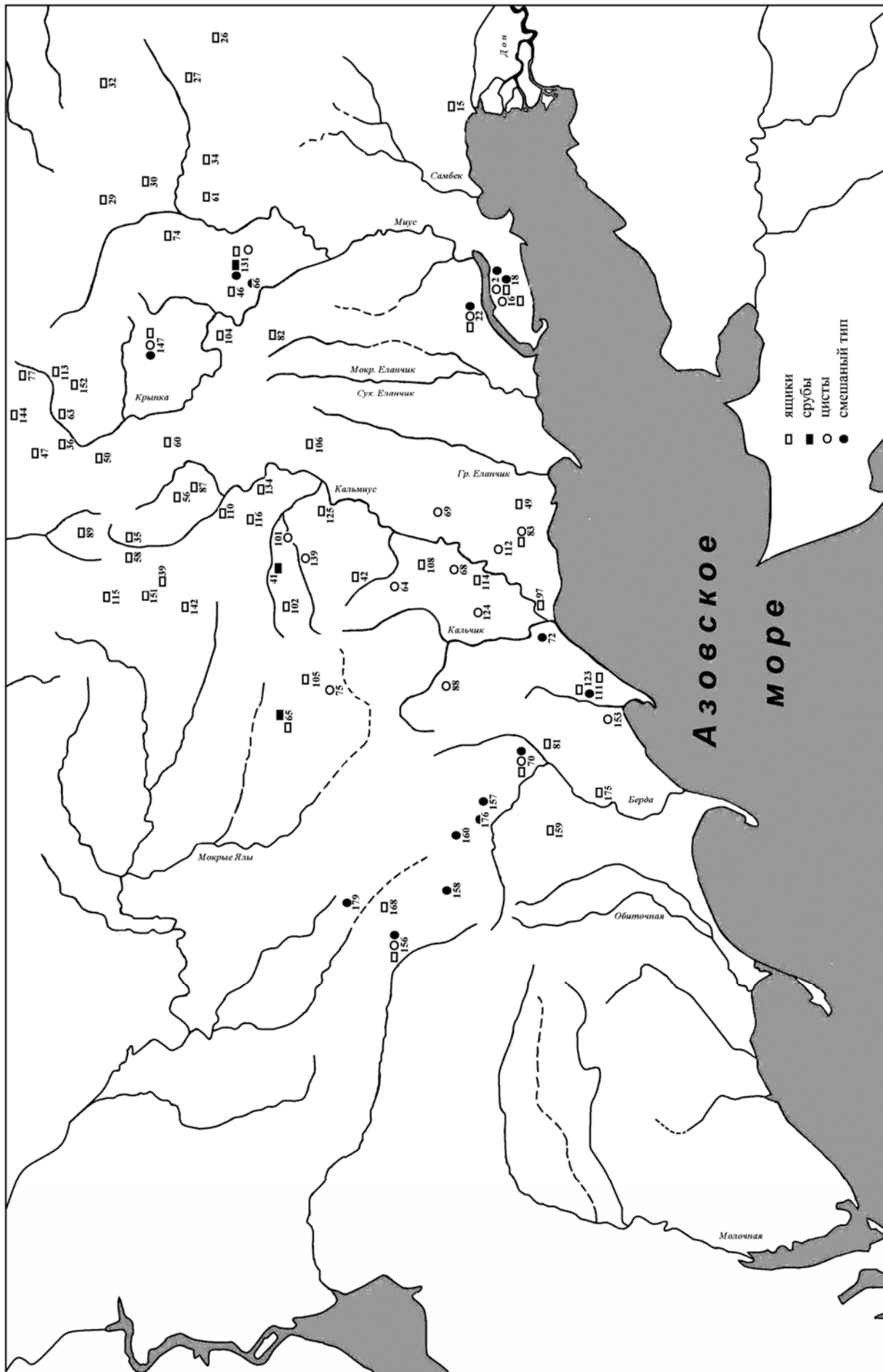

Рис. 4. Карта распространения типов могильных сооружений
Fig. 4. Map of the spread of burial construction's types

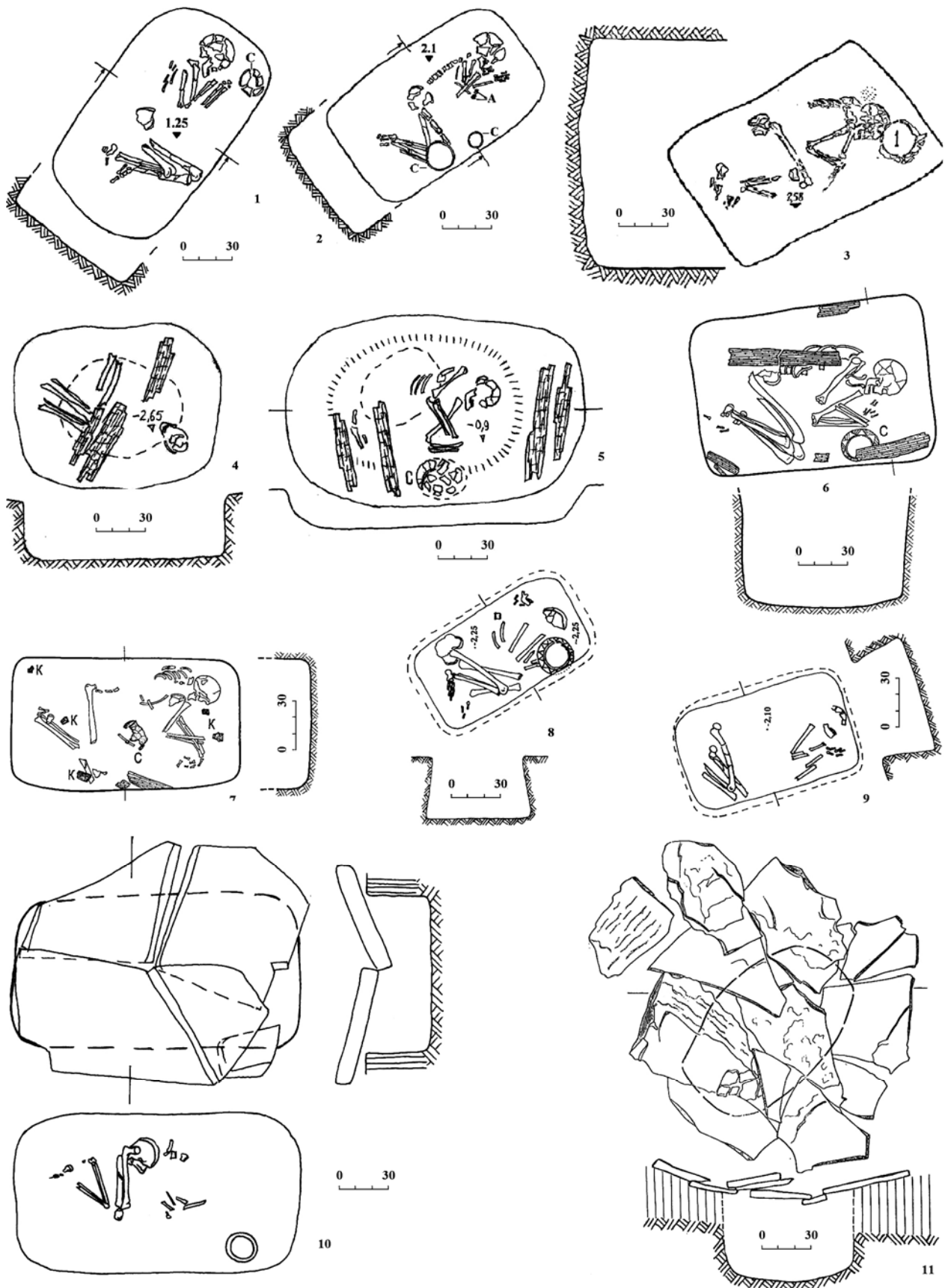

Рис. 5. Погребения в ямах: 1-2 – Мариуполь-Восточный 3/1, 5; 3 – Раздольное 2/1; 4-5 – Волноваха 2/4, 5/2; 6-7 – Запорожец 1/12, 13; 8-9 – Малый Кут 2/2, 3; 10 – Баба 2/4; 11 – Нижняя Крынка 1/1

Fig. 5. The burials in pits

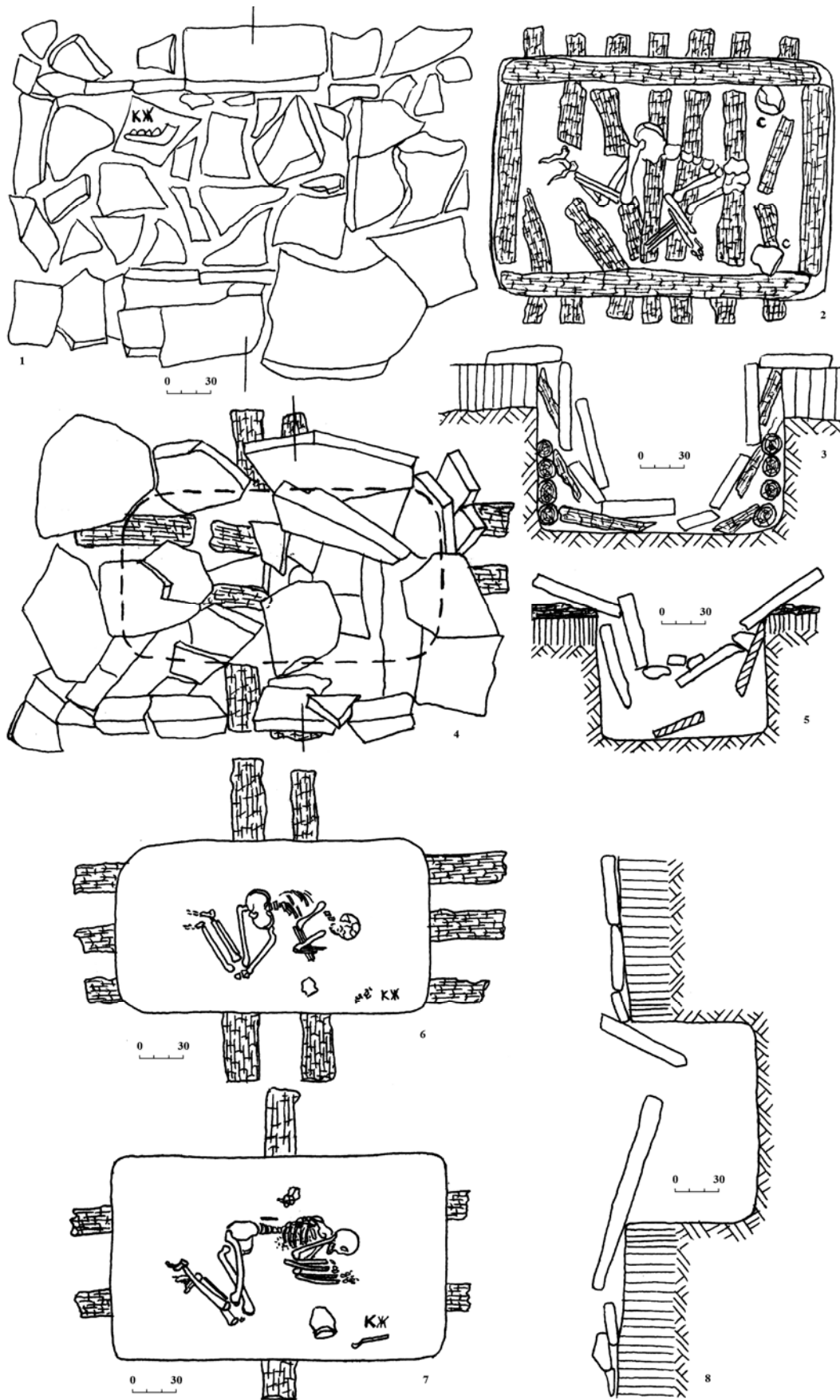

Рис. 6. Погребения в срубах и ямах с деревянным перекрытием:
1-3 – Баба 3/2; 4-6 – Баба 2/3; 7-8 – Баба 2/1

Fig. 6. The burials in timbers and pits with wooden ceiling

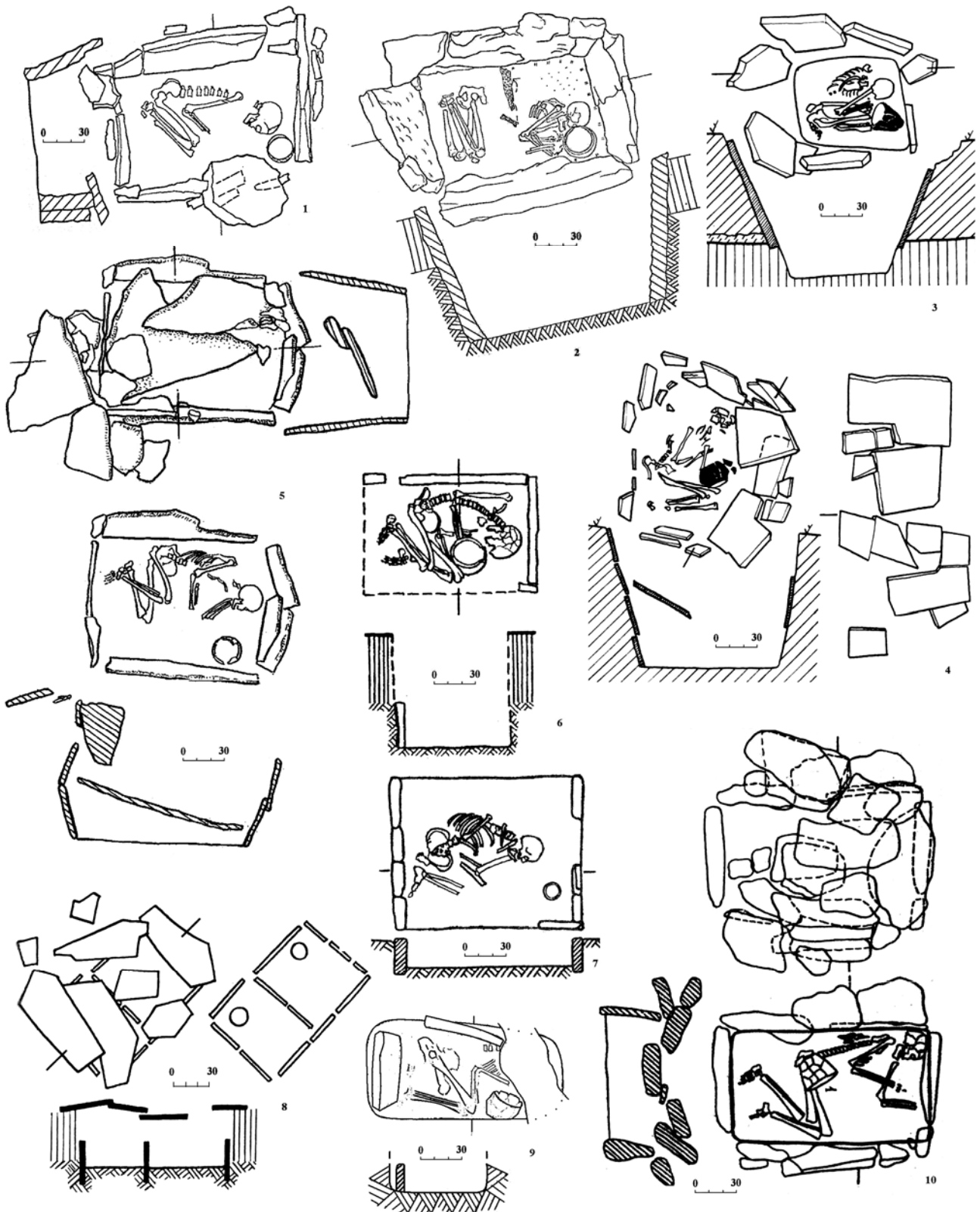

Рис. 7. Погребения в каменных ящиках I группы: 1 – Раздольное 3/4; 2 – Камышеватое 1/1; 3-4 – Зрубное 7/7, 1/3; 5 – Песчаное 3/1; 6 – Новоамвросиевка 1/1; 7 – Николаевка 4/2; 8 – Дружный 2/3; 9 – Высокое 5/4; 10 – Конские Раздоры 3/8

Fig. 7. The burials in stone boxes of Group I

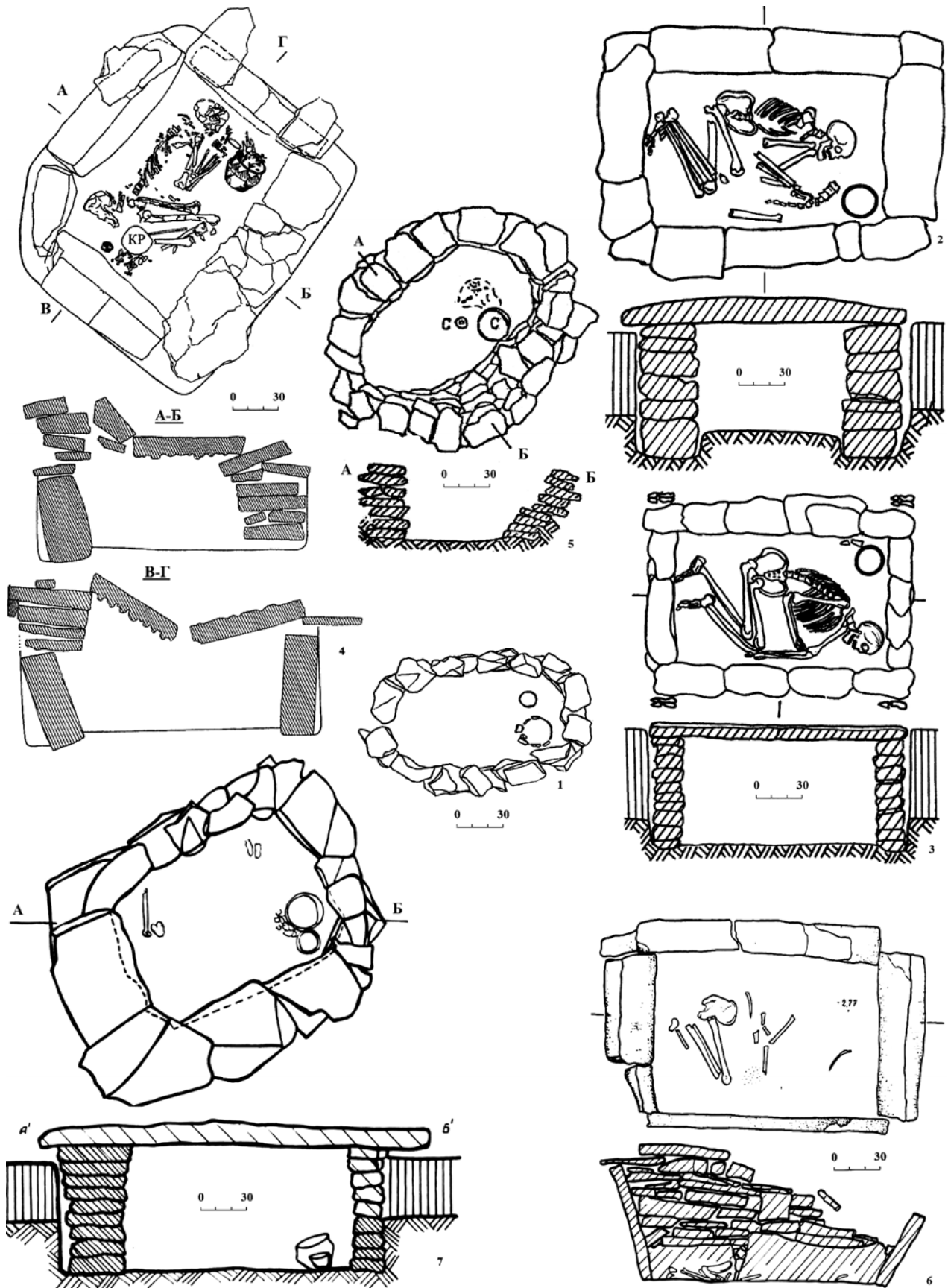

Рис. 8. Погребения в каменных ящиках II-III группы: 1 – Коминтерново 1/3; 2-3 – Николаевка 3/1, 6/1; 4 – Зинцева балка 1/2; 5 – Веденское 1/1; 6 – Новозарьевка 1/3; 7 – Приовражное 3/1

Fig. 8. The burials in stone boxes of Group II-III

Загородняя О.Н.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ

Реферат: В статье рассматривается история изучения металлопроизводственного инструментария срубной общности на территории Украины, охватывающая полтора столетия. Этапы изучения проблемы разграничены с учетом изменений концепций о развитии металлопроизводства позднебронзового века в контексте археологических культур и усовершенствования методики изучения орудий. Объектами изучения являлись, прежде всего, металлические изделия, некоторые категории орудий, а также древние рудники. Научное осмысление данных объектов определялось как характером их накопления, так и методическим арсеналом археологии и ее познавательными задачами. Долгое время наука сосредотачивалась на изучении металлических изделий и литейных форм. Невыразительные орудия обычно привлекали внимание в зависимости от археологического контекста, указывающего на возможность их соотнесения с металлопроизводством. Ситуация изменилась с появлением методики, выявляющей и объясняющей характер и природу следов изготовления и изнашивания. В связи с исследованиями рудников, производственных участков и поселений Картамышского археологического микрорайона в Донбассе в последнее десятилетие значительно увеличилась источниковая база по металлопроизводству бережновско-маевской срубной культуры (БМСК). Реализована уникальная возможность применения экспериментально-трассологического метода в изучении орудий всех технологических этапов металлопроизводства (добычи руды, обогащения, металлургии и металлообработки). Благодаря применению методов структурно-сырьевого, технологического и функционального анализов разработана функциональная и морфологическая типология артефактов из горных пород, кости и керамики, ранее не имевшая места в археологической систематике. Она включает классы, группы и типы производственного инвентаря, обслуживавших металлопроизводство. Усовершенствованы методы фиксации следов изготовления и использования артефактов в виде микро- и макрофотографии.

Ключевые слова: бережновско-маевская срубная культура, Картамышский археологический микрорайон, металлопроизводство, орудия, экспериментально-трассологический метод, эпоха поздней бронзы.

Abstract: The paper is devoted to history of research of metal production implements of Srubnaya community in Ukraine for one and a half century. Stages of problem study are ranked considering changes in concepts on metal production development of the Late Bronze Age in the context of archaeological cultures and methods of tools research improvement. The objects are metal wares, some types of tools and ancient pits which are the kind of modifications of structure of geological strata and landscape. Scientific understanding of these objects was defined by the nature of their accumulation and methodological arsenal of archaeology and cognitive tasks. For a long time archaeology has been focused on metal wares and the most remarkable implements – casting molds. Vague tools usually drew attention according to archaeological context which points to the possibility of their relation to metal production. Situation has changed after discovering the method that identifies and explains the nature of manufacturing and wearing. The increase of metal production sources of Berezhnovka-Mayevka Srubnaya culture (BMSC) is observed due to investigation of pits, production sections and settlements of Kartamysh archaeological district in recent years. Kartamysh assemblage of tools is specific since there are evidences of all metal production process stages (mining, ore processing, metallurgical and metal-working). The implements have been processed by the author using structural, technological, functional and contextual analysis. Microscopic use-wear and residue analysis of tools enables to reconstruct the objects' functions. Functional analysis of tools reveals important aspects of technology and work organization of BMSC metal production.

Keywords: Berezhnovka-Mayevka Srubnaya culture, Kartamysh archaeological district, metal production, tools, experimental-traceological method, the Late Bronze Age.

История изучения металлопроизводства срубной общности позднебронзового века на территории Украины охватывает полтора столетия. В качестве объектов изучения выступают, прежде всего, металлические изделия, различные категории орудий труда, а

также свидетельства добычи руды – древние рудники, которые представляют собой разновидность следов – видоизменений естественной структуры геологических напластований и ландшафта. Исследование данных объектов в процессе развития знаний о металлопроизводстве было неравномерным, что определялось как характером их накопления, так и методическим арсеналом науки и, что немаловажно, самой постановкой познавательных задач археологии. Долгое время внимание исследователей было направлено преимущественно на изучение металлических изделий, а также наиболее массовой и выразительной категории приспособлений – литейных форм. Последние оказались в центре внимания, помимо прочего, еще и по той причине, что их назначение представлялось понятным по аналогии с более поздними предметами оснащения литейного дела. Они бывали достаточно часто описаны и проанализированы по материалам археологии Древнего Востока, античности и средневековья. Наконец, они дополнялись сопоставимыми позитивами – готовыми изделиями, технические функции которых тоже, в большинстве своем, оказывались ясны. Воспринимаясь как явное и прямое свидетельство палеометаллической эпохи, предшествовавшей внедрению железа, взаимосвязанные изделия из сплавов цветных металлов и литейные матрицы издавна применялись в археологии (О. Монтелиус и др.) для построения эволюционно-типологических рядов, своеобразно отражающих развитие культуры во времени и пространстве.

В нашей археологии их изучение было подчинено задачам культурно-хронологической атрибуции, выделения очагов металлообработки с предполагаемыми источниками металлургического сырья. На основании этих исследований с применением методов типологии и спектрального анализа металла создавались концептуальные построения в развитии металлопроизводства эпохи поздней бронзы. Конечно, эти построения вплетались в актуальные на момент изучения культурно-хронологические схемы позднебронзового века.

Значительно меньше уделялось внимание вопросам реконструкции технологических процессов. Долгое время за рамками специальных исследований оставались орудия из камня и кости. Несмотря на стремительное накопление массовых коллекций таких артефактов с началом исследований рудников и поселений, “морфологическая невыразительность” подобного рода объектов осложняла визуальное вычленение среди них орудий металлопроизводства. Как правило, орудия попадали в поле зрения исследователей в зависимости от археологического контекста, указывающего на возможность их соотнесения с металлопроизводством. Ситуация изменилась только с появлением методики, выявляющей и объясняющей характер и природу деформаций изготовления и изнашивания.

Этапы изучения проблемы разграничены с учетом изменений концепций о развитии металлопроизводства эпохи поздней бронзы в контексте археологических культур, а также усовершенствования методов исследования орудий труда. *Первый этап* (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.) характеризуется первичным накоплением источниковой базы. Основной задачей первого периода данного этапа (до конца XIX в.) являлась культурно-хронологическая атрибуция источников (кладов металлических изделий и литейных форм). Второй период (1900-е – 1920-е гг.) отмечен важными теоретическими разработками в оценке культур эпохи бронзы. *Второй этап* (1930-е – середина 1960-х гг.) соотносится с началом полевых исследований поселений срубной общности. Исследования направлены на систематизацию сведений о производственной деятельности в виде концепций очагов металлургии и металлообработки в рамках культурно-хронологических схем позднебронзового века юга Восточной Европы. На его завершающей стадии при изучении металлообрабатывающего инвентаря намечается привлечение естественнонаучных методов. *Третий* (конец 1960-х – конец 1980-х гг.) – осуществление раскопок поселений срубной общности Доно-Донецкого региона большими площадями, исследование рудников и поселений горняков-металлургов в районе донецких рудопроявлений. Происходит научное осмысление процессов металлургии и металлообработки в рамках срубной культурно-исторической общности (СКИО) (Е.Н. Черных). Начало 80-х гг. отмечено внедрением

экспериментально-трассологического метода функционального анализа изделий срубной общности (Г.Ф. Коробкова, В.В. Килейников). *Четвертый этап* – комплексные аналитические исследования (с начала 1990-х гг. до настоящего времени). Для него характерно увеличение источниковой базы по металлопроизводству эпохи поздней бронзы в связи с исследованиями памятников Картамышского археологического микрорайона (КАМ) и изучением орудий металлопроизводства с опорой на экспериментально-трассологический метод в рамках бережновско-маевской срубной культуры (БМСК).

Первый этап. Первый период данного этапа (с третьей четверти до конца XIX в.) был временем накопления отдельных находок и кладов металлических изделий и литейных форм.

В 1840 г. на территории бывшей Полтавской губернии у с. Березняки, на берегу р. Псел была сделана первая находка каменной формы [Vochkarev, Leskov 1980]. В 60-80-е гг. XIX в. список единичных находок литейных форм, а также их комплексов, значительно пополнился. В 1891 г. у Алешек (совр. г. Цюрупинск Херсонской обл.) впервые были обнаружены остатки литейной мастерской [Vochkarev, Leskov 1980]. Помимо двух литейных форм с негативами кинжалов, в месте находок были зафиксированы два обработанных клиновидных камня (очевидно, орудия), фрагмент глиняного тигля, пропитанный медной окисью, и два обломка талька. Все эти находки были отнесены к более позднему времени, чем эпоха бронзы (как мы ее сейчас понимаем).

В 60-80-е гг. XIX в. науке стали известны первые сведения о существовании древних горных выработок на территории Бахмутской котловины Донецкого кряжа благодаря освоению меднорудных месторождений горными специалистами. В отвалах древних выработок горным инженером А.А. Носовым были найдены куски медной руды, шлаки, отправленные в Петербург в лабораторию Горного департамента для химического анализа, и фрагменты горшков (тиглей), кости животных, пропитанных медной зеленью, “кремневые орудия и бронзовые топоры” [Носов 1865, с. 315-317]. Эти находки также были соотнесены с поздним временем. Открытые горные разработки медной руды связывались исследователями со временем “владычества в южном крае России хазаров, генуэзцев, и даже греков” [Носов 1865, с. 315; Лавров 1874, с. 139-140].

Длительное накопление материалов в условиях постепенного осознания самого факта наличия бронзового века, представленного подкурганскими погребениями “с окрашенными костяками”, подготовило базу источников для крупных открытий следующего периода.

Второй период (1900-е – 1920-е гг.) отмечен важными теоретическими разработками в оценке эпохи бронзы, которые на многие годы определили и дальнейшее осмысление металлопроизводства. Некоторые наблюдения и выводы актуальны и поныне.

В.А. Городцов заложил основы периодизации бронзового века юга Восточной Европы в виде стратиграфически подтвержденной последовательности изменений устройства могил и сопровождающего инвентаря в курганных погребениях Донетчины (быв. Изюмского уезда Харьковской и Бахмутского уезда Екатеринославской губернии) [Городцов 1905; 1907]. Основываясь на наличии в этих погребениях медных (бронзовых) изделий и близости памятников к известным рудным залежам, он первым предположил эксплуатацию данных рудников именно в бронзовом веке – представителями катакомбных и срубных племен. Напомним, что приблизительно в это же время геологи высказывали предположения об эксплуатации рудников разве что кочевниками IX-XIII вв. [Леваковский 1905, с. 580-581]. Исследовав места древних медных рудников Бахмутской котловины у с. Калиновка, В.А. Городцов пришел к предварительному заключению об их разработке “катакомбными людьми”, оставившими в окрестностях множество курганов. По его мнению, традиции погребального обряда (в частности, сами сложные катакомбы), а также орудия труда из камня и бронзы (кайла, кирки, топоры) они заимствовали у жителей Кавказа [Городцов 1907, с. 245-247].

Одновременно с раскопками курганов, В.А. Городцов в 1903 г. раскопал поселение у с. Хайловщина, существование которого связал с носителями срубной культуры.

Характеризуя хозяйство, он обратил внимание на наличие немногочисленных свидетельств металлургии и металлообработки. Некоторые каменные орудия, по данным осмотра, он предположительно связал с земледелием. Сейчас исследователи не исключают возможность их отнесения к инвентарю металлурга [Свистова 1997, с. 80]. Следы ударов на бревнах и досках захоронений В.А. Городцов истолковал как свидетельства применения носителями срубной культуры металлических орудий труда, “вероятнее всего бронзовых топоров” [Городцов 1907, с. 236]. Это крайне поучительный опыт обращения к следам – особой разновидности археологических источников и, в частности, – к деформациям обработки, которые намного позже стали объектом археологической трасологии.

На вопрос о существовании древних рудников Донецкого края в эпоху бронзы обращает особое внимание профессор Харьковского университета А.С. Федоровский. При этом он, по примеру В.А. Городцова, не отрицает возможности разработки медных руд населением катакомбной культуры, принимая во внимание факт находки орудия для обработки руды в катакомбном погребении. В то же время исследователь высказал сомнения по поводу возможности их разработки в эпоху поздней бронзы срубным населением, “площадь распространения которого не достигает района рудных месторождений” [Федоровский 1923, с. 28-30]. Весьма показательны его выводы об использовании орудий, найденных А.А. Носовым в древних выработках, в горной промышленности и металлургии, а также о наличии связи между самими выработками и находками орудий труда металлургического процесса на прилегающих поселениях. А.С. Федоровским были суммированы известные к тому времени данные о литейных формах, орудиях, кладах металла и рудниках, что позволило предположить существование в Донбассе “самостоятельного очага горного дела и металлургии в бронзовом веке” [Федоровский 1923, с. 22-23]. С этим очагом им были связаны клады металлургов и кузнецов эпохи бронзы из Славяносербского и Новопавловского уездов Екатеринославской губернии.

Тем временем в результате дальнейших изысканий В.А. Городцова, нашедших отражение в энциклопедической статье “Бронзовый век на территории СССР” [Городцов 1927], был конкретизирован ареал срубной культуры, северная граница которого достигала линии Оренбург-Муром-Киев. В 1920-е гг. саратовскими археологами были проведены раскопки курганов в г. Покровске на левом берегу Волги. Осуществив общую периодизацию курганных древностей Нижней Волги, П.С. Рыков [1927] объединил их в рамках хвалынской культуры, не отождествляя ее на тот момент со срубной культурой В.А. Городцова. Для погребений эпохи средней бронзы выделена полтавкинская ступень [Rau 1928], позднее ставшая основой для обоснования местного генезиса срубной культуры.

А.М. Таллгрэн [Tallgren 1926], разрабатывая обширную концепцию палеометаллической эпохи Причерноморья, атрибутировал причерноморские, поволжские и кавказские находки продуктов и аксессуаров металлопроизводства (литейных форм, некоторых приспособлений) предскифскому периоду, увязав их, по возможности, с материалами погребений, иллюстрировавших этапы развития культуры населения, занятого металлообработкой.

Таким образом, в этот период были заложены основы научной концепции древнего причерноморского (и, в частности, донецкого) металлопроизводства, действовавшего на основе местных рудных ресурсов. Зарождение феномена стали относить к окончательно выделенной на этом же этапе в виде цепочки культур эпохе бронзы и к ее отдельным культурно-хронологическим подразделениям.

На первом этапе орудия из кости и камня воспринимались зачастую как принадлежащие дометаллической эпохе или очень примитивному обществу и, в любом случае, проверить их отношение к эпохе бронзы было затруднительно ввиду отсутствия стратиграфических контекстов и комплексов, а сами объекты зачастую выглядели настолько аморфно, что не воспринимались как достоверные артефакты.

Второй этап. Следующий этап соотносится в первую очередь с началом раскопок поселений срубной общности, так что база материалов, ранее представленная в основном изделиями из металлов и формами, стремительно возросла и стала разнообразнее за счет инвентаря, следов и остатков производства. Во-вторых, исследования связаны с возрастанием внимания к изучению производственной деятельности, сведения о которой систематизируются в виде концепций очагов металлургии и металлообработки в рамках обширных культурно-хронологических схем.

Так, в работе “Греческая колонизация Северного Причерноморья” А.А. Иессен [1947] для Правобережья Днепра и части Левобережья ввел понятие северопричерноморского очага металлообработки XV-VIII вв. до н.э., действовавшего на привозном рудном сырье. Идентификация этого очага, как и выделенного исследователем прикубанского [Иессен 1951], базировалась на типологическом своеобразии изделий (устойчиво сочетающихся в кладах и отличающихся от типологического состава изделий других культурных ареалов), а также сопутствующих литейных форм. Особенностью металлопроизводства Северного Причерноморья, помимо прочего, выступало изготовление матриц из талькового сланца.

К этому времени накопленные источники позволили расширить ареал срубной культуры в восточном направлении, включив территорию Подонья и Поволжья [Артамонов 1933; Гольмстен 1929; 1941; Круглов, Подгаецкий 1935; Круглов 1941; Старо-Оскольский р-н, 1935 г., 1941; Сеницын 1949]. Оценивая древности эпохи поздней бронзы по материалам Среднего Подонья, Г.В. Подгаецкий в рукописи кандидатской диссертации “Предскифский период на Среднем Дону” использовал термин “срубная культура” или даже “культурная общность восточно-европейских степных племен”. Границу этой культуры он определял территорией Западного Казахстана [Подгаецкий 1939, с. 38-39].

В 50-60-е гг. XX века появились обширные культурно-хронологические схемы позднебронзового века юга Восточной Европы [Кривцова-Гракова 1955; Телегин 1961; Тереножкин 1965; Лесков 1967]. В монографии О.А. Кривцовой-Граковой предложена концепция, в основе которой – идея формирования срубной культуры в Поволжье с последующим ее распространением в Подонье, затем – в Нижнее Поднепровье и северо-западное Причерноморье. Памятники полтавкинского типа интерпретированы как отдельная археологическая культура, явившаяся генетической подосновой срубной в Поволжье. В понятие “срубная культура” были включены хвалынская культура (по П.С. Рыкову), срубная, киммерийская и хвалынская культуры (по В.А. Городцову), и группы памятников Восточного Крыма и Нижнего Дона. В развитии позднесрубной культуры (на территории Украины) ею были выделены два периода: ранний – белозерский, поздний – сабашиновский.

Здесь же исключительно с типолого-морфологических позиций сделан анализ большинства известных кладов металлических изделий и комплексов литейных форм [Кривцова-Гракова 1955]. О.А. Кривцова-Гракова (как и Г.В. Подгаецкий), исходя из морфотипологических признаков, постулировала поступление сырья и самих металлических изделий срубной культуры из первичной территории распространения и смежных рудных источников, в частности Приуралья.

В дальнейшем развитии знаний о металлообрабатывающем производстве эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья можно отметить работу А.М. Лескова, в которой были выделены группы известных к тому времени “мастерских” литейщиков Северного Причерноморья (коллекции литейных форм) и систематизированы клады изделий. Характеристику вышеуказанных групп автор дает в рамках хронологических этапов срубной культуры также с применением типолого-морфологического метода и данных сопряженности в комплексах [Лесков 1967].

Разработки А.А. Иессена, О.А. Кривцовой-Граковой и А.М. Лескова способствовали выявлению общего культурно-хронологического контекста, к которому относится объект данного исследования. Это были важные шаги и к пониманию внутренней организации производства, и к выявлению его связей в системе древней экономики. На разработке же

технологии и функциологии производственного инвентаря эти исследования напрямую не сказались.

Непрерывно совершенствовались и пересматривались сами культурно-хронологические схемы, в частности – схема О.А. Кривцовой-Граковой. Так, на материалах поселения Ушкалка I было продемонстрировано предшествование сабашиновского этапа срубной культуры белозерскому [Телегин 1961], и эти наблюдения и выводы развил и включил в более общую систему А.И. Тереножкин [1965].

Как известно, особое место в изучении производственной деятельности древних обществ евразийских пространств принадлежит экспериментально-трассологическим исследованиям, начало которым было положено в 30-40-е гг. XX в. (т. е. на рассматриваемом этапе) С.А. Семеновым [1940; 1947]. Впервые были опубликованы работы, посвященные функциональному анализу дифференцированных групп орудий из кости и горных пород каменного века [Семенов 1941; 1947; 1952]. Однако исследования трассологического характера в изучении орудий труда степных культур Северного Причерноморья позднебронзового века в то время не применялись. Интерес С.А. Семенова распространялся на древнейшие этапы орудийной деятельности человека и его предков. Объект данного исследования, представленный пока небольшими сериями, не был сколько-нибудь консолидирован в контексте археологических культур как функционально специализированная группа артефактов. На его восприятии сказывалось привычное отношение к каменным и костяным изделиям как принадлежностям в первую очередь “дометаллических” стадий.

Взросшее внимание археологов к исследованиям поселений средней и поздней бронзы степной-лесостепной зон (Алексеевские памятники на р. Тобол, х. Ляпичев на Нижнем Дону, поселение Баланбашское на Южном Урале и т.д.) обусловили и начало изучения хозяйственной деятельности. К этому времени относятся попытки функциональной интерпретации инвентаря, следов и остатков металлопроизводства. Сделано это было, конечно, на основе имеющегося методического арсенала.

Отметим раскопки 1935-1936 гг. поселения срубной культуры у Вогрэсовской дамбы на левом берегу р. Воронеж в черте г. Воронеж. Впервые из раскопок поселения была получена значительная серия свидетельств производственной деятельности, а именно – металлургии и металлообработки, включающая 29 обломков керамических литейных форм с негативами вислообушных топоров, серпов и других изделий, 96 фрагментов керамических тиглей, 17 экз. шлаков и ошлаковок, каменные орудия труда – молоты, молотки, терочные плиты и др. [Валукинский 1935; 1937; Подгаецкий 1939; 1941]. Уже тогда при характеристике каменных изделий исследователи обратили внимание на различимые невооруженным глазом следы их изготовления и использования: “рабочий камень... имеет следы отчески по бокам и сглаженности поверхности снизу и сверху”, “другие камни имеют следы точки на них, иликовки ими...”, шлифовальные камни из песчаника имеют “геометрическую форму с хорошо стертymi с разных сторон поверхностями” [Валукинский 1937, с. 150]. Особый интерес представлял массивный, частично фрагментированный молот с желобком для привязывания к рукоятке, на рабочих поверхностях обоих уплощенных концов которого зафиксированы следы ударов в виде крупных выбоин [Валукинский 1937, с. 158].

Г.В. Подгаецкий указал на возможность использования такого рода молотов в горно-металлургическом производстве, но не для добычи, а для дробления медной руды. Он предполагал, что Среднее Подонье относилось к числу древнейших центров металлургии и обработки металла. При этом источником сырья представлялся Южный Урал, с населением которого, очевидно, были налажены прочные экономические связи [Подгаецкий 1939, с. 18; 1941, с. 160]. Такой вывод был ожидаем, поскольку металлические изделия и литейные формы Подонья обнаруживали сходство и даже тождество с приуральским и южноуральским инвентарем. Следы же добычи сырья в Подонье известны не были.

Поселение у Вогрэсовской дамбы, давшее существенные представления о металлургическом и металлообрабатывающем производстве, на долгие годы становится базовым памятником в изучении производственной деятельности носителей срубной культуры не только Подонья, но и других территорий распространения общности.

Позже была высказана другая точка зрения об источниках сырья для металлургии срубных племен, к которым отнесены месторождения Донецкого бассейна, при этом отмечалась недооценка их значения в исследованиях Г.В. Подгаецкого [Шилов 1959, с.35]. Правда, исследователь оперировал для обоснования своей точки зрения материалами среднебронзового века.

Все эти разработки произвели на завершающей стадии данного этапа важный эффект: стала очевидной потребность в привлечении данных, полученных неархеологическими методами, в том числе на основе естественных дисциплин. Впервые при изучении каменных изделий эпохи бронзы с территории юга СССР применяется петрографический анализ [Петрунь 1967]. При массовом определении состава однотипных археологических материалов этот метод позволяет классифицировать изделия по определенным группам и подгруппам, проследив тем самым их происхождение по сырью, из которого они изготовлены. Анализируя минеральный состав пород литейных форм эпохи поздней бронзы, исследователь приходит к выводам, что большинство каменных артефактов степной зоны изготовлены из криворожского каменного сырья. Именно В.Ф. Петрунем было создано новое научное направление – археологическая петрография, целью которого было выявление источников сырья каменных артефактов на основе их петрографического изучения и установления древних путей распространения каменного сырья. Благодаря этому был установлен факт существования на Криворожье горного дела для экспорта тальковых сланцев, являющихся сырьем для изготовления литейных форм населением степной зоны эпохи поздней бронзы. Восточной границей распространения литейных форм, изготовленных из тальковых сланцев приднепровской зоны, исследователь называет Нижнее Подонье. Значительная же часть литейных форм позднебронзового века происходит с Нижнего Поднепровья, что, вероятно, можно объяснить близостью сырьевой базы. Криворожье рассматривается как древний центр горного дела – специализированный на добыче тальковых сланцев для экспорта в эпоху поздней бронзы. Работы В.Ф. Петруни имеют немаловажное значение при определении уровня использования каменного сырья в эпоху поздней бронзы, путей распространения и характере товарного обмена между племенами юга Восточной Европы эпохи бронзы.

Весьма интересной в этом же контексте представляется работа И.Т. Чернякова о технике изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы [Черняков 1967]. Анализу были подвергнуты материалы литейных мастерских бронзового века Северного Причерноморья. На основе изучения технических приемов изготовления литейных форм, техники литья, обработки металлических изделий, т.е. в целом процесса производства в бронзолитейных мастерских, исследователь приходит к выводу о высоком уровне специализации древних металлургов. Естественно, для овладения техникой обработки тальковых сланцев, технологией литейного дела и металлообработки необходимы были специальные знания и опыт.

В итоге, привлечение естественнонаучных методов исследования позволили внести существенный вклад в разрешение некоторых вопросов металлообрабатывающего производства эпохи поздней бронзы.

Третий этап охватывает конец 60-х – конец 80-х гг. XX в. Свидетельства металлопроизводства в их функциональном разнообразии поступают, в основном, с поселений Донецкого края, Подонцовья и Среднего Дона, которые раскапываются большими, а то и сплошными, площадями. Это Ильичевка [Шаповалов 1976], Капитаново 1 [Чередниченко, 1967], Усово озеро [Березанская 1990], Пилипчатинo-1, 2, Клиновое-1, 2, Вискривка, Отрадовка-3 [Татаринoв 1978; 1983; 1988], Мосоловское [Пряхин 1993; 1996].

Все эти памятники рассматривались в рамках пока еще не расчлененной на отдельные культуры срубной культурно-исторической общности. Однако последовавшее на протяжении этого этапа выделение из срубной общности сабастиновской [Шарафутдинова 1968; 1982; 1986; Березанская, Шарафутдинова 1985] и белозерской [Отрощенко 1985; 1986] культур привело к постановке вопроса о взаимодействии носителей срубной культуры с “сабастиновцами” [Шаповалов 1976] и к сомнениям о протяженности срубной культуры вплоть до начала I тыс. до н. э. Произошла и соответствующая перегруппировка соотношения культур с очагами металлургии и металлообработки Северного Причерноморья и Волго-Уралья, основанная на исследованиях Е.Н. Черных [1970; 1976; 1978].

С поселений Подонцовья продолжают поступать находки свидетельств металлообработки, в т. ч. относящиеся к БМСК: тальковая и керамическая литейные формы для украшений (Ильичевка), керамическая форма (Александровск), обломки керамических форм, одна из которых предназначалась для отливки серпа-секача, бронзовая поделка, фрагменты ошлакованных венчиков сосудов и донышка со сливом, вероятно, обломки тиглей (Провалье – Грушевая балка) [Шаповалов 1976; Бровендер 2001; Дубовская 1978].

На поселении Круглое Озеро-1 Краснолиманского района Донецкой обл. встречены терочки из песчаника, песты, а также медный слиток весом до 150 г. Находки свидетельствуют о существовании здесь металлургии и металлообработки и, по мнению автора раскопок, связаны с “бабинско-срубным временем” [Татаринов 2003]. Среди комплекса находок поселения Отрадовка-3 также имеются немногочисленные свидетельства местной металлургии – медные шлаки. Автору раскопок представляется возможным синхронизировать указанное поселение на основании сходства керамики с поселениями горняков-металлургов у медных рудников Бахмутской котловины и получить достаточные материалы для характеристики отличительных черт поселений у рудников от обычных поселений типа Отрадовка-3, Лиманское озеро-I [Татаринов 1977].

На территории Среднего Подонцовья следует отметить многолетние полевые исследования многослойного поселения эпохи поздней бронзы Усово озеро Краснолиманского района Донецкой обл. В 1973 г. экспедицией Донецкого государственного университета под руководством Т.А. Шаповалова и А.П. Рудакова были начаты, а в 1975, 1977-1980 и 1983 гг. Краснолиманской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С.С. Березанской продолжены его раскопки. В целом полученный при раскопках материал позволил дать характеристику различным аспектам хозяйственной деятельности жителей поселка. Несомненно, важное место при этом занимает металлургия и металлообработка, что достаточно ярко иллюстрируют остатки производственных мест, специализированных орудий труда, изделий из бронзы. Найдена значительная серия свидетельств металлопроизводства, представляющих горное дело – орудия для добычи и обогащения руды (молоты, ступки, песты); металлургию – остатки печи, очевидно, для плавки руды, шлаки, ложки-лячки; металлообработку – молотки, наковальни, абразивы, более 100 целых и фрагментированных глиняных литейных форм. Кроме того, на поселении было обнаружено достаточно большое количество изделий из бронзы: шилья, долота, тесло, ножи. Эти обстоятельства позволили С.С. Березанской утверждать, что “характер производства выходил далеко за рамки обеспечения собственных нужд” и был направлен на реализацию готовой продукции [Березанская 1980, с. 255-256]. Благодаря применению трасологического анализа (Г.Ф. Коробкова) впервые в отечественной археологии было определено функциональное назначение выявленных на поселении орудий труда из камня и кости. Данные, полученные в результате раскопок, дали возможность оценить Усово озеро как поселение металлургов-литейщиков – базовый памятник срубной общности на территории восточноевропейской степи и лесостепи. Характерно, что поселение расположено в 40-50 км от древних медных рудников Бахмутской котловины Донбасса, что, вероятно, и обусловило специализированный характер деятельности его обитателей [Березанская, 1990, с. 3]. Впрочем, результаты этих исследований были введены

в научный оборот на следующем этапе, но они способствовали внедрению нового методического направления, развертывание которого началось только в последние два десятилетия.

В 70-е гг. XX в. исследованиями рудопроявлений в пределах Бахмутской котловины Донецкого кряжа при тесном взаимодействии с геологами начинает заниматься С.И. Татаринев. При осмотре рудопроявлений у сел Покровское, Клиновое, Медная Руда, Пилипчатино и Червонэ озеро (Картамыш) был выявлен археологический материал, датированный исследователем второй половиной II тыс. до н.э. и связанный им с горняками срубной общности. Помимо рудников у с. Клиновое, Пилипчатино, Медная Руда были открыты производственные участки и остатки жилищ горняков-металлургов этого же времени.

В 1975-1984 гг. Артемовской экспедицией под руководством С.И. Татаринова проводились раскопки непосредственно на территории отдельных рудопроявлений, которые привели к открытию ряда стоянок и мастерских горняков-металлургов. В результате их исследования были выявлены остатки металлургических печей и медеплавильных шлаков. На стоянках Пилипчатино-1, Пилипчатино-2, Выскровка, Клиновое найдена серия свидетельств производственной деятельности, включающая обломок тальковой литейной формы для отливки кельта и топора-кирки со следами использования на негативах (по определению С.И. Татаринова), плиты песчаника для дробления руды, терочки из песчаника и гранита, наковальни, обломки каменных и керамических литейных форм [Татаринев 1977, с. 199-200].

С.И. Татаринев предпринимает попытку классифицировать на основе осмотра поверхностей выявленные в результате исследований каменные предметы, выделив орудия для первичного дробления рудного минерала – массивные привязные молоты-кувалды, группу орудий для дробления руды на первом этапе её обогащения – молотки, песты для дробления и растирания руды, терочки для растирания руды до порошкообразного состояния, и группу орудий, используемых для “заковки и заточки” отлитых бронзовых орудий. Исследователь обращает внимание на следы многократных ударов и изломов на молотах и молотках, указывающих на интенсивное использование, и следы точечной выбитости на поверхности металлообрабатывающих орудий из гранита (по-видимому, молотков). [Татаринев 1977, 1978]. Кроме того, в вопросе об источниках сырья для изготовления каменных орудий, автор делает правильный, на наш взгляд, вывод об использовании в этих целях пород местного происхождения (медистого и кремнистого песчаника) и изготовления основной массы орудий прямо на рудниках. Часть же сырья (к примеру, гранита, который отсутствует на территории Бахмутской котловины) приносилась издалека.

В отношении орудий из кости С.И. Татаринев, не осуществляя трасологического анализа, предположил, что ребра с треугольно заточенным рабочим краем и следами заполировки, именуемые лоцильниками и стругами, использовались исключительно в кожевенном производстве [Татаринев 1983, с. 32-44]. Понятно, что установление функциональной принадлежности орудий из кости и их классификация требовали серьезного обоснования по результатам экспериментально-трасологических исследований.

Помимо поселений горняков-металлургов, расположенных непосредственно вблизи древних рудоразработок, в 1974-1989 гг. С.И. Татариневым осуществлялось исследование многослойного поселения эпохи бронзы Лиманское озеро у с. Дроновка Артемовского р-на Донецкой обл. на левом берегу р. Северский Донец, где в срубном слое были найдены свидетельства металлопроизводства в виде обломков глиняных литейных форм, глиняных льячек, медных сплесков, шлаков, фрагментов ошлакованной керамики, бронзового шила. Кроме того, здесь найдена серия орудий из камня, связанных с горным делом и металлообработкой – молоток, терочки из песчаника, песты, несколько обломков оселков и точильных камней [Татаринев 1983].

Одним из важных достижений этого периода явилось то, что исследования древних рудников Донецкого кряжа и поселений горняков-металлургов в непосредственной к ним близости привели к созданию источниковой базы, способствовавшей переосмыслению характера производства в Донецком регионе в целом. Результаты первых обобщений археологических данных позволили выделить С.И. Татаринovu Донецкий горно-металлургический центр эпохи бронзы [Татаринov 1975, с. 64-65], что в свою очередь сделало возможным констатировать его наличие в работе о развитии металлообработки на юго-западе СССР Е.Н. Черных [Черных 1976, с. 7, 14-17]. Исследование производственных орудий в контексте изучения проблемы металлопроизводства принимает более систематический характер, но все еще в большинстве случаев основано на визуальных признаках, за исключением материалов, происходящих из поселения Усово озеро.

Значительное место в изучении орудий металлопроизводства занимают исследования памятников срубной культуры в Среднем Подонье и, в первую очередь, Мосоловского поселения металлургов-литейщиков на р. Битюг. Именно это поселение, исследованное раскопками почти всей площадью экспедицией Воронежского университета в 1972-1974 гг. под руководством В.И. Сагайдака и А.Д. Пряхина и в 1977-1984 гг. и 1989 г. под руководством А.Д. Пряхина, стало базовым при изучении металлургии и металлообработки памятников срубной общности для Лесостепного Подонья. Получена представительная серия свидетельств производственной деятельности, включающая около 700 целых и фрагментированных глиняных литейных форм, более 300 плавильных чаш, более 350 каменных орудий труда, задействованных в металлургии и металлообработке, шлаки и ошлаковки, сплески металла. Фактически впервые была реализована возможность целостной оценки орудий металлопроизводства в рамках поселения металлургов-литейщиков с позиций комплексного анализа.

В форме диссертационного исследования нашли отражение вопросы изучения орудий производства из срубных поселений Среднего Дона [Килейников 1985]. Работа В.В. Килейникова посвящена характеристике хозяйства населения донской лесостепной срубной культуры преимущественно по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда. Общее количество изученных этим методом орудий, происходивших из шестидесяти поселений донской лесостепной срубной культуры, составило более 1700 экземпляров. Основная их часть – из Мосоловского поселения. В результате были выявлены функциональные типы инвентаря, применяемые в различных отраслях хозяйства [Килейников 1984; 1985]. Обозначен единый функциональный класс каменных горно-металлургических и металлообрабатывающих орудий, в свою очередь представленный двумя функциональными группами: горно-металлургическими орудиями, применяемыми при добыче рудного минерала и его обогащении (кайлы, молоты, терочные плиты для дробления и растирания руды, песты для дробления и растирания руды), и металлообрабатывающими – в кузнечных и абразивных операциях (наковальни, кувалды, молотки, молоточки, кузнечные гладилки, абразивы) [Килейников 1984, с. 110]. Трасологические наблюдения были подтверждены и дополнены серией экспериментов по моделированию различных технологических этапов металлопроизводства. Эксперименты по дроблению и растиранию руды, воссоздание металлургического процесса, эксперименты по изготовлению и использованию кузнечного инструментария позволили уточнить ряд вопросов, связанных с технологией производства, а также идентифицировать признаки сработанности на реальных и экспериментальных орудиях.

Особое внимание уделено сопоставлению функциональных типов орудий труда Мосоловского поселения и поселений лесостепного Подонья – Боровского, Масловского II, Раздольненского, Садового VI, Лукьяновского [Килейников 1985]. В.В. Килейников находит прямые аналогии производственного инвентаря как на основе технико-морфологических особенностей, так и признаков сработанности, что, по его мнению, свидетельствует о едином направлении развития хозяйства населения донской лесостепной срубной культуры.

Отмечается, что свидетельства металлообработки, в т.ч. орудий труда, присутствуют на большинстве из охарактеризованных поселений, в то время как орудия, связанные с горным делом и металлургией, получили гораздо меньшее распространение. Это позволило в новом аспекте воссоздать структуру хозяйственной деятельности населения Лесостепного Подонья и высказать предположение, ввиду ограниченности запасов местной медной руды, о тесных контактах ремесленников Лесостепного Подонья с горняками Донбасса, что подтверждается близостью производственного инструментария, керамического комплекса и, наконец, единым периодом функционирования древних рудников на территории Бахмутской котловины Донбасса и расцветом донской лесостепной срубной культуры [Килейников 1984, с. 121].

В итоге проведенный экспериментально-трассологический анализ выявил дифференцированный набор орудий, задействованных в различных технологических операциях, что позволяет судить о степени технической оснащенности различных отраслей хозяйства и отражает в целом специализацию производства [Килейников 1984, с. 122]. Кроме того, появилась возможность говорить не только о наличии тех или иных процессов металлопроизводства, но и об их удельном весе. Исследователь приходит к выводу о преобладающей хозяйственной направленности на производство металлических изделий. По сути, необходимость изучения функционального назначения орудий труда диктовалась необходимостью не только определения уровня хозяйственной деятельности жителей Мосоловского поселения, но и осуществления палеоэкономических реконструкций в целом хозяйства носителей донской лесостепной срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Осмысление металлопроизводства евразийского пространства эпохи палеометалла в 60-70-е гг. XX в. занимает ключевые позиции в исследованиях Е.Н. Черных [Черных 1966; 1970; 1976; 1978; 1978a]. В монографии “Древняя металлообработка на юго-западе СССР” дана обобщающая характеристика металлургии и металлообработки степных культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы [Черных 1976]. Основываясь на результатах спектрального анализа металлических изделий и типологического изучения литейных форм, была определена общая оценка развития металлургии указанного периода, выделены очаги древней металлообработки, намечены важнейшие пути торговых связей. Важно отметить, что это были первые специальные исследования металлургии и металлообработки с опорой на естественнонаучные методы, оказавшие существенное влияние на дальнейшее развитие научного знания применительно к производственной деятельности эпохи палеометалла евразийской степи и лесостепи. В то же время по-прежнему рассматриваются приспособления лишь отдельного процесса – металлообработки (литейные формы), а не металлопроизводства в целом, и только с типологических позиций. Что же касается оценки характера металлопроизводства в Донецком регионе, то в данной работе уже признается эксплуатация донецких рудных месторождений [Черных 1976, с. 16], хотя ранее высказывались сомнения в возможности существования собственного металлургического производства в эпоху бронзы на базе местных источников сырья [Черных 1969, с. 12-14]. Однако роль “небогатых месторождений медистых песчаников Донбасса” явно недооценивалась, поскольку основные источники поступления металла на эти территории, по мнению Е.Н. Черных, находились в отдаленных регионах, и население Северного Причерноморья полностью зависело от Балкано-Карпатских и Приуральских горно-металлургических центров [Черных 1976, с. 14]. Тогда же для металлообработки позднебронзового века отмечается прекращение связей с Кавказом [Черных 1978, с. 81].

Таким образом, этап характеризуется небывалым прибавлением базы источников. В связи с исследованиями С.И. Татаринным медных рудников Донецкого кряжа изменилась господствующая в научной литературе точка зрения о “безрудной зоне” Северного Причерноморья. Уже не исключалась возможность эксплуатации донецких рудников (Донецкого горно-металлургического центра), по крайней мере, в эпоху поздней бронзы [Татаринов 1975, с. 64-65; Черных 1976, с. 16]. Причем даже без специальных экспертиз, на

основе типолого-морфологического метода, этнографических и промышленных аналогий, удалось довольно точно связать материалы поселений со всеми основными этапами металлопроизводства. Более того, с этого времени все вопросы морфологии, технологии и функциональности изучаемого инвентаря стали рассматриваться в контексте более общей, “очаговой”, модели евразийского металлопроизводства. Эта модель, однако, была создана с опорой на типологию металлического инвентаря и литейных форм, спектральный анализ металла. Орудия металлопроизводства выполняли иллюстративную роль в установлении самих фактов добычи руды, обогащения, плавки, литья,ковки и т.д. [Черных 1966; 1970; 1976; 1978; 1978a].

К числу важнейших методических новшеств этого этапа относятся: 1) привлечение геологов к выявлению и раскопкам горно-металлургических памятников (Е.Н. Черных, С.И. Татаринов); 2) внедрение экспериментально-трассологического метода функционального анализа изделий срубной общности (Г.Ф. Коробкова, В.В. Килейников).

Четвертый этап. Начало нового этапа (с начала 1990-х гг.) связано с исследованием памятников со свидетельствами производственной деятельности в Среднем Подонцовье (главным образом – Картамышского археологического микрорайона). Они рассматриваются уже в рамках археологических культур срубной общности – покровской (покровско-мосоловской) (ПМСК) и бережновско-маевской (БМСК).

К середине 90-х гг. XX века оформляется концепция культур срубной общности как результат полемики исследователей украинской и российской научных школ. Развивая идеи Э.С. Шарафутдиновой, определившей территориальные особенности погребений срубной общности [Шарафутдинова Э. 1992], В.В. Отрошенко разработал концепцию о двух линиях развития СКИО. Согласно ей памятники покровской культуры сосредоточены в северном ареале срубной общности, бережновско-маевской – соответствуют южному ареалу [Отрошенко 1994; 1997; 2002; 2003]. Ю.М. Бровендер распространил эту концепцию на поселения срубной общности Среднего Подонцовья – эпицентра ДГМЦ, функционирование которого связывается с носителями БМСК [Бровендер 2001].

На данном этапе в научный оборот были введены результаты исследований поселений ПМСК Усово озеро [Березанская 1990] и Мосоловское [Пряхин 1993; 1996], способствовавшие разрыванию нового методического направления. Характеристика металлообрабатывающего производства населения донской лесостепной срубной культуры легла в основу диссертационного исследования А.С. Саврасова [Саврасов 1998]. Проанализированы различные свидетельства металлургии и металлообработки эпохи бронзы (общее количество более 1600 единиц, из них – 780 литейных форм), включая металлические изделия. В своей основе опираясь на естественнонаучные методы исследования (металлографический и спектральный анализы) и экспериментально-трассологический метод, была осуществлена реконструкция технологических процессов металлопроизводства носителей срубной культуры Лесостепного Подонья. Основу выполненных исследований составило моделирование производственных процессов жителей Мосоловского поселения, осуществленного как в полевых, так и лабораторных условиях, включившего изготовление литейных форм и плавильных чаш, плавку металла и его литье, изготовление кузнечного инструментария и ковку металлических изделий. Это была первая в своем роде работа, посвященная характеристике металлообработки одной из культур СКИО.

В научной литературе неоднократно имели место попытки сопоставления Мосоловского поселения в Среднем Подонье с поселением Усово озеро на Северском Донце, которые фактически стали эталонными в изучении производственной деятельности поселений СКИО в целом [Пряхин 1995; Пряхин, Саврасов 1994]. Сопоставление свидетельств, полученных при раскопках, в т.ч. орудий труда, позволило определить специфику производственной деятельности на данных памятниках. На Усовом озере более широко представлены свидетельства металлургии, на Мосоловском – металлообработки. Учитывая близость к источникам сырья – древним медным рудникам Донецкого кряжа,

А.Д. Пряхин поднимает вопрос о существовании доно-донецкого центра металлургии и металлообработки эпохи бронзы [Пряхин 1995, с. 7]. В изучении основных составляющих хозяйственной деятельности жителей поселений СКИО Усово озеро и Мосоловского был реализован комплексный подход с опорой на современные методы исследования – трасологический анализ орудий труда, модельный эксперимент, спектральный анализ металлических изделий, использование данных палеоботаники, палеозоологии, технологии производства керамики. Таким образом, комплексные аналитические исследования материалов данных поселений явились важной вехой в истории изучения проблемы металлопроизводства в целом, и в частности орудий, с ним связанных.

Нельзя не обратить внимание на широкомасштабные работы по изучению памятников Каргалинского горно-металлургического центра в Южном Приуралье в 1990-е гг., проводимые археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством Е.Н. Черных [Каргалы 2002; 2002а; 2004; 2005]. Материалы уникального памятника ПМСК представляют горное дело, металлургию и металлообработку. В рамках экспедиции был успешно реализован метод модельного эксперимента, реконструированы технологические процессы от добычи руды до выплавки металла и изготовления металлических изделий. Методика исследования коллекции из скелетных материалов включала получение общепринятых биологических данных и специфической археологической информации на основе фиксации признаков для отдельных выборок и для всей совокупности материалов [Антипина 2004, с. 182]. Исследования на междисциплинарном уровне с применением естественнонаучных методов позволили оценить Каргалы как эталонный памятник эпохи поздней бронзы на территории Евразии в пределах выделенной Е.Н. Черных Евразийской металлургической провинции.

Возвращаясь к исследованиям поселений срубной общности на территории Среднего Подонцовья, следует остановиться на работах Центрально-Донецкой археологической экспедиции ИА НАНУ под руководством Ю.М. Бровендера [Бровендер 2001]. Наиболее исследованное поселение БМСК (вскрытая раскопками площадь составила 1950 м²) у с. Степановка Перевальского р-на Луганской области является одним из выразительных памятников эпохи поздней бронзы Донецкого края [Бровендер 2000; 2001]. Выявленные здесь свидетельства производственной деятельности немногочисленны и представлены единичными каменными орудиями металлообработки (молоток, наковальня, абразивы). В коллекции изделий из камня и керамики наиболее массовыми находками явились т.н. диски (141 экз., что составляет почти 82% от общего количества изделий) [Загородняя 2012].

В 1991-1992 гг. в связи с раскопками поселений срубной общности у с. Лиман Старобельского р-на [Бровендер 1993] в Левобережье Северского Донца и с. Желтое Славяносербского р-на Луганской обл. в Правобережье [Бровендер и др. 1992] увеличилось количество исследованных поселений БМСК с немногочисленными свидетельствами металлопроизводства. Представлены они каменными орудиями в виде привязных топоров, пестов, растиральников [Бровендер 1993]. На поселении эпохи поздней бронзы Глубокое озеро-2 у с. Ямполь Краснолиманского р-на Донецкой обл. обнаружены незначительные свидетельства металлообработки – два фрагмента глиняных и одна каменная литейные формы, что также указывает на наличие металлообработки в хозяйственной деятельности данного поселка [Гершкович 1995, с. 37].

В 1990-е гг. Центрально-Донецкой археологической экспедицией были продолжены археологические исследования памятников эпохи бронзы Капитановского археологического микрорайона Северскодонецкого Левобережья в Новоайдарском р-не Луганской обл. [Бровендер 2000]. Исследования на поселении Капитаново-1 были начаты Н.Н. Чередниченко в 1967 г. [Чередниченко 1967]. В результате раскопками на значительной площади исследованы многослойные поселения Капитаново-1 и Капитаново-2, основной слой которых представлен ПМСК. Среди комплекса находок выделяется значительная серия свидетельств металлопроизводства: шлаки, обломки глиняных и тальковых литейных форм с

негативами ножей, серпов, прутьев, каменные и керамические орудия труда, связанные с металлообработкой, бронзовые изделия [Бровендер 2000]. Следует отметить, что поселение Капитаново-1 стало базовым памятником ПМСК в Левобережье Северского Донца, исследованным на значительной площади.

В 1995 году совместной украинско-российской экспедиции Института археологии НАН Украины и Воронежского государственного университета России проводятся обследования древних рудников на территории Луганской и Донецкой областях Украины. Наибольшее внимание исследователей привлек карьер на рудопроявлении Картамыш у бывшего хут. Червонэ озеро (с. Новозвановка Попаснянского р-на Луганской обл.). В следующем сезоне в результате осмотра карьера I рудника Червонэ озеро указанного рудопроявления была выявлена серия каменных горно-металлургических орудий в количестве 9 экземпляров, изготовленных из кварцитовидного песчаника. Первоначально с типологических позиций найденные орудия были интерпретированы как кайла и молоты. Осуществленный трасологический анализ орудий позволил выявить два функциональные типа – мотыги и молоты, некоторые из которых многофункциональны (т.е. совмещали эти функции) [Килейников 1996, с. 3-4]. Коллекция каменных орудий, связанных с горным делом, пополнилась в ходе работ 1997 г., когда был выделен новый функциональный тип – рудодробильная плита. Серию находок из кости представили 9 изделий, изготовленные из ребер и лопатки животных. В результате трасологического изучения орудия из ребер были интерпретированы как костяные рудодобывающие копалки, из лопатки – землекопный совок, отнесенные к группе горно-металлургических орудий [Килейников 1997, с. 135].

В целом, первые годы исследований Картамышского рудопроявления, носящие разведывательный характер, создали основания для формирования базы источников, связанных с начальными этапами металлопроизводства – горным делом и металлургией СКИО эпохи поздней бронзы – и продемонстрировали перспективность его дальнейшего изучения.

С 2001 по 2010 гг. археологами совместной украинско-российской экспедицией Института археологии НАН Украины, Донбасского горно-металлургического института (сейчас Донбасский государственный технический университет) и Воронежского государственного университета России на территории Картамышского рудопроявления осуществлялись стационарные полевые работы. Основным объектом исследования явился Картамышский археологический микрорайон эпохи поздней бронзы, являющийся одним из наиболее масштабных и выразительных комплексов, исследованных в районе медных рудопроявлений Донбасса [Бровендер 2005; 2012]. Многолетние раскопки образующих его памятников – техногенного участка рудника Червонэ озеро-I, поселений Червонэ озеро-1, 3 – способствовали формированию источниковой базы для комплексного изучения орудий металлопроизводства БМСК с использованием функционального анализа и естественнонаучных методов. Выявленные археологические материалы нуждались в тщательной систематизации с учетом технико-морфологических характеристик и результатов экспериментально-трасологических исследований, что, безусловно, имеет первостепенное значение при реконструкции технологических процессов древнего металлопроизводства.

Наряду с исследованиями Картамыша в 2004 г. было осуществлено обследование территории еще одного рудопроявления – Медной Руды (у одноименного села Артемовского р-на Донецкой обл.) [Бровендер 2005]. В 60 м на юго-запад от карьера рудника Медная руда-I, обнаруженного ранее С.И. Татариновым, на склоне надпойменной террасы правого берега р. Горелый Пень выявлено поселение эпохи поздней бронзы. Среди находок подъемного материала выделяются обломки двух литейных форм – песчаниковой и глиняной, свидетельствующие о наличии на поселении собственной металлообработки.

Экспериментально-трасологические исследования коллекции находок из горных пород, кости и керамики КАМ осуществлялись поэтапно по мере накопления источников

[Панковский 2005; Бровендер, Загородняя 2009; Загородняя 2011, 2012, 2013; Загородняя, Буденко 2011]. Орудия и литейные формы из горных пород не местного происхождения в количестве 12 экз. изучены с помощью минералого-петрографических методов, позволивших определить источники происхождения сырья [Нікітенко 2011].

Наличие в картамышских материалах свидетельств всех технологических этапов металлопроизводства предоставило уникальную возможность применения экспериментально-трасологического метода в изучении не только орудий металлообработки, но и горнодобывающего и горно-обогачительного дела [Загородняя 2011; 2013]. В процессе функционального изучения орудий осуществлена идентификация следов изнашивания на поверхностях археологических орудий, имеющих отношение к металлопроизводству, путем сопоставления с экспериментальными инструментами и реконструкция процессов их изготовления и использования. Для этих целей были проведены экспериментальные работы в форме воспроизводства отдельных технологических процессов металлопроизводства – сухое обогащение медной руды, гравитация, металлообработка – с применением аналогичных артефактам орудий из камня и кости [Загородняя, Буденко 2011; Загородняя 2013]. Усовершенствованы методы фиксации, позволившие сформировать базу эталонов микро- и макрофото следов на артефактах и экспериментальных изделиях с известными функциями [Загородняя, Степанова, 2012], которые явились прямыми свидетельствами определенных занятий горняков-металлургов. Это позволяет идентифицировать аналогичные изделия и те, которые будут открыты в дальнейшем. База данных деформаций и следов утилизации применима для сопоставлений наборов орудий в целом или их отдельных параметров с аналогичными свидетельствами других комплексов БМСК и, в перспективе, ПМСК.

Таким образом, исследование проблемы функциональной типологии металлопроизводственного оснащения, которое сейчас относят к БМСК, на основе больших коллекций материалов и современных методов функционального анализа до недавнего времени не проводилось. Оно активизировалась на фоне изучения Картамышского археологического микрорайона эпохи поздней бронзы, включающего подземные и открытые рудники, производственные участки для сортировки и обогащения руды, поселения. В результате комплексного изучения коллекции изделий из памятников КАМ (1091 экз.) создана функциональная и морфологическая типология артефактов из горных пород, скелетных материалов и керамики, имеющих отношение ко всему процессу металлопроизводства и которым прежде не находилось определенного места в археологической систематике. Предложенная классификация включает в себя функциональные классы, группы и типы инструментария. В классе металлопроизводственного инвентаря выделены функциональные группы – горнодобывающая (типы: мотыги, кайла, молоты); горно-обогачительная (песты-терочники, рудодробильные / рудотерочные плиты, орудия из кости); металлургическая (совок?), металлообрабатывающая (литейные формы, молотки, наковальни, абразивы, скребок). Впервые был выделен новый функциональный тип – орудия из кости (ребер, трубчатых, лопаток), используемые в процессе гравитационного обогащения для размешивания руды в ёмкости с водой [Загородняя 2013].

Данные функционального анализа орудий металлопроизводства на примере Картамышского археологического микрорайона позволили реконструировать цепочку технологических процессов металлопроизводства БМСК. Исследованное оснащение представляет все этапы металлопроизводства от добычи руды до изготовления и обработки готовых изделий. Оно выявляет особенности распространения, совокупности и концентрации, что является непосредственным подтверждением функционирования на Донцеком кряже горно-металлургического центра с признаками распределения компонентов отрасли между общинами носителей БМСК. Речь идет о рудниках и производственных местах (рудники Червонэ озеро, Вискривка, Клиновое, Медная руда, Пилипчатино, техногенный участок рудника Червонэ озеро-І), поселениях вблизи рудников с остатками

всех этапов металлопроизводства (Червонэ озеро-1, 3, Клиновое-1, 2, Пилипчатино-1, 2, Вискривка) и поселениях с немногочисленными свидетельствами металлургии и металлообработки (Александровск, Глубокое озеро-2, Желтое, Ильичевка, Лиманское озеро-1, 2, Провалье).

Загородня О.М.

ІСТОРІЯ ДОСЛІДЖЕННЯ МЕТАЛОВИРОБНИЧОГО ОСНАЩЕННЯ ЗРУБНОЇ СПІЛЬНОТИ

У статті представлена історія вивчення оснащення металовиробництва зрубної спільноти на теренах України, що охоплює півтора століття. Етапи вивчення проблеми розмежовано, зважаючи на зміни концепцій щодо розвитку металовиробництва пізньобронзової доби в контексті археологічних культур, а також на удосконалення методів дослідження знарядь праці. Тривалий час наука зосереджувалася на вивченні металевих виробів, а також найбільш показних приладів – ливарних форм. Невиразні знаряддя зазвичай привертали увагу завдяки археологічному контексту, що вказував на можливість їхнього стосунку до металовиробництва. Ситуація змінилася з появою методики, що виявляє і пояснює характер і природу деформацій виготовлення та зношування. У зв'язку з дослідженням копалень, виробничих ділянок та поселень Картамиського археологічного мікрорайону в Донбасі збільшено базу джерел з металовиробництва бережнівсько-маївської зрубної культури (БМЗК). Наявність свідочтв усіх технологічних шаблів металовиробництва сприяла застосуванню експериментально-трасологічного методу у вивченні інструментів видобувної та гірничо-збагачувальної справи, металообробки.

Ключові слова: бережнівсько-маївська зрубна культура, доба пізньої бронзи, Картамиський археологічний мікрорайон, металовиробництво, знаряддя, експериментально-трасологічний метод.

Zagorodnia O.N.

HISTORY OF RESEARCH OF METAL PRODUCTION TOOLS OF SRUBNAYA COMMUNITY

The article presents a study of history of metal production tools of Zrubnaya community in Ukraine for one and a half century. Several stages of problem study are ranked considering changes in concepts on metal production development of the Late Bronze Age in the context of archaeological cultures and methods of tools research improvement. For a long time science has been focused on study of metal wares and casting molds. Vague tools usually drew attention due to archaeological context pointed to possibility of their using in metal production. Subsequently new method has appeared and revealed and explained the nature of manufacturing and wearing. Database of metal production sources of Berezhnovka-Mayevka Srubnaya culture have increased in the course of pits, production sections and settlements investigation of Kartamysh archaeological district in Donbass. There are evidences of all stages of metal production process which made it possible to use experimental-traceological method of study mining, ore processing and metal working tools.

Keywords: experimental and traceological analyses, metal production, Kartamysh archaeological district, Berezhnovka-Mayevka Srubnaya culture, Srubnaya community, Bronze Age.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы / Е.Е. Антипина // Каргалы: в 5 т. – Т. III. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 182-239.

Артамонов М.И. Донская экспедиция ГАИМК (Поселение предскифской эпохи близ хутора Ляпичева на Дону) / М.И. Артамонов // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 1-2. – С. 51-55.

Березанская С.С. Первые мастера-металлурги на территории Украины / С.С. Березанская // Первобытная археология: поиски и находки. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 243-256.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1990. – 152 с.

Березанская С.С. Сабатиновская культура / С.С. Березанская, И.Н. Шарафутдинова // Археология Украинской ССР: в 3-х т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1: Первобытная археология. – 1985. – С. 489-499.

Бровендер Ю.М. Отчет Центрально-Донецкой археологической экспедиции о работах на территории Луганской области в 1992 г. / [Ю.М. Бровендер, Г.Я. Милица, В.В. Отрошенко, Р.А. Литвиненко]. – НА ІА НАНУ. № 1992/83. – 58 арк.

Бровендер Ю.М. Поселение срубной культуры у с. Лиман в Северскодонецком Левобережье / Ю.М. Бровендер // Древние культуры Подонцовья. – Вып. 1. – Луганск, 1993. – С. 148-174.

Бровендер Ю.М. Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком Левобережье / Ю.М. Бровендер // ССПК. – Т. VIII. – Запоріжжя: Вид-во ЗГУ, 2000. – С. 110-136.

Бровендер Ю.М. Степановский тип памятников бережновско-маевской срубной культуры / Ю.М. Бровендер // ПАП (Спецвипуск). – Вип. 3. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2000. – С. 123-134.

Бровендер Ю.М. Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця: автореф. дис. на здобуття наук. степеню канд. іст. наук: спец. 07.00.04 “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2001. – 20 с.

Бровендер Ю.М. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы (некоторые итоги исследований) / Ю.М. Бровендер // Проблемы гірничої археології: матер. II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2005. – С. 11-30.

Бровендер Ю.М. Обследование памятников эпохи поздней бронзы на рудопроявлении Медная Руда / Ю.М. Бровендер // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 90-94.

Бровендер Ю.М. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса / Ю.М. Бровендер // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: матер. III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 551-556.

Бровендер Ю.М. Формально-типологический анализ орудий металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам памятников Картамышского археологического микрорайона) / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // Проблемы гірничої археології: матер. VI міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2007. – С. 52-68.

Бровендер Ю.М. Орудия металлопроизводства поселения Червонэ озеро-3 Картамышского археологического микрорайона / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // МДАСУ. – № 9. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2009. – С. 251-262.

Валукинский Н.В. Разведки в Воронеже (1935 г.) / Н.В. Валукинский // СА. – 1937. – № 4. – С. 308-312.

Гершкович Я.П. О характере заселения Среднего Подонцовья в эпоху поздней бронзы / Я.П. Гершкович // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона; матер. укр.-рос. полевого археол. семинара. – Луганск, 1995. – С. 37-38.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии / В.В. Гольмстен // Труды секции археологии. – 1929. – Т. IV. – С. 125-137.

Гольмстен В.В. Река Маныч // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года / В.А. Городцов // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове 1902 г. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. – Т. I. – С. 174-225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года / В.А. Городцов // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе 1905 г. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – Т. I. – С. 211-365.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР / В.А. Городцов // БСЭ. – Изд. 1-е. – М., 1927. – Т. 7.

Дубовская О.Р. Поселение эпохи поздней бронзы близ села Провалье / О.Р. Дубовская // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Т. 221. – Куйбышев, 1978. – С. 94-96.

Загородняя О.Н. Функциональный анализ орудий труда поселения Червоно озеро-1 Картамышского археологического микрорайона / О.Н. Загородняя // Археологія і давня історія України. – Вып. 5: Археологія: від джерел до реконструкцій. – К., 2011. – С. 24-30.

Загородняя О.Н. Каменные и керамические изделия Степановского поселения / О.Н. Загородняя // Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск: Изд-во ДонГТУ, 2012. – С. 157-165.

Загородняя О.Н. Новые данные о функциональном назначении орудий из кости Картамыша / О.Н. Загородняя // Проблемы истории и археологии Украины: матер. VIII междунар. науч. конф. – Харьков, 2012. – С. 15-16.

Загородняя О.Н. К вопросу о функциональном назначении орудий из кости Картамыша (эпоха поздней бронзы) / О.Н. Загородняя // Новые материалы и методы археологического исследования: матер. II междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2013. – С. 83-85.

Загородняя О.Н. Некоторые итоги экспериментально-трассологического анализа орудий металлообработки / О.Н. Загородняя, С.В. Буденко // Проблеми гірничої археології: матер. VIII міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2011. – С. 111-123.

Загородняя О.Н. Возможности микротрассологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород / О.Н. Загородняя, К.Н. Степанова // РА. – 2012. – № 2. – С. 67-71.

Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья / А.А. Иессен. – Л., 1947. – 92 с.

Килейников В.В. Каменные горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения / В.В. Килейников // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. — Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1984. – С. 108-123.

Килейников В.В. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда): автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / ЛО ИА АН СССР. – Л., 1985. – 20 с.

Килейников В.В. Трассологический анализ каменных орудий труда с рудника Червоно озеро / В.В. Килейников // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 3-4.

Килейников В.В. Костяные орудия с рудника Червоно Озеро Картамышского рудопроявления / В.В. Килейников // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1997. – С. 128-135.

Килейников В.В. Новые трассологические данные об орудиях труда с памятников Картамышского рудопроявления в Подонцовье / В.В. Килейников // Проблеми гірничої археології: матер. II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2005. – С. 30-35.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова // МИА. – 1955. – № 46. – 162 с.

Круглов А.П. Красный Яр, 1935 г. / А.П. Круглов // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 200-201.

Круглов А.П. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства / А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий // ИГАИМК. – Вып. 119. – Л., 1935. – 176 с.

Лавров Н.И. О древнейшем горном производстве в горах Кольвановоскресенского горного округа, в горах Нерчинского горного округа, на Урале и в Екатеринославской губернии / Н.И. Лавров // Записки Императорского С-Петербургского минералогического общества. – Вторая серия. – Часть девятая. – СПб., 1874. – С.120-142.

Леваковский И. Заметки об ископаемых медных изделиях, найденных в Бахмутском и Славяносербском уездах / И. Леваковский // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Т. 16: Труды Харьковской комиссии по устройству XIII АС в Екатеринославе. – Харьков, 1905. – С. 578-581.

Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга восточной части СССР. – К., 1967. – С. 143-178.

Нікітенко І.С. Про матеріал кам'яних знарядь Картамиського археологічного микрорайону, виготовлених з привізної сировини / І.С. Нікітенко // Проблеми гірничої археології: матер. VIII міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонГТУ, 2011. – С. 100-111.

Носов А.А. Открытие медной руды с древними разработками в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии / А.А. Носов // Горный журнал. – Ч. IV. – Кн. XI. – СПб., 1865. – С. 315-317.

- Отрощенко В.В.** Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Археология Украинской ССР: в 3-х т. – Т. 1.: Первобытная археология. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 519-526.
- Отрощенко В.В.** Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 117-154.
- Отрощенко В.В.** О двух линиях развития культур племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. – Запорожье, 1994. – П. – С. 150-153.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о покровской срубной культуре / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов, 1997. – Ч. 1. – С. 70-72.
- Отрощенко В.В.** Історія племен зрубної спільності : автореф. дис. ... д-ра іст. наук.: 07.00.04 – “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2002. – 33 с.
- Отрощенко В.В.** К истории племен срубной общности / В.В. Отрощенко // АВЛ. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2003. – С. 68-96.
- Панковський В.Б.** Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного озера I / В.Б. Панковський // Проблеми гірничої археології: матер. II міжнар. Картаміського польового археолог. семінару. – Алчевськ: Вид-во ДонДТУ, 2005. – С. 189-192.
- Петрунь В.Ф.** Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья / В.Ф. Петрунь // Памятники эпохи бронзы юга восточной части СССР. – К., 1967. – С. 185-194.
- Подгаецкий Г.В.** Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК. – 1939. – № 2. – С.17-19.
- Подгаецкий Г.В.** Гор. Воронеж, 1936 г. / Г.В. Подгаецкий // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 156-160.
- Подгаецкий Г.В.** Предскифский период на Среднем Дону. / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК. 1946. – № 13. – С.134-137.
- Пряхин А.Д.** Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы: Кн. первая / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1993. – 108 с.
- Пряхин А.Д.** Доно-донецкая степь и лесостепь в эпоху бронзы / А.Д. Пряхин // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: матер. укр.-рос. полевого археолог. семинара. – Луганск, 1995. – С. 6-10.
- Пряхин А.Д.** Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Кн. вторая / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – 176 с.
- Пряхин А.Д.** Металлургия и металлообработка населения срубной культурно-исторической общности доно-донецкой лесостепи / А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов // Срубная культурно-историческая область: матер. III Рыковских чтений. – Саратов, 1994. – С. 31-35.
- Рыков П.С.** К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье / П.С. Рыков // Известия Нижневолжского института краеведения. – Т. 2. – Саратов, 1927.
- Саврасов А.С.** Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ворон. ун-т. – Воронеж, 1998. – 32 с.
- Свистова Е.Б.** Проблема выделения Доно-Донецкого центра металлургии и металлообработки эпохи бронзы (к историографии вопроса) / Е.Б. Свистова // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1997. – С.74-80.
- Семенов С.А.** Изучение следов работы на каменных орудиях / С.А. Семенов // КСИИМК. – 1940. – Вып. 4. – С. 21-26.
- Семенов С.А.** Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений / С.А. Семенов // МИА. – 1941. – № 2. – С. 203-211.
- Семенов С.А.** Костяные разбивальники из Роданова городища / С.А. Семенов // КСИИМК. – 1947. – Вып. XV. – С.138-142.
- Семенов С.А.** Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеовичи и Пушкири I / С.А. Семенов // СА. – 1952. – № 16. – С.120-128.
- Синицын И.В.** Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья / И.В. Синицын // СА. – 1949. – Вып. XI. – С. 195-224.

- Старо-Оскольский р-н, 1934 г.** // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 164-169.
- Татаринов С.И.** К вопросу о существовании в Северном Причерноморье горно-металлургического центра во II-I тыс. до н.э. / С.И. Татаринов // 150 лет Одесскому государственному археологическому музею: тез. докл. – К., 1975. – С. 64-65.
- Татаринов С.И.** О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе / С.И. Татаринов // СА. – 1977. – № 4. – С. 192-207.
- Татаринов С.И.** Древний медный рудник “Выскривский” в Донецкой области / С.И. Татаринов // СА. – 1978. – № 4. – С. 251-255.
- Татаринов С.И.** Metallurgie der Bronze bei den Stämmen der Kultur der Ostlichen Ukraine / С.И. Татаринов // СА. – 1983. – № 4. – С. 32-44.
- Татаринов С.И.** Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у с. Пилипчатино в Донбассе / С.И. Татаринов // СА. – 1988. – № 4. – С. 196-202.
- Татаринов С.И.** Древние горняки-металлурги Донбасса / С.И. Татаринов. – Славянск, 2003. – 132 с.
- Телегін Д.Я.** Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я (За матеріалами розкопок в с. Ушкалка) / Д.Я. Телегін // Археологія. – 1961. – Т. XII. – С. 3-15.
- Тереножкин А.И.** Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С. 63-85.
- Федоровский А.С.** Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне / А.С. Федоровский // Воронежский историко-археологический вестник. – Вып. II. – Воронеж, 1921. – С. 18-30.
- Чередниченко Н.Н.** Поселение срубной культуры на Луганщине / Н.Н. Чередниченко // СА. – 1970. – № 1. – С. 233-238.
- Черных Е.Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы / Е.Н. Черных. – М., 1966. – 144 с.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных. – М., 1970. – 180 с.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на юго-западе СССР / Е.Н. Черных. – М., 1976. – 302 с.
- Черных Е.Н.** Metallurgische Provinzen und Periodisierung der Frühmetallzeit auf dem Territorium der UdSSR / Е.Н. Черных // СА. – 1978. – № 4. – С. 53-82.
- Черняков И.Т.** Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы / И.Т. Черняков // Памятники эпохи бронзы юга восточной части СССР. – К., 1967. – С. 179-184.
- Шаповалов Т.А.** Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце / Т.А. Шаповалов // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. — К.: Наук. думка, 1976. – С. 150-172.
- Шарафутдинова И.Н.** К вопросу о сабатиновской культуре / И.Н. Шарафутдинова // СА. – 1968. – № 3. – С. 16-34.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.
- Шарафутдинова И.Н.** Сабатиновская культура / И.Н. Шарафутдинова // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 83-116.
- Шарафутдинова Э.С.** Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья (по материалам погребений) / Э.С. Шарафутдинова // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза: тез. докл. – Одесса, 1992. – С. 37-39.
- Шилов В.П.** О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье / В.П. Шилов // МИА. – 1959. – № 60: Древности Нижнего Поволжья. – С. 11-38.
- Bochkarev V.S.** Jung- und Spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzermeer gebiet / V.S. Bochkarev, A.M. Leskov // Prähistorische Bronzefunde. – Abteilung 19. – Bd. 1. – München, 1980. – 97 S., 22 Taff.
- Rau P.** Hockergräber der Volgasteppe. – Mitteilungen. – Heft 1. – Jahr. 3. – Pokrowsk, 1928. – P. 12-19.
- Tallgren A.M.** La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / A.M. Tallgren. – ESA. – II. – Helsinki, 1927.

Шенко Л.Г.

НЕКРОПОЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА VI–II ВВ. ДО Н.Э. В ПРОСТРАНСТВЕННО–ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Реферат: В работе обобщен материал по некрополям Европейского Боспора VI-II вв. до н.э. Информация проанализирована на предмет пространственно-хронологического распределения погребений. В статье использованы материалы некрополей, обладающих наибольшей информативностью.

В результате изучения сделаны следующие выводы. Формирование кладбищ следовало общей закономерности, которая проявляется в Пантикапее, Нимфее, Китее: курганные некрополи были территориально связаны с грунтовыми могильниками и составляли с ними единое социально значимое пространство. Курганы располагались вдоль основных путей, выходящих из города. Вокруг первых поселений известны захоронения VI – начала V в. до н.э., где они образуют отдельные участки. В большинстве некрополей по количественным показателям выделяется IV в. до н.э., в это время появляются погребения боспорских греков в курганах, которые отличаются сложностью и монументальностью конструкций, богатством сопровождающего инвентаря. Их поминально-погребальная практика соответствует общегреческим традициям. Ко второй четверти IV в. до н.э. относится формирование Юз-обинского царского некрополя. Единичность статусных курганных захоронений в некрополях Тиритаки и Мирмекия, может говорить об их подчиненном положении по отношению к Пантикапее и возможном предпочтении знати жить в столице.

На большинстве могильников как городских, так и хоры отмечено сосуществование ингумации и кремации. Трупосожжения представлены небольшим количеством комплексов, и они коррелирует с курганами. Хронологическое распределение захоронений демонстрирует разную динамику развития боспорских общин. Жизнь Пантикапея в IV в. до н.э. отличалась наибольшей интенсивностью, уровень которой заметно снижается в позднеэллинистический период.

Полученные в результате данного исследования выводы и результаты имеют перспективу дальнейшего использования в контексте социально-политического развития населения Боспора.

Ключевые слова: некрополи, археологические исследования, Европейский Боспор, курганы, грунтовые могильники, ингумация, кремация, погребения знати, социальное развитие.

Abstract: This paper summarizes material on the necropolises of the European Bosphorus. The study takes into account information on more than 1.5 thousand tombs that date back to VI-II centuries BC. Number of sources assumes their statistical processing. Information is analyzed for spatial and chronological allocation of burials. The article contains materials of the most informative centers.

As a result, the study reached the following conclusions. Formation of cemeteries followed the general pattern: barrow necropolises were geographically linked with ground burials and were united with them in one socially significant space. Mounds were located along the main routes out of the city. Burials of the VIth – beginning of the Vth centuries are allocated around the first settlements, where they form separate parts. For most necropolises in quantitative terms the IVth century BC is highlighted, when there are burials of the Bosphorian Greeks in the mounds. Their memorial burial practice complies the common Greek traditions. This is the forming time of the nobility burials of Panticapaeum, Nymphaea and Feodosia. Burials differ by complexity and monumentality of structures, wealth of the accompanying inventory.

At most cemeteries both urban and choruses there are coexistence of inhumation and cremation observed. Cremation is presented by a small number of burials, but they are distinctly correlated with the mounds. Chronological allocation of graves shows different dynamics of the Bosphorus Communities. The life of Panticapaeum in IV century BC was distinguished by the greatest intensity, which level was reducing significantly in the late Hellenistic period.

The formation of the royal necropolis in Yuz-Oba relates to the second quarter of the IV century BC. Singularity status of the barrow burials in necropolises Tirithaca and Myrmekion can speak about their subordinate position to Panticapaeum and possible preference of nobility to live in the capital city.

The resulting conclusions and the results of this study are perspective for further use in the context of socio-political development of the people of the Bosphorus.

Keywords: necropolises, the European Bosphorus, mounds, ground burials, inhumation, cremation, nobility burials, archaeological research, social development.

В реконструкции социального и политического развития боспорского общества особая роль отводится материалам погребальной обрядности. Информационные возможности их неоднократно обсуждались как на теоретическом, так и эмпирическом уровне. Обычно при характеристике населения привлекаются единичные комплексы или группы погребений. Вместе с тем сами некрополи представляют целостное явление и занимают особое место в территориальной структуре Боспора. Обладая определенными качествами, которые позволяют выявить характер и темпы освоения земель, динамику развития общества, трансформацию его структуры, они все же редко привлекаются в изучении общества и государства. Это касается расположения некрополя в пределах историко-географического района, его топографии, места в структуре полиса, количества и плотности захоронений.

История изучения могильников боспорских греков имеет длительную историю, которая шла параллельно их археологическому исследованию. В разной мере внимание было уделено некрополям главных боспорских городов. Грунтовые могильники Пантикапея, Нимфея, Тиранбы были предметом специального анализа [Цветаева 1951; Гайдукевич 1959; Грач 1999; Коровина 1987; Капошина 1959]. Огромная работа по разработке и наполнению базы данных по боспорским грунтовым некрополям VI-II вв. до н.э. проделана Н.И. Сударевым, которым также было охарактеризовано состояние изученности боспорских некрополей к началу XXI в. [Сударев 2005]. В связи с характеристикой некоторых поселений или определением этнической принадлежности умерших обращаются к курганным сооружениям, отдельным погребальным конструкциям или категориям находок. В рамках социальной истории их материалы привлекают чаще как иллюстрацию к характеристике боспорского высшего слоя. Но как самостоятельный источник информации курганы использовались редко. Следует констатировать, что если отдельные грунтовые некрополи достаточно полно представлены в археологической литературе, то аналитических работ, выходящих на уровень социокультурных обобщений по курганным захоронениям Боспора, нет. Информационные возможности курганных некрополей не реализованы.

В определенной степени это объясняется тем, что значительная их часть раскапывалась в XIX в., большая часть оказалась ограбленной. Качество раскопок и уровень описания отвечали своему времени, ограничивая возможности их использования.

Необходимость комплексного исследования некрополей назрела давно. Но лишь в последнее время наблюдается оживление интереса к курганам, подготовка обстоятельных публикаций материалов, полученных в XIX – начале XX в., с детальным описанием погребальных конструкций и находок. Предпринимаются попытки как доисследования отдельных курганов, так и реконструкции планиграфии древних кладбищ, что следует рассматривать как перспективное направление [Власова 2004; Виноградов 1993; 2004; 2007; Журавлев и др. 2006; Федосеев 2004; 2005; Виноградов и др. 2012; Ворошилова, Ворошилов 2013].

Предоставленный в статье анализ данной группы источников вызван также необходимостью отойти от чисто археологической абстрактно-структурной оценки погребений. Он заключается не только в попытке использовать боспорские некрополи для социологической или этнической характеристики, но и в стремлении выявить с их помощью тенденции общественно-политических изменений.

В связи с этим при изучении погребальной обрядности опираемся на тот факт, что некрополи являются самостоятельным элементом территориальной структуры города, государства, а погребальные памятники являются результатом деятельности гражданской общины или отдельных групп населения. При этом нельзя игнорировать тот факт, что единицей общества является человек, место которого предопределено его семейно-родовыми отношениями в коллективе. Поэтому и курганные и грунтовые могилы, ингумация и кремация, тризны, погребальные конструкции и инвентарь рассматриваем в единстве и взаимосвязи. Только при таком условии изменения одного элемента общественной системы

может найти объяснение в изменении другого или других, указать направление развития социума.

Следует учитывать еще один аспект в использовании многогранной информации, заключенной в памятниках погребально-поминальной практики. С одной стороны, это массовый документ, позволяющий с помощью статистико-математических методов наметить тенденции развития. С другой стороны, этот источник содержит информацию, сформировавшуюся в рамках мировосприятия отдельных эпох, под влиянием идеологических представлений. Отмеченные свойства данного источника предполагают два уровня анализа погребальных комплексов Боспора VI-II вв. до н.э.

В данной работе предпринимается первый уровень анализа, целью которого является выявление количественной, пространственной характеристик некрополей, а также рассмотрение территориально-хронологического распределения погребальных комплексов Европейского Боспора. Информация по грунтовым и курганным погребальным памятникам сгруппирована по территориальному признаку в пределах выделенных ранее исторических районов и областей [Шепко 2012, с. 12-13]. Это позволит впоследствии проанализировать ее в контексте социального развития.

Второй уровень анализа некрополей касается способа захоронения, характера погребальных конструкций, структуры и состава инвентаря и предполагает подготовку отдельной публикации.

Общее количество известных комплексов не вызывает сомнения в их репрезентативности. В ходе исследования учтены сведения более чем о 1,5 тысячах погребений грунтовых и курганных некрополей европейского Боспора, которые датируются в пределах VI-I вв. до н.э. Количество источников предполагает их статистическую обработку. Распределение по отдельным периодам и районам демонстрирует неравнозначность выборок. В ряде случаев это объясняется отсутствием обоснованных хрономаркеров, продолжительностью бытования отдельных предметов. Осложняет отнесение погребальных комплексов к конкретному периоду существовавшая практика коллективных асинхронных захоронений. На формирование древних кладбищ оказывала влияние и свойственная древним грекам погребальная практика, которая включала два основных способа захоронения – в грунтовых могильниках и курганах. На Боспоре представлены оба варианта, как в городах, так и в сельской местности.

Важными представляются две характеристики – топография и хронология могильников. Такие обстоятельства как сохранность комплексов, условия и методики их исследования на разных этапах делают необходимым привлечение всех возможных аспектов информации. Расширяют представление о некрополе использование различных количественных характеристик погребений по погребальным конструкциям, по инвентарю, по типу захоронения (труположение / кремация).

Главный район Европейского Боспора – Столичный с центром в Пантикапее, некрополь которого сравнительно хорошо изучен и представлен в специальной литературе. Он занимал значительную территорию и включал обширные участки грунтовых захоронений, курганные цепи, расходящиеся в разных направлениях от городища. Курганы окружали Пантикапей со всех сторон. На юге располагались курганы Юз-Обы, на западе курганы Митридатовой гряды, на севере и северо-востоке – курганная группа, протянувшаяся от Глиница в направлении Аджимушка. Вероятнее всего, они располагались вдоль древних дорог, идущих из Пантикапея. На отдельных участках курганы примыкали к городскому грунтовому некрополю. Расположение курганных групп хорошо видно на топографической карте окрестностей Пантикапея, составленной в 1837 г. полковником Бетевым [Виноградов и др. 2012, с. 240, рис. 7].

Представление о захоронениях Пантикапея дает таблица 1, в которой, как и в последующих таблицах по отдельным районам, приведено количество погребений в курганных группах и в грунтовых некрополях, зафиксированных по остаткам погребальных

конструкций, и погребений, сопровождавшихся инвентарем. В зависимости от цели анализа эти параметры позволяют дополнить выборки.

Пантикапей	VI – нач. V	V-IV	IV	Кон. IV – III	III-II	VI-II	Всего
Грунтовой некрополь склоны г. Митридат, Глинище							
Ингумация: погребальные сооружения	125	135	300	107	31	79	771
Ингумация: Погребения с инвентарем	132	110	276	118	101	135	872
Кремация	11	11	41	30	23	11	127
Курганный некрополь							
Южный. Юз-Оба: ингумация	–	8	29	7	–	3	47
Юз-Оба: кремация	–	–	10	3		–	13
Северо-восточный			1				
Митридатова гряда			2				

Табл. 1. Погребальные комплексы Пантикапея. VI-II вв. до н.э.

Некрополь Пантикапея начал формироваться в архаическое время на северном и южном склонах горы Митридат и представлял собой грунтовой могильник. Здесь были открыты погребения VI-V вв. до н.э. Его расположение и размеры менялись в разные исторические периоды, отмечая расширение или сокращение площади города. Когда столица увеличивала свою площадь, на территории некрополя появлялись городские свалки или постройки. В периоды ее уменьшения кладбище возвращалось к прежним границам. На Северном склоне горы Митридата сосредоточены ранние погребения, для которых характерно большее разнообразие форм погребальных сооружений. В древнейшем некрополе Пантикапея были распространены два типа погребения: кремация и труположение. Кремация составляла примерно 10-13% от общего количества погребений VI-V вв. до н. э. [Цветаева 1951, с. 63–65].

Некрополь VI-V вв. южного склона горы Митридата дополнял северный и имел более скромный характер и по количеству захоронений, и по инвентарю. Скорее всего, это было место захоронения рядовых граждан. Здесь отсутствовали каменные гробницы, ювелирные украшения и оружие. Не отмечен обряд кремации. В IV-III вв. до н.э. происходит расширение территории некрополя в южном и северном направлениях, в его рамки включен новый район – Глинище. Фиксируемые размеры могильника этого времени превысили площадь архаического в 6-7 раз [Цветаева 1951, с.65].

При этом отдельные топографические районы некрополя, содержащие комплексы IV-III вв., обладали определенным своеобразием. Так, западная и восточная часть некрополя северного склона г. Митридат различались плотностью захоронений. Восточный участок был более насыщен погребениями, что объяснялось, вероятно, близостью города или определенными семейными традициями. Сохраняются оба обряда – кремация и труположение. В этот период отмечаются случаи повторных захоронений [Шкорпил 1904, с. 91], в со второй половины IV в. до н.э. появляются семейные захоронения.

На протяжении столетия (со второй половине IV и до середины III в. до н.э.) расписной каменный склеп (1908 г.), открытый в кургане между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой на северном склоне г. Митридат служил усыпальницей трем поколениям одной семьи. Отдельные семейные участки отмечались небольшими оградами. Ранние скальные конструкции северного склона отличались большим разнообразием, чем более поздние. незначительное количество золотых и серебряных изделий и небольшое число погребений воинов на этом участке свидетельствует, что к III в. до н.э. на северном склоне формируется некрополь рядовых граждан.

На территории Глиница хоронили состоятельных граждан, грунтовые могилы которых примыкали к курганной цепи, протянувшейся к Царскому кургану. Начало курганного некрополя мог фиксировать Мелек-Чесменский курган.

Кроме каменных склепов, на Глинице в этот период были распространены такие же типы погребальных сооружений, как и на г. Митридат: грунтовые, сырцовые, черепичные; параллельно практиковались кремация и труположение. Небольшое количество погребений IV-III вв., открытых на Глинице, дополняется найденными там надгробиями. Обширная территория, количество и разнообразие типов погребений, многочисленный и богатый инвентарь Пантикапейского некрополя IV-III вв. отразил эпоху расцвета столицы. Увеличение населения и изменение его имущественного положения нашло отражение в выделении погребений состоятельных семей в отдельный участок. Во II-I вв. размеры некрополя на южном и северном склонах сокращаются. Границы Глиница остаются прежними, но насыщенность его захоронениями уменьшается.

Курганный некрополь Пантикапея также состоял из отдельных участков. Самые знаменитые курганы располагались на скалистом кряже Юз-Оба, начинаясь в 7-8 км к югу от г. Митридат у мысов Ак-Бурун и Павловский и уходит в западном направлении в степь [Гриневич 1952, с. 129-146].

Как самостоятельный топографический район следует рассматривать некрополь Юз-Обы, который хорошо просматривается с вершины горы Митридат. Параллельно основной гряде на южном склоне хребта располагалась цепь малых курганов. Захоронения на Юз-Обе совершались в IV в. до н.э., в основном в пределах от 360 до 330 гг. до н.э., что является основной отличительной чертой этого некрополя. Здесь находилось более 50 курганов, из которых исследованию подверглась 31 насыпь. Хотя практически все они разрушены, все же информация о них весьма полезна. Погребальные сооружения в большинстве случаев представляли собой каменные склепы с уступчатым перекрытием. Появление первых захоронений приходится на правление Левкона I (390-351 гг. до н.э.). Из 47 зафиксированных захоронений чуть больше половины приходится на вторую половину IV века – на правление Перисада I. Динамику захоронений иллюстрирует таблица 2, составленная с учетом данных, опубликованных в Отчетах и Известиях Археологической Комиссии в XIX в., исследований В.Ф. Гайдукевича, Н.И. Сокольского, Е.А. Савостиной, Н.Ф. Федосеева в XXI в. Отдельно следует отметить вышедшую в 2012 г. коллективную работу, посвященную истории изучения и топографии Юз-Обы [Виноградов и др. 2012].

Юз-Оба	Сер. V	2/4 IV	1/2 IV	Сер IV	2/2 IV	3/4 IV	4/4 IV	IV	Рубеж IV-III	Неопред.	Всего
ингумация	1+конск	8	3	2	8	1	1	14	6	3	47
кремация									3		13

Табл. 2. Курганный некрополь Юз-Оба. IV-III вв. до н.э.

Наиболее ранние погребения относятся ко второй четверти IV в. до н.э. и локализуются в начале срединного участка слева от дороги, ориентировочно в районе современного телецентра [Виноградов и др. 2012, с. 272, рис. 1]. Здесь компактной группой расположены

курганы 1, 3, 5, 9. Один из них, содержащий захоронение второй четверти IV в. до н.э. – Змеинный, находился в западном краю Юз-обинской гряды.

О неординарности захоронений свидетельствуют масштабность погребальных конструкций, обширные тризны, двойные крепиды, дорогие саркофаги, высокохудожественные керамические и ювелирные изделия в составе инвентаря. Половозрастное распределение погребений отражает естественный жизненный процесс.

Количество	М	Ж	Д	Всего
ингумация	9 (5 с оружием)	6	3	18
кремация				3

Табл. 3. Курганы Юз-Обы. Половозрастная характеристика погребений

Обособленно расположен пятый Ак-Бурунский курган, в котором были открыты захоронения двух коней. Уздечный набор одного из них датируют серединой V в. до н.э. На Ак-Бурунском мысу в Третьем кургане были совершены два наиболее поздних захоронения, датируемые рубежом IV-III в. до н.э. Павловская группа курганных погребений принадлежит второй половине IV в. Здесь же было совершено одно из богатых захоронений “жрицы”, датируемое рубежом третьей – четвертой четвертью IV в. [Виноградов 1993, с. 38-51].

Топография наиболее монументальных курганов Пантикапея представляет определенный интерес. Такие курганы как Царский, Золотой, группа Юз-Обы, Баксы располагались на доминирующих высотах, откуда просматриваются не только окрестности Пантикапея, но и Таманский полуостров. Курганы стояли у дорог, следовавших на юг, юго-восток, северо-восток, и очерчивали границы столицы. Погребенные в этих курганах могли восприниматься населением как защитники общины, героизированные предки, охраняющие земли.

С Пантикапеем территориально связаны Мирмекий и Тиритака. О некрополе Мирмекия сведения разрознены, что создает трудности в воссоздании целостной картины. Его локализуют в следующих границах. К северо-западу от городища за бывшей Карантинной слободкой А.Е. Люценко (1863) и Ф.И. Гросс (1883) обнаружили в курганах остатки нескольких гробниц. В 1,5 км к северо-востоку вблизи дороги на Еникале открыт грунтовой некрополь. В 30-е и 50-е гг. XX в. число погребений, относимых к Мирмекию, возросло благодаря раскопкам Боспорской археологической экспедиции [Гайдукевич и др. 1941, с. 140-148; Гайдукевич 1952, с. 142-144]. Границы некрополя Мирмекия отодвинулись к северу, когда в 1953 г. был раскопан некрополь в районе поселка им. Войкова. Работы проводились на участке металлургического завода и получили наименование “пос. Войкова” [Капошина 1959, с. 108-153].

Некрополь Мирмекия, как и других городов, включал подкурганные и грунтовые комплексы. Установить западную границу некрополя Мирмекия практически невозможно, т. к. могильники Пантикапея и Мирмекия, увеличиваясь в размерах, со временем слились в районе Карантинной слободы. С населением городища связывают около 200 погребений VI-II вв., включая некрополь у пос. Войково [Сударев 2005, с. 266, 297]. Это главным образом грунтовые погребения. Характеристику некрополя Мирмекия необходимо дополнить данными, полученными в последние десятилетия.

Летом 1989 года в ходе планировочных работ вдоль ул. Генерала Петрова в г. Керчь была разрушена насыпь одного из курганов (высота 14,4). В 1989 и 2003 гг. в этом районе бывшей Карантинной слободки В.Н. Зинько были доисследованы несколько невысоких курганных насыпей, снесенных при строительстве. Они включали 7 погребальных комплексов: 2 трупоположения и 5 кремаций. Их расположение вблизи эллинистической усадьбы, раскопанной В.Ф. Гайдукевичем в 1951-1956 гг. (в 400 м к западу и юго-западу от

раскопа В.Ф. Гайдукевича) дало основание исследователю определить эти комплексы как некрополь сельского поселения близ Мирмекия [Зинько 2003, с. 168-197].

Ранняя часть усадьбы по данным В.Ф. Гайдукевича возникает в конце IV – самом начале III в. до н.э. И погребения датируются преимущественно концом IV – началом III вв. Все же общий облик материала больше тяготеет к третьей трети IV в. до н.э. С большей вероятностью курганы следует связать с городским населением. Усадьба, скорее всего, возникла уже по соседству с существующим некрополем. В пользу этого положения можно привлечь результаты исследования Н.Ф. Федосеева в области керамической эпиграфики. На основании анализа опубликованного и архивного материала эллинистической усадьбы около Мирмекия он корректирует представление о ее хронологии: сооружение усадьбы началось во второй трети III в. до н.э., и следов запустения усадьбы по материалу не выявлено [Федосеев 2009, с. 453]. Хронологическим репером для памятника была ранняя монета, которая В.Ф. Гайдукевичем отнесена к концу IV – началу III в. до н.э. Это пантикапейский обол с головой юного сатира на аверсе, изображением лука и стрелы на реверсе, и надчеканкой “звезда”. А.В. Куликов ограничивает чеканку этой монеты 270-ми годами до н.э. [Куликов 2003, с. 231].

Топографическую и хронологическую картину некрополя Мирмекия VI-II вв. до н.э. представляет табл. 4.

Мирмекий	VI- нач.V	V-IV	IV	Кон.IV-III	III-II	VI-II	Всего
Ингумация: погребальные сооружения	6	22	52	3	1	5	99
Ингумация: погребения с инвентарем	8	14	47	10		21	100
кремация					4		4
пос. им. Войкова		3	33	50			86
Карантинная слободка (2003)			2	5			7

Табл. 4. Погребальные комплексы Мирмекия. VI-II вв. до н.э.

О некрополе Тиритаки VI-II вв. до н.э., который также включал грунтовой могильник и курганы, на сегодняшний день располагаем следующими данными. В XIX веке было раскопано несколько курганов [Ростовцев 1925, с. 257]. В 1932-1934 гг. раскопки проводились Керченским музеем, материалы были опубликованы Ю.Ю. Марти и А.Ю. Марти [Марти 1941, с. 30-36; Марти 1940, с. 120-129]. Результаты работ, проводимых в 30-е годы XX в., опубликованы В.Д. Блаватским, В.Ф. Гайдукевичем и М.М. Кобылиной [Блаватский 1941, с. 61-74; Гайдукевич 1959, с. 215-223; Кобылина 1941, с. 75-84]. Курганные гробницы у Аршинцево, исследованные Л.И. Чуистой в 1950 г., дополняют картину [Чуистова 1952, с. 219-225]. В 1969 г. в кургане у с. Аршинцево было обнаружено впускное разграбленное погребение VI – начала V в. до н.э., которое С.С. Бессонова, автор раскопок, отнесла к некрополю Тиритаки [Бессонова 1972, с. 106-107]. В 1983 г. во время проведения охранных работ было открыто 8 гробниц [Шестаков 1984]. Более 30 погребений интересующего времени раскопано в 1985-1986 гг. О.Д. Чевелевым [Чевелев 1985].

Благодаря многолетним и планомерным исследованиям территории Нимфейского полиса очерчивается достаточно выразительная картина поминально-погребальной практики его населения. Наряду с обширным некрополем городища, включавшим как грунтовые, так и курганные участки, изучен ряд могильников сельского населения.

Тиритака	VI – нач. V	V-IV	IV	Кон. IV-III	III-II	VI-II	Всего
Ингумация: Погребальные сооружения	3	2	18	5	2	1	34
Ингумация: погребения с инвентарем	3	6	16	5	5	1	36
кремация		1	3			1	5
Аршинцево. Ингумация: курганы (1950, 1969)	1			2 (III в.)			3

Табл. 5. Погребальные комплексы Тиритаки. VI-II вв. до н.э.

Некрополь Нимфея занимал территорию несколько десятков гектаров к югу, западу и северо-западу от городища, включая группы и цепочки курганов. Самые крупные из них находятся на склоне южного хребта, тянущегося вдоль моря. Некрополь городища активно раскапывался любителями. Научные исследования курганного некрополя проведены в 1876, 1878-80 гг. Материалы раскопок XIX в. были опубликованы Л.Ф. Силантьевой, которая рассматривала вместе материал погребений грунтового и курганного некрополей, т.к. на отдельных участках их невозможно было разграничить [Силантьева 1959, с. 51-87].

Открытые здесь в 1876 г. конские захоронения и погребения с оружием породили предположение об их скифской принадлежности, что как представляется небесспорно. Основная часть грунтового некрополя, расположенного главным образом на обширной площади к северо-востоку от городища, исследовалась экспедициями Государственного Эрмитажа в 1973-1978 гг. под руководством Н.Л. Грач и в 1995-1996 гг. С.Л. Соловьевым [Грач 1999; Соловьев 2003, с. 60-109].

В топографическом отношении в Нимфейском некрополе выделяется участок позднеархаических погребений, расположенный к северо-западу от города. Самые ранние погребения датируются временем около середины VI в. до н.э. Характерным для Нимфея является сосуществование на протяжении всего рассматриваемого периода двух основных типов захоронения – кремации и ингумации. Кремация составляет небольшую группу захоронений, но отличается богатством и разнообразием погребального инвентаря. Этот обряд был присущ зажиточной части населения Нимфея. Погребения, совершенные по обряду ингумации, как правило, содержат скромный погребальный инвентарь: один-два сосуда, небольшое число украшений. Самую малочисленную группу из открытых грунтовых погребений составляют комплексы V-IV вв. до н.э. Большая часть захоронений в сырцовых конструкциях оказалась ограбленной, и ее хронологическая атрибуция может быть принята условно только по характеру погребального сооружения. Но, как отмечают исследователи, характер грунтового некрополя не меняется, по сравнению с более ранним периодом. Типы конструкций погребальных сооружений остаются прежними, умерших сопровождает скромный инвентарь.

Значительную группу составляют погребения эллинистического времени. В это время продолжают практиковать как кремацию, так и ингумацию. Процент трупосожжений в некрополе Нимфея (12-13%) сравнительно стабилен на протяжении периода [Сударев 2004, с. 209]. В некрополе выделяется значительная группа детских захоронений с разнообразным инвентарем – наборы керамики, терракоты, бусы, пронизи подвески. В этой части некрополя отсутствуют курганы, что может свидетельствовать об использовании в классическое и раннеэллинистическое время этого района средними слоями и рядовым населением города.

К северо-востоку от городища на пологом плато компактной группой располагались захоронения первых веков. Этот участок некрополя возник во второй половине I в. н. э. и служил местом погребения зажиточной части населения [Грач 1999, с. 105, 109].

Курганный некрополь Нимфея располагался группами насыпей к западу и югу от северного края Нимфейского плато на протяжении примерно 4 км. Многие курганы

распаханы и не выделяются на поверхности. Удалось зафиксировать 71 насыпь. [Грач 1999, с. 175, 180, рис. 179].

На хоре Нимфея известны 13 курганных групп и 2 грунтовых могильника, часть из которых исследовалась в разное время. У северо-западной окраины поселения Героевка-1 расположен курганный могильник Челядиново-восточное, вблизи еще два – у поселения Героевка-2 и Героевка-5 [Зинько 1998, с. 173-185]. На поверхности курганов, ограбленных уже в современное время, были собраны фрагменты амфор IV-III вв. до н.э. В могильнике Челядиново-восточное исследован курган № 16, который, по мнению В.Н. Зинько, представлял семейное кладбище двух поколений, живших в IV в. до н.э.

На хоре Нимфея исследовалось поселение, получившее название Южно-Чурубашское. Состав керамического комплекса дает основание отнести появление поселения к последней трети V в. до н.э. Вблизи жилых комплексов в оплывшем кургане были исследованы 7 каменных ящиков, ограбленных еще в древности. Основная масса находок на поселении и сохранившихся в кургане датируется временем IV-III в. до н.э. [Кругликова 2002, с. 147-149]. К IV в. относятся захоронения в кургане № 1 (1993 г.) у поселения Героевка-2 [Зинько 2003, с. 219].

Таким образом, на хоре Нимфея погребальные комплексы появляются в начале IV в. до н.э. Это главным образом курганы в непосредственной близости от усадеб Героевка, Южно-Чурубашское. В курганах хоры в пределах одного хронологического отрезка исследованы погребальные конструкции разных типов: грунтовые, плитовые, склепы, которые известны и в некрополе городища Нимфея. Более того, курганы Героевки-2, Челядиново-восточное демонстрируют определенную иерархию погребенных в пределах одного хронологического периода.

Нимфей и хора	VI – нач. V	V-IV	IV	Кон. IV - III	III-II	VI- II	Всего
Нимфей							
Ингумация: Погребальные сооружения	37	74	27	18	26	16	198
Ингумация: Погребения с инвентарем	63	35	47	4	31	44	224
кремация	5	11	4		4	5	29
Хора Нимфея							
Южно-Чурубашское (7 курганов)	-	-	8	-	-	-	8
Южно-Чурубашское Грунтовой северный и южный	-	11	-	-	-	-	11
Челядиново-восточное (21 курган)	-	Насыпь, нач. IV	+	+	-	-	8
Героевка -2 (1993,1996) Курганы	-	Тризна	3	-	-	-	3
Героевка - 4 (2002)	-	-	Кремация	-	-	-	
Трехбратние Курганы	-	-	5	-	-	-	

Табл. 6. Погребальные комплексы Нимфея и его хоры. VI-II вв. до н.э.

Для характеристики Нимфейского района особый интерес представляет курганный комплекс Три брата у с. Огоньки в районе Тобечикского озера в 20-22 км к юго-западу от Керчи. Они являлись крайними в некрополе Ортельского поселения. В 1965 и 1967 гг. раскопаны 3 кургана, в которых находилось пять погребений: две плитовые гробницы и три каменных склепа со ступенчатым входом. В насыпях всех трех курганов обнаружены конские захоронения, расположенные недалеко от погребений. В одном из неразграбленных

склепов Старшего кургана были погребены две женщины с золотыми и серебряными украшениями [Кирилин 1968, с. 178-188]. В этом же кургане находился рельеф, сюжет которого, по мнению Н.Ф. Федосеева, отражал сцену проводов [Федосеев 2009, с. 451].

В Среднем Трехбратнем кургане сохранилась одна неразграбленная каменная гробница, содержащая захоронения мужчины и женщины. Оба погребенных сопровождалась оружием [Бессонова 1973, с. 243]. О высоком статусе погребенных свидетельствуют уступчатые склепы, плитовые погребальные конструкции, дорогие кипарисовые саркофаги, ювелирные украшения из золота, дорогостоящий погребальный убор.

Принимая во внимание расположение Трехбратних курганов в курганной цепи, обозначающей древнюю дорогу, и сюжет рельефа, Старший Трехбратний курган должен был определять границы некрополя. Анализ амфорных клейм, найденных в курганах, с учетом новых разработок в керамической эпиграфике приводит Н.Ф. Федосеева к выводу о возможной датировке захоронения в уступчатом склепе четвертой четвертью IV в. до н.э. [Федосеев 2009, с. 450-451]. Это позволяет уточнить последовательность открытых захоронений. Данный некрополь использовался длительное время, о чем свидетельствует обнаруженный в Среднем кургане каменный ящик с остатками семи повторных погребений.

В Юго-восточном районе, включающем Китей и Акру, некрополь как отдельный топографический комплекс известен только в районе Китейского городища. В районе Акры открыты отдельные погребальные памятники изучаемого периода.

Грунтовой и курганный некрополь Китея располагался на нескольких гектарах, начинаясь сразу за крепостными воротами города. Он протянулся к северу и северо-востоку до скалистого кряжа, окаймляющего район города на протяжении около двух километров, или к северу и северо-западу от центральной приморской части городища (от зольника). Раскопки на некрополе были начаты в 1928-1929 гг. В ходе этих работ были исследованы пять склепов, высеченных в материковой скале, и один земляной. После значительного перерыва раскопки были продолжены. В 1972-1985 гг. было вскрыто и изучено 2 кургана, 2 каменных склепа в разрушенных курганах и 51 грунтовое погребение [Гайдукевич 1959, с. 223-225; Сударев 2005, с. 23]. На территории могильника и в курганах к 2012 г. открыто более 350 объектов погребального и поминально-ритуального характера. Но подавляющая часть из них относится к первым векам н.э. [Молев, Шестаков 1991, с. 74-101; Хршановский 2003, с. 162-176; 2004, с. 384-390; 2008, с. 128-138].

Наиболее ранние захоронения относятся к IV в. до н.э. Несколько погребений датированы V в., но такие датировки спорны. Более реальными является дата IV в. до н.э. В таблице 7 представлена характеристика Китейского некрополя. В районе Китея находится Кыз-Аульский некрополь, который расположен в 1 км к юго-востоку от с. Яковенково. Он занимает вершину и западный склон возвышенности, идущей от берега моря на северо-восток. С запада он ограничен балкою, а с юга – береговым обрывом. Исследованные здесь погребения в основной массе относятся к первым векам н.э. Эллинистическим временем датируются 12 комплексов [Голенко 2006, с. 222-228].

Некрополь Китея	VI – нач. V	V-IV	IV	Кон. IV-III	III-II	VI-II	Всего
Ингумация: Погребальные сооружения		3	8	4	2	1	14
Ингумация: Погребения с инвентарем		3	4	1		1	9
кремация				1			1
Кыз-Аул				5	7		12

Табл. 7. Погребальные комплексы Китея. VI-II вв. до н.э.

Отсутствуют данные о погребениях побережья Черного моря от Опука (Киммерик) до мыса Чауда и далее до пос. Приморского, что составляет Южный район.

Информация о некрополе Феодосии не отличается полнотой. Известно, что он находится на горном хребте Тепе-Оба, который замыкает Главную гряду Крымских гор и прикрывает Феодосию с юго-запада. В сторону моря хребет Тепе-Оба заканчивается мысом Св. Ильи. А.Е. Люценко определил топографию могильника – от монастыря Св. Ильи до Лысой горы. Главные курганы располагались по гребню горы Тепе-Оба, второстепенные – на ее склонах, крутых берегах моря и самой Лысой горе. Грунтовый могильник Феодосии был обнаружен в XIX веке. В 1894 г. его раскапывал А.Л. Бертье-Делагард. Здесь же был открыт и ряд курганов.

В течение лета 1853 г. в окрестностях Феодосии И.К. Айвазовским были раскопаны 80 курганов. В одном из них, на самой южной возвышенной точке мыса Ильи, он открыл женское погребение с золотыми украшениями (IV в. до н.э.) В это же время раскопки курганов феодосийского некрополя проводил Е.Ф. де Вильнев, материалы его раскопок поступили в фонды Феодосийского музея Древностей музея [Феодосийский музей Древностей]. Открытые захоронения относились к IV-III вв. до н.э. Раскопки одного кургана, проведенные А.И. Айбабиным в 1973 г., выявили погребение конца IV – первой половины III в. до н.э. В 1994 г. на окраине Феодосии было исследовано захоронение, совершенное по обряду кремации. Оно датировано концом первой – началом второй четверти IV в. до н.э. [Бейсанс и др. 1997, с. 54-56]. Всего на настоящий момент известно 5 кремаций в некрополе Феодосии [Сударев 2005, с. 129].

Из сельских некрополей округа Феодосии можно назвать курганный могильник, расположенный у северного подножья гора Сары-кая в 16 км к юз от Феодосии. Исследованные в двух курганах “коллективные” погребения датированы четвертой четвертью III в. до н.э. – II в. н.э. [Гаврилов 2004, с. 29].

В Северо-восточном районе Европейского Боспора открыто несколько некрополей и отдельных курганов. Наиболее известный – Темир-гора – раскопан А.Е. Люценко в 1870 г. (Большой курган, яма № 81) [ОАК за 1870-1871, с. XX]. На северном склоне горы обнаружена вырубленная в скалистом грунте могила, в которой найден родосский расписной кувшин. Находка датирована VII в. до н.э. Этот комплекс большинство исследователей определяет как скифский.

Меньше внимания привлек курган, расположенный на восточной окраине с. Глазовка (старое название Баксы) на большом холмистом хребте. По своим параметрам он превосходит многие из Юз-Обинских курганов. С его вершины, достигающей 10,60 м, открывается вид на берега Керченского пролива и окрестности Керчи. В кургане сохранился каменный склеп с уступчатым перекрытием, в котором находился большой деревянный пышно орнаментированный саркофаг, и разнообразный инвентарь. По трем сторонам от саркофага найдены останки трех коней. Ю.А. Виноградов полагает, что наиболее обоснованной датой является первая четверть IV в. до н.э. [Виноградов 2009, с. 76-82].

К северо-востоку от Баксинского кургана на северном склоне горы Хрони находится известный с XIX в. некрополь. Он занимает обширную территорию по вершине и склонам горы. В 1988-1989, 1994 гг. могильник изучался раскопками, в результате которых открыто 52 комплекса [Чевелев 1997, с. 274]. Захоронения здесь совершались продолжительное время – с IV в. до н.э. по первые века. Ряд склепов, сооруженных в IV в. до н.э., использовался для подзахоронений во II-I вв. до н.э. Часто над ними ставили антропоморфные надгробия. Предположительно некрополь принадлежал городищу, существовавшему на территории села Глазовка (Баксы) в VI в. до н.э. – VI вв. н.э.

Погребальный обряд могильников Крымского Приазовья и Внутренних районов отличается от греческого, что определило направление их изучения в этнической плоскости. Это грунтовые и подкурганые каменные гробницы нескольких типов. Обнаруженный в них материал показывает их включенность в зону боспорского влияния. Время их

функционирования IV-III вв. до н.э. синхронно времени существования большинства обнаруженных здесь поселений. Отсутствие известных крупных греческих поселений затрудняет выявление центров их тяготения. Они сосредоточены в нескольких зонах. Наиболее многочисленная группа располагается в прибрежном районе от с. Золотое (Стоячий камень) до плато Мысыр вблизи оз. Чокрак. К ним примыкают каменные ящики, открытые А.А. Дириным на мысе Зюк [Яковенко 1970, с. 113-116; Бессонова и др. 1988; Масленников 1995].

Северо-восточный район	VII	V-III	IV	Кон. IV	III-II
Темир-Гора	1	4			
Некрополь г. Хрони Ингумация Погребальные конструкции		37	10	+	+
г. Хрони : кремация		1			
г. Хрони : тризны				5	
Баксы			1		

Табл. 8. Погребальные комплексы Северо-восточного района. VI-II вв. до н.э.

Другая группа локализуется в области Акташского озера. К югу от нее в 1960-1967 гг. была исследованы курганы, включавшие подобные памятники [Яковенко и др. 1970, с. 136-179]. Отдельные небольшие группы каменных ящиков в оградках известны около горы Опук, в Северо-восточном районе.

Многочисленную группу составляют погребения могильника, расположенного у с. Фронтное на Ак-Монойском перешейке [Корпусова, Орлов 1978, с. 65-76].

Население Внутренних районов характеризует некрополь у с. Михайловка. Курганная группа в районе Михайловского городища исследовалась в 1966-1970 гг. В ходе раскопок в семи курганах были открыты склепы и каменные ящики, датируемые в основном IV-III в., но вероятнее, время их существования – первая половина III в. до н.э. Практически все сооружения использовались неоднократно. В погребениях и зольниках обнаружены шесть медных пантикапейских монет 300-110 гг. до н.э. Параллельно с изучением поселения было прослежено соотношение курганных насыпей и границ клеров в местах их пересечений. Авторы исследований предполагали, что нарезка участков производилась одновременно, по единому плану и почти одновременно с появлением курганов [Ефимова и др. 1972, с. 97-102; Петерс 1978, с. 117-127].

Подводя итоги, следует отметить, что практически во всех районах, появившихся в начале колонизации, вблизи городских центров располагались некрополи. Наряду с большим количеством простых грунтовых могил, на этих кладбищах возвышались курганы. Они располагались группами, иногда тянулись по кряжам длинных холмов или обрамляли дороги, выходящие из города. Можно сказать, что прослеживается общая закономерность, наблюдаемая в некрополях основных греческих центров – грунтовые и курганные некрополи составляли единое кладбище. Подкурганные захоронения знати фиксируются с IV в. до н.э. Хотя греки были знакомы с курганной традицией, но она не практиковалась в начальный период. Возможно, некоторая эгалитарность общин и полисные обычаи сдерживали ее реализацию. В сельской местности захоронения совершались как в грунтовых, так и курганных могильниках. Их отличает разнообразие типов погребальных конструкций. Практически все они появляются в IV в. до н.э. и следуют греческим поминально-погребальным традициям, проявлением которых являются предпочтение восточной ориентации, тризны, кремация. На настоящий момент нет оснований говорить об унификации обряда в связи образованием государства, даже со времени Левкона I.

Политическое объединение боспорских общин стимулировало процесс социальной и имущественной дифференциации в рамках каждой из них. Хронологическое распределение курганов и погребений знати демонстрирует разную динамику и темп, а также размах этого процесса. В “авангарде движения”, естественно, находился Пантикапей. Формирование Юзобинского царского некрополя относится ко второй четверти IV в. до н.э. Единичность статусных (богатых) курганных захоронений в некрополях Тиритаки и Мирмекия, может говорить об их подчиненном положении по отношению к Пантикапею и предпочтениях знати проживать в столице. Сокращение практики сооружения курганов отмечается уже в конце IV в. до н.э. Это, возможно, свидетельствует о кратковременности экономического подъема Боспора, ограниченного правлением Левкона I и Перисада I.

Шенко Л.Г.

НЕКРОПОЛІ ЄВРОПЕЙСЬКОГО БОСПОРУ VI-II СТ. ДО Н.Е. В ПРОСТОРОВО - ХРОНОЛОГІЧНОМУ ВИМІРІ

У статті систематизовано і проаналізовано кількісні характеристики некрополів Європейського Боспору VI-II ст. до н.е., топографічний і хронологічний розподіл поховальних комплексів. Аналіз їх розташування демонструє характер і темпи освоєння місцевості, тісний зв'язок з містами та селищами. В ранній період простежується декілька типів поховальних практик. Хронологічний розподіл курганів і поховань ґрунтових могильників по районах демонструє різну динаміку їх існування та процес соціально-майнової диференціації. Поховання VI – початку V ст. відомі навкруги перших апоїкій, де вони утворюють окремі ділянки. Для більшості некрополів за кількісними і якісними показниками виділяється IV ст. до н.е., коли формуються курганні некрополі знаті, які вирізняються складністю процедури поховання. Скорочення практики спорудження курганів спостерігається вже наприкінці IV ст. до н.е. Ієрархія курганних та ґрунтових могильників свідчить про ускладнення соціальних та політичних відносин. Інформація проаналізована по районах з метою її подальшого використання в контексті соціально-політичного розвитку Боспору.

Ключові слова Європейський Боспор, поховальний обряд, ґрунтові некрополі, поховальний інвентар, соціальний розвиток.

Shepko L.G.

THE NECROPOLISES OF THE EUROPEAN BOSPORUS VI-II CENTURIES BC IN THE SPATIAL AND CHRONOLOGICAL MEASUREMENT

This paper summarizes material on the necropolises of the European Bosphorus VI-II centuries BC. Information is analyzed for spatial and chronological allocation of burials.

Barrow necropolises were geographically linked with ground burials and were united with them in one socially significant space. For most necropolises in quantitative terms the IVth century BC is highlighted, when there are burials of the Bosphorus Greeks in the mounds. Their memorial burial practice complies the common Greek traditions. This is the forming time of the nobility. Burials differ by complexity and monumentality of structures, wealth of the accompanying inventory.

Chronological allocation of graves shows different dynamics of the Bosphorus Communities. The life of Panticapaeum in IV century BC was distinguished by the greatest intensity, which level was reducing significantly in the late Hellenistic period.

The resulting conclusions and the results of this study are perspective for further use in the context of socio-political development of the people of the Bosphorus.

Keywords: necropolises, the European Bosphorus, mounds, ground burials, inhumation, cremation, nobility burials, archaeological research, social development.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бейсанс Д. Раскопки на окраине Феодосии / [Д. Бейсанс, А. Жиода, П. Морель и др.] // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 54-56.

Безсонова С.С. Таврские похороны з некрополя Тірітаки / С.С. Безсонова // АДУ 1969 р. – К.: Наук. думка, 1972. – С. 106-107.

Бессонова С.С. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму / С.С. Бессонова, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк. – К.: Наук. думка, 1988. – 220 с.

Бессонова С.С. Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана / С.С. Бессонова // Скифские древности. – К., 1973. – С. 243-252.

Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. / В.Д. Блаватский // МИА. – 1941. – № 4. – С. 6-74.

Виноградов Ю.А. Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н. э. / Ю.А. Виноградов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: матер. X Боспорских чтений. – Керчь, 2009. – С. 76-82.

Виноградов Ю.А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. История изучения и топография. / Ю.А. Виноградов, В.Н. Зинько, Т.Н. Смекалова. – Симферополь-Керчь : Майстер Книг, 2012. – Т. 1. – 288 с.

Виноградов Ю.А. Золотой курган (Алтын Оба) / Ю.А. Виноградов // БИ. – 2007. – Вып. XVII.

Виноградов Ю.А. Курганы Малая Близница (история изучения и датировка) / Ю.А. Виноградов // БИ. – 2004. – Вып. VII. – С. 89-111.

Виноградов Ю.А. Курганы Ак-Бурун (1875 г.) / Ю.А. Виноградов // Скифия и Боспор. – Новочеркасск, 1993. – С. 38-51.

Власова Е.В. Курганы Васюринская гора на Таманском полуострове / Е.В. Власова // Эллинистические студии в Эрмитаже. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 158-174.

Власова Е.В. О склепе Большого Васюринского кургана / Е.В. Власова // Античная цивилизация и варварский мир: матер. 6-го археолог. семинара. – Ч. 1. – Краснодар, 1998. – С. 15-18.

Ворошилова О.М. Новые материалы о планировке некрополя Фанагории / О.М. Ворошилова, А.Н. Ворошилов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: матер. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 76-78.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии / А.В. Гаврилов. – Симферополь: Азбука, 2004. – 368 с.

Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов / В.Ф. Гайдукевич // МИА. – 1959. – № 69. – С. 215-223.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // В.Ф. Гайдукевич // МИА. – 1952. – № 25. – С. 135-223.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г. / В.Ф. Гайдукевич, Е.И. Леви, И.О. Прушевская // МИА. – 1941. – № 4. – С. 140-148.

Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа / В.К. Голенко. – Симферополь: Сонат, 2006. – 408 с.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея / Н.Л. Грач. – СПб.: Наука, 1999. – 328 с.

Гриневиц К.Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н.э.) / К.Э. Гриневиц // Археология и история Боспора. – Ч. I. – Симферополь: Крымиздат, 1952. – С. 129-146.

Ефимова Г.М. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка / Г.М. Ефимова, П.М. Кожин, Б.Г. Петерс // КСИА. – 1972. – Вып. 130. – С. 97-102.

Журавлев Д.В. Материалы курганного некрополя Кеп. Курган 17 (18) / Д.В. Журавлев, Т.А. Ильина, Г.А. Ломтадзе // Труды ГИМ. – Вып. 159: Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековье. Памяти Н.П. Сорокиной. – М., 2006. – С.12-45.

Журавлев Д.В. Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного Исторического музея / Д.В. Журавлев, Е.Ю. Новикова // БФ. Искусство на периферии античного мира: матер. междунар. науч. конф. – СПб., 2009. – С. 45-54.

Зинько В.Н. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. – 2003. – Вып. IV. – 320 с.

Зинько В.Н. Некрополь сельского поселения близ Мирмекия / В.Н. Зинько // БИ. – 2003. – Вып. III. – С. 168-197.

Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 173-185.

Капошина С.И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи / С.И. Капошина // МИА. – 1959. – № 69. – С.108-153.

Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера / Д.С. Кирилин // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Наука, 1968. – С. 178-188.

Кобылина М.М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. / М.М. Кобылина // МИА. – 1941. – № 4. – С. 75-84.

Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) / А.К. Коровина // СГМИИ. – 1987. – Вып. VIII. – С. 3-70.

Корпусова В.Н. Могильник VI–VI ст. до н.э. на Керченском п-острове / В.Н. Корпусова, Р.С. Орлов // Археология. – 1978. – Вып. 28. – С. 65-76.

Кругликова И.Т. Южно-Чурубашское поселение / И.Т. Кругликова // ДБ. – 2002. – Т. 5. – С. 147-149.

Куликов А.В. Монетные комплексы второй половины III в. до н.э. (К вопросу о времени завершения денежного кризиса на Боспоре) / А.В. Куликов // БИ. – 2003. – Вып. III. – С. 222-234.

Марти А.Ю. Погребение IV в. до н.э. из кургана близ Тиритаки / А.Ю. Марти // СА. – 1940. – Вып. VI. – С. 120-129.

Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки / Ю.Ю. Марти // МИА. – 1941. – № 4. – С. 30-36.

Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) / А.А. Масленников // Боспорский сборник. – Вып. 8. – М., 1995. – 124 с.

Молев Е.А. Некрополь Китея / Е.А. Молев, С.А. Шестаков // Вопросы истории и археологии Боспора. – Воронеж; Белгород, 1991. – С. 74-101.

ОАК за 1870-1871. – СПб., 1874. – С. XX-XXI.

Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени / Б.Г. Петерс // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин. – М.: Наука, 1978. – С. 117-127.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л., 1925. – 621 с.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея / Л.Ф. Силантьева // МИА. – 1959. – № 69. – С. 51-87.

Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея / С.Л. Соловьев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 212 с.

Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-II вв. до н.э. как исторический источник : дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Н.И. Сударев. – М., 2005. – 384 с.

Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI – II вв. до н. э. / Н.И. Сударев // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников: матер. междунар. науч. конф. – Ч. I. – СПб., 2004. – С. 208-219.

Федосеев Н.Ф. Доследование курганной насыпи на некрополе Юз-Оба / Н.Ф. Федосеев // ДБ. – Т. 8. – М., 2005. – С. 411-421.

Федосеев Н.Ф. Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского / Н.Ф. Федосеев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2009. – С. 448-459.

Федосеев Н.Ф. Мелек-чесменский курган / Н.Ф. Федосеев // Исторический и зеленый туризм в Восточном Крыму: матер. науч.-практич. конф. / Под ред. Н.Ф. Федосеева. – Керчь, 2004. – С. 77-83.

Феодосийский музей Древностей (краеведческий музей) – Режим доступа: <http://old-museum.org/index.htm>

Хршановский В.А. Археологическая экспедиция ГМИР в 1999-2008 гг. / В.А. Хршановский // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: матер. юбилейного междунар. круглого стола. – СПб., 2008. – С. 128-138.

Хршановский В.А. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году / В.А. Хршановский // Из истории античного общества. – Вып. 8. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – С. 162-176.

Хршановский В.А. Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н. э. на некрополе Китея / В.А. Хршановский // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: матер. V Боспорских чтений. – Керчь, 2004. – С. 384-390.

Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав / Г.П. Цветаева // МИА. – 1951. – № 19. – С. 63-86.

Чевелев О.Д. Раскопки некрополя на г. Хрони / О.Д. Чевелев // Археологические исследования в Крыму 1994 год. – Симферополь: Сонат, 1997. – С. 274.

Чевелев О.Д. Охранные раскопки некрополя Тиритаки / О.Д. Чевелев. – НА ИА НАНУ. – № 1985/67.

Чуистова Л.И. Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки / Л.И. Чуистова // Археология и история Боспора. – Ч. I. – Симферополь: Крымиздат, 1952. – С. 219-225.

Шепко Л.Г. Соціально-політичний розвиток Боспорської держави в VI-II ст. до н.е. – автореф. дис. ... д-ра іст. наук: спец. 07.00.02 – “Всесвітня історія” / Донецьк. ун-т. – Донецьк, 2012. – 32 с.

Шестаков С.А. Охранные раскопки Тиритакского некрополя / С.А. Шестаков // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма: тез. докл. – Керчь, 1984.

Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 73-177.

Яковенко Э.В. Описание скифских погребений в курганах Крыма / Э.В. Яковенко, Е.В. Черненко, В.Н. Корпусова // Древности Восточного Крыма. – К. : Наук. думка, 1970. – С. 136-179.

Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Крыма // Древности Восточного Крыма. – К.: Наук. думка, – 1970. – С. 113-116.

Венцова М.И.

УКРАШЕНИЯ В ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЯХ БОСПОРА VI–II ВВ. ДО Н.Э.

Реферат: Украшения, обнаруженные в некрополях Боспора, занимают важное место среди всего погребального инвентаря. Несмотря на то, что их анализ обладает большими информационными возможностями, до настоящего времени они не были темой специального исследования. Ежегодное пополнение археологических материалов, в том числе украшений, разработка новых теоретико-методологических подходов к их интерпретации усиливают актуальность данной темы. Цель статьи – установить общие и частные особенности использования украшений в погребальном обряде некрополей различных регионов Боспорского царства на протяжении VI–II вв. до н.э. с учетом их количественного и качественного разнообразия. Для достижения данной цели, реализованы следующие задачи: рассмотрен ассортимент всех украшений, которые встречаются в захоронениях; проведен сравнительный анализ погребений с украшениями в разных центрах Боспора на отдельных этапах его развития, в основу которого положены статистические показатели суммарной характеристики и тенденции признака; установлена взаимовстречаемость видов украшений в одном погребении; проанализированы захоронения с драгоценными металлами, которые являются показателем престижа и богатства погребенного. В результате исследования установлено, что погребальный ритуал не регламентировал устойчивого комплекта украшений. Ни в одной из половозрастных групп украшения не являлись обязательным элементом погребального костюма. Их использование было эпизодическим. Лишь в IV в. до н.э. во всех сравниваемых некрополях прослеживается устойчивая традиция использовать украшения при захоронении умерших, главным образом женщин и детей. Вариации, которые мы наблюдаем в ходе исследования, могли зависеть от социального развития общества, его стабильности имущественного положения.

Ключевые слова: Боспор, погребальный обряд, грунтовые некрополи, погребальный инвентарь, украшения.

Abstract: Jewelry found in the necropolis of the Bosphorus plays an important role among the entire burial inventory. Despite the fact that the analysis of them holds a large informational opportunities, so far they have not been a subject of special study. The annual adding of archaeological materials including jewelry and development of new theoretical and methodological approaches of the interpretation reinforce the topicality of the subject. The purpose of the article is to establish general and specific peculiarities of using jewelry in the necropolis funeral rite in the different regions of the Bosphorus Kingdom during VI–II centuries BC taking into account their qualitative and quantitative diversity. To achieve this goal, we implemented the following: looked at the selection of jewelry found in the tombs, performed a comparative analysis of the burials with jewelry in different centers of the Bosphorus at certain stages of its development, which is based on statistical indicators of the total performance and trend of the trait; set related types of jewelry in a single burial and analyzed burials with precious metals, which are an indicator of prestige and wealth of buried. The study established that the funeral ritual did not oblige to use the fixed set of jewelry. In none of the gender and age groups jewelry were mandatory element burial suit. Their use has been occasional. Only in IV century BC all compared necropolises are starting to show a strong tradition of usage jewelry in the burials, of mostly women and children. The variations that we observe in the course of the study could depend on the social development of society and stability of its property status.

Keywords: Bosphorus, burial ceremony, necropolis, burial inventory, jewelry.

Некрополи Боспора постоянно привлекают внимание исследователей. Причины этого заключаются в многогранности исторической информации, содержащейся в погребальных памятниках. Ежегодное пополнение археологических данных поддерживает интерес. В последние десятилетия разрабатываются новые теоретико-методологические подходы к их анализу, которые существенно дополняют интерпретацию материалов некрополей. Вместе с тем сохраняются неразрешенные проблемы. Достаточно сложными являются вопросы семантики вещественных находок. Значение каждого конкретного элемента погребения,

могло зависеть от представлений греков о жизненном круговороте, взаимосвязи мира живых и мертвых, социального положения умершего и отношения к нему общества. При этом в процессе трансформации общественных отношений может меняться смысловая нагрузка вещественных находок погребений.

Среди всего погребального инвентаря, обнаруженного в некрополях Боспора, можно выделить категории, которые были необходимым элементом обряда. Например, разнообразные сосуды, использовались при подготовке умершего к захоронению. Также можно выделить категории, которые отражают половозрастные характеристики, имущественный и социальный статус – украшения, орудия труда, оружие, предметы туалета.

До настоящего времени в исторических трудах украшения, обнаруженные в грунтовых некрополях Боспора, не были предметом специального исследования. Чаще всего они представляются с позиции археологической науки. Изучаются их вид, форма, материал, месторасположение в погребении, проводится типологический анализ украшений [Коровина 1972, с. 104-110; Силантьева 1979, с. 49-58; Коровина 1987, с. 137-145; Новичихин 2009, с. 110-118]. В большей степени внимание уделяется предметам, сделанным из золота и серебра [Галанина 2003, с. 188-267; Трейстер 2006, с. 164-190]. В ряде работ рассматриваются основные технологические приемы изготовления украшений [Трейстер 1999, с. 75-77; Мордвинцева, Трейстер 2007; Кашаев 2010, с. 191-197]. Исследователи обращают внимание также на украшения в контексте религиозно-мифологических представлений [Сорокина, Сударев 2001, с. 133-139], хотя такие исследования немногочисленны.

В данной статье сосредоточено внимание на украшениях как элементе погребальной практики боспорского населения. Цель работы – установить общие и частные особенности их использования в погребальном обряде некрополей различных регионов Боспорского царства на протяжении VI-II вв. до н.э. с учетом их количественного и качественного разнообразия. При этом важно подчеркнуть, что украшения рассматриваются нами как предметы, которые не только отражают эстетическое назначение, но и несут социальную нагрузку. За каждой вещью стоит человек со своими художественными вкусами и предпочтениями, который находится во взаимодействии с другими людьми и обществом в целом. В многообразии украшений проявляются люди конкретной эпохи, культуры, социального положения.

Для изучения выбраны некрополи нескольких центров Боспора, различающихся ролью в политической и экономической жизни. Грунтовые погребения Пантикапея, Нимфея, Мирмекия представляют Европейскую часть Боспорского царства, а Тузлы, Горгиппии, Артющенко-2, Тирамбы – Азиатскую. Так как на данный момент обозначенные некрополи в разной степени изучены и представлены в научных исследованиях, то сформированы разновеликие выборки – по Пантикапею – 466 погребений, Нимфею – 139, Мирмекию – 96, Тузле – 103, Горгиппии – 49, Артющенко-2 – 34, Тирамбе – 55, всего 942 комплекса. Важной особенностью источниковой базы является различная продолжительность существования отдельных памятников. Так, в некрополе Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Тузлы, Горгиппии, Тирамбы погребения с украшениями представлены VI-II вв. до н.э. В то время как могильник Артющенко-2 – хронологически компактный. Наибольшее количество изученных погребений представляет VI – начало IV вв. до н.э. Возможно, продолжение исследований данного памятника увеличит количество захоронений более позднего времени.

Для сравнения массовых археологических источников используется один из статистических методов – суммарная характеристика [Генинг и др. 1990, с. 66]. Объектом исследования выступают погребения с украшениями, которые наряду с декоративной функцией, могли использоваться как детали одежды и обуви. Все обнаруженные изделия этой категории можно условно объединить в такие группы – украшения головы, шеи, рук, а также отдельно выделить наборные украшения и сохранившиеся части одежды. Среди них есть и как высокохудожественные произведения торевтики, так и скромные по исполнению

украшения из недорогих металлов. Рассмотрим весь ассортимент этих изделий, которые встречены в некрополях Боспора и включены в исследование. В связи с тем, что значительное количество погребений, составляющих базу данных, были открыты в середине XIX – начале XX вв. точную форму отдельных украшений определить нет возможности.

К украшениям головы относятся венки, головные повязки, спиралевидные подвески и серьги. Среди всех рассмотренных некрополей в погребениях Пантикапея были обнаружены сохранившаяся головная повязка из листового золота с выгиснутым на ней арабеском [ОАК 1871, с. 16], венок из треугольных золотых листьев [ОАК 1868, с. 5]. В 3 погребениях найдены обломки золотых листьев [ОАК 1863, с. 5; 1893, с. 38; ИАК 1909, № 40/1906]. Исходя из общего представления о венках, головных повязках, технике изготовления [Мирошина 1983, с. 12], данные фрагменты были их составной частью. Следует обратить внимание, что 3 из пяти рассмотренных погребений с головными украшениями совершены по обряду кремации. Одно из погребений, совершенное по обряду ингумации, принадлежит женщине.

Спиралевидные подвески представляют собой дважды согнутую проволоку с треугольниками зерни и пирамидками на концах. Они, как правило, изготовленные из серебра, меди, бронзы, реже из золота. В некрополе Пантикапея такие типы украшений представлены 14 экз., происходящими из 8 погребений [ИАК 1910, № 40/1907; 1904, № 48/1902; 1909, № 12/1906; 1910, № 42/1907; 1911, № 1/1908; 1914, № 7/1911; 1905, № 26/1903; ОАК 1893, № 1, с. 23], Нимфея – 10 экз. из 5 погребений [Грач 1999, А83, В11, А107; Соловьев 2003, № 39, 41], Мирмекия – 5 экз. из 3 погребений [ИАК 1905, № 352/12, 366/26/1903; 1909, № 109/31/1906], Тузлы – 16 экз. из 8 погребений [ИАК 1914, № 73/28, 122/77, 123/78, 142/97, 109/64, 49/4, 102/57, 170/125/1911], Артющенко-2 – 5 экз. из 3 погребений [Кашаев 2009, № 3, 24, 45], Тирамба – 2 экз. из 1 погребения [Коровина 1987, № 136]. Обычно, спиралевидные подвески встречаются попарно, преимущественно в детских и женских погребениях. Единого мнения относительно назначения данного украшения нет. Считается, что первоначально они служили украшением причесок, а затем стали использоваться в качестве серег [Скржинская 1986, с. 116]. В настоящее время высказывается предположение, что спиралевидные подвески также могли служить своеобразными «застежками» на женской одежде [Кашаев 2009, с. 219].

В некрополе Пантикапея найдено 43 серьги, которые присутствовали в 24 погребениях [ЗООИД 1852, № 31, с. 546; ОАК 1863, с. 8; 1868, с. 5, 7, 8; 1879, с. 37; 1892, с. 8; 1893, с. 38; ИАК 1903, № 50/1901; 1904, № 28/1902, 83/1902, 93/1902, 108/1902, 167/1902, 172/1902, 414/226/1902; 1905, № 27/1903; 1909, № 90/1905; 1913, № 3/1909, 34/1909, 46/1909, 21/1910; 1914, № 6/1911, 10/1911], в некрополе Нимфея – 8 экз. в 4 погребениях [Силантьева 1959, № 7/1879; Грач 1999, А105, А216; Зинько 1997, № 2], в некрополе Мирмекия – 1 экз. в 1 погребении [ИАК 1905, 367/27/1903], в некрополе Тузлы – 6 экз. в 4 погребениях [ИАК 1914, 111/66, 162/117, 67/22, 59/14/1911], в некрополе Горгииппии – 3 экз. в 2 погребениях [Алексеева 1991, № 5; Шевченко 2004, № 1], в некрополе Тирамбы – 1 экз. в 1 погребении [Коровина 1987, № 78]. В некрополе Артющенко-2 не найдено ни одной серьги.

Серьги, обнаруженные в некрополях Боспора, представлены несколькими типами. Среди них довольно сложные по конструкции изделия, один конец дужки которых оканчивается изображением львиной головы, под нижней челюстью которой припаяна петелька. 4 экземпляра таких серег обнаружены в некрополе Пантикапея [ОАК 1868, с. 7; ИАК 1904, № 28/1902], 1 экз. – Нимфея [Силантьева 1959, 7/1879], 2 экз. – Тузлы [ИАК 1914, 111/66, 162/117/1911], 2 экз. – Горгииппии [Шевченко 2004, № 1], 1 экз. – Тирамбы [Коровина 1987, № 78]. В Пантикапее также найден похожий тип серьги с изображением рыси [ОАК 1868, с. 8]. Изготовлены они преимущественно из золота, реже из бронзы и меди.

В некрополях Боспора встречаются также серьги в форме калачика. Они представлены 2 экземплярами из золота в погребениях Пантикапея [ИАК 1914, № 10/1911] и 1 экземпляром из серебра в погребении Нимфея [Грач 1999, А105]. Обнаружены и более простые

проволочные серьги, гладкие или витые. 9 экземпляров, сделанных из серебра и бронзы, найдено в Пантикапее [ЗООИД 1852, № 31, с. 546; ОАК 1863, с. 8; 1893, с. 38; ИАК 1914, № 6/1911; 1913, 21/1910], 5 экз. – в Нимфее [Грач 1999, А216], 2 экз. – в Тузле [ИАК 1914, 67/22/1911]. 2 золотые серьги из погребения Пантикапея дополнительно украшены изогнутой палицей Геракла [ИАК 1913, № 46/1909].

В погребениях Пантикапея найдены в единичных экземплярах 2 золотые серьги, украшенные розетками [ИАК 1904, 172/1902], 1 серьга, украшенная розеткой с подвешенной к ней статуэткой Эрота на эмалированном лебеде, 1 серьга в виде плетеного колечка с эмалированной розеткой без подвески [ОАК 1892, с. 8], 2 золотые серьги с подвесками в виде золотых шариков на таких же цепочках [ОАК 1868, с. 5], 2 серебряные серьги с вызолоченными глиняными подвесками [ИАК 1904, № 108/1902]. 2 большие золотые серьги, в которых к продолговатому щитку с двумя противоположными крючками прикреплена трубочка, к низу отверстия которой припаяна виноградная кисть, каждая ягода которой украшена внизу пирамидкой из золотых зерен представляет уникальный вид серег из некрополя Тузлы [ИАК 1914, 59/14/1911], а бронзовая серьга в полтора оборота – из некрополя Нимфея [Зинько 1997, № 2]. Типы остальных серег определить нет возможности, в связи с отсутствием подробной информации о них. Серьги встречаются в детских и женских захоронениях.

Украшения шеи представлены ожерельями и гривнами. Уникальные шейные украшения найдены в погребениях Пантикапея. Они представлены круглым выпуклым украшением из серебра в золотой оправе [ИАК 1904, 48/1902], ожерельем из крученной золотой ленты и 3 гранатов в золотой оправе [ОАК 1868, с. 5], ожерельем из 1 большого и 6 малых гранатов в золотой оправе, к которой вероятно, был прикреплен темный камень в золотой оправе [ОАК 1893, с. 38], четырехугольной подвеской из синей пасты в медной оправе, на которой с обеих сторон изображен ястреб [ИАК 1913, № 10/1910]. Золотое ожерелье в виде цепи с головками львиных грифонов на концах [Силантьева 1959, № 7/1879], гладкая золотая гривна с уплощением к середине [Силантьева 1959, № 115/1876] являются единичными экземплярами шейных украшений из погребений Нимфея. Данные украшения присутствуют в детских и женских захоронениях.

Наборные украшения – бусы, подвески и пронизи составляют распространенную категорию украшений, образующую разнородную и в то же время единую группу. В некоторых могилах найдены одна или несколько бусин, иногда бусы составляли длинные ожерелья. Встречаются также браслеты из бус, о чем свидетельствует их расположение возле кистей рук. В немногих случаях бусы найдены по всей гробнице, либо ногах костяков, что предполагает их использование в качестве украшения одежды и обуви. Крупные бусы могли служить пуговицами. На сегодняшний день Е.М. Алексеевой выделены геометрическая, сложная, фигурная форма античных бус, около 40 элементов орнамента, 29 видов материала, из которых они изготовлены, выделена шкала цветов и прозрачности бус [Алексеева 1982].

Остановимся на статистических данных по погребениям, в которых они обнаружены. В Пантикапее бусы, подвески, пронизи обнаружены в 65 погребениях [ЗООИД 1852, № 31, с. 546; ОАК 1863, с. 8, 13, 15-16; 1868, с. 7; 1879, с. 37, 1891/1882-1888, с. 9; 1892, с. 8, 1893/1890, с. 23, 1893/1891, № 3, с. 27, 1893/1891, с. 38; ИАК 1900, № 2/1899, 80/1899, 76/1899, 79/1899; 1902, № 91/1900; 1904, № 81/1902, 145/1902, 108/1902, 10/1902, 69/1902, 132/1902, 79/1902, 156/1902, 109/1902, 124/1902, 83/1902, 172/1902, 122/1902, 167/1902, 414/226/1902; 1905, № 27/1903, 113/1903, 26/1903; 1907, № 105/1904, 136/1904, 205/1904, 125/1904; 1909, № 74/1905, 91/1905; 1909, 10/1906, 45(2)/1906, 10/1906, 33/1906, 40/1906, 78/24/1906; 1910, № 51/1907, 58/1907, 68/1907, 25/1907, 47/1907; 1911, № 8/1908, 41(4)/1908; 1913, № 46/1909, 3/1909, 4/1909, 30/1909; 1913, № 41/1910, 21/1910, 24/1910, 10/1910; 1914, № 22/1911, 10/1911, 6/1911; 1916, № 57/8/1912; Бессонова 1969, № 2], Нимфее – 29 [Грач 1999, А55, А56, А82, А163, В11, В1, А95, А125, А216, А166, В6, А149, А73, А107, А180, А188, А222, В3, А124, А184, А221, В4, В7, В8; Соловьев 2003, № 39, 41, 18; Зинько 1997,

№ 2; Шестаков 2011, № 1], Мирмекии – 18 [ОАК 1893, № 12, с. 152; ИАК 1900, № 2/1899; 1905, № 361/21/1903, 354/14/1903, 359/19/1903, 341/1903, 344/1903, 346/1903, 349/1903; 1909, № 147/69/1906, 91/13/1906, 93/15/1906, 106/31/1906, 121/43/1906, 119/41/1906, 92/14/1906, 101/1906, 103/1906], Тузле – 20 [ИАК 1914, № 53/8, 73/28, 77/32, 96/51, 100/55, 118/73, 142/97, 168/123, 180/135, 76/31, 111/66, 162/117, 67/22, 124/79, 141/96, 145/100, 59/14/1911; Кондрашев 2005, № 42, 48/2005; Кондрашев 2010, с. 58], Горгиппии – 14 [Салов, Смирнова 1972, № 1, с. 53; Шевченко 2004, № 1, 8; Алексеева 1991, № 1, 4, 5, 19; Алексеева, № 38/1979, № 24, 21, 20, 36/1992, № 8, 14/1999], Артющенко-2 – 13 [Кашаев 2009, № 6, 10, 16, 20, 21, 24, 25, 27, 45, 47, 52, 66, 69], Тирамбе – 8 [Коровина 1987, № 120, 144, 145, 122, 130, 117, 137, Паромов, Сударев 2000, № 1]. Согласно классификации Е.М. Алексеевой, фигурные подвески представляют следующие разновидности:

1) зооморфные формы, среди которых единичные подвески в виде раскрытой собачьей пасти [ИАК 1914, № 22/1911], разъяренного льва [ИАК 1907, № 136/1904], бараньей головы [ОАК 1863, с. 13], сделанные из золота, а также 2 золотые подвески в форме бычьей головы [ОАК 1863, с. 15-16], подвеска из сердолика в виде сидячей собаки [ИАК 1909, № 40/1906] из погребений Пантикапея, а также фаянсовая подвеска в виде скарабея и лягушки на поддоне из погребения Нимфея [Грач 1999, А188];

2) подвески, имитирующие сосуды, среди которых бронзовые подвеска-цилиндр с двумя ушками из погребения Пантикапея [ИАК 1914, № 10/1911], в виде ведра, бронзовая подвеска в форме амфорки с коротким горлом, полая внутри из некрополя Тирамбы [Паромов, Сударев 2000, № 1], 2 бронзовые подвески в виде амфорисков из погребения Нимфея [Грач 1999, А82];

3) подвески, изображающие лица и маски, представлены стеклянной подвеской с двойным изображением одного и того же бородатого лица из погребения Пантикапея [ИАК 1913, № 24/1910], бронзовой подвеской в форме человеческой головы из погребения Тузлы [ИАК 1914, № 67/22/1911];

4) антропоморфные подвески, представлены единственным экземпляром, изображающим возлежащего человека из погребения Пантикапея, сделанного из янтаря [ИАК 1910, № 25/1907];

5) растительные мотивы, представлены стеклянной подвеской в виде виноградной кисти из погребения Пантикапея [ИАК 1900, 79/1899];

6) прочие изображения, среди которых 2 подвески в форме руки из слоновой кости [ИАК 1905, № 27/1903] и голубой пасты [ОАК 1893, с. 153], найденные в некрополях Пантикапея, Мирмекия, подвеска в форме палицы Геракла [ИАК 1905, № 113/1903], янтарной лапы грифона [ИАК 1910, 25/1907] из погребений Пантикапея, серебряная лунница из погребения Артющенко-2 [Кашаев 2009, № 52] и бронзовая из погребения Нимфея [Грач 1999, А188], стрельчатая подвеска из слоновой кости [Грач 1999, А82], стеклянная подвеска в форме фаллоса [Грач 1999, А125], подвеска-катушка из горного хрусталя [Грач 1999, А166], фаянсовой подвески в форме руки, пальцы, сложенные в кукиш [Грач 1999, А188], обнаруженные в погребениях Нимфея, медный колокольчик из погребения Тузлы [ИАК 1914, № 76/31/1911] и бронзовый из погребения Нимфея [Грач 1999, А188].

7) естественные формы, представленные раковинами каури 7 из которых, найдены в погребениях Пантикапея [ИАК 1904, 109/1902; 1913, 3/1909; 1909, 33/1906], 9 – Нимфея [Грач 1999, А149; Соловьев 2003, № 18], 6 – Мирмекия [ИАК 1905, 346/1903], 1 – Тузлы [Кондрашев, № 42/2005], 2 – Артющенко-2 [Кашаев 2009, № 21, 52], 4 – Тирамбы [Коровина 1987, № 120], 3 камнями с просверленными отверстиями для подвешивания из некрополя Нимфея [Грач 1999, А56, А149], 1 стрельчатой частью цилиндрической поделки с рифленой поверхностью из рога благородного оленя [Грач 1999, А73], 1 цилиндрической поделкой с широким сквозным отверстием и 4-мя врезанными параллельными линиями из трубчатой кости мелкого копытного животного из погребений Нимфея [Грач 1999, А73].

В основном данная категория украшений встречается в детских, женских погребениях, в редких случаях – мужских.

Украшения рук составляют кольца, перстни, браслеты. Кольца гладкие, чаще всего сделанные из бронзы, реже железа, меди, серебра, золота, встречаются преимущественно в женских и детских погребениях по 1 экземпляру. В некрополе Пантикапея найдено 26 колец в 20 погребениях [ОАК 1863, с. 13, № 1, с. 10; 1868, с. 5; 1870, с. 5; 1879, с. 37; 1893, № 1, с. 23; ИАК 1900, 2/1899; 1902, 50/1901; 1904, 91/1902, 11/1902, 167/1902, 13/1902, 1907, 130/1904, 136/1904; 1909, 93/1905, 87/1905; 1913, 30/1909, 21/1910, 10/1910; 1914, 5/1911], в некрополе Нимфея – 4 кольца по одному в 4 погребениях [Силантьева 1959, № 2/1880; Грач 1999, А216, А166; Соловьев 2003, № 17], в некрополе Мирмекия – 1 кольцо [ИАК 1900, № 2/1899], в некрополе Тузлы – 6 колец в 4 погребениях [ИАК 1914, № 150/105, 173/128, 124/79, 141/96/1911], в некрополе Горгиипии – 3 кольца в 3 погребениях [Алексеева, № 16/1991-1992; Шевченко 2004, № 1, 8], в некрополе Артющенко-2 – 6 колец в 6 погребениях [Кашаев 2009, № 6, 10, 17, 47, 25, 50], в некрополе Тирамбы – 1 кольцо [Коровина 1987, № 106].

Перстни, которые, наряду с кольцами, украшали руки умерших, более широко представлены в погребениях Боспора. 53 экземпляра перстней найдено в 36 погребениях некрополя Пантикапея [ОАК 1863, с. 10, 13; 1864, с. 10; 1868, с. 5; 1871, с. 16; 1891, с. 14, с. 14-15; 1892, с. 31-32; 1893, с. 38; 1894, с. 29-30; ИАК 1904, 156/1902, 124/1902, 149/1902, 83/1902, 152/1902, 107/1902; 1905, 26/1903, 24/1903; 1907, 131/1904, 107/1904, 111/1904, 136/1904; 1909, 10/1905, 74/1905, 78/1905, 70/1905; 1910, 6/1907, 25/1907, 22/1907; 1913, 12/1909, 13/1909, 3/1909, 4/1909, 21/1910, 32/1910; 1914, 14/1911], 13 экз. – в 11 погребениях Нимфея [Силантьева 1959, № 7/1879; Грач 1999, А56, А76, А82, А96, А107, А126, А166; Соловьев 2003, № 13, 20, 41], 17 экз. – в 12 погребениях Мирмекия [ИАК 1905, 386/46, 353/13, 366/26, 377/37/1903; 1909, 93/15, 97/19, 100/22, 109/31, 121/43, 90/12, 97, 98/1906], 6 экз. – в 6 погребениях Тузлы [ИАК 1914, 73/28, 178/133, 126/81, 172/127, 67/22/1911; Кондрашев 2010, с. 58], 9 экз. – в 7 погребениях Горгиипии [Цветаева 1967, № 2; Алексеева 1991, № 6, № 24, 46/1992, № 8, 14/1999; Шевченко 2004, № 1], 9 экз. – в 4 погребениях Артющенко-2 [Кашаев 2009, № 24, 37, 45, 52], 20 экз. – в 10 погребениях Тирамбы [Коровина 1987, № 78, 84, 123, 130, 136, 137, 149, 163; Паромов, Сударев 2000, № 1, 2]. Найденные в некрополях перстни изготовлены из бронзы, железа, реже меди, серебра, золота. Их можно подразделить на несколько типов.

Наиболее широко были распространены перстни со сплошным выделенным щитком без вставок. Они представлены 10 экземплярами из Пантикапея [ОАК 1864, № 2, с. 10; 1891, с. 14-15; 1894, с. 293; ИАК 1904, 83/1902, 107/1902; 1910, 25/1907; 1913, 32/1910], 9 экз. – из Нимфея [Силантьева 1959, № 7/1879; Грач 1999, А82, А96, А107, А126, А166; Соловьев 2003, № 20, 41], 2 экз. – из Мирмекия [ИАК 1909, № 98, 109/31/1906], 3 экз. – из Горгиипии [Цветаева 1967, № 2; Алексеева, № 8/1999; Шевченко 2004, № 1], 6 экз. – из Артющенко-2 [Кашаев 2009, № 24, 45], 12 экз. – из Тирамбы [Коровина 1987, № 78, 84, 123, 136, 149; Паромов, Сударев 2000, № 1, 2]. Щитки в плане овальные или овально-ромбические, на некоторых имеются резные изображения. В большинстве случаев изображение сохранилось плохо, так что определить удалось только изображения льва, нападающего на лань; льва, терзающего быка; Эрота стоящего на коленях, с распростертыми руками; стоящую женскую фигуру; изображение стоящей фигуры, половая принадлежность которой не определена; изображение головы юноши; женского остова на перстнях из погребений Пантикапея; изображения сидящей женской фигурки в профиль; крылатой фигурки в профиль на перстнях из погребений Нимфея; растительный орнамент; изображение животных на перстнях из погребений Артющенко-2, изображения солярного знака с насечками по краям; изображение мужчины в рост на перстнях из погребений Тирамбы.

Перстни с различными вставками являются вторым по распространенности типом перстней в некрополях Боспора. 9 таких перстней обнаружены в погребениях Пантикапея

[ОАК 1863, с. 13; 1868, с. 5; 1893, с. 38; ИАК 1904, № 156/1902; 1910, № 25/1907; 1913, № 4/1909; 1914, № 14/1911], 3 – Мирмекия [ИАК 1905, № 377/37/1903; 1909, № 97/19, 109/31/1906], 2 – Горгиипии [Цветаева 1967, № 2; Алексеева, № 14/1999], 1 – Тирамбы [Коровина 1987, № 130]. Вставки сердоликовые, халцедоновые, стеклянные, гранатовые, горный хрусталь с различными изображениями, среди которых львица, шагающая вправо; фантастическое животное с человеческой бородатой головой, с рогами и телом быка; всадника, скачущего вправо; стоящая фигура; изображение Фортуны; человеческой головы; женской головы.

В некрополе Нимфея найдены 2 серебряных перстня из округлой в сечении проволоки, которые представляют отдельный круглопроволочный, многовитковый тип [Грач 1999, А56]. Медный перстень из двух проволок, обнаруженный в погребении Тузлы [ИАК 1914, 178/133/1911] и бронзовый перстень из пяти витков, обнаруженный в погребении Горгиипии [Алексеева, № 24/1992] также относятся к данной категории. В некрополе Пантикапея [ОАК 1863, № 1, с. 10] и Тузлы [ИАК 1914, 67/22/1911] найдены золотой и медный перстни в виде свернутой змеи. Следует отметить, что перстни встречаются в женских, детских, так и мужских погребениях. Чаще всего кольца и перстни находились на левой руке в одном экземпляре.

Браслеты являются еще одной категорией украшений рук. В некрополе Пантикапея их найдено 19 в 15 погребениях [ЗООИД 1852, № 31, с. 546; ОАК 1863, с. 15-16; 1868, с. 7, 9; 1892, с. 8; ИАК 1900, № 79/1899; 1904, № 145/1902, 414/226/1902; 1907, № 124/1904, № 106/1904, № 119/1904; 1909, № 90/1905; 1910, № 42/1907; 1913, № 4/1909; 1914, № 7/1911], в некрополе Нимфея – 7 в 5 погребениях [Силантьева 1959, 20-21/1876; Грач 1999, А55, А188, В3; Соловьев 2003, № 4], в некрополе Тузлы – 10 в 7 погребениях [ИАК 1914, 53/8, 96/51, 123/78, 76/31, 67/22, 141/96/1911; Кондрашев, № 48/2005,], в некрополях Горгиипии [Алексеева (в печ.), № 36/1992,], Тирамбы [Коровина 1987, № 123] и Мирмекия – по 1 [ОАК 1893, № 12, с. 152]. Представлены браслеты единичными экземплярами, среди которых 2 гладких браслета с шишечками на утолщенных концах [ИАК 1914, № 7/1911], 2 браслета, обрамленные листовым золотом [ОАК 1863, с. 15-16], браслет в виде спирально свернувшейся змейки из погребений Пантикапея [ОАК 1868, с. 7], 2 массивных браслета с гравированными львиными головками на концах [Грач 1999, А55], проволочный браслет с перевитыми концами [Грач 1999, А188], миниатюрный браслет с несомкнутыми концами, утолщенный в сечении из погребений Нимфея [Грач 1999, В3], браслет с изломанной привеской в виде колокольчика из погребения Мирмекия [ОАК 1893, № 12, с. 152], 2 браслета с поперечными каннелюрами [ИАК 1914, № 53/8/1911], 2 браслета с утолщением на концах [ИАК 1914, № 96/51/1911], браслет со змеиными головками на концах [ИАК 1914, 67/22/1911], браслет из уплощенной проволоки с закругленными разомкнутыми концами из погребений Тузлы [Кондрашев 2005, № 48], браслет с несомкнутыми краями, украшенный параллельными насечками из погребения Тирамбы [Коровина 1987, № 123]. Выполнены браслеты из бронзы и меди, в единичных случаях из железа, серебра, золота. Встречаются в детских и женских погребениях по 2 экземпляра, одетых на обе руки, либо по 1 экземпляру.

Украшения, являющиеся составной частью одежды, представлены фибулами, булавками, пуговицами, пряжками, бляшками, медальонами. В Пантикапее найдено 2 фибулы [ИАК 1904, № 56, 414/226/1902], в Нимфее – 4 [Грач 1999, А91, А 130, А159, А212], в Мирмекии – 1 [ИАК 1905, 352/12/1903]. В основном они сделаны из бронзы, реже из железа и представлены единичными экземплярами. К сожалению, сохранность фибул не позволяет установить их форму. Среди погребений с установленными половозрастными особенностями известно, что 2 фибулы найдены в 2 погребениях мужчин, в женском и коллективном захоронениях. Булавки представлены 4 экземплярами, происходящими из 3 погребений Пантикапея [ОАК 1868, с. 5; ИАК 1904, № 145/1902; 1913, № 30/1909]. Одна золотая булава найдена в женском погребении вместе с аметистом, украшена двумя золотыми розетками, медной застежкой, распавшимися бусами [ОАК 1868, с. 5].

3 пуговицы обнаружены в 3 погребениях некрополя Пантикапея [ОАК 1893, № 1, с. 23; ИАК 1910, № 42; 1913, № 34], 2 – медные, одна из которых найдена в детском погребении [ИАК 1910, № 42], 1 электровая [ОАК 1893, № 1, с. 23]. 1 серебряная пуговица открыта в коллективном погребении взрослого и ребенка некрополя Мирмекия [ИАК 1909, № 93/15/1906], 1 серебряная с неясным орнаментом в виде звезды с 6 лучами – в детском погребении Тузлы [ИАК 1914, 180/135/1911]. В погребении Мирмекия также обнаружена 1 золотая пуговица-брошка [ИАК 1909, № 109/31/1906].

Из имеющихся данных установить форму пряжек, которые также являются украшением данной категории, не представляется возможным. В некрополе Пантикапея их было найдено 4 экземпляра в 3 погребениях [ОАК 1863, с. 8; 1882-1889, с. 9; ИАК 1900, № 76/1899], 2 экз. из бронзы [ОАК 1882-1889, с. 9; ИАК 1900, № 76/1899] и 2 экз. из серебра [ОАК 1863, с. 8], в некрополе Нимфея – 1 железная пряжка в детском погребении [Грач 1999, А184], в некрополе Мирмекия – 1 бронзовая пряжка [ОАК 1889, № 3, с. 10].

В 1 погребении Пантикапея, совершенном по обряду кремации, найдено 5 золотых штампованных бляшек с изображением головы [ИАК 1911, 41(4)/1908], а в погребении Мирмекия 3, которые, вероятно, были нашиты на одежду в декоративных целях [ИАК 1909, № 109/31/1906]. Следует обратить внимание также на 2 серебряных медальона из 2 погребений Тузлы [ИАК 1914, № 73/28, 145/100/1911], один из которых с изображением Афродиты с двумя Эротами найден в детском погребении; 1 фрагмент серебряного медальона с орнаментом из детского погребения Нимфея [Грач 1999, А180]. Единичные экземпляры украшений, представленные 2 золотыми запонками, найдены в погребении Пантикапея [ОАК 1863, с. 8].

Рассмотрев многообразие украшений, найденных в погребениях, перейдем к их статистическому анализу. Следует подчеркнуть, что нам важно не просто сравнить количественные показатели украшений как единиц погребального инвентаря разных регионов, а рассмотреть их как комплекс, который характеризует конкретного человека, занимающего определенное место в общественной жизни, и связан с другими категориями погребального инвентаря. Количество видов украшений в одном погребении, наличие изделий из драгоценных металлов может выступать критерием имущественной характеристики.

Имеющиеся данные рассмотрим в рамках следующих периодов: 1) VI-V вв. до н.э.; 2) последняя треть V – начало IV вв. до н.э.; 3) IV в. до н.э.; 4) конец IV – начало III вв. до н.э.; 5) вторая половина III-II вв. до н.э.

Общее количество погребальных комплексов по отдельным периодам и районам демонстрирует разновеликие выборки, поэтому данные представлены как в абсолютных, так и относительных показателях. Абсолютные показатели характеризуют представительность признака в выборке, относительные – частость (в процентах). Проценты позволяют уравнивать разновеликие выборки, что особенно важно при сравнительном анализе. В рамках обозначенных периодов установлена взаимовстречаемость различных видов украшений в одном погребении, прослежена частота использования украшений из золота и серебра, определена норма распределения, которая показывает своеобразие рассматриваемых памятников; и тенденция признака, которая демонстрирует, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения. Сравнение тенденции признака позволило провести группировку и дифференциацию признаков на всеобщие, локальные и частные.

Ко всеобщим признакам относятся те группы украшений, тенденция признака которых находится в рамках $1,0 \pm 0,2$, что отражает самые общие черты погребального обряда, не зависящие от социальных характеристик индивида. Локальные признаки выступают характерными лишь для части сравниваемых выборок (минимум для двух) и свидетельствуют о поливариантности погребального обряда, зависящей от социальных,

идеологических, территориальных факторов. Частные признаки характерны лишь одной выборке и отражают ее индивидуальные черты [Генинг и др. 1990, с. 88-90].

Не все выборки в равной степени репрезентативны для отдельных этапов развития Боспора, поэтому в некоторых хронологических периодах не будут включены в сравнительный анализ (в таблице «0» – нет украшений в выборке, «–» – нет данных по некрополю). Несмотря на это, имеющиеся в распоряжении материалы позволяют наметить общую закономерность распределения погребений с украшениями.

Первый период охватывает VI-V вв. до н.э. – время колонизации Боспора Киммерийского, практически одновременного появления автономных общин. В рамках этого периода вокруг Пантикапея в пределах ближайшей к нему территории происходит формирование ядра государства. Данные по этому периоду приведены в табл. 1:

Пункт	VI-V вв. до н.э.			Тенденция признака
	Всего	Погребения с украшениями		
		Абс.	Отн.(%)	
Пантикапей	122	14	11,5	0,4
Нимфей	42	7	16,7	0,5
Мирмекий	2	0	0	0
Тузла	48	12	25,0	0,8
Горгиппия	13	5	38,5	1,2
Артющенко-2	20	11	55,0	1,7
Тирамба	15	8	53,3	1,6
Норма распред.	262	57	33,3	

Табл. 1. Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с украшениями VI-V вв. до н.э.

Сравнение тенденции признака по каждому некрополю VI-V вв. до н.э. (за исключением Мирмекия, степень репрезентативности выборки которого невелика) позволяет отнести погребения с украшениями к локальным признакам, которые характерны лишь для части сравниваемых выборок. При этом наблюдается сходство между некрополями Пантикапея и Нимфея, тенденция признака которых 0,4 и 0,5, Артющенко-2 и Тирамбы с тенденцией 1,7 и 1,6, Тузлы и Горгиппии, показатели которых – 0,8 и 1,2.

Установлено, что в рассматриваемых погребениях наиболее часто встречается по одному виду украшений. В Пантикапее таких погребений 12 (85,7%), Нимфее – 4 (57,1%), Тузле – 7 (58,3%), Горгиппии – 4 (80,0%), Артющенко-2 – 6 (54,5%), Тирамбы – 5 (62,5%). Взаимовстречаемость двух видов украшений в одном погребении наблюдается реже: Пантикапей – 2 (14,3%), Нимфей – 3 (42,9%), Тузла – 4 (33,4%), Горгиппия – 1 (20,0%), Артющенко-2 – 3 (27,3%), Тирамба – 3 (37,5%). Взаимовстречаемость трех видов украшений наблюдается в некрополе Артющенко-2 – 2 (18,2%) и четырех в некрополе Тузлы – 1 (8,3%).

В некрополе Пантикапея в 2 погребениях обнаружены украшения из золота и в 1 – из серебра; в некрополе Нимфея в 1 погребении – украшение из золота, в 3 погребениях – из серебра; в некрополе Тузлы 1 погребение содержит украшения из золота и серебра, 2 погребения – из серебра; в некрополе Горгиппии 1 погребение с украшением из серебра; в некрополе Артющенко-2 2 погребения содержат украшения из золота, 1 погребение – из золота и серебра, 4 погребения содержат украшения из серебра. В некрополе Тирамбы 1 погребение содержит украшение, сделанное из серебра.

Второй период – последняя треть V – начало IV вв. до н.э. В это время начинается завоевательная политика Спартокидов, происходит формирование «территориального» Боспорского государства, подчинение Феодосии, Нимфея, Горгиппии, активное освоение

новых земель в пределах Европейского Боспора и подчинение племен Прикубанья. Данные по этому периоду приведены в табл. 2:

Пункт	Последняя треть V – начало IV вв. до н.э.			Тенденция признака
	Всего	Погребения с украшениями		
		Абс.	Отн.(%)	
Пантикапей	104	22	21,2	0,8
Нимфей	27	11	40,7	1,6
Мирмекий	22	3	13,6	0,5
Тузла	19	3	15,8	0,6
Горгиппия	3	1	33,3	1,3
Артющенко-2	14	5	35,7	1,4
Тирамба	5	1	20,0	0,8
Норма распредел.	194	46	25,8	

Табл. 2. Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с украшениями последней трети V – начала IV вв. до н.э.

Тенденция совокупности по погребениям с украшениями последней трети V – начала IV вв. до н.э. некрополей Пантикапея 0,8 и Тирамбы 0,8, некрополей Мирмекия 0,5 и Тузлы 0,6, некрополей Горгиппии 1,3 и Артющенко-2 1,4, позволяют отметить сходство и отнести их к локальным признакам. Также к локальным признакам можно отнести показатели Нимфея и Артющенко-2 – 1,6 и 1,4 соответственно.

В некрополе Пантикапея в 10 (45,4%) погребениях встречается по одному виду украшений, в некрополе Нимфея – 7 (63,6%), некрополе Мирмекия – 3 (100%), некрополе Тузлы – 2 (66,7%), некрополе Горгиппии – 1 (100%), некрополе Артющенко-2 – 3 (50,0%), некрополе Тирамбы – 1 (100%). В 9 (40,9%) погребениях Пантикапея, в 3 (27,3%) погребениях Нимфея, в 1 (33,3%) погребении Тузлы, в 1 (25,0%) погребении Артющенко-2, найдено по два вида украшений. Взаимовстречаемость трех видов украшений наблюдается в 3 (13,6%) погребениях Пантикапея, 1 (9,1%) – Нимфея, 1 (25,0%) – Артющенко-2.

Изделия из драгоценных металлов присутствуют в 10 погребениях Пантикапея, из них золотые украшения – в 5 погребениях, серебряные – в 2 погребениях, украшения из золота и серебра – в 3 погребениях. В некрополе Нимфея в 1 погребении обнаружены украшения из золота и серебра, некрополе Тузлы – 1, Артющенко-2 – 1, Тирамбы – 1 погребения с серебряными украшениями.

В пределах третьего периода – IV вв. до н.э. происходит расцвет Боспорского государства, который охватывает конец правления Левкона I и Перисада I. Данные по этому периоду приведены в табл. 3.

Сравнение показателей тенденции признака по погребениям с украшениями IV вв. до н.э. некрополей Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Тузлы, которые составляет 0,9, 1,2, 1,0, 1,0 соответственно позволяют отнести их всеобщим. Это дает основание говорить о широком использовании в это время украшений в качестве погребального инвентаря во всех некрополях.

Имеющие в распоряжении выборки погребений IV вв. до н.э. репрезентативны только для некрополей Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Тузлы, рассмотрение которых свидетельствует о том, что в некрополе Пантикапея 30 (71,4%) погребений с одним украшением, в некрополе Нимфея 9 (75,0%), некрополе Мирмекия 9 (64,3%), некрополе Тузлы 6 (75,0%). Взаимовстречаемость двух видов украшений в некрополе Пантикапея наблюдается в 8 (19,1%) погребениях, в некрополях Нимфея в 1 (8,3%) погребении, в некрополе Мирмекия в 4 (28,6%) погребениях, в некрополе Тузлы в 2 (25,0%) погребениях.

Три вида украшений присутствуют в 3 (7,1%) погребениях Пантикапея, в 2 (16,7%) погребениях Нимфея. В этот период времени наблюдается 1 (2,4%) погребение Пантикапея с четырьмя видами украшений, 1 (7,1%) погребение Мирмекия с пятью видами украшений.

Пункт	IV вв. до н.э.			
	Всего	Погребения с украшениями		Тенденция признака
		Абс.	Отн.(%)	
Пантикапей	166	42	25,5	0,9
Нимфей	34	12	35,3	1,2
Мирмекий	51	14	27,5	0,9
Тузла	27	8	29,6	1,0
Горгиппия	1	0	0	0
Артющенко-2	–	–	–	–
Тирамба	3	0	0	0
Норма распред.	281	76	29,5	

Табл. 3. Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с украшениями IV вв. до н.э.

В 6 погребениях Пантикапея присутствуют золотые вещи, в 1 – украшения из золота и серебра, в 3 – украшения из серебра. В 1 погребении Нимфея найдено украшение из золота и серебра. В некрополе Мирмекия 1 погребение содержит золотое и серебряное украшения, 3 – серебряные. В 3 погребениях Тузлы обнаружены золотые украшения.

Четвертый период охватывает конец IV – начало III вв. до н.э. В это время в государстве происходят серьезные изменения, условно определяемые как кризисные. Данные по этому периоду приведены в табл. 4:

Пункт	Конец IV – начало III вв. до н.э.			
	Всего	Погребения с украшениями		Тенденция признака
		Абс.	Отн.(%)	
Пантикапей	53	22	41,5	0,9
Нимфей	10	3	30,0	0,6
Мирмекий	17	11	64,7	1,4
Тузла	5	4	80,0	1,7
Горгиппия	9	4	44,4	0,9
Артющенко-2	–	–	–	–
Тирамба	22	5	22,7	0,5
Норма распред.	116	49	47,2	

Табл. 4. Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с украшениями конца IV – начала III вв. до н.э.

Полученные показатели тенденции признака конца IV – начала III вв. до н.э. Пантикапея – 0,9 и Горгиппии – 0,9, Нимфея – 0,6 и Тирамбы – 0,5, Мирмекия – 1,4 и Тузлы – 1,7 позволяют отнести их к локальным и отметить сходство данных некрополей.

Исходя из анализа встречаемости ювелирных изделий в одном погребении установлено, что в некрополе Пантикапея 13 (59,1%) погребений содержат один вид украшений, в некрополе Нимфея таких погребений 3 (100%), в некрополе Мирмекия – 10

(90,9%), в некрополе Тузлы 1 (25,0%), в некрополе Горгиппии 2 (50,0%), в некрополе Тирамбы 3 (60,0%). В 4 (18,2%) погребениях некрополя Пантикапея присутствует два вида украшений, в 1 (9,1%) погребении некрополя Мирмекия, в 1 (25,0%) – Тузлы, 1 (25,0%) – Горгиппии, 2 (40,0%) – Тирамбы. Взаимовстречаемость трех видов украшений выявлена только в некрополе Пантикапея – 4 (18,2%) погребения, в некрополе Тузлы – 1 (25,0%) погребение, четырех видов украшений в некрополе Пантикапея – 1 (4,5%) погребение, в некрополе Тузлы – 1 (25,0%) погребение, в некрополе Горгиппии – 1 (25,0%).

Среди всего многообразия погребений некрополя Пантикапея украшения из золота найдены в 2 из могил, из золота и серебра в 1, из серебра в 6, в некрополе Тузлы 1 погребение с украшением из серебра, в некрополе Горгиппии 1 погребение с украшением из золота, 1 – из золота и серебра, в некрополе Тирамбы 1 погребение с украшением из золота.

Пятый период – вторая половина III-II вв. до н.э. – наблюдается относительная стабилизация развития Боспора, при этом государство не представляет монолитного политического образования. Данные по этому периоду представлены в табл. 5:

Пункт	Вторая половина III-II вв. до н.э.			
	Всего	Погребения с украшениями		Тенденция признака
		Абс.	Отн.(%)	
Пантикапей	21	15	71,4	1,4
Нимфей	26	13	50,0	1,0
Мирмекий	4	1	25,0	0,5
Тузла	4	4	100	2,0
Горгиппия	23	8	34,8	0,7
Артющенко-2	–	–	–	–
Тирамба	10	2	20,0	0,4
Норма распр.	88	43	50,2	

Табл. 5. Суммарная характеристика и тенденция признака по погребениям с украшениями второй половины III-II вв. до н.э.

Во второй половине III-II вв. до н.э. наблюдается сходство между некрополями Пантикапея и Нимфея, с показателями признака 1,4 и 1,0, между некрополями Мирмекия, Тирамбы и Горгиппии показатель тенденции которых 0,5, 0,4 и 0,7. Отличительный показатель тенденции признака некрополя Тузлы – 2,0 подчеркивает его своеобразие, что характерно для частных признаков.

Полученные результаты свидетельствуют, что в некрополе Пантикапея по одному виду украшений обнаружено в 4 (26,7%) погребениях, в некрополе Нимфея – в 8 (61,5%), в некрополе Горгиппии – 4 (50,0%), в некрополе Тирамбы – 1 (50,0%). Взаимовстречаемость двух видов украшений обнаружена в 5 (33,3%) погребений Пантикапея, в 3 (23,1%) погребений Нимфея, в 1 (100%) погребении Мирмекия, в 4 (100,0%) погребениях Тузлы, в 4 (50,0%) погребениях Горгиппии, в 1 (50,0%) погребениях Тирамбы. В 3 (20,0%) погребениях Пантикапея, в 2 (15,4%) погребениях Нимфея присутствуют по три вида украшений, в 3 (20,0%) погребениях Пантикапея обнаружено по 5 видов украшений.

6 погребений Пантикапея с украшениями из золота, 3 с украшениями из золота и серебра, 1 погребение Нимфея с украшением из золота и 1 – из серебра, 1 погребение Тузлы содержит украшения из золота и 1 украшения из серебра, 1 погребение Горгиппии содержит украшение из серебра.

Проведенное исследование грунтовых некрополей различных центров Боспорского царства дает представление о наборе украшений, которые были характерными для боспорян в VI-II вв. до н.э. Все многообразие форм представлено различными типами украшений

головы, шеи, рук, одежды. При этом венки, головные повязки, спиралевидные подвески, серьги, ожерелья, гривны, наборные украшения, кольца, браслеты, булавки, пуговицы характеризуют преимущественно в женские и детские погребения. Перстни, фибулы, пряжки не являются отличительными признаками полов, встречаются как во взрослых, так и детских захоронениях. Исходя из численных показателей, можно утверждать, что бусы, серьги, кольца и перстни были наиболее излюбленными и доступными видами украшений во все периоды. Предметы хотя и одинаковы по форме, все же значительно различаются друг от друга, что является показателем отсутствия их серийного производства.

Распределение погребений с украшениями (%) некрополей Боспора по периодам представлено на рис. 1:

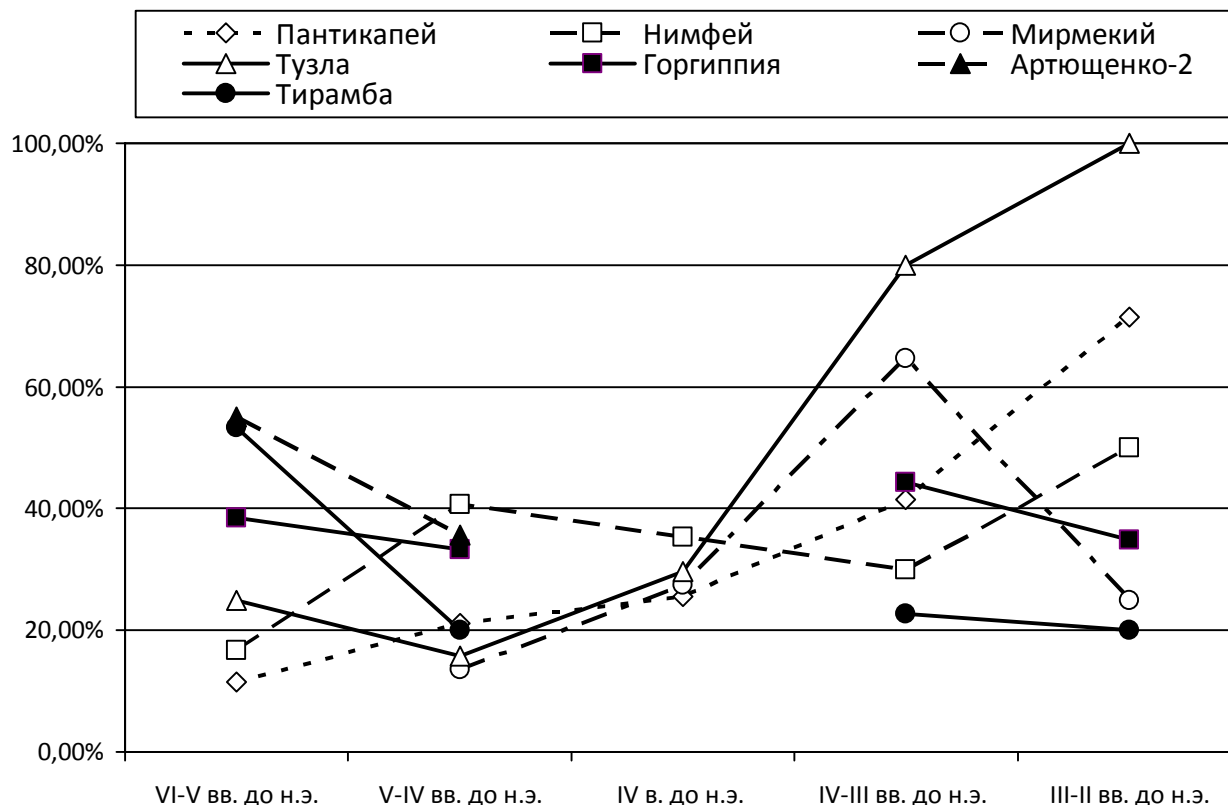

Рис. 1. Погребения с украшениями в некрополях Боспора VI-II вв. до н.э. (на основе табл. 1-5)

Fig. 1. Burials with jewelry in the necropolises of the Bosphorus in VI-II centuries BC (based on Tables 1-5)

Судя по графику можно отметить рост количества украшений в Пантикапее на протяжении VI-II вв. до н.э., что дает основание говорить о стабильном положении и развитии столицы Боспорского царства. Рядовое среднестатистическое население, захоронение которого осуществлялось в грунтовых некрополях, по всей видимости, не испытывало особо существенных потрясений. Нимфей – один из важных в экономическом и политическом отношении городов Европейского Боспора демонстрирует уменьшение количества погребений с украшениями с рубежа V-IV вв. до н.э. до рубежа IV-III вв. до н.э. Данное явление приходится как раз на период вхождения полиса в государственную систему, что, вероятно, проходило не совсем спокойно и благоприятно, как и первое время существования его в составе Боспорского царства. Вновь увеличение количества погребений с украшениями в данном некрополе наблюдается только с конца III-II вв. до н.э.

Мирмекий, который также представляет Европейскую часть государства, демонстрирует увеличение количества погребений с украшениями до конца IV – начала III вв. до н.э. Это могло быть связано с изначальным вхождением данного центра в состав ядра Боспорского государства, которое было сформировано вокруг Пантикапея еще в VI-V вв. до н.э. и относительно неизменным продолжительным его развитием. Кризисные явления в государстве на рубеже IV-III вв. до н.э., связанные с политической борьбой за власть, экономическая и финансовая нестабильность, вероятно, сказались на развитии Мирмекия. В конце III-II вв. до н.э. сокращается количество погребений с украшениями.

Центры Азиатского Боспора, представленные некрополями Тузлы, Горгиппии, Артющенко-2, Тирамбы демонстрируют сходство динамики распределения погребений с украшениями на протяжении рассматриваемого периода, за исключением некрополя Тузлы. Во всех некрополях достаточно высокие показатели количества погребений с украшениями в период колонизации региона, в сравнении с Европейскими памятниками. К последней трети V – началу IV вв. до н.э. наблюдается временное сокращение их количества, которое в последующее время вновь увеличивается. В некрополях Горгиппии и Тирамбы в конце IV – начале III вв. до н.э. достигается максимум погребений с украшениями, после чего к концу III-II вв. до н.э. число захоронений с этой категорией инвентаря сокращается. В некрополе Тузлы количество погребений с украшениями, начиная с IV вв. до н.э., увеличивается до конца III-II вв. до н.э. Данные трансформации происходят по мере изменения ситуации в регионе.

Сравнительный анализ тенденции признака по погребениям с украшениями показал, что только в IV в. до н.э. украшения принадлежат ко всеобщим признакам. Это свидетельствует о том, что они были общераспространенной категорией погребального инвентаря, элементом костюма. Это могло быть связано с установлением территориального единства Боспора и усилением власти Спартокидов, привести к некоторой унификации в культуре.

В остальных случаях наблюдаются существенные различия в отдельных группах выборок на разных отрезках времени. Сходство наблюдается между некрополями Пантикапея и Нимфея в VI-V вв. до н.э. и в конце III-II вв. до н.э., Мирмекием и Тузлой в последней трети V – начале IV вв. до н.э. и в конце IV – начале III вв. до н.э. Разнообразие типов украшений и отсутствие устойчивых комплектов демонстрирует своеобразие каждого центра в погребальной обрядности. Такая ситуация может быть обусловлена особенностями экономического развития.

Высокие показатели тенденции признака одних центров и низкие других позволяют говорить о том, что население одних городов было более имущественно дифференцировано, чем население других.

Проведенный анализ взаимовстречаемости нескольких категорий украшений в одном погребении позволяет поднимать вопросы имущественного статуса погребенных. Так, погребения, которое содержит 1-2 вида украшений, скорее будут соответствовать низкому материальному достатку человека. Средние слои, вероятно, будут характеризовать 3 и более видов украшений. Исходя из такого предположения, VI-V вв. до н.э. во всех рассматриваемых некрополях за исключением Артющенко-2 и Тузлы было относительно однородное население. В связи с тем, что в этот период времени проходили колонизационные процессы, и греки только заселяли новые земли данное положение вполне закономерно. Начиная с конца V в. до н.э., вероятно, начинается выделение зажиточного слоя в Пантикапее и Нимфее, который сохраняется вплоть до II в. до н.э. Что касается Мирмекия и Горгиппии, то здесь наблюдаются вероятное выделение более имущественно состоятельного населения во второй половине IV в. до н.э. и на рубеже IV-III вв. до н.э. соответственно. Судя по имеющимся данным погребений с украшениями в имущественном плане городское население Тирамбы сравнительно однородно. Особого внимания заслуживают некрополи Артющенко-2 и Тузла, в которых уже на раннем этапе развития Боспора присутствовало состоятельное население. Начиная с конца V в. до н.э. в этих

центрах намечається упадок розвитку. Но положення Тузлы в кінці IV – початку III вв. до н.е. знову стабілізується.

Погребення з укрощеннями з драгоцінних металів доповнюють висновок про зміни в майновому положенні населення різних центрів Боспора. Так, наприклад, в Пантикапеї в VI-V вв. до н.е. погребення з драгоцінними металами становлять 21,4%, а вже в останній третині V – початку IV вв. до н.е. – 45,4%. Зменшення кількісних показників в IV в. до н.е. пояснюється появою багатих курганних захоронень. При цьому вже з рубежу IV-III вв. до н.е. драгоцінні метали і камені починають більш широко присутувати в погребеннях (41,0%, 60,0%), що може демонструвати достатньо стабільний достаток рядових громадян столиці Боспора. В некрополі Мирмекія в IV в. до н.е. максимально широко присутують укрощення з драгоцінних металів (28,5%), в некрополі Горгіпії в кінці IV – початку III вв. до н.е. (50,0%), що збігається по часу з взаємодією трьох і більш видів укрощень в одному погребенні. Виходячи з цього, підтверджується ідея збільшення в ці періоди часу майнових категорій населення в цих центрах.

Проаналізований матеріал і отримані результати характеризуються певною умовністю в силу різноманітності вибірок, все ж дозволяють зробити деякі висновки. Порівняння некрополів за використанням укрощень в погребальній церемонії свідчить про те, що погребальний ритуал не регламентував постійного комплексу укрощень. Вони не були обов'язковим елементом погребальної церемонії ні в одній з вікових груп. Їх використання було епізодичним. Лише в IV в. до н.е. проявляється звичай використовувати укрощення при захороненні померлих, головним чином жінок і дітей. Варіації, які ми спостерігаємо в ході дослідження, могли залежати від соціального розвитку суспільства, його майнової стабільності.

Зроблені спостереження про соціальні зміни необхідно розглядати як попередні, т.к. аналізувалися дані некрополів тільки за одним показником погребальної інвентаря, включення в аналіз інших категорій інвентаря може бути темою подальших досліджень.

Венцова М.І.

ПРИКРАСИ З ҐРУНТОВИХ НЕКРОПОЛІВ БОСПОРУ VI-II СТ. ДО Н.Е.

У статті з'ясовано, що прикраси не були загальнообов'язковим елементом поховального обряду греків Боспору протягом VI-II ст. до н.е. Кожен центр держави мав свої особливості, які залежали від соціального розвитку населення, його майнового розширення. Лише в IV ст. до н.е. простежується деяка уніфікація щодо вживання прикрас в поховальній практиці, головним чином, яку можна пов'язати з певними політичними та економічними процесами. Аналіз кількісних показників прикрас в одному похованні та використанні ювелірних виробів із дорогоцінних металів дають змогу стверджувати, що на ранньому етапі розвитку Боспору населення особливо не вирізнялось за майновими ознаками та соціальним станом, за виключенням окремих регіонів. Протягом V-II ст. до н.е. розвиток кожного центру мав індивідуальні властивості. Зокрема, в Пантикапеї та Нимфеї заможні стани виокремлюються на рубежі V-IV ст. до н.е. та зберігаються до II ст. до н.е. Щодо Мирмекія, Тузлы, Горгіпії, Артющенко-2, Тирамби, то майнове положення не було сталим.

Ключові слова: Боспор, поховальний обряд, ґрунтові некрополі, поховальний інвентар, прикраси.

Ventsova M.I.

JEWELRY FROM THE BOSPORUS NECROPOLISES VI-II CENTURIES B.C.

The paper revealed that the jewelry were not obligatory element of funeral ceremony of the Greeks of Bosphorus kingdom VI-II century BC. Each center of the state had its own characteristics, which depended

on the social development of the population, its property stratification. Only in IV centuries BC one can trace some standardization on the use of ornaments in funeral practice, that can be mainly associated with political and economic processes. Analysis of quantitative figures of decorations in one grave and use of jewelry made of precious metals make it possible to assert that in the early stage of the Bosporus the population was not distinguished according to the property and social status, with the exception of some regions. For V-II century BC development of each center had its individual properties. In particular, in Panticapaeum and Nymphaion, the well-off groups are distinguished on the turn of V-IV century BC and remained until the second century BC. As for property status of population of Myrmekion, Tuzla, Gorgippia, Artyuschenko-2, Tyramby it was not constant.

Keywords: Bosporus, burial ceremony, necropolis, grave goods, jewelry.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1982. – 105 с.
- Алексеева Е.М.** Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа / Е.М. Алексеева. – М., 1991. – 144 с.
- Алексеева Е.М.** Раскопки некрополя Горгиппии (в печати).
- Бессонова С.С.** Раскопки некрополя Пантикапея в 1963 – 1964 гг. / С.С. Бессонова // СА. – 1969. – № 1. – С. 137-146.
- Галанина Л.К.** Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье / Л.К. Галанина // АСГЭ. – 2003. – Вып. 36. – С. 188-267.
- Генинг В.Ф.** Формализационно-статистические методы в археологии / [В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков]. – К., 1990. – 304 с.
- Грач Н.Л.** Некрополь Нимфея / Н.Л. Грач. – СПб., 1999. – 328 с.
- Думберг К.Е.** Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. / К.Е. Думберг // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 80-93.
- Думберг К.Е.** Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. / К.Е. Думберг // ИАК. – 1902. – Вып. 2. – С. 40-60.
- Записки** Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). – Т. 3. – Одесса, 1853. – С. 540-552.
- Зинько В.Н.** Оранные исследования в Керчи / В.Н. Зинько // Бахчисарайские историко-археологический сборник. – Вып. 1. – Симферополь, 1997. – С. 67-75.
- Кашаев С.В.** Находки из золота в некрополе Артющенко-2 (к вопросу о ювелирном производстве на Боспоре) / С.В. Кашаев // Боспорские чтения. – 2010. – Вып. XI. – С. 191-197.
- Кашаев С.В.** Некрополь Артющенко-2 / С.В. Кашаев // БИ. – 2009. – Вып. XXII. – С. 188-267.
- Коровина А.К.** Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) / А.К. Коровина // СГМИИ. – 1987. – Вып. VIII. – С. 3-70.
- Коровина А.К.** Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории / А.К. Коровина // ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 104-110.
- Коровина А.К.** Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы / А.К. Коровина // СГМИИ. – 1987. – Вып. VIII. – С. 137-145.
- Кондрашев А.В.** Отчет об исследовании грунтового могильника у мыса Тузла в 2005 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. 485. – 88 с.
- Кондрашев А.В.** Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове / А.В. Кондрашев // СУМВОЛА. – 2010. – Вып. 1. – С. 118-124.
- Мирошина Т.В.** Греческие головные украшения Северного Причерноморья / Т.В. Мирошина // КСИА. – 1983. – Вып. 83. – С. 10-17.
- Мордвинцева В.И.** Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. / В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер: в 3-х т. – Симферополь; Бонн, 2007.
- Новичихин А.М.** Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппия в 1987 г. / А.М. Новичихин // ВДИ. – 2009. – № 1. – С. 110-118.
- ОАК** за 1862 год. – СПб., 1863.
- ОАК** за 1863 год. – СПб., 1864.
- ОАК** за 1866 год. – СПб., 1868.

ОАК за 1868 год. – СПб., 1870.

ОАК за 1869 год. – СПб., 1871.

ОАК за 1876 год. – СПб., 1879.

ОАК за 1882-1889 годы. – СПб., 1891.

ОАК за 1889 год. – СПб., 1892.

ОАК за 1891 год. – СПб., 1893.

ОАК за 1892 год. – СПб., 1894.

Паромов Я.М. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») / Я.М. Паромов, Н.И. Сударев // Древности Боспора. – 2000. – Т. 3. – С. 201-220.

Силантьева Л.Ф. Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора / Л.Ф. Силантьева // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – Л., 1979. – С. 49-58.

Сорокина Н.П. Предметы, связанные с культами и магией, из погребений Кепского некрополя VI-II вв. до н.э. / Н.П. Сорокина, Н.И. Сударев // БФ: матер. междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – Ч. 1. – С. 133-139.

Трейстер М.Ю. Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана / М.Ю. Трейстер // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII – I вв. до н.э.: материалы междунар. конф. – СПб., 2006. – С. 164-190.

Трейстер М.Ю. Об одной из боспорских мастерских торевтики IV в. до н.э. / М.Ю. Трейстер // Боспорский город Нимфей: тез. докл. междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 75-77.

Салов А.И. Новые находки в Анапе / А.И. Салов, Т.М. Смирнова // КСИА. – 1972. – Вып. 130. – С. 53-61.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея / Л.Ф. Силантьева // МИА. – 1959. – № 69. – С. 5-107

Скржинская М.В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода / М.В. Скржинская // Ольвия и ее округа. – К., 1986. – С. 112-126.

Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея / С.Л. Соловьев. – СПб., 2003. – 212 с.

Цветаева Г.А. Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г. / Г.А. Цветаева // КСИА. – 1967. – Вып. 109. – С. 136-139.

Шевченко Н.Ф. Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. / Н.Ф. Шевченко // МИАК. – 2004. – Вып. 4. – С. 186-211.

Шестаков С.А. Охранные раскопки и наблюдения в Эльтигене / С.А. Шестаков // Научный сборник Керченского заповедника. – Симферополь, 2011. – С. 287-301.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1903. – Вып. 7. – С. 74-93.

Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 73-177.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1905. – Вып. 17. – С. 1-76.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 1-66.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1909. – Вып. 30. – С. 1-50.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1909. – Вып. 30. – С. 73-177.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1910. – Вып. 35. – С. 12-47.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1911. – Вып. 40. – С. 62-91.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1913. – Вып. 47. – С. 1-41.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1913. – Вып. 47. – С. 42-72.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1914. – Вып. 56. – С. 1-74.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году / В.В. Шкорпил // ИАК. – 1916. – Вып. 60. – С. 7-35.

Горбов В.Н., Божко Р.П., Кушнир В.В.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ КАЛЬМИУС И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Реферат: В 2010-2012 гг. в г. Мариуполе на территории крепости Кальмиус – центра Кальмиусской паланки Войска Запорожского впервые были проведены археологические раскопки. На исследованном памятнике были выявлены слои разной степени сохранности – неолита, эпохи бронзы, раннего средневековья, XVIII-XX вв. Актуальность данной статьи состоит в комплексной публикации наиболее значимых результатов исследований ранее неизвестного поселения Кальмиус. Цель статьи – проанализировать коллекцию артефактов неолитического времени, установить связь поселения с Мариупольским могильником, а также рассмотреть полученные материалы XVIII в. в связи с историей крепости Кальмиус и ранним периодом истории г. Мариуполя. Для достижения этой цели была детально рассмотрена выразительная коллекция неолитической керамики, проанализированы формы и система орнаментации сосудов, выявлены синкретические черты. Было исследовано помещение XVIII в., которое имело глубокий котлован с опорными столбами. Здесь найдены фаянсовые помадницы, турецкая курительная трубка, корабельные гвозди. Материалы позволили атрибутировать котлован как временное хозяйственное помещение казаков из крепости Азов. Был изучен керамический комплекс, относящийся к периоду существования крепости Кальмиус (турецкие керамические и голландская фаянсовая трубки, расписная столовая посуда).

Ключевые слова: крепость Кальмиус, Войско Запорожское, неолит, Мариупольский могильник, крепость Азов.

Summary: In 2010-2012 in Mariupol within Kalmius fortress – the centre of Kalmius Palanka of Zaporozhian Army, were firstly carried out the archaeological excavations. The examined monument was layered. The revealed layers have different degree of safety – from the Neolithic, the Bronze Age, the early Middle Ages and XVIII century to the XX century. The relevance of the present article is a comprehensive publication of the most important research results of a previously unknown settlement Kalmius. The purpose of the article is to analyze the collection of Neolithic artifacts, establish a connection with the settlement of Mariupol burial ground, and to consider the submissions received in the XVIII century in connection with Kalmius fortress history and the early period of the Mariupol's history. To achieve this purpose there has been considered in detail the expressive collection of Neolithic pottery, analyzed the shape and ornamentation of the vascular system, identified syncretic features. The materials from premises of XVIII century, which had a deep pit with supporting pillars, were investigated (earthenware pomade boxes, Turkish tobacco pipe, ship nails). These findings allowed define this premises as a utility room of Cossack's Azov Fortress. Besides there has been studied pottery complex belonging to the period of existence of the Kalmius fortress (Turkish and Dutch delft ceramic tube, painted tableware).

Keywords: Kalmius fortress, Zaporozhian Army, Neolith, Mariupol's burial ground, Azov fortress.

Кальмиусская крепость, бывшая центром Кальмиусской паланки Войска Запорожского, до недавнего времени была известна только по письменным источникам и случайным находкам казацкого периода на территории г. Мариуполя. Известно, что крепость располагалась на высоком правом берегу недалеко от устья р. Кальмиус. Однако внешние признаки существования крепости в настоящее время отсутствуют, так как остатки валов и рвов были уничтожены в 1845 г. Благодаря картографическим наблюдениям мариупольских исследователей, было определено примерное место расположения крепости.

В 2010-2012 гг. Приазовской археологической экспедицией (рук. В.Н. Горбов) совместно с Мариупольским краеведческим музеем (директор О.М. Чаплинская), Мариупольским государственным университетом (рук. студенческой практики В.О. Забавин), при поддержке казацких организаций (рук. А.В. Безручко), мариупольских краеведов и волонтеров были проведены археологические раскопки. Общая исследованная площадь составила более 120 м² при мощности культурного слоя до 1,9 м. Памятник

оказался многослойным. Выявлены слои разной степени сохранности, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, салтово-маяцкой культуре, XVIII-XX вв.

Нижний слой памятника, представлявший собой гумусированный песок интенсивно черного цвета (рис. 1), относится к неолитическому поселению Кальмиус. Коллекция фрагментированной керамики, полученная в результате исследования этого слоя, немногочисленна, но весьма выразительна. Это позволяет дать ее культурно-хронологическую оценку. В тесте – примесь песка, слюды, неопределенной органики. Черепок достаточно плотный, цвет поверхности красный, коричневый, реже – приближающийся к черному. Все фрагменты венчиков сосудов (за исключением одного) орнаментированы. Орнамент наносился зубчатым штампом, реже – прочерченными линиями.

Преобладают сосуды с плавной профилировкой, выраженной шейкой, раздутым туловом. Они орнаментированы различными композициями зубчатого штампа, в том числе, в виде ломаных линий (рис. 2, 6, 10), реже – в виде вертикальной елочки (рис 3, 6). Встречены композиции оттисков штампа с “резервной” зоной между ними (рис. 2, 3, 5, 7).

Наибольший интерес представляют сосуды с косо срезанным внутрь краем венчика, орнаментированным зубчатым штампом (рис. 2, 3, 5, 10). Встречается орнамент на внутренней части венчика (рис. 2, 2; 3, 10). Это характерные признаки I-A периода азово-днепровской культуры [Котова 1990, с. 40]. Показателен фрагмент сосуда, орнаментированный косыми оттисками штампа и двумя рядами горизонтально расположенных ромбов, стыкующихся вершинами, с “резервной зоной” между ними; косо срезанный край венчика орнаментирован оттисками зубчатого штампа (рис. 2, 5). Близкую аналогию как по форме, так и орнаментации находим на сосуде, происходящем из нижнего слоя пос. Семеновка, относящегося к I-A периоду азово-днепровской культуры [Котова 2002, рис. 62, 36]. Наибольший интерес представляет керамика синкретического облика, отражающая контакты трех культур. Например, сочетание в орнаментации одного сосуда оттисков сегментовидного штампа, характерного для азово-днепровской культуры с вдавлениями, характерными для поздней сурской культуры (рис. 4, 3) [Котова, Тубольцев 1992, рис. 2]. Ряды вдавлений в сочетании с оттисками сегментовидного штампа встречаются на сосудах округлых форм (рис. 1, 9), близких к нижнедонской культуре [Котова 2002, рис. 71, 45, 48].

Большой интерес представляет фрагмент сосуда, со стенками, сужающимися книзу и расширяющимися в придонной части, орнаментированной зубчатым штампом (рис. 4, 2). Практически аналогичный фрагмент найден во втором горизонте поселения Раздорское [Кияшко 1994, рис.4, 8], отнесенного к первому этапу нижнедонской культуры [Котова 2002, рис. 72, 5].

Найдено еще несколько фрагментов нижних частей сосудов с орнаментированным дном и придонной частью; при этом дно, как правило, вогнуто (рис. 2, 4, 5, 9, 11, 12). Подобная формовка дна фиксируется на памятниках, расположенных в зоне контакта азово-днепровской и днепро-донецкой [Котова 1990, рис. 4, 4] или азово-днепровской и буго-днестровской [Товкайло 1990, рис. 2] культур. Сочетание орнаментированной нижней части сосудов с вогнутым орнаментированным дном, возможно, является особенностью местной керамической традиции.

В слое найден штамп для орнаментации керамики, у которого три зубца сохранились, один отломан (рис. 4, 1). Он сделан из расколотой вдоль трубчатой кости мелкого копытного, что и определило сегментовидную форму рабочей части и ее оттисков. Оттиски подобных штампов зафиксированы на керамике с поселения.

Исследователями уже отмечалось, что бассейн р. Кальмиус был местом, где смыкались территории нижнедонской, азово-днепровской и сурской культур [Котова, Тубольцев 1992, с. 22]. Естественно, что материальная культура поселений, находящихся в контактной зоне, имела синкретический характер. Однако культурная доминанта на разных неолитических

поселениях указанных регионов различалась. Керамический комплекс неолитического слоя поселения Раздольное (среднее течение р. Кальмиус) отнесен ко второму этапу нижнедонской культуры, при этом в нем прослеживается влияние традиций сурской культуры [Котова Тубольцев 1992, с. 19; Котова 2002, с. 27]. В то же время неолитический комплекс исследованного нами памятника, расположенного в устье Кальмиуса, имеет облик I-A периода азово-днепровской культуры с некоторыми инокультурными заимствованиями.

Существенно, что оба памятника находятся на правом берегу р. Кальмиус. Возможно, на этой территории в эпоху неолита сосуществовали две культуры. Есть вероятность, что они могли сменить друг друга на данной территории, так как поселения разновременны. Для подтверждения того или другого предположения у нас на данном этапе информации нет.

Азово-днепровская и нижнедонская культуры, вслед за И.Б. Васильевым, отнесены Н.С. Котовой к Мариупольской культурно-исторической общности [Котова 2002, с. 24]. Необходимо сделать некоторое уточнение. Могильник у с. Съезжее [Васильев, Матвеева 1979] можно синхронизировать только с поздними этапами указанных культур. Вероятно, первые периоды азово-днепровской и нижнедонской культур следует выделить в ранний этап Мариупольской культурно-исторической общности, которая только на позднем (финальном) этапе занимает территориальные границы, определенные И.Б. Васильевым от Урала до Приднепровья [Васильев, Матвеева 1979, с. 165].

На памятнике найдена значительная коллекция изделий из кремня [Коваль, Дегерменджи 2013]. Среди находок неолитического времени выделяется изделие из мелкозернистого песчаника, верхняя часть которого украшена углубленным орнаментом (рис. 4, 4). Нижняя рабочая поверхность, арковидная в сечении, имеет желобок по длинной оси. Интерпретация изделия проблематична. Его нельзя отнести к так называемым “утюжкам” (“челнокам”), непременным атрибутом которых являются желобки в верхней части изделия. Именно поэтому данную категорию предметов называют “поперечно-желобчатыми изделиями” [Усачева 2006, с. 4]. У нашего изделия такие желобки отсутствуют. Рабочая поверхность сближает его с выпрямителями древков стрел, однако у них желобок проходил по длинной оси через все изделие. При совмещении двух половинок выпрямителя создавалось сквозное отверстие. В изделии с пос. Кальмиус продольный желобок не доходил до концов, что не позволяет считать его выпрямителем. Этот факт, а также форма сближает его с артефактом из песчаника, найденным на неолитической стоянке Старица-XVIII в Среднем Подонцовье [Горелик и др. 2006, рис. 8, 2]. Последний был определен как абразив для подправки костяных или деревянных острий [Горелик и др. 2006, с. 24]. Но, в отличие от сплошного желобка на изделии с пос. Кальмиус, на старицком экземпляре было шесть проточин. Таким образом, прямых аналогий мы не знаем. Судя по выбору материала и характеру сработанности, это, скорее всего, абразив, характер использования которого пока непонятен.

На левом берегу р. Кальмиус. в 1930 г. Н.Е. Макаренко исследовал знаменитый Мариупольский могильник, находившийся, по его данным, в двух километрах на восток от рыночной площади г. Мариуполя [Макаренко 1933, с. 7]. Однако, в соответствии с картами и фотографиями того времени, могильник располагался к северо-востоку от указанной привязки. Создается впечатление, что Н.Е. Макаренко дал заведомо неверный словесный ориентир, что, вероятно, было связано с режимом секретности при строительстве стратегического объекта – металлургического комбината “Азовсталь”. Исследуемый нами памятник находится на небольшом расстоянии к востоку от бывшей рыночной площади. Мариупольский могильник, таким образом, располагался к северо-востоку от поселения.

Н.С. Котова по целому ряду признаков отнесла Мариупольский могильник к нижнедонской культуре [Котова 2002, с. 26]. В соответствии с предложенной ею культурно-хронологической схемой, неолитический слой поселения Кальмиус следует синхронизировать как с первым этапом этой культуры, так и с вытянутыми на спине неокрашенными погребениями Мариупольского могильника [Котова 2002, с. 27]. В

могильнике не было найдено керамики, что затрудняет возможность его соотнесения с поселенческим материалом. Тем значимее найденный в засыпке могил единственный фрагмент сосуда, придонная часть которого орнаментирована зубчатым штампом [Макаренко 1933, рис. 91, 411]. Расположение и техника нанесения орнамента сближают его как с упоминавшейся выше керамикой второго слоя Раздорского, так и с фрагментом, найденным на поселении Кальмиус (рис. 4, 2). В засыпке были обнаружены и кремневые трапеции, близкие найденным на исследованном памятнике [Коваль, Дегерменджи 2013, с. 86]. К сожалению, Н.Е. Макаренко не выявил связь вещей, найденных в засыпке, с конкретными погребальными комплексами. Вместе с тем, попадание керамики и кремня в засыпку могильника нельзя считать случайностью. На специальный отбор таких вещей в засыпке указывает, в частности, то, что среди них находились также пластинки из клыков кабана, имевшие, несомненно, знаковый характер [Макаренко 1933, рис. 91]. По мнению А.Д. Столяра, вещи из засыпки погребений являлись частью погребальных приношений [Столяр 1955, с. 33]. Отсутствие погребальной керамики в Мариупольском могильнике можно объяснить тем, что погребальные сосуды могли находиться на специальных жертвенных площадках за пределами могильника (по аналогии с могильниками мариупольского типа Поднепровья). Поскольку раскоп Н.Е. Макаренко по ширине был максимально близок к размерам погребальной траншеи, такие площадки могли остаться неисследованными.

Реконструкция внешнего вида надмогильного сооружения была предложена А.Д. Столяром [Столяр 1955, с. 34-35]. Нельзя не согласиться с тем, что длительно функционирующий могильник не может существовать без какого-либо сооружения, предохраняющего его от разрушения. Однако сама реконструкция представляется в значительной степени надуманной. В ней не учитываются условия засушливой степи Приазовья. В качестве аналогии приводятся жилищные структуры энеолита Прикамья, для которого характерно достаточное количество строевого леса. К тому же, там были зафиксированы остатки обгоревших деревянных стен [Столяр 1955, с. 34-35]. Ничего подобного на Мариупольском могильнике не обнаружено. Вряд ли над захоронениями была возведена легкая двускатная конструкция, как полагал В.Н. Даниленко [Столяр 1955, с. 35]. Столбовые ямки в погребальной траншее не прослежены. Судя по фотографии, их не было и вдоль полосы “красной земли” [Макаренко 1933, табл. II].

Для Северо-Восточного Приазовья характерен дефицит леса. По археологическим и этнографическим данным, это привело к использованию в качестве строительного материала дерновых блоков и камня [Горбов 1997; Горбов, Мимоход 1999, с. 35; Материальная культура... 1979, с. 84-85]. Согласно письменным источникам, и запорожские казаки, и греки-переселенцы в XVIII в. на данной территории при строительстве использовали только привозной лес [Архив Коша 1998, с. 123; Калоев 2008, с. 365].

В эпоху неолита в Подонцовье, с его сравнительно мягким климатом, “заболоченность пойм была наиболее низкой в голоцене. Пойменные леса сменились богатым разнотравьем” [Герасименко 1997, с. 53]. Мариупольский могильник находился в степной зоне Приазовской низменности, которая оценивается климатологами как “очень засушливая” [Природа Украинской ССР 1984, рис. 54]. Следовательно, представить конструкцию надмогильного сооружения Мариупольского могильника из мощных бревен невозможно.

Один из авторов проводил исследование углубленного многократного культового комплекса в приморской зоне Приазовья. Не вызывает сомнения, что этот комплекс, использовавшийся в течение длительного времени, имел какое-то перекрытие, которое легко убиралось на время проведения обряда [Горбов, Кабанова 2010, с. 94]. Можно предположить, что таким образом перекрывали и погребальную траншею Мариупольского могильника. Подобные конструкции можно было убрать при совершении очередного захоронения. Вероятно, также должен был существовать и некий знак, позволявший определить расположение могильника.

Н.Е. Макаренко исследовал первый из памятников, которые впоследствии были определены как могильники мариупольского типа. К сожалению, он не мог представить всей значимости своего открытия. Говоря о погребениях с булавами, он писал следующее: “Их положено в ряд с иными, обычными себе гражданами, гражданками та дѣтьми” [Макаренко 1933, с. 35]. Последующие исследования показали, что Мариупольский могильник был отнюдь не рядовым. Изучение неолитических могильников Поднепровья, близких по обряду захоронения, позволило А.Д. Столяру сделать вывод о том, что Мариупольский могильник являлся “наиболее выразительным и значительным из них” [Столяр 1955, с. 16].

Значимость Мариупольского могильника стала еще более очевидной после того, как Д.Я. Телегин выделил и опубликовал могильники мариупольского типа [Телегин 1991]. Например, в наиболее богатом захоронении Деревинского могильника, который содержал 173 погребения (существенно больше, чем в Мариупольском могильнике), было 5 подвесок из зубов оленя, 35 зубов рыб и пластинка мариупольского типа из клыка кабана [Телегин 1991, с. 183]. В Мариупольском могильнике, по подсчетам А.Д. Столяра, пластинки из клыков кабана были встречены в 41 погребении, причем в некоторых захоронениях их число доходило до 10-15 и более [Столяр 1955, с. 19-20]. То есть “инвентарь Мариупольского могильника в целом и в каждом его инвентарном погребении по своему многообразию и исключительности не имеет равных в Поднепровье” [Котова 2002, с. 20].

Анализ многоярусности Мариупольского могильника у А.Д. Столяра и у Н.С. Котовой различается. Но, в любом случае, количество стратиграфически близких погребений ограничено. В хронологических группах, выделенных Н.С. Котовой, оно колеблется от 10 до 31 [Котова 1990, с. 91, табл. 1]. Это, на наш взгляд, свидетельствует о специальном отборе умерших для погребения в этом могильнике.

На определенном этапе в могильнике прослеживается резкая смена погребальной обрядности. Погребения с неокрашенными костяками сменяются погребениями, засыпанными охрой [Котова 2002, с. 27]. Неизменным на протяжении длительного времени остается конкретное место захоронения в погребальной траншее. “Богатство” Мариупольского могильника по сравнению с малоинвентарными могильниками этого типа, ограниченность количества погребенных, сакрализация погребального пространства позволяют утверждать, что Мариупольский могильник являлся местом захоронения элиты некоего социума, проживавшего в нижнем течении р. Кальмиус в эпоху неолита.

Кроме этого, Мариупольский могильник выделяется удивительной структурированностью. В подавляющем большинстве могильников этого типа погребения расположены хаотично, здесь же погребенные расположены рядами, с жестким соблюдением ориентации. Н.Е. Макаренко утверждал, что положение погребенных по “антитезе” отвечало гендерным различиям: женские погребения были ориентированы на запад, мужские – на восток [Макаренко 1933, с. 15]. Д.Я. Телегин считал, что это мнение ошибочно, ссылаясь при этом на неолитический могильник “Госпитальный холм” [Телегин 1991, с. 8]. Однако указанные могильники различаются территориально, в культурном отношении и по погребальному обряду. К тому же, погребенные в Мариупольском могильнике, несомненно, имели высокий социальный статус, а погребения “Госпитального холма” имели незначительный инвентарь [Ковалева 1984]. Мужское и женское захоронение в положении “антитезы” было зафиксировано в неолитическом Вольнянском могильнике. В качестве аналогий ему М.А. Хлобыстина приводит именно Мариупольский могильник и китойский Циклодром [Хлобыстина 1979, с. 61-62].

Можно предположить, что место расположения Мариупольского могильника оставалось сакральным и после прекращения его функционирования. Очевидно, не случайно здесь же было совершено более позднее парное погребение с атрибутами вождя [Макаренко 1933, с. 69, 70], а еще позже – кремация [Макаренко 1933, с. 18]. В обоих случаях в инвентаре имелись украшения из клыков кабана. Это свидетельствует о сохранении

культурных традиций в течение длительного времени даже при смене погребального обряда.

Два рассмотренных в статье памятника находились на границе культур. Для данного региона поселение Кальмиус является самым восточным известным памятником азово-днепровской культуры, Мариупольский могильник – самым западным для нижнедонской. Поселения азово-днепровской культуры находились на правом высоком берегу Кальмиуса, а “богатый” могильник нижнедонской культуры располагался на противоположном низком берегу реки в пределах прямой видимости. То, что могильник не был ограблен, может свидетельствовать о доминировании в данном регионе населения, к которому относились его создатели.

Неолитическое поселение Кальмиус было перекрыто частично сохранившимся слоем бронзового века. Судя по немногочисленным фрагментам с характерной валиковой орнаментацией, слой относился к бабинской культуре. Еще выше зафиксированы остатки частично исследованного глинобитного сооружения неясного назначения. В процессе расчистки были найдены фрагменты красноглиняной кружальной керамики и подвеска из бронзовой проволоки, позволяющие отнести сооружение к салтово-маяцкой культуре.

В юго-западной части раскопа было исследовано прорезавшее вышеописанные слои помещение 1 (рис. 1) относящееся к XVIII в. Оно было ориентировано по линии СЗ-ЮВ и имело размеры 3,5×3 м, глубина от современной поверхности составила 2,8 м. В помещении обнаружено шесть столбовых ямок диаметром 0,25-0,35 м и глубиной 0,6-0,75 м от пола жилья. Они расположены вдоль стен, ориентированных по линии СЗ-ЮВ, при этом четыре ямки находились в углах. Ямки имели небольшой уклон к центральной оси жилья. На дне пяти ямок лежали необработанные плоские куски ракушечника, в шестой ямке найдены обломки чугунного котелка.

В столбовых ямках не было найдено остатков дерева. Это означает, что столбы там находились недолго и были относительно быстро удалены. Никаких остатков очага или печи найдено не было. Скорее всего, помещение имело складское или хозяйственное назначение и носило временный характер.

Котлован находился на коренном правом берегу р. Кальмиус, но не на самой высокой точке рельефа. Его не засыпали, а оставили открытым, о чем свидетельствует наличие горизонтальных слоев разного цвета и консистенции, которые образовались вследствие смывания почвы во время дождей. Помещение заплывало постепенно за счет размыва. Факт наличия глубокой ямы, которая не была засыпана (причем в нее не выбрасывали мусор), говорит о том, что в течение определенного времени после окончания функционирования помещения этот участок не был заселен.

На дне котлована и чуть выше были найдены три фаянсовые помадницы, трубка для курения турецкого образца типа “тахта-чубук” [Волков б/г] и несколько фрагментов светлоглиняных гончарных сосудов, украшенных в технике “опыска” бурой глиной.

Трубка светло-красного цвета с лощеной поверхностью (рис. 5, 1). Шейка разделена вертикальными гранями, ограничивающими прямоугольные вертикальные плоскости. На каждой плоскости расположен одинаковый штампованный растительный орнамент. Туловище чашечки орнаментировано рядами сдвоенных параллельных линий, между которыми размещены отпечатки штампа в виде вертикально вытянутых овалов, образованных мелкими параллельными насечками. Тулейка граненая, орнаментирована у втулки мелкими параллельными насечками. На чашке, в основе тулейки, находится клеймо в виде листочка. Трубка, несомненно, турецкого производства, а судя по клейму, могла быть изготовлена в Софии [Волков б/г].

Помадницы – это небольшие цилиндрические сосуды из фаянса, покрытые снаружи синей глазурью. Они обычно использовались для хранения косметического средства (помады), которую, в частности, мужчины применяли при уходе за усами и прической.

Судя по совместному залеганию в жилых комплексах казачьей крепости Азова XVIII в. [Широченко, Масловский 2011, рис. 5], турецкие трубки “тахта-чубук” и помадницы были

характерными атрибутами азовских казаков. В исследованных комплексах запорожских казаков помадницы, насколько нам известно, нигде найдены не были. Запорожцы не пользовались такими средствами – их усы и “оселедці” этого не требовали.

У юго-восточной и северо-западной стенок помещения найдены остатки двух деревянных досок, в которые были вбиты несколько кованых железных четырехгранных гвоздей, согнутых почти посередине. Длина гвоздей в первоначальном виде составляла около 12 см, что соответствует размерам корабельных гвоздей [Лермантов 1892, с. 207]. Это позволяет предположить, что доски когда-то были фрагментами обшивки казацкого судна.

Таким образом, найденный комплекс можно охарактеризовать как хозяйственное помещение казаков из Азова, которое имело глубокий котлован с опорными столбами. Оно было достаточно добротным, хотя и носило временный характер. Интересно также, что на дне помещения находились фрагменты корабельной обшивки. В верхних, более поздних, слоях заполнения котлована была найдена деньга 1747 г. (Россия, Елизавета Петровна), что позволяет отнести время сооружения комплекса к первой половине XVIII в.

Устье Кальмиуса было традиционным местом конфликтов между донскими и запорожскими казаками. Конфликты часто выглядели как мгновенные военные операции [LV 2010, с. 18], при этом устройство стационарных складов и использование морских кораблей не требовалось. Можно предположить, что складское помещение со столбовой конструкцией было связано с более масштабным событием, в котором принимали участие казаки из Азова, использовавшие морские судна.

Нам известно лишь одно событие этого времени, которое можно связать с данным комплексом. Оно касается истории гребной флотилии под командованием вице-адмирала российского флота П. Бредаля времен русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Суда этой флотилии были больших размеров, в них помещалось до 40 человек, две трехфунтовые пушки и необходимый груз [Ластенко 2005, с. 76]. Они должны были выходить в море, поэтому при их строительстве использовали корабельные гвозди.

В ходе военных действий 1738 г. флотилия П. Бредаля совершала рейд из Азова в Крым и с 25 апреля по 8 мая стояла лагерем в устье Кальмиуса [Боевая летопись ... б/г]. Для функционирования лагеря необходимы были хозяйственные постройки. Учитывая засушливый климат Юго-Восточного Приазовья и полное отсутствие строительного леса, можно предположить, что столбы для зданий казаки возили с собой на лодках. После окончания стоянки столбы выкапывали и забирали, а котлованы могли оставлять не засыпанными. В качестве типологической параллели можно привести хорошо известную практику перевозки деревянных частей юрт кочевниками пустынной и степной зоны.

Незасыпанный котлован помещения заполнялся грунтом на протяжении длительного времени. Верхняя часть частично заплывшего котлована затем использовалась запорожскими казаками крепости Кальмиус в качестве мусорной ямы. Именно в этой части заполнения и чуть выше были сделаны наиболее интересные находки, которые относятся к быту запорожцев. Прежде всего, это 11 курительных трубок разной степени сохранности.

Трубкам запорожских казаков посвящено большое количество исследований, но тот или иной фасон обычно датируется очень широко – например, XVII-XVIII вв. Закрытых комплексов с трубками запорожских казаков исследовано очень мало. Однако в описанном комплексе вместе с трубками была найдена и медная монета 1747 г., упоминавшаяся выше. Таким образом, эти находки датируются серединой XVIII в. Находка трубок (одного из самых ярких индикаторов материальной культуры запорожского казачества) и монеты (хронологического индикатора), в сочетании с данными картографии, позволяет утверждать, что исследуемый комплекс относился ко времени существования крепости Кальмиус.

Среди трубок нет ни одной целой. В свое время все они были повреждены или просто разбиты, и поэтому выброшены. Ниже приведено описание наиболее сохранившихся экземпляров.

1. Трубка с черным задымлением, на обеих сторонах чашечки – рельефный орнамент в виде грубо изображенных розеток (рис. 5, 7). На тулейке гладкий валик. Край венчика чашечки слегка отогнутый.

2. Фрагмент граненой тулейки (рис. 5, 6). В изломе глина красного цвета, поверхность покрыта светлым ангобом. На каждой грани красной краской нанесен орнамент – композиция из вертикально расположенных треугольников и ромбов, соединенных вершинами. Сверху венчик украшен наклепным воротничком, верхняя часть которого расчленена вертикальными линиями, ниже – мелкими каннелюрами. Под ними – гладкий валик. Рельефная композиция покрыта красной краской, частично стертой.

3. Тулейка красноглиняной трубки с небольшим участком чашечки (рис. 5, 5). Край тулейки на расширенной части орнаментирован линией мелкозубчатого штампа. На нижней части тулейки – оттиск штампа в виде круга, заполненного кривой сеткой. Аналогичный штамп известен на поселении Казачья Пристань (Донецкая обл., Славянский р-н) [Кравченко, Духин 2000, рис. 1, 3].

4. Трубка, чашечка которой смоделирована в виде мужского лица с загнутыми вверх усами и короткой бородкой (рис. 5, 9). Край венчика украшен гладким валиком, изображающим нижнюю часть головного убора, из-под которого выбиваются волосы. Трубка сохранилась практически полностью, но в ней пробито небольшое отверстие, которое делало использование невозможным.

В помещении также найдены мелкие фрагменты четырех красноглиняных трубок. За пределами помещения в слое найдена трубка светло-красного цвета (рис. 5, 2). Тулово чашечки украшено вертикально расположенными каннелюрами и имеет ярко выраженный гребень (налепной выступ вдоль дна). Ниже шейки находится расчлененный валик, выделенный сверху и снизу отпечатками зубчатого штампа. То, что эта трубка синхронна по времени трубкам из помещения, подтверждает фрагмент такого же гребня красноглиняной трубки, найденной в помещении (рис. 5, 4).

Вероятно, все красноглиняные трубки являются турецким импортом. Турецкие трубки в XVIII в. изготавливались из красных глин, привезенных из района озера Ван, в то время как на Украине их делали из белых глин с большим содержанием каолина [Біляева 2012, с. 321]. В коллекции Мариупольского краеведческого музея есть красноглиняная трубка с клеймом турецкого производства, найденная во время раскопок Н.Е. Макаренко на левом берегу Кальмиуса (рис. 5, 3) [Макаренко 1931].

Трубка черного цвета с изображением мужского лица также турецкого производства. Подобные трубки встречаются крайне редко. Так, из 2-х тысяч трубок, найденных в турецкой крепости Аккерман, антропоморфных трубок только две, причем изображение лица на них, в отличие от кальмиусской, более схематичны [Біляева 2012, рис. 135, рис. 3, 4].

Следует обратить внимание на то, что трубка из раннего комплекса относится к распространенному среди азовских казаков типу “тахта-чубук”. В более позднем (запорожском) комплексе трубки также являются турецкими, но иных типов. В целом выделяется лишь одна трубка, возможно, сделанная в Украине (рис. 5, 7).

Неожиданной оказалась находка голландской фаянсовой трубки белого цвета (рис. 5, 8). На верхней части чашки расположен рельефный штамп, являвшийся, вероятно, маркой производителя. На территории Донбасса пока известна только одна находка голландской трубки – на многослойном поселении Выдылыха (Донецкая обл., Славянский р-н) [Кравченко, Духин 2000, рис. 3, 8]. Такие трубки в большом количестве встречаются в городских слоях Москвы и Петербурга XVII-XVIII вв. [Розенфельд 1968, с. 71]. С точки зрения датировки комплекса важно то, что с середины XVIII в. привоз голландских трубок в Россию прекращается. Изображение длинных голландских трубок хорошо известны в европейской и русской живописи этого времени [Коваленко 2008, с. 41; Сокровища... 1967, с. 69]. Но если для самих голландцев такие трубки были обычным аксессуаром курильщика всех слоев населения, то в русском быту они оказывались атрибутами богатого горожанина.

На фоне других находок казачьего времени голландская трубка выглядит диссонансом. Ее архитектура полностью противоречит традициям табакокурения запорожского казачества. Голландские трубки были цельнолитыми, (что подтверждает характер излома нашей трубки). Чубук достигал длины 25-40 см при диаметре внутреннего канала 1 мм [Розенфельд 1968, с. 72]. Подобные трубки были малоприспособлены для военного быта. Естественно, что для таких трубок использовали дорогой табак высокого качества. Они требовали особого ухода, их сложно было чистить, к тому же они были неудобны при переноске и могли легко сломаться. Казаки предпочитали составные трубки – с керамической чашечкой и деревянным (тростниковым) чубуком, причем чубук и чашечку для лучшей сохранности носили отдельно [Археология 1997, с. 80].

В Украине выращивали и использовали (в т.ч. на продажу) низкосортный махорочный табак [Коваленко 2008, с. 40]. Попытки привлечь местное население к потреблению импортных сортов успеха не имели. “Туземные простолюдины не требуют от табака никакого аромата, но зато особенный вкус и тяжелый запах в возможно большей степени” [Археология 1997, с. 81].

Можно предположить, что владелец голландской трубки курил табак лучшего качества, нежели другие жители крепости. Вряд ли эта трубка была трофеем, ведь к ней должен был добавляться и табак особого качества. Маловероятно, что в крепости запорожских казаков каким-то образом появился иностранец или выходец из зажиточных городских слоев Российской империи. Скорее всего, голландская трубка могла принадлежать одному из “столичников”. Так называли казаков, направлявшихся за жалованьем и хлебом в столицу, где они получали денежное вознаграждение и даже медали [Скальковский 1841, с. 122]. “Столичники” вполне могли перенимать какие-то элементы русского городского быта.

Из общего с трубками комплекса происходит также значительное количество фрагментов светлоглиняных гончарных сосудов, украшенных “опыской”. Такая керамика характерна для Слободской Украины и традиционно датируется широкими пределами XVII-XVIII вв. Следует отметить, что 21 фрагмент такой же керамики был найден в комплексе азовских казаков. В этом нет противоречия, ведь изделия слободских керамистов продавались на широких просторах, в том числе и на юге России.

Получена представительная коллекция столовой поливной посуды XVIII в. Такая посуда представляла большую ценность и являлась парадной [Пошивайло 1993, с. 208]. Наличие фрагментов этой посуды в комплексе запорожских казаков свидетельствует о ее принадлежности человеку, занимавшему высокое социальное положение в крепости (представителю казацкой старшины, возможно, полковнику).

Крепость Кальмиус прекратила свое существование, разделив общую участь Войска Запорожского. В 1778 г. в устье р. Кальмиус по инициативе губернатора Азовской губернии В.А. Черткова началось строительство города Павловска, население которого было пришлым [РГАДА, Р. 16, Д. 588, л. 117об.].

В 30-х гг. XX в. на территории старой рыночной площади г. Мариуполя случайно было найдено несколько курительных трубок и фрагменты спекшейся массы, в которую были “вплавлены” трубки [Кучугура, Саенко 1998, с. 185].

Детальный осмотр фрагментов, хранящихся в Мариупольском краеведческом музее, показал, что это бесформенные куски спрессованного песка, из которого торчат остатки трубок разной степени сохранности. Возможно, это была партия бракованных, еще горячих трубок, которую выбросили в яму с песком, расположенную недалеко от печи.

Трубки, найденные на рыночной площади, и трубки из спекшихся фрагментов оказались близки типологически и по размерам. Они существенно меньше трубок, традиционно использовавшихся в казачьем быту. Сравнительно хорошо сохранившиеся экземпляры позволяют утверждать, что при их изготовлении использовалось как минимум 6 матриц, близких по форме. Большинство трубок имеют черный цвет, то есть, они обожжены с “задымлением” (рис. 6, 1, 3-7). Одна трубка коричневого цвета (рис. 6, 2) по оформлению

близка к задымленному образцу (рис. 6, 4). Фасоны трубок с рыночной площади не характерны для украинской традиции. Ближайшие аналогии найдены на территории Брянщины [Путь, Ещенко 2008, с. 168]. Возможно, мастер, изготовивший эти трубки, прибыл в Павловск из России.

Наибольший интерес представляют три трубки разной степени сохранности, которые в первоначальной публикации были определены как имеющие тавро [Кучугура, Саенко 1998, с. 185]. На них с двух сторон располагались рельефные изображения в виде рамок. В них в зеркальном изображении размещались надписи: с одной стороны “ГОД”, с другой “780” (рис. 6, 5-6). Таким образом, это не тавро, а дата изготовления серии трубок – 1780 год. Пропущенная первая цифра в обозначении года характерна для делопроизводства Российской империи XVIII в. Аналогии датированным трубкам нам не известны. Вероятно, это была небольшая серия, сделанная по конкретному заказу.

В 1780 году произошла смена населения города Павловска. На его территории поселились греки-переселенцы из Крымского ханства. В связи с этим город был переименован в Мариуполь.

Таким образом, археологические комплексы, исследованные на территории Мариуполя, существенно расширили информацию об истории края XVIII в., предоставили материальные подтверждения пребывания в устье Кальмиуса выходцев из Азова, что имеет отношение к датировке основания Кальмиусской крепости. В литературе существует удивительный хронологический разброс мнений по этому вопросу, отражающий, скорее, эмоции авторов, чем логику фактов. Присутствие азовской флотилии относится к 1738 году, причем в довольно детальных описаниях боевых действий русского флота крепость Кальмиус нигде не упоминается. Трудно представить, что исследованное нами складское помещение казаков из Азова могло располагаться на территории функционирующей запорожской крепости. Следовательно, крепость Кальмиус была основана после 1738 г.

Керамический комплекс, относящийся к периоду пребывания здесь запорожских казаков, не только ярко иллюстрирует детали их повседневной жизни, демонстрирует социальный и культурный срез, но и открывает новые возможности более точного датирования украинской керамики в узких хронологических рамках существования крепости Кальмиус. Комплекс из керамической мастерской в Павловске, содержащий уникальные датированные курительные трубки, рассказывает об одной из сторон экономической жизни и свидетельствует о возможных путях заселения города.

Горбов В.М., Божко Р.П., Кушнір В.В.

АРХЕОЛОГІЧНІ КОМПЛЕКСИ НА ТЕРИТОРІЇ ФОРТЕЦІ КАЛЬМІУС ТА ЇЇ ОКРУГИ

Колекція неолітичної кераміки дозволила дати культурно-хронологічну оцінку комплексу, який має вигляд I-A періоду азово-дніпровської культури з деякими іншопольними запозиченнями. У статті доводиться, що відомий неолітичний Маріупольський могильник, який знаходився на протилежному березі р. Кальміус, містив поховання племінної еліти соціуму, до якого, ймовірно, входило населення досліджуваної пам'ятки. Знахідки з шару XVIII ст. дозволили співвіднести господарське приміщення козаків із Азова з рейдом флотилії віце-адмірала П. Бредаля часів російсько-турецької війни 1735-1739 рр. і уточнити, що фортецю Кальміус було засновано у період після 1738 р. Аналіз знахідок з гончарної майстерні дозволив відкрити нову сторінку в маловідомій історії м. Павловська, який виник у гирлі Кальміусу після знищення Війська Запорізького.

Ключові слова: неоліт, азово-дніпровська культура, Маріупольський могильник, фортеця Кальміус, Павловськ.

THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES ON THE TERRITORY OF THE KALMIUS FORTRESS AND ITS SURROUNDINGS

The collection of Neolithic pottery allowed giving the cultural and chronological assessment of the complex, which has the appearance of I-A period of Azov-Dnieper culture with some foreign cultural borrowing. It is proved that the famous Neolithic Mariupol's burial ground, which was on the opposite bank of the Kalmius river, contained the graves of tribal elite of society, which probably included the population of the monument studied. A number of finds of XVIII century layer made it possible to correlate the utility room of Azov Cossacks with the raid of the Russian Fleet headed by Vice-Admiral P. Bredahl of Russian-Turkish war of 1735-1739 and specify the date of Kalmius Fortress foundation – the period after the 1738. The analysis of the pottery findings allowed opening a new page in the history of the little-known city of Pavlovsk, which emerged at the mouth Kalmius after the destruction of the Zaporozhian Sich.

Keywords: Neolith, Azov-Dnieper culture, Mariupol's burial ground, Kalmius fortress, Pavlovsk.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археологія доби українського козацтва XVI – XVIII ст. – К., 1997. – 333с.

Архів Коша Нової запорізької Січі. Корпус документів 1734-1775 рр. – Т. I. – К., 1998. – 695 с.

Біляєва С.О. Слов'янські та тюркські світи в Україні (з історії взаємин у XIII-XVIII ст.) / С.О. Біляєва – К.: Університет “Україна”, 2012. – 524 с.

Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/boevaya_letopis_flota/index.html

Васильев И.Б. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре / И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева // СА. – 1979. – № 4. – С. 147-167.

Волков И.В. Частная коллекция турецких курительных трубок из Москвы / И.В. Волков // [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/?id=836

Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) / Н.П. Герасименко // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 3-64.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 145-161.

Горбов В.Н. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбов В.Н. Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова // АА. – № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии. – Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. – С. 86-103.

Горелик А.Ф. Старица-XVIII – новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье / А.Ф. Горелик, С.М. Дегерменджи, С.Н. Разумов // АА. – № 18. – Донецк: ООО “Лебедь”, 2006. – С. 118-129.

Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783) / С.А. Калоеров. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – 639 с.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) / В.Я. Кияшко // Донские древности. – Вып. 3. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. – 131с.

Коваленко О. Глиняні люльки XVII-XVIII ст. (за матеріалами Полтавщини) / О. Коваленко. – Опішне: Українське Народознавство, 2008. – 144 с.

Ковалева И.Ф. Нео-энеолитический могильник “Госпитальный холм” (предварительное сообщение) / И.Ф. Ковалева // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1984. – С. 25-43.

Коваль Ю.Г. Кремневый комплекс неолитического слоя поселения Кальмиус в современной черте г. Мариуполя (предварительное сообщения) / Ю.Г. Коваль, С.М. Дегерменджи // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку-енеоліту. – Мелитополь, 2013. – С. 79-86.

Котова Н.С. К проблеме контактов азово-днепровской и днепро-донецкой культур / Н.С. Котова // Каменный век на территории Украины: некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. – К.: Наук. думка. – 1990. – С. 39-47.

Котова Н.С. Поховальний обряд Маріупольського могильника / Н.С. Котова // Археологія. – 1990. – № 3. – С. 48-56.

Котова Н.С. Неолитизация Украины / Н.С. Котова – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.

Котова Н.С. Поздняя сурская культура и ее окружение / Н.С. Котова, О.В. Тубольцев // ДСПК. – Запорожье, 1992. – Вып. III. – С. 8-23.

Кравченко Э.Е. Керамические люльки и мелкая пластика поселения Казачья Пристань / Э.Е. Кравченко, А.И. Духин // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура. – Донецк, 2000. – С. 147-160.

Кучугура Л.И. Козацькі старожитності м. Маріуполя та його околиць / Л.И. Кучугура, Р.І. Сасенко // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – Вип. 7. – К., 1998. – С. 178-187.

Ластенко А.В. К вопросу о месте гибели Азовской флотилии под командованием П.П. Бределя в 1737 г. / А.В. Ластенко // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2005. – Вип. 5. – С. 75-90.

Лермантов В. Гвозди / В. Лермантов // Энциклопедический словарь Брогауза и Ефрона. – СПб., 1892. – Т. VIII. – С. 207.

Макаренко М.О. Житла “забродів” / М.О. Макаренко. – НА ІА НАНУ. – Фонд ВУАК. – 1931. – № 539.

Макаренко М. Маріупольський могильник / М. Макаренко. – К., 1933. – 151 с.

Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилища. – М.: Наука, 1979. – 192 с.

Пошивайло О.М. Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна / О.М. Пошивайло. – К.: Молодь, 1993. – 408 с.; іл.

Природа Украинской ССР. Климат. – К.: Наук. Думка, 1984. – 231 с.

Пусь В.М. Табакокурение и курительные трубки Стародубщины XVII-XX веков / В.М. Пусь, В.М. Ещенко // Деснинские древности. – Вып. V. – Брянск, 2008. – С. 165-178.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVII вв. / Р.Л. Розенфельд. – М.: Наука, 1968. – 123 с.

Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. – М.: Искусство, 1967. – 261 с.

Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / А.А. Скальковский. – Одесса, 1841. – 461 с.

Столяр А.Д. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) / А.Д. Столяр // СА. – 1955. – Т. XVIII. – С. 17-37.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа: [Свод археол. источников] / Д.Я. Телегин. – К.: Наук. думка, 1991. – 96 с.

Товкайло Н.Т. О восточных связях буго-днестровской культуры (по материалам поселения Пугач) / Н.Т. Товкайло // Каменный век на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 48-54.

Усачева И.В. К вопросу о культурозависимых признаках у “утюжков” / И.В. Усачева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 7. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. – С. 4-11.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятник социальной истории / М.Д. Хлобыстина // СА. – 1979. – № 3. – С. 48-62.

Широченко Э.Б. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 г. / Э.Б. Широченко, А.А. Масловский // ИАИАНД в 2009 г. – Вып. 25. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. – С. 164-189.

LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал. Тезисы к докладу // Мариупольский краеведческий сборник. – Мариуполь: Рената, 2010. – С. 15-28.

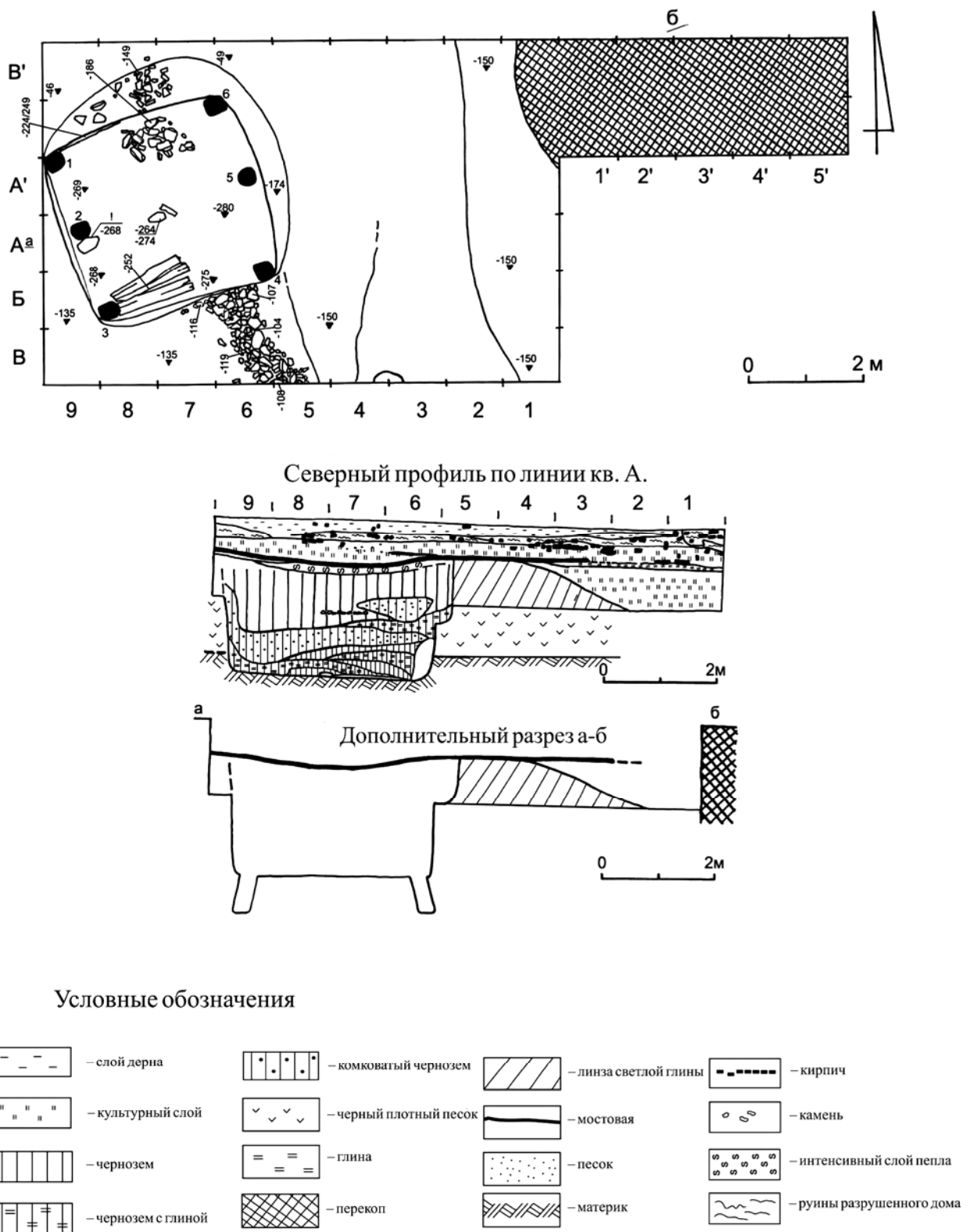

Рис. 1. Территория крепости Кальмиус. План и разрезы южной части раскопа. 2011 г.

Fig. 1. The fortress Kalmius. Plan and sections of the southern part of the excavation. 2011

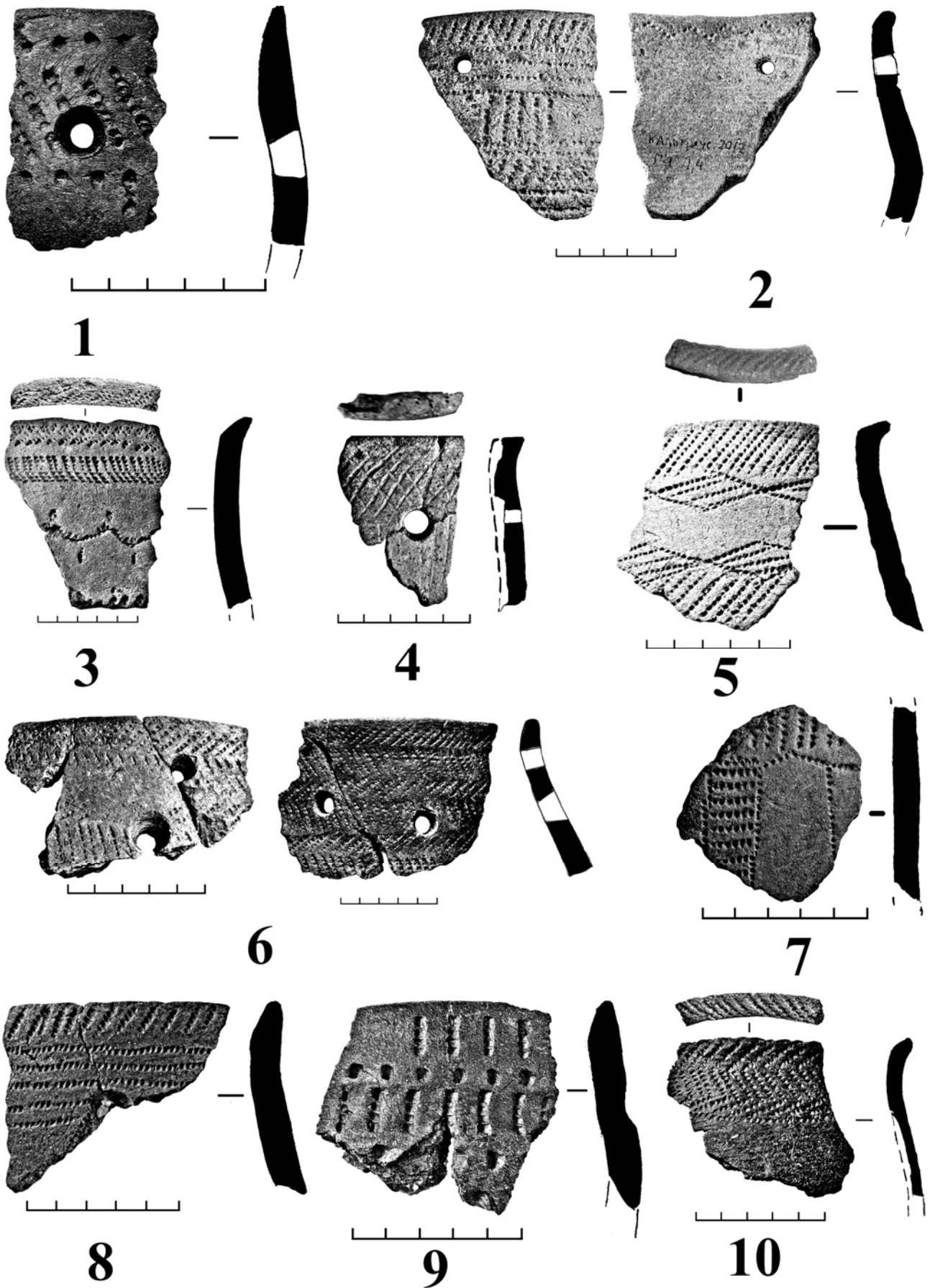

Рис. 2. Поселение Кальмиус. Керамика из неолитического слоя
Fig. 2. Settlement Kalmius. Ceramics from the Neolithic layer

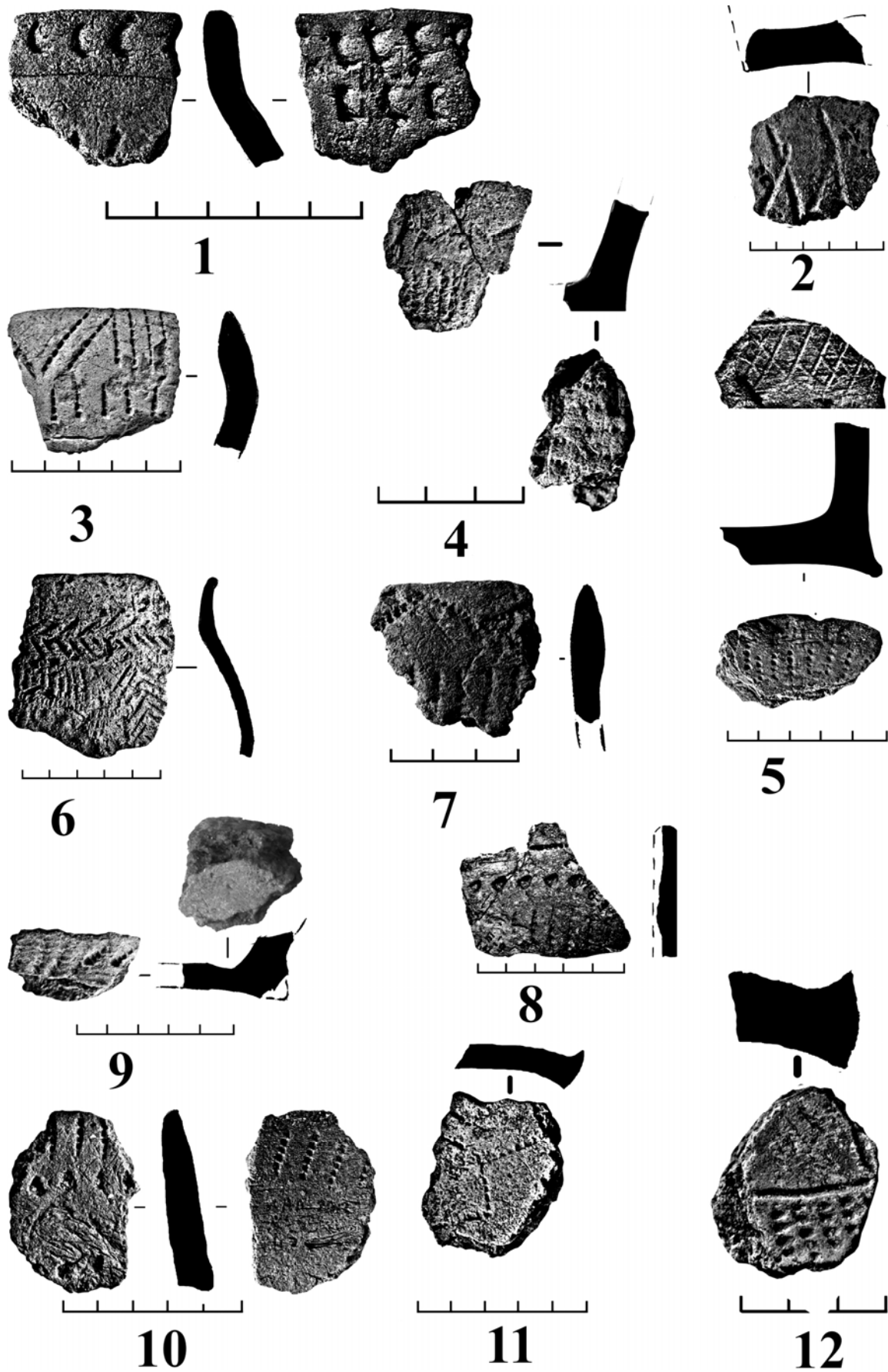
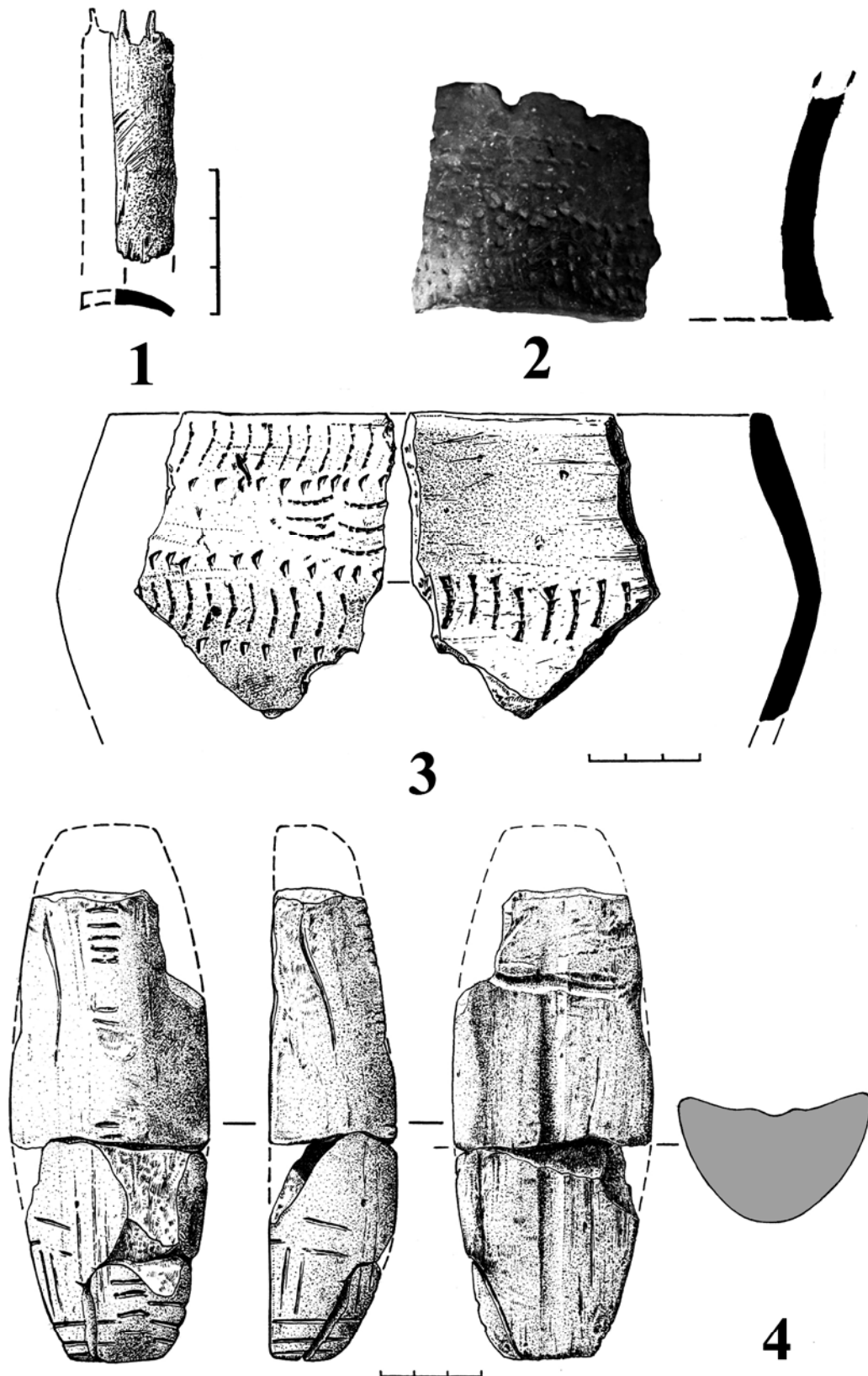

Рис. 3. Поселение Кальмиус. Керамика из неолитического слоя
Fig. 3. Settlement Kalmius. Ceramics from the Neolithic layer

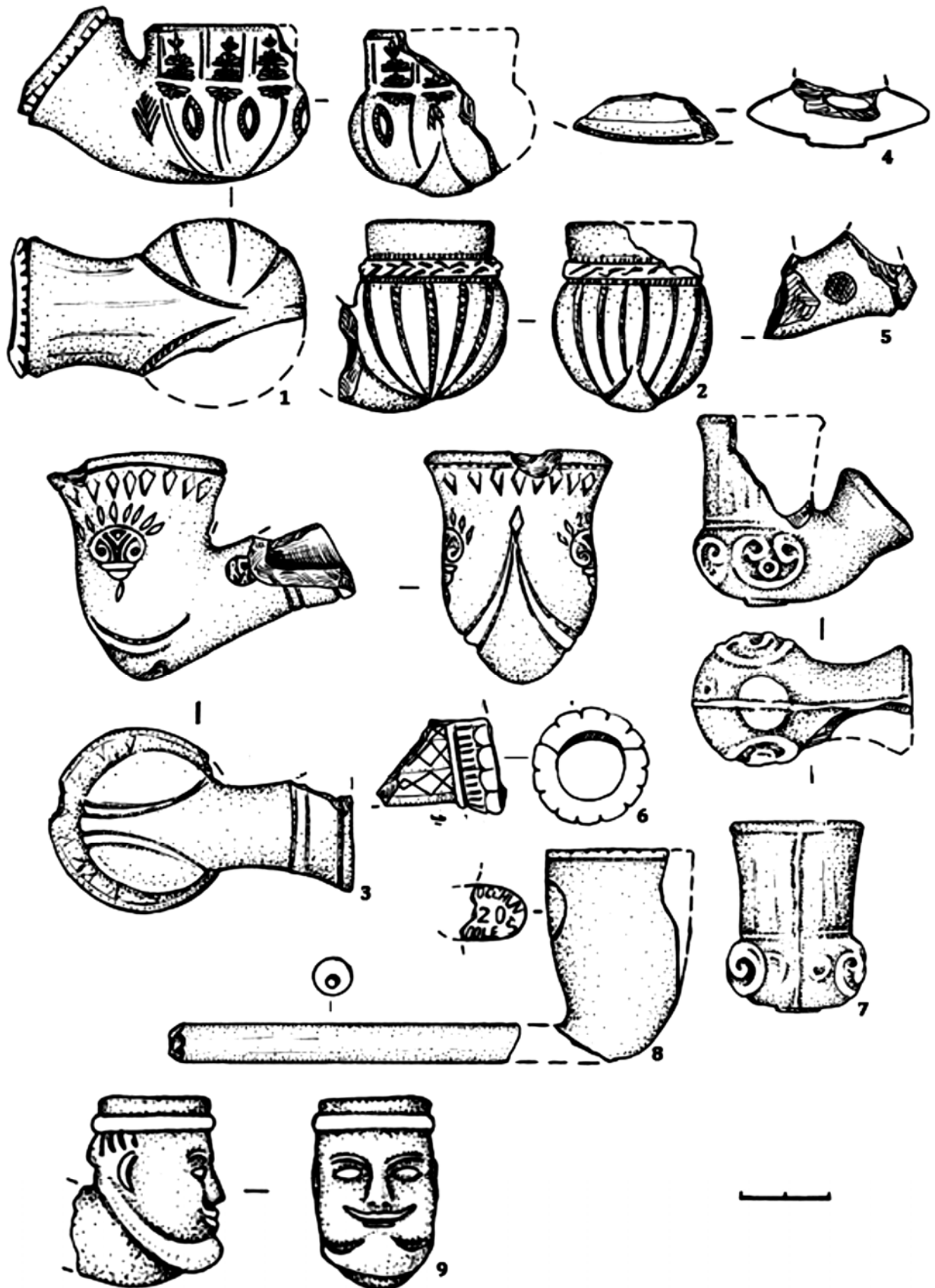

1. Фрагмент костяного штампа.
2. Придонная часть сосуда.

3. Фрагмент сосуда.
4. Изделие из песчаника.

Рис. 4. Поселение Кальмиус. Находки из неолитического слоя

Fig. 4. Settlement Kalmius. The finds from the Neolithic layer

1 – нижня часть заполнения пом. 1; 2 – слой памятника; 3 – «житла забродів» по Макаренко Н.
4-9 – верхняя часть заполнения пом. 1

Рис. 5. Курительные трубки с территории крепости Кальмиуц
Fig. 5. Pipes from the fortress Kalmiuzh

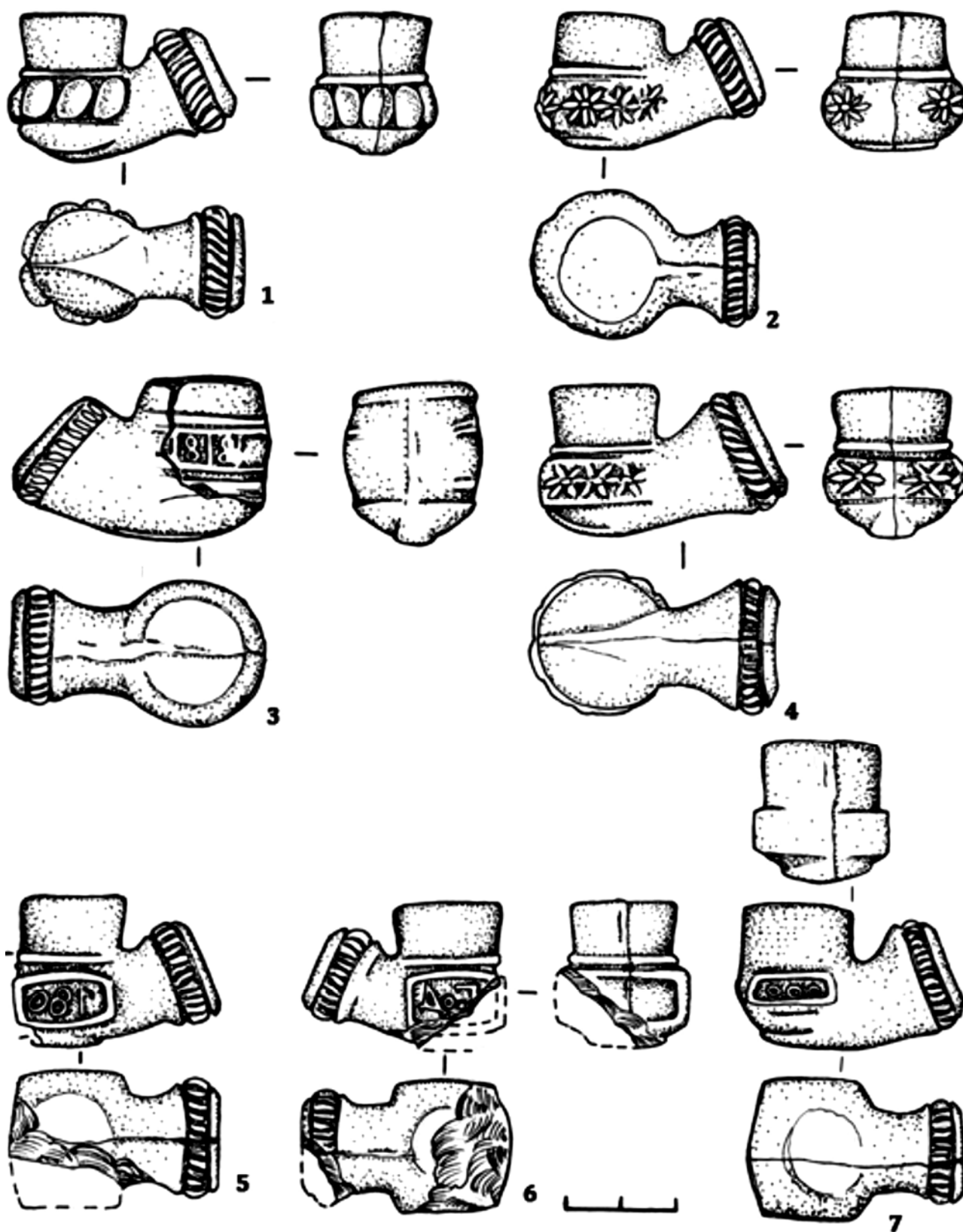

Рис. 6. Курительные трубки с рыночной площади г. Мариуполя
Fig. 6. Pipes from the market square of Mariupol

Отрощенко В.В., Салій Н.Г.

КУРГАН 1 БІЛЯ с. ГНАРОВСЬКЕ В НАДПОРІЖЖІ

Реферат: Статтю присвячено публікації та інтерпретації матеріалів розкопок кургану 1 біля с. Гнаровське у Вільнянському р-ні Запорізької обл., де виявлено поховальні комплекси Дніпро-Донської бабинської, Покровсько-Мосоловської та Бережнівсько-Маївської зрубних культур. Актуальність теми щільно пов'язана з необхідністю вичерпної публікації матеріалів розкопок згаданого кургану, які вже понад 30 років привертають увагу дослідників доби бронзи півдня Східної Європи. Мета дослідження полягає у вивченні тенденцій розвитку курганного будівництва на тлі встановленої стратиграфічно послідовності археологічних культур впродовж перехідного періоду від середньої до пізньої бронзи та пізнього бронзового віку. Автори ставили перед собою завдання простежити сприйняття різними дослідниками комплексів Гнаровського, зокрема, зміни у визначенні їхньої культурної належності. Виразна стратиграфія та планіграфія поховань різних археологічних культур, унікальні артефакти речового супроводу дозволяють уточнити наочні образи та періодизацію згаданих культур, виявити риси спадкоємності розвитку від однієї культури до іншої. Поза тим, курган 1 біля Гнаровського дає підстави чіткіше окреслити західні межі поширення поховального ритуалу Покровсько-Мосоловської зрубної культури лівим берегом Дніпровського Надпоріжжя. Особливо цінну інформацію надають основні поховання нещодавно виділеної Дніпро-Донської культури культурного кола Бабине з матеріалами раннього етапу її розвитку. Важливо відзначити, що носії цієї культури запроваджують систематичну практику спорудження довгих могил, підтриману та розвинуту населенням Бережнівсько-Маївської зрубної культури. Довга могила (курган 1) з осьовим розташуванням поховань формував сакральну вісь, що структурувала кургану групу в ансамбль. У зв'язку з істотним підвищенням відсотка довгих могил, порівняно з епохами ранньої та середньої бронзи, ставиться питання щодо виділення окремого періоду курганного будівництва в степах Надчорномор'я впродовж XXI-XIII ст. до н.е.

Ключові слова: довга могила, стратиграфія, сакральна вісь, культурне коло Бабине, Дніпро-Донська бабинська культура, зрубна культурна спільнота, Покровсько-Мосоловська зрубна культура, Бережнівсько-Маївська зрубна культура.

Abstract: Proposed article deals with publication and interpretation of materials recovered during excavations of barrow 1, localized nearby the Gnarovs'ke village (Vilnyansk district of Zaporozhye region), where the funerary assemblages of Dnieper-Don Babyne, Pokrovsk-Mosolovka and Berezhnovka-Majivka timber-grave cultures were revealed. The topicality of this study is tightly linked to the need of comprehensive publication of the mentioned barrow, which materials for over 30 years constantly attract the attention of experts in the Bronze Age of the South Eastern Europe. The main aim of this study is to investigate of developmental tendencies of kurgan construction practice in the frameworks of stratigraphically determined sequence of archaeological cultures of the transition period from Middle to Late Bronze Age and of the Late Bronze Age. The authors set themselves the task to trace peculiarities of Gnarovs'ke assemblage perception by different researchers, in particular, the changes in definition of its cultural identity. Reliable stratigraphy and clear spatial pattern of burials of distinct archaeological cultures, unique artifacts included into funerary goods, allow refining the current notions and periodisation of mentioned cultures, to identify the features of continuity between different cultures. Besides, the Gnarovs'ke barrow 1 provides arguments for the more precise delineating of the western limits of spreading of Pokrovsk-Mosolovka timber-grave culture burial rite on the left bank of the Above the Dnieper Rapids area. Especially valuable insights are provided by the central burials of recently recognized Dnieper-Don culture of Babyne cultural circle with materials of the early stage of its development. Worthy to stress that the systematic construction of long graves was introduced by bearers of this culture, and this practice was supported and developed by Berezhnovka-Majivka timber-grave culture population. The long grave (barrow 1) with axial location of burials shapes the sacral axis and unites the mound group into one ensemble. Due to the significant – comparing to the Early and Middle Bronze Age – increase of number of long graves, the question is posed concerning distinguishing of specific period of kurgan construction in Black Sea steppes during the XXI-XIII centuries BC.

Keywords: long grave, stratigraphy, sacred axis, Babyne cultural circle, Dnieper-Don Babyne culture, timber-grave cultural entity, Pokrovsk-Mosolovka timber-grave culture, Berezhnovka-Majivka timber-grave culture.

Вступ. Курган 1 біля с. Гнаровське є багатошаровою стратифікованою пам'яткою, що дозволяє, відмічаючи західний кордон покровських проявів, виділених вперше для теренів України Я.П. Гершковичем на матеріалах кург. 2 біля с. Пришиб Луганської обл., як “абашевські” [Гершкович 1980, с. 64-65; 1982, с. 46-61], з'ясувати деякі нові данні щодо контактів культур перехідного періоду від середньої до пізньої та пізньої бронзи в Надпоріжжі. Споруда є вельми цікавою як за конструктивними особливостями (довга могила), так і своєрідністю похоронних ритуалів та яскравим речовим супроводом.

Дослідження. КУРГАН 1 розкопаний 1981 р. Жовтневим загonom Запорізької експедиції ІА АН УРСР (начальник загону С.М. Ляшко) за 2 км на північний захід від с. Гнаровське Вільнянського р-ну Запорізької обл. в зоні меліорації Жовтневої зрошувальної системи. Розкопки кург. 1 проводила Н.Г. Салій. Він був найбільшим у групі з чотирьох курганів [Отрошенко 1981/10, с. 151-164]. Споруда видовженої форми займала південно-західну позицію в групі з чотирьох насипів (рис. 1). Кургани 2-4, вибудовані в лінію (південь-захід-захід – північ-схід-схід) у хвіст головному, не розкопувалися. Насип 8-видної форми складався з чорнозему. З північно-східного боку він був стрімкішим, ніж із протилежного, видовженим по лінії північний схід – південний захід на 47 м (рис. 2).

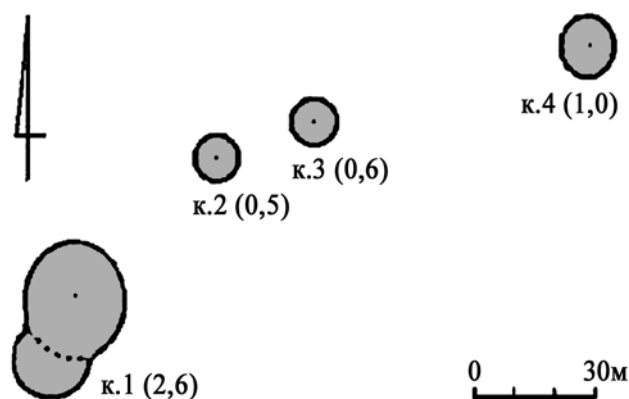

Рис. 1. Курганна група біля с. Гнаровське

Поли кургану розорювалися. В центральній частині насипу знаходилась велика яма від пізнього перекопу, на дні якої було знайдено декілька гранітних каменів, що були також відмічені і в насипу кургану. За 4-5 м на південний захід від умовного центру кургану (далі – 0) на поверхні було знайдено три великі гранітні камені, підтрикутні в перетині, розмірами 1,25×0,7×0,2 м; 0,95×0,65×0,25 м та 1,8×0,75×0,25 м. У насипу на глибині 1,0 м від поверхні за 1,2 м на схід від 0 зафіксовані фрагменти кісток та два зуби коня. За 12,5 м на південь від 0 та за 2,0 м до заходу в насипу, на глибині 0,4 м від поверхні стояв ліпний горщик, від якого збереглася лише нижня частина. Дно пласке, тісто на зламі чорне, Д дна – 8,5 см.

Методика розкопок. Насип розкопувався з використанням бульдозера С-100 методом паралельних траншей зі зачистками та фіксацією профілів шести контрольних бровок, орієнтованих по лінії захід – схід (рис. 2, план): північної, центральної з репером, 1-ї, 2-ї, 3-ї, 4-ї південних (рис. 3). Обраний метод розкопок пояснюється тим, що від початку курган не сприймався на око як довгий, оскільки його поли, а саме – низький насип кургану В та частково насип С, було істотно розорано. Тому й було обрано звичайну для дослідження округлих насипів орієнтацію бровок. У процесі фіксації другої південної бровки стала очевидною наявність іншого, більш раннього, насипу В, та відповідним чином подовжені до заходу траншеї. У такий спосіб вдалося отримати кінцеву конфігурацію довгої могили, а далі й реконструювати осьовий профіль, використовуючи польові спостереження та наявні профілі бровок (рис. 2, профіль). На жаль, була задіяна хибна методика розкопок довгої могили поперечними траншеями також при дослідженні вище згаданого кург. 2 біля

с. Пришиб, де також маємо на виході реконструйовані осьові профілі [Гершкович 1982, с. 49, рис. 1]. Закликаємо колег уникати зазначених методичних помилок надалі, за наступних розкопок довгих могил.

Стратиграфія кургану. В кург. 1 виявлені 3 основні поховання (3; 6; 13/15 – колективне) Дніпро-Донської бабинської культури (далі – ДДБК). Насип його видовжений по лінії північний схід – південний захід, з високою північно-східною половиною, що різко вивищувалася над рівнем поля. Довгу могилу звели понад трьома курганами, що утворювали ланцюжок. Для зручності опису їх позначено латинськими літерами А (північно-східний), В (південно-західний) та С (центральний). Кург. А (Д – біля 10 м, h – 1,0 м), споруджений над єдиним пох. 3. Викид (h до 0,5 м, Д – 4,5-5 м) ліг півколом на південь від ями, до того ж, на захід від неї його розкинули більше, ніж на схід. Кург. В (Д – 10 м, h – 0,7-0,8 м) пов'язаний з пох. 13/15. Викид з ями пох. 15 (h – до 0,25 м, Д – 6 м) ліг півколом на південь від ями. Серед опорних курганів А та В останній був, імовірно, споруджений раніше. Саме під кург. В знаходилося колективне (3 особи) пох. 13/15, а в насипу виявлено більшість зі впускних поховань (7). На користь такого припущення свідчить стратиграфія Довгої Могили (кк. 8-9) на східному виїзді з с. Петро-Михайлівка за 5 км на північ-північ-захід від кург. 1 Грановського. Споруда так само орієнтована з південного заходу на північний схід, але першим був “ямний” курган з південного заходу. В лінію від опорного виструнчилися три насипи ДДБК. Сукупно вони утворили каркас майбутньої Довгої Могили, протяжність якої досягла 105 м [Ляшко 2004, с. 61-66, рис. 74].

Наступним після пп. 13/15 та 3 справили пох. 6 (ДДБК). Насип над ним, що перекрив яму та жертовний комплекс, позначено як кург. С. З південного заходу кург. С частково перекрив північно-східну полу кург. В, а з часом повністю поглинув кург. А, створюючи в цілому довгу могилу з практично рівним за висотою насипом. Кург. С вибудовано за віссю північний схід – південний захід. Його розміри – 24,5×17,0 м. Наступним до кург. В впусcene пох. 10 (ДДБК), яке прорізало викид з пох. 13/15. Надалі до поли кург. В, на північ-північ-схід від пох. 13/15, впустили пох. 8 (Покровсько-Мосоловська зрубна культура, далі – ПМЗК), різниця висоти стінок якого унаслідок природного скосу насипу добре фіксувалася. Наступним, вірогідніше, було пох. 9 (ПМЗК), впусcene до кург. В східніше пох. 13/15. Пох. 11 (ПМЗК) здійснили над пох. 13/15, викид його частково перекривав пох. 9. Потім до кург. В, над пох. 8, впустили пох. 7 (Бережнівсько-Маївська зрубна культура, далі – БМЗК). По тому, вже до кург. С було впусcene з рівня об'єднавчої досипки пох. 5 (ПМЗК), а з наступної досипки – пох. 2 (ПМЗК). Дещо пізніше впустили пох. 4 (БМЗК). Наступними, ймовірно, були пп. 12 та 14 (БМЗК), але простежити порядок їх здійснення за стратиграфією неможливо. Останнім у кург. 1 здійснено пох. 1 (БМЗК), яке частково перекрило пох. 2. З пох. 1 пов'язана вимостка зі щільно укладених каменів, що її зафіксовано під дерновим шаром ґрунту. Під поверхнею насипу також простежено іншу (порушену) кам'яну вимостку з більших гранітних каменів у вигляді прямокутника, видовженого по лінії північ – південь, розмірами 15×12,5 м. Приналежність її до якогось з поховань не встановлено. Цікаво, що всі поховання, впусcene до кург. В, зазвичай, неглибокі та мають невеликі й тонкі досипки, тоді як поховання, впусcene до кург. С, перекривалися значними досипками, в результаті чого над курганами А та С виник спільний крутий насип, що втричі перевищував висоту насипу над кург. В (рис. 2, Д-К). Не виключено, що остання велика добудова довгої могили якимось пов'язана з облаштуванням пох. 1. Сукупно ж у кург. 1 розкопано 14 поховань: 4 – ДДБК (пп. 3, 6, 10, 13/15); 5 – ПМЗК (пп. 2, 5, 8, 9, 11); 5 – БМЗК (пп. 1, 4, 7, 12, 14). Бачення стратиграфії кург. 1 автором розкопок подано на рис. 9.

Поховання 1 (БМЗК, трупоспалення) знаходилось за 5,5 м на південь та за 1 м на захід від 0 (глибини даються від 0, крім тих випадків, коли це оговорюється окремо). Відмічено з рівня –0,3 м від поверхні та 0 (R). Здійснене у кам'яній скрині розмірами 1,4×1,2 м, зорієнтованій за віссю північний схід – південний захід. Північно-східна стінка скрині зруйнована пізнім прокопом. Цисту споруджено з 6 оброблених гранітних брил – по дві з

довгих сторін і по одній з коротких. Дно поховання знаходилося на рівні $-0,72$ м від 0. У центральній його частині відмічена овальна пляма розсипаних кальцинованих кісток ($0,5 \times 0,2 \times 0,02$ м). З південно-східного боку від неї знайдено розвал посудини, під якою була необпалена кістка тварини. Посудина та кальциновані кістки розташовано у ящику так, нібито померлий знаходився у скорченому стані на лівому боці, головою на північний схід, а посудина містилась перед його обличчям (1). У “ногах” стояла гранітна брила у формі оберненої трапеції (північно-східна стінка скрині), а під перепаленими кістками зафіксовано щедру крейдяну підсіпку (рис. 4).

1. Ліпний горщик з добре окресленим ребром у верхній третині тулуба, що перетворюється у невелике пряме вінце, орнаментоване по краю вдавленнями нігтя. Так само прикрашене ребро посудини. Поміж цими двома рядками відбитками мотузочка нанесено кути вершинами донизу. Тісто перенасичене домішками великозернистого піску, а тому стінки легко кришаться. Денце з крайкою, Дв – 15 см, Дд – 10 см, h – 12,5 см (рис. 5, 1).

Поховання 2 (ПМЗК) знаходилося за 6 м на південь та за 1,7 м на захід від 0. Відмічено з рівня $-1,3$ м. Контури могильної ями не простежувались. Небіжчик лежав у скорченому стані на лівому боці головою до північного сходу (рис. 5, 3). Руки зігнуті в лікті під гострим кутом, кисті – біля черепа; тут-таки знаходився розвал посудини (1). Серед її уламків знайдено фрагмент чорноглиняної кераміки від іншого горщика, подібних якому в кург. 1 більше не було (2). Біля стоп зігнутих під гострим кутом ніг знайдено бронзовий предмет, покладений руків'ям до небіжчика, ідентифікований як тесло (3).

1. Ліпний глиняний горщик. Тулуб через невелике округле ребро у верхній четверті переходить у ледь відігнуте назовні вінце. По вінцю та по ребру нанесені відбитки подвійного штампа (“роздвоєна ратичка”). Поверхня зі слідами згладжування, а в тісті є домішки вапна (крейди) та дрібнозернистого кварцу: Дв – 18,6 см, Дд – 10,5 см, h – 22,5 см (рис. 5, 5).

2. Уламок невеликого прямого вінця, косо зрізаного до середини з ребром, позначеним виступом, домішками слюди та жорстви в тісті, Дв – 19 см (рис. 5, 4).

3. Тесло бронзове, відлите в однобічній формі, з наступною проковкою леза. Знаряддя має широкий робочим край (2,3 см) й такої ж форми, але звужений і менш ретельно прокований протилежний край (0,8 см). На відстані 5 см від цього краю є невелике ромбічне розширенням (ширина 1,2 см). Довжина виробу 13,5 см, глибина ромбічного розширення – 0,5 см, а в іншій частині – 0,3 см (рис. 5, 6).

Поховання 3 (ДДБК, основне для кург. А) знаходилось в 7,5 м на схід від 0. Здійснене в прямокутній ямі розмірами $1,3 \times 0,7$ м та глибиною – 1,0 м, зорієнтованій за віссю північний схід – південний захід. Мало поперечний дерев'яний накат. Небіжчик лежав у зігнутому стані на лівому боці, головою на південь-захід-захід. Ноги зігнуті під тупим кутом у крижових кістках та під прямим – у колінних. Ліва рука випростана вздовж тулуба в напрямку колін, права – зігнута в лікті, кисть її – на кістках лівої руки. На рівні плеча, зліва від померлого, лежала кам'яна булава (1). Під кистями простежено тришарову підстилку з трави, кори та шкіри (рис. 5, 7).

1. Булава кам'яна, сплющено-циліндричної форми, з чотирма грибовидними шишечками. Внутрішній отвір конічної форми (однобічне свердління), що дозволяло виробу без додаткового кріплення міцно сидіти на руків'ї. Висота – 3,8 см, діаметр – 4,6 см, менший діаметр отвору – 1,4 см, більший – 1,9 см (рис. 5, 8). Знаряддя виготовлене з полірованого серпентиніту (змійовика), родовища якого відомі на Уралі та Північному Кавказі¹.

Поховання 4 (БМЗК) знаходилось у центрі кургану на глибині 1,0 м. Зруйноване сучасним прокопом. Судячи зі залишків довгих кісток ніг, небіжчик, вірогідно, знаходився у зігнутому стані, головою у східному напрямку. Інвентар не знайдений.

¹ Визначення дане співробітниками Правобережної геологорозвідувальної експедиції петрографом Г.Г. Гребньовою та геологом В.В. Зюльцле.

Поховання 5 (ПМЗК) знаходилося за 9 м на південь та за 2,2 м на захід від 0. Відмічено з рівня – 1,92 м. Яму прямокутної форми (1,43×1,2 м) зорієнтовано у напрямку північний схід – південний захід. Вздовж північно-східної короткої стінки відмічено установлені на ребро дві дерев'яні дощечки шириною 3 см. Легкий тлін дерева зафіксовано й біля протилежної стінки. Вірогідно, що всі чотири стінки поховальної ями були обшиті деревом – у вигляді легких тоненьких дощечок. Поховання парне (рис. 5, 9). Небіжчики лежали скорчено на лівому боці, головою на північний схід. Ліва рука у кожного була сильно зігнута в лікті, кисть – біля підборіддя, а права – зігнута в лікті майже під прямим кутом, кисть її ніби підтримувала лікоть лівої. Ноги зігнуті в крижових кістках під прямим кутом і під гострим – у колінних. По дну ями простежені трав'яна підстилка та щедра підсипка крейдою. Біля долонь небіжчика № 2 (південніший скелет) знайдено вуглинка. Інвентар відсутній.

Поховання 6 (ДДБК, основне для кург. С) знаходилося за 5,0 м на південь від 0. Прямокутна яма розмірами 1,9×1,4 м була зорієнтована у напрямку північний схід – південний захід та мала виступи (заплічки) за периметром. Ширина виступів 0,23-0,35 м. Глибина ями до виступів 0,4 м, загальна глибина 0,5 м від рівня похованого чорнозему. На виступах лежало внутрішнє перекриття, що складалося з чотирьох горбилів (повздовжній розпил), з яких два коротші, поперечні, лежали опуклою частиною догори, пласкою – до дна ями, а два (впритул до поперечних плах) – навпаки – опуклістю донизу. Горбилі перекривались поперек ями двома широкими дошками (товщина – 0,5 см) у стик. Північно-західна частина перекриття (вздовж довгої стінки) була обпалена. По тому, упоперек дерева ліг товстий шар трави. На стінках поховальної ями відмічені жолобчасті сліди копального інструменту, що мають вертикальну спрямованість, шириною біля 1,5 см. Кістяк дитини лежав на лівому боці в зігнутому стані, головою на південний захід. Одна рука була зігнута в лікті, кисть – біля черепа, інша не фіксувалась. Кістки ніг зігнуті під тупим кутом до хребта та гострим – у колінах. Перед небіжчиком на рівні грудної клітини стояв горщик (1), а поруч з ним – бронзова кручена гривна (2). За черепом лежала бронзова скронева підвіска, а друга – опинилась на виступі, також за черепом (4). На заплічках, біля південно-східного кута ями, поклали відщеп (3). На рівні середини південно-східної стінки ями, на виступі, стояв другий горщик (5). По дну поховання простежено підстилку з трави (рис. 6, 6).

1. Ліпна пласка округлої конфігурації та низьких пропорцій з домішками вапна (крейди) та кварциту в тісті. Дв – 11,4 см, Дд – 8,5 см, h – 7,2 см (рис. 6, 1).

2. Бронзова гривна з округлого в перетині дроту, грученого в центральній частині, кінці загнуті петелькою. Д – 11,5×12,5 см, Д дроту посередині – 0,6 см, на кінцях – 0,3 см (рис. 6, 2).

3. Дві скроневі бронзові литі підвіски в 1,5 оберти, округлі, Д – 1,0 см (рис. 6, 4).

4. Відщеп кременевий, трикутний у перетині, довжиною 3,2 см (рис. 6, 3).

5. Горщик ліпний з тричленным ламаним профілем та коротким прямим вінцем. В тісті домішки вапна (крейди) та кварциту. Дв – 10 см, Дд – 8,5 см, h – 13,5 см (рис. 6, 5).

Жертвний комплекс знаходився за 2,5 м на північний захід від пох. 6, за 2 м на захід та за 2,2 м на південь від 0 на глибині – 2,5 м від поверхні (–0,35 м від рівня давнього горизонту). У ямі (1,0×0,6 м, орієнтація – північ-захід-захід – південь-схід-схід) на підстилці з трави знайдено кістки коня: череп, що лежав очницями до ґрунту, орієнтований на північ-захід-захід, та кістки двох передніх ніг. Невелика ділянка тім'яної кістки черепа була сильно обпалена (рис. 5, 2).

Поховання 7 (БМЗК). Знаходилося за 10 м на південь та за 6 м на захід від 0. Зафіксоване з рівня –0,4 м від поверхні. Контури поховальної ями не простежувались. Небіжчик лежав у скорченому стані на лівому боці, головою на північ-схід-схід. Ліва рука зігнута в лікті під прямим кутом, перпендикулярно хребту, права – не збереглася. Ноги зігнуті під прямим кутом з крижовими кістками та гострим – у колінах. Унікальною особливістю поховальної споруди є те, що у небіжчика гомілки ніг, від колін, були опущені у спеціально викопану вздовж стегнових кісток ямку. Форма виїмки, викопаної

перпендикулярно до тіла, добре простежувалась – прямокутна (0,6×0,45 м, глибина від рівня підстилки – 0,3 м). На її дні під стопами також простежено двошарову підстилку. На рівні чола небіжчика знаходилася посудина (1). В похованні зафіксоване легке перекриття деревом (плашки). По дну поховання простежені трав'яна підстилка та підсипка крейдою (рис. 7, 1).

1. Ліпний ребристий горщик низьких пропорцій з ледь відігнутих назовні вінцем. На зовнішній та внутрішній поверхнях – вохряний ангоб, а в тісті – домішки слюди. Дв – 16,7 см, Дд – 8,5 см, Дт – 19 см, h – 10 см (рис. 7, 2).

Поховання 8 (ПМЗК) знаходилося за 10,6 м на південь та за 6 м на захід від 0, під пох. 7. Могильна яма прямокутної форми (1,5×0,8 м), дно – на рівні –0,9 м від поверхні, орієнтована у напрямку північний схід – південний захід. Її викопано на схилі кургану В, що добре видно за заляганням перекриття та різниці висот стінок ями. У похованні відмічено поперечне перекриття з семи плашок шириною – 5 см. Над грудною клітиною небіжчика зафіксовано єдину широку (10 см) плашку, пропалену до половини товщини. По тому поховання було перекрите шаром трави. Померлий лежав у скорченому стані на лівому боці, головою на північний схід. Ноги зігнуто під тупим кутом до хребта та гострим – у колінах. Руки не фіксувалися, зрозуміло лише, що права, вірогідно, лежала променевими кістками перпендикулярно хребту, кисть її знаходилася на рівні живота. На фаланзі пальця цієї руки знайдений бронзову каблучку (1). За головою небіжчика стояла посудина (2). На дні ями простежені трав'яна підстилка та підсипка крейдою (рис. 7, 4).

1. Каблучка бронзова, з круглого в перетині (0,1-0,25 см) роз'ємного дроту, прикрашеного парою виступів. Розміри 2,4×2,0 см (рис. 7, 5).

2. Ліпний горщик вертикальних пропорцій, з невеликим опуклим ребром у верхній третині тулуба та маленьким акуратним вінцем, під яким нанесені два ряди відбитків круглою в перетині паличкою. Дно з невеличкою крайкою. У тісті домішки кварциту, слюди, крейди. Дв – 19 см, Дд – 11 см, h – 18,5 см (рис. 7, 6).

Поховання 9 (ПМЗК) знаходилося за 14 м на південь та 6,8 м на захід від 0. Контури поховальної ями не простежувались. Небіжчик лежав на глибині 0,52 м від поверхні у слабо зігнутому стані на лівому боці, головою на північний схід. Ноги зігнуті під прямим кутом щодо хребта та майже під прямим у колінах. Руки, вірогідно, були зігнуті у напрямку до підборіддя. Під кістками відмічено тлін бурого кольору (залишки шкіри) та підсипку крейдою (рис. 7, 3). Інвентар відсутній.

Поховання 10 (ДДБК) знаходилось за 15,3 м на південь та за 6,1 м до заходу від 0. Яма підпрямокутної форми розмірами 1,2×0,5 м, дно на рівні 1,15 м від поверхні, орієнтована у напрямку північний схід – південний захід. Небіжчик лежав у зібганому стані на лівому боці головою до південного заходу. Руки зігнуті в ліктях під гострим кутом, кисті біля підборіддя; ноги зігнуті під гострим кутом у тазу та колінах (рис. 7, 7). Перед чолом та за черепом знаходилася розбита у давнину та складена двома купками посудина (1).

1. Ліпний горщик низьких пропорцій. Ребро на середині тулуба полого переходить в плавно відігнуте назовні вінце, по якому нанесені короткі поперечні насічки. По ребру – наліпний валик з такими ж насічками. На шийці нанесено прокреслений орнамент з асиметричних ліній, що нагадує паркетний. Тісто чорне, крихке, з надмірною домішкою піску. Посудина розсипалася при намаганні її вийняти. Зарисовка зроблена з чіткого відбитку на ґрунті, h – 8,7 см. (рис. 7, 8).

Поховання 11 (ПМЗК) знаходилося за 13 м на південь та за 8 м на захід від 0. Яма прямокутної форми розмірами 1,45×0,6 м, дно на рівні –0,5 м від поверхні, зорієнтована у напрямку північ-північ схід – південь-південь захід. Небіжчик лежав у скорченому стані на лівому боці, головою на північ-північ-схід. Руки зігнуті в ліктях. Ноги зігнуті під тупим кутом щодо хребта і крижових кісток (рис. 7, 10). Під черепом, біля тімені, знайдено 6 невеликих намистин (1).

1. Намистинки типу бісер, 6 штук, виготовлені зі самородної (100%) сурми². Д – 0,3 см, h – 0,15-0,2 см (рис. 7, 9).

Поховання 12 (БМЗК) знаходилося за 18 м на південь та за 15 м на захід від 0 на глибині – 0,6 м від поверхні, повністю зруйноване. Збереглася лише фрагментована ліпна посудина та череп поряд з нею, що лежав тім'ям до північного сходу.

Поховання 13 подане разом з пох. 15, як колективне.

Поховання 14 (БМЗК) знаходилося за 16 м на південь та за 17 м на захід від 0 на глибині – 0,5 м від поверхні, зруйноване. *In situ* збереглися лише посудина та променева кістка руки. Якщо прийняти до уваги різницю щільності ґрунту, а також те, що з півночі від об'єктів, які збереглися *in situ*, були знайдені дрібні уламки кісток, можна припустити, що небіжчик лежав на лівому боці, головою до сходу, руки зігнуті в ліктях, а посудину поставили біля долоней (1).

1. Ліпний горщик низьких пропорцій. Тулово на середині висоти через добре виражене ребро різко переходить у відігнуте назовні вінце, прикрашене відбитками нігтя. Такі ж відбитки зроблено по ребру посудини. На шийці – прокреслений орнамент у вигляді подвійного зигзага. Дв – 16,5 см, Дд – 10,5 см, h – 12 см (рис. 8, 1).

Поховання 13/15 (ДДБК, основне для кург. В) знаходилося за 15 м на південь та за 8 м на захід від 0. Підпрямокутна в плані яма (1,8×1,35 м, глибина – 0,6 м від давньої поверхні) зорієнтована у напрямку захід – схід. Попід східною короткою стінкою ями на глибині 0,34 м знаходилася сходинка шириною 0,3 м. На ній лежали кістки великої копитної тварини, а вздовж протилежної від сходинки стінки ями на перекритті знаходилися череп та нижня щелепа коня. В похованні зафіксоване потужне повздовжнє перекриття, що трималося частково на сходинці, частково – на двох поперечних дошках, підпертих стовпчиками опори. Небіжчиця (?) лежала по центру ями скорчено на правому боці з нахилом на живіт, головою на схід. Ноги, зігнуті під гострим кутом до крижових кісток та в колінах. Ліва рука, складена в лікті, знаходилася паралельно хребту, кисть відігнута вліво. З правого боку, на рівні грудної клітини, поряд з жінкою знаходився кістяк немовляти в позиції “на спині”; його зігнуті в крижових та колінних кістках ноги укладені вправо. Права рука зігнута в лікті під гострим кутом. Кисть її знаходилася біля підборіддя. Ліва рука зігнута під прямим кутом – кисть на животі. Перед черепом дорослої особи знайдено кістяний предмет (1), а під кістками тіла відзначено пухку трав'яну підстилку, якої немає під дитинчам. Зате під ним було виявлено виразну підсипку крейдою. Загалом, на дні ями протезено щедрий шар попелу, за присутності підсипки крейдою (рис. 8, 3).

1. Кістяний предмет у вигляді сколу з трубчатої кістки великої тварини, що мав форму трикутника з однією прямою, іншою округлої форми довгою стороною та зі свідомо зробленим глибоким трикутним вирізом з короткого боку. Знахідка має заповірованість з обох сторін та згладженість з внутрішнього (тильного) боку й використовувалася, вірогідно, як скребкове (гладильне ?) знаряддя. Виходячі зі стану спрацьованості та поліровки, воно було в роботі впродовж нетривалого часу й, можливо, є фрагментом більшого артефакту. Розміри: 6,0×2,2×1,2 см (рис. 8, 2).

За 0,65 м північніше від краю ями пох. 15 та паралельно їй знаходилось пох. 13, яке здійснили на рівні давнього горизонту, відгородивши від пох. 15 парканчиком із 3-4 тонких дощечок (ширина 6-7 см, товщина 0,5 см), закріплених через 7 см одна над одною на двох тонких паличках (Д – 1,5-2 см), ребром до землі (рис. 8, 4). Парканчик поставили за спиною небіжчика з пох. 13, який лежав скорчено, на лівому боці, головою на захід. Ноги зігнуті під прямим кутом у крижових кістках та гострим у колінах; ліва рука сильно зігнута в лікті, кисть – біля підборіддя; праву руку зігнута в лікті під прямим кутом, кисть її – біля ліктя лівої руки. Під небіжчиком зафіксовано трав'яну підстилку та підсипку крейдою. Небіжчик, вірогідно, був загорнутий у циновку (трава відмічена й на крижових кістках) та покладений

² Визначення зроблено в Інституті проблем матеріалознавства НАНУ.

на “застелену” крейдою землю. Одну з дощечок парканчика, за черепом, підфарбували вохрою. Інвентар – відсутній.

Враховуючи, що колективне пох. 13/15 за стратиграфією є одночасним, можна припустити соціальну залежність небіжчиків поміж собою [Салий 1997]. Тому вони не можуть розглядатись порізно. По суті це – єдиний комплекс, що займав центральну позицію в кургані В та був перекритий одним насипом В (рис. 8, 3).

Інтерпретація.

Зважаючи на те, що з моменту розкопок кург. 1 минуло 32 роки, а найцікавіші зі знахідок вже піддані публікації та певній інтерпретації, варто згадати оцінки цієї непересічної пам'ятки в друкованих виданнях. У першій інформації С.М. Ляшко відзначила двокультурний характер кург. 1 (основні поховання культури багатоваликової кераміки, впускні – зрубного часу) та виокремила яскравий комплекс пох. 6. При цьому, впускні пох. 2 з бронзовим теслом та пох. 8 з бронзовою каблучкою помилково згадані як “багатоваликові” [Ляшко 1983, с. 285]. Впродовж 1980-х рр. інтерес до комплексів з Гнаровського підігрівав абашевський дискурс в українській археології, відкритий дещо раніше [Чередниченко 1970, с. 223, рис. 1, 1; 2, 2; 1973, с. 26; Шаповалов 1976, с. 156-157, рис. 3, 11-18]. З публікацією кург. 2 (Довга Могила) біля с. Пришиб тема абашевської присутності на теренах України набула додаткового імпульсу [Гершкович 1982, с. 46-61]. Адаже Я.П. Гершкович виділив, як поховання абашевської культури, низку закритих комплексів з відповідним речовим супроводом в кург. 2. Потім С.С. Березанська зробила не надто переконливу спробу розширити коло таких поховань [Березанская 1987, с. 26-37, рис. 2]. Цим шляхом рушила й Н.Г. Салій, виділивши як “зрубно-абашевські” пп. 2, 8, 11 з кург. 1 [Салій 1987, с. 97-100]. Отже, поховання, що публікуються нині, попередньо одержали три культурні атрибуції: багатоваликову, абашевську чи зрубно-абашевську та зрубну.

Запал примножувачів абашевської присутності в Україні дещо охолодив критичний погляд з боку дослідників власне абашевської спільноти. На ХХ конференції ІА АН УРСР в Одесі О.В. Кузьміна переконливо показала, що на теренах України немає жодних проявів класичних культур абашевської спільноти (середньоволзької та уральської). Щодо доно-волзької абашевської культури (далі – ДВАК), найпізніші ремінісценсії якої помітні на крайньому сході нашої держави, то її, фактично, вже виводять за дужки абашевської спільноти, як явище, нехай і похідне від неї, але відносно пізніе [Кузьміна 1989, с. 118-119]. Впродовж 1990-х рр. археологи Поволжя фактично розглядають комплекси ДВАК у контексті покровської культури [Малов 1991, с. 50-53; Кузьміна 1995, с. 48-50]. На конференції в Саратові В.С. Бочкарьов рішуче заявив, що “до доно-волзької абашевської культури А.Д. Пряхіна наука вже не повернеться” [Протоколи засідань 1995, с. 77]. Емоційна реакція на цей вердикт також не дала остаточної відповіді щодо культурного статусу ДВАК [Печурица, Саврасов 1996, с. 73-81]. Дискусія триває й понині, зокрема й серед українських дослідників [Литвиненко 1998, с. 90-97; Отрощенко 2003, с. 142-144; Санжаров 2004, с. 236-256]. Проте, за відсутності переконливих комплексів ДВАК на Сіверському Дінці, сумнівно, щоб їх колись-таки виявили на Дніпрі.

Один з авторів цієї публікації, розглядаючи так звані “абашевські” комплекси на теренах України у “зрубному” контексті, прийшов до концепції двох культур зрубної спільноти – покровсько-мосоловської та бережнівсько-маївської [Отрощенко 2003а, с. 68-90, рис. 1-3]. Отже, відмінності у поховальних ритуалах впускних постбабинських поховань Гнаровського варто розглядати в системі пам'яток зрубної спільноти. Саме в її координатах може уточнюватися культурна належність того чи іншого комплексу. Вже обґрунтовано, що так звані “абашевські” поховання вписуються до раннього хронологічного горизонту зрубної культури Сіверського Дінця, синхронного найпізнішому горизонту бабинської [Литвиненко 1994, с. 13-14, рис. 1]. Для них дослідником використано компромісну дефініцію “пам'ятки покровського типу” [Литвиненко 1995, с. 71-81, рис. 1-8], запроваджену

для характеристики відповідних пам'яток Нижнього Поволжя [Малов 1978, с. 58-59; 1992, с. 4-5].

Консолідація джерел та ретельний аналіз поховань бабинської культури привели Р.О. Литвиненка до побудови концепції культурного кола Бабине у складі Дніпро-Донської та Дніпро-Прутської бабинських культур [Литвиненко 2009, с. 6-12]. У докторській дисертації він неодноразово звертається до комплексів Гнаровського у розділі, присвяченому ДДБК [Литвиненко 2008, с. 78, рис. 46, 7; с. 81, рис. 50, 2, 4, 5; с. 83-84, рис. 55, 8]. Наступний аналіз комплексів з кург. 1 Гнаровського подається з використанням наведеної вище номенклатури культур та їхньої періодизації.

Усі 4 поховання ДДБК (3, 6, 10, 13/15) були від початку віднесені до культури багатоваликової кераміки, згідно тодішньої таксономії. Три з них – основні, а четверте (пох. 10) – впускне, проте, всі вони розташовані в лінію. Схоже, що сукупний насип довгої могили з наступними впускними похованнями створювався свідомо вздовж осі південний захід – північний схід. Раніше формування сакральної осі та планіграфія поховань в лінію вважалося показовим для поховань зрубної культури [Отрощенко 1976, с. 16; 1981, с. 9]. Нині ж появу довгих могил фіксують у Степу від доби енеоліту [Макаревич 2010, с. 57-66]. Тепер стало зрозумілим, що походженням такої планіграфії носії БМЗК зобов'язані безпосередньо населенню ДДБК [Макаревич 2009, с. 27-32, рис. 1, табл. 1; Литвиненко 2010, с. 30-48, рис. 7-10]. Свою роль в уточненні цього питання відіграла й стратиграфія кург. 1 Гнаровського [Салий 1987, с. 97], а також напрацювання інших українських дослідників [Ковалева 1988, с. 32; Писларий 1991, с. 52-66]. Точку зору щодо нечисленності основних поховань бабинської культури [Братченко 1971, с. 336; 1977, с. 24] з накопиченням джерел переглянуто. Спалах курганного будівництва фіксується впродовж раннього періоду ДДБК, що дає можливість встановити послідовність усіх поховань ДДБК в кург. 1, з урахуванням їх планіграфії та стратиграфії.

Вважаємо, що функціонування могильника розпочалося з облаштування колективного пох. 13/15 та спорудження кург. В. Саме на цей насип та його усипальницю орієнтовані наступні кургани А та С. У той же час небіжчики в пох. 13/15 орієнтовані широтно: ті, що в ямі, були розвернуті направо й спрямовані на схід, а особу на горизонті, за парканчиком, поклали на лівому боці головою до заходу. Отже, на той час сакральна вісь південний захід – північний схід ще не диктувала орієнтацію небіжчиків. Її було закладено з облаштуванням пох. 3 (курган А), орієнтованого на південний захід, у напрямку до кург. В та пох. 13/15. Тотожну орієнтацію мав небіжчик у пох. 6, основному під курганом С. Сполучний насип С перекрив поли опорних курганів В та А, сформувавши довгу могилу другого типу (гантелевидну) [Отрощенко 1976, с. 16-18]. Відтоді, сакральна вісь набула візуального втілення. Пох. 10, останнє з бабинських, впустили до найдавнішого насипу В. Воно так само орієнтоване на південний захід та опинилося поряд з пох 13/15.

Ранні поховання ДДБК об'єднує така риса, як укладання небіжчиків обличчям до півночі, незалежно від орієнтації голови [Литвиненко 2006, с. 218-234, рис. 6]. Враховуючи відсутність статевікових визначень скелетів з кург. 1, варто звернути увагу на бінарно-опозитні стани та орієнтації різностатевих небіжчиків з кург. 1. Адже осіб чоловічої статі ховали на лівому боці головою до заходу, а жіночої – на правому боці зі східною орієнтацією [Отрощенко 1992, с. 163-165; Литвиненко 2007, с. 158-166, рис. 1-2]. Такі спостереження дозволяють припустити, що пп. 3, 6, 10 належали особам чоловічої статі, що непрямо підтверджується, наявністю булави в пох. 3 та гривни в пох. 6. У колективному пох. 13/15 в ямі, ймовірно, поховали жінку з дитиною (дівчинкою?), розвернутих направо, головами до сходу, а вздовж північного її краю, за парканчиком – чоловіка на лівому боці, головою на захід (рис. 8, 3).

Вище зазначалося, що поховання та кургани ДДБК свідомо виведені в лінію, а в споруджені довгої могили (валу) брали участь не лише носії цієї культури, що дає можливість говорити про взаємозв'язок між “бабинцями” та наступним щодо них населенням

культур зрубної спільноти. На користь цього може свідчити й наявність прямокутних поховальних споруд, а не, скажімо, катакомб чи овальних ям, а також присутні в похованнях речі. Інвентар з 4-х поховань ДДБК не надто численний, але вельми цікавий: уламок кістяного артефакту (пох. 13/15), булава зі змійовика (пох. 3), 2 посудини, бронзові гривна і 2 скроневі підвіски та кременевий відщеп (пох. 6), посудина (пох. 10).

Булави були відомим типом зброї та/чи атрибутом влади в культурах катакомбного ареалу доби середньої бронзи. Проте, у похованнях культурного кола Бабине (далі – ККБ) вони є доволі рідкісними. Крім пох. 3 із Гнарівського, булави з хрестоподібно розташованими округлими виступами виявлені в пох. 2, кург. 3 біля с. Устьман Ростовської обл. [Шарафутдинова 1987, с. 36-37, рис. 3, 2] та пох. 1, кург. 8 біля с. Семенівка Одеської обл. [Субботин 1985, с. 73-74, рис. 7, 2]. Сукупно вони складають більшість серед булав ККБ із закритих комплексів, що вирізняє цей масив пам'яток серед інших степових культур та спільнот доби бронзи, які надавали перевагу булавам без виступів.

Хоча булави з хрестовим розташуванням виступів відомі від часів енеоліту, помітної популярності вони набувають наприкінці доби середньої та за перехідного періоду від середньої до пізньої бронзи [Братченко 1976, с. 144-147, рис. 75]. У культурах зрубної спільноти перевага знову надавалась виробам з гладкою поверхнею [Малов 1991а, с. 30-38, рис. 6-7; Житников, Циміданов 1999, с. 131-138, рис. 1, 3; 2, 3].

Більша концентрація булав з виступами на сході України, Північному та Південному Кавказі локалізує ареал їхнього можливого походження десь на схід від Чорного моря у підгір'ях Великого Кавказького хребта [Братченко 1976, с. 144-147, рис. 75; Motzenbäcker 1996, S. 67-69, Abb. 3, 1, 7; 34, 3, 5, 6]. Показові для культурного кола Бабине зразки таких булав з'являються у верхньокубанських пам'ятках передкавказької культури [Нечитайло 1978, с. 107, рис. 40, 6], пізньокатакомбних пам'ятках маницького та бахмутського типів [Братченко 1976, рис. 72, II, 5; 72, III, 8], третій (пізній) обрядово-стратиграфічній групі катакомбних поховань Орільсько-Самарського межиріччя. Тут знахідка овальної булави з виступами в пох. 6, кург. 9, гр. VII біля с. Підгородне Дніпропетровського р-ну стала найближчою до Гнарівського (60 км на північ). До того ж артефакт виготовили з “благородного змійовика”, а супроводжувався він ріпчастою посудиною маницького типу [Ковалева 1983, с. 78-80, рис. 10, 5]. Морфологічно найближчою аналогією булаві з Гнарівського є знахідка з “музею Орджонікідзе” в Осетії, віднесена до третього етапу північнокавказької культури [Марковин 1960, с. 45, рис. 13, 102]. Їх споріднює занижена висота голівок.

Геологічне визначення матеріалу булави (змійовик / серпентиніт) вказує на Північний Кавказ у пошуках родовища цього каменю. Згідно типології С.Н. Братченка, коротка булава з Гнарівського має передувати подовженим яйцевидним зразкам типу Бородинського скарбу [Братченко 1976, с. 147; Кривцова-Гракова 1949, с. 18, табл. XII, 3; XVII, 3]. Отже, у хронотипологічній колонці булав з виступами типу Маріуполь-Бородіно низька конічна булава з Гнарівського має зайняти місце поміж високими овальними зразками булав з Підгороднього та Бородіна [Клочко 2006, с. 172, рис. 72]. Себто, показник їхньої висоти не варто переоцінювати, надаючи йому наскрізного часового виміру, хоча, він може спрацьовувати в межах однієї культури.

Пох. 6, що має в інвентарі, крім посуду, гарнітур бронзових прикрас та кремень, відноситься до кола найяскравіших поховань ДДБК. Кручена бронзова гривна з пох. 6 вважається однією з найбільш ранніх на теренах Східної Європи. Найближча аналогія гривни з с. Гнарівське походить з кург. 16, пох. 5 могильника Керчик біля хут. Озерки Октябрського р-ну Ростовської обл. (ДДБК) [Труды 1999, с. 19, рис. 40, 1-4]. Аналогію на рівні гарнітуру прикрас (гривна – скроневі підвіски) дає пох. 1 кург. 1 біля селища Хохольського у Воронежській обл. [Пряхин 1983, с. 197-202, рис. 2]. Але культурна належність комплексу з Хохольського досі лишається дискусійною. Попервах його віднесли до абашевської культури [Пряхин 1971, с. 117, рис. 35, 2, с. 119; 1977, с. 42], потім – до воронезької [Пряхин 1982,

с. 137]. Рівнобіжно матеріали воронезької культури розглядалися в системі пам'яток фінального етапу середньодонської катакомбної культури [Матвеев 1982, с. 20]. Припускалась також можливість об'єднати їх зі старожитностями бабинської культури, з посиланням на праці українських колег [Пряхин 1983, с. 200-201]. Дотепною є спроба долучити усипальницю з Хохольського до комплексів мар'янівського типу, за відсутності інших поховань [Березанская 1985, с. 401, рис. 106, 22-27]. При цьому, на жаль, мала місце підміна горщика з пох. 1 кург. 1 біля Хохольського на інший, дійсно мар'янівського типу, але невідомого походження [Березанская 1985, с. 400-401, рис. 106, 21]. Коли ж винести мар'янівський казус за дужки, то комплекс Хохольського, визнаючи його належність до воронезької культури [Беседин 1986, с. 72-73, рис. 2, 3, 5], за гарнітуром прикрас швидше можна порівнювати з похованнями раннього періоду ДДБК, аніж абашевської спільноти [Литвиненко 2002, с. 76-85, рис. 1]. Матеріали пох. 6 Гнарівського дозволяють долучити до такого зіставлення й регіон Надпоріжжя. Адже пох. 1 Хохольського здійснене у незвичайній для воронезької культури рамі з дубових колод. Співпадають орієнтації небіжчиків ДДБК на захід та південний захід з орієнтаціями, відповідно, поховань 3 і 1 Хохольського [Пряхин 1971, с. 119]. Зазначимо, що всі 3 кручені гривни походять з межиріччя Дніпра та Дону – комплексів ДДБК (Гнарівське, Керчик) та воронезької культури (Хохольський). Отже, саме в цьому ареалі доцільно шукати осередок їхнього виготовлення. Утім, не можна виключати й можливість існування іншого осередку – західного [Kostrzewski 1954, s. 22-57].

Синхронізація воронезької культури з етапами ІА, ІБ, ПА ДДБК та криволуцької культурної групи в межиріччі Дону та Волги [Литвиненко 2002, с. 76-85, рис. 1] знімає питання щодо абашевської присутності на Середньому Доні впродовж цих етапів, тобто, дистанціює її можливий вплив на згадані вище культурні утворення. Знайдені в пох. 6 Гнарівського бронзові скроневі підвіски в 1,5 оберти видані ще наприкінці 1980-х рр. [Вангородская 1987, с. 39, 42, рис. 1, 3]. Автор публікації наводить їм аналогії з поховань середньоволзької абашевської культури [Єфименко, Третьяков 1961, рис. 9, 1-6; 12, 1-3]. Про круглі підвіски в 1,5 оберти пише також П.Д. Ліберов, посилаючись на комплекси Покровського могильника в м. Енгельс Саратовської обл., які він вважав абашевськими, так само як і Хохольський курган, де фігурує срібна напівокругла в перетині підвіска, схожа на гнарівські [Ліберов 1977, с. 51]. Віднесення пох. 1 Хохольського до воронезької культури цілком позбавило ДВАК власне абашевських прикрас. Обмежену кількість прикрас у комплексах ДВАК мусив визнати й її відкривач [Пряхин 1977, с. 41].

Кераміка виявлена у стратиграфічно пізніших пп. 6 та 10 (ДДБК). Загалом, відсутність посуду в ранніх похованнях ДДБК є ознакою культурною, що утруднювала свого часу виділення поховань цієї культури. У пох. 6 виявлено відразу дві плоскодонні посудини: невеличкий горщик з тричленим ламаним профілем (рис. 6, 5) та площку з округлим тулубом та стягнутим вінцем (рис. 6, 1). Будь-яке декоративне оздоблення їх відсутнє, що також показово для поховального посуду ДДБК. Горщик з першого впускного пох. 10 зберігає біконічну форму та ребро на тулубі, підкреслене розчленованим насічками наліпним валиком, але вінце його вже плавно відігнуте назовні, а пропорції – низькі (рис. 7, 8). Плічка горщика прикрашені прокресленими та заштрихованими трикутниками, спрямованими вгору, хоча малюнку за відбитком у ґрунті бракує чіткості. Відзначимо також відмінності в домішках керамічного тіста. У перших двох посудинках помітні домішки жорстви (вапняк, кварцит), а в третьому – надмірна насиченість піском, що призвело до руйнування виробу вже під час поховального ритуалу. Керамічний бій зібрали й склали двома купками обабіч голови небіжчика. Не виключено, що для цього горщика взагалі не передбачалося утилітарне використання в побуті.

Варто наголосити також на певних особливостях поховального ритуалу ДДБК. Зокрема, використання шкури коня з черепом та кінцівками зафіксоване в пох. 15, де череп знаходився на перекритті в ногах жінки з дитиною, а кінцівки ніг тварини – за головами (рис. 8, 3). Окремий жертвник знаходився за 2,5 м на північний захід від пох. 6, де в ямці на

підстилки з трави лежав череп та передні кінцівки коня (рис. 5, 2). Зазначимо, що це найпопулярніші позиції шкур у похованнях раннього стратиграфічного горизонту ДДБК: в ногах – 33,7%, а в полі зору небіжчика – 49,5% [Литвиненко 2006, с. 223-224, табл. 1].

Привертає увагу варіативність підстилок в основних похованнях ДДБК: пох. 13/15, з півдня на північ – дитина (крейда + попіл), жінка (трава + попіл), чоловік (крейда + трава); пох. 8 (трава + кора + шкіра); пох. 6 (трава). До того ж чоловік у пох. 13 був, імовірно, загорнутий у циновку з трави. Використання дерева і трави фіксується також при облаштуванні перекрыттів поховань.

Вимагає обговорення проблема дерев'яного зрубу в ямі пох. 6, озвучена в першій інформації щодо розкопок кург. 1 [Ляшко 1983, с. 285]. В публікаційній частині нинішнього тексту мова йде про внутрішнє перекрыття, що лежало на виступах та складалося з чотирьох горбилів, два з яких, поперечні, коротші, лежали опуклою частиною догори, пласкою – до дна ями, а інші два були розташовані впритул до поперечних, але опуклістю донизу. Практично ми тут маємо раму з чотирьох плах, підігнаних у стик, встановлену на виступі та перекрыту впоперек дошками. Плахи, що склали раму, спочатку стояли на ребрі, а потім упали урізнібіч. Отже, мова має йти не про зруб, а одну з ранніх спроб побудови рами з плах, не надто вдалу, зважаючи на те, що дерев'яні секції не втрималися на ребрі. Численні варіації рам фіксуються серед ранніх поховань ДДБК з Орільсько-Самарського межиріччя [Ковалева 1981, с. 39-40, рис. 2]. Загалом, облаштування рами на виступах виявилось не оптимальним варіантом і від нього надалі відмовились.

Особливості поховальних ритуалів та виразний речовий супровід дозволяють вписати поховання ДДБК у розроблену вже періодизацію названої культури, яка спирається на численні стратиграфічні спостереження та типологію пряжок [Литвиненко 2012, с. 49-53, рис. 2-4, табл. 1]. Є підстави досить упевнено стверджувати, що основні пп. 13/15, 3, 6 можна відносити до періоду I розвитку ДДБК. Це була доба активного зведення могил, перш за все на ділянках степових межиріч, вільних від курганної забудови попередніх епох. Саме такою виявилась місцевість на північ від с. Гнаровського – мікрорайон, що входив до первинного осередку формування ДДБК на етапі IA [Литвиненко 2001, с. 38-40, рис. 1, 1-6]. Знаючи послідовність 4-х поховань ДДБК, можна не вагаючись віднести до раннього етапу найдавніше з них – колективне пох. 13/15 з опозитною орієнтацією та позицією небіжчиків. Свого часу, О.Р. Дубовська виділила найдавніший стратиграфічний обрій поховань бабинської культури з опозитним станом небіжчиків, що передував появі дощаних рам [Дубовская 1985, с. 19-21]. Скриньових конструкцій ще немає ні в пох. 13/15, ані в наступному пох. 3, яке супроводжувалося голівкою булави з серпентиніту з хрестовим розташуванням виступів (рис. 5, 8). Іншу булаву такого дизайну з Устьмані вже віднесено до етапу IA.

Важливо, що гривни є категорією інвентарю, показовою для етапу IA [Литвиненко 2001, с. 38], що підтверджує наявність у гривневому комплексі з Керчика (кург. 16, пох. 5) щонайдавнішої кільцевої двосторонньо опуклої кістяної пряжки [Труды 1999, с. 19, рис. 40, 3]. Отже, всі основні поховання кург. 1 Гнаровського датуються етапом IA ДДБК. Р.О. Литвиненко також звернув увагу на те, що гривни та круглі скроневі підвіски показові для поховань осіб чоловічої статі. Прикметно, що з гривнами (4 випадки) ховали дітей та підлітків, віком до 20 років [Литвиненко 2007, с. 160, прим. 32, рис. 1, 51-56]. У пох. 1 з Хохольського похована ніби-то дівчина 16-18 років (визначення В.П. Алексєєва). Зважаючи на те, що від кістяка збереглися лише декілька зубів, фрагменти ліктьової та двох гомілкових кісток ніг, надійність визначення статі викликає певні запитання [Пряхин 1983, с. 198, рис. 2, 1]. Проте, юний вік усіх 5-ти власників гривен поза сумнівами. Звернемо увагу на кореляцію поховань з гривнами (Гнаровське, Керчик, Відродження-II кург. 2, пох. 4) з довгими могилами другого типу, орієнтованими по лінії північний схід – південний захід [Труды 1999, с. 18, рис. 37, 7; Литвиненко 1993, с. 188, рис. 2].

Основні поховання Гнаровського, з урахуванням каліброваних дат ^{14}C для комплексів раннього періоду ДДБК, можна поставити у проміжок 2200-2000 BC cal, а впускне пох. 10 – віднести до третього періоду ДДБК з датою в межах 2000-1800 BC cal [Литвиненко 2009, с. 19-21]. Попередні датування, зокрема поховань із гривнами, були надто омолодженими. Нині вже згадується, як казус, визначення віку гривни з Хохольського в межах 1-ої чверті I тис. до н.е. [Либеров 1977, с. 53].

До поховань ПМЗК за особливостями поховального ритуалу, стратиграфією та речовим супроводом можна віднести пп. 2, 5, 8, 9, 11. Прояви цієї культури, досить яскраві в Середній Сіверськодонецчині, блякнуть при просуванні її носіїв на захід до Надпоріжжя. Більш ранніми видаються пп. 8, 9, 11, впущені до насипу В, а пп. 2 та 5 здійснювались вже у сформований вал довгої могили. Упадає в око компактність розташування поховань ПМЗК, зорієнтованих на її сакральну вісь. Усі вони впущені у проміжок валу поміж курганами В та С, але зорієнтовані головами на кург. А, тобто, панівна орієнтація змінюється на 180° . У північно-східному напрямку надалі нарощувалася й висота сакральної споруди. Мала місце уніфікація не лише орієнтації, але й стану небіжчика, орієнтованого на північний схід, з незначними відхиленнями, на лівому боці. Зазвичай, одна рука була зігнута в лікті під гострим кутом, долоня підведена до обличчя, а друга – під прямим, до ліктя першої. Прямий кут утворювали кістки ніг щодо хребта, а в колінах – гострий. Найяскравішим за ритуалом є парне пох. 5 з рештками горизонтальної обшивки ями дерев'яними плашками.

Варто зробити акцент на підстилки, з огляду на увагу до цього компоненту ритуалу в похованнях ДДБК. У пп. 2, 11 вона відсутня взагалі, а в пп. 5, 8 фіксується підсипка крейди та підстилка з трави (очерету). Лише у п. 9 наявна комбінація крейди та бурого тліну (шкіра). Можна дійти висновку, що увага до підстилок зменшується: зберігається підсипка дна ями крейдою, але обмежене використання трави.

Інвентар поховань ПМЗК включає: 2 горщики та вінце третього, бронзове тесло та каблучку, намисто з сурми. Кераміка має вертикальні пропорції зі штриховим загладжуванням поверхні, відведеним назовні вінцем, шийкою та округлим тулубом. Посуд декоровано тичками двозубого та вигнутого штампу, що показово для раннього періоду ПМЗК, а ще раніше – для воронезької культури. У тісті відзначені домішки жорстви (кварцит, слюда, крейда).

Цікавішими є металеві вироби: бронзові тесло, каблучка, сурм'яні намистини. Знаряддя праці вже видане й інтерпретоване В.І. Ключком як бойове тесло покровської зрубної культури. Дослідник наводить приблизні аналогії теслу з IV та V-ї шахтових гробниць Мікен та низки пам'яток Європи [Ключко 2006, с. 149-150, 169, рис. 69, 8-11]. Проте, найближчою аналогією теслу з Гнаровського є “стамеска” з культурного шару Барковського (І Пензенського) поселення ПМЗК у м. Пенза, РФ [Полесских 1956, рис. 10, 7]. Обидва знаряддя зближує наявність ромбічного упору, показового більше для ранніх ножів зрубного типу. Артефакт із Гнаровського має упор, вужчий ніж у виробу з Барковського, тобто, типологічно знахідка з Надпоріжжя є дещо пізнішою.

Бронзові каблучки, зроблені з тонкого роз'ємного дроту, круглого в перетині, іноді трапляються у похованнях ПМЗК [Березанская 1987, с. 30, рис. 2, 2]. Каблучка з пох. 8 є оригінальною, маючи два напівсферичні виступи (“перлини”) на дужці (рис. 7, 5). Схожі “перлини” присутні на вигині овальної скроневої підвіски з пох. 2, кург. 3 біля с. Покровка Амвросіївського р-ну Донецької обл. [Раскопки курганов 1990, с. 12, 72, рис. 17, б].

Дрібний бісер із самородної сурми з пох. 11 є характерним для ПМЗК, на відміну від класичних абашевських культур, де побутували прикраси з миш'якової бронзи та срібла [Горбунов 1976, с. 53-54; Кузьмина 1992, с. 49-58]. 567 виробів зі сурми, переважно намистин, виявлено в похованнях Покровської культури (ПМЗК) на Нижній Волзі [Малов 1992, с. 8]. Є вони й у похованнях покровського типу (ПМЗК) на сході України [Методические, 1990, с. 12, 73, рис. 18а; Литвиненко 1995, с. 77]. Місце знахідки намистин – біля тім'яної частини черепа – явно вказує на їхній зв'язок з головним убором чи стрічкою. З

огляду на те, що родовища сурми на теренах України відсутні (люб'язна інформація Д.П. Недопаки), припустимим є імпорт сировини чи готової продукції. Відзначимо, що кург. 3 біля с. Покровка на півдні Донецької обл. дав аналогії як каблучці з “перлинами” у вигляді скроневої підвіски з двома виступами (пох. 2), так і сурм'яному намисту, виявленому в комплексі з каблучкою з двоспиральним щитком (пох. 10) [Методические, 1990, с. 12, рис. 17б; 18а].

Найдавніше поховання БМЗК (7) було впущене в досипку валу над ранніми похованнями ПМЗК та прямо перекрило пох. 8. Стратиграфічно пох. 7 синхронне парному пох. 5 (ПМЗК). Пох. 4 (БМЗК) було впущене до наступної досипки довгої могили з найпізнішим пох. 2 (ПМЗК). Поховання БМЗК (пп. 1, 4, 7, 12, 14) займають верхню стратиграфічну позицію в кург. 1. Більшість з них (пп. 1, 12, 14) впущені в остаточно сформовану споруду довгої могили на незначну глибину (0,4-0,7 м). Вони теж загалом витримують сакральну вісь, але відстань між крайніми похованнями досягає 18 м, проти 9 м для ПМЗК. Відстань між сусідніми похованнями іноді досягає 8 м, а в покровців вона не перевищувала 2 м. Помітним стає відхилення від первинної сакральної вісі (до 3 м), коли у покровців – лише до 0,5 м. Не в останню чергу це пов'язано зі зміщенням маківки добудованої довгої могили, позначеної репером, на 6 м до північного заходу від згаданої осі та зміною загальної конфігурації споруди.

Поховання БМЗК виявляють зростаючу уніфікацію індивідуальних інгумацій. Через те, що всі поховання знаходилися в насипу, обриси ям зафіксувати не вдалося. Скелети більшості небіжчиків збереглися фрагментарно, у зібганому стані на лівому боці, головами на схід з незначними відхиленнями. Кисті зігнутих у ліктях рук знаходилися перед обличчям. Біля голови небіжчика, зазвичай, ставили один ребристий горщик горизонтальних пропорцій. Підстилки зафіксовані у двох похованнях (пп. 1, 7) як комбінації крейди та трави, показові для ритуалу більшості поховань попередніх культур у кург. 1. На окрему увагу заслуговує пох. 1, найпізніше серед інших та здійснене у кам'яній скрині за ритуалом кремації.

Відомо, що в населення БМЗК Надпоріжжя однією з поширених форм поховальних споруд були кам'яні скрині. Це дає підставу відносити Надпоріжжя до теренів зі значним поширенням кам'яних скринь, відомих також на Донецькому кряжі, Кальміусі та в Криму. Поширення цієї форми конструкцій прив'язане до виходів кам'яних порід, що впливало на особливості культурного розвитку названих регіонів. Аналіз основних рис обряду та речового супроводу Надпоріжжя свідчить, що поховання доби пізньої бронзи в скринях, зрубках, ямах чи без них, які спочатку розглядалися як “зрубні” [Братченко 1977, с. 12-17], нині віднесені до БМЗК [Отрошенко 2004, с. 163-168].

Численні стратиграфічні спостереження засвідчують пізню позицію поховань у кам'яних скринях щодо інших усипальниць БМЗК, що підтверджує й стратиграфічна колонка кург. 1 Гнаровського (рис. 9). Проте, не варто забувати, що поховання в кам'яницях мали в Надчорномор'ї глибокі традиції від доби енеоліту, пролонговані в культурному колі Бабине. Зокрема, у кам'яній скрині здійснено основне пох. 5 (ДДБК) у кург. 9, гр. II біля с. Петро-Михайлівка, по-сусідству з Гнаровським [Ляшко 2004, с. 65-66, рис. 79, 1-2]. Хоча в Доно-Волзькому лісостеповому межиріччі, звідки прийшли носії ПМЗК, кам'яні цисти не трапляються, натомість, з'явившись на берегах Сіверського Дінця, а потім і Дніпра, вони, вочевидь не відразу, все-таки почали споруджувати цисти, поруч з похованнями в ґрунтових ямах та зрубках. На північний захід від Гнаровського виявлені ще два невеликі могильники ПМЗК: Ясинувате I, кург. 16, пп. 4, 7, 9-12); Ясинувате II, кург. 12, пп. 2-6, 9, 11, 12, 14 [Ляшко 2004, с. 7-10, 27-30]. Показово, що пп. 2-5, здійснені в кам'яних скринях, знаходилися у другому стратиграфічному ряду могильника ПМЗК у кург. 12 [Ляшко 2004, рис. 35-37; Отрошенко 2004, с. 163-164]. Загалом же традиції зрубної спільноти Надпоріжжя допускали наявність декількох кам'яних скринь в одному кургані [Телегин 1977, с. 44-46, рис. 2, 1; с. 60-64, рис. 8-10; Ляшко 2004, с. 27-29, рис. 35-37; с. 35-37, рис. 43; 45]. Проте,

доступність будівельного матеріалу (плитняку) на Донецькому кряжі дозволяла доводити кількість цист під одним насипом до 19-ти (кург. 1 біля Степанівського поселення БМЗК) [Бровендер 2012, с. 109-128, рис. 35].

Пох. 1 виділяється в ряду поховань БМЗК не лише наявністю в сідловині довгої могили кам'яних вимосток та скрині, рясною підсипкою крейди, але й іншим ритуалом поховання – кремацією, пов'язаним з похованнями ймовірних служителів культури [Отрощенко 1993, с. 28-29]. Що таке припущення має під собою певні підстави, засвідчує найближча аналогія. У згаданій вище Довгій Могилі (кк. 8-9) на східному виїзді з с. Петро-Михайлівка в стики між насипами ДДБК впустили пох. 1, кург. 8 та пох. 4, кург. 9 (БМЗК). З ними дослідники пов'язують остаточне формування валу з використанням материкової глини. Обидва вузлові поховання БМЗК виконані за ритуалом кремації на стороні. Поруч з обома виявлені рештки кам'яних викладок, а пох. 1 знаходилося в скрині з гранітних брил. Дно обох усипальниць було посипане крейдою, а серед речей супроводу, окрім горщиків, були дерев'яна чаша з металевим окуттям (пох. 1), жолобчаста скронева підвіска, плакована золоту фольгою та ребра тварини на таці (пох. 4) [Ляшко 2004, с. 61-66, рис. 74-75, 78].

Унікальною конструктивною особливістю пох. 7 є прямокутна ямка, до якої були опущені стопи та гомілкові кістки ніг (рис. 7, 1). Аналогії такому відхиленню серед поховань БМЗК нам не відомі.

Речовий супровід поховань БМЗК представлений ребристими горщиками низьких пропорцій, окрім зруйнованого пох. 4. Орнамент обмежений комбінаціями зигзагів з прокреслених ліній чи відбитків шнура, оторочених нігтьовими насічками по ребру та краю вінець. Вирізняється ребриста посуда з пох. 7, вкрита рожевим ангобом з домішкою слюди в тісті. Важливо підкреслити, що ангобований посуд з використанням вохри та інших барвників є показовим саме для БМЗК з вірогідним осередком виготовлення на Донецькому кряжі, в ареалі її степанівського локального варіанту [Пряхин 2000, с. 42-46, рис. 26, 3; Бровендер 2012, с. 100-102]. Для закріплення ангобу на поверхнях посуду застосовували технологію повторного його випалу. Матеріали розкопок в зонах меліорації засвідчують, що ангобований посуд поліпшеної якості користувався підвищеним попитом у населення БМЗК Надпоріжжя та прилеглих до нього регіонів Запорізького та Дніпропетровського Лівобережжя. Загалом, фарбований посуд БМЗК є специфічною ознакою саме цієї культури.

Пам'ятки раннього періоду ПМЗК датуються в інтервалі 1900-1600 BC cal, а комплекси БМЗК – 1600-1175 BC cal [Литвиненко 2009, с. 21]. Утім, останні пакети дат по Картамиському мікрорайону БМЗК дозволяє понизити початкову дату цієї культури принаймні на 100 років [Бровендер 2010, с. 92].

Стратиграфічна колонка нашого кургану, в основі якої знаходяться основні поховання ДДБК, а на вершечку – єдине поховання БМЗК у цисті, дає можливість розглядати комплекси поховань у контексті послідовної зміни археологічних культур: ДДБК – ПМЗК – БМЗК з визнанням факту певної синхронізації відносно пізніх поховань ПМЗК з ранніми похованнями БМЗК. Відповідно, в кург. 1 можна виділити три культурні горизонти, що відбивають послідовність процесів перехідного періоду та доби пізньої бронзи. Зокрема, вимальовується процес трансформації ДДБК в БМЗК за участі ПМЗК. Принципово важливою є присутність виразних покровських елементів на початковому етапі доби пізньої бронзи. Судячи з наявного матеріалу, покровський вплив мав місце лише на пізньому, заключному етапі ДДБК. Зокрема, горщик з пох. 10, останнього з комплексів ДДБК, свідомо розбитий під час поховального ритуалу, що траплялося й у практиці носіїв ДВАК [Пряхин 1977, с. 40].

У другому культурному горизонті (пп. 2, 5, 8, 9, 11) представленому похованнями ПМЗК, спостерігається цілковита узгодженість щодо позицій тіл небіжчиків та їхньої орієнтації: всі поховання середнього та слабкого стану скороченості, на лівому боці, орієнтовані на північ-північ-схід та північний схід, позиція рук – близька: ліва рука зігнута під гострим, а права – під прямим кутом, з кистю, підведеною під лікоть лівої руки (рис. 6,

II). Таке розташування рук не показове для ПМЗК і, швидше за все, вже запозичене у населення ДДБК.

Останнє поховання кургану (кремація) є цікавим з огляду на розміщення в похованні кальцинованих кісток та посудини з таким розрахунком, ніби померлий лежав на лівому боці, головою на північний схід, а посудину було поставлено перед обличчям. Отже, й це поховання, фактично, продовжує чітку традицію положення та орієнтації померлих, прийняту в кург. I у “зрубний” час. Третій культурний горизонт позначений типовим станом небіжчиків на лівому боці в сильно скорченому стані зі східною-північно-східною орієнтацією, характерною для комплексів БМЗК (рис. 6, III).

Стабільність в позах та орієнтації небіжчиків відмічено для другого та третього горизонтів, тоді як у першому горизонті серед небіжчиків ДДБК є деякі варіанти позицій та орієнтацій, що пояснюється, швидше, статевою належністю та соціальним статусом померлих. Поховання ПМЗК та БМЗК різняться за ступенем зігнутої скелета та наявністю парних поховань у першій культурі (рис. 6, I-III). Стратиграфічні горизонти кург. I загалом підтверджують ці спостереження. Вертикальні пропорції в кераміці, її оздоблення, ритуал поховання загалом не суперечать більш ранній даті поховань ПМЗК та дозволяють говорити про участь її носіїв у формуванні БМЗК в Дніпровському Надпоріжжі.

Підтверджується відсутність абашевських проявів у Наддніпрянщині, відкриття яких і раніше уявлялось малоімовірним [Гершкович 1982, с. 59]. Окремі артефакти, на кшталт округлих скроневих підвісок у 1,5 оберти, могли потрапляти до ареалу культурного кола Бабіне за посередництва населення воронізької культури. Водночас, матеріали з кург. I біля с. Гнаровське дозволяють чіткіше окреслити межі проникнення на захід питомих артефактів ПМЗК, які раніше подавались в “абашевській” інтерпретації, та позначити західний кордон покровських проявів. Своєрідність існуючої картини взаємопроникнень культурних традицій пояснюється складним процесом трансформації ДДБК на теренах Дніпровського Лівобережжя в БМЗК. Роль каталізатора тут виконали відносно нечисленні групи носіїв ПМЗК. Таким чином, у Нижній Наддніпрянщині та Надпоріжжі мала місце не послідовна зміна культур (ДДБК – ПМЗК – БМЗК), а накладення покровських рис на пізній пласт пам'яток культурного кола Бабіне. Все це дуже важливо для прояснення питань міграцій, зв'язків та історичних доль носіїв культур перехідного періоду від середнього до пізнього бронзового віку та доби пізньої бронзи.

Стратиграфія та планіграфія поховань у кург. I дозволяє ставити питання щодо культурної спадкоємності, принаймні для носіїв згадуваних вище трьох культур. Стабільна послідовність у розміщенні соціально неординарних поховань в кургані відносно первинного пох. 13/15 не була випадковою. Адже можна було про нього “забути” і великими досипками істотно перебудувати насип, що поступово ставав надбаням представників різних культур. Між тим, наступні основні поховання та пов'язані з ними насипи та досипки послідовно вибудовували сакральну вісь з південного заходу на північний схід. Створена вздовж цієї осі довга могила ДДБК використовувалась та добудовувалась і населенням ПМЗК. Носії останньої здійснювали поховання своїх родичів уздовж тієї ж осі (рис. 10). Отже, вони сприйняли та підтримали сакральний статус довгої могили від попередників, здавалося б культурно їм чужих. Населення БМЗК, у свою чергу, істотно добудувало північно-східну частину довгої могили, не втрачаючи уявлення щодо осі та влаштовуючи вздовж неї й поховання своїх родаків. Вищевказаний факт говорить про культурно-духовну пам'ять будівничих курганів загалом і довгих могил зокрема. Незважаючи на значну плінність населення (ДДБК, ПМЗК, БМЗК), незмінність у часі дій та світосприйняття необхідних ритуалів наявні. І це ще раз підтверджує здогад, що загальна конфігурація кургану (з наступними впускними похованнями) створювався свідомо. Чітко фіксується залежність місця в насипу поховань з інвентарем різної значущості. З цього випливає ще одне припущення: можна вважати, що у випадку, коли основним у кургані з досипками є неординарне (за сукупністю ознак) поховання, то й інші у цьому кургані належатимуть до

таких же за статусом – незалежно від того, чи матимуть багатий та цікавий інвентар. Бо ж є ще те, чого не зберігає час – тканини, кольори, малюнки, зачіски, татування тощо і що не менш важливе за збережений інвентар. І, навпаки, над ординарним основним похованням у наступних насипах-досипках мають бути такі ж, або близькі їм. Звідси впливає можливість реального розподілу поховань (могильників) за соціальним статусом.

Висновки. Матеріали розкопок кург. 1 біля Гнаровського є важливим додатковим джерелом для розуміння культурних процесів, які мали місце в Наддніпрянщині й, ширше, Дніпро-Донецькому межиріччі в XXI-XIII ст. до н.е. Специфіка довгих могил з їхньою достатньо чіткою стратиграфією та розведеною в осьовому просторі планіграфією поховань дозволяє не лише детальніше простежити послідовність поховальних комплексів у часі, але й виразніше вловлювати риси культурної спадкоємності від перехідного періоду між середньою та пізньою бронзою до завершення доби пізньої бронзи близько 1200 р. до н.е. Вважаємо, що вивчення окресленого вище відтинку часу є сенс окремо проводити на “чистих” курганних могильниках, на кшталт Гнаровського та Пришибу, тимчасово виносячи за дужки споруди III тис. до н.е. – діб ранньої та середньої бронзи. У ситуації чистого аркуша (незайманого поля) архітекторам нових курганних груп ніщо не заважало творити нові візуальні образи, не підлаштовуючись під смаки та задуми попередників. Безумовно, це був окремий період курганного будівництва зі своїми ідеологічними парадигмами. Поворотний для історії та праісторії Старого Світу XIII в. до н.е. породив нові парадигми, а, відповідно, й нові культури та інші образи курганних груп. Носії білозерської культури, в свою чергу, дистанціюючись від поховальних споруд доби пізньої бронзи, створили нечисленні, але власні курганні та курганно-грунтові некрополі на вільних від могильної забудови ділянках Степу. Відбулося повернення до архітектури круглих могил, але з іншими будівельними прийомами, розкрученими вже за доби раннього заліза.

Отроценко В.В., Салий Н.Г.

КУРГАН 1 У с. ГНАРОВСКОЕ В НАДПОРОЖЬЕ

Статья посвящена публикации, анализу и интерпретации материалов раскопок кургана у с. Гнаровское Вильнянского р-на Запорожской обл., что на левом высоком берегу Днепра. Конструктивно публикуемый курган относится к длинным могилам второго типа (гантелевидные). Цепочка курганов А–С–В, образовавших удлиненную насыпь, возведена населением Днепро-Донской бабинской культуры в переходный период от среднего к позднему бронзовому веку (погребения 3, 6, 13/15). К этой же культуре относится и первое впускное погребение 10. Последующие впускные погребения и локальные досыпки представляют Покровско-Мосоловскую (погребения 2, 5, 8, 9, 11) и Бережновско-Маевскую (погребения 1, 4, 7, 12, 14) культуры срубной общности эпохи поздней бронзы. Материалы раскопок являются важным источником для понимания культурных процессов, происходивших в Поднепровье и Днепро-Донецком междуречье в XXI-XII вв. до н.э. Специфика длинных могил с их четкой стратиграфией и привязанной к главной (сакральной) оси сооружения, планиграфией погребений позволяет не только детальнее проследить последовательность погребальных комплексов во времени, но и определеннее улавливать черты культурной преемственности от переходного периода к этапам позднего бронзового века. Публикуемый курган ярко представляет особый период курганного строительства в причерноморских степях со своими тенденциями обрядовой практики, ритуальной архитектуры, идеологических воззрений и подходов к преобразованию природных ландшафтов человеком.

Ключевые слова: длинная могила, стратиграфия, сакральная ось, культурный круг Бабино, Днепро-Донская бабинская культура, срубная культурная общность, Покровско-Мосоловская срубная культура, Бережновско-Маевская срубная культура.

**BARROW 1 NEARBY GNAROVSK'KE VILLAGE,
ABOVE THE DNEPR RAPIDS**

The article is devoted to the presentation, analysis and interpretation of materials coming from the excavations of barrow on the high left bank of the Dnepr river nearby Gnarovsk'ke village, Vilnyansk district of Zaporozhye region. This barrow constructively refers to long graves of second type (dumbbell-like). Shaping an elongated mound, the chain of barrows A-C-B was erected by the population of the Dnepr-Don Babyne culture in course of Middle to Late Bronze Age transition (burials 3, 6, 13 /15). The earliest secondary burial 10 also belongs to the same culture. Subsequent secondary burials and local improvements of mound are referred to Pokrovsk-Mosolovka (burials 2, 5, 8, 9, and 11) and Berezhnovka-Majivka (burials 1, 4, 7, 12, and 14) cultures of the late Bronze Age timber-grave entity. Recovered materials represent an important source for understanding the cultural processes which took place in Dnepr basin and Dnepr-Donets interfluvium in XXI-XIII centuries BC. The specificity of long graves with their clear stratigraphy and spatial pattern, tied to the main (sacral) axis of construction, not only allow to trace more precisely the succession of funerary complexes through time, but also to define more certainly the cultural continuity between the transitional period and the stages of the Late Bronze Age. The represented barrow brightly reflects the special period of practice of kurgan construction in Black Sea steppes, that characterized by peculiar tendencies of ritual practice, ritual architecture, ideologies, and approaches to the anthropic transformation of natural landscape.

Keywords: long grave, stratigraphy, sacred axis, Babyne cultural circle, Dnepr-Don Babyne culture, timber-grave cultural entity, Pokrovsk-Mosolovka timber-grave culture, Berezhnovka-Majivka timber-grave culture.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ І ЛІТЕРАТУРИ

Березанская С.С. Памятники марьяновского типа / С.С. Березанская // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 397-403.

Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) / С.С. Березанская // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 26-37.

Беседин В.И. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы / В.И. Беседин // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Вып. 5. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1986. – С. 71-78.

Братченко С.Н. Пам'ятки багатоваликової кераміки / С.Н. Братченко // Археологія Української РСР: у 3 т. – К.: Наук. думка, 1971. – Т. I. – С. 334-343.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С.Н. Братченко. – К.: Наук. думка, 1976. – 252 с.

Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.

Братченко С.Н. Погребения срубной культуры / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977а. – С. 12-17.

Бровендер Ю.М. Картамыський комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в Центральному Донбасі / Ю.М. Бровендер, В.В. Отрошенко, А.Д. Пряхін // Археологія. – 2010. – № 2. – С. 87-101.

Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком краже / Ю.М. Бровендер. – Алчевск: Изд-во ДонГТУ, 2012. – 236 с.

Вангородская О.Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений / О.Г. Вангородская // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 38-48.

Гершкович Я.П. Абашевские погребения в бассейне Северского Донца / Я.П. Гершкович // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг.: тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. – Днепропетровск, 1980. – С. 64-65.

- Гершкович Я.П.** Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб / Я.П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 46-61.
- Горбунов В.С.** Украшения племен уральской абашевской культуры / В.С. Горбунов // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Изд-во КуйбГПИ, 1976. – С. 53-54.
- Дубовская О.Р.** Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья / О.Р. Дубовская // Археология и краеведение – школе: тез. обл. семинара. – Донецк, 1985. – С. 19-21.
- Ефименко П.П.** Абашевская культура в Поволжье / П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков // МИА. – № 97: Абашевская культура в Среднем Поволжье. – М., 1961. – С. 43-110.
- Житников В.Г.** Поховання зрубної спільноти з булавами / В.Г. Житников, В.В. Циміданов // Археологія. – 1999. – № 1. – С. 131-138.
- Клочко В.І.** Озброєння та військова справа давнього населення України / В.І. Клочко. – К.: АртЕк, 2006. – 336 с.
- Ковалева И.Ф.** Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда) / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – 78 с.
- Ковалева И.Ф.** Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины) / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1983. – 108 с.
- Ковалева И.Ф.** Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы / И.Ф. Ковалева // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988. – С. 20-33.
- Кривцова-Гракова О.А.** Бессарабский клад / О.А. Кривцова-Гракова // Труды ГИМ. – Вып. 1. – М.: Изд-во ГИМ, 1949. – 28 с.
- Кузьмина О.В.** Относительная хронология культур абашевской культурно-исторической общности / О.В. Кузьмина // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 118-119.
- Кузьмина О.В.** Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье / О.В. Кузьмина. – Самара: Изд-во Самар. пед. ин-та, 1992. – 128 с.
- Кузьмина О.В.** Соотношение абашевской и покровской культур / О.В. Кузьмина // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 27-51.
- Либеров П.Д.** О хронологии абашевской культуры / П.Д. Либеров // СА. – 1977. – № 2. – С. 43-54.
- Литвиненко Р.А.** Курганный могильник Возрождение II на Донетчине / Р.А. Литвиненко // РА. – 1993. – № 3. – С. 188-197.
- Литвиненко Р.О.** Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. на здобуття вчен. степеню канд. іст. наук: спец. 07.00.06 “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 1994. – 21 с.
- Литвиненко Р.А.** Памятники покровского типа на Северском Донце / Р.А. Литвиненко // Археологические вести. – № 4. – СПб., 1995. – С. 73-82.
- Литвиненко Р.А.** Была ли абашевская культура на Украине? / Р.А. Литвиненко // АВЛ. – Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1998. – С. 90-100.
- Литвиненко Р.О.** Про виділення первинного осередку культури Бабине (КБК) / Р.О. Литвиненко // Праці наукової конференції ДонНУ за підсумками науково-дослідної роботи за період 1999-2000 рр. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-ту, 2001. – С. 38-40.
- Литвиненко Р.А.** Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона / Р.А. Литвиненко // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 76-85.
- Литвиненко Р.А.** Опыт выявления пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино / Р.А. Литвиненко // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 3. – Донецк: Изд-во Дон. ун-та, 2006. – С. 215-236.
- Литвиненко Р.О.** Статеві-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур / Р.О. Литвиненко // МДАСУ. – № 7: Від неоліту до кіммерійців. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2007. – С. 156-172.

- Литвиненко Р.О.** Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток). – Дис. ... докт. іст. наук. – К., 2008. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – № 879. – 759 с.
- Литвиненко Р.О.** Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... д-ра іст. наук.: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2009. – 32 с.
- Литвиненко Р.О.** До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я / Р.О. Литвиненко // ДАЗ. – № 13/14. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-ту, 2010. – С. 30-66.
- Литвиненко Р.А.** Бабинсько-Криволуцьке порубіжжя / Р.О. Литвиненко // ДАЗ. – № 16. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-ту, 2012. – С. 47-76.
- Ляшко С.Н.** Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье / С.Н. Ляшко // АО 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С. 284-285.
- Ляшко С.Н.** Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) / С.Н. Ляшко, З.Х. Попандопуло, О.В. Дровосекова. – Запорожье: Дикое Поле, 2004. – 178 с.
- Макаревич А.В.** Довгі могили бабинської спільноти / А.В. Макаревич // Магістеріум. – Вип. 36: Археологічні студії. – К., 2009. – С. 27-33.
- Макаревич А.В.** Питання про походження довгих могил (IV-III тис. до н.е.) / А.В. Макаревич // Археологія. – 2010. – № 2. – С. 57-68.
- Малов Н.М.** К вопросу о памятниках покровского типа / Н.М. Малов // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Изд-во КуйБГПИ, 1978. – Т. 221. – С. 58-59.
- Малов Н.М.** О выделении покровской культуры / Н.М. Малов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы: тез. докл. вторых Рыковских чтений. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – С. 50-53.
- Малов Н.М.** Погребения с булавами и втоками из Натальевского могильника / Н.М. Малов // АВЕС. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991а. – С. 15-42.
- Малов Н.М.** “Абашеские памятники” Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 1992. – 16 с.
- Марковин В.И.** Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) / В.И. Марковин. – МИА. – 1960. – № 93. – 152 с.
- Матвеев Ю.П.** История населения среднесоской катакомбной культуры: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология”. – М., 1982. – 24 с.
- Раскопки курганов** в зонах новостроек Донбасса: Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике / Сост. Д.П. Кравец, В.А. Посредников. – Донецк: Изд-во Дон. ун-та, 1990. – 96 с.
- Отрощенко В.В.** Конструктивные особенности длинных курганов Нижнего Поднепровья / В.В. Отрощенко // Открытия молодых археологов Украины: в 2 ч. – К.: Наук. думка, 1976. – Ч. 1. – С. 16-18.
- Отрощенко В.В.** Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. – К., 1981. – 22 с.
- Отрощенко В.В.** О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине / Отрощенко В.В. // История и археология Слободской Украины: тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф. – Харьков, 1992. – С. 163-165.
- Отрощенко В.В.** “Жреческие” комплексы в системе погребений срубной общности / В.В. Отрощенко // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. – Херсон, 1993. – С. 17-31.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о наличии “абашевских” комплексов в Украине / В.В. Отрощенко // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Матер. междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 143-144.
- Отрощенко В.В.** К истории племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2003а. – С. 68-96.
- Отрощенко В.В.** Вільнянські кургани в контексті генези бережнівсько-маївської зрубною культури / В.В. Отрощенко // Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) / С.Н. Ляшко, З.Х. Попандопуло, О.В. Дровосекова. – Запорожье: Дикое Поле, 2004. – С. 163-168.

Отрощенко В.В. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 году [В.В. Отрощенко, Я.И. Болдин, Т.Ю. Гошко, С.Н. Ляшко, Н.В. Ковалев, С.Н. Кравченко, С.Ж. Пустовалов, Ю.Я. Рассамкин, Н.Г. Салий, И.П. Савовский]. – НА ІА НАНУ. – № 1981/10. – 248 с.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке / А.Л. Нечитайло. – К.: Наук. Думка, 1978. – 152 с.

Печурица Е.Б. Дискуссия на семинаре / Е.Б. Печурица, А.С. Саврасов // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и матер. конф. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 73-81.

Писларий И.А. Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики / И.А. Писларий // Древняя история населения Украины. – К., 1991. – С. 52-66.

Полесских М.Р. В недрах времен / М.Р. Полесских. – Пенза, 1956. – 102 с.

Протоколы заседаний конференции “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы” // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 73-95.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1971. – 215 с.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1977. – 168 с.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1982. – 159 с.

Пряхин А.Д. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский / А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк // СА. – 1983. – № 3. – С. 197-202.

Пряхин А.Д. Поселение эпохи бронзы Капитаново II / [А.Д. Пряхин, В.В. Отрощенко, В.И. Беседин, Ю.М. Бровендер] // Археологические памятники Донского бассейна. – Вып. 4. – Воронеж, 2000. – 50 с.

Салий Н.Г. Новые материалы о контактах культур средней и поздней бронзы в Надпорожье / Н.Г. Салий // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: М.П. Грязнов и его место в археологии. Теория и методология археологии. Каменный и бронзовый века. Скифская проблематика. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1987. – С. 97-100.

Салий Н.Г. О культурном и социальном статусе погребенных ничком в эпоху бронзы и раннем железном веке / Н.Г. Салий // ДСПК. – Т. VI. – Запорожье, 1997. – С. 34-48.

Санжаров С.Н. Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца / С.Н. Санжаров // МДАСУ. – № 2. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2004. – С. 236-256.

Субботин Л.В. Семеновский могильник эпохи энеолита / Л.В. Субботин // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 45-95.

Телегин Д.Я. Вильнянская курганная группа / [Д.Я. Телегин, В.А. Круц, С.Н. Братченко, С.В. Смирнов, В.Н. Корпусова] // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 43-83.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / И.Н. Парусимов. – Азов, 1999. – Вып. 4. – 85 с.

Чередниченко Н.Н. Поселение срубной культуры на Луганщине / Н.Н. Чередниченко // СА. – 1970. – № 1. – С. 233-238.

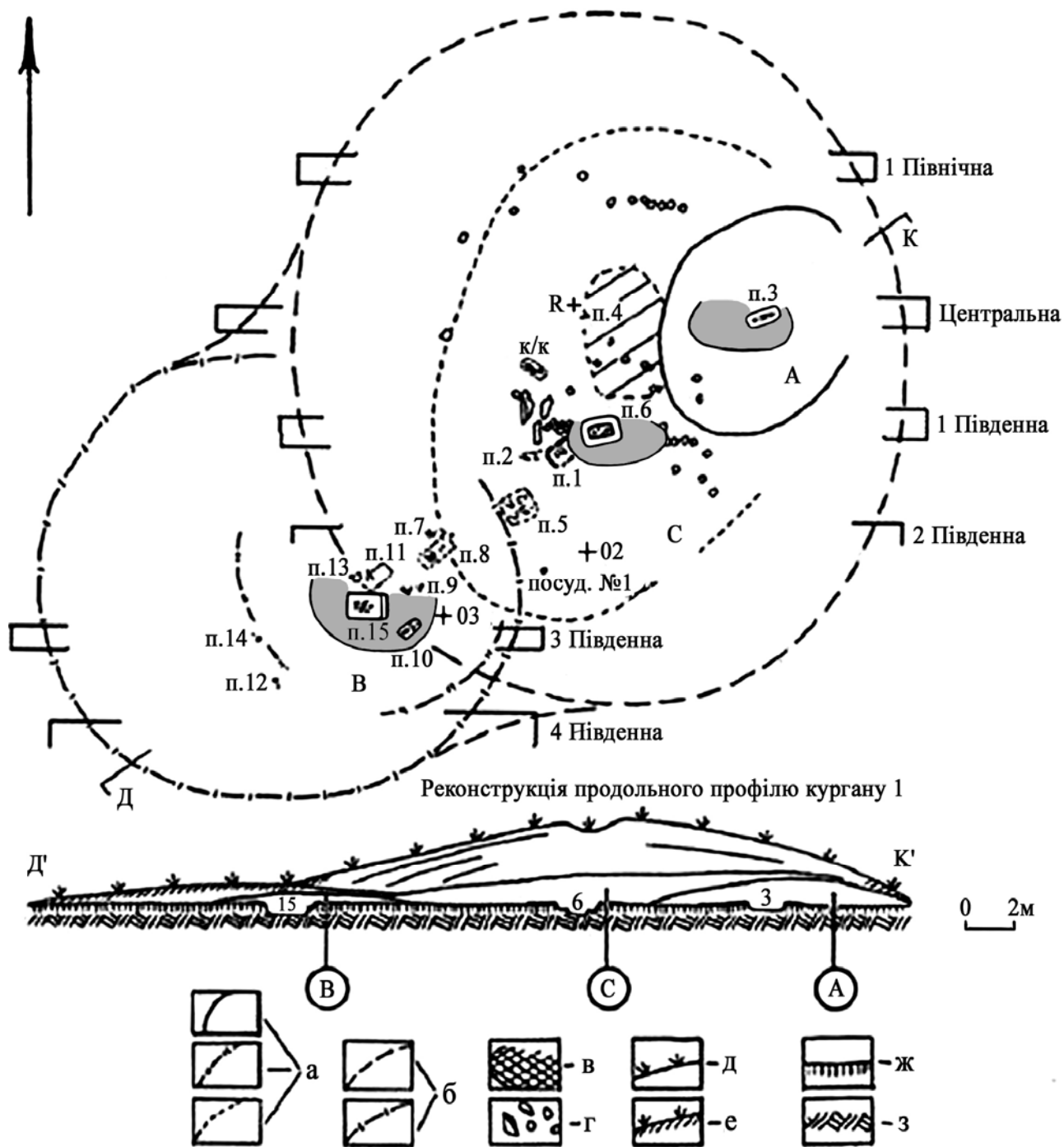
Чередниченко М.М. Питання хронології абашевської культури Середнього Дону / М.М. Чередниченко // Археологія. – 1973. – Вип. 6. – С. 20-29.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце / Т.А. Шаповалов // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 150-172.

Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) / Э.С. Шарафутдинова // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1987. – С. 27-47.

Kostrzewski J. Ze studion nad wczesnym okresem żelaznym w Polsce / Józef Kostrzewski // Slavia Antiqua. – Poznań; Wrocław, 1954. – Т. IV. – S. 22-57.

Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit / Ingo Motzenbäcker. – Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. – Bestandskataloge. – Bd. 3. – 294 S.

Умовні позначки: а – контури курганів (А,В,С) над основними похованнями; б – контури сучасного насипу; в – материковий викид; г – каміння в насипу; д – дерновий шар; е – орний шар; ж – древня денна поверхня; з – материковий ґрунт

Рис. 2. Гнарівське, курган № 1: загальний план та розріз

Fig. 2. Gnarovs'ke, mound 1: general plan and incision

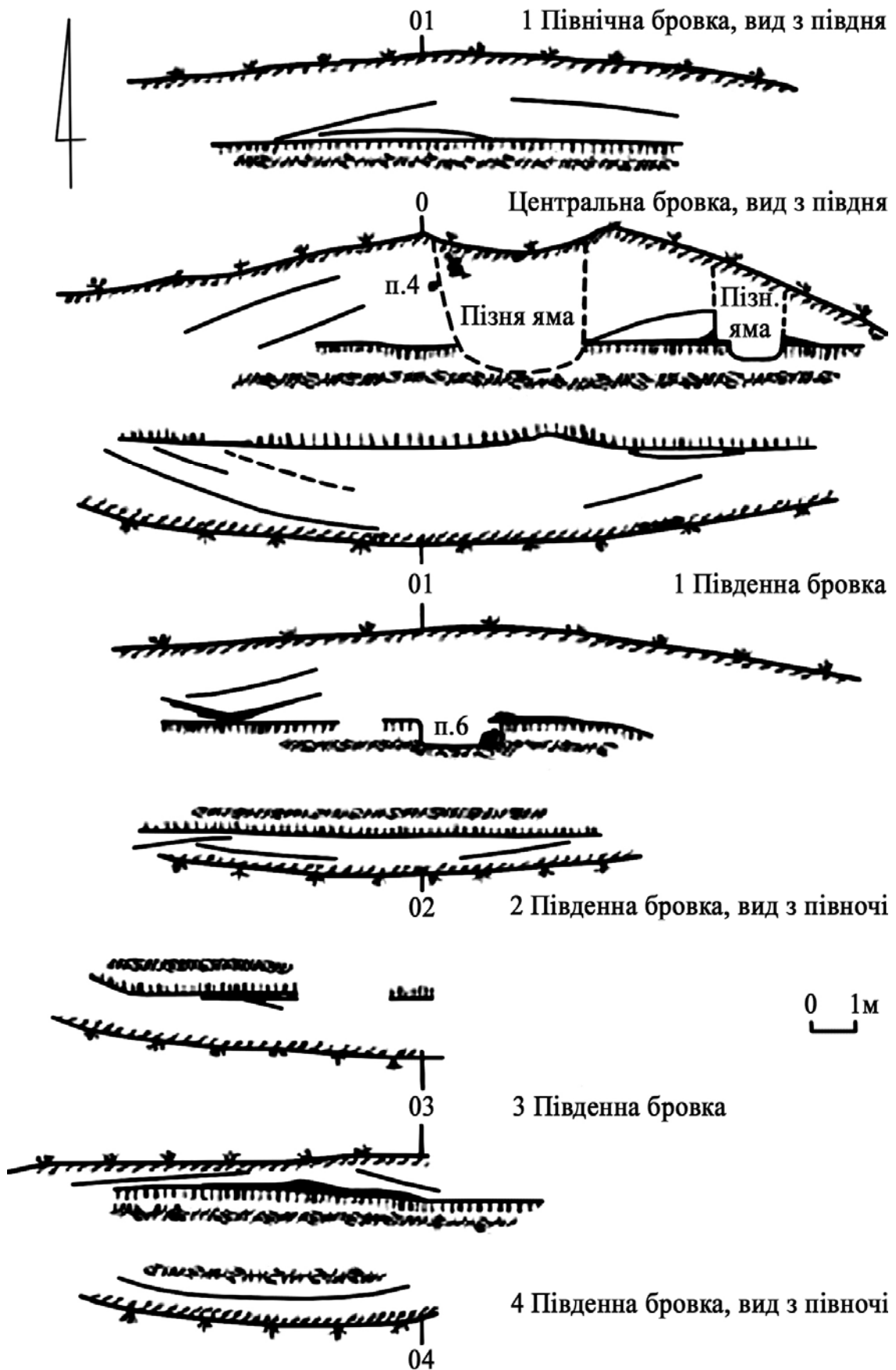
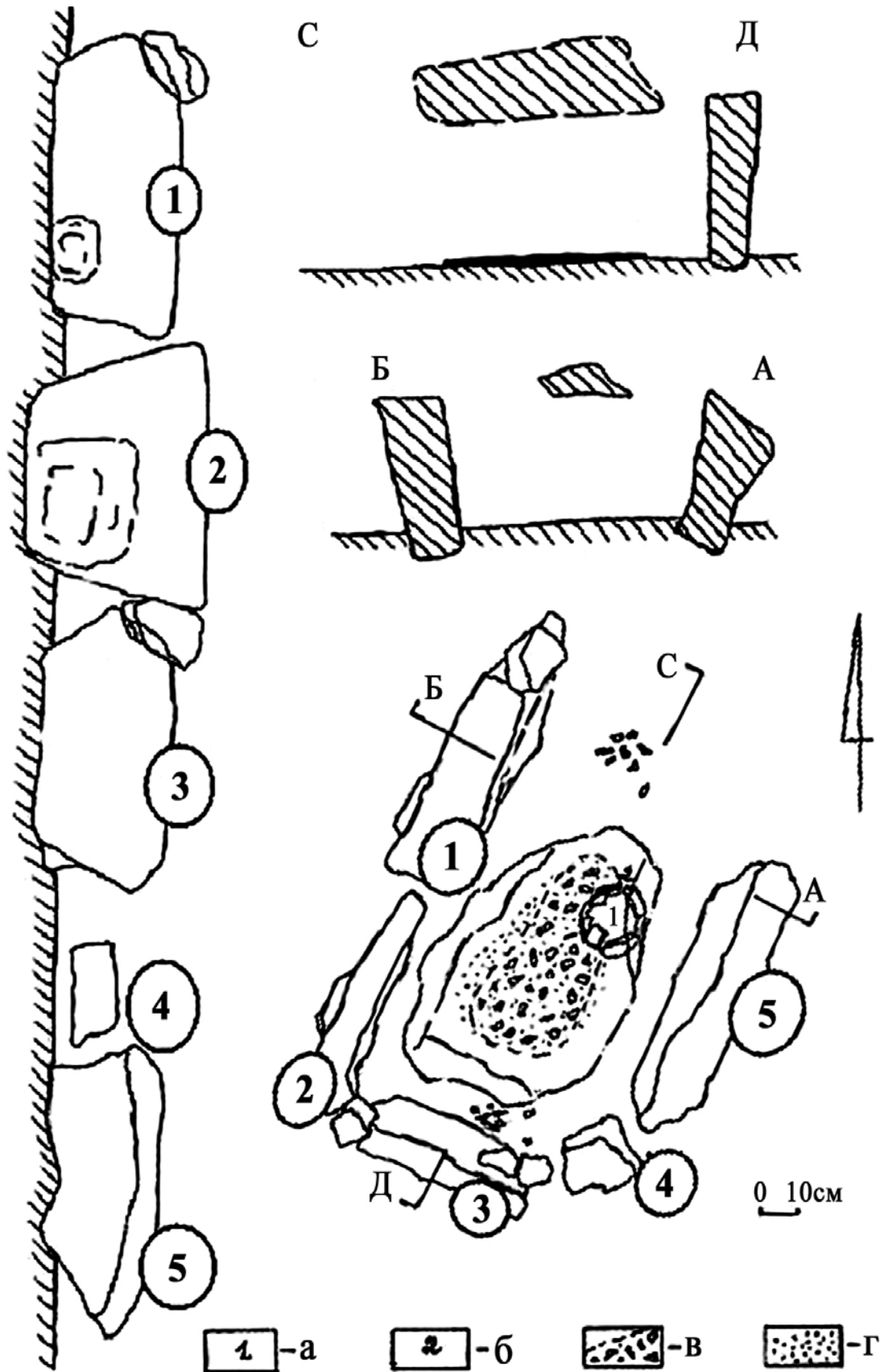

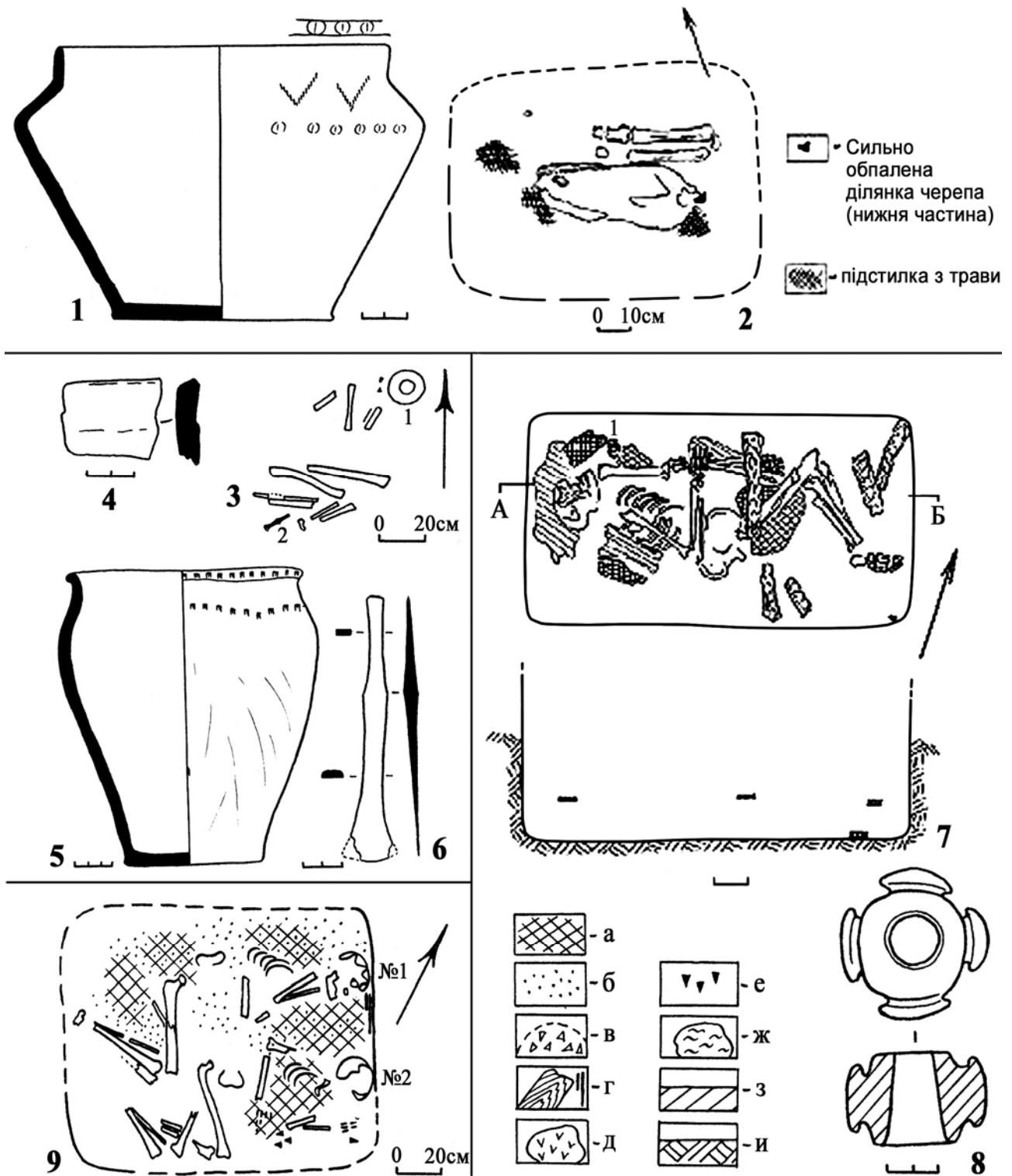
Рис. 3. Гнаровське. Бровки кургану № 1

Fig. 3. Gnarovs'ke, mound 1: stratigraphic incisions

Умовні позначки: 1 – посудина з поховання 1; 2 – кістка тварини; в – кальциновані кістки; г – крейда

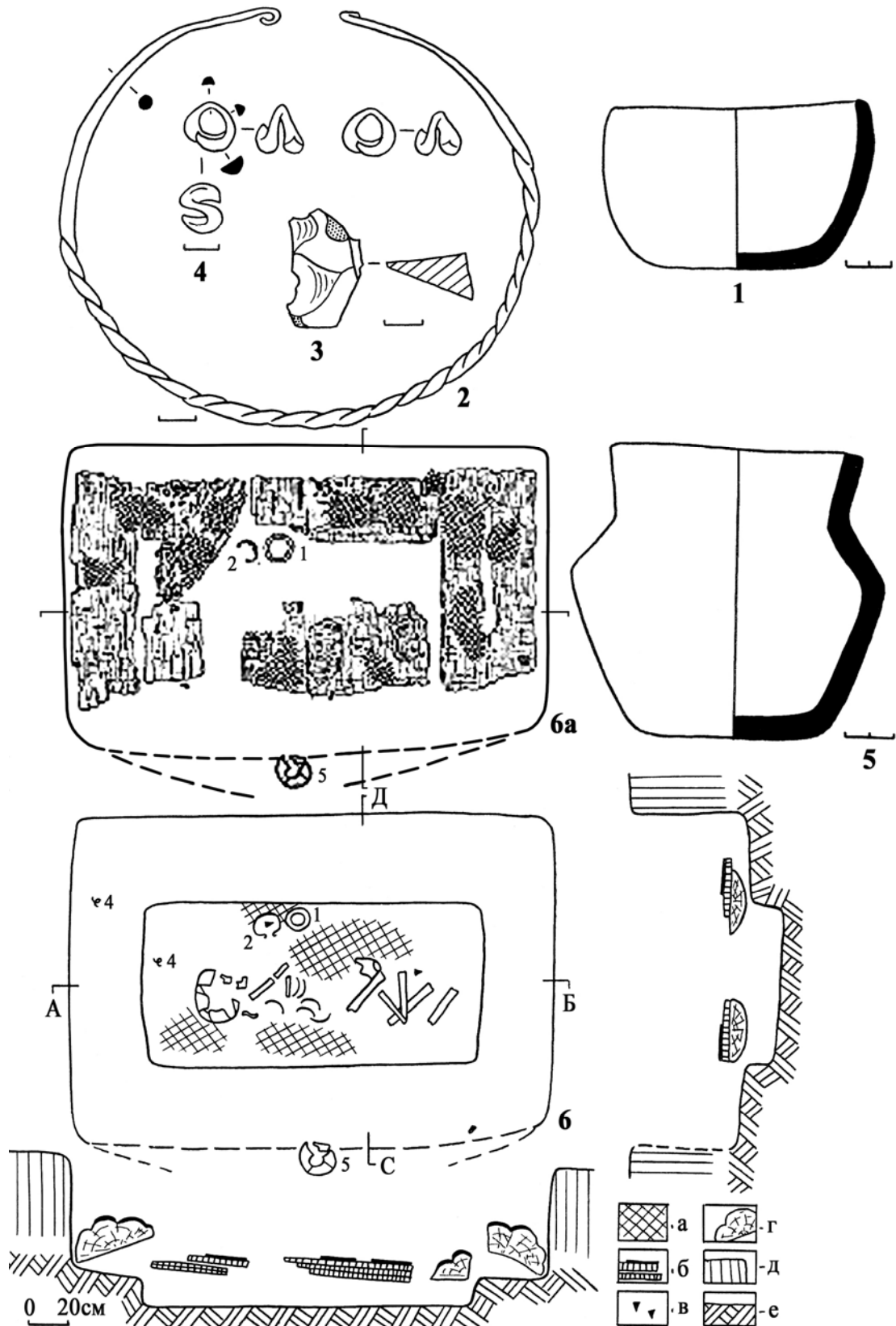
Рис. 4. Гнаровське. Курган 1 поховання 1: Розрізи та фасировка стінок кам'яної скрині
Fig. 4. Gnarovs'ke, mound 1, burial 1: incisions and view of the wall of stone tomb

Умовні позначки: а – трава; б – крейда; в – кальциновані кістки; г – дерево; д – шкіра; е – вуглинки; ж – луб (?); з – насип; и – материк

Рис. 5. Гнаровське, курган 1: 1 – посудина з поховання 1; 2 – жертвний комплекс з кургану; 3 – поховання 2 (1-посудина; 2-тесло); 4, 5 – кераміка з поховання 2; 6 – бронзовий предмет (“тесло”) з поховання 2; 7 – поховання 3 (1-булава); 8 – кам’яна булава з поховання 3; 9 – поховання 5.

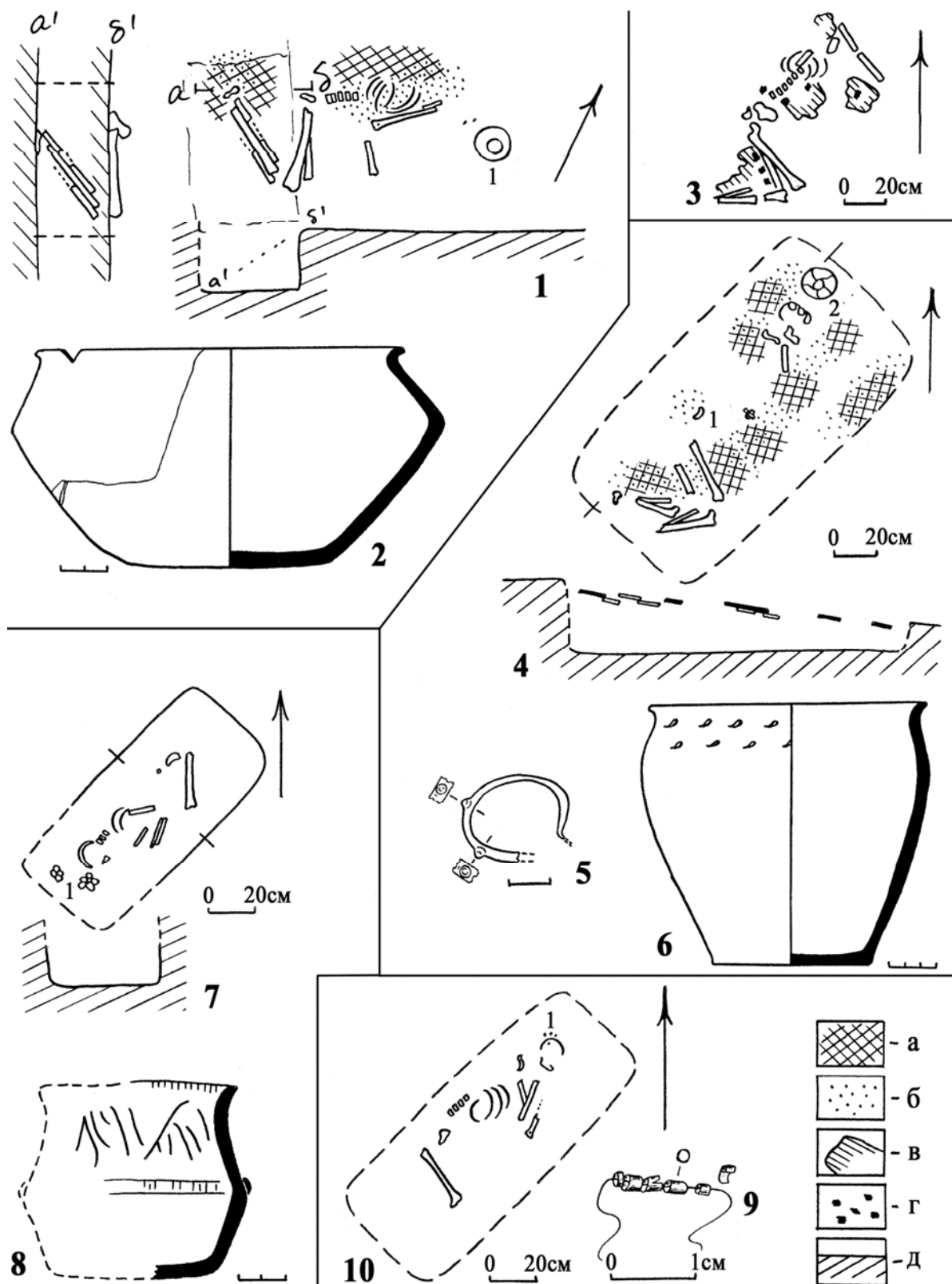
Fig. 5. Gnarovs'ke, burials of mound 1

Умовні позначки: а – трава; б – розріз перекриття (трава); в – вуглинки; г – розріз перекриття (дерево); д – деревня денна поверхня; е – материк

Рис. 6. Гнаровське. Курган 1, поховання 6: 1, 5 – посудини; 2 – бронзова гривна; 3 – кременевий відщеп; 4 – бронзові підвіски; 6, 6а – план та розріз, перекриття поховання 6

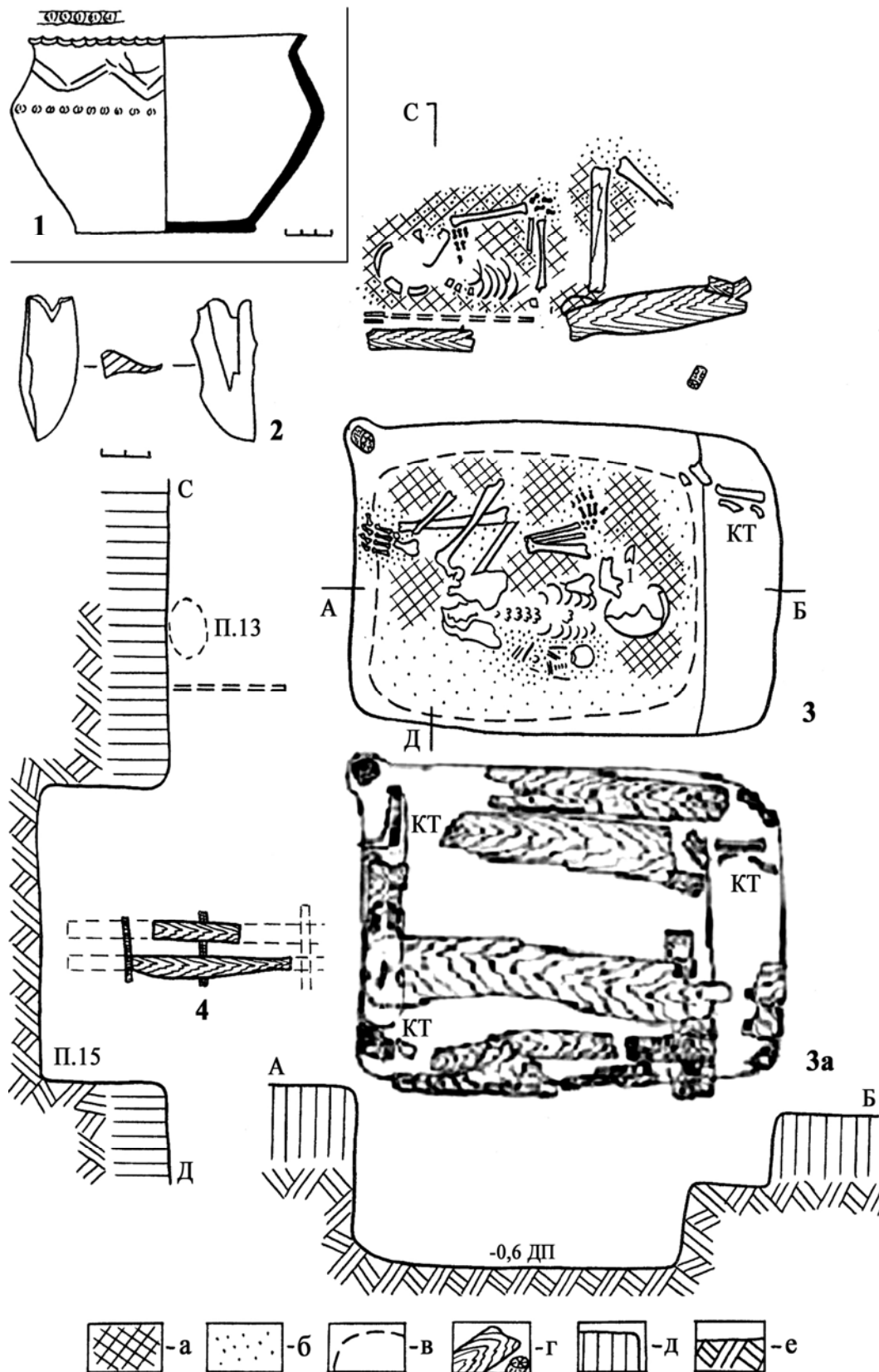
Fig. 6. Gnarovs'ke, mound 1, burial 6

Умовні позначки: а – трава; б – крейда; в – тлін бурого кольору; г – залишки шкіри; д – насип

Рис. 7. Гнаровське, курган 1: 1 – поховання 7 (1-посудина); 2 – посудина з поховання 7; 3 – поховання 9; 4 – поховання 8 (1-перстень бронзовий; 2-посудина); 5 – бронзовий перстень з поховання 8; 6 – посудина з поховання 8; 7 – поховання 10 (1-розвал посудини); 8 – посудина з поховання 10; 9 – намисто з поховання 11 (сурма); 10 – поховання 11

Fig. 7. Gnarovs'ke, burials of mound 1

Умовні позначки: а – трава; б – крейда; в – попіл; г – дерево; д – деревня денна поверхня; е – материк

Рис. 8. Гнаровське, курган 1 поховання 13, 15: 1 – посудина з поховання 14; 2 – кістяний предмет з поховання 15; 3 – план та розріз поховань 13, 15; 3а – перекриття поховання 15; 4 – дерев'яний “парканчик” з поховання 13; КТ – кістки тварини

Fig. 8. Gnarovs'ke, mound 1, burials 13 and 15

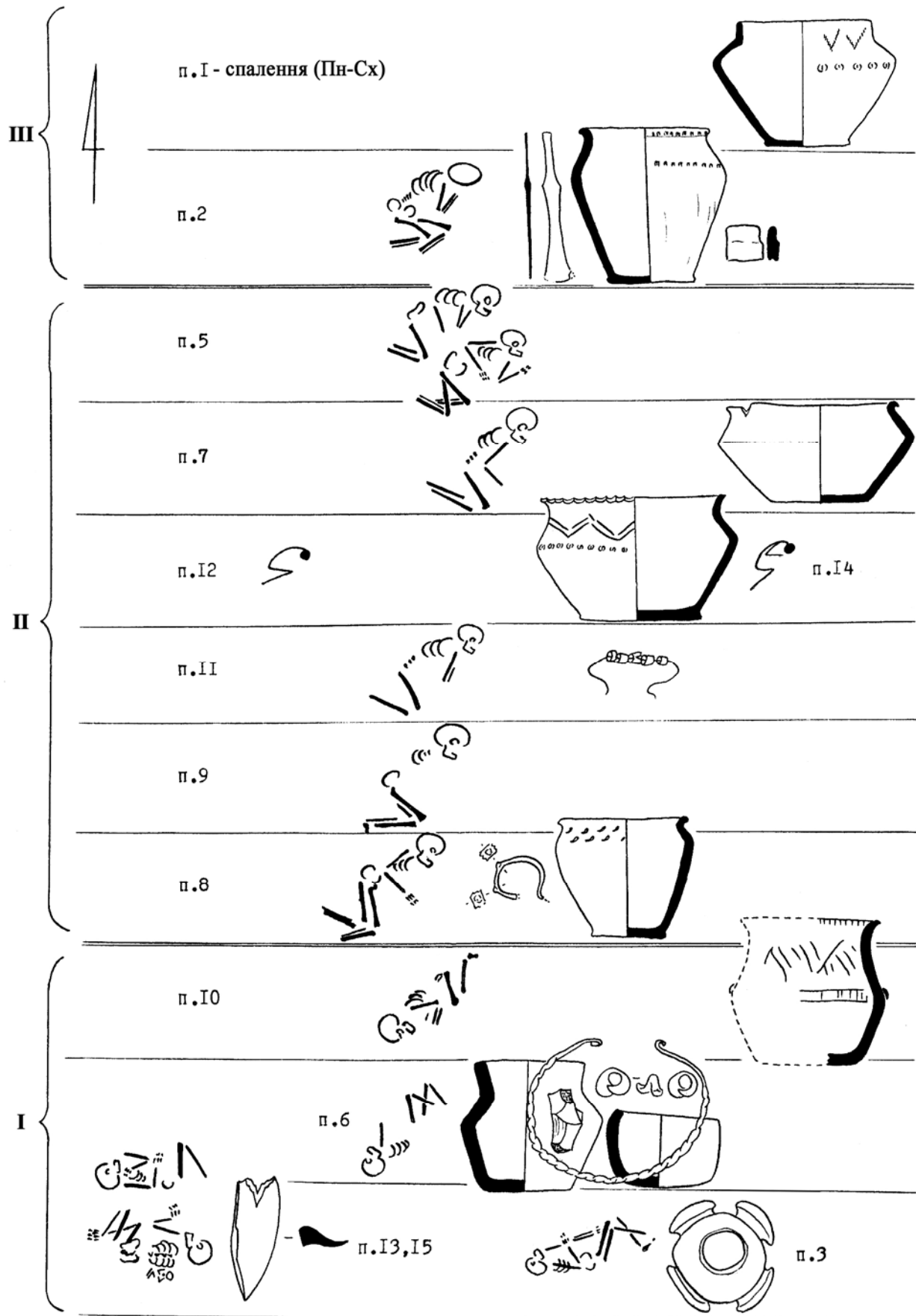

Рис. 9. Гнаровське, курган 1: стратиграфічна колонка поховань

Fig. 9. Gnarovs'ke, mound 1: stratigraphic sequence of burials

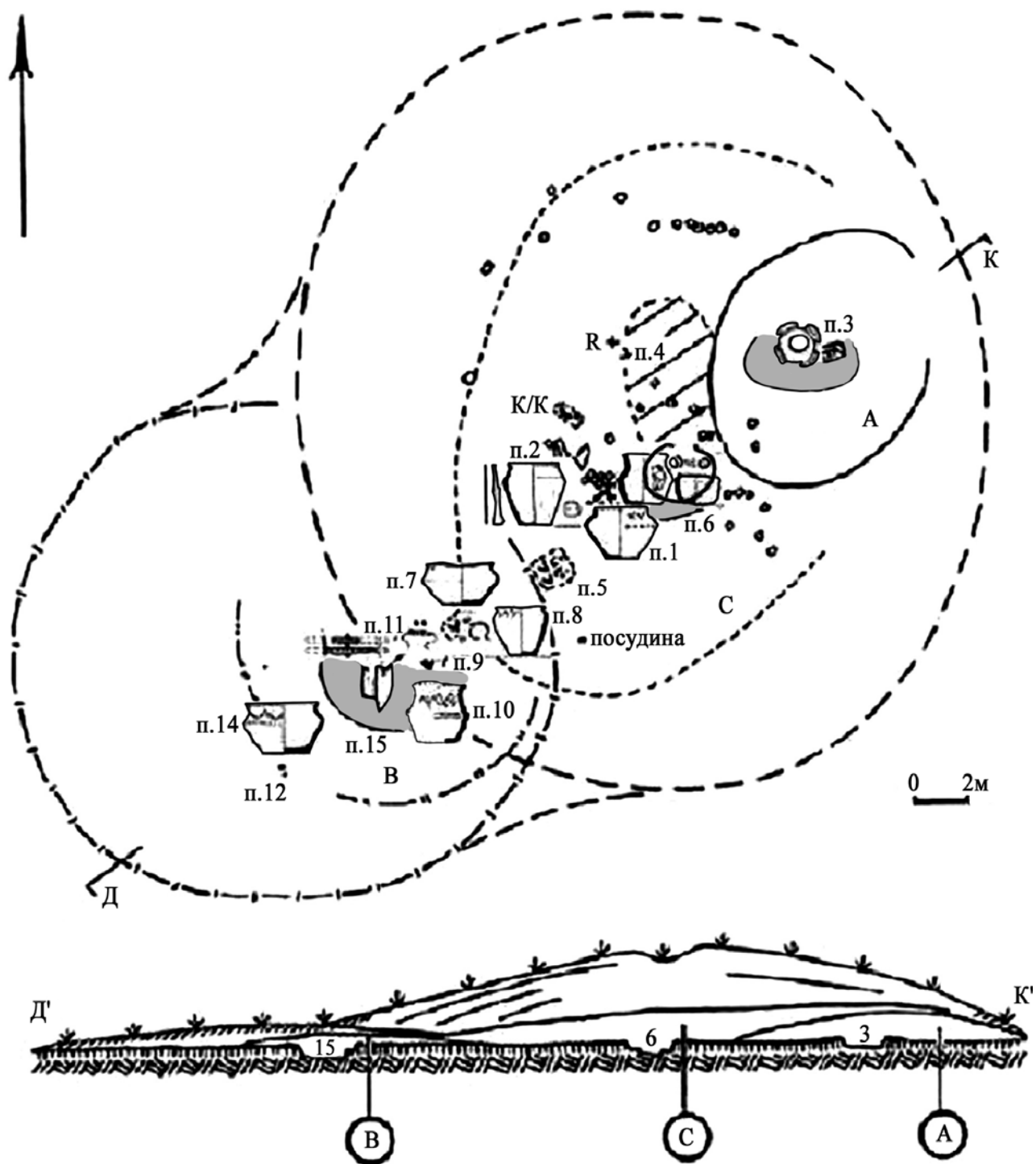

Рис. 10. Гнаровське, курган 1. Загальний план з розміщенням речей (співвідношення висоти насипів/досипок з інвентарем)

Fig. 10. Gnarovs'ke, mound 1: general plan with localization of inventory (correlation of the height of embankments and the inventory)

Литвиненко Р.О., Санжаров С.М., Усачук А.М.

КІСТЯНИЙ ДИСК З КАРПАТО-МІКЕНСЬКИМ ДЕКОРОМ ІЗ СЕРЕДНЬОГО ПОДОНЦІВ'Я ТА ДЕЯКІ ПИТАННЯ ХРОНОЛОГІЇ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ¹

Реферат: У статті публікується поховання зрубної культури, досліджене в кургані поблизу с. Шипилівка Луганської обл. на правобережжі середньої течії Сіверського Дінця, в якому виявлено рідкісну знахідку – кістяний диск з карпато-мікенським різьбленим декором. Стратиграфія кургану і обрядові характеристики поховання дозволяють віднести його до II (середнього) хронологічного горизонту зрубної культури. Цей висновок знаходить підтвердження і в матеріалах поселень зрубної культури басейну Сіверського Дінця, з яких походять схожі кістяні вироби з карпато-мікенським орнаментом. Значно ближчі аналогії шипилівський диск знаходить серед пам'яток культур Ватін-Врсач і Фюзешабонь Карпато-Подунав'я, а також шахтових і купольних гробниць Пелопоннесу. Ці аналогії дозволяють синхронізувати шипилівську знахідку з пізньоелладським ІІА періодом і відповідними йому горизонтами раннього/середнього бронзового віку Карпато-Дунайського регіону.

Ключові слова: бронзовий вік, зрубна культура, хронологія, трасологія, Сіверський Дінець, Східна Європа, Карпато-Подунав'я, Мікенська Греція.

Abstract: The article is published burial of Timber-Grave (Zrubna) culture, which was investigated in the mound near the village Shypylivka of Lugansk region, located on the right bank of the middle reaches of the Seversky Donets river. In the burial found a rare artifact – bone disk with the Carpathian-Mycenaean carved decoration. Mound's stratigraphy and ritual characteristics can be attributed this burial to II (Middle) chronological horizon of Timber-Grave culture. This conclusion is confirmed by materials of settlements of Timber-Grave culture in Seversky Donets basin, where similar bone artifacts with Carpathian-Mycenaean ornaments were found. Much closer analogies Shypylivka's disk may be known in Vatin-Vrsac culture and Fuzesabony culture in the Carpathian-Danube, as well as in Shaft Graves and Tholos Tombs of the Peloponnese. These analogies allow to synchronize Shypylivka disk with LH IIA period and the corresponding horizons of Early/Middle Bronze Age of the Carpathian-Danube.

Keywords: Bronze Age, Timber-Grave culture, chronology, trasology, Seversky Donets, Eastern Europe, the Carpathian-Danube, Mycenaean Greece.

Вступ. Улітку 2013 р. експедиція Археологічного центру “Спадщина” Східноукраїнського національного університету ім. Володимира Даля провадила археологічні дослідження у Попаснянському р-ні Луганської обл. За 0,5 км на південний схід від с. Шипилівка, на вододільному плато правого берега Сіверського Дінця (рис. 1) у складі могилянської групи досліджено курган 1, частково поруйнований перекопами другої світової війни та траншеєю водогону.

В кургані виявлено 11 захоронень різних етапів бронзового віку: 2 – катакомбні, 4 – бабинські (ДДБК) і 5 – зрубної культури. Серед останніх на особливу увагу заслуговує поховання 1, в якому виявлено рідкісну категорію реманенту – кістяний диск з різьбленим декором, цікавий з огляду на розробку проблем хронології. Саме публікації та аналізу згаданого комплексу й присвячено даний нарис.

Характеристика комплексу.

Поховання 1 виявлене під кутом 10° на відстані 3,6 м від центру на глибині 0,45 м (рис. 2, 1). Погано збережений кістяк дорослої людини лежав у зібганій позі на лівому боці з орієнтацією черепом до сходу. Кут у тазово-стегнових суглобах – близький до прямого, п'яти підведені до тазу. Руки зігнуто у ліктьових суглобах і кистями укладено перед обличчям. Перед черепом – розвал посудини (1). У верхньому відділі грудної клітини знайдено кістяний виріб (2).

¹ Публікуються новітні матеріали з розкопок С.М. Санжарова (АЦ “Спадщина” СНУ ім. В. Даля). Трасологічні дослідження проведено А.М. Усачуком, культурно-хронологічний аналіз здійснено Р.О. Литвиненком.

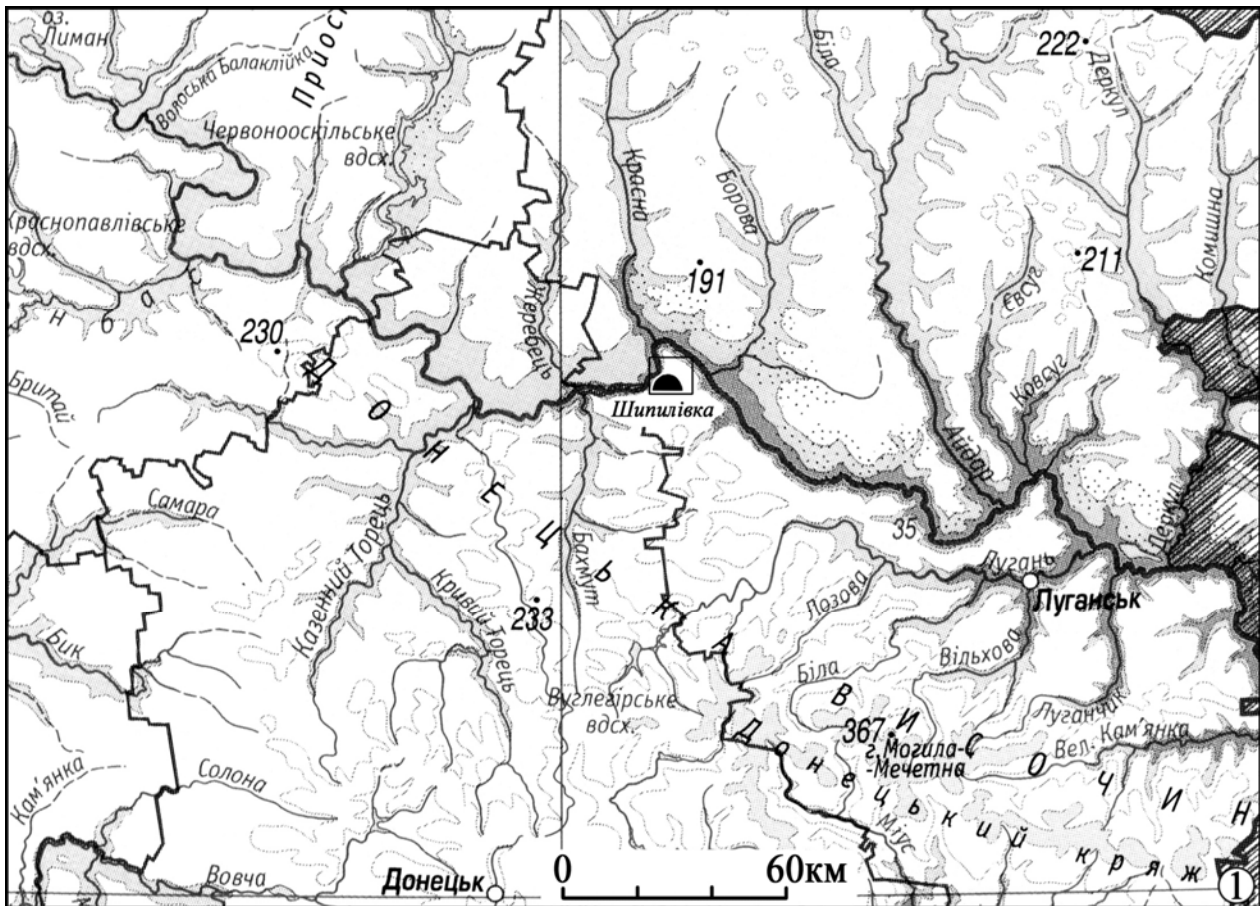
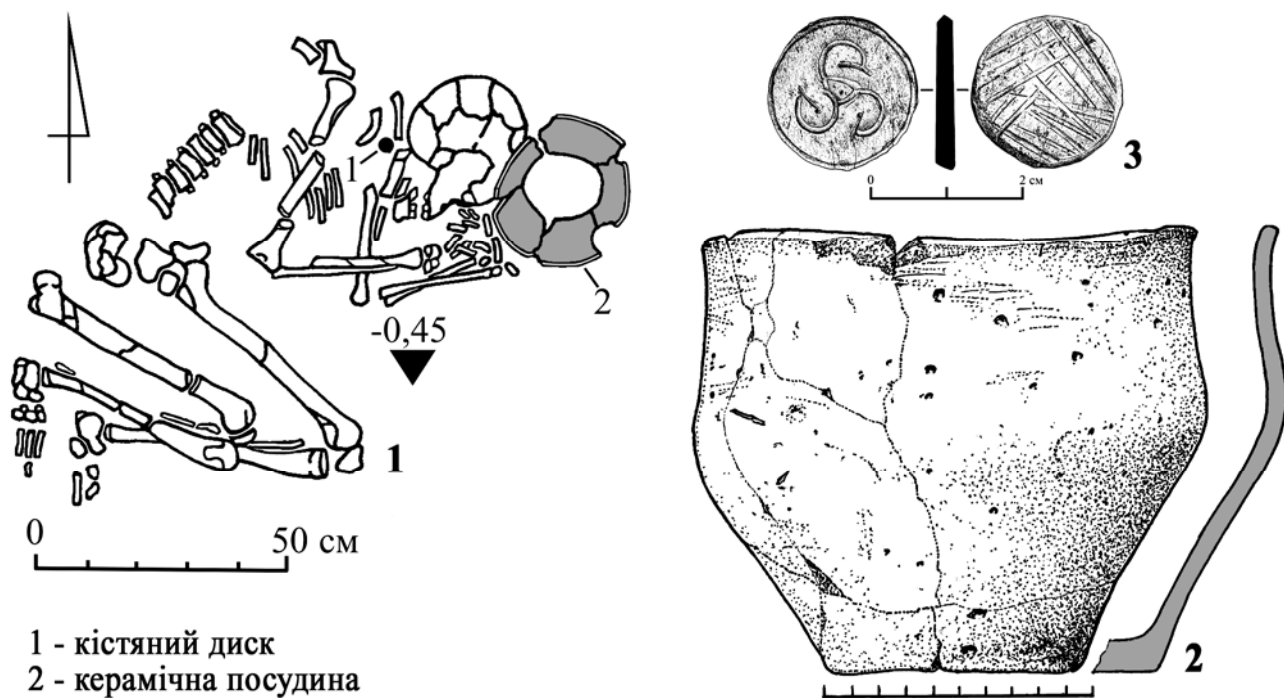

Рис. 1. Курганний могильник Шипилівка
Fig. 1. Burial mound Shupylivka

1 - кістяний диск
2 - керамічна посудина

Рис. 2. Шипилівка: курган 1, поховання 1: 1 – план поховання; 2 – глиняна посудина; 3 – кістяний диск
Fig. 2. Shypylivka: barrow 1, burial 1: 1 – plan of burial; 2 – ceramic pot; 3 – bone disc

1. Ліпна посудина горшкоподібної форми з виділеними похилими плічками й невисокою, дещо відігнутою шийкою. Зовнішня поверхня сірого кольору з помаранчевими плямами. Розміри: загальна висота – 17 см, висота до плічка – 10 см, діаметр вінця – 18,5 см, діаметр по бокам – 18,5 см, діаметр дна – 9 см (рис. 2, 2).

← Рис. 3. Шипилівка 1/1, кістяний диск
← Fig. 3. Shypylivka 1/1, bone disc

2. Кістяний диск, на лицьовому боці якого нанесено різьблений орнамент: по периметру диска – кругове оточуюче кільце; в центрі круглого поля – фігура у вигляді трилопатевої спіральної свастики (або пропелера), лопаті якої мають вигляд неповних кіл (у 3/4) з циркульною точкою в центрі (кінці закручених лопатей з'єднано з центральними точками); кожна з трьох сусідніх пар тричетвертних кіл сполучаються таким чином, що утворюють S-подібні фігури, всередині яких окреслюється трикутне поле з циркульною точкою в центрі. Розміри: діаметр диска 2-1,9 см, товщина 0,2-0,3 см (рис. 2, 3; 3).

Трасологічне дослідження артефакту було здійснене А.М. Усачуком за допомогою портативного мікроскопу “Мікко”.

Сировиною для виробу слугувала доволі тонка платівка компактні кістки. Швидше за все, було використано кістку великої тварини. Компакта збереглася не дуже добре. Залишкованість диску з обох боків сприяла його збереженості, проте у товщі виробу фіксується чимало мікротріщин; поверхня також несе на собі локальні сліди руйнування – своєрідного розчинення компактні внаслідок життєдіяльності цвілевих грибів [порівн.: Антипина 2013, с. 129]. Через мікротріщини частково обсіпався й торцевий край диску.

Судячи з характеру кінців нарізок на зворотному боці, після їхнього нанесення краї диска було підправлено обрізкою та абразивом, в результаті чого профіль виробу набув трапецієподібної форми. Нарізки хаотично накладаються одна на одну. Погана збереженість і стертість лицьової площини диска не дозволяють достеменно простежити послідовність нарізки. Виділяється щонайменше 5 груп ліній: спочатку кілька нарізок ближче до краю (рис. 4, 2), потім – у центральній частині майбутнього диску (рис. 4, 3). Окремо нанесено ще одну нарізку (рис. 4, 4), потім – ще кілька (рис. 4, 5). Пізніше за інші були прорізані дві прямі (рис. 4, 6). Вочевидь, майстер якоюсь мірою співвідносив вирізані лінії зворотної сторони з центром композиції на лицьовій.

На лицьовому боці платівки циркулем було нанесене коло діаметром 1,3 см. Відразу після цього або після гравіювання пропелероподібного орнаменту, майстер, відступивши від наміченого циркулем кола приблизно на 0,1 см, обрівав заготовку. Матеріал леза незрозумілий, проте незначні розміри самого предмету, які передбачають акуратність у всіх операціях виготовлення, дозволяють припустити, що обрізка здійснювалася тонким металевим лезом. Цілком можливо, що заготовку компактні було попередньо розм'якшено [порівн.: Усачук 2013, с. 107]. Однак, попри акуратність і старанність, маленькі розміри виробу далися взнаки: подекуди обрізка пройшла трохи далі від кола, дець – майже по колу. Мабуть, обрізка по колу сформувала майже вертикальний і якоюсь мірою нерівний гурт диска. Дещо змінений профіль йому було надано через обробку на абразиві. Дуже дрібні поздовжні сліди абразиву локально збереглися на торці виробу. Спрямованість цих слідів дозволяє реконструювати використання абразиву пасивної дії, коли майстер вирівнював гурт, сточуючи торці диска об абразив.

Циркульний пропелероподібний орнамент вирізьблено за допомогою дуже тонкого двозубого різця. Незрозуміло, яким знаряддям було зроблено поглиблення в центрі виробу (рис. 4, 1А). Можливо, що при розмітці диска використовувався один двозубий різець, а при нанесенні пропелероподібної фігури – інший. Очевидно, обидва знаряддя гравіювання були металевими. Центральне трикутне заглиблення диска збереглося погано. Краще збереглися чіткіше вигравіровані кола у три чверті (рис. 4, 1Б). Центри-точки цих кіл – конусоподібні заглиблення з чіткими краями – ясно показують, що вісь двозубого різця була на кшталт голки. Центральний трикутник утворено в середині зближених і стулених тричетвертних кіл. Лінії трикутника є дещо нерівними. Незадовільне збереження виробу залишається неясним, чи мала місце навмисна вибірка компактні всередині трикутника. Наступна деталь пропелероподібної фігури: вирізьблені відрізки, що з'єднують кінці тричетвертних кіл з точками-центрами (рис. 4, 1В, Г, Д). Ці відрізки нанесені гострішим знаряддям, аніж циркульний різець, яким вирізьблено тричетвертні кола. Прикметно, що ці з'єднувальні відрізки виступають за межі кіл, особливо лінії В і Д.

Технологічні прийоми майстра шипилівського диска (використання декількох різців-голок і поєднання у гравіюванні циркульних різців і тонкого леза) є дуже схожим на прийоми орнаментативної рогових виробів майстрів з поселень зрубної культури Степанівка і Капітанове-І [Усачук 2012, с. 150; Усачук, Бровендер 2004, с. 102] або майстра втулки, що походить зі зруйнованого поховання зрубної культури у м. Дмитрова [Усачук 2010, с. 185-187].

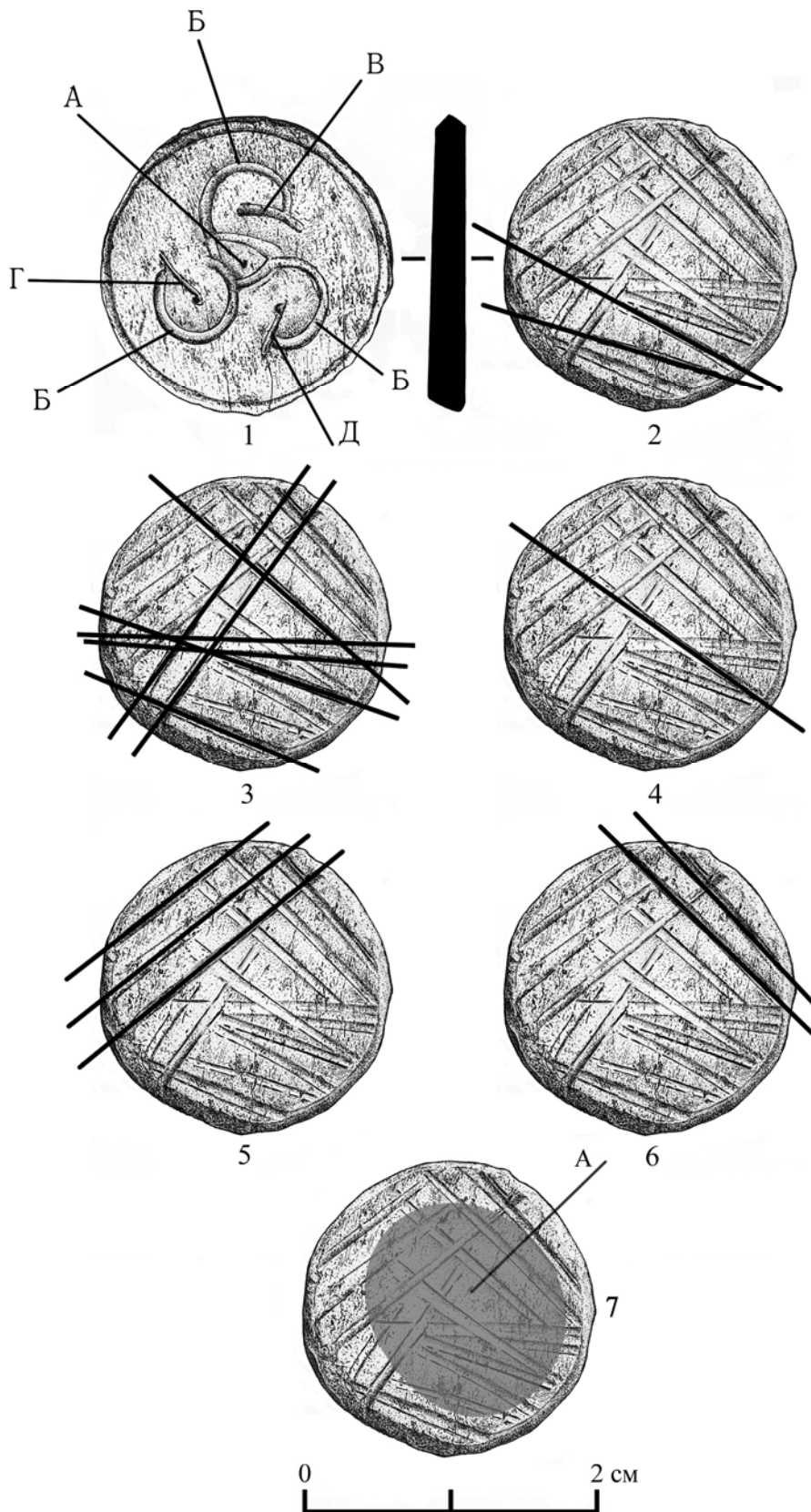

Рис. 4. Шпиплівка: трасологічне дослідження кістяного диску
Fig. 4. Shpylyivka: trasological research of bone disc

На сліди виготовлення кістяного диска наклалися сліди використання/спрацьованості. Як згадувалося вище, збереженість поверхні компакти виробу є доволі низькою. На

лицьовому боці всі грані є заокругленими і заліскованими до заполірованості. Через це різні лінії пропеллероподібного орнаменту втратили чіткість. Але зворотній бік кістяного диска несе сліди більшої спрацьованості. Тут виділяється ділянка найбільшої затертості з частковим знебарвленням компакти (рис. 4, 7А). Усередині цієї ділянки поверхня виробу дещо “зтанула” від тривалої взаємодії з м’яким еластичним матеріалом. Решта поверхні тильного боку є заліскованою, всі грані виробу і різьблених ліній є заокругленими.

Таким м’яким еластичним матеріалом, що контактував з кістяним диском, цілком могла бути шкіра рук. Найбільша заліскованість і спрацьованість зворотного боку (рис. 4, 7А) могла утворитися, наприклад, від численних контактів з подушечками великого чи вказівного пальців (злегка тиснути на поверхню диска зручно й зараз). Таким чином, зафіксовані на кістяному диску сліди дозволяють припускати і варіант використання його в якості невеличкої гральної фішки, на кшталт тих, що входили до складу набору кістяних і агатових фішок у похованні зрубної культури Волоське I к. 9 п. 1 [Ковалева 1990, с. 60-64, рис. 1, 3-6]. Зауважимо, що І.Ф. Ковальова, публікуючи знахідки з Волоського, говорить про “фішки” обережно, розуміючи певну умовність цього визначення [Ковальова 1990, с. 60]. Ця ж умовність існує і щодо тлумачення шипилівського виробу, до чого ми повернемося згодом.

Аналіз.

Якби не враховувати неординарну знахідку кістяного виробу, описаний поховальний комплекс за своїми базовими обрядово-інвентарними ознаками² репрезентує типове, пересічне (нічим не примітне) захоронення зрубної культури басейну Сіверського Дінця, а ширше – степів Дніпро-Донського регіону, характерне для бережнівсько-маївської зрубної культури (за номенклатурою В.В. Отроценка [Отроценко 2002]), визначити вузьку хронологію якого було би доволі складно. У всякому разі, з огляду на обрядово-інвентарні характеристики, можна віднести його як до II (розвиненого), так і III (пізнього) періодів зрубних могильників Сіверськодонецчини [Литвиненко 2000, с. 85-86].

Судячи з планіграфії та стратиграфії кургану 1 Шипилівського могильника, відкриті в його центральній частині впускні поховання зрубної культури навряд чи належали до єдиної обрядово-хронологічної групи, оскільки простежено щонайменше один чи навіть два випадки прямого перекивання між ними. Так, достеменно зафіксовано, що поховання 2 (яке за обрядом і посудом є близьким до п. 1 – з кістяним диском) було прорізане та зруйноване похованням 3. При цьому поховання 2 (північна орієнтація небіжчика; керамічний горщик з високими плічками, орнаментований по плічках паском похилих відбитків зубчастого штампу, з системними горизонтальними розчосами по зовнішній та внутрішній поверхнях) характеризує більш ранній (I-й) хронологічний горизонт зрубних могильників басейну Сіверського Дінця, позначений покровським забарвленням [Литвиненко 2000, с. 84]. Є також підстави припускати прорізання і руйнування розглядуваним похованням 1 сусіднього з ним поховання 5, яке виглядає дещо більш архаїчно (східноорієнтований слабо зібраний кістяк; мініатюрна керамічна баночка, декорована зигзагом за допомогою перевитого штампу – “гусені”). Таким чином, стратиграфічна ситуація в дослідженому кургані (рис. 5) відповідає загальній схемі відносної хронології поховальних пам’яток зрубної культури регіону [Литвиненко 1994а, с. 21, рис. 1; 2000, с. 90, рис. 4].

З огляду на хронологічну невиразність пізньої групи захоронень зрубної культури кургану 1 Шипилівського могильника, неабиякого значення набуває виявлений у складі приданого поховання 1 кістяний орнаментований диск. Поза сумнівом, згаданий виріб належить до групи доволі рідкісних³ предметів т.зв. “різьбленої кістки”. Переважна

² Маються на увазі: впускний без досипки стратиграфічний статус, невиразний тип могильної споруди (вочевидь, звичайна яма), скорчено-адоративна лівобічна поза небіжчика зі східною орієнтацією, неорнаментована горшкоподібна керамічна посудина.

³ За даними А.М. Усачука [2010, с. 191], загалом на сьогодні відомо понад 70 знахідок різноманітних кістяних/рогових рурчастих деталей клейнодів/батоїв/тростин на всю зрубну культурну область. Орнаментованих же серед них значно менше. Наприклад, у досліджуваному нами

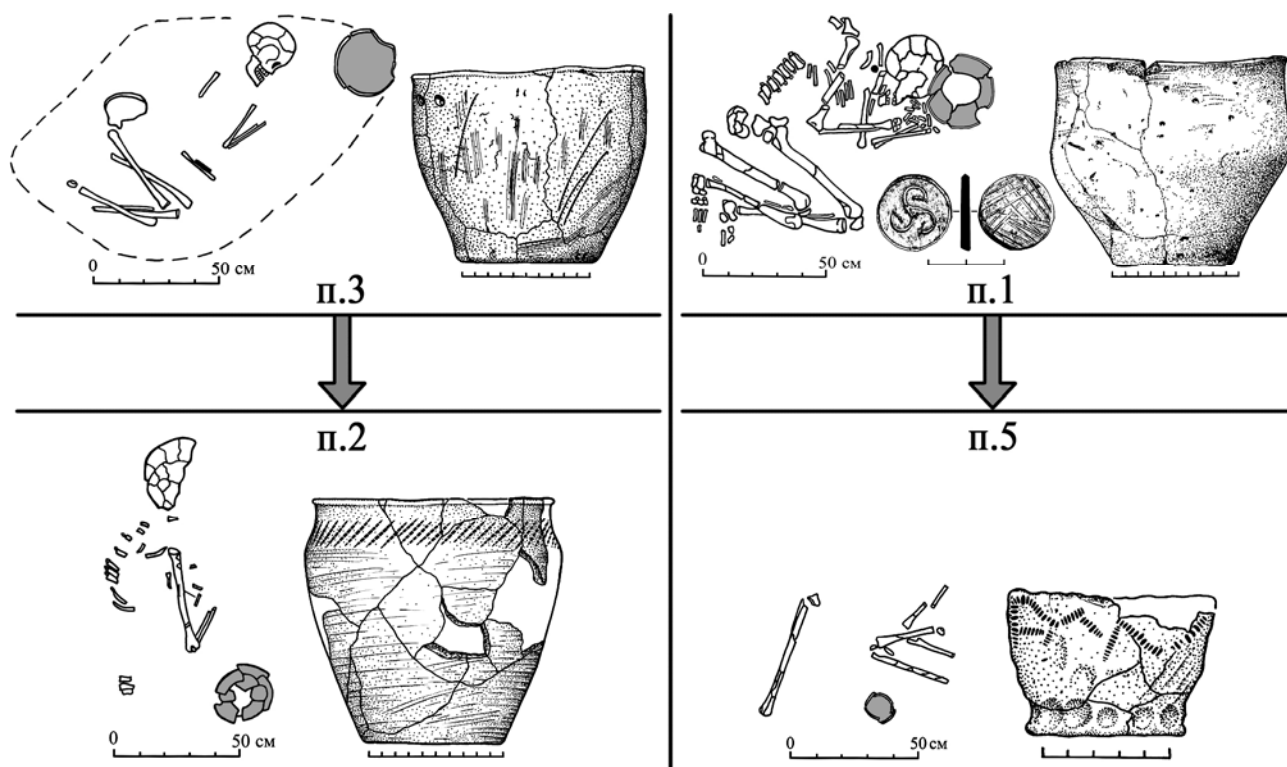

Рис. 5. Шипилівка, курган 1: стратиграфія поховань зрубної культури
Fig. 5. Shyrylivka, barrow 1: stratigraphy of Timber-Grave culture's burials

більшість їх представлена різноманітними рурчастими предметами (кільця, втулки, циліндри, наконечники-навершники тощо), що їх досить переконливо дослідники тлумачать в якості конструктивних деталей складових виробів, основою яких були дерев'яні стрижні, які, в свою чергу, виступали держаклами-руків'ями-ратищами певних знарядь-атрибутив на кшталт клейнодів, тростин, батогів-нагаїв-пліток тощо [Отрощенко 1986; 1993; Циміданов 2007]. Дуже близько, якщо не аналогічно, оцінюють функціональне навантаження подібних виробів з Карпато-Дунайського регіону європейські дослідники [докладніше про це див.: Penner 1998, S. 158].

Проте на тлі цих орнаментованих трубчастих виробів у похованнях зрубної культури практично відсутні декоровані дископодібні предмети, за винятком згадуваних вище "фішок" грального набору з Волоського-І 9/1 [Ковалева 1990]⁴. Відтак шипилівська знахідка на сьогодні виступає ледве не унікальною, причому не лише для теренів Надчорномор'я, а й усієї зрубної культурної області. Проте цей різновид різьбленої кістки вже був відомим у матеріалах поселень зрубної культури, насамперед серед пам'яток Доно-Донецького регіону, а точніше Сіверськодонецчини, колекція яких суттєво поповнилася протягом останніх двох десятиріч, причому разом з новими знахідками орнаментованих у карпато-мікенському стилі псаліїв [Бровендер 2000; 2007]. До групи декорованих у подібному стилі дископодібних предметів, що походять з поселень зрубної культури басейну Сіверського Дінця, відносяться бляха з Іллічівки (рис. 6, 4) [Шаповалов 1976, с. 158-159, рис. 5], а також два фрагментованих вироби з Капітанівського-І поселення (рис. 6, 1-2) [Бровендер, Отрощенко 1996, с. 54-55,

Дніпро-Донецькому регіоні свого часу було відомо лише 6 поховань з кістяними деталями клейнодів і пліток, що складає 0,2% захоронень цієї території [наші підрахунки за: Циміданов 2004, с. 38, 71], орнаментованих виробів серед них – 3.

⁴ Проте орнаментация виробів з Вольського-І 9/1 виразно відрізняється від усталених канонів т.зв. карпато-мікенського стилю, що не дозволяє включати їх до реєстру розглядуваних нами артефактів.

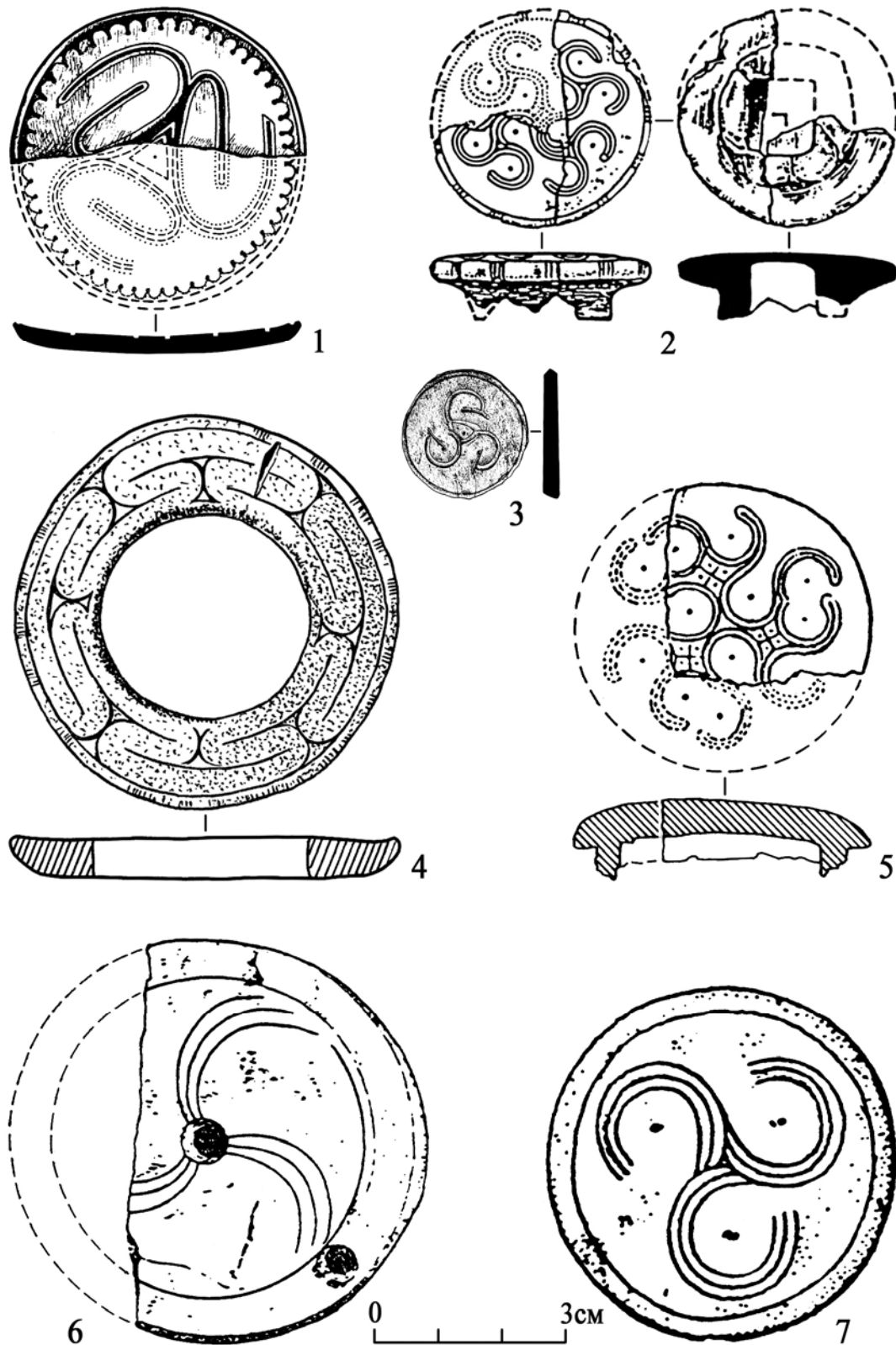

Рис. 6. Кістяні дископодібні артефакти зрубної культури Сіверського Дінця (1-4) і пам'яток Карпато-Подунав'я (5-7): 1, 2 – Капітанове-І; 3 – Шипилівка 1/1; 4 – Іллічівка; 5 – Пояна; 6 – Сепсе; 7 – Сурчин [за: Бровендер 2000; Шаповалов 1976; Penner 1998]

Fig. 6. Bone disc-shaped artifacts of Timber-Grave culture from Seversky Donets basin (1-4) and sites of Carpathian-Danube (5-7): 1, 2 – Kapitanove-I; 3 – Shipylivka 1/1; 4 – Illichivka; 5 – Poiana; 6 – Sepsé; 7 – Surčín [by Бровендер 2000; Шаповалов 1976; Penner 1998]

рис. 2; Бровендер 2000, рис. 2, 9-10; 2007, рис. 1, 5-6]. Причому з трьох названих знахідок найближчими аналогіями шипилівській бляшці виступають вироби з Капітанового-І. Невипадковість наведених аналогій пояснюється й тим фактом, що всі названі пам'ятки знаходяться неподалік одна від одної: відстань від шипилівського кургану до Капітанівського-І поселення складає лише 38 км, а до Іллічівського – 26 км).

Всі три дископодібні вироби (шипилівський та обидва капітанівські), окрім дрібних фонових ознак, об'єднують спільні принципи організації орнаментальних композицій, в яких базовими елементами виступають трилопатеві хвильо- чи спіралеподібні свастики, які ще називають *трискеліонами* (від грецьк. – *τρισκελης*). Один з капітанівських дисків (рис. 6, 1) поєднується з шипилівським, вочевидь, і спільним елементом оформлення центру трискладової фігури – рівнобічним трикутником. Звернемо увагу на те, що запропонований у всіх попередніх публікаціях указаної капітанівської бляхи варіант реконструкції в центрі трикутника наскрізного отвору [Бровендер, Отрощенко 1996, с. 54-55, рис. 2; Бровендер 2000, рис. 2, 9; 2007, рис. 1, 6] видається малоімовірним, оскільки переважна більшість відповідників цьому елементу на аналогічних виробах зі Східної та Центрально-Східної Європи мають у центрі циркульний кружечок або лише точку (порівн. з рис. 7), подібну до шипилівського екземпляру. Саме ця обставина й зумовила присутність на запропонованому нами рисунку капітанівського диску центральної точки, а не отвору (рис. 6, 1).

На другому дископодібному виробі з Капітанового-І центральна орнаментальна композиція реконструюється як чотирискладова фігура, кожен елемент якої репрезентовано трискеліоном, подібним шипилівському (рис. 6, 2). Відмінність між ключовими елементами цих декорів полягає в тім, що кінці круглих лопатей шипилівської фігури з'єднано з центральними циркульними точками, а капітанівської – ні. Крім того, різницею слід вважати й те, що на капітанівському виробі фігуру зображено строєними лініями, а на шипилівському – однією широкою.

Яким чином вимальовується хронологічна позиція розглянутих кістяних дископодібних виробів у системі періодизації зрубної культури? Як зазначалося вище, поховання І кургану І Шипилівського могильника, з якого походить наразі публікований диск, за даними стратиграфії, обрядовими характеристиками та керамікою, може бути віднесеним як до II-го (середнього), так і III-го (пізнього) періодів зрубних могильників Сіверськодонецчини.

За даними автора розкопок поселення Капітанове-І, обидві знахідки, що нас цікавлять – дископодібна бляха, прикрашена “трилопатевою вихровою свастикою у вигляді поєднання слабо виражених спіралей” (рис. 6, 1), а також дископодібний “навершник клейнода”, орнаментований зчетвереними трилопатевиими спіральними свастиками (рис. 6, 2) – походять із житла 18/20⁵, що віднесене до II-го стратиграфічного горизонту/періоду цієї пам'ятки [Бровендер 2000, с. 178-179; 2007, с. 226], який, у свою чергу, репрезентує ранню фазу II-го періоду зрубної культури [Бровендер 2000, с. 177, рис. 3]. Показовим є те, що I-й період Капітанівського-І селища, передуючий комплексам із різьбленою кісткою з карпато-мікенським орнаментом, демонструє виразне (як для басейну Сіверського Дінця) покровське забарвлення; його матеріали, що, крім іншого, включали 2 кістяних жолобчастих псалія, віднесено до I-го періоду покровської/покровсько-мосоловської зрубної культури (ПЗК/ПМЗК) [Бровендер 2000, с. 171-175, рис. 2, 1, 5; 2007, с. 225, рис. 1, 1-2]. Подібну ж ситуацію демонструє поселення Іллічівка: кістяне кільце-бляха з меандровим декором знайдене у житлі зрубної культури II-го горизонту, якому передуює I-й горизонт, представлений абашевсько-покровськими матеріалами (багатоваликово-абашевськими, за автором розкопок) [Шаповалов 1976, с. 151, 158; 1983, с. 7-10].

⁵ Нагадаємо, що крім описаних дископодібних виробів, із житла 18/20 поселення Капітанове-І також походять два псалії синкретичних типів, орнаментовані у карпато-мікенському стилі [Бровендер 2000, с. 178, рис. 2, 6-7; 2007, с. 225, рис. 2, 3-4], які поєднують в собі риси жолобчастих виробів та псаліїв типу Тосег і Ватіна [Литвиненко 1994, с. 147-148; Горбов, Усачук 1999, с. 80].

Таким чином, на всіх розглянутих пам'ятках, з яких походять знахідки орнаментованої кістки – поселення Капітанове-І, Іллічівка і курган № 1 Шипилівського могильника, – простежено подібну стратиграфію, згідно якої вироби з карпато-мікенським декором репрезентують здебільшого розвинену зрубну культуру, можливо, її ранню фазу, якій передують ранньозрубний горизонт, позначений абашевськими/покровськими рисами.

В даній публікації не ставиться на меті занурюватися у доволі складну проблему синхронізації горизонтів зрубної культури з культурами Карпато-Подунав'я та Мікенської Греції, яка неодноразово порушувалася дослідниками [Березанская 1990, с. 106, 110; Бровендер 2000; 2007, с. 225, 230-232; Бровендер, Отрошенко 1996; Литвиненко 1994, с. 147-153; 1994а, с. 13-15; Смирнов, Кузьмина 1977, с. 146-150; Тереножкин 1965; Чередниченко 1977; 1986, с. 63-77; Hüttel 1981, S. 28-30, Abb. 3; Müller-Karpe 1980; Penner 1998; та ін.]. Є сенс обмежитися лише тими аспектами, які безпосередньо впливають з розглядуваних нами матеріалів шипилівського поховання та його найближчих аналогій.

Отже, вироби різьбленої кістки з пам'яток зрубної культурної області знаходять численні відповідники у культурах бронзового віку Карпато-Подунав'я, Пелопоннесу та Анатолії. Одразу слід відзначити, що кістяні аналогії різноманітним втулкоподібним і циліндричним предметам є відомими майже винятково в пам'ятках карпато-дунайських груп/культур Ватін, Фюзешабонь-Отомань, Мадярівсько-Ветеровській, Ноуа, пізній Унетицькій (Вітенберг), Марош/Муреш, Монтеору, а також хетських шарах поселень Малої Азії, на противагу Мікенській Греції, де вони майже відсутні [Penner 1998, S. 136-144; див. також: David 2007, р. 412-414]⁶. Що ж стосується кістяних/рогових виробів дископодібної форми, то вони відомі в усіх згаданих регіонах, хоча й неоднаково презентабельно [Penner 1998, S. 136-144, 151-155, Abb. 30, 2-4; 31; Taf. 40, 1-5; 41; 42, 4-6; 44]. Причому деякі дослідники вважають мікенські дископодібні вироби первинними, а дунайські та, можливо, малоазійські – похідними від них; протилежна точка зору припускає конвергентний механізм їх появи або навіть первинність карпато-дунайських і/або східноєвропейських виробів по відношенню до мікенських [див. про це: Penner 1998, S. 153, 157, 160-161].

Серед орнаментованих дископодібних предметів із розглядуваних регіонів Південно-Східної Європи є чимало аналогій шипилівській, а також капітанівським знахідкам. Для круглого навершника з Капітанового І (рис. 6, 2) в якості близької аналогії можна вказати на фрагмент кістяної кришки-заглушки (нім. *Knochendeckels*) з румунського поселення Пояна (Poiana) [Penner 1998, S. 153, Taf. 44, 5]. Окрім загальної морфологічної схожості, вказаний капітанівський та поянський вироби мають тотожний пристрій кріплення на звороті – у вигляді втульчастої насадки, що дозволяє впевнено стверджувати близькість їхнього

⁶ С. Пеннер вказує на те, що “кістяних циліндрів або втулкоподібних предметів з кінцем у формі набалдашника не було знайдено в Греції” [Penner 1998, S. 159]. В іншому місці написано, що “кістяні втулки і циліндри досі не траплялися в Греції та російсько-українській області” [Penner 1998, S. 160] (переклади наші – Р.Л., С.С., А.У.). Стосовно Греції ці висновки є надто категоричними, хоча й правильними на рівні тенденції. Адже сама авторка все-таки публікує один кістяний втульчастий виріб з шароподібною голівкою (нім. *Knochentülle mit Knauf*), що походить з купольної гробниці А у Каковатосі, в якій також було знайдено три кістяних диски з перевито-стрічковим декором (два з них – зі слонової кістки) та кістяний дископодібний псалій з шипами [Penner 1998, S. 74-75, Abb. 21; див. також: David 2007, р. 420, pl. CV, e]. Стосовно ж “російсько-української області”, як ми показали вище, такий висновок абсолютно не відповідає дійсності та є помилковим. Навпаки, ареал зрубної культурної області виступає ще однією зоною поширення/концентрації кістяних/рогових втульчато-циліндричних виробів, поряд з Карпато-Подунав'ям.

Також зауважимо, що із 4-ї шахтової гробниці Мікен походять фрагменти двох фрагментованих золотих рурчастих обкладинок для дерев'яних руків'їв від батога (нім. “2 *lange, schmale goldröhren, offenbar Verkleidungen von holzstäben*“ [Karo 1930/33, Nr. 308-309, S. 84, Abb. 20; Taf. XVIII, 308-309]; або нім. “*Goldene Peitschenhülsenfragmente*“ [Penner 1998, S. 74-75, Abb. 21]), доволі схожі з кістяними виробами, що трапляються у похованнях зрубної культури.

функціонального призначення. Попри певні відмінності, орнаментальні композиції на обох дископодібних кришках-навершниках демонструють і виразну схожість: в обох випадках декор представлено складовими фігурами з кількох, з'єднаних у центрі диска частин (капітанівська – чотиричасна, а поянська – тричасна), базовими елементами яких виступають циркульні неповні кола з точкою в центрі, причому в обох випадках нанесеними потрійними лініями (порівн.: рис. 6, 2 і 6, 5). Від подібної тотожності логічно очікувати на хронологічну близькість виробів, які зіставляються. Проте ці очікування виглядають примарними, оскільки хронологічну позицію знахідки з Капітанового I (II період зрубної культури) можна синхронізувати з початком пізньоелладської епохи (свого часу Р.О. Литвиненко синхронізував його з періодом ПЕ III A/1, за А. Уейсом (англ. LH III A/1 або нім. SH III A/1)⁷ [див.: Литвиненко 1994, с. 156, 158 – табл.]; наразі ця синхронізація потребує уточнення в бік поглиблення), тоді як знахідка з Поян походить з латенського шару [Penner 1998, S. 153, 156] і, таким чином, за археологічним контекстом є щонайменше на 900 років пізнішою. Гадаємо, що цей хронологічний розрив не варто абсолютизувати, з огляду на те, що обидва артефакти (Капітанове I та Пояни) походять з відкритих комплексів (культурні шари поселень). І все-таки контекст знахідки з Капітанового-I (напівзамкнений комплекс житла 18/20) видається надійнішим для хронологічних побудов і підтверджується супроводом інших кістяних діагностичних артефактів – орнаментованими дископодібною бляхою та двома псаліями [Бровендер 2000, с. 178, рис. 2, 6-7; 2007, с. 225, рис. 2, 3-4].

Повертаючись до орнаментованого диску з Шипилівки, відзначимо, що серед подібних виробів Карпато-Подунав'я найближчими аналогіями йому є випадкова знахідка з Сепсе (Sepse, комітат Баранья, Угорщина) і знахідка з могильника Сурчин (Surčin, округ Белграда, Сербія). Фрагментований кістяний диск із Сепсе містить орнамент у вигляді трилопатевого пропелера з дугоподібно вигнутими лопатями; по периферії диска прокреслено тонке кільце; на периферії та в центрі диска, який збігається з центром орнаментальної фігури, просвердлено отвори (рис. 6, 6) [Penner 1998, S. 153, Taf. 44, 6]. Значно більшу схожість із шипилівською знахідкою має мармуровий диск з могильника Сурчин полів поховальних урн (Urnenfelde). У центральній частині диска, оточеній вздовж периметра периферійним кільцем, нанесено потрійними лініями три циркульних кола в три чверті, з точками в центрі; ці кола формують пропелероподібну фігуру (трискеліон), в центрі якого утворено маленький трикутник (рис. 6, 7). Нижня сторона диска “має чотири грани і центральний наскрізний отвір. Вони йдуть по діагоналі всередину” [Penner 1998, S. 153, Taf. 44, 4; David 2007, pl. CV, a1]. Відсутність зображення зворотного боку і перетину цього предмету утруднює розуміння описаного в цитаті приладдя для його кріплення чи застосування.

Значно більше аналогій дають матеріали з відомих пам'яток Пелопоннесу (рис. 7) – шахтових гробниць у Мікенах, а також купольних гробниць у Каковатосі та Стафілосі – загалом не більше ніж із 7 гробниць [David 2007, р. 412-413]. Так, з 4-ї шахтової гробниці Мікен походить 27 т.зв. “кістяних подвійних гудзиків” (нім. *Doppelknöpfe aus Kochen*), частина яких декорована орнаментальними мотивами з тричетвертних кіл і круглих вічок (нім. *Dreiviertelkreismotiv und Kreisaugen*) [Evans 1929, р. 29, fig. 17, d, e, g; Karo 1930, S. 86, Taf. LIX, 316; LX, 316; Penner 1998, S. 152, Abb. 31, 11]. З 5-ї шахтової гробниці Мікен походить 35 кістяних гудзиків із золотим облицюванням/накладками (нім. *Knochenknöpfe mit Goldverkleidung*), прикрашених чотирилистими мотивами та круглими вічками (нім. *Vierpaßmotiv und Kreisaugen*) [Karo 1930, S. 128, Taf. LXII, 666, 678, 714; LXIII, 676; Penner 1998, S. 153, Abb. 31, 1, 6-8].

⁷ Далі в дужках подаватимуться відповідні українським аббревіатури періодів у англійському та німецькому варіантах (за винятком випадків з посиланнями на літературу).

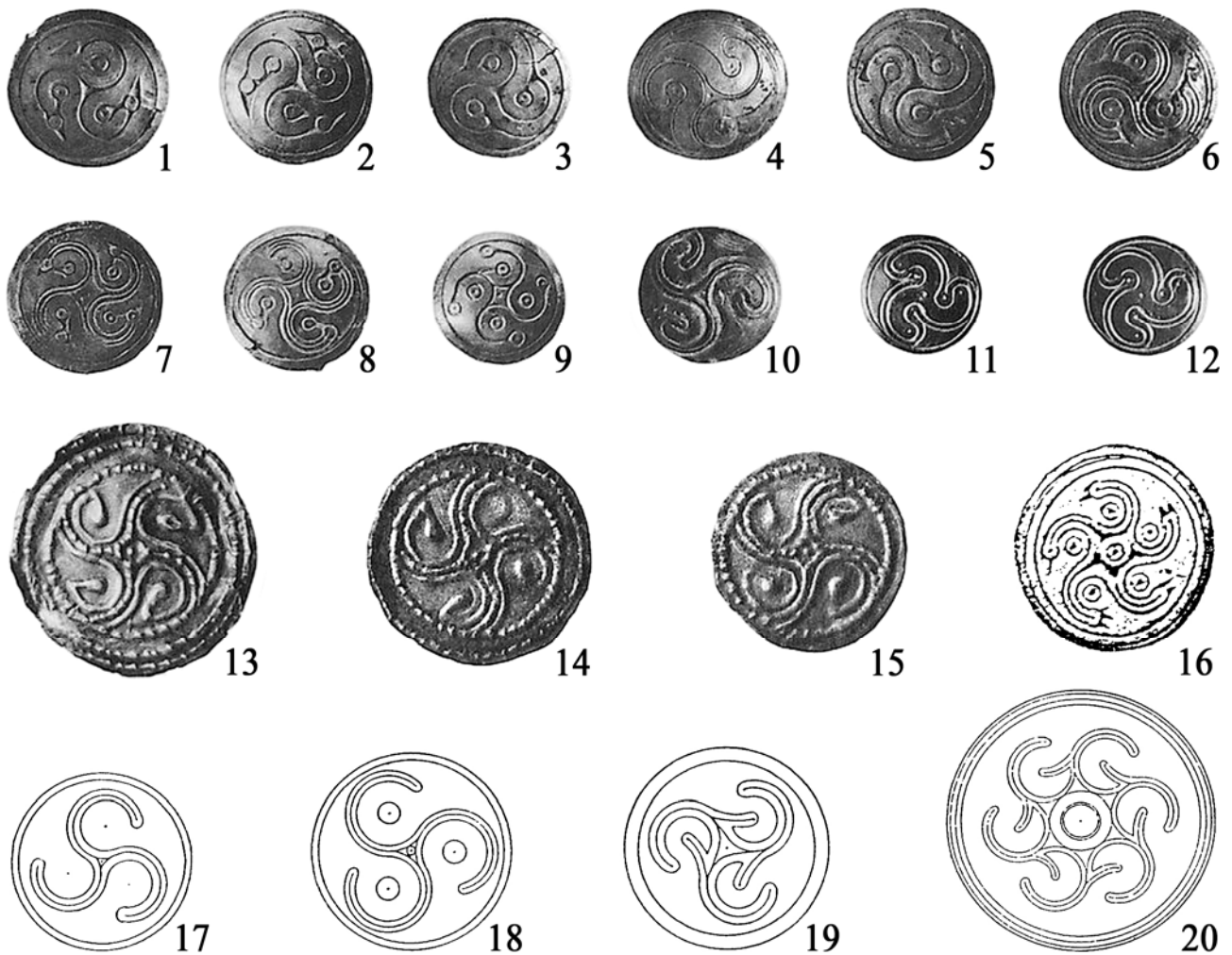

Рис. 7. Кістяні та плаковані гудзики з Мікенських шахтових гробниць 4 (1, 3, 4, 6) і 5 (2, 5, 7-16) [за: Karo 1930; Penner 1998] та купольної гробниці А Каковатоса (17-20) [за: Penner 1998]

Fig. 7. Bone and clad buttons from Mycenaean Shaft Graves 4 (1, 3, 4, 6) and 5 (2, 5, 7-16) [by Karo 1930; Penner 1998] and from Tholos Tomb A of Kakovatos (17-20) [by Penner 1998]

Ще виразнішими аналогіями шипилівському диску є відповідні вироби з купольної гробниці А Каковатоса [Penner 1998, S. 152, Abb. 31, 17-20]. Всі 4 знайдені там кістяні диски орнаментовані циркульними композиціями, утвореними з тричетвертних кіл. Три з них прикрашені трискеліонами, серед яких є дуже подібний до шипилівського (рис. 7, 17-19). Диск із купольної гробниці Стафілоса також містить зображення трискеліона, утвореного із тричетвертних кіл з крапками в центрі кожного [David 2007, p. 418, pl. CIII, a4].

Серед наведених аналогій і пам'яток, з яких вони походять, найдавнішими вважаються Мікенські шахтові гробниці 4 і 5 кола А, що їх відносять до початку пізньоелладської доби – періоду ПЕ I (LH I або SH I), який відповідає періоду Br A2b або Br A3 за різними модернізованими варіантами центральноєвропейської шкали П. Рейнеке [Shubert 1982; Gogáltan 2005, S. 162; etc.].

Дещо пізнішими за Мікенські шахтові гробниці вважаються купольні гробниці Каковатоса, серед яких толос А, з якого й походять орнаментовані диски-гудзики, є чи не найстарішою пам'яткою [Dirlik 2012, p. 23, 26-27], час існування якої відносять до ПЕ ІА періоду (LH ІА) [Beck C.W. and L.Y. 1970, p. 5; Dickinson 1970, p. 348, 404, 442, 460, 493; etc.].

Оскільки карпато-дунайські відповідники шипилівському орнаментованому диску, як зазначалося вище, походять із хронологічно непевних (відкритих або без чітких прив'язок) шарів поселень тамтешніх культур середнього бронзового віку, їхні дати нерідко виводять за допомогою аналогій, насамперед пелопоннеських. Так, кістяний диск із епонімного угорського поселення Фюзесабонь (Füzesabony) Ф. Томпа відносить до етапу Töszeg D (бронзовий вік IV), що є доволі пізньою датою і відповідає періодам Br D – Ha A Рейнеке. За схемою А. Можоліч ця знахідка має датуватися періодом В III, тобто Br B1 – Br B2 системи Рейнеке. А це є чималим хронологічним розривом, що виникає “через відсутність твердої стратиграфічної прив'язки” [Penner 1998, S. 157]. Саме тому дослідники зазвичай звертаються до аналогій, які знаходять в Мікенській Греції, однак і тут виникають проблеми та суперечки щодо правомірності перенесення дат шахтових або купольних гробниць, з яких походять аналогічні вироби, на відповідні знахідки та пам'ятки Карпато-Подунав'я [докладніше про це див.: Hänsel 1982, S. 5-6; Mozsolics 1973, P. 5; Penner 1998, S. 156-157; etc.].

Так, аналізуючи зображення на одній з найближчих аналогій шипилівській знахідці – мармуровому диску з Сурчин (Surčin), – дослідники відзначають, що воно є багато в чому схожим із деякими кістяними гудзиками з 4 шахтової гробниці Мікен, однак в деталях є дещо спрощеним (рис. 6, 7): наприклад, т.зв. круглі вічка (*Kreisaugen*) в середині тричетвертних кіл є зведеними лише до своїх центральних елементів – точок (відповідно теорії “роздільної здатності” Х. Хюттеля – *Auflösungstheorie*). А це натякає на дещо пізнішу дату диска з Сурчин, порівняно з гудзиками 4 шахтової гробниці Мікен. Знаходження розглядуваного мармурового диску в могильнику полів поховальних урн дозволяє віднести його до культури Vatin-Vrsac, час існування якої охоплює періоди Br B2 – Br D Рейнеке [Penner 1998, S. 157-158]. С. Пеннер схильна прив'язувати хронологію мармурового диска з Сурчин до майже тотожного йому кістяного диска з купольної гробниці А Каковатоса, на якому також круглі вічка скорочені до точки (рис. 7, 17), а на підставі цього пропонує дату для подібних декорованих дисків PE I – PE IIА періоди (SH I – SH IIА)⁸ і робить висновок щодо поширення виробів з таким скороченим декором після періоду шахтових гробниць [Penner 1998, S. 158].

Аналогічним чином виводиться й дата для кістяного диска з Сепсе (Sepsé), на якому орнамент є ще більш трансформованим і редукованим (замість кіл у три чверті – півдуги, а циркульні крапки взагалі відсутні). Ця обставина породжує висновок, відповідно з яким “диск із Сепсе має датуватися у всякому разі пізніше за аналогічні вироби з Сурчин і Каковатос. Вірогідний *terminus post quem* для угорського диска є пізньоелладський I – IIА” [Penner 1998, S. 158]⁹.

Загалом же слід враховувати, що дископодібні орнаментовані вироби обов'язково слід розглядати вкупі та єдиному контексті з різноманітними декорованими втульчато-рурчастими предметами, а також псаліями, оскільки ці три категорії виробів з'являються майже одночасно, на одних теренах і демонструють аналогічні мотиви декорування [Penner 1998, S. 159]. А в цілому ж знахідки різьбленої кістки з характерним орнаментальними мотивами існують протягом періоду, еквівалентного класичним і пізнім етапам культур Фюзешабонь-Отомань, Ват'я, Мад'ярівської (MB II – MB III), що рівночасно тривалості періодів Br A2b – A2c – B1-раннього, за модифікованою системою П. Рейнеке, або елладським періодам PE I – PE II (LH I – LH II / SH I – SH II), або періодові Karum I в

⁸ С. Пеннер пропонує датування купольної гробниці А Каковатоса діапазоном PE I – PE IIА (SH I – SH IIА) [Penner 1998, S. 157], що відрізняється від традиційної дати PE IIА (SH IIА). Важко судити про підстави такого заглиблення, проте деякі з них можна припустити. Зокрема однією з таких можна вважати знахідку в цій гробниці вище згаданого кістяного дископодібного псалія з шипами [Penner 1998, S. 48-49, Taf. 6, 1]. Можливо, саме ця обставина зумовила висловлення авторкою певного сумніву (через знак “?”) щодо датування псалія періодом SH IIА [Penner 1998, S. 48].

⁹ Щодо дати: див. примітку вище.

Анатолії. Пізніше періоду Koszider (Рейнеке В) вироби з таким декором не є відомими [David 2007, p. 415].

Орнамент диска із Шипилівки 1/1 є дещо спрощеним варіантом мікенських відповідників і, водночас, найбільш подібним до одного з п'яти кістяних дисків купольної гробниці А Каковатоса і мармурового диска з Сурчин: лопаті зображеного на ньому трискеліона мають вигляд повноцінних тричетвертних кіл з циркульною крапкою в центрі кожного, а також у центрі трикутника в середині фігури (подібно решті виробів з Каковатоса і більшості з Мікен). Разом з тим, на відміну від своїх південно-східноєвропейських аналогів, шипилівський декор нанесено не потрійними тонкими лініями, а однією широкою лінією, до того ж грубіше, що можна вважати певним спрощенням¹⁰. Водночас шипилівський диск у цілому виглядає більш подібним до пелопоннеських аналогів, аніж виріб із Сепсе. Саме ця обставина схиляє нас до висновку щодо хронологічної близькості диска з Шипилівки аналогічним диском із купольної гробниці А Каковатоса і могильника Сурчин, а відтак виникає можливість синхронізації його з відповідними пам'ятками Карпато-Подунав'я та Мікенської Греції, що датуються періодом ПЕ ІА (LH ІА / SH ІА) і відповідають центральноєвропейській фазі В1-ранній Рейнеке. За сучасними даними, абсолютні дати цього етапу, виведені шляхом кореляції ¹⁴C та різновекторних історичних дат (хетських, єгипетських), визначаються в діапазоні близько 1550-1494 pp. до Р.Х. [Manning et al. 2006, p. 569; Manning 2007, p. 115]¹¹.

¹⁰ Проте редукування зображувальної лінії від потрійної до одинарної не варто однозначно розцінювати як ознаку деградації та, відповідно, пізньої хронології артефакту. Адже відзначимо, що навіть серед достеменно більш ранніх кістяних з металевим плакуванням подвійних гудзиків Мікенських шахтових гробниць 4 і 5 є такі, де трискеліони та подібні їм фігури нанесено не потрійними, а подвійними і навіть одинарними лініями (рис. 7, 1-5, 9-12) [Karo 1930, Taf. LIX, 316; LX, 316; LXII, 678, 679, 714; LXIII, 719; LXV, 719, 722; Penner 1998, Taf. 44, 2, 5, 7, 9, 12].

Крім того, звернемо увагу на незрозумілий, на перший погляд, і невідомий на згадуваних аналогах елемент лопатей трискеліона на шипилівському диску – риси, що поєднують кінці тричетвертних кіл з їхніми центральними точками. Найбільш алогічним, з позицій геометричності, в цих відрізках видається те, що їхні зовнішні кінці у всіх трьох випадках виразно виходять за периметр тричетвертних кіл (на відміну від внутрішніх кінців, які починаються чітко від центральних циркульних точок). Ця стійка асиметричність, що навряд чи є результатом недбалості майстра, навпаки, натякає на певну системність. Додаткове прискіпливе вивчення пелопоннеських аналогів, здається, дозволило зрозуміти розглядуваний елемент зображення. Справа у тім, що на деяких подвійних гудзиках із IV і V шахтових гробниць Мікен трискеліони та спіральні свастики сформовані не просто з тричетвертних кіл, а з фігур, які нагадують гачкоподібні наверхники жезлів (рис. 7, 2-5) [Karo 1930, Taf. LX, 316, 336; LXII, 666, 678, 679, 714;]. Деякі варіації цих зображень є дуже подібними шипилівському трискеліону (див.: рис. 7, 6, 13-15). Водночас слід визнати, що різьбяр, який виготовляв шипилівський диск, вочевидь, був доволі опосередковано знайомий з первинними оригіналами і, скоріш за все, неповністю розумів принципи побудови складної фігури їхнього декору.

¹¹ Звернемо увагу на те, що запропонованою синхронізацією та датами не слід обмежувати час побутування у Східній Європі орнаменту на кшталт трискеліона. Вочевидь, цей декор з'являється у цих теренах дещо раніше, на що чітко натякає знахідка кістяного безшипного дископодібного псалія з покровського поселення Нижня Красавка II на Нижній Волзі [Лопатин 2010; 2013]. Як і на багатьох вищезрозглянутих виробах, пропелероподібну фігуру в центрі щитка утворено з кількох циркульних елементів: трьох тричетвертних кіл з крапками в центрі, що утворюють лопаті, та серединного кола між ними. Причому тричетвертні кола виконано потрійними лініями, а їхні кінці завершено парами маленьких циркульних кружечків (круглих вічок) (рис. 8). Саме цими, останніми, особливостями фігура на псалії з Нижньої Красавки II зближається із зображеннями на деяких дископодібних гудзиках із Мікенських шахтових гробниць (порівн. з рис. 7, 1-2, 7-9), що цілком узгоджується з наведеними вище хронологічними міркуваннями. Відтак з'являються додаткові реальні підстави для можливої синхронізації пам'яток покровського типу Доно-Волзького регіону (судячи з типології нижньокрасавкінського псалія та супроводжуваних матеріалів поселення – пізнього покровського горизонту) зі старожитностями ПЕ I періоду (LH I / SH I) і синхронними їм. При цьому буде не

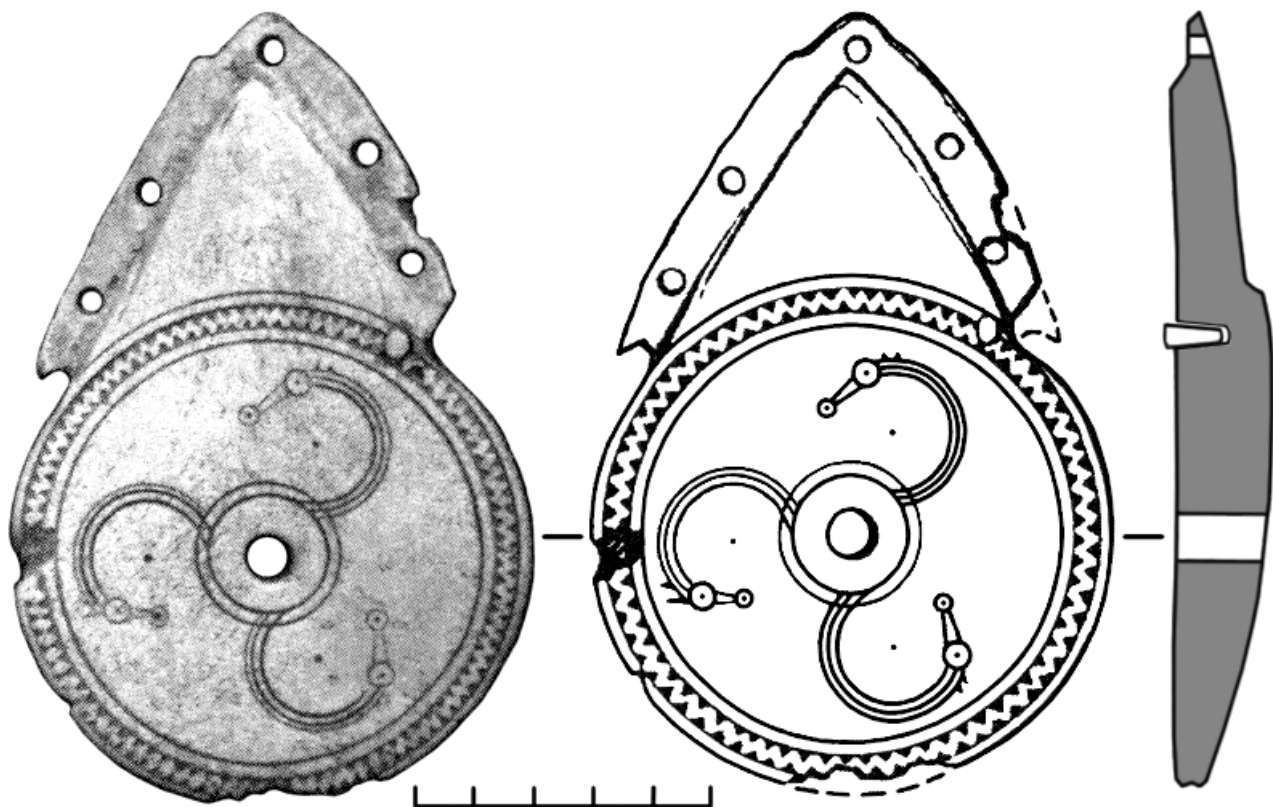

Рис. 8. Псалий з поселення Нижня Красавка II [за: Лопатин 2013]
Fig. 8. Cheekpiece from settlement Nyzhnia Krasavka II [by Лопатин 2013]

Для більш обґрунтованих висновків щодо синхронізації, а відтак і абсолютної хронології, пам'яток зрубної культури, є необхідним більш глибокий аналіз доступних сьогодні матеріалів, насамперед накопиченого дотепер корпусу виробів різьбленої кістки, який здебільшого є невідомим європейським колегам. На наше переконання, систематизація та повна публікація цих матеріалів, а також ретельне зіставлення їх з аналогічними артефактами Карпато-Подунав'я, Пелопоннесу та Малої Азії дозволить надійніше розробити питання відносної хронології культурних утворень пізнього бронзового віку навколопонтійської області.

На останок зупинимося на питанні щодо функціонального призначення шипилівської знахідки, що публікується. Виявлені трасологічним дослідженням сліди (рис. 4, 7), що можуть тлумачитися як використання диску в якості “фішки” викликають додаткові питання. Адже за такої ситуації, покритий рельєфною сіткою горішній бік, на який буцімто тиснули пальцем і пересували як “фішку”, набуває першорядного значення (аверс), а орнаментована сторона, що опиняється долі та совається по гральній поверхні, стає другорядною (реверс). Така алогічність може бути розв'язана лише шляхом припущення вторинності функції “фішки”. Первинна, початкова ж функція диску залишається інтригою.

Дослідниками неодноразово відзначалася проблематичність визначення функцій подібних артефактів [докладніше про це див.: Penner 1998, S. 158-160]. Одразу відзначимо, що цей простий кістяний диск з Шипилівки виразно відрізняється, а тому не може бути функціонально ототожненим, від круглих подвійних гудзиків з пелопоннеських шахтових і

зайвим звернути увагу на ту обставину, що деякі дослідники небезпідставно припускають можливість розглядати появу і поширення на теренах Європи особливого набору виробів (зокрема і псалиїв) з характерним хвильовими, циркульно-спіральною, сплетено-стрічковими та іншими орнаментами не за вектором Мікенська Греція → Карпато-Подунав'я → Східна Європа, а за зворотним напрямом [Penner 1998, S. 161], що і має визначати хронологічні пріоритети. Проте дане питання не є розв'язаним і потребує подальших дослідів.

купольних гробниць, а також від круглих ковпачків-навершників (на кшталт тотожних виробів із Капітанового I та Поян). Частина аналогічних дисків з Карпато-Подунав'я та Анатолії мають центральні (рідше периферійні) отвори, а тому могли використовуватися в якості підвісок чи амулетів. Для звичайних орнаментованих дисків, окрім іншого, припускалася можливість використання їх у якості кнопок-навершників на руків'ях кинджалів [Penner 1998, S. 159-160]. До речі, зворотний від орнаменту бік шипилівського диска забезпечений характерною сіткою рельєфних нарізок¹², які зазвичай покращують зчеплення з поверхнею при склеюванні. Тобто є цілком припустимим, що цей орнаментований диск був прикріплений/приклеєний до якоїсь поверхні, до якої саме – сказати неможливо. Археологічний контекст знахідки, а саме виявлення її в районі шийних хребців, дозволяє припустити її використання в якості прикраси, можливо, оздоблення якогось елемента вбрання. Зрозуміло, що одиничність, по суті унікальність на тлі поховальних пам'яток, опублікованої знахідки утруднює її інтерпретацію і не дозволяє перевірити запропоновані авторами висновки, що може стати можливим лише за умов серійності як археологічних контекстів, так і трасологічних спостережень.

Висновки. Здійснені зіставлення та аналіз рідкісної знахідки орнаментованого кістяного диску, що входив до складу реманенту поховання зрубної культури (Шипилівка 1/1), дослідженого в кургані бронзового віку на правобережжі Сіверського Дінця, дозволяють зробити низку висновків. По-перше, курганна стратиграфія засвідчує хронологічне слідування захоронення з кістяним диском за похованням з покровськими рисами, що характеризує I (ранній) хронологічний горизонт пам'яток зрубної культури регіону. Така оцінка підтверджується і обрядово-інвентарною характеристикою поховання з диском, яка цілком відповідає пам'яткам II (середнього) хронологічного горизонту зрубної культури. Виявлена в кургані хронологічна послідовність знаходить повну відповідність у матеріалах поселень зрубної культури Сіверського Дінця, в яких ранньозрубні/покровські горизонти перекриваються шарами, що містять різноманітні кістяні вироби з т.зв. карпато-мікенськими орнаментами (псалії, диски, навершники, втулки тощо), подібними до шипилівського виробу. По-друге, кістяний диск з орнаментом у формі трискеліона, утвореного тричетвертними колами з циркульними крапками в центрах, має чимало аналогій у пам'ятках бронзового віку Карпато-Подунав'я, Пелопоннесу та Малої Азії, а саме шахтові гробниці 4 і 5 Мікен, купольні гробниці Каковатоса (А) і Стафілоса, а також пам'ятки культур Фузешабонь, Ватін-Врсач і хетські шари Анатолії. Найближчі відповідники шипилівському диску дають можливість синхронізувати його з горизонтом пам'яток, що відносяться до ПЕ ІІА (ЛН ІІА / СН ІІА) періоду, або періоду В1а модернізованої схеми П. Рейнеке, який наразі датується щонайпізніше другою половиною XVI ст. до Р.Х.

Одержані результати дозволяють включити поховання Шипилівка 1/1 до списку ключових діагностичних комплексів, що мають важливе значення для дослідження проблем абсолютної хронології та синхронізації культур пізньобронзового віку Надчорномор'я зі старожитностями Південно-Східної Європи та Малої Азії.

Литвиненко Р.А., Санжаров С.Н., Усачук А.Н.

КОСТЯНОЙ ДИСК С КАРПАТО-МИКЕНСКИМ ДЕКОРОМ ИЗ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В 2013 г. на правобережье среднего течения Северского донца у с. Шипиловка Луганской обл. был раскопан курган бронзового века, в котором исследовано впускное

¹² Щоправда, за спостереженнями А.М. Усачука, для забезпечення ефекту склеювання на кістяні поверхні зазвичай наносилася технічна сітка з неглибоких і менш ретельних насічок, виконаних кінцем гострого знаряддя. Якщо прийняти це зауваження, то питання щодо призначення рельєфної сітки на шипилівському диску потребує іншого пояснення.

погребение 1 срубной культуры с редкой находкой – костяным диском, украшенным карпато-микенским орнаментом, основной фигурой в котором выступает трискелион, состоящий из тричетвертных циркульных кругов. Стратиграфия и обрядово-инвентарные характеристики позволяют отнести это погребение ко II (среднему) хронологическому горизонту срубной культуры. Этот вывод находит подтверждение и в материалах поселений срубной культуры бассейна Северского Донца (Ильичевка, Капитаново I), из которых происходят похожие дисковидные костяные изделия, а также иные изделия из резной кости с карпато-микенским декором (псалии, навершия, кольца, втулки и др.). Как на упомянутых поселениях, так и в шипиловском кургане, эти орнаментированные изделия происходят из контекстов, хронологически более поздних, чем раннесрубные/покровские горизонты.

Немало аналогий шипиловский костяной диск находит в памятниках бронзового века Карпато-Подунавья, Пелопоннеса и Малой Азии, а именно культур Ватин-Врсач и Фюзешабонь, Микенских шахтовых гробницах 4 и 5, купольных гробницах Каковатоса (А) и Стафилоса. Типологические сопоставления с наиболее близкими из них позволяют синхронизировать орнаментированный диск из Шипиловки с позднеэлладским IIА периодом (LH IIА / SH IIА), одновременным центрально-европейскому периоду B1а по модифицированной схеме П. Рейнеке. Новейшие исследования, коррелирующие радиоуглеродные и исторические даты (хеттские, египетские), позволяют датировать этот период в диапазоне второй половины XVI в. до Р.Х. с возможным его удревнением.

Ключевые слова: бронзовый век, срубная культура, хронология, трасология, Северский Донец, Восточная Европа, Карпато-Подунавье, Микенская Греция.

Lytvynenko R.A., Sanzharov S.N., Usachuk A.N.

BONE DISC WITH CARPATHIAN-MYCENAEAN DECOR FROM THE MIDDLE REACHES OF THE SEVERSKY DONETS AND SOME QUESTIONS OF CHRONOLOGY OF TIMBER-GRAVE CULTURE

In 2013, on the right bank of the middle reaches of the Seversky Donets River, near the village Shipylivka (Lugansk region) the barrow of Bronze Age was excavated. In barrow, among others, was investigated the burial 1 of Timber-Grave culture. In the burial found a rare artifact – bone disk with the Carpathian-Mycenaean carved decoration. Mound's stratigraphy and ritual characteristics can be attributed this burial to II (Middle) chronological horizon of Timber-Grave culture. This conclusion is confirmed by materials of settlements of Timber-Grave culture in Seversky Donets basin (Ilichivka, Kapitanove I), where similar bone artifacts, as well as other artifacts of carved bone (cheekpieces, finials, rings, bushings etc.) with Carpathian-Mycenaean ornaments were found. On the mentioned settlements and mound Shipilivka ornamented bone artifacts are chronologically later than Pokrovsk horizons.

Shipylivka bone disc finds many analogies in the monuments of the Bronze Age of the Carpathian-Danube, the Peloponnesus and Asia Minor, such as Vatin-Vrsac culture and Fuzesabony culture, Mycenaean Shaft Graves 4 and 5, Tholos Tombs of Kakovatos (A) and Stafilos. Typological comparison with the closest analogies can synchronize ornamented disc from Shipylivka with LH IIА period, that simultaneous with Central European B1а period on modified scheme of P. Reinecke. The latest research on the correlation of radiocarbon and historical dates (Hittite, Egyptian), allow us to date this period in the range of the second half of the XVI century BC with his possible ancientizing.

Keywords: Bronze Age, Timber-Grave culture, chronology, trasology, Seversky Donets, Eastern Europe, the Carpathian-Danube, Mycenaean Greece

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1990. – 149 с.
- Бровендер Ю.М.** Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком Левобережье / Ю.М. Бровендер // ССПК. – Т. VIII. – Запоріжжя, 2000. – С. 170-186.
- Бровендер Ю.М.** Находки деталей конской упряжи в контексте Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы / Ю.М. Бровендер // МДАСУ. – № 7: Від неоліту до кіммерійців. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. – С. 224-234.
- Бровендер Ю.М.** Карпато-микенский орнаментальный стиль в материалах поселения Капитаново-1 / Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и матер. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археологического семинара. – Вып. 2. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – С. 53-55.
- Гершкович Я.П.** Об одной категории костяных изделий срубной культуры / Я.П. Гершкович, Г.Л. Евдокимов // СА. – 1982. – № 4. – С. 228-231.
- Горбов В.Н.** О системе крепления псалиев с выделенной планкой колесничной запряжки бронзового века / В.Н. Горбов, Усачук А.Н. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. III Граковские чтения. – Запорожье, 1999. – С. 78-85.
- Ковалева И.Ф.** Срубные погребения с наборами альчигов / И.Ф. Ковалева // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепрпетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1990. – С. 59-71.
- Литвиненко Р.А.** Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. на здобуття вчен. степеню канд. іст. наук / Р.А. Литвиненко. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
- Литвиненко Р.О.** Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. на здобуття вчен. степеню канд. іст. наук: спец. 07.00.06 “Археологія” / Ін-т археол. НАНУ. – К., 1994а. – 21 с.
- Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) / Р.А. Литвиненко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: матер. междунар. науч. конф. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2000. – С. 81-90.
- Лопатин В.А.** Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследований 2007-2009 годов) / В.А. Лопатин // АВЕС. – Вып. 8. – Саратов, 2010. – С. 126-156.
- Лопатин В.А.** О бесшипных дисковидных псалиях покровского типа / В.А. Лопатин // АВЕС. – Вып. 10. – Саратов, 2013. – С. 135-150.
- Отрощенко В.В.** Костяные детали плеток из погребений срубной культуры / В.В. Отрощенко // СА. – 1986. – № 3. – С. 227-232.
- Отрощенко В.В.** Клейноды зрубного суспільства / В.В. Отрощенко // Археологія. – 1993. – № 1. – С. 101-109.
- Отрощенко В.В.** К истории племен срубной общности / В.В. Отрощенко В.В. // АВЛ. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2003. – С. 68-96.
- Смирнов К.Ф.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
- Тереножкин А.И.** Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С. 63-85.
- Усачук А.Н.** Трасологический анализ некоторых костяных изделий поселения Капитаново-I / А.Н. Усачук, Ю.М. Бровендер // ДАЗ. – № 11. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2004. – С. 96-104.
- Усачук А.Н.** Трасологический анализ роговой втулки из раннесрубного погребения / А.Н. Усачук // МДАСУ. – № 10. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2010. – С. 183-199.
- Циміданов В.В.** Поховання із нагайками в зрубній культурі / В.В. Циміданов // МДАСУ. – № 7. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. – С. 217-224.
- Чередниченко М.М.** Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я / М.М. Чередниченко // Археологія. – 1977. – Вип. 22. – С. 3-21.

Чередниченко Н.Н. Срубная культура / Н.Н. Чередниченко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце / Т.А. Шаповалов // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 150-175.

Шаповалов Т.А. Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца (по материалам Ильичевского поселения): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. АН УССР. – К., 1983. – 24 с.

Beck C.W. Analysis and Provenience of Minoan and Mycenaean Amber, III. Kakovatos / C.W. Beck, L.Y. Beck // Greek and Byzantine Studies. 1970. – Vol. 11. – P. 5-22.

David W. Gold and bone artefacts as evidence of mutual contact between the Aegean, the Carpathian basin and southern Germany in the second millennium BC / W. David // Between the Aegean and Baltic Seas. Prehistory across borders: Proceeding of the International Conference “Bronze and Early Iron Age Interconnections and Contemporary Developments between the Aegean and the Regions of the Balkan Peninsula, Central and Northern Europe”. – Liège, 2007. – P. 411-420.

Dickinson O.T.P.K. The Origins and Development of Early Mycenaean Culture: Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of Oxford / Pembroke College. – Oxford, 1970. – Vol. 2. – P. 331-573; 44 fig.; 10 maps.

Dirlik N. The Tholos Tombs of Mycenaean Greece: Master’s thesis in Classical Archaeology and Ancient History / Uppsala University. – Uppsala, 2012. – 131 p.

Evans A. The Shaft Graves and bee-hive tombs of Mycenae and their interrelation / A. Evans. – L.; Macmillan and Co LTD, 1929. – 93 p.

Gogâltan F. Der Beginn der Bronzezeitlichen Tellsiedlungen im Karpatenbecken: Chronologische Probleme / F. Gogâltan // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bd. 121. – Bonn, 2005. – S. 161-179.

Hänsel B. Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. / B. Hänsel // Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. – Bd. 1: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. – Berlin, 1982. – S. 1-38.

Hüttel H.G. Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa / H.G. Hüttel // Prähistorische bronzefunde. – Abt. XVI. – Bd. 2. – München, 1981. – 264 S.

Karo G. Schachtgräber von Mykenai / G. Karo. – München, 1930/33. – Teil I: Text. – 372 S.; Teil II: Tafeln. – CLXXV taf.

Manning S.W. Clarifying the ‘High’ v. ‘Low’ Aegean/Cypriot Chronology for the Mid Second Millennium BC: Assessing the Evidence, Interpretive Frameworks, and Current State of the Debate // Denkschriften der Gesamtakademie. – Bd. XXXVII (Contributions to the Chronology of the Eastern Mediterranean. – Vol. IX): The synchronisation of civilisations in the Eastern Mediterranean in the second millennium B.C. III: Proceedings of the SCIEEM 2000 – 2nd Euro Conference (Vienna, 28th of May – 1st of June 2003). – Wien, 2007. – P. 101-137.

Manning S.W. Chronology for the Aegean Late Bronze Age 1700-1400 B.C. / [S.W. Manning, C.B. Ramsey, W. Kutschera, T. Higham, B. Kromer, P. Steier, E.M. Wild] // Science. – Vol. 312. – 2006 (28 April). – P. 565-569.

Mozsolics A. Beiträge zur Geschichte und Chronologie der ungarischen Bronzezeit / A. Mozsolics // Acta antiqua. – T. 21. – Budapest: Akadémiai Nyomda, 1973. – P. 3-20.

Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit / H. Müller-Karpe. – Bd. IV/1-3. – München, 1980.

Penner S. Schliemanns Schachtgräber und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung / S. Penner // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bd. 60. – Bonn: Habelt, 1998. – 239 s.; 62 taf.

Shubert E. Spätneolithikum und Bronzezeit im süddeutschen Raum / E. Shubert // Il passaggio dal Neolitico all’età del Bronzo nell’europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici: Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell’età del Bronzo in Europa (Lazise-Verona, 8-12 aprile 1980). – Verona, 1982. – P. 283-295.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

КУРГАН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ЗИНЦЕВА БАЛКА (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Реферат: В 2005-2006 гг. археологическая экспедиция Донецкого обл. краеведческого музея провела раскопки курганной группы из 4-х насыпей на окраине г. Мариуполя. Наше внимание привлек курган 4 – единственный в группе, который был возведен в эпоху поздней бронзы и содержал лишь погребения срубной культуры. Интерес к кургану 4 усиливался тем, что при исследовании насыпи были выявлены случаи прямой стратиграфии нескольких погребений одной культуры, что для курганов позднебронзово́й эпохи встречается нечасто. Помимо этого, проведенный антропологический анализ погребенных показал, что бо́льшая часть выявленных в центре кургана захоронений являлись женскими (7 из 9, где с той или иной долей вероятности определен пол умерших) и только одно погребение, выделяющееся к тому же планиграфически (на краю насыпи), принадлежало мужчине. В статье публикуются материалы раскопок кургана 4, подробно разбирается стратиграфия, заостряется внимание на имевшей место у носителей срубной культуры практике “сепарирования” умерших. Авторов заинтересовала проблема существования “женских” курганов. В статье было учтено 189 курганов с относящимися к срубной культуре погребениями женщин (как основными, так и впускными). При этом 93 кургана исследованы на восточной территории срубной культурно-исторической общности (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал) и 96 – на западной (Днепро-Донецкий регион, Подонье, Предкавказье). В зависимости от соотношения захоронений разных половых и возрастных групп рассматриваемые курганы были разделены на группы в рамках обобщенных территорий: “Восточной” и “Западной”. Анализ групп привел нас к выводу, что на обеих территориях срубной общности существовала достаточно выраженная практика, предполагавшая погребение части женщин отдельно от мужчин, детей и подростков. Женщин чаще хоронили отдельно от детей и подростков, чем с ними. У женщин вероятность быть погребенными в одном кургане с детьми и подростками была выше, чем вероятность быть погребенными с мужчинами. В “женских” курганах значительно чаще присутствовало погребение одной женщины, чем двух и более. Среди всех известных нам “женских” курганов публикуемый курган 4 могильника Зинцева Балка наиболее интересен и уникален из-за “рекордного” соотношения женских и мужских погребений, а также из-за того, что массив захоронений этого кургана формировался на протяжении довольно длительного времени – не менее, а скорее более двух веков, что подразумевает высокую знаковую нагрузку этой обычной с первого взгляда насыпи.

Ключевые слова: срубная общность, погребение, социальная группа, половозрастная группа.

Abstract: Several years ago an archaeological expedition of Donetsk Regional Museum excavated a barrow group which consisted of 4 mounds located at suburb of Mariupol (Donetsk province, Ukraine). The barrow 4 is the only one in the group which was mounded in the late Bronze Age and in which there were burials of Timber-Grave culture only. This barrow is also remarkable because the exploration of the mound has revealed some cases of straight stratigraphy of several burials of the same culture. Moreover, an anthropological analysis of the deceased has revealed that most of the burials excavated in the centre of the barrow were female and only one burial was male, it was singled out in planigraphy besides (located at the edge of the mound). The paper presents materials of excavation of barrow 4, profoundly describes its stratigraphy, and emphasizes a practice of “separation” of the deceased which was observed by people of Timber-Grave culture. The authors were interested in a problem of existence of “female” barrows. They have considered 189 barrows which contained the Timber-Grave culture burials of women (burials both primary and secondary buried in a barrow). The authors have explored 93 barrows at the eastern territory of Timber-Grave cultural-historical community (the Middle and the Lower Volga reaches, the Southern Ural Mountains) and 96 barrows at the western territory (Dnepr-Donets region, the Don reaches, Ciscaucasia). According to a correlation of different sex and age groups of burials the authors have divided the barrows into groups within the frameworks of generalized “Eastern” and “Western” territories. The analysis of groups has enabled the authors to conclude that on both territories of Timber-Grave community there was quite strictly observed practice of burying some of women separately from men, children and teenagers. They buried women separately from children and teenagers rather than together with them. At the same

time, they buried women with children and teenagers more often than with men in one barrow. One woman was buried much more often than two or more in “female” barrows. The barrow 4 of Zintseva Balka burial ground is unique among all known “female” barrows because of a “record” correlation of female and male burials. It is also outstanding because a corpus of burials of this barrow had been forming throughout a long period of time (not less but rather more than two centuries) which implies that this mound, which seems usual at first sight, was very meaningful.

Keywords: Timber-Grave community, barrow, burial, social group, sex and age group.

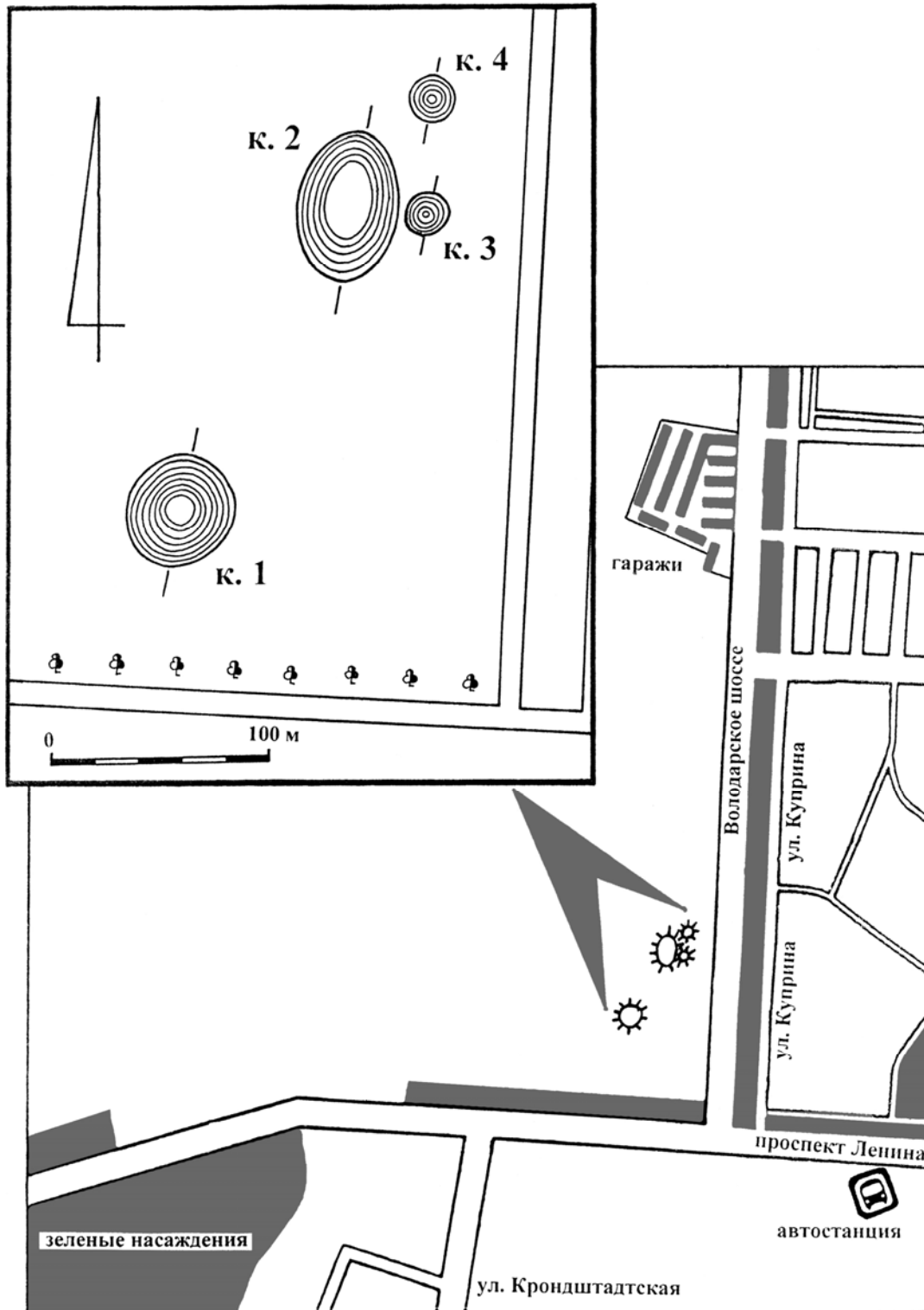

Рис. 1. Курганная группа Зинцева Балка на юго-западной окраине г. Мариуполя
Fig. 1. Zintseva Balka burial ground at the south-western outskirts of Mariupol

В 2005-2006 гг. экспедиция Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея провела охранные раскопки курганной группы Зинцева Балка. Группа состояла из 4 курганов, которые находились на юго-западной окраине г. Мариуполь Донецкой обл. (рис. 1). Она занимала водораздел верховьев балок Тамарина и Зинцева (существует и более поздняя версия названия – Зинцова¹) (бассейн Азовского моря). Курганы группы располагались по линии юго-запад – северо-восток (рис. 1). Информация о кургане 1 уже была введена в научный оборот [Усачук и др. 2007]. Он содержал по одному погребению бабинской и срубной культур, погребение белозерского времени, средневековое, два христианских захоронения нового времени и два неопределенных. В кургане 2, насыпь которого сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны, были ямное, катакомбные, срубные погребения, культовый комплекс эпохи раннего железа и захоронение кочевника эпохи средневековья. В кургане 3 выявлены катакомбные, бабинское и средневековое погребения.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот захоронений кургана 4 – единственного в группе, который был возведен в эпоху поздней бронзы и содержал лишь погребения срубной культуры. Раскопки его (как и всей группы) производились под руководством А.Н. Усачука². Публикуемый курган являлся крайним северо-восточным в группе (рис. 1). Насыпь его практически не фиксировалась визуально, поскольку данный участок интенсивно распахивался в течение многих десятилетий. Вдобавок на момент раскопок бывшая пашня заросла густой травой. Местонахождение кургана было определено на основании плана курганной группы, сделанного Ю.Б. Полидовичем и В.В. Цимидановым в начале 90-х гг. прошлого столетия. Высота кургана 4 тогда составляла 0,3 м. В 2006 г. она была 0,08-0,09 м. Во время раскопок выяснилось, что юго-западную полу насыпи повредили траншея (окоп?) и яма XX в. (рис. 2, 1). Кроме того, центральную и северо-восточную часть насыпи нарушили ямы трех деревянных столбов забора, располагавшегося по линии юго-запад – северо-восток (рис. 2, 1). Судя по хорошей сохранности остатков древесины от столбов, последние были вкопаны много позже окончания Великой Отечественной войны. Одна из упомянутых ям попала в западный профиль центральной бровки (см. ниже), другая повредила п. 4.

Курган раскапывался при помощи бульдозера марки Б10М с оставлением центральной бровки по линии север – юг шириной 1,1-1,2 м. По обе стороны от нее были проложены две траншеи длиной 20 м и шириной 6,70-6,85 м каждая (рис. 2, 1).

В профилях бровки прослеживалась следующая стратиграфия (рис. 2, 2):

1. С поверхности до глубины 0,25-0,30 м залегал пахотный слой черно-коричневого цвета;

2. В южной части восточного профиля бровки под пахотным слоем четко выделялась прослойка темно-серого цвета мощностью от 0,05 до 0,10 м. Она перекрывала первичную насыпь кургана, имевшую светло-серый цвет. Это была нижняя часть досыпки, увеличившей первичный курган. Отмеченная досыпка фиксировалась и в западном профиле бровки, но на сей раз – не только в южной, но и частично в центральной части насыпи. Поскольку большая часть толщи досыпки оказалась переотложенной вследствие распашки, выяснить,

¹ В первой отчетной публикации нами употреблялась поздняя версия названия – Зинцова Балка [Усачук и др. 2007]. Позже мы пришли к выводу, что памятник нужно называть Зинцева Балка [Подобед и др. 2012, с. 214, 219, 220] вслед за П.М. Пиневицем, который еще в конце 20-х гг. прошлого столетия проводил здесь разведки и раскопки, называя балку и поселение в ней Зинцовой [Пиневиц 1925-1929, с. 11,12; 1929, л. 15об, 16, 18; Кучугура 2006а, с. 29; 2006б, с. 296].

² В раскопках курганной группы, кроме авторов предлагаемой статьи, принимали участие Э.Е. Кравченко, В.И. Кузин, А.Н. Петренко, С.Н. Разумов, С.Г. Небрат. Уместным было, пусть и кратковременное, участие в исследованиях Р.А. Литвиненко и Р.А. Мимохода. Отдельно отметим внимание со стороны сотрудников Мариупольского краеведческого музея, в частности – Л.И. Кучугуры.

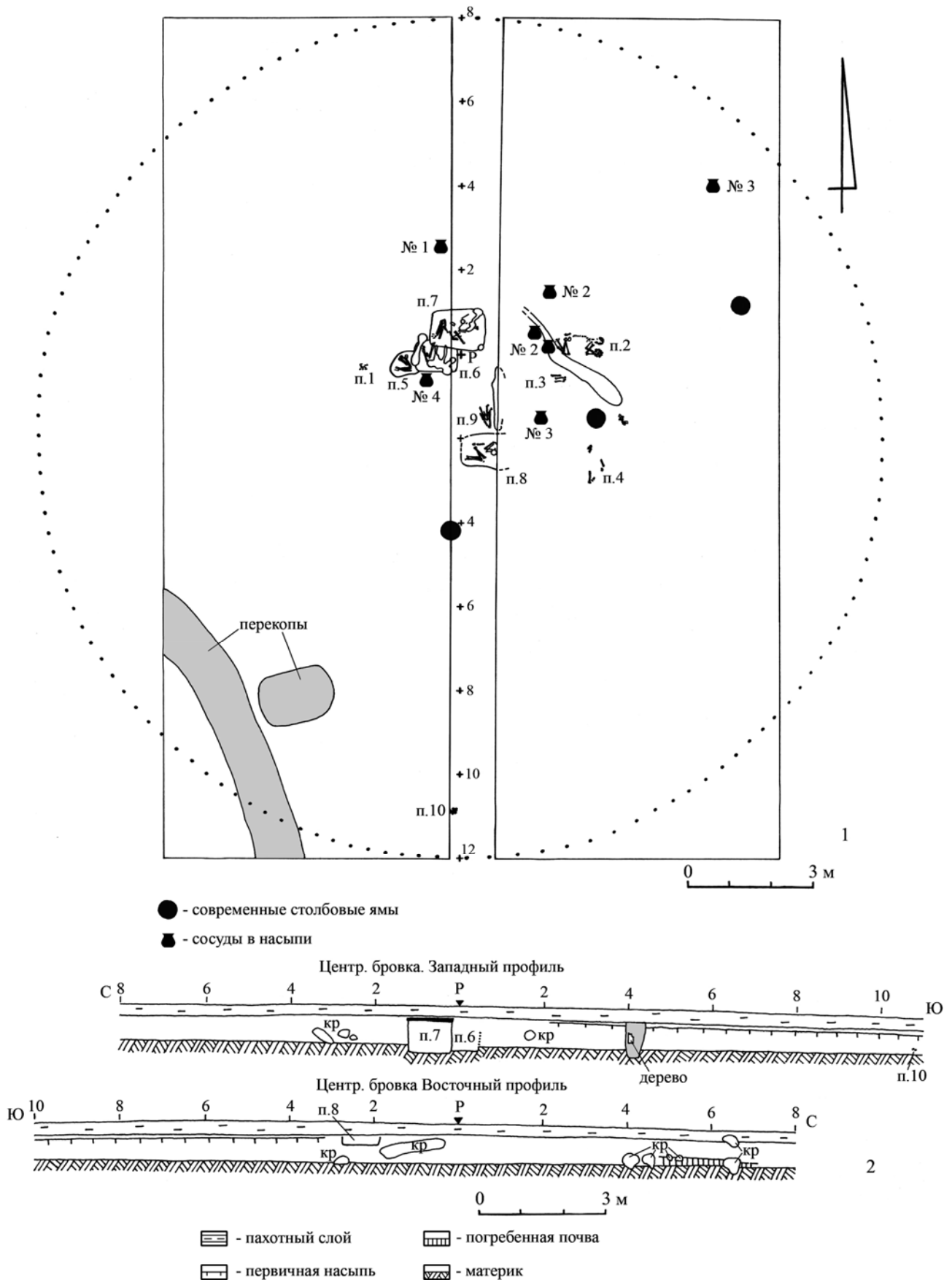

Рис. 2. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: **1** – общий план; **2** – стратиграфические разрезы
Fig. 2. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: **1** – the general layout; **2** – stratigraphic sections

перекрывала ли данная досыпка весь первичный курган или же лишь его центральную и южную часть, оказалось невозможным;

3. Под пахотным слоем и досыпкой залегала первичная насыпь. Она имела светло-серый цвет, переходивший в нижней части (примерно в 0,15 м выше уровня материка) без резкой границы в желто-коричневый. Поскольку толщина погребенной почвы (см. ниже) составляла около 0,25 м, можно допустить, что первичная насыпь имела мощность около 0,60 м в своей центральной части (рис. 2, 2);

4. В северной части восточного профиля бровки на глубине 0,65-0,80 м от современной поверхности кургана фиксировался участок погребенной почвы мощностью до 0,25 м, причем толщина этой почвы возрастала к центру кургана (рис. 2, 2);

5. На глубине 0,90-0,95 м от центрального репера залегал материк.

В 4,0 м на юг от центрального репера в западном профиле бровки под пахотным слоем была зафиксирована конусовидная яма от современного столба с остатками древесного тлена (рис. 2, 2). Ширина ямы составляла 0,45 м, глубина от поверхности – около 1,15 м.

В центральной части западного профиля бровки фиксировались локальные нарушения насыпи землеройными животными.

В 1,00-1,25 м на север от центрального репера в западном профиле бровки фиксировалась яма п. 7, которая перерезала практически всю первичную насыпь и входила в материк на 0,16-0,18 м. На глубине 0,28 м над ямой п. 7 сохранились остатки ее перекрытия в виде прослойки бело-желто-оранжевого цвета мощностью до 0,05-0,08 м (рис. 2, 2).

В центре западного профиля бровки яма п. 7 перерезала сохранившуюся частично яму п. 6, которая углублялась в материк на 0,1 м (рис. 2, 2).

В западном профиле бровки, в 10,8 м на юг от центрального репера на глубине 0,80-0,85 м были выявлены мелкие фрагменты черепа и костей человека (п. 10) (рис. 2, 2).

В восточном профиле бровки фиксировалось множество нор землеройных животных, которые частично нарушили погребенную почву. Самая крупная нора прорезала толщу восточного профиля в 0,30-1,85 м к юго-востоку от репера (рис. 2, 1), сильно разрушив п. 9 (рис. 2, 2);

В 1,85-2,75 м к югу от репера в восточном профиле бровки под пахотным слоем прослеживалась яма п. 8, которая врезалась в первичную насыпь на глубину до 0,20-0,25 м (рис. 2, 2).

В целом, в кургане 4 могильника Зинцева Балка было исследовано 10 погребений, относящихся к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Погребения 1-9 концентрировались в центральной части насыпи на участке площадью около 25 м² (рис. 2, 1) и только п. 10 размещалось в 8 м к югу от них (рис. 2, 1).

Кроме того, в насыпи кургана были обнаружены развалы 4-х сосудов, не сопровождавшихся человеческими костями:

Сосуд 1 (рис. 3, 1)³ стоял в 2,60 м от Р под углом 380° на глубине 0,45 м (рис. 2, 1) (здесь и ниже глубины даются от репера). Поскольку сосуд был поврежден бульдозером, “срезавшим” его верхнюю часть, невозможно установить, относился ли он к банкам или горшкам⁴. В тесте – достаточно большое количество песка и, скорее всего, небольшая добавка органики. Лепка небрежная. Внешняя поверхность сосуда заглажена, но остались неровности. На внутренней поверхности видны следы кругового заглаживания пальцами после прилепа стенок ко дну. Цвет – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: диаметр (далее Ø) венчика реконструируется в пределах 9,0-9,4 см, Ø тулова – 10,3 см, Ø дна – 8,4 см, высота сохранившейся части – 6,45 см (реконструируемая высота сосуда – около 8 см). Толщина стенок – 0,8-0,9 см, дна – до 1,0 см.

³ Находки из кургана 4 сданы на хранение в Мариупольский краеведческий музей.

⁴ Критерии отличия банок от горшков наиболее полно были сформулированы В.Н. Горбовым [1994].

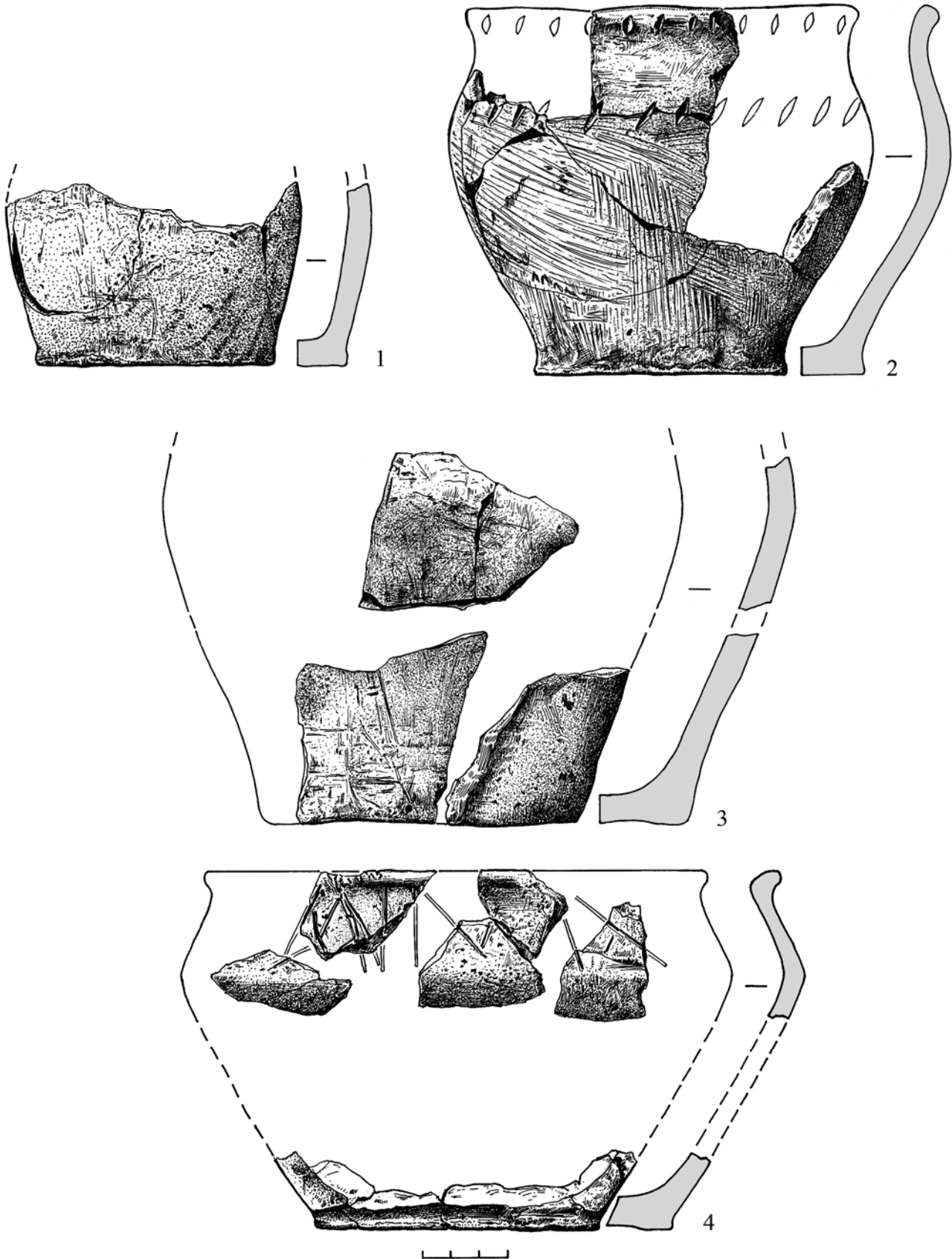

Рис. 3. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4, развалы сосудов в насыпи:
1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 4

Fig. 3. Zintseva Balka burial ground, barrow 4, breakups of vessels in the mound:
1 – vessel 1; 2 – vessel 2; 3 – vessel 3; 4 – vessel 4

Сосуд 2 (рис. 3, 2) сохранился во фрагментах, которые были выявлены на расстоянии до 1,25 м друг от друга в 2,10-2,60 м от Р под углами 60°, 70°, 84° от него на глубине 0,2-0,25 м (в пахотном слое) (рис. 2, 1). Вероятно, сосуд в момент его захоронения был целым. Учитывая глубину залегания фрагментов, можно предположить, что его поместили на поверхность первичной насыпи или в неглубокую ямку, вырытую в ней. Небольшая глубина залегания изделия обусловила его разрушение и “растаскивание” фрагментов вследствие распашки. Во время реставрации фрагменты изделия были склеены. Сосуд относится к горшкам. Примеси в тесте визуальнo не фиксируются. Лепка более-менее аккуратная. На внешней поверхности в верхней трети сосуда (выше перегиба) локально сохранились слабые пальцевые расчесы. Ниже перегиба поверхность сосуда заглажена зубчатым штампом (видны разнонаправленные следы расчесов). Этим же орудием заглаживалась и внутренняя поверхность, причем в районе венчика следы штампа идут, в основном, горизонтально, ниже – диагонально. Расчесы на обеих поверхностях сосуда наносились на влажную основу. После расчесов на сосуде был выполнен орнамент в виде двух поясов косых продолговато-овальных вдавлений (под венчиком и несколько выше максимального расширения тулова). Для нанесения орнамента использовались разные деревянные (?) орудия или два разных рабочих торца одного орудия: под венчиком вдавления имеют длину 0,6-0,7 см, а на тулове – 1,15-1,30 см. Поверхность сосуда серого цвета, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика – 14,0-14,2 см, Ø тулова – 15,2 см, Ø дна – 9,1 см, высота – 13,3 см. Толщина стенок – 0,6-0,7 см, дна – до 1,0-1,1 см. Возможно, сосуд 2 относится к п. 2 (см. ниже).

Сосуд 3 (рис. 3, 3) сохранился во фрагментах, которые были обнаружены в двух местах (в 7,90 м друг от друга) (рис. 2, 1). То, что данные фрагменты являются частями одного сосуда, следует из практически одинакового вида черепков (как по цвету, так и по характеру теста и лепки). Фрагменты дна найдены в 2,4 м под углом 127° от Р на глубине 0,2-0,25 м, фрагменты стенок – в 7,25 м под углом 56° от Р на глубине 0,2 м. Ситуация с находившимся в пахотном слое сосудом 3 похожа на ситуацию с сосудом 2, с той разницей, что фрагменты сосуда 3 были рассеяны вспашкой на большей площади. Сосуд, вероятно, являлся горшком. Тесто с добавлением песка, лепка аккуратная. Поверхность ровная, заглажена пальцами и каким-то более-менее эластичным орудием, оставившем на сосуде мелкие разнонаправленные расчесы. Тесто серо-оранжевого цвета, черепок в изломе такой же. Размеры: Ø венчика не восстанавливается, Ø тулова реконструируется в пределах 18,0-18,1 см, Ø дна – около 11,0 см, высота сохранившейся части реконструируется в пределах 13,0 см. Толщина стенок – 0,9-1,0 см, дна – до 1,0 см (оно немного вогнуто). На стыке дна и стенок толщина увеличивается до 2,0 см.

Сосуд 4 (рис. 3, 4) сохранился во фрагментах, которые были найдены в 1,0 м под углом 235° от Р на глубине 0,58 м (разрушен бульдозером) (рис. 2, 1). Зафиксировано, что сосуд стоял на дне. Некоторые фрагменты во время реставрации удалось склеить. Сосуд относится к острореберным. В тесте много крупных фракций песка. На верхней трети сосуда под венчиком был выполнен прочерченный орнамент в виде зигзага. Для нанесения орнамента использовалось деревянное острие. Поверхность сосуда оранжевого цвета с небольшими серыми пятнами (обжиг неровный), черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика реконструируется в пределах 17,6 см, Ø ребра – около 19,2 см, Ø дна – 10,0 см, высота реконструируется в пределах 12,6 см. Толщина стенок – 0,5 см в верхней части, до 0,7 см – ниже ребра, и 0,9 см – у дна. С внешней стороны дно сосуда по периметру имеет плоскую полосу шириной до 1,5 см, внутри которой оно немного вогнуто. Возможно, сосуд 4 относился к п. 6 (см. ниже).

Погребение 1 (впускное) (рис. 5, 1) размещалось в 2,21 м под углом 263° от Р на глубине 0,41 м. Контуры ямы не прослеживались. От костяка женщины 20-30 лет⁵

⁵ Здесь и далее антропологические определения выполнены А.А. Хохловым (г. Самара).

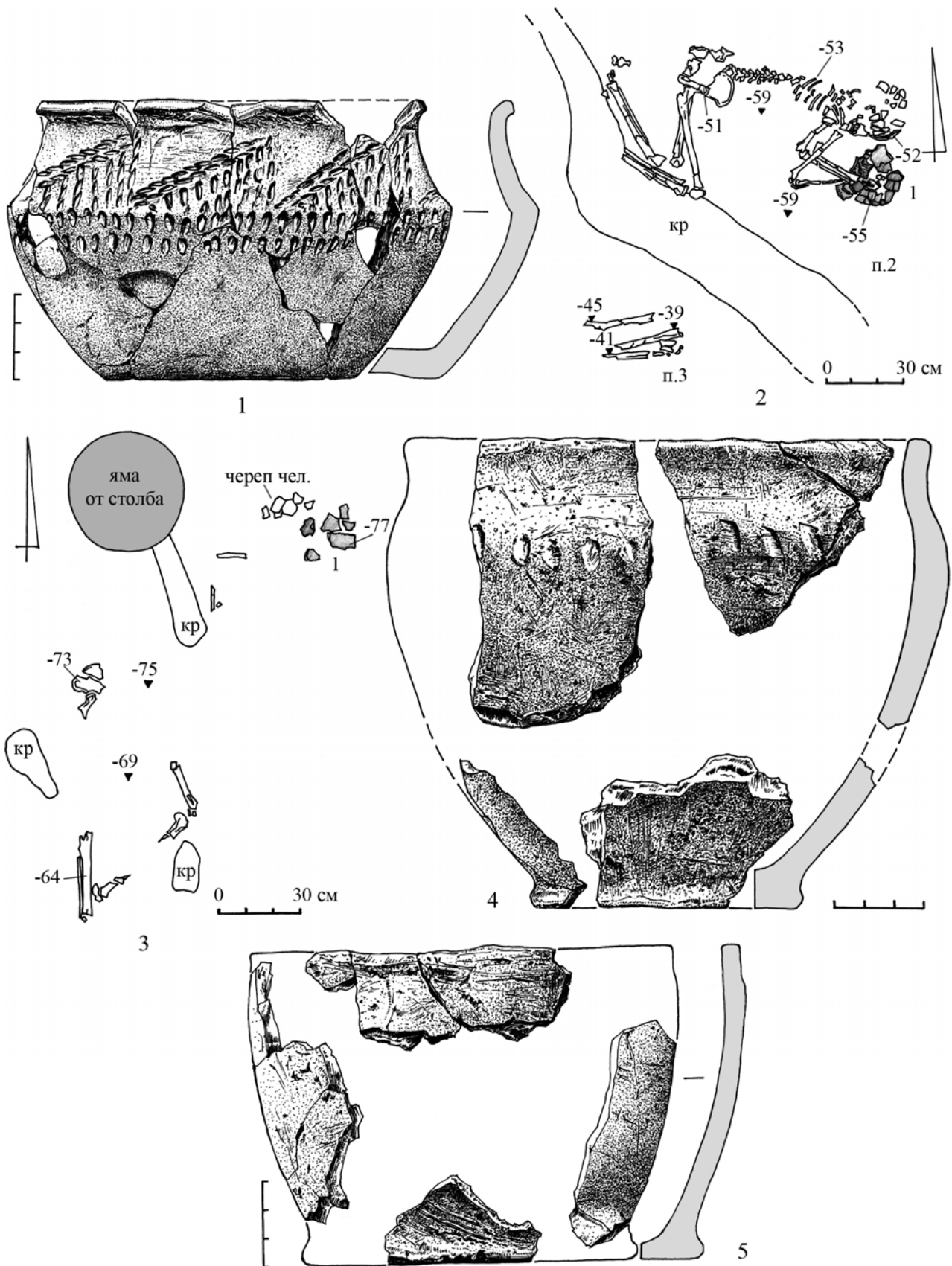

Рис. 4. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: 1 – сосуд из п. 2; 2 – п. 2 и п. 3 (1 – развал сосуда); 3 – п. 4 (1 – развалы сосудов); 4 – сосуд 1 из п. 4; 5 – сосуд 2 из п. 4

Fig. 4. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: 1 – a vessel from burial 2; 2 – burials 2 and 3 (1 – a breakup of vessel); 3 – burial 4 (1 – breakups of vessels); 4 – vessel 1 from burial 4; 5 – vessel 2 from burial 4

сохранилось небольшое количество фрагментов черепа, мелкие фрагменты длинных костей, фрагмент ключицы. Положение умершей не восстанавливается. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (впускное) (рис. 4, 2) находилось в 2,9 м под углом 85° от Р на глубине 0,59-0,61 м.

Контуры ямы не прослеживались, тем более, что погребение было частично нарушено норами землеройных животных. Судя по положению и глубине залегания сосуда 2 в насыпи кургана, можно предположить, что он был поставлен возле западного края ямы данного погребения. В таком случае, глубина ямы п. 2 составляла около 0,4 м от уровня впуска.

Костяк взрослого человека (женщина, 25-30 лет) плохо сохранился, но можно установить, что погребенная была уложена в скорченном положении на левом боку, головой на восток с очень небольшим отклонением к югу. Руки были согнуты в локтях, кисти размещались напротив лица. Ноги в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, а в коленях – под острым. Стопы ног не сохранились, поскольку западную часть погребения нарушила крупная нора. Перед лицом погребенной, очевидно – на кистях рук, был поставлен сосуд.

Сосуд (рис. 4, 1) относится к острореберным. С внешней стороны дно сосуда по периметру имеет плоскую полосу шириной до 1,0 см; внутри этой полосы оно немного вогнуто. Тесто комковатое, с примесью песка и светло-серой органики (?). Лепка, в целом, аккуратная, но имеются небольшие неровности на внутренней поверхности. На внешней поверхности локально сохранились слабые тонкие горизонтальные следы разглаживания глины плотным орудием типа ложила (скорее всего, деревянного). Внутренняя поверхность сосуда разглаживалась при помощи пальцев – сохранились их горизонтальные и диагональные следы. После разглаживания внешней поверхности на сосуд был нанесен сложный орнамент. Он состоит из фриза своеобразных треугольников, который сверху ограничивала горизонтальная линия отпечатков шнура, располагавшихся под отогнутым венчиком, а снизу – два ряда продолговатых оттисков деревянного орудия, выполненных, в основном, ниже ребра. Своеобразие треугольников заключается в двух моментах:

1. Они выполнены в комбинированной технике: наклонные линии отпечатков шнура сочетаются с почти вертикальными рядами продолговатых вдавлений деревянного штампа (при их нанесении использовалось не то орудие, которым были выполнены вдавления под ребром сосуда). Данные ряды включают до 4 оттисков, выполненных с разной силой и разной степенью аккуратности;

2. На первом этапе построения треугольников, похоже, были сделаны наклонные оттиски шнура, а на втором – под каждым из них выполнялись вертикальные ряды вдавлений штампа.

Поверхность сосуда серого цвета с черно-серыми разновеликими пятнами, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика – 13,5 см, Ø ребра – 15,4 см, Ø дна – 8,6 см, высота – 9,7 см. Толщина стенок: в районе венчика – 0,6 см, плечика – 0,8 см, тулова – 0,8-0,9 см. Толщина дна – 0,85 см, по краю (в местах размещения плоской полосы) – 1,1 см.

Погребение 3 (впускное) (рис. 2, 2) размещалось в 2,6 м под углом 102° от Р на глубине 0,39-0,45 м (в 0,5 м к югу от п. 2). Контуры ямы не прослеживались, погребение было почти полностью разрушено крупной норой, прошедшей между ним и п. 2.

От скелета человека зрелого возраста (пол не определяется) сохранились только фрагменты бедренных и берцовой кости. Судя по расположению костей ног, умерший был положен скорченно на левом боку, головой на север или северо-восток. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (впускное) (рис. 4, 3) находилось в 3,85 м под углом 117° от Р на глубине 0,69-0,73 м, в 1,5 м на юго-восток от близко расположенных п. 2 и п. 3.

Контуры ямы не прослеживались. Погребение было частично разрушено кротовиной и ямой от современного столба. В заполнении последней найдены фрагменты локтевой и

лучевой костей человека. В 0,3 м к востоку от ямы были обнаружены разрозненные кости черепа человека и возле них – фрагменты 2-х сосудов. В 0,2 м и 0,3 м к юго-западу от фрагментов черепа находились фрагменты лучевой кости, по этой же оси в 0,9 м от черепа – фрагменты крыла таза и бедренной кости (шейка с головкой). В 0,37-0,41 м к юго-востоку и югу от фрагментов таза выявлены фрагменты бедренной, больших берцовых и малой берцовой костей человека. Кости, имеющие очень плохое состояние, принадлежали, вероятно, женщине (*adultus*).

Сосуд 1 (рис. 4, 4) сохранился во фрагментах. Он относится к горшкам. Лепка аккуратная, в районе венчика сохранились следы пальцев (особенно на внутренней стороне). Внешняя и внутренняя поверхности сосуда старательно затерты. На внешней стороне видны тонкие, в основном вертикальные расчески, под которыми просматриваются и горизонтальные следы расчесов. На внутренней стороне сосуда следы расчесов разнонаправленные, но в основном – вертикальные. Поверх расчесов по ребру сосуда идет ряд овальных и подпрямоугольных неглубоких вдавлений, сделанных деревянным орудием. Сосуд серо-коричневого цвета, черепок в изломе черный. Размеры: Ø венчика реконструируется в пределах 17,7 см, Ø ребра – около 19,0 см, Ø дна – 9,0 см, высота реконструируется в пределах 15,7 см. Толщина стенок 0,8-0,9 см, в районе ребра – 1,10-1,15 см, толщина дна – 1,3 см.

Сосуд 2 (рис. 4, 5) сохранился во фрагментах (во время реставрации часть из них была склеена). Он может быть отнесен к банкам. Некоторые фрагменты демонстрируют едва заметное (очевидно, локальное) утончением венчика. В тесте небольшое количество песка. Лепка небрежная, особенно в районе венчика. Внешняя поверхность сосуда заглажена, но остались неровности. Под венчиком – слабые тонкие следы горизонтального заглаживания. У дна – локально сохранились более глубокие и грубые следы диагональных расчесов. На внутренней поверхности сосуда фиксируются слабые редкие горизонтальные расчески, на которые накладываются следы диагональных расчесов. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика около 14,8 см, Ø дна – 11,7 см, высота реконструируется в пределах 10,9-11,0 см. Толщина стенок – 0,7 см, дна – до 0,6 см.

Погребение 5 (основное) (рис. 5, 1) располагалось в 1,5 м под углом 262° от Р на глубине 0,95 м.

В предматериковом слое сохранилась часть овальной ямы, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток. Ее восточная часть была разрушена п. 6 и кротовиной (рис. 5, 2). Размеры ямы: длина, вероятно, – около 1,2 м, ширина – 0,62-0,63 м. Глубина сохранившейся части ямы 0,05 м – дно было выведено на материк. С учетом не прослеженной здесь погребенной почвы, глубина ямы могла достигать 0,25-0,30 м. От скелета женщины (?) 18-25 лет сохранилась нижняя часть – таз и ноги. Верхнюю часть скелета разрушили п. 6 и крупная кротовина. При этом разрозненные фрагменты черепа умершей из п. 5 были выявлены на костях стоп скелета из п. 6 и на краю кротовины. Ноги погребенной были согнуты в тазобедренном суставе почти под прямым углом, в коленях – под острым. Стопы ног не сохранились. Судя по положению нижней части скелета, умершая была положена на левом боку скорченно, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Очевидно, напротив головы или груди умершей был поставлен сосуд, разрозненные фрагменты верхней части которого находились чуть восточнее колен погребенной, а также в кротовине.

Сосуд (рис. 6, 1), нижняя часть которого не сохранилась, относится к острореберным. На внешней поверхности чуть ниже венчика и до ребра при помощи щепки нанесены грубые вертикально-диагональные расчески. Они легли на слабые горизонтальные расчески, оставленные при формовке сосуда. Внутренняя поверхность сосуда разглажена деревянным орудием, от которого остались грубые горизонтальные расчески. Кроме этого, здесь же обнаружены следы пальцев. Цвет сосуда серый с черными пятнами, черепок в изломе – черный. На внешней поверхности сохранился слой нагара. Размеры: Ø венчика – 17,5 см, Ø ребра – 20,2-20,3 см, высота сохранившейся части – 8,0 см. Толщина стенок – 0,6-0,7 см.

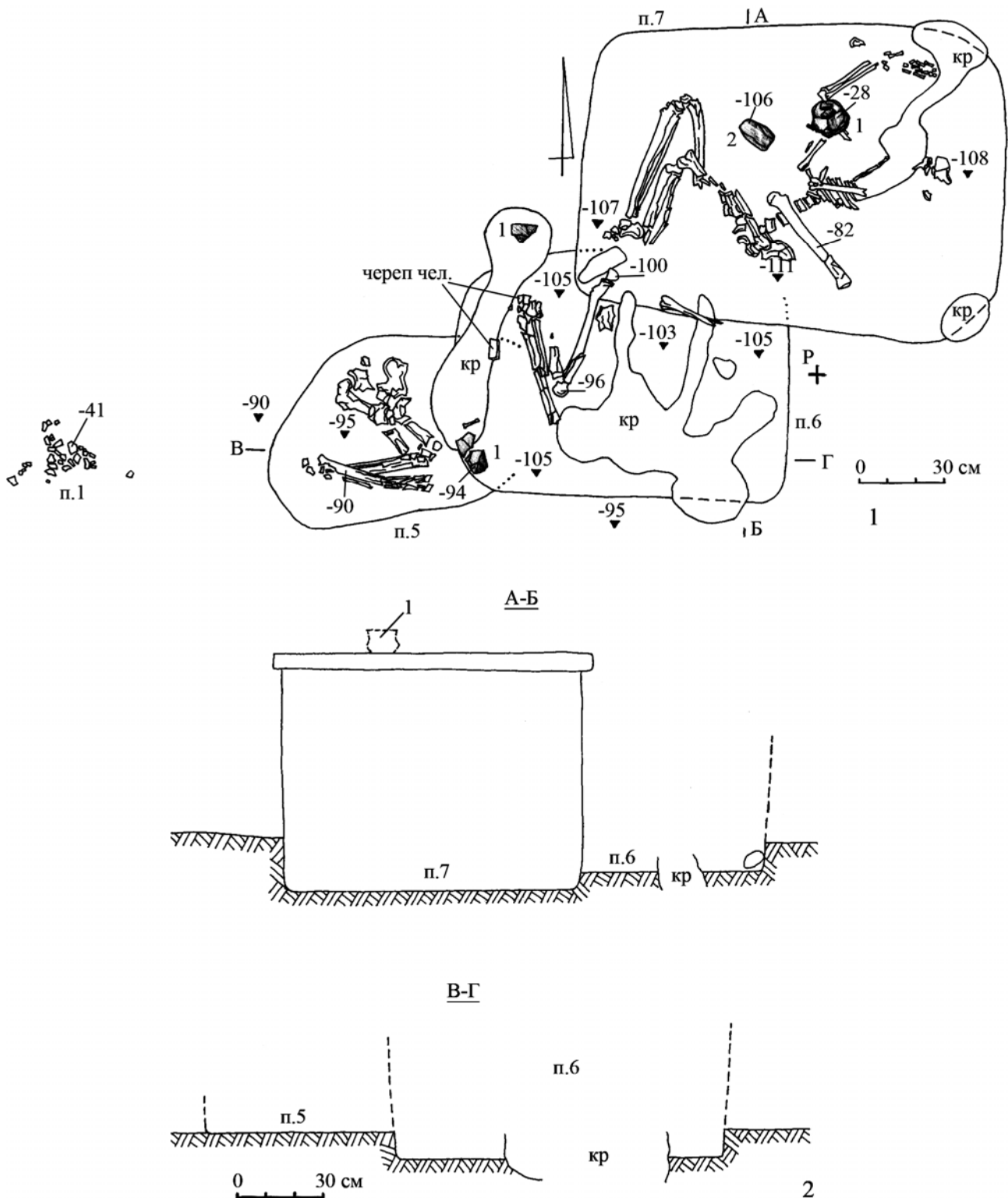

Рис. 5. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4:

1 – п. 1, п. 5 (1 – фрагменты сосуда), п. 6 и п. 7 (1 – развал сосуда на перекрытии; 2 – пест);
2 – стратиграфические разрезы п. 5, п. 6 и п. 7 (1 – положение сосуда на перекрытии п.7)

Fig. 5. Zintseva Balka burial ground, barrow 4:

1 – burial 1, burial 5 (1 – fragments of a vessel), burial 6 and burial 7 (1 – a breakup of vessel on the cover; 2 – a pestle); 2 – stratigraphic sections of burial 5, burial 6, and burial 7 (1 – a position of a vessel on the cover of burial 7)

Погребение 6 (впускное) (рис. 5, 1) находилось практически в центре насыпи (0,6 м под углом 265° от Р) на глубине 1,05 м.

В материке сохранилась нижняя часть прямоугольной ямы с сильно закругленными углами. Яма была вытянута по линии оси запад-восток. Ее сильно нарушили кротовины. Северо-восточная часть ямы была разрушена при совершении п. 7. Размеры ямы: длина 1,17 м, ширина – 0,86 м (возможно 0,88-0,89 м – неясно из-за сильных разрушений). Ко дну яма чуть сужалась. Глубина ее сохранившейся части достигала 0,12 м (рис. 5, 2). Судя по положению сосуда 4 в насыпи (рис. 2, 1), он вполне мог быть поставлен возле ямы п. 6 с южной стороны (расстояние сосуда от края ямы реконструируется в пределах 0,15-0,20 м). Впрочем, подобное развитие ситуации с п. 6 дискуссионно. Сосуд 4 был поставлен на некую поверхность, но судя по уровню его залегания (-0,58 м), эта поверхность находилась в толще первичной насыпи. То есть, либо п. 6 было совершено в яме с заплечиками, и на одно из них был поставлен сосуд, либо яма п. 6 была впущена с уровня первичной насыпи, а сосуд помещен в неглубокую ямку рядом с ним.

От скелета человека зрелого возраста (пол, скорее всего, женский) сохранились только правая бедренная, фрагменты берцовых и тазовых костей. На границе с ямой п. 7 выявлен и фрагмент плечевой кости. Некоторые кости скелета были найдены в заполнении ямы п. 7 (об этом ниже). Ноги погребенной были согнуты в тазобедренном суставе почти под прямым углом, в коленях – под острым. Судя по положению костей ног, покойницу положили в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7 (впускное) (рис. 5, 1) размещалось практически в центре насыпи (0,7 м под углом 352° от Р) на глубине 1,11 м.

В первичной насыпи сохранилась прямоугольно-трапециевидная яма с закругленными углами (юго-восточный и северо-восточный углы были немного потревожены кротовинами). Яма была вытянута по линии запад-восток. Размеры ямы: длина 1,48 м, ширина – 1,13 м (в восточной части) и 0,95 м (в западной части), глубина достигала 0,77 м. На глубине 0,28 м от Р над ямой п. 7 были зафиксированы остатки перекрытия в виде прослойки бело-желто-оранжевого цвета мощностью до 0,05-0,08 м. Прослойка состояла из органического тлена с большим количеством мелких конкреций мергеля. Края перекрытия немного выходили за границы ямы (рис. 5, 2). На перекрытии, почти над центром ямы, был найден развал небольшого сосуда (рис. 5, 1), стоявшего слегка наклонно без части венчика (очевидно, сосуд разрушен во время распашки; реконструкцию положения сосуда см. на рис. 5, 2). В заполнении ямы на разных глубинах встречались мелкие фрагменты костей человека, в т.ч. – фрагменты нижней челюсти. На глубине 0,82 м в заполнении центральной части ямы была обнаружена левая берцовая кость человека. Все эти кости из заполнения ямы п. 7 являлись частями скелета п. 6.

На дне ямы находился скелет взрослого человека (женщина, 17-19 лет) в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти располагались напротив лица (кости рук и череп разрушила кротовина). Ноги в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, в коленях – под острым. Напротив тазовых костей погребенной на дне ямы лежал каменный пест.

Сосуд (рис. 6, 3) может быть отнесен к горшкам. В тесте содержится большое количество песка. В районе перегиба тулова сохранились следы лепки. На внешней поверхности зафиксированы разнонаправленные следы отпечатков по крайней мере двух зубчатых деревянных штампов. Уплотнение и разглаживание поверхности производилось по влажной основе. На внутренней поверхности сосуда сохранились горизонтальные следы неглубоких расчесов: производилось заглаживание пальцами и твердым (костяным?) орудием типа ложила. Цвет сосуда темно-серый, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика – 12,6 см, Ø ребра – 13,3 см, Ø дна – 9,8 см. Толщина стенок – 0,6-0,8 см, дна – до 0,8 см.

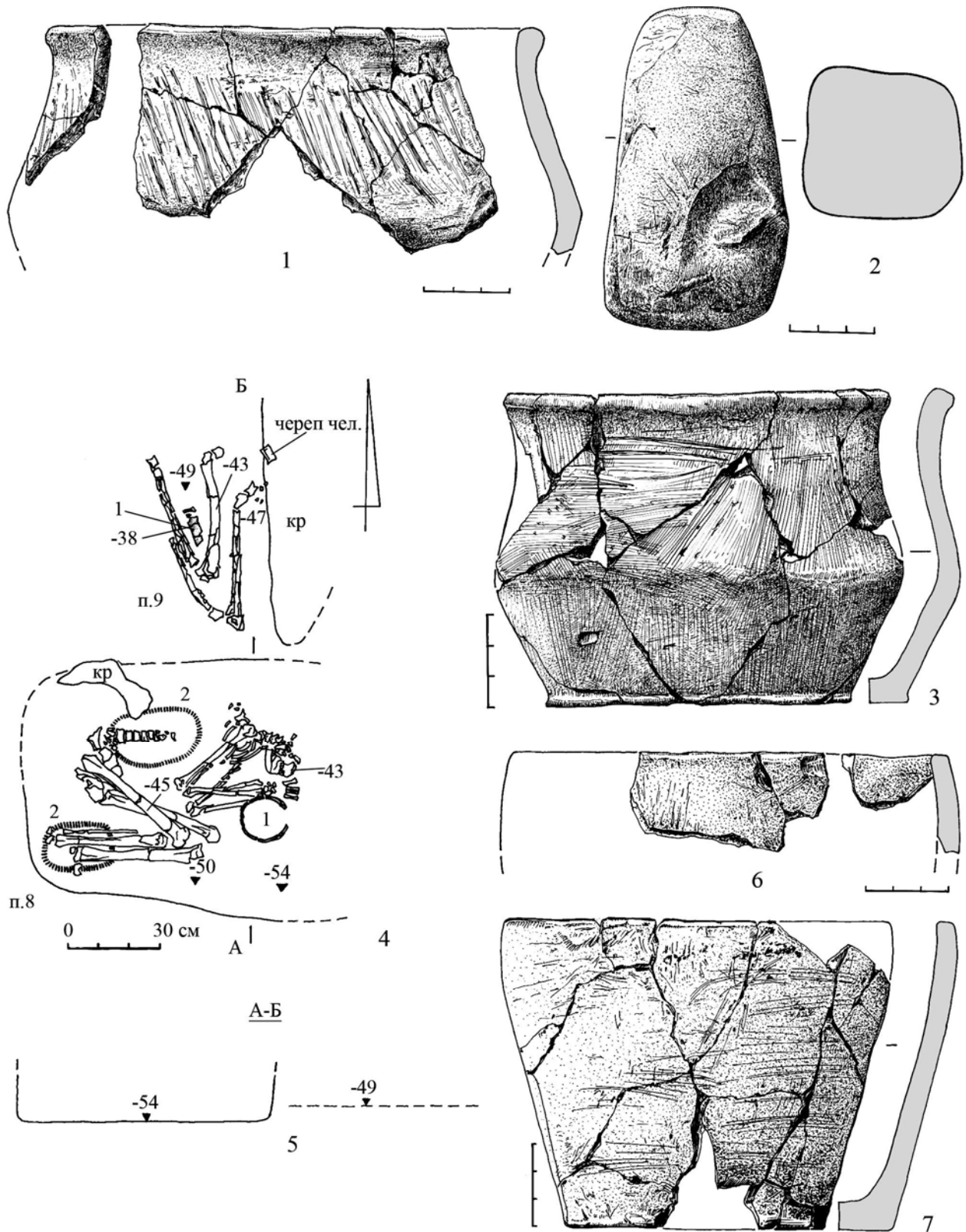

Рис. 6. Курганная группа Зинцева Балка, курган 4: **1** – сосуд из п. 5; **2** – пест из п. 7; **3** – сосуд с перекрытия п. 7; **4** – п. 8 (**1** – сосуд; **2** – тлен от подстилки) и п. 9 (**1** – фрагменты сосуда); **5** – стратиграфические разрезы п. 8 и п. 9; **6** – сосуд из п. 9; **7** – сосуд из п. 8

Fig. 6. Zintseva Balka burial ground, barrow 4: **1** – a vessel from burial 5; **2** – a pestle from burial 7; **3** – a vessel from the cover of burial 7; **4** – burial 8 (**1** – a vessel; **2** – a dust from a mat) and burial 9 (**1** – fragments of a vessel); **5** – stratigraphic sections of burial 8 and burial 9; **6** – a vessel from burial 9; **7** – a vessel from burial 8

Пест (рис. 6, 2) имеет вытянутую форму, подквадратное поперечное сечение и сглаженные разновеликие торцы. Размеры орудия: длина – 11,5 см, ширина узкого торца – 3,5 см, широкого – 5,9-6,0 см. Материал – гранит, происходящий, скорее всего, из приазовских открытых выходов.

Проведен трасологический анализ песта⁶. Поверхность орудия сильно заглажена и залощена, но при этом узкий торец залощен слабее, чем остальная часть поверхности. На нем имеются следы легкой затертости. Широкий торец имеет несколько выпуклую поверхность, на которой видны малочисленные слабовыраженные следы забитости. Вместе с тем, и этот торец залощен. Еще более залощены боковые грани. На них есть сколы. Все они, кроме одного, завальцованы и залощены. Орудие использовалось при работе с мягким материалом. Сколы и забитость связаны с использованием изделия как песта, затертость торцов – с применением его как растирального, а сильная залощенность – с большой продолжительностью использования орудия. Интересно, что в работе был задействован не только широкий торец, но и узкий (правда, последний – непродолжительное время).

Погребение 8 (впускное) (рис. 6, 4) находилось в 2,33 м под углом 163° от Р на глубине 0,54 м.

В первичной насыпи частично сохранилась прямоугольная яма с закругленными углами, которая была вытянута по линии запад – восток. Размеры ямы: длина сохранившейся части 0,9 м (реконструируемая длина в пределах 1,2-1,3 м), ширина – 0,85 м, глубина – около 0,30 м.

На дне ямы находился скелет взрослого человека (женщина (?), 25-30 лет). Тело было положено в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки были согнуты в локтях, кисти располагались напротив лица. Ноги в тазобедренном суставе и в коленях были согнуты под острыми углами. Под костями скелета (в районе таза, позвоночника и берцовых костей) сохранился черный органический тлен от подстилки. Возле лучевых костей напротив лицевого отдела черепа размещался сосуд.

Сосуд (рис. 6, 7) может быть отнесен к банкам. В тесте – небольшое количество песка. Лепка более-менее аккуратная. На внешней поверхности – следы горизонтальных тонких расчесов. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика 14,0 см, Ø дна – 9,5 см, высота – 11,2 см. Толщина стенок – 0,7-0,75 см, в придонной части – до 1,2 см, толщина дна – 1,1 см.

Погребение 9 (впускное) (рис. 6, 4) размещалось в 1,5 м под углом 149° от Р на глубине 0,49 м. Оно находилось чуть севернее п. 8.

Контур ямы не прослеживались, погребение сильно разрушила крупная нора. От скелета человека зрелого возраста (пол не устанавливается) сохранились только фрагменты бедренных и берцовых костей. На краю кротовины недалеко от головок бедренных костей погребенного был найден фрагмент черепа человека. Судя по положению костей ног, умерший был положен в скорченном положении на левом боку, головой на восток (возможно, с небольшим отклонением к северу).

Между правыми бедренной и берцовыми костями находился фрагмент венчика сосуда.

Сосуд (рис. 6, 6), судя по фрагментам верхней части, относится к банкам. Тесто – почти без песка, лепка небрежная. На внешней поверхности – мелкие разнонаправленные расчесы. Цвет сосуда – серо-черный, черепок в изломе – черный. Размеры: Ø венчика 15,7 см. Толщина стенок – 0,7-0,8 см, дна – до 0,9 см.

Погребение 10 (впускное) (рис. 2, 1) располагалось в 10,8 м под углом 180° от Р на глубине 0,80-0,85 м (рис. 2, 2).

Контур ямы не прослеживались. От костяка мужчины 40-50 лет сохранились небольшие фрагменты черепа, мелкие фрагменты длинных костей рук и ног. Положение умершего не восстанавливается. Инвентарь отсутствовал.

⁶ Использовался микроскоп МБС-2. Анализ проведен А.Н. Усачуком 11 мая 2010 г.

По особенностям погребального обряда и керамики основную часть рассматриваемых погребений можно отнести к III горизонту погребений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья, по периодизации Р.А. Литвиненко [1999, с. 14; рис. 13]. Возможно, **п. 5**, являвшееся самым ранним в колонке из **п. 5, 6** и **7**, датируется временем II горизонта. В пользу такой его хронологической позиции может свидетельствовать наличие на поверхности сосуда из данного захоронения довольно грубых расчесов, что иногда рассматривается как ранний признак применительно к срубной керамике (см., например: Литвиненко, 1999, с. 14)⁷. С **п. 5** связано начало сооружения кургана – первичная насыпь.

То, что **п. 6** “срезало” **п. 5**, а **п. 7**, в свою очередь, разрушило **п. 6**, свидетельствует в пользу определенного временного разрыва между **п. 5** и **п. 6**, с одной стороны, и **п. 6** и **п. 7**, с другой. Конечно, в обоих случаях “шаг” стратиграфии неизвестен. Тем не менее, можно утверждать, что интервал между совершением **п. 5** и **п. 6**, а затем – **п. 6** и **п. 7** должен был быть достаточным для того, чтобы исчезли внешние признаки совершенных ранее погребений. Только в таком случае интересующие нас захоронения могли “сесть” одно на другое. Отсюда правомерен вывод, что **п. 7** датируется далеко не начальной стадией III горизонта периодизации Р.А. Литвиненко. В пользу данного вывода существует и еще один косвенный аргумент. Погребенная была уложена в могилу на правом боку. Как показали разработки В.В. Отрощенко, именно на заключительном этапе его т.н. «бережновско-маевской срубной культуры»⁸ сильно возрастает удельный вес “правобочных” захоронений [Отрощенко 2001, с. 161]⁹. **П. 7** было впущено в первичную насыпь: его перекрытие лежит практически на уровне этой насыпи (рис. 2, 2). Очевидно, именно с **п. 7** связана досыпка, увеличившая первичный курган. Об этом можно судить по хорошо сохранившемуся перекрытию **п. 7** с сосудом (рис. 5, 2), которые, видимо, и сохранились так хорошо, потому что были практически сразу “закрыты” грунтом досыпки. В таком случае впускное в первичную насыпь **п. 6** не сопровождалось какими-то досыпками.

П. 1 было выявлено на глубине 0,41 м от Р. Делая поправку на то, что насыпь кургана была “расташена” вследствие распашки, стоит обратить внимание на следующее. Если бы данное погребение было впущено в первичную насыпь, то глубина его могильной ямы не достигала бы и 0,2 м, а это для срубной культуры аномально (см.: [Цимиданов 2004, рис. 19]). Отсюда правомерно допущение, что **п. 1** впускалось уже после совершения досыпки, связанной с **п. 7**. Поскольку же последнее занимает, как отмечено выше, довольно высокую хронологическую позицию в рамках позднесрубных памятников, **п. 1** правомерно относить либо к концу времени III горизонта, либо вообще к белозерскому времени [Подобед и др. 2012, с. 219]. В пользу последней даты косвенно может свидетельствовать то, что в **п. 1** отсутствовал сосуд, а это является одной из характерных черт массива захоронений финала эпохи бронзы, выявленного к востоку от ареала собственно белозерской культуры, точнее, – той его части, которая включает погребения с восточной, северо-восточной и юго-восточной ориентировкой умерших [Потапов 2005, с. 142; 2010, с. 15].

П. 2 было выявлено на несколько большей глубине (0,59-0,61 м от Р), чем предшествующее. Уровень его залегания близок к тому, на котором находилось **п. 6**.

⁷ В то же время, нельзя считать наличие грубых расчесов на сосуде слишком уж надежным аргументом в пользу ранней хронологической позиции данного сосуда в системе срубных древностей. Грубые расчесы хорошо известны и на позднесрубной керамике (см., например: Горбов, Мимоход 1999, рис. 3, 3; 5, 3; 6, 4; 10, 3; 11, 3, 4).

⁸ Авторы не согласны с концепцией В.В. Отрощенко, по которой выделяются две срубные культуры – “покровско-мосоловская” и “бережновско-маевская”, но это тема недавно написанной работы [Подобед и др. 2013].

⁹ Естественно, далеко не каждое “правобочное” погребение срубной культуры следует автоматически считать поздним. Данная форма труположения существовала на всех этапах срубной культуры. Но в нашем случае, что очень важно, “правобочность” коррелируется с высокой стратиграфической позицией **п. 7** в “колонке” срубных захоронений.

Присутствовавший в **п. 2** сосуд не находит аналогий в погребальных комплексах белозерского времени, а потому данное захоронение, скорее всего, является более ранним, чем **п. 1**. Стоит обратить внимание еще на один момент. По периметру дна сосуда из **п. 2** имеется плоская полоса, аналогичная таковой же, присутствующей на **сосуде 4** из насыпи кургана, который, как отмечено выше, может быть связан с **п. 6**. Отсюда весьма велика вероятность, что **п. 2** синхронно **п. 6**.

П. 3 находилось на небольшой глубине (0,39-0,45 м от Р), довольно близкой к уровню залегания и **п. 1**. Отсутствие в нем инвентаря вполне соответствует комплексам белозерского времени, выявленным к востоку от собственно белозерского ареала [Подобед и др. 2012, с. 219].

П. 4 было выявлено на глубине, несколько большей, чем у **п. 3** (0,64-0,73-0,75 м). Содержавшиеся в нем сосуды вполне соответствуют облику позднесрубной керамики. Хронологическая позиция комплекса не ясна. Скорее всего, он синхронен или **п. 6** или **п. 7**.

П. 8 содержало сосуд, который по своим технологическим особенностям сильно отличался от сосуда, выявленного на перекрытии **п. 7**, что косвенно свидетельствует о разновременности комплексов. Вместе с тем, глубина залегания **п. 8** (0,54 м) может быть соотнесена с уровнем **п. 1** и **п. 3** и намного уступает глубине **п. 7**. Отсюда возникает очень осторожное предположение, что **п. 8** может относиться либо к концу времени III горизонта, либо к финальной бронзе (белозерскому времени). Но последний вариант датировки менее вероятен, учитывая присутствие в захоронении сосуда, к тому же с формой, не характерной для погребений Северо-Восточного Приазовья белозерского времени.

П. 9 располагалось рядом с **п. 8** и на близкой глубине (0,49 м). Содержавшийся в нем сосуд, как по форме, так и по технологическим особенностям довольно близок к сосуду из **п. 8**. Отсюда весьма вероятным будет допущение, что оба погребения синхронны.

П. 10, в силу его разрушенности, отсутствия инвентаря и расположения на периферии насыпи кургана, синхронизировать с каким-либо из упомянутых выше погребений невозможно. Ясно, что **п. 10** впущено в первичную насыпь, но оно могло быть впущено и после совершения досыпки.

Итак, если подвести итог нашим размышлениям о взаимных хронологических позициях описанных захоронений, можно с долей вероятности выделить в кургане четыре хронологические группы:

I. Включает наиболее раннее **п. 5**;

II. Включает **п. 6**;

III. Включает **п. 7**; **п. 2, 4, 8, 9** могут относиться как ко II, так и к III хронологическим группам;

IV. **П. 1** и **3** [Подобед и др. 2012, с. 219].

Публикуемый курган интересен тем, что большая часть выявленных в нем захоронений являлись женскими (7 из 9, где с той или иной долей вероятности определен пол умерших). Исследователи уже давно обратили внимание на то, что курганы со срубными погребениями распадаются на два массива:

1. Курганы, где присутствуют захоронения лиц обоих полов и разных возрастных групп. Эти курганы обычно трактуются как некрополи отдельных семей [Попова 1953, с. 55; Смирнов 1960, с. 245; Богданов 2005а, с. 69; Мамонтов 2005, с. 58; Лифанов и др. 2008, с. 130; Васильева и др. 2012, с. 205], родовые могильники [Мерперт 1954, с. 144; Любчинский, Иванова 1996, с. 105; Халяпин 1998, с. 70; Кузнецов, Мочалов 1999, с. 224; Богданов 2005а, с. 69; Лапшин 2006, с. 19; и др.] или семейно-родовые могильники [Федорова-Давыдова 1968, с. 6; Колотухин 2003, с. 22; Глебов 2004, с. 64; Богданов 2005б, с. 92; Лопатин, Четвериков 2007, с. 39; и др.];

2. Курганы, демонстрирующие практику “сепарирования” умерших, т.е. такие, где нарушено естественное соотношение половых и возрастных групп. В частности, некоторые авторы выделяли “детские” курганы [Халяпин 1998, с. 70; Хохлов 2010, с. 149], “детско-

женские” курганы [Посредников, Зарайская 1993, с. 176-177; Литвиненко 1996, с. 65; Хохлов 2010, с. 149; Чаплыгин, Куфтерин 2010, с. 177], курганы, где были погребены преимущественно взрослые мужчины и женщины [Литвиненко 1996, с. 65], “женские” курганы [Хохлов 2010, с. 150]. В качестве примера последних А.А. Хохлов привел курган 10 могильника Спиридоновка II (Самарская обл. России). Здесь соотношение умерших женского и мужского пола составляло около 5:1, причем среди женщин преобладали лица зрелого возраста [Хохлов 2010, с. 150].

Представляется, что проблема существования “женских” курганов заслуживает рассмотрения. Нами было учтено 189 курганов с относящимися к срубной культуре погребениями женщин (как основными, так и впускными)¹⁰. При этом 93 кургана исследованы на восточной территории срубной культурно-исторической общности (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал) и 96 – на западной (Днепровско-Донецкий регион, Подонье, Предкавказье). Составляя сводку, мы отбирали курганы, где имелись данные о поле и возрасте погребенных (или, во всяком случае, большинства из них). В зависимости от соотношения захоронений разных половых и возрастных групп рассматриваемые курганы были разделены на следующие группы:

Восточная территория

1. Курганы, где было 1 погребение женщины, причем синхронные срубные погребения отсутствовали. Таких курганов учтено 22;

2. Курганы, где находились 1 погребение женщины и 1 и более погребений детей и/или подростков (до 14-и). Таких курганов 17. Стоит сделать уточнение. В 4-х курганах были парные погребения женщины и ребенка или подростка, а еще в 3-х – такие же парные погребения, но помимо них – 1-5 погребений детей и/или подростков;

3. Курганы, где были 1 женское и 1 мужское погребения. Учтено 5 курганов;

4. Курганы, где выявлены 1 женское, 1 мужское погребения и погребения детей и/или подростков (до 13-и). В группу включен курган, где женщина, мужчина и ребенок были погребены в одной яме. Всего группа содержит 13 курганов;

5. Курганы, содержавшие 1 женское погребение, несколько мужских (2-5), а также погребения детей и/или подростков (1-19). Учтено 7 курганов;

6. Курганы с погребениями 2 и более женщин. Их учтено 2. При этом в одном из них выявлено парное погребение женщин, а во втором – парное и одиночное погребения женщин;

7. Курган, где исследовано 2 погребения женщин и 1 – ребенка, причем последний был погребен в одной могиле с женщиной;

8. Курганы, где было несколько женских погребений, погребения мужчин, а также – детей и/или подростков. Такие курганы можно условно назвать родовыми или семейными могильниками. Их учтено 26. Обратим внимание на следующее. Применительно к 10 курганам есть данные о половой принадлежности всех взрослых. При этом число захоронений женщин и мужчин было 10 и 8, 4 и 3, 4 и 1, 3 и 5, 3 и 2 (2 случая), 3 и 1 (2), 2 и 2 (2). Еще в одном кургане выявлено 4 женских, 8 мужских и 1 захоронение взрослого без определения пола. Как видим, в учтенных курганах данной группы на восточной территории женских погребений, как правило, было больше, чем мужских (7 случаев из 11). Обратная ситуация имела место только в 2 курганах.

¹⁰ При составлении сводки мы не учитывали материалы публикуемого кургана, поскольку, как отмечено выше, его погребения распадутся на несколько хронологических групп, причем далеко не все из этих погребений можно надежно отнести к той или иной группе.

Западная территория

1. Курганы, где было 1 погребение женщины, причем синхронные срубные погребения отсутствовали. Таких курганов учтено 29;

2. Курганы, где находились 1 погребение женщины и 1 и более погребений детей и/или подростков (до 4-х). Таких курганов 20. Среди них – 3, где ребенок и подросток были погребены в одной могиле с женщиной;

3. Курганы, где были 1 женское и 1 мужское погребения. Данных курганов учтено 6, в т.ч. 1, где женщина и мужчина были погребены в одной яме;

4. Курганы, где выявлены 1 женское, 1 мужское погребения и погребения детей и/или подростков (от 1 до 27-и). Учтено 5 таких курганов. Уточним, что в 1-ом из них женщина была погребена в одной могиле с ребенком, мужчина – с подростком, а третье погребение являлось детским;

5. Курганы, где были 1 женское погребение и 2 мужских. Их учтено 2. Отметим, что на восточной территории курганов, где содержались бы погребения 1-ой женщины и более 1-го мужчины при отсутствии захоронений детей и/или подростков, нам неизвестно, что, впрочем, может объясняться недостаточной репрезентативностью сводки;

6. Курганы, содержавшие 1 женское погребение, несколько мужских (во всех случаях – 2), а также погребения детей и/или подростков (1-10). Учтено 5;

7. Курганы с погребениями 2 и более женщин (до 4-х). Их учтено 4;

8. Курганы, где исследовано несколько погребений женщин (до 4-х), а также – детей и/или подростков (до 15-ти). Таких курганов учтено 4;

9. Курганы, где были погребены несколько женщин и 1 и более мужчин. Их учтено 4. При этом соотношение захоронений женщин и мужчин являлось следующим: 3 и 3, 2 и 4, 2 и 3, 2 и 1. Отметим, что курганы данной группы на восточной территории нам неизвестны;

10. Курганы, где было несколько погребений женщин, погребения мужчин, а также – погребения детей и/или подростков (до 21-го). Таких “родовых” или “семейных” курганов учтено 17. Соотношение захоронений женщин и мужчин в тех случаях, когда об этом есть полная информация, составляло: 5 и 1, 3 и 1, 3 и 3, 2 и 2, 2 и 1 (2 случая). Еще в 1-м кургане выявлено 4 женских погребения, 1 мужское и 1 захоронение взрослого, где, пол не определен. Таким образом, в курганах рассматриваемой группы, как и на восточной территории, женских погребений было обычно больше, чем мужских.

Обобщенная информация о частоте встречаемости выделенных групп курганов на восточной и западной территориях срубной общности приведена в **табл. 1**. Хотя обе рассматриваемые сводки недостаточно репрезентативны, некоторые наблюдения сделать все-таки можно:

1. На обеих территориях срубной общности существовала достаточно выраженная практика, предполагавшая погребение части женщин отдельно от мужчин, детей и подростков;

2. На обеих территориях (если абстрагироваться от “родовых” и “семейных” могильников) женщин чаще хоронили отдельно от детей и подростков, чем с ними;

3. На обеих территориях (если не брать в расчет “родовые” и “семейные” могильники) у женщин вероятность быть погребенными в одном кургане с детьми и подростками была выше, чем вероятность быть погребенными с мужчинами. Кроме того, как мы уже отмечали, в “семейных” и “родовых” могильниках, как правило, женских погребений оказывается больше, чем мужских. Отмеченные факты, на наш взгляд, могут быть обусловлены двумя причинами:

а) часть мужчин, имевших при жизни высокий ранг, хоронили в индивидуальных курганах;

б) в некоторых социумах носителей срубной культуры, возможно, существовала матрилокальность. Данный институт предполагает переселение мужчины, вступающего в брак, в общину супруги. После смерти эти мужчины зачастую погребались не на кладбище

общины жены, а на кладбище той общины, в которой они родились. Стоит, однако, добавить, что даже если матриликальность и имела место у срубников, она уже являлась анахронизмом, о чем свидетельствует существование “родовых” и “семейных” курганов, и, особенно, курганов, где присутствует пара “мужчина + женщина” (как в одной могиле, так и в соседних);

4. В “женских” курганах значительно чаще присутствовало погребение одной женщины, чем двух и более.

Курган 4 могильника Зинцева Балка, не являясь чисто “женским”, тем не менее, довольно ярко демонстрирует практику “сепарирования” умерших по половому признаку. Здесь не было погребений детей или подростков, а единственное из захоронений, где пол умершего определен как мужской (п. 10), было планиграфически обособлено от остальных (рис. 2, 1). Добавим, что среди всех известных нам “женских” курганов публикуемый наиболее интересен и уникален в силу следующего:

1. Здесь было “рекордное” соотношение женских и мужских захоронений – 7:1 (учитывая планиграфию, мы можем предположить, что это соотношение было больше – вероятнее всего – 9:1);

2. Массив захоронений публикуемого кургана формировался на протяжении довольно длительного времени. Протяженность III горизонта срубных погребений Приазовья, выделяемого Р.А. Литвиненко – около двух веков¹¹. Комплексы же к. 4 могильника Зинцева Балка, как мы пытались показать выше, выходят и за нижний, и за верхний пределы данного интервала. И, тем не менее, в кургане погребали практически одних лишь женщин, что не может являться следствием случайности. Очевидно, эта невысокая насыпь обладала, используя современную терминологию, высокой знаковой нагрузкой, как и те представительницы женского пола, которых следовало погребать именно здесь, а не на “семейных” (“родовых”) некрополях.

Из всех комплексов публикуемого нами кургана наибольший интерес представляет погребение 7, содержащее в составе погребального инвентаря каменный предмет, который типологически может быть трактован как пест, но на самом деле, как показывают данные трасологии, использовался и как пест, и как растиральник (рис. 6, 2)¹².

Подводя итог, отметим, что публикуемый курган 4 могильника Зинцева Балка содержит материалы, которые не только пополняют банк данных по срубной культуре Северо-Восточного Приазовья, но и выводят нас на дискуссионные проблемы, связанные с изучением общественного строя и религиозных верований населения срубной общности.

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В.

КУРГАН ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ МОГИЛЬНИКА ЗИНЦЕВА БАЛКА (ПІВНІЧНО-СХІДНЕ ПРИАЗОВ'Я)

У статті публікуються матеріали розкопок кургану зрубної культури, котрий досліджувався на околиці м. Маріуполь Донецької обл. України. Автори, аналізуючи виявлені у ньому поховання, загострюють увагу на практиці “сепарування” небіжчиків, що мала місце у носіїв зрубної культури.

Ключові слова: зрубна спільнота, поховання, соціальна група, статевовікова група.

¹¹ В статье, где предложена эта периодизация, не приводятся абсолютные даты, но отмечено, что данный горизонт синхронен III горизонту погребений Северского Донца [Литвиненко 1999, табл. на с. 19], а последний Р.А. Литвиненко датировал XIV-XIII вв. до н.э. [Литвиненко 1994, с. 15].

¹² Одним из авторов данной работы уже было высказано предположение, что пест, помещенный в могилу, у носителей срубной культуры маркировал принадлежность умершего к служителям культа [Цимиданов 2004, с. 57]. Некоторые погребения свидетельствуют об этом довольно красноречиво. Ситуация с пестом-растиральником в п. 7 кургана 4 могильника Зинцева Балка требует отдельного, более пристального внимания.

**BARROW OF TIMBER-GRAVE CULTURE OF ZINTSEVA BALKA BURIAL GROUND
(NORTH-EASTERN AZOV SEA LITTORAL)**

The paper presents materials from a barrow of the Timber-Grave culture which has been excavated at the outskirts of Mariupol, Donetsk region, Ukraine. The authors analysed the inhumations which had been found in the barrow, and stress on the practice of “separation” of the deceased which existed in the Timber-Grave culture.

Keywords: Timber-Grave community, burial, social group, sex and age group.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов С.В. Першинский некрополь: курганы №№ 3 и 4 / С.В. Богданов // Каргалы: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – Т. IV. – М.: Языки славянской культуры, 2005а. – С. 49-69.

Богданов С.В. Комиссаровский некрополь / С.В. Богданов // Каргалы: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – Т. IV. – М.: Языки славянской культуры, 2005б. – С. 70-99.

Васильева И.Н. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области / И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 198-247.

Глебов В.П. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II / В.П. Глебов // Труды археологического научно-исследовательского бюро. – Ростов н/Д, 2004. – Т. I. – С. 57-186.

Горбов В.Н. Об одной категории керамики позднего бронзового века / В.Н. Горбов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.: матер. докл. конф. – Тирасполь, 1994. – С. 130-133.

Горбов В.Н. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма / В.А. Колотухин – К.: Сталос, 2003. – 139 с.

Кузнецов П.Ф. Могильник Спиридоновка IV в контексте хронологии срубной культуры Саратовского Заволжья / П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 206-226.

Кучугура Л.И. Доисторический период в Приазовье / Л.И. Кучугура // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: Рената, 2006а. – С. 6-32.

Кучугура Л.И. История исследования древностей Приазовья / Л.И. Кучугура // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: Рената, 2006б. – С. 294-302.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – 27 с.

Литвиненко Р.А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: матер. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 62-66.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Литвиненко Р.О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. на здобуття наук. ступеню канд. іст. наук: 07.00.06 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 1994. – 21 с.

Лифанов Н.А. Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. / Н.А. Лифанов, А.И. Крамарев, В.А. Цибин // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 123-142.

Лопатин В.А. Исследование курганного могильника “Мессер V” на севере Волго-Донского междуречья / В.А. Лопатин, С.И. Четвериков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 8. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 23-49.

Любчинский И.Э. Могильник Ильясский I – новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени / И.Э. Любчинский, Н.О. Иванова // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 89-105.

Мамонтов В.И. Население эпохи бронзы правобережья Хопра по материалам раскопок Донской экспедиции / В.И. Мамонтов // Проблемы дослідження пам’яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 57-60.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. – 1954. – № 42. – С. 39-156.

Отрощенко В.В. Проблемы периодизации культур средней та поздней бронзы южной Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 288 с.

Пиневиц П. Дневник археологических работ на Мариупольщине за 1929 год. – НА ИА НАНУ. – Ф. ВУАК. – № 546.

Пиневиц П.М. Археологические раскопки в Мариупольском округе. 1925-1929. – НА ИА НАНУ. – Ф. ВУАК. – № 309/23.

Подобед В.А. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2012. – С. 194-245.

Подобед В.А. Срубная общность: две археологические культуры или внутрикультурная непрерывность? / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // АА. – № 30. – Донецк, 2013. – С. 196-256.

Попова Т.Б. Керамика Мелекесских курганов / Т.Б. Попова // Труды ГИМ. – Вып. XXII: Археологический сборник. – М., 1953. – С. 53-62.

Посредников В.А. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) / В.А. Посредников, Н.П. Зарайская // ДАС. – № 4. – Донецк, 1993. – С. 82-178.

Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья / В.В. Потапов // Труды ГИМ. – Вып. 145: II Городцовские чтения: матер. науч. конф. – М., 2005. – С. 138-150.

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 2010б. – 26 с.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78: Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции): в 2 т. – Т. I. – С. 169-268.

Усачук А.М. Раскопки кургану на околиці Маріуполя (Північно-Східне Приазов’я) / [А.М. Усачук, В.В. Циміданов, В.А. Підобід, Р.О. Литвиненко] // АДУ 2005-2007 рр. – К.; Запоріжжя, 2007. – С. 388-395.

Федорова-Давыдова Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук / Ин-т археол. АН СССР – М., 1968. – 26 с.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово / М.В. Халяпин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 2. – Оренбург: Изд-во Оренбург. ун-та, 1998. – С. 57-86.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы / А.А. Хохлов // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 133-166.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Чаплыгин М.С. Каранаевский могильник срубной культуры на юго-западе Башкортостана / М.С. Чаплыгин, В.В. Куфтерин // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: матер. науч. совещ. – Уфа: Изд-во Башкорт. гос. педин-та, 2010. – С. 176-178.

Полідович Ю.Б.

УНІКАЛЬНЕ ЗОБРАЖЕННЯ ВОВКА З СЕРЕДНЬОГО ПОДОНЦІВ'Я

Реферат: Знахідки виробів у “звіриному стилі” є важливою подією у скіфській археології, а надто тоді, коли вони походять з регіонів, що досі залишалися “білими плямами”. Одним з таких регіонів є середня течія Сіверського Дінця, зокрема Ізюмщина, де пам'ятки скіфського часу, за винятком окремих випадкових знахідок, є майже невідомими. Мета даної роботи – введення у науковий обіг інформації про знахідки скіфського часу, що походять з поселення Пимонівка, насамперед, платівки із зображенням вовка. Відповідно до мети, поставлено наступні завдання: публікація знахідок, наведення інформації щодо обставин їх знаходження, пошук можливих аналогій та визначення їхнього місця на хронологічній шкалі скіфських старожитностей. У результаті проведених досліджень встановлено відповідність стилістики зображення вовка на кістяній платівці, яку знайдено на поселенні Пимонівка, до зображень IV ст. до н.е. з пам'яток Середньої Донщини. Проте інші скіфські артефакти з поселення відносяться до VII ст. до н.е. Детальніше дослідження поселення Пимонівка у майбутньому та нові знахідки допоможуть визначити історико-культурний контекст цих артефактів.

Ключові слова: скіфський час, звіриний стиль, зображення вовка, вістря стріл, псалій, Подонців'я.

Abstract: It is always an important event in the Scythian archeology when the items in animal style are found, especially when they come from the regions which are still considered the “white spots”. The average flow of the Siversky Donets River pool, including Izyum region, is one of such territories where the artifacts of the Scythian period are almost unknown. The aim of this article is to introduce the information about the Scythian items from the Pymonivka settlement, first of all the bone plate with a wolf image, into scientific use. According to this purpose the following targets are meant: to publish the items, to refer the information regarding the circumstances of their finding, to search for possible similarities and to define their place in the chronological timeline of Scythian antiquities. As a result of the research the stylistic equivalence of the wolf image on the bone plate from Pymonivka to the images from Middle Don Region's sites dated to the 4th century BC are established. However, other Scythian artifacts from this settlement are related to the 7th century BC. More detailed study of the Pymonivka settlement and new findings will help the researchers to identify their historical and cultural context.

Keywords: Scythian time, animal style, wolf image, arrowheads, cheek-piece, Siversky Donets.

У фондах Ізюмського краєзнавчого музею зберігається унікальний артефакт – кістяна платівка із зображенням голови вовка (ІКМ-КП 10676, А255)¹ (рис. 1, I). Платівку було знайдено на поселенні Пимонівка наприкінці жовтня 1999 р. учасниками історико-археологічного гуртка “Скіф”, що на той час діяв у ЗОШ № 6 м. Ізюм Харківської обл. під керівництвом Володимира Вікторовича Жернового.

Поселення Пимонівка² знаходиться поблизу с. Пимонівка Ізюмського р-ну Харківської обл. та розташоване на третій надзаплавній терасі правого берега р. Мокрий Ізюмець (басейн середньої течії Сіверського Дінця). Воно було відкрито у другій половині 1990-х рр. співробітником Ізюмського краєзнавчого музею О.О. Павлюком і відтоді неодноразово відвідувалося працівниками музею, В.В. Жерновим і школярами-учасниками гуртка “Скіф” [Жерновой 2001, с. 17]. У 2006 р. Т.М. Крупа обстежила дане поселення, що його дослідниця найменувала “Мокрий Ізюмець 1” [Крупа 2009, с. 189, 191, рис. 1-2].

Поселення являє собою багатошарову пам'ятку, на якій найперше представлено комплекси часів неоліту, зрубної культури доби пізньої бронзи, бондарихинської культури

¹ Автор дуже вдячний учителю історії та краєзнавцю В.В. Жерновому й співробітникам Ізюмського краєзнавчого музею за надану можливість опублікувати нові матеріали.

² Російська назва “Пименовка”, що її вжито у публікаціях, вірогідно, є місцевим варіантом офіційної назви населеного пункту.

перехідного періоду від доби бронзи до раннього заліза та салтово-маяцької культури раннього середньовіччя [Жерновой 2001, с.17-18, табл. 1-4; Крупа 2009, с. 189, 191].

1999 р. на річці Мокрий Ізюмець проводилися дренажні роботи, у зв'язку з чим було порушено прибережний ґрунт, у тому числі пов'язаний із шарами поселення. Під час обстеження відвалів В.В. Жерновим і його гуртківцями³ було зібрано підйомний матеріал у вигляді фрагментів керамічних посудин зрубної та салтово-маяцької культур, невелике дволопатеve вістря стріли (ІКМ – КП10816, А-264: рис. 1, 2) та кістяний гудзик доби фінальної бронзи. На зрізі берега річки, який також зачепила землерийна техніка, було знайдено бронзове трилопатеve вістря стріли з шипом на втулці (ІКМ КП-10815, А-263: рис. 1, 3), фрагмент залізного кинджалу з брускоподібним наверхником, фрагмент кістяного псалія із зображенням барана⁴ та кістяну платівку із зображенням вовка.

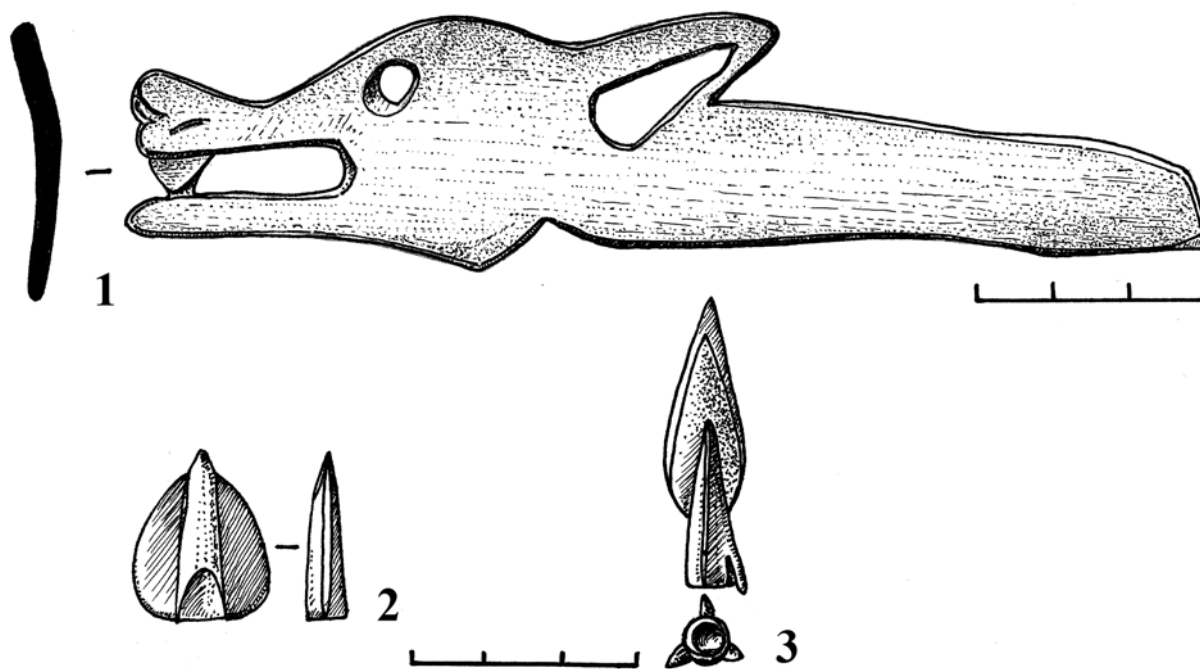

Рис. 1. Поселення Пимонівка: знахідки
 Fig. 1. Settlement Pymonivka: finds

Зображення хижака вирізане з компакти кістки. Воно являє собою контурне відтворення голови та шиї звіра. На зовнішньому абрисі платівки виділяються піднятий ніс, довга розкрита паща, в якій відтворено лише одне верхнє ікло, округлий лоб, гостроконечне вухо, відведене назад, і виступ нижньої щелепи. Додатковими вирізами позначено кругле око та підтрикутне вухо. Шию звіра умовно позначено довгим виступом. Загальні розміри виробу – 14,2×3,2 см. За наявними ознаками – довгою мордою та підтрикутним гостроконечним вухом – можна визначити зображеного звіра як представника родини псових, найвірогідніше, вовка.

Прямі аналогії зображенню нам не відомі. Хоча за сукупністю ознак його можна віднести до скіфського часу. Втім існують певні перестороги для такої хронології. Решта матеріалу, що, поза сумнівом, датується скіфським періодом, є більш ранньою. Це трилопатеve вістря стріли з полум'яподібною (гостролистою) голівкою та втулкою із шипом (відділ II, тип 1, варіант 1 за А.І. Мелюковою [1964, с. 19, табл. V]). Подібні вістря походять,

³ Обставини знахідок були повідомлені автору В.В. Жерновим у поштовому листі від 25.06.2005 р.

⁴ Дані предмети не було взято до фондів музею; наразі їх доля не відома.

зокрема, із сагайдачних наборів кургану 469 поблизу с. Оксютинці, кургану 17 в місцині Стайкин Верх та кургану Старша Могила у Посуллі [Мелюкова 1964, табл. 6, Л2, О12; Ильинская, 1968, с. 94; табл. XI, 37; XIV, 5], що датуються нині у межах другої половини VII ст. до н.е. [Алексеев 2003, с. 295]. Не суперечить такому датуванню і знахідка фрагменту кістяного псаля із зооморфною голівкою та, можливо, фрагмент кинджалу. А ось платівка із зображенням голови вовка не може відноситися до ранньоскіфського часу.

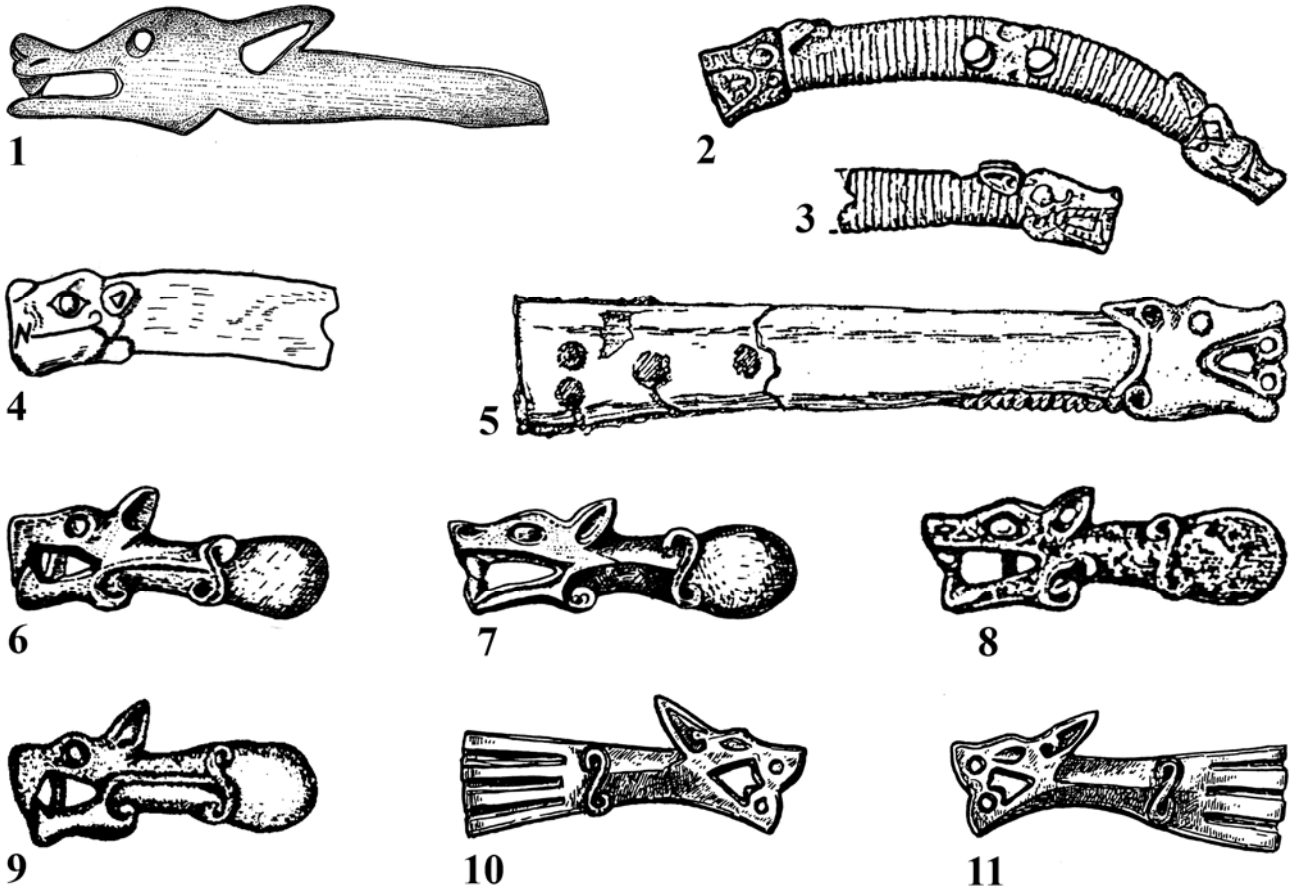

Рис. 2. Пимонівське зображення та можливі аналогії до нього: **1** – поселення Пимонівка; **2-3** – курган 4, мог-к Тернове-І; **4** – поселення Городище І; **5** – курган 2, мог-к Колбіно І; **6** – курган 40/26 біля с. Мастюгіно; **7** – курган 9 біля с. Дуровка; **8** – курган 14 біля с. Дуровка; **9** – курган 10, мог-к Горки-І; **10-11** – курган 10 біля с. Колбіно. Прим.: масштаби різні

Fig. 2. Pymonivka image and analogies are possible to it: **1** – settlement Pymonivka; **2-3** – barrow 4, cemetery Ternovoie-I; **4** – settlement Gorodishche I; **5** – barrow 2, cemetery Kolbino I; **6** – barrow 40/26 near village Mastiugino; **7** – barrow 9 near village Durovka; **8** – barrow 14 near village Durovka; **9** – barrow 10, cemetery Gorky-I; **10-11** – barrow 10 near village Kolbino. The scale are various.

Як встановлено, вже здавна у скіфському мистецтві зображення хижаків з явними ознаками вовка з'являються не раніше аніж кінець VI – перша половина V ст. до н.е. [Воговка 1928, р. 43-50; Шкурко 1969, с. 35-39; Ильинская 1971, с. 83-84; Кубарев, Черемисин 1987, с. 102-103]. Це, перш за все, серія зображень вовкоподібних хижаків, що згорнулися, з таких комплексів, як курган Кулаковського у Криму, курган 499 поблизу с. Басівка у Посуллі [Ильинская 1971, рис. 10], поховання 7 кургану 2 біля с. Нові Раскаєци у Молдові [Яровой 1990, рис. 13, 7], Книшівське городище у Поворсклі [Гавриш 1995, рис. 2], курган 5 поблизу с. Протопопівка у Подонців'ї [Бабенко 2008, рис. 2, 1-2] та ін. Даних хижаків зображено із привідкритою пащею напівовальної форми, у якій умовно позначено передні ікла. Проте, вони зберігають архаїчне відтворення круглого ока, а гостроконечні

вуха мають вигнуту форму. Пимонівське зображення стилістично є значно ближчим до пізньої серії зображень голів вовка, що походять з Середньої Донщини й датуються переважно IV ст. до н.е. Це зображення на бронзових бляшках кінської вуздечки з кургану 40/26 біля с. Мастюгіно [Пузикова 1980, с. 45, рис. 5, 8], кургану 9 біля с. Дуровка [Пузикова 1969, с. 93, рис. 5, 18]; кургану 14 біля с. Дуровка [Пузикова 1997, рис. 4, 1-2], кургану 10 могильника Горки-I [Гуляев, Савченко 2004, рис. 4, 10-11], кургану 10 біля с. Колбіно [Гуляев 2005, илл. 107] (рис. 2, 6-11). Близькими є й зображення на кінці кістяного руків'я ножа з кургану 2 могильника Колбіно I [Гуляев 2004, рис. 7] (рис. 2, 5), одному з кінців кістяних (рогових) псаліїв з кургану 4 могильника Тернове-I [Гуляев, Савченко 1995, рис. 8, 1-2] і поселення Городище I [Кольшницын, Либеров 1975, фото на с. 62] (рис. 2, 2-4) тощо. Вони мають подібний піднятий ніс, схожий зовнішній абрис голови, підтрикутне вухо, основа якого часто знаходиться нижче лінії ока, пашу, в якій позначено лише ікла. Щоправда, на середньодонських зображеннях вовків, на відміну від пимонівського, ікла завжди є парними. Але це не впливає на загальне враження схожості стилістичних образів. Відтак і зображення вовка з Пимонівського поселення також можливо датувати IV ст. до н.е.

Нажаль, датування платівки IV ст. до н.е. поки що підтверджується іншими знахідками з поселення, зокрема керамікою. Можемо лише сподіватися, що це стане можливим при детальнішому дослідженні поселення.

Полідович Ю.Б.

УНИКАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВОЛКА ИЗ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ

В 1999 г. при обследовании разрушений на поселении Пимоновка возле Изюма (Подонцовье) были найдены несколько предметов скифского времени, среди которых выделяется костяная пластинка с изображением волка. По стилистическим признакам данное изображение наиболее соответствует изображениям волков из памятников IV в. до н.э. Среднего Подонья. Вместе с тем, другие скифские артефакты (в частности трехлопастный наконечник стрелы и фрагмент костяного псалия), происходящие из поселения Пимоновка, относятся ко второй половине VII в. до н.э. Более детальное исследование поселения в будущем и новые находки помогут более точно определить историко-культурный контекст этих находок.

Ключевые слова: скифское время, звериный стиль, изображение волка, наконечники стрел, псалий, Подонцовье.

Polidovych Iu.B.

UNIQUE IMAGE OF WOLF FROM THE MIDDLE DONETS POOL

In 1999 during the inspection of the damages at the Pimonovka settlement near Izium (Donets pool) several items of Scythian time were found. Among them was the bone plate with wolf image. Stylistically this image is mostly corresponded to the wolf images from the Middle Don region's sites dated to the 4th century BC. However, other Scythian artifacts from the Pimonovka settlement (particularly the three-bladed arrowhead and the fragment of a bone cheek-piece) are related to the second half of the 7th century BC. More detailed study of the Pymonivka settlement and new findings will help the researchers to identify their historical and cultural context.

Keywords: Scythian time, animal style, wolf image, arrowheads, cheek-piece, Siversky Donets.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ І ЛІТЕРАТУРИ

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. / А.Ю. Алексеев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Бабенко Л.І.** Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н.е.) / Л.І. Бабенко // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. – Харьков: Курсор, 2008. – С. 28-38.
- Гавриш П.Я.** Деталі кінської зброї в матеріалах розкопок Книшівського городища / П.Я. Гавриш // Полтавський археологічний збірник. – Вип. 3. – Полтава, 1995. – С. 148-151.
- Гуляев В.И.** Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону / В.И. Гуляев // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потунданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-2003 гг. – М., 2004. – С. 25-34.
- Гуляев В.И.** Скифы. Расцвет и падение великого царства / В.И. Гуляев. – М.: Алетей, 2005. – 400 с.
- Гуляев В.И.** Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону / В.И. Гуляев, Е.И. Савченко // РА. – 1995. – № 4. – С. 87-102.
- Гуляев В.И.** Новый памятник скифского времени на Среднем Дону / В.И. Гуляев, Е.И. Савченко // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потунданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-2003 гг. – М., 2004. – С. 35-52.
- Жерновой В.** Археологический комплекс Пименовка / В. Жерновой // Изюмщина. Краеведческий збірник. – Изюм, 2001. – С. 17-23.
- Ильинская В.А.** Скифы Днепровского лесостепного Левобережья / В.А. Ильинская. – К.: Наук. думка, 1968. – 267 с.
- Ильинская В.А.** Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве / В.А. Ильинская // СА. – 1971. – № 2. – С. 64-84.
- Кольшницын Н.В.** Работы Воронежской лесостепной скифской экспедиции Н.В. Кольшницын, П.Д. Либеров // АО 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 61-62.
- Крупа Т.Н.** Об археологических разведках на территории города Изюм и Изюмского района Харьковской области в 2006 – 2007 гг. / Т.Н. Крупа // АДУ 2006-2007. – К.: ІА НАНУ, 2009. – С. 188-192.
- Кубарев В.Д.** Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98-117.
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. – Вып. Д1-4. – М.: Наука, 1964. – 92 с., 23 табл.
- Пузикова А.И.** Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. / А.И. Пузикова // Население Среднего Дона в скифское время. – М.: Наука, 1969. – С. 82-95.
- Пузікова А.І.** Вуздечкові набори з Воронезьких курганів / А.І. Пузікова // Археологія. – 1980. – Вип. 35. – С. 38-52.
- Пузикова А.И.** Уникальный комплекс из могильника скифского времени у дер. Дуровка (Среднее Подонье) / А.И. Пузикова // РА. – 1997. – № 2. – С. 211-221.
- Шкурко А.И.** Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Лесостепной Скифии / А.И. Шкурко // СА. – 1969. – № 1. – С. 31-39.
- Яровой Е.В.** Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья / Е.В. Яровой. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 272 с.
- Borovka G.** Scythian Art / G. Borovka. – London, 1928. – 268 p.

ДИСКУСІЇ

Потанов В.В.

“НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ” АРХЕОЛОГИИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ЭТИХ ПРОБЛЕМ

Резюме: Данная работа является ответом на критическую статью В.А. Подобеда, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова “Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века”, в которой подвергается сомнению правомерность выделения отрадненской культуры конца эпохи поздней бронзы, в том виде как это было ранее предложено автором в диссертационном исследовании и других работах. Большую часть памятников этого времени предлагается отнести к финальному периоду срубной культуры. Вследствие этого автор вынужден возвратиться к вопросу о культурной принадлежности погребальных памятников финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья и их внутреннего членения. Автор ставит своей задачей доказать, что выделенные группы/массивы, которые оппоненты предлагают рассматривать как принадлежащие разным культурам, являются обрядовыми группами одной, отрадненской культуры.

В статье анализируются предположения оппонентов о том, что южная ориентировка погребённых появляется на Нижнем Дону, Предкавказье и Нижнем Поволжье вместе с переселенцами из Зауралья, и о том, что к “отрадненской культуре” можно отнести только те захоронения, в которых умершие были уложены головой на юг.

Рассматривая круг археологических памятников эпохи финальной бронзы, автор не находит на территории левобережья нижнего Дона признаков миграции с востока.

Территории Подонцовья и Восточной Украины, на которых фиксируются возможные следы такой миграции (находки “восточной” керамической посуды), характеризуются отсутствием погребений с южноориентированными покойниками.

Сходство между погребениями I группы и предшествующими им срубными погребениями не настолько существенно, чтобы объединять их в одну (срубную) культуру, но позволяет говорить о генетической связи отрадненской культуры со срубной. Недостаточными представляются и основания для объединения захоронений I обрядовой группы отрадненской культуры с погребениями финальной бронзы Украины (ФБУ). Многие параметры погребального ритуала вкупе с морфологией и набором погребального инвентаря свидетельствуют о значительных отличиях этих погребений от отрадненских погребений I группы.

Ключевые слова: финальная бронза, Нижний Дон, Предкавказье, Украина, погребальные памятники, отрадненская культура, срубная культура, миграции.

Summary: The paper was written as a response to a critical essay written by V.A. Podobed, A.N. Usachuk and V.I. Tsimidanov (“Some debatable problems of archaeology of the South of Eastern Europe of the Bronze Age Ending”). The author of the paper returns to the question of cultural identity of funerary monuments in the territories of the Lower Don River, the Caucasus and the Lower Volga River. The author aims to prove the selected group/ arrays that offer opponents regarded as belonging to different cultural groups are the same ritual of one culture. They belong to a common culture, which is called “Otradnenskaia culture”. Having considered the assumption of opponents of the appearance of southern orientation characteristic for immigrants from the Trans-Urals region, and of the formation here “Otradnenskaia culture”. The author does not find in the south of the Don River territory any other such migration characteristics. The similarity between the burials of Group I and preceded of them the Timber Grave culture burials are not so substantial to combine them into a single culture, but lets us to talk about the genetic connection with the Otradnenskaia culture.

The author analyzes the arguments that southern orientation buried appears in the Lower Don, the

Caucasus and the Lower Volga region together with the intersection of the Trans-Urals, and that a “Otradnenskaia culture” include only those graves, where the dead were laid with head to the south. Considering the range of archaeological monuments of the Bronze Age Ending, the author finds the territory on the left bank of the lower Don evidence of migration from the East.

Territories of the Seversky Donets river's basin and Eastern Ukraine, where were recorded possible traces of this migration (“Eastern” ceramics finds), characterized by the absence of burials with the dead oriented to the south. The similarity between the burials of Group I and prefixed burial of Srubnaia culture is not so much to unite them into one culture, but lets us to speak about the genetic connection between the Srubnaia and the Otradnenskaia cultures.

The author considers insufficiently substantiated grounds for association burial ritual I Otradnenskaia of culture with the Final Bronze Age burials of Ukraine. Many parameters of funeral ritual, along with the morphology and a set of grave goods indicate significant differences between these burials of burials Otradnenskaia culture I group.

Keywords: *the Final Bronze Age, the Lower Don, the Caucasus, Ukraine, funerary monuments, Otradnenskaia culture, the Timber Grave culture, migrations.*

В мае 2010 года автор защитил кандидатскую диссертацию по теме: “Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья”. Диссертация готовилась долго. Тема и содержание работы претерпевали изменения. Первоначально планировалось посвятить исследование предскифскому периоду Нижнего Дона в целом, а памятники т.н. “белозерского” этапа рассмотреть как субстрат предскифской культуры на Нижнем Дону. В итоге диссертация оказалась полностью посвящена эпохе финальной бронзы. Накопление материала уже в ходе написания этой работы, интерес к проблематике финальнобронзового периода других регионов юга Восточной Европы, нерешенность проблем культурной атрибуции и генезиса многих финальнобронзовых памятников и т.д. сделали актуальной тему исследования. У разных исследователей оформляются подходы к этим проблемам на макрорегиональном уровне. Автор сам вносит посильную лепту в дискуссию по проблемам финальной бронзы, опираясь, в основном, на материал степной части бассейна Дона. В той части диссертации, которая была посвящена автохтонным поздневаликовым памятникам Нижнего Дона, одними из ключевых моментов были анализ гипотез о культурной принадлежности этих памятников и обоснование выделения их в отдельную *отраденскую культуру*. Рассматривались две гипотезы: о срубной атрибуции поздневаликовых памятников и об их принадлежности белозерской культуре. Впрочем, последнюю можно рассматривать как часть общего представления о несрубном характере финальнобронзовых древностей на юге России и Восточной Украины. К моменту защиты диссертации у меня создалось впечатление, что эта тема в контексте дискуссии о верхней границе срубной культуры утратила свою злободневность. Действительно, практически перестали выходить исследования, в которых анализировалась эта проблема. В некоторых работах просто констатировался постсрубный характер финальнобронзовых памятников, как само собой очевидное. Но вышедшая статья В.А. Подобеда, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова [Подобед и др. 2012], в которой приведена новая аргументация в пользу высоких дат срубной культурно-исторической общности, а точнее срубная атрибуция финальнобронзовых памятников, заставила отбросить все сомнения по поводу актуальности моей работы.

Основные положения и итоги исследования донецких коллег сводятся к следующему:

1. Корректируется список финальнобронзовых погребений за счет привлечения неучтенных комплексов, во-первых, на территории Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья, т.е., с территории, на которой мною была выделена отраденская культура, а во-вторых, за счет памятников Восточной Украины.

2. Пересматривается статус выделенных мною обрядовых групп (ОГ): вместо предложенных двух таких групп, в каждую из которых были отобраны погребальные комплексы с определенной ориентировкой погребенных и сходным набором заупокойного инвентаря, мои оппоненты, оперируя ориентировкой и положением погребенных на правом

или левом боку, выделяют четыре группы.

3. Проведя анализ выделенных ими групп, коллеги объединяют группы I-а и I-б в I массив, групп II-а и II-б во II массив, что в целом совпадает с предложенным мною делением на обрядовые группы. Главное отличие в том, что эти массивы интерпретируются как разнокультурные.

4. Погребения I массива относятся авторами к срубной культуре, а за комплексами II массива они предлагают оставить статус отдельной культуры и за нею же оставить наименование “отраденская”. Эта культура лишается статуса автохтонной, и ее происхождение связывается с миграцией восточного, алексеево-саргаринского, населения.

В данной работе я попытаюсь, проанализировав аргументацию моих оппонентов, проверить обоснованность их концепции культурного наполнения доно-предкавказских степей в финальную бронзу и привести дополнительные доводы в пользу своей.

Начнем с источников. В Приложении 1 [Подобед и др. 2012, с. 231-233] приводится список опубликованных погребений белозерского времени, происходящих с территорий Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья. Во многом он совпадает с тем набором погребальных комплексов, которыми я оперировал в своих работах. Но не полностью, поскольку он постоянно уточнялся. Последний вариант списка погребений финальной бронзы был мною приведен в диссертации, но не был опубликован.

– Из свода памятников мною при подготовке окончательного варианта диссертации были исключены перекрывавшие друг друга погребения № 1 и № 2 из кургана 2 могильника Прогресс [Труды НАЭ 1997, с. 29-30, рис. 29, 3, 4, 6] [20, 21]¹. Причина – недостаточность оснований для датировки. Единственная находка – глиняное биконическое пряслице – имеет достаточно широкие в хронологическом и культурном отношении соответствия. Не может служить основанием и южная ориентировка, широко распространенная в ранне- и среднесарматских погребениях. В это же время в степи встречается и скорченное положение погребенных [Шелов 1961, с. 90, табл. X, 2, 6; Стоянов 2002, с. 297-301].

– Комплекс из ст. Пятиизбенская (б. Савельевская) [22], упомянутый в исследовании В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко [Отрощенко 1987, с. 141], из-за недостаточной информации о погребении и найденных в нем предметах также не может быть использован. Из упомянутых предметов (две серьги и два браслета) опубликована лишь фотография одного массивного, круглого в сечении (?) браслета, с “обрубленными” несомкнутыми концами [ОАК за 1900 г., с. 96, рис. 168]. В то же время для белозерской культуры обычны браслеты с суженными концами, включая и находки из погребения Сивашовка 10/2, приводимые в качестве ближайших аналогий браслету из Савельевской балки [Отрощенко 1987, с. 134-136, 141, рис. 3, 1-4]. Похожие браслеты известны в меотских могильниках Прикубанья (см. напр.: [Лимберис 2012, с. 67, рис. 8, 10, 14, 16; Новичихин 2006, с. 65-66, рис. 99, 5, 6; 100, 3-6; 104, 1, 2]), относящихся к VI-V вв. до н.э.

– Если финальнобронзовая атрибуция приведенных выше погребений представляется недостаточно обоснованной, но не исключается, то принадлежность раннему железному веку погребения Рябичев 3-22 [24], как это и предлагает автор публикации, не вызывает сомнения [Парусимов 2009, с. 42, рис. 12, 7]. Конечно, форма сосуда напоминает финальнобронзовые кубки или кубковидные сосуды, но, отличается от них грубоватостью и толщиной стенок, массивным поддоном, иным стилем прорисовки орнамента.

– Округлобокий сосуд с высоким горлом из погребения 74 кургана 2 могильника Греки I [39] [Подобед и др. 2012, с. 207, 232, рис. 2, 5] (представленный в публикации фотографией [Сорокина 1985, с. 150, сноска 12, табл. 1, поз. 18, рис. 5, 4]), сопоставим с керамикой степного Предкавказья и Северо-Западного Кавказа начальных периодов эпохи бронзы [Шишлина 2007, с. 47, рис. 17, 2, 11; Корневский 2004, с. 26, рис. 43, 3; 48, 7].

¹ В косых квадратных скобках даны номера комплексов согласно Приложению 1 [Подобед и др. 2012, с. 231-233].

Немаловажно и то, что некоторые степные погребения, сопровождавшиеся посудой того же типа, и по многим деталям погребального обряда сходны с погребением Греки I-2-74 [Ильюков 2013, с. 175, 177, рис. 3; Потапов 2007, с. 119-120, рис. 3, 4].

– Из группы финальнобронзовых погребений Ставропольского края сомнение вызывает только погребение 31 Большого Ипатовского кургана [51] [Корневский 2007, с. 37, рис. 22, 4, 5]. Во-первых, в погребении нет уверенно датирующего материала, а во-вторых, оно впущено в насыпь 10, тогда как все погребения из этого кургана, относящиеся к периоду финальной бронзы, впущены во рвы 3 и 9. По мнению А.А. Калмыкова, погребение 31 относится к группе комплексов переходного периода от средней к поздней бронзе [Корневский 2007, с. 88, 113].

– Погребение Быково I-3-2 [58], содержало разрушенный костяк женщины, ориентированной в северном направлении, и два овальных в сечении браслета с заходящими друг за друга концами [Смирнов 1960, с. 176, рис. 4, 3, 4]. Финальнобронзовая атрибуция этого погребения, предложенная еще в конце 80-х годов [Отрощенко 1987, с. 141], была поддержана мною [Потапов 1997, с. 129]. Но, браслеты из прута, многие из которых имеют овальное сечение, встречаются в ранних и поздних покровских комплексах, а также в срубных памятниках Доно-Волжского междуречья [Лапшин 2006, с. 49, 93, 131, рис. 12, 6; 31, 17; 57, 11, 12]. Прутковые браслеты вместе с сурьмяными подвесками найдены в позднепокровских погребениях могильника Меркуловский IV, в бассейне р. Чир [Шарафутдинова 2011, с. 53-54, рис. 13, 6-9, 15-17, 26, 27]. Все это дает основание удревить рассматриваемое погребение.

– Не совсем ясно, какой комплекс имеется в виду под шифром “Иловатка, 3/2” [62]. У с. Иловатки располагались две курганные группы. В одной из них погребение 2 кургана 3 датируется автором раскопок IV-V вв. до н. э., на основании железного кинжала и богатого набора серебряных и бронзовых изделий [Смирнов 1959, с. 219-220, рис. 5, 6; 7, 1-10]. Погребение с тем же шифром из другой группы – покровское, о чем свидетельствуют обряд и находки [Смирнов 1959, с. 227-228, рис. 8, 4; 9, 3-6]. На указанной в ссылке странице помещено погребение Политотдельское-3-2 [Смирнов 1959, с. 234, рис. 11, 4; 13, 2, 3], о котором, скорее всего, и идет речь. Это погребение женщины, положенной слабоскорчено на правом боку, головой к северу, со следами деревянных конструкций в могиле. Инвентарь – на предплечьях два массивных браслета с заходящими друг за друга концами, согнутых из бронзового, овального в сечении, прута. Здесь же найдено полое височное кольцо, концы которого входят один в другой и пара кольцевидных пастовых бусин. Ранее я также относил этот комплекс к белозерскому времени [Потапов 1997, с. 128-129]. Но браслеты, аналогичные найденным в Быково I-3-2 и в других комплексах (см. выше), заставляют меня согласиться с А.С. Лапшиным, включившим погребение Политотдельское-3-2 в подборку раннепокровских погребений [Лапшин 2006, прил.: таблица 1, поз. 50].

– Финальнобронзовая атрибуция погребения 5 кургана 7 могильника Новый Рогачик [63] [Мамонтов 2010, с. 183] вызывает те же сомнения, что и атрибуция погребений из могильника Прогресс II. Сарматская принадлежность комплекса, отнесенного В.И. Мамонтовым к нестандартным погребениям, обосновывается наличием костей барана, мела и биконического пряслица. Впрочем, эти признаки не отрицают возможность и датировки погребения из Нового Рогачика периодом финальной бронзы. Во всяком случае, и это погребение следует пока вынести за скобки.

В предложенном списке присутствует группа погребений, датировка которых периодом финальной бронзы обоснована, но не может быть включена в выделенную мной отрадненскую культуру:

– Погребение 11 кургана 10 могильника Михайловский [41] [Шарафутдинова 1988, с. 217-218, рис. 2, 5-7; 3]. Э.С. Шарафутдинова и В.Н. Каминский допускали кобяковскую принадлежность Михайловского могильника [Шарафутдинова 1988, с. 220; Шарафутдинова 1996, с. 95]. С открытием кобяковского некрополя [Ларенок 2001] появилась возможность

сравнить эти два памятника. Налицо элементы сходства – существенная доля ориентировки в южный и юго-восточный сектор, наличие правобочного положения, которое с учетом покойников, уложенных на спине, с повернутыми вправо ногами, составляет достаточно высокий процент, большое количество безынварных погребений и слабая насыщенность инвентарем. В пользу принадлежности Михайловского могильника кобяковской культуре свидетельствует находка на нем горшка, близкого некоторым кобяковским образцам (Шарафутдинова 1988, с. 219, рис. 2, 4). С другой стороны, существенны и различия: михайловские захоронения курганные, над ними отсутствуют заклады, существенна доля погребений, ориентированных на северо-восток и северо-запад, немало погребенных уложено на левый бок и на спину, доминирующие на Кобяково варианты положения рук почти не представлены, в погребениях присутствует керамика. Таким образом, и вопрос о кобяковской принадлежности погребений Михайловского могильника пока остается открытым.

– Петровский городок, погребения 4 и 5 [55, 56] [Тугушев, 2009, с. 95-96, рис. 8-12]. Эти погребения, также как и погребения из кургана 15 могильника Быково I, я, вслед за П.Е. Тугушевым, считаю возможным отнести к хвалынской (ивановской) культуре [Тугушев 2009, с. 96]. Сюда же следует добавить погребение из кургана 36 могильника “Горбатый мост”, расположенного на Волжском Правобережье, в Лысогорском р-не Саратовской обл.² и погребения 1 и 2 из грунтового могильника у с. Утевка [Колев 2000, с. 256, рис. 29, 1-4]. Все позднихвалыньские погребения ориентированы в южный сектор, сильно скорчены, однако, в отличие от захоронений II обрядовой группы отрадненской культуры, в них, помимо керамики, найдены нож, кремневые и кварцитовые изделия. Важные отличия: все подкурганые позднихвалыньские захоронения – основные, а посуда из погребений – кухонная и принадлежит тем же типам, что распространены и на поселениях хвалынской культуры.

– Погребения из кургана 15 могильника Быково I [59-61] [Смирнов 1960, с. 210-212, рис. 1, 1; 15, 11-14] (см. выше).

– Погребение Подгорный-5-1 [64] [Вальчак 1996, с. 30-31, рис. 5; 6, 3, 4; Мамонтов 1999, с. 52-53, рис. 3, 2; 2, 11-17] относится, наряду с Лукьяновским курганом, к группе элитарных финальнобронзовых погребений, нестандартный погребальный обряд которых и локализация у границ культурных образований позволяют лишь предполагать их культурную принадлежность.

Ряд погребений из списка мною ранее не учитывались, и благодаря статье моих оппонентов я смог включить их в свою подборку:

– Октябрьский I-1-1 [16] [Прокофьев 2004, с. 298, рис. 36, 1-4] ранее я относил, с определенной долей сомнения, к черногоровской культуре. Обратившись еще раз к этому комплексу, я счел возможным, на основании находки в нем бронзового шила, имеющего аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы, удревить его и отнести к отрадненской культуре. Мои коллеги рассматривают костяные пряслица как предмет, характерный для финальнобронзовых комплексов, что вполне справедливо, но, ни разу не встреченный в достоверно предскифских погребениях, что, на мой взгляд, не совсем верно [Подобед 2012, с. 216]. Такие пряслица найдены в двух погребениях кургана у с. Рясни, сопровождавшихся крупными сосудами, бронзовыми иглами, а одно из них – и типично черногоровским железным ножом с горбатой спинкой [Гордин 1991, с. 36, 39, рис. 9]. В погребении Керчик-10-2 такое пряслице было найдено вместе с сосудом, снабженным желобком-сливом [Труды НАЭ, с. 9, рис. 18, 4, 7, 8]. Погребение Антонов I-4-7 [Мамонтов 1994, с. 32, рис. 3, 6; 7, 7], не содержало иного инвентаря, кроме пряслица, но положение погребенного вытянуто на спине головой к западу – обычно для позднечерногоровской группы погребений.

– Рассматриваемая статья положила конец моим колебаниям и в отношении комплекса

² Раскопки В.И. Тихонова в 2003 г.

Анапский I-2-3 [37] [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 4, 5], который также может быть включен в отрадненскую культуру.

– Было пропущено погребение Лебеди I-3-4 [40] [Сорокина 1985, табл. 1, рис. 3, 3] исследованное в Прикубанье. Несмотря на то, что в погребении нет надежно датирующего инвентаря, ориентировка и поза погребенного, положение рук, место расположения остатков мясной напутственной пищи у темени погребенного, свидетельствуют скорее об отрадненской атрибуции комплекса, нежели о черноговской.

– К финальнобронзовым захоронениям Большого Ипатовского кургана, ранее учтенным мною, следует добавить безынвентарное погребение 4 [Корневский 2007, с. 31, рис. 17, 1], исходя из его стратиграфического и планиграфического единства с другими комплексами этого времени, впущенными с уровня позднейшей досыпки в ров № 3.

– Погребение Тростянка 8-1 [57] [Хреков 2005, с. 5, рис. 3], действительно, приобретает статус маркера северо-восточной границы отрадненской культуры [Подобед и др. 2012, с. 222-224]. В пользу датировки его периодом финальной бронзы свидетельствуют найденные в нем каменные и пастовые бусы. Найденные здесь нашивные бляшки близки изделиям, происходящим из памятников маклашеевской культуры, что подчеркивает и автор публикации [Хреков 2005, с. 5], а также из степных комплексов, связанных с этой культурой [Потапов 2002, с. 215, 216, рис. 19, 20, 25]. Маклашеевские аналогии тем более уместны, что в районе, где располагался Тростянский курган, известны поселенческие материалы этой культуры [Хреков 2003, с. 108-111, рис. 9-13]. Вместе с тем, находка баночного сосуда в стороне от погребения (“в 0,5 м к северу от черепа” [Хреков 2005, с. 5]) вряд ли может свидетельствовать о его финальнобронзовой принадлежности, тем более что баночные сосуды классического срубного облика не известны пока в надежно датированных степных погребениях этого периода.

И, наконец, группа погребений, относящихся, по моему мнению, к финальной бронзе, не была учтена в работе донецких коллег:

– К финальной бронзе отношу погребение Западенский 1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3] (рис. 1, 1, 2) – отсюда происходит богато орнаментированная усечено-коническая баночка-стакан, аналогии которой известны на бондарихинских поселениях Бондариха [Ильинская 1961, с. 29, рис. 2, 9] и Таранцево [Берестнев 1994, с. 130, рис. 4, 7].

– Погребение Новопалестинский II-5-7 (рис. 1, 11-15) мы, вместе с А.А. Калмыковым, отнесли к самому началу раннего железного века [Калмыков 2004, с. 108]³ на основании находки однолезвийного ножа со слабоизогнутой спинкой, выступом у острия, которое было слегка загнуто вверх и клиновидный черешком, отделенным от лезвия уступом. Мы усмотрели аналогии этому ножу в находке из Николаевского протомеотского могильника [Анфимов 1961, с. 117, табл. III, 7]. Но на самом деле круг типологических соответствий ножу из Новопалестинского несколько шире. Ножи с загнутым вверх острием выделены В.И. Козенковой в III тип ножей западного варианта кобанской культуры. Из трех экземпляров этого типа два, изготовленные из бронзы, найдены в гробнице 1 Эшкаконского могильника, датируемой XII в. до н.э. и в погребении 1 Инжиччукунского могильника, дата которого не позднее начала I тыс. до н. э. [Козенкова 1998 с. 9, табл. I, 17, 18]. Обломок ножа такого же типа обнаружен в гробнице 2, датируемой XII-X вв. до н.э., могильника кобанской культуры Терезе [Козенкова 2004, с. 112-113, 141-147, табл. 24, 14]. Терезинский нож сходен с новопалестинским и оформлением спинки. Следовательно, однотипные новопалестинскому ножи появляются на Северном Кавказе уже в XII в. до н.э. и продолжают использоваться в начале эпохи раннего железа. Более узкую дату дает нам набор украшений. Во-первых, это бляшка-пуговица, отлитая вместе со стержнем, загнутым позднее в петлю на

³ Это погребение в позднейших моих работах датируется финальной бронзой [Потапов 2010, с. 155-156, рис. 320; Потапов 2011, с. 36], но без развернутой аргументации, предложенной в данном абзаце.

обороте. Аналогичным образом изготовленные бляшки известны только в погребениях финальной бронзы [Потапов 2007, с. 271-272]. Во-вторых, это височное кольцо, согнутое из бронзовой рифленой полоски в 1,5 оборота. Датировка финальнобронзовым периодом пластинчатых рифленых височных колец уже обосновывалось автором [Потапов 2010, с. 155-157]. Еще один аргумент в пользу такой датировки этого погребения – находка в нем пастовых бус [Подобед и др. 2012, с. 216].

– Погребение Ипатово 3-2-161 [Корневский 2007, с. 46-47, рис. 33, 2-6] отличается от большей части финальнобронзовых погребений этого кургана северо-восточной ориентировкой погребенного и маловыразительным в хронологическом отношении инвентарем. Однако, для финальнобронзовых и, в меньшей степени, для раннечерногоровских погребений характерно в некоторых случаях положение в могилу кремня и серы. И, что немаловажно, этот комплекс соответствует планиграфическим и стратиграфическим критериям погребений финальной бронзы этого кургана [Корневский 2007, с. 113].

Часть погребений не издана:

– Аюта 1-16 (Ростовская обл., Октябрьский р-н, раскопки В.В. Яценко в 2006 г.) (рис. 1, 3, 4). Погребенный был скорчен на левом боку, черепом к востоку. Слева от головы был поставлен кубковидный сосуд. Шаровидное тулово, уступ на плечиках, округлое дно сближают его с белозерскими кубками (напр.: [Отрошенко 1986, рис. 38, 2, 40, 17; Евдокимов 1987, рис. 1, 7, 10, 2, 2; Ванчугов 1990, с. 66, рис. 29, 12, 13, и др.]). С другой стороны, сосуд из Аюты крупнее белозерских кубков, тесто грубее и поверхность обработана менее качественно, чем на белозерской столовой посуде. Очевидно, этот сосуд изготовлен как подражание кубкам белозерской культуры. Это подтверждается и орнаментом – прочерченными вертикальными линиями по плечикам и тулову, явно имитирующим характерные для белозерской столовой посуды вертикальные каннелюры [Ванчугов 1990, с. 71, рис. 21, 15; 22, 4, 5; 29, 14; 32, 3].

– Отрадный II-23-2 (Ростовская обл., Багаевский р-н) [Саяпин 1991] (рис. 1, 5, 6). Скорченный на левом боку и уложенный головой на юго-восток погребенный сопровождался лепным, сравнительно тонкостенным сосудом, от которого сохранились лишь часть дна и придонных стенок. Тонкостенность сосуда, несмотря на то, что качество глиняного теста и обработки поверхности несколько хуже, чем у лучших образцов столовой отрадненской посуды, (см. напр.: [Потапов 2000, с. 62, рис. 1, 3]), убеждает в верности предлагаемой хронологической и культурной атрибуции и в необходимости присоединить его к опубликованным ранее трем финальнобронзовым погребениям этого же могильника [Потапов 2000, с. 62-69, рис. 1-3].

– Южный 2-5 (Ростовская обл., Сальский р-н) [Горбенко 1974]. Погребенный ребенок скорчен на левом боку, головой на юго-восток. У черепа перед лицевыми костями стоял сосуд с частично сохранившейся верхней частью. Сосуд близок некоторым кобяковским кухонным формам [Шарафутдинова 1980, табл. I, 1, II, 11, VII, 12]. Близкая посуда представлена в погребениях Батуринский I-9-10 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 3] и Михайловский 11-8 [Шарафутдинова 1988, с. 216-217, рис. 2, 4].

– Орловский I-1-12 (Ростовская обл., Орловский р-н) [Яценко 1998, с. 44-45, рис. 200-207] (рис. 1, 7-10). Костяк мужчины 35-40 лет был уложен скорченно на левый бок, с завалом на живот, и ориентирован головой на северо-восток. В погребении обнаружены: пластинчатое височное кольцо, согнутое в 1,5 оборота; фрагмент острия обоюдоострого ножа; отщеп непрозрачного кремня.

– Золотаревка 6-6-1 (Ставропольский край, Ипатовский р-н) [Бабенко 2000]. Скорченный на левом боку головой к юго-востоку погребенный сопровождался тремя кусками кремня, найденного вместе с серой, и фрагментами пластинчатых височных подвесок с перехватом в верхней части, аналогичных найденным в погребении Ипатово 3-2-5 [Корневский 2007, с. 32, рис. 17, 5, 7].

– Ипатово 3-5-1 (Ставропольский край, г. Ипатово, раскопки А.А. Калмыкова 2003 г.). Дата погребения определяется находкой обломка черешкового ножа-кинжалчика с параллельными лезвиями.

– Буйвола 1-4-7 (Ставропольский край г. Буденновск) [Березин 1998, с. 54-55, рис. 181-183]. Погребение со скорченным костяком, ориентированным на север, определяется пластинчатыми височными подвесками с “перехватом” и стеклянной бусиной.

– Джангр 9-8 (Республика Калмыкия, Октябрьский р-н) [Николаева 1985а]. Погребение, содержавшее слабоскорченный ничком костяк человека⁴, уложенного головой к востоку, датируется ножом с параллельными лезвиями.

– Улан-Толга 4-5 (Республика Калмыкия, Октябрьский р-н) [Николаева 1985б]. Погребенный плохо сохранился – очевидно, что он был скорчен на правом боку и ориентирован головой к северо-востоку. Датируется погребение каменным оселком с желобком для подвешивания. Такие изделия встречаются редко, но на обширной территории, и всегда связаны с одним хронологическим пластом – финальной бронзой. [Евдокимов 1999, с. 99, рис. 2, 12; Горбов 1995, с. 62, рис. 1, 4; Смирнов 1960, с. 211, рис. 15, 11; Агапов 1976, с. 122, рис. 18, 4; Потемкина 1985, с. 70, рис. 18, 6; Зданович 1988, с. 66-67, рис. 3,3; Черников 1960, с. 37, табл. XXVII, 1; Матвеев 2001, с. 213, рис. 49; Заднепровский 1962, с. 33, табл. XXIX, 2, XXX, 6; Литвинский 1962, с. 283, табл. 116, 2; Литвинский 1972, с. 33-34, табл. 5, 7].

– Кривая Лука XXXIV-2-3 (Астраханская обл. Черноярский р-н) [Дворниченко 1981]. Погребенный ребенок был уложен на левый бок, головой к югу, с небольшим отклонением к востоку. При нем был обнаружен округлодонный кубковидный сосуд, с высоким горлом и уступом в основании плечиков.

– Садовый 2-19 (Краснодарский край, Курганинский р-н) [Беглова 2005, с. 35]. При погребенном, скорченном на левом боку и ориентированном головой к востоку, была найдена бляшка-пуговица, отлитая со стерженьком, загнутым в петлю.

– Усть-Джегута 32-17, исследованное в кургане недалеко устья реки Джегута (Карачаево-Черкесия Усть-Джегутинский р-н) [Нечитайло 1964, рис. 34] (рис. 1, 18-21), датируется обломком пластинчатого височного кольца и бляшкой-пуговицей с маленькой петелькой и щитком, плакированным золотом.

Погребения из уточненного списка, насчитывающего теперь 65 комплексов (см. Приложение 1 к настоящей статье), распределены по тем же группам, которые предложены моими оппонентами [Подобед и др. 2012, с. 200-201]. Кроме того, в него включены погребения, не входящие в группы. Принцип распределения по группам – в зависимости от ориентировки скорченных погребенных в определенный сектор⁵ и положения на левый или правый бок, несколько изменен. В основу выделения групп взяты ориентировка погребенных, а подгруппы выделяются на основании положения их на левый (подгруппа А) или правый (подгруппа Б) бок.

Подгруппа I-A, где погребенные были уложены на левый бок и ориентированы в восточный сектор, включает абсолютное большинство всех комплексов – 40. Исходя из предложенного критерия выделения степеней скорченности [Подобед и др. 2012, с. 201], в подгруппе I-A из 38 определимых случаев в группу слабоскорченных отнесены 8 погребений (21%), в группу среднескорченных – 18 погребений (48,5%), а к группе сильноскорченных мы можем отнести 12 погребений (31,5%). Выделены пять вариантов положения рук погребенных (см. приложение 3): I – согнуты в локтях, кисти перед лицом/грудью – 13

⁴ Не исключено, то, что погребенный первоначально был уложен на левый бок (череп покоится на левом виске), а затем завалился на грудь.

⁵ Не до конца ясен принцип распределения по ориентировкам. Для первой группы (ориентировка в восточный сектор) он составляет 90° (диапазон 45-135°), для второй (южный сектор) – 50° (диапазон 155-205°). Не понятен не только принцип определения секторов, но и “пробел” между этими диапазонами, составляющий 20°.

захоронений из 29 (44,8%), где удалось установить положение обеих рук; II – одна рука согнута как в предыдущем варианте, кисть другой – у ее локтя или предплечья – 2 случая (6,9%); III – руки прямые или слегка согнуты в локтях и направлены кистями в сторону бедер или голеней – 3 случая (10,35%); IV – одна рука вытянута как в предыдущем варианте, другая согнута в локте таким образом, что она пересекает локоть предыдущей руки, или же направлена кистью к нему – 5 случаев (17,25%); V – одна рука согнута как в первом варианте, другая или направлена к коленям, или отставлена от корпуса под углом, близким к прямому – 3 случая (10,35%). Еще 3 погребения отнесены к единичным вариантам положения рук (10,35%). В погребениях зафиксированы остатки мясной напутственной пищи, которыми сопровождалось 10 (25%) погребений подгруппы, кремневые предметы, которые нередко (в шести случаях (15%) из девяти (22,5%)) встречены вместе с серой. В девяти погребениях этой группы обнаружена керамическая посуда (20%), в четырнадцати – бронзовые ножи (35%). Украшения – височные подвески, бусы, различные бляшки, пронизи и т.д. – встречены в 25 погребениях, что составляет 62,5% погребений группы (см. приложение 4).

Подгруппа I-Б насчитывает 8 комплексов, где погребенные, ориентированные, как и в предыдущем случае, в восточном направлении, были уложены на правый бок. У семи из них устанавливается степень скорченности⁶: слабоскорченных 2 (28,5%), среднескорченный 1 (14,25%), сильноскорченных 4 (57,25%). Положение рук установлено у всех погребенных подгруппы (см. приложение 3). В половине случаев оно соответствует варианту I (50%), варианты II и IV представлены единичными случаями (по 12,5%), а вариант V – двумя (25%). Кости животных найдены в одном погребении (12,5%), в двух обнаружено сочетание кремня и серы (25%). Сосуды и бронзовые ножи – встречены в двух погребениях (по 25%), а украшения – в трех (37,5%) (см. приложение 4).

Я, как и коллеги [Подобед и др. 2012, с. 203-204], не усматриваю культурных различий между группами/подгруппами I-A и I-Б. Более того, замеченные различия, с учетом корректировки содержания различных групп и значительного несовпадения количества анализируемых комплексов, можно рассматривать в рамках статистической погрешности: близки значения доминирующих вариантов положения рук, сопряженности кремня и серы в могилах, не радикально отличаются показатели присутствия других, распространенных в целом в группе I, категорий инвентаря: керамики, ножей, украшений. Отмечено, что большая часть погребений подгруппы I-Б, то есть тех, где погребенные были уложены на правый бок, тяготеют к Предкавказью [Подобед и др. 2012, с. 202]. Состав погребений этой подгруппы почти не изменился – погребение 31 из Ипатовского кургана было заменено погребением Улан-Толга 4-5. Все же считать правобочное положение характерной особенностью предкавказских погребений на этом основании вряд ли возможно. Скорее всего, можно поставить вопрос об определенном биритуализме – сочетании правобочного и левобочного положений. Это наглядно прослеживается на материалах курганов, содержавших более одного финальнобронзового погребения, где покойники были уложены как на левый бок, так и на правый [Березин 1998, с. 59-60, 71-72, рис. 9, I; 21, I; Корневский 2007, с. 31-34, 42-43, 46-47, рис. 17, I, 2; 18, I, 5; 19, 3, 6; 28, 5, 33, 2], кроме того, положение на левом боку отличается и многие другие предкавказские погребения.

Итак, группу I, помимо восточной ориентировки и скорченного положения на боку, характеризуют такие обрядовые детали как преобладание среднескорченной позы погребенных (19/42,25%), над сильноскорченной (16/35,5%) и слабоскорченной (10/22,25%), преобладающее положение рук согнутыми в локтях перед лицом или грудью (44,75%), положение в могилу напутственной мясной пищи (11/22,9%) и кремня вместе с серой (10/20,8%), а также наиболее распространенные категории погребального инвентаря: различные украшения (28/58,3%), ножи (16/33,3%). Глиняная посуда встречена в 11 погребениях (22,9%). Из других категорий находок встречены бронзовые шилья 4 (8,3%) и

⁶ У костяка из погребения Улан-Толга 4-5 отсутствуют бедренные кости.

иглы 2 (4,1%), костяные пряслица 3 (6,25%), дважды в этой группе встречались костяные стрелы, каменные оселки, овечьи астрагалы (по 4,1%).

Согласно подсчетам коллег, каждая из подгрупп группы II насчитывает по шесть погребений [Подобед и др. 2012, с. 201]. В моей версии состава групп в подгруппе II-A остается шесть погребений, а в группе II-B – три. Отметим, что особых отличий в инвентаре между группами нет. Да и при такой небольшой выборке их следует принимать во внимание с осторожностью. В целом же группа состоит из девяти погребений, в которой погребенные были ориентированы головой в южный сектор, трое были уложены на правый бок и шестеро на левый. Преобладает сильноискорченное положение, зафиксированное в пяти погребениях (55,6%), в остальных четырех случаях (44,4%) степень искорченности – средняя. Положение рук прослежено в семи случаях (см. приложение 3): преобладает положение по варианту I – 3 случая (43%), варианты II и V встречены по одному разу (14,3%), вариант III – дважды (28,6%). Каждое третье погребение сопровождалось костями животных, в 7 погребениях (78%) найдены глиняные сосуды, дважды (22,2%) найдены костяные пряслица, и в одном случае – каменный оселок (см. приложение 4).

Мои оппоненты, сравнивая погребения I и II групп, приходят к следующим выводам [Подобед и др. 2012, с. 204-205]:

1. “В массивах сильно различается соотношение полов погребенных. При этом в массиве I преобладают мужчины, а в массиве II – женщины”.

– По моим подсчетам, в группе I – 13 (27%) мужчин и 5 (10,5%) женщин, что, казалось бы, действительно соответствует изложенному выводу. Но в группе II, с учетом корректировки ее численности и состава, достоверно⁷ определена половая принадлежность только трех погребенных – 1 (11,1%) мужчина и 2 (22,2%) женщин (см. приложение 5), что, на мой взгляд, не дает оснований для столь определенных выводов. Кроме того, к разряду культурных особенностей вряд ли следует относить гендерные различия погребенных.

2. “Погребения массива I чаще всего впускались в южную половину кургана, а погребения массива II – в северную. Кроме того, серия погребений массива I была впущена в центральную часть кургана. В массиве II такие погребения нам неизвестны”.

– Действительно, в новейших исследованиях учет расположения могил в том или ином секторе кургана дает убедительные результаты [Литвиненко 2006, с. 168-169, 174, рис. 5] и может, в ряду прочих характеристик, рассматриваться как культурная особенность. Но в нашем случае это, пожалуй, делать преждевременно. Дело в том, что пока речь идет о тенденции: погребения первой группы чаще впускались в южную часть кургана, а второй – чаще в северную часть. Кроме того, публикации, а порой и отчеты не дают нам полной информации о планиграфической позиции того или иного комплекса. Может быть, коллеги обладают более полной информацией, чем я. Во всяком случае, у меня недостаточно данных для того, чтобы проверить это утверждение.

3. “В массиве I удельный вес захоронений с положением умерших на левом боку значительно выше, чем в массиве II”.

– По откорректированным данным это действительно так, особенно если отказаться от слова “значительно”: доля комплексов, содержащих покойников, уложенных на правый бок, составляет 17% и 33% в I и II группах, соответственно. Но при этом нельзя не учитывать, что треть правобочных погребенных II группы найдены всего в 3 комплексах, а одна шестая таких же погребенных I группы – в 8. Следовательно, любое изменение той или иной части II группы может радикально изменить соотношение этих категорий погребений в группах.

4. “Хотя в обоих массивах численно доминируют захоронения с сильной и средней

⁷ Я пользовался половозрастными определениями, приведенными в публикациях и отчетах. Значительная часть из них, к сожалению, не содержит ссылок на специалистов – авторов этих определений. Кроме того, из 65 погребений, половая принадлежность погребенных указана лишь в 21 случае.

скорченностью, в массиве I удельный вес погребений со слабой скорченностью намного выше, чем в массиве II”.

– Здесь, как и в предыдущем случае, следует учитывать значительное несоответствие количества погребений в группах. Но вывод коллег кажется здесь вполне обоснованным. В группе I преобладают среднескорченные погребенные (19 погребений), им несколько уступают сильноскорченные (16), а на последнем месте (10) – слабоскорченные. В группе II – 5 погребений сильноскорченных и 4 среднескорченных. Таким образом, для погребенных с южной ориентировкой в целом характерна тенденция к сильной и средней скорченности, а для погребенных с восточной ориентировкой заметна обратная тенденция – к ослаблению скорченности.

5. “В обоих массивах численно преобладают комплексы, где руки погребенных были согнуты под острым углом, однако частота встречаемости данного знака в массиве II намного выше. То же касается и знака “руки протянуты вдоль тела”. Добавим, что в массиве I положение рук куда более разнообразно, чем в массиве II”.

– Доля погребений, содержащих покойников с руками, согнутыми в локтях перед лицом или грудью, практически одинакова в обеих “массивах”⁸: в I-м удельный вес этого варианта положения рук незначительно выше, чем во II (45% против 43%).

6. “В погребениях массива I значительно реже, чем в погребениях массива II, встречены кости животных и сосуды. В то же время, в комплексах массива I выявлены фрагменты керамики, что для массива II не характерно”.

– Кости животных в группе I найдены в 11 могилах (т.е. в 23% погребений), а в группе II – в 3 случаях (33%). Вряд ли такое соотношение можно считать показательным. Что же касается погребений с сосудами, то действительно, доля их в группе I на порядок ниже: 27,5% против 78%. Но в абсолютном исчислении погребения с сосудами первой группы (11 случаев) преобладают над второй (7). Фрагменты керамики присутствуют только в двух погребениях группы I – Ипатово 2-8 и Ипатово 2-34 (см. приложение 4).

7. “Совпадения в категориях погребального инвентаря между двумя массивами минимальны (сосуды, пряслица, оселки, куски мела). При этом в массиве I не встречены глиняные пряслица, а удельный вес захоронений с пряслицами намного ниже, чем в массиве II. Намного ниже в массиве I и процент погребений с сосудами”.

– Керамические пряслица в моей версии состава групп, после исключения из списка погребений могильника Прогресс, отсутствуют вовсе. Костяные пряслица в группе II происходят из двух захоронений (22%), в группе I – из трех (6,25%). Но выборка для их сравнения не очень надежна, тем более, что за пределы групп выведены еще два погребения, содержавшие пряслица: Кастырский VII-1-15 и Холодный I-1-1 (см. приложение 4). Выше уже говорилось о соотношении доли погребений с посудой в группах.

8. “В массиве I довольно велик удельный вес захоронений с украшениями, в массиве II таких захоронений нам неизвестно, и это тем более удивительно, что в последнем массиве необычайно высок удельный вес женских захоронений”.

– Могу только прокомментировать, что это наблюдение, наряду с другими и помимо разницы в ориентировке погребенных, послужило основанием для выделения мною обрядовых групп.

Кроме того, авторы склонны ограничить сходство между этими группами признаками, которые они относят к надкультурным [Подобед и др. 2012, с. 205]. Такие признаки, действительно, имеют место, но без учета культурного контекста, такой взгляд представляется несколько поверхностным. Например: “И для массива I, и для массива II характерны впускные в курганы захоронения”. Это, действительно, так. Но если это явление надкультурное, то оно должно в той же или в близкой мере повторяться и за пределами

⁸ Для подсчета учитывались только погребения, где было установлено положение обеих рук погребенных.

дискутируемого культурного контента, во всяком случае, в соседних, заведомо инокультурных, памятниках. Ближайшие погребения относятся к нижнедонскому локальному варианту кобяковской культуры. Достоверно выявленные погребения этого варианта не впущены в курганы, но образуют грунтовый могильник [Ларенок 2002; Ларенок 2013, с. 253-254]. Захоронения белозерской культуры образуют грунтовые, курганно-грунтовые, а также курганные могильники или отдельные курганы, насыпанные над погребениями этой же культуры [Отрощенко 1986, с. 126-130; Ванчугов 1990, с. 46-49]. Впущенные в более древние курганы отдельные белозерские погребения – исключение [Агульников 1999; Отрощенко 1987, с. 132-133, рис. 1, 3-7]. На востоке рассматриваемая культура соседствует с памятниками хвалынской культуры общности валиковой керамики (ОКВК), представленной, главным образом, поселениями. По моему мнению, к этой культуре следует отнести восемь погребений, о которых я уже упоминал выше: три погребения из кургана 15 могильника Быково I, одно погребение из кургана 36 могильника “Горбатый мост”, два погребения из “Петровского городка”, погребения 1 и 2 из грунтового могильника у с. Утевка. Среди них погребения из Быково I и “Горбатый мост”, бесспорно, основные, утевские – бескурганные (грунтовые). Можно допустить, что погребения из “Петровского городка”, перекрытые слоем XVII-XVIII вв., были приурочены первоначально к курганной насыпи, уничтоженной при строительстве русского городища. Но, даже в этом случае, не факт то, что эти погребения были впускными: погребения 4 и 5 – это наиболее древние комплексы, найденные в раскопе [Тугушев 2010, с. 93-97, рис. 3-12], а других кандидатов на роль основных погребений здесь нет. Но на самом деле, не так уж и важно, были ли погребения из “Петровского городка” впускными, основными или вообще грунтовыми – в любом случае, т.н. надкультурный признак – “впускной характер погребений”, применимый в полной мере к I и II группам финально-бронзовых погребений степных районов Дона и Предкавказья, не может характеризовать очерченный круг хвалынских (ивановских?) погребений. В Приуралье, по свидетельству А.В. Епимахова, из 30 погребений финальной бронзы только “пять погребений совершены на территории поселений, либо впущены в курганы более раннего времени” [Епимахов 2010, с. 41]. Таким образом, можно констатировать, что признак “впускной характер погребений” среди перечисленных культур применим только для рассматриваемых I и II групп доно-предкавказских финально-бронзовых погребений. Во всех остальных случаях впускные погребения, даже там, где они присутствуют, составляют абсолютное меньшинство по отношению к остальным видам погребений.

Другой надкультурный признак заключается в том, что “и в I, и во II массивах встречаются захоронения, где умершие были положены как на левом, так и на правом боку”. Опять, же важен контекст: положение покойников на левом боку в обеих группах преобладает над положением на правый бок (5:1 в I группе и 3:1 во II группе). И это фактор, объединяющий обе группы. Он тем более важен, что его “надкультурность”, как и в предыдущем случае, есть относительной. В кобяковских погребениях умерших укладывали преимущественно на правый бок⁹. В белозерских могилах правобочное положение встречается несколько чаще, нежели левобочное [Отрощенко 1986, с. 131; Ванчугов 1990, с. 51]. В Поволжье те хвалынские погребения, в которых удалось определить положение костяка, дают нам соотношение 1:1 правобочных и левобочных¹⁰ погребенных. В погребениях Зауралья доминирует правобочное положение покойников [Епимахов 2010, с. 43].

⁹ В одном случае, погребение 50 (1999 г.), костяк был разрушен настолько, что его положение установить не удалось, а в другом, погребение 267 (2000 г.), умерший был уложен на спину [Ларенок 2013, с. 35, 190-191, табл. 23, 1, 2; 121, 2].

¹⁰ Все погребенные, найденные на левом боку, происходят из кургана Быково I-15 [Смирнов 1960, с. 210-212].

Третий объединяющий обе группы “надкультурный” признак: “В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом”. Таких погребенных в каждой группе около 45% от числа костяков с прослеженным положением рук. Это положение рук, действительно, было распространено в эпоху поздней бронзы, но в финальную бронзу, как мы видим на примере I и II групп, не являлось единственно возможным. Так, в кобяковских погребениях такое положение характерно только для 5 погребений из 25 [Ларенок 2013, с. 55, 57-58, 65-66, 76-77, 155, табл. 35, 3; 36, 9; 41, 1; 48, 4; 99, 1], где установлено положение рук (20%); руки были согнуты перед грудью – в двух из пяти информативных погребений, исследованных в Поволжье [Смирнов 1960, с. 211; Тугушев 2009, с. 96, рис. 11]. Что же касается зауральских комплексов, статистика положения рук в работе А.В. Епимахова не приводится, однако, судя по иллюстрациям, положение рук согнутыми под острым углом в локтях не является самым распространенным [Епимахов 2010, рис. 2, 4].

Скорченность, в целом, действительно, является надкультурным признаком, широко распространенным в степи и лесостепи в эпоху бронзы. Конечно, можно оперировать таким параметром, как степень скорченности, но выше мы уже согласились с тем, что сравнение групп по степени скорченности указывает на их различие, на мой взгляд – различие между двумя обрядовыми группами.

В остальных же случаях, рассмотренных выше, контекст “надкультурных” признаков применительно к группам/массивам I и II указывает именно на их близость между собой. Но есть и другие признаки, объединяющие эти группы:

– Совпадает не только основной, I вариант положения рук – “руки согнуты перед лицом или грудью”, но и другие, менее распространенные, варианты. Так, II вариант – “одна рука согнута перед лицом или грудью, кисть другой – у ее локтя или предплечья” – представлен в трех погребениях I группы (8%) и в одном погребении II группы (11%); III вариант – “руки прямые или слегка согнуты в локтях и направлены кистями в сторону бедер или голеней” – в I группе также встречен в 3 случаях (8%) и в двух – во II (22%); V вариант – “одна рука согнута перед лицом или грудью, другая или направлена к коленям, или отставлена от корпуса под углом, близким к прямому” – трижды (8%) отмечен в группе I и один раз – в группе II (см. приложение 3).

– “Срубная” традиция располагать сосуд перед лицом или лбом погребенного встречена в семи погребениях I группы, что составляет 64% от погребений этой группы, содержащих глиняную посуду, и в пяти комплексах II группы (71%).

– При анализе культурной принадлежности обеих групп необходимо учитывать, помимо погребального обряда, и другие составляющие материальной культуры и, в первую очередь, керамику. Авторы приходят к тому заключению, что посуда из погребений имеет аналогии, в основном, в других культурах этого времени. Кроме того, они считают что “кобяковская культура являлась основным «донором», от которого население, оставившее погребения массивов I и II, заимствовало типы погребальной керамики” [Подобед и др. 2012, с. 209].

Считаю необходимым высказать ряд соображений по поводу керамики, найденной в погребениях, связываемых мною с отрадненской культурой.

Во-первых, в ряде случаев можно уверенно говорить, что заимствовались не сами сосуды, а морфология и, может быть, в некоторых случаях технология производства этих форм. Например, кубковидный сосуд из Аюты (рис. 1, 2). С другой стороны, в некоторых случаях возможно и прямое заимствование (импорт) отдельных форм. Сосуд из погребения Высочино V-29-9, может быть, действительно связан происхождением с памятниками финальной бронзы лесостепи [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 2, 1], но, с другой стороны, форма сосуда с жемчужинами и красновато-охристой поверхностью вполне соответствует описанию керамики с нурских стоянок [Агапов 1976 с. 121, рис. 15, 16; Качалова 1989, с. 41, 44, рис. 3]. Единственная аналогия кружковидному черпаку из погребения Кировский

I-3-6 происходит из погребения Михайловский 11-10 [Шарафутдинова 1988, с. 217-218, рис. 2, б]. Эти толстостенные сосуды с шероховатой серовато-желтой поверхностью практически идентичны формой и размерами. Единственное отличие кировского черпака – наличие прочерченного орнамента. Эти черпаки, представленные по одному экземпляру на Донском левобережье и в Закубанье, представляют собой изолированное явление. Но фактура нижнедонского экземпляра очень сильно отличается от фактуры керамики памятников финальной бронзы доно-предкавказских степей. Не исключено, что усечено-коническая баночка из погребения Западенский 1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3] была изготовлена за пределами рассматриваемой группы, в среде бондарихинской культуры. Об этом свидетельствует форма и пышность орнамента сосуда.

Второй момент связан с “донорством” кобяковской культуры.

А) Суждение о значимости этой культуры, точнее, ее нижнедонских памятников, далеко не всегда соответствует действительности. Кобяковские памятники на Нижнем Дону по своей материальной культуре резко отличаются от памятников местного автохтонного населения, особенно наличием богато орнаментированной столовой посуды, технологией домостроительства [Шарафутдинова 1980], погребальными традициями [Ларенок 2001], и т.д. Но не следует забывать, что кобяковские поселения на Правобережье низовий Дона – явление территориально ограниченное, представляющее собой небольшой анклав северокавказских переселенцев [Потапов 2012, с. 333-334]. Естественно, возможности культурного воздействия кобяковцев ограничивалось ближайшей округой.

Б) Ближайшая округа (правобережье низовий Дона и донская дельта) включает в себя поселения, где присутствуют материалы финальной бронзы: Мокрочалтырское [Ларенок 2000], Малаховский Ерик II [Прокофьев 2000; Коваленко 2006; Коваленко 2007], Бессергеновское (работы А.В. Кияшко в 1982 г.), Вареновка III (раскопки В.В. Потапова в 2007 г.), а также ряд погребений этого периода: Крест-17 (раскопки Р.В. Прокофьева), Хапры-1-13, 19, 20 [Беспалый 1991, с. 179-180, рис. 1, 2, 4, 5, 7, 8], Бессергеновка-1-2 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 2, 3, 4], Донской-6-9 [Шарафутдинова 1987, с. 29, рис. 2, 1-4], Западенский-1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3], Ливенцовский IV-1 [Отрощенко 2001, с. 187, рис. 37, 6-11], Кастырский VII-1-5 [Лукьяшко 1999, с. 49, рис. 35], Лакедемоновка I-4-4, Русский Колодец XVI-3-10 [Ильюков 1988, с. 70, рис. 19, 2, 3, с. 108, рис. 17, 8-12]. Ни в одном из перечисленных погребальных комплексов нет предметов, происхождение которых можно было бы уверено связывать с кобяковской культурой. То же самое можно сказать и о большинстве поселений. Под стеной финальнобронзового жилища б Мокрочалтырского поселения обнаружен роговой наконечник гарпуна, имеющий аналогии в Кобяково [Шарафутдинова 1980, с. 54, табл. XXXII, 12]. Но вряд ли эта находка может свидетельствовать о кобяковском культурном воздействии: такие гарпуны представлены в степной полосе как в финальнобронзовых, так в позднеархаичных и сабатиновских памятниках [Усачук 1996, с. 24; Усачук 1997, с. 176-177, рис. 1, 2, 3; Панковський 2005, с. 107, рис. 1, 5]. О возможном кобяковском влиянии мы можем говорить лишь применительно к поселению Малаховский Ерик II, на котором в ходе раскопок 1998 г. (48 м²) в двух небольших ямках найден набор кобяковских каменных грузил. Из материалов раскопок 2005/2006 гг. (330 м²) происходит несколько фрагментов сосудов с веревочным орнаментом и около десятка стенок с коническими или полусферическими налестками, что сближает эту керамику с кобяковской. Но, с другой стороны, и на этом поселении, единственном, где заметно кобяковское воздействие, и на других поселенческих и погребальных памятниках в пределах выделенной мною культуры, мы не находим ярких, характеризующих кобяковскую культуру пышно орнаментированных кубков и “кувшинов”.

В) Упомянутые же аналогии керамике из финальнобронзовых погребений, расположенных, как правило, достаточно далеко от памятников нижнедонского варианта кобяковской культуры, не только не относятся к числу наиболее типичных кобяковских сосудов, но нередко находят себе соответствия и в памятниках различных культур, имеющих

достаточно широкий географический и культурный диапазон. Это, прежде всего, относится к горшкам, однотипным найденному в погребении Батурицкий I-9-10 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 3], которые, помимо памятников кобяковской культуры [Шарафутдинова 1980, табл. I, 1, II, 11, VII, 12], известны и в Закубанье [Шарафутдинова 1988, с. 216-217, рис. 2, 4]. Мои оппоненты полагают, что признаком кобяковской керамики является уступ в месте перехода плечиков в горло [Подобед и др. 2012, с. 205, рис. 1, 1, 3, 7]. Действительно, такая деталь на посуде этой культуры представлена достаточно хорошо. Но не только там. Похожие уступы известны на керамике белозерской культуры [Черняков 1985, рис. 35, 4, 37, 1-3, 6, 7, 12, 18; Ванчугов 1990, с. 84; Ванчугов 1989, с. 61, рис. 4, 1-4, 6, 12, 13, 15; Отрощенко 1975, рис. 5, 1, 2], в памятниках финальной бронзы Казахстана [Варфоломеев 1987, с. 59, рис. 2; Ломан 1987, рис. 1, 1, 3; 2, 3, 5, 6; 3, 4; 5, 14]. Возможно, этот признак – наличие уступа – носит характер хронологический, нежели культурный. Миска из Барановки [Дворниченко 1989, с. 27, рис. 9, в] имеет аналогии не только в материалах кобяковских поселений, но и в белозерских [Ванчугов 1990, с. 71, рис. 19, 8, 22, 19, 20, 28, 3, 8-10]. Кружковидный черпак из погребения Батурицкий I-9-10, действительно, находит себе соответствия в материалах кобяковской культуры, но не нижнедонского варианта, а закубанского [Шарафутдинова Э. 1991, рис. 4, 11]. Но, вместе с тем, донецкие коллеги совершенно справедливо указали аналогии ему в белозерской и кизил-кобинской культурах [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 7]. Та же ситуация складывается и с кубком из Отрадного II-7-6 [Потапов 2000, с. 64, рис. 1, 3], который близок, как и батурицкий черпак, не только однотипным формам кобяковской столовой посуды, но и белозерской, и кизил-кобинской. Сосуд из Анапского I-2-3 [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 4], на мой взгляд, не совсем соответствует предложенной кобяковской аналогии [Шарафутдинова 1980, табл. XIX, 5] ни по форме, ни по размерам. Сомнительно и сопоставление орнаментов сосудов из погребения Ипатовский-11 [Кореневский 2007, с. 44, рис. 19, 5; Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 5] и из котлована землянки 3 Нижнегниловского поселения [Шарафутдинова 1980, с. 51, табл. XXII, 8]. Что касается кобяковских соответствий т.н. “кувшиновидным”¹¹ сосудам или (“кувшинам”, по Э.С. Шарафутдиновой), то эти формы морфологически не идентичны образцам из финальнобронзовых погребений, отличаясь пропорциями, формой деталей и т.д., хотя типологическая близость несомненна.

В-третьих, немаловажное значение имеет фактура глиняной посуды, в первую очередь, столовой. Она изготовлена из хорошо отмученного теста, чаще всего без видимых примесей. Черепок обычно тонкий, достаточно плотный. Можно выделить две разновидности столовой посуды. Первая – сравнительно тонкостенные сосуды, черепок в изломе нередко трехслойный, при этом внутренний слой серый или темно-серый. Поверхность заглажена или подлощена, цвет от серого до темно-серого, с оттенками желтого или коричневого. К этой разновидности относятся сосуды из погребений Отрадный II-7-6, Шахаевский II-2-11, Кастырский VII-1-5, Мартышкина балка-92, Южный 3-1, Ипатовский-10, Ипатовский-11, Батурицкий I-9-10 (черпак). Другая группа парадных сосудов отличается, как правило, черным цветом теста и серым или темно-серым цветом поверхности. Поверхность не залощена, но чаще всего заглажена, хотя и обработана она менее качественно, чем на сосудах предыдущей группы. К этой категории относятся сосуды из погребений Аюта I-1-16, Ипатовский-5, Анапский I-2-3. Отсюда следует, что, несмотря на очевидность культурной

¹¹ Термин “кувшины” или более осторожный “кувшиновидные сосуды” не кажется мне удачным. Кувшин это “высокий округлый сосуд с горлышком и *ручкой* (курсив мой – *В.П.*)” [Ожегов 2002, с. 317]. Более подходящим, хотя бы по морфологическим признакам представляется определение “кринки” – “Расширяющийся книзу удлиненный глиняный горшок для молока” [Ожегов 2002, с. 307], который может быть применен в нашем случае к сосудам из погребений Ипатовский-5, Анапский I-2-3, Шахаевский II-2-11. Типологию сосуда из погребения Ипатовский-10 лучше определить термином “корчажка”.

эклектичности столовых форм посуды, можно говорить о близкой технологии их изготовления и обработки поверхности.

И наконец, в-четвертых, в памятниках финальной бронзы степной части восточной Европы мы не находим убедительных аналогий корчажке из погребения Ипатово 3-2-10, а с кринками из погребений Шахаевский II-2-12, Ипатово 3-2-5 и Анапский I-2-3 сопоставим только сосуд из насыпи над погребением Подгорный 5-1 [Вальчак 1996, с. 30, рис. 5, 8; Мамонтов 1999, с. 52-53, рис. 4, 3]. Возможно, это те немногочисленные сосуды, которые характерны именно для анализируемого круга памятников. С ними типологически связаны формы керамики, получившие свое распространение уже в начале раннего железного века – в черноговровской культуре. Так, кринки выделены Н.А. Гаврилюк в особый тип предскифской посуды – “кувшины без ручек” [Гаврилюк 1979, с. 27-28, 37, рис. 5, 3-5; Гаврилюк 1996, с. 120, рис. 1-5]. Они несколько грубее отрадненских, но, несомненно, представляют варианты одного типа. Серия корчажек, близких ипатовской, была выделена в специфический черноговровский тип посуды [Дубовская 1985, с. 168-169, рис. 1, 2, 4].

Таким образом, сравнив еще раз материалы погребений I и II групп, можно четко проследить черты, их объединяющие: исключительно впускной характер погребений; сочетание положения на левом и правом боку при абсолютном доминировании левобочного положения; одни и те же варианты положения рук, включая и мало распространенные; наличие мясной напутственной пищи (костей животных); присутствие посуды в захоронениях обеих групп и расположение ее в большинстве случаев (в каждой из групп) перед лицом погребенного; расположение немногочисленных погребений II группы в пределах огромного региона очерченного комплексами, относящимися к I группе; несмотря на эклектичность керамического комплекса, посуда, нередко имеет объединяющие ее черты в фактуре и, очевидно, в технологических особенностях ее изготовления.

Отличия между этими группами ограничиваются некоторыми обрядовыми особенностями. Они заключаются в различной ориентировке скорченных погребенных, для II группы характерно некоторое преобладание сильноскорченных погребенных над умеренно скорченными, при отсутствии слабоскорченных покойников. Для первой группы заметна противоположная тенденция – к ослаблению степени скорченности: преобладают среднескорченные костяки, на втором месте – сильноскорченные и при существенной доле слабоскорченных.

Специфический набор инвентаря для I группы – ножи, украшения, кремь, нередко в сочетании с серой, полностью отсутствующий в захоронениях II группы, а для II группы основной и наиболее распространенной категорией погребального инвентаря был глиняный сосуд.

Мои оппоненты сравнив оба “массива”, приходят к выводу о их разнокультурности. Их аргументы заключаются в следующем:

– Совпадение территории распространения обоих массивов ограничивается участком левобережья низовий Дона от низовий р. Маныч до донского устья [Подобед и др. 2012, с. 212, рис. 3].

На территории, занимаемой памятниками, включенными мною в отрадненскую культуру, ареал распространения погребений II группы (массива II), действительно, образует лакуны и разрывы. Но, наверное, было бы странно, если бы было иначе. Из 65 погребений, группа скорченных на юг составляет 9, то есть 14%. При такой диспропорции обеих групп лакуны в ареале, очерченном более многочисленной группой, неизбежны. С другой стороны, нельзя не заметить, что погребения группы II в рамках очерченной территории, несмотря на то, что они действительно могут образовывать некие локальные группы погребений, не

располагаются в одном месте, а встречены на разных участках¹²:

1. Междуречье Дона и Кубани, ограниченное с северо-востока Западным Манычем, а с юго-востока руслом реки Егорлык – 6 погребений из 22 (27%);
2. Междуречье Калауса и Егорлыка – 1 погребение из 14 (7%);
3. Доно-манычское, сальско-манычское и доно-сальское междуречье (в нижнем и среднем течение рек Маныч и Сал) – 1 погребение из 10 (10%);
4. Район от Ергеней до нижнего течения Волги – 1 погребение из 6 (17%);
5. Прирусловая полоса правого берега Дона и северное побережье Таганрогского залива. Здесь находится 8 погребений, из которых два не включены ни в одну из групп, а остальные относятся к I группе¹³.

Таким образом, в процентном соотношении для каждого участка, доля погребений II группы колеблется в пределах от 7% до 27%, не очень сильно отличаясь от общего показателя. Важно и то, что большинство этих погребений, с одной стороны, тяготеют к локальным скоплениям финальнобронзовых погребений всех групп, а с другой стороны, пусть с лакунами и разрывами, но все же они охватывают большую часть ареала выделяемой мною отрадненской культуры. Эти погребения не образуют какого-либо самостоятельного скопления, значительно уступая в численности I группе, сосуществует с ней чересполосно. А разреженность их связана не только с малочисленностью, но и с неравномерной изученностью регионов.

– Отсутствие комплексов разных “массивов” в одном кургане или грунтовом могильнике [Подобед и др. 2012, с. 212].

Относительной малочисленностью погребений II группы объясняется и то, что они редко сочетаются с погребениями I группы в одних курганах. Но как часто вообще встречаются более одного финальнобронзового погребения в одном кургане или на грунтовом могильнике? Трижды: в кургане 2 могильника Ипатово 3 (10 погребений, включая одно II группы), курган у села Красногвардейское (2 погребения I группы) и грунтовой могильник Салок I (2 погребения I группы). И только в одном из трех случаев комплексы разных групп встречены в одной насыпи¹⁴. Но более значимым представляется тот факт, что они все же встречены в одном курганном комплексе – Большом Ипатовском кургане, и то, что погребение 10, относящееся ко II группе, вместе с девятью погребениями I группы образуют единый в стратиграфическом и в планиграфическом отношении могильник в пределах кургана [Кореневский 2007, с. 88], оставленный одной группой населения.

– Рассмотрев 5 факторов, которыми, по их мнению, может быть обусловлена многовариантность ориентировок погребенных, авторы ни один этих факторов не считают

¹² Единичные “пограничные” комплексы: Буйвола I-4-7, Садовый 2-19, Усть-Джегута 32-17, Тростянка 8-1, удаленные от основных территориальных групп погребений, я не включал в подсчеты по участкам.

¹³ Вместе с тем, одно разрушенное погребение категории “вне группы” – Кастырский VII-1-5, скорее всего, первоначально содержало костяк, ориентированный черепом к югу. Об этом свидетельствует расположение сосуда и костей животного по отношению к фрагментам черепа. К сожалению, отнести это погребение ко II группе со стопроцентной вероятностью нельзя.

Погребение с южной ориентировкой из поселения Безыменное II я относил к отрадненской культуре. Не исключаю такую атрибуцию и сейчас. Но поскольку этот комплекс отнесен моими коллегами к памятникам финальной бронзы Украины (ФБУ) [Подобед и др. 2012, с. 217], а В.А. Ромашко связывает его со степным вариантом богуславско-белозерской культуры [Ромашко 2013, с. 158], в данной работе я не включил его в список анализируемых погребений.

¹⁴ Притом, что соотношение численности I группы ко II составляет 16 : 3, это неплохой результат. Следует учитывать и курганные могильники, где количество погребений финальной бронзы более одного: Койсуг (2 погребения – одно I группы и одно – вне групп), Отрадный II (4 погребения – одно I группы, остальные II-й), Южный (2 погребения I группы), Северный II (3 погребения – одно погребение II группы, остальные I-й).

подходящим для отрадненской культуры [Подобед и др. 2012, с. 209-212].

Механизм и причины распространения южной ориентировки в финальную бронзу вряд ли могут быть объяснены одними лишь методами археологического исследования. Факты состоят в следующем: именно с этой эпохи появляется и во многих культурах и группах доминирует ориентировка погребенных головой в южный сектор. Помимо белозерской культуры, положение погребенных головой в южном с отклонениями направлении распространено в кобяковской культуре [Ларенок 2001, с. 24], в Поволжье и на Дону, в это же время появляются несколько вытянутых и ориентированных на юг погребений, связанных происхождением, по моему мнению, с маклашеевской культурой [Потапов 2002, с. 213-218]. Самостоятельную, по отношению к массиву II, группу представляют собой погребения со скорченными на боку и ориентированными на юг костяками из Петровского Городка, кургана 15 могильника Быково I и Утевки (см. выше), которые, скорее всего, связаны с поздним (кайбельско-танавским по Н.М. Малову [Малов 1987]) этапом хвалынской культуры валиковой керамики¹⁵. Кроме того, очевидно, что, в восточноевропейской степи ориентировка покойников на юг, как для белозерской, где она получила наибольшее распространение, так и для поздневаликовой среды Дона и Поволжья – явная новация, не имеющая корней в предшествующих культурах и культурных группах. Восточнее Доно-Волжского региона в это время тоже распространена южная ориентировка, и мои коллеги-оппоненты обращаются к этим памятникам, усматривая истоки южной ориентировки именно в этих регионах – южносибирском, южноуральском, в Зауралье, Северном Казахстане и т.д. Те изменения, которые археологически фиксируются фактически лишь в ориентировке погребенных, в этот период распространяются по большей части степного/лесостепного пояса Евразии и в данном случае не так уж и важно, откуда, с запада или востока, эта традиция приходит. Важно то, что она распространяется и воспринимается людьми на обширной территории, и достаточно быстро. И именно такое появление южной ориентировки на огромной территории можно отнести к области надкультурных проявлений. Ниже я постараюсь подробнее рассмотреть причины этого явления.

Сейчас же можно констатировать, что отличия между группами/массивами, намеченные моими оппонентами, не критичны.

Оценивая степень сходства и отличий, я возвращаюсь к той идее, которая была озвучена мною в ряде работ и подробно освещена в диссертации – о существовании *двух обрядовых групп (ОГ), в рамках единой отрадненской культуры* [Потапов 2010, с. 15]. Основные черты погребального обряда, локализация обеих обрядовых групп в рамках одного ареала, специфика керамики позволяют это утверждать. Отличия же в ориентировке погребенных и наборе сопроводительного инвентаря позволяют выделить устойчивые обрядовые группы, наличие которых, по моему мнению, является одной из главных черт отрадненской культуры.

Мои оппоненты, рассматривая группы в качестве отдельных культур, предлагают их различную культурную атрибуцию [Подобед и др. 2012, с. 212]. Оставляя наименование “отрадненская культура” за погребениями II группы, они связывают их происхождение с миграцией южноуральского саргаринского населения на запад, а появление этих погребений на Дону и Степном Предкавказье объясняется южным ответвлением от т.н. “саргаринского потока” [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. Предложенная гипотеза заслуживает, с одной стороны, самого пристального внимания, но с другой – более надежной аргументации. Прежде всего, возникает вопрос: почему из всего погребального обряда переселенцев-саргаринцев им удалось сохранить только одну черту – южную ориентировку? Нет основных захоронений, каменных погребальных конструкций, известных в саргаринских погребальных

¹⁵ Говоря о сходстве погребений из Быково I с погребениями “II-го массива”, коллеги отмечают и серьезные отличия, связанные с набором погребального инвентаря и тем, что над этими погребениями была возведена индивидуальная насыпь [Подобед и др. 2012, с. 228].

памятниках Приуралья и Казахстана. Нет связанных с погребениями II группы характерных саргаринских сосудов [Зданович 1984]. При сравнении групп I и II отмечается, что “принципиальное различие между погребениями данных массивов заключается в том, что в массиве I высок удельный вес сосудов с орнаментом, причем орнамент относительно сложен, тогда как в массиве II орнаментирован лишь 1 сосуд и его орнамент предельно прост” [Подобед 2013, с. 209]. С другой стороны, С.Я. Зданович, касаясь орнаментации саргаринской посуды, говорит о том, что неорнаментированная посуда составляет в среднем всего 32% от общего числа [Зданович 1984, с. 87], то есть и саргаринская традиция орнаментации большей части посуды не прослеживается во II группе. Отметим еще один момент. На р. Смела – левом притоке Западного Маныча – в могильнике Отрадный II найдены четыре погребения. Три из них (Отрадный II-4-1, Отрадный II-7-6, Отрадный II-15-8) относятся ко II группе (с южной ориентировкой) [Потапов 2000, с. 62-64, рис. 1], одно погребение (Отрадный II-23-2) – к I группе¹⁶. Здесь же был исследован небольшой (21 м²) участок восточной окраины поселения, к которому, очевидно, и были приурочены упомянутые выше четыре погребения. Происходящая из раскопа керамика не демонстрирует нам каких-либо исключительно саргаринских черт. Те признаки, которые встречаются восточнее Подонья и более употребительны именно там¹⁷, все же носят в рамках восточного блока ОКВК надкультурный характер и выступают скорее в роли хронологического маркера не только для поселений Нижнего Дона, но и Северо-Восточного Приазовья и восточнукраинской степи, начиная с позднесрубного времени [Горбов 1995, с. 62, 63; Горбов 1996, с. 14, 17, 19; Кабанова 1996, с. 45,46].

Дополнительным аргументом в пользу переселения южноуральских саргаринцев являются находки керамики, связываемой с саргаринской культурой, происходящие из Восточной Украины [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в работе Я.П. Гершковича [Гершкович 1998, с. 75-78]. По его мнению, в Восточной Украине, к началу “белозерского” периода на поселениях появляются группы керамики западного (позднесабатиновского), восточного и северо-восточного (малобудковско-бондарихинского) происхождения. Восточная группа – это керамика “поволжско-уральско-казахстанского происхождения”, по Я.П. Гершковичу [Гершкович 1998, с. 75], которую он представляет как многокомпонентную, сопоставимую с разнокультурными керамическими комплексами: черкаскульским, межовским, тазабагьябским, федоровским, саргаринско-алексеевским, хвальнским и сусканским [Гершкович 1998, с. 75-76]. Иными словами, исследователь не считал возможным выделить конкретное культурное образование, с которым можно связать появление керамики восточной группы, с одной стороны, а с другой, на что указывают сравнительные колонки керамики восточного облика из Днепро-Донецкого региона и их поволжско-уральско-казахстанских аналогий [Гершкович 1998, рис. 11, 12], рассматривает это воздействие не как узконаправленное, исходящее из одного культурного источника, а как широкое влияние на Днепро-Донецкий регион восточного блока ОКВК.

Каков же характер этого воздействия? Конечно, самой логичной и самой вероятной является миграционная гипотеза, предложенная моими оппонентами. Их реконструкция событий состоит в следующем: из южного Приуралья носители саргаринской культуры переселяются в западном направлении, по-видимому, в тот регион, где фиксируются находки “восточной” керамики от Подонья и Приазовья до низовий Днепра. От этого “генерального” направления отделяется еще одна линия миграции в южном направлении (на левобережье Дона?), которая и является основой II группы (“Отраденской культуры”). Эта

¹⁶ Отнесение этого погребения к I группе на основании промежуточной, юго-восточной, ориентировки может носить формальный характер.

¹⁷ Орнаментация сосудов или валиков на сосудах “косыми крестами”, “косыми сетками”, воротничками под устьем, использование зубчатого штампа.

линия миграции оставляет погребения с мультикультурной (но не “восточной”) керамикой и южной ориентировкой скорченных покойников. Отличие основной линии миграции заключается в том, что ее следы фиксируются в виде находок керамики на поселениях, но нет никаких погребальных памятников с южной ориентировкой погребенных, и тем более с соответствующей керамикой в могилах [Подобед и др. 2012, с. 227-228].

На мой взгляд, возможны два варианта интерпретации событий.

1. Действительно, имела место миграция, но не локального характера, что вполне объяснимо исходя из фактора миграционной трансформации [Клейн 2013, с. 262-264]. Из исходной территории миграции в ее конечной точке фиксируются лишь глиняная посуда с характерной орнаментацией. Керамика, включая ее морфологию, орнаментацию и технологию, наряду с погребальным обрядом, признается многими исследователями “этническим маркером” (см.: [Клейн 2013, с. 262]). Миграции различного типа на территорию, занимаемую ранее срубными племенами, хорошо фиксируются археологически. Это расселение в финальную бронзу носителей бондарихинской культуры в южные районы лесостепи и пограничье степи и лесостепи Подонья и Подонцовья, где они, по одной версии, сосуществовали со срубными и постсрубными племенами в лесостепи на протяжении финальной бронзы [Берестнев 1994, с. 137; Горбов 1998, с. 69-77; Дубинец 2003, с. 278-287], а по другой, срубное население исчезает с приходом в лесостепь и степь бондарихинцев [Буйнов 1994, с. 7; Буйнов 2001, с. 220-223; Ромашко 1995, с. 74-76; Синюк 1996, с. 253-257], что, впрочем, не исключает их сосуществования со срубниками на начальном этапе [Ромашко 1998, с. 89-90; Буйнов 2001, с. 223; Мельников 2002, с. 118-119] и участие их в сложении бондарихинской культуры [Воловик 1996, с. 24-25, 28; Буйнов 2001, с. 223]. В лесостепном Поволжье в период, синхронизируемый с развитой сабашиновской культурой, взаимодействие срубного и сусканского населения “носило, скорее всего, характер постепенного вытеснения или культурной ассимиляции срубников сусканскими племенами, стремительно осваивавшими лесостепное Волго-Камье” [Колев 2000, с. 250]. Позднее сусканская культура сменяется здесь атабаевской [Колев 2000, с. 250-251], а затем, в эпоху финальной бронзы, здесь утверждается маклашеевская культура [Колев 2000, с. 257-259], имеющая явно экспансионистский характер. Представители этой культуры проникают достаточно далеко на юг, оставляя свои следы в материалах поселений [Хреков 2003, с. 108-111, рис. 9-13]; с ними же, очевидно, связана небольшая серия разрозненных погребальных комплексов, открытых в Поволжье [Потапов 2002] и Подонье [Беспалый 1991, с. 179-180, рис. 1; 2, 4, 5, 7, 8], которые содержали погребенных, вытянутых на спине и ориентированных головой к югу. Эта миграция по своему типу отличается от описанных выше. Предыдущий тип представляет собой переселение (расселение на чужую территорию) с вытеснением и ассимиляцией автохтонов. В случае же переселения маклашеевцев на юг, мы, со всей очевидностью, имеем дело с инфильтрацией [Клейн 2013, с. 273-274]. Об этом свидетельствуют наличие на прихоперских поселениях синкретических марьяновско-маклашеевских комплексов [Хреков 2003, с. 111-113, рис. 9-13], разрозненность погребений, присутствие в них предметов волго-камского происхождения, включая керамическую посуду [Гуренко 1996]. Три погребения в кургане 1 на станции Хапры ранее я связывал с кобяковской культурой, поскольку они располагались у Хапровского поселения кобяковской культуры и были ему синхронны [Потапов 1993, с. 218-220]. После открытия финальнобронзового некрополя Кобяковского городища [Ларенок 2002, с. 24-25], состоявшего из 26 погребений, содержавших скорченные и ориентированные большей частью в южный сектор костяки, я акцентировал внимание на общие черты этих двух могильников: рядная планировка могил, наличие каменных закладов, зачастую в виде набросок не крупных камней, остатки тризн в закладах в виде фрагментов костей животных и керамической посуды [Потапов 2010б, с. 20]. Открытие еще одного подобного комплекса на могильнике “Крест”, расположенном в дельте Дона, заставило меня поверить в присутствие маклашеевских переселенцев не только в Поволжье, но и на Дону, и связать с ними

хапровские могилы¹⁸. Тем не менее, черты кобяковского погребального обряда в этих комплексах присутствуют. Наиболее вероятное объяснение – совместное проживание этих людей с кобяковцами на Хапровском поселении. После их смерти они были похоронены “односельчанами” с соблюдением основных погребальных традиций мигрантов (вытянутое положение и южная ориентировка¹⁹), а “второстепенные” детали захоронения (заклад-наброска, остатки тризны в камнях заклада, возможно, рядная планировка) были оформлены в соответствии с правилами, принятыми у кобяковцев. Впрочем, это только гипотеза, но синкретизм двух обрядовых традиций несомненен, что подтверждает характер этой миграции как инфильтрации небольших групп людей. Ну и, наконец, появление самих кобяковцев на Дону – тоже результат миграции. Здесь мы наблюдаем ту разновидность миграции, которая у Л.С. Клейна определена как “дальнее переселение фракции народа” в ее компоненте “эмиграция частичная с разделением (отпочкование колонии)”, когда памятники культуры прослеживаются в новом ареале при сохранении их в старом [Клейн 2013, с. 279, рис. 73]. В нашем случае кобяковцы, переселяются из Закубанья, основывая в дельте Дона свой анклав [Потапов 2012, с. 325-343].

Какого же рода миграция была осуществлена носителями поволжско-приуральско-казахстанской керамики (по Я.П. Гершковичу) или южноуральскими саргаринцами (по В.А. Подобеду, А.Н. Усачуку, В.В. Цимиданову)? Мы не можем говорить ни о переселении с вытеснением и ассимиляцией автохтонов, ни о переселении/эмиграции с созданием колоний/анклавов. Ближе всего рассматриваемой ситуации соответствует инфильтрация, подобная маклашеевской. Однако и здесь нет полного соответствия. Отличия в отсутствии погребений, привязанных к основному (западному) потоку, с одной стороны, а с другой – в случае рассмотрения в качестве саргаринских/восточных по происхождению погребений II группы, отсутствие в них или приуроченным к ним поселенческим комплексам саргаринских находок, прежде всего, керамики. При допущении версии о существовании инфильтрации восточного населения, в западном потоке миграции, мы можем увидеть подтверждение этому в присутствии в находках инородной (“саргаринской”) керамики на поселениях местного населения. Эти вкрапления восточной керамики, могли оставить мигранты, жившие чересполосно с автохтонами, или же останавливавшиеся в их поселках. Что же касается погребений, то упоминавшаяся уже миграционная трансформация могла сказаться и на погребальном обряде, могли быть восприняты местные погребальные традиции, особенно, если процесс инфильтрации происходил не в короткие сроки, как у маклашеевцев, а был растянут во времени. Я.П. Гершкович в группу керамики поволжско-приуральско-казахстанского происхождения включает элементы диахронных или растянутых во времени культур: саргаринско-алексеевской и федоровской, хвалынской и сусканской, и т.д. [Гершкович 1998, с. 75-76]. В Приазовье керамика, близкая саргаринской, фиксируется в комплексах, относящихся к V (белозерскому) горизонту на поселениях Безыменное II²⁰ [Горбов 1995, с. 63, рис. 3, 9, 10] и Камышеватая XIV [Горбов 2011, с. 50, рис. 1, 3, 8]. Следы контактов с восточными культурами (хвалынской и/или саргаринской) отмечаются уже в предыдущем IV (позднесабатиновском) горизонте [Горбов 1996, с. 14], но здесь это те черты надкультурного характера, о которые я уже упоминал. Но, тем не менее, появление керамики саргаринского облика в этот период фиксируется на поселении Ляпинская балка в Приазовье, где в одном комплексе, синхронном IV хронологическому горизонту В.Н. Горбова, были найдены фрагменты саргаринского и федоровского сосудов

¹⁸ Доклад “Погребение эпохи финальной бронзы из могильника «Крест», в дельте Дона (К вопросу о межкультурных контактах в период финальной бронзы на территории южнорусской степи)”, прочитанный 8 декабря 2011 г. на международной конференции “Die kultur- und naturräumliche Entwicklung des Dondelta” /Берлин, DAI/.

¹⁹ В погребениях степных “маклашеевцев” диапазон отклонений от ориентировки “строго на юг” гораздо меньше, нежели у погребенных на Кобяковском некрополе.

²⁰ Где она отличается от местной и по технологии обработки поверхности [Горбов 1996, с. 17].

[Горбов 1995, с. 58, рис. 2, 4, 14]. Таким образом, если допустить появление восточной (саргаринской) керамики в результате инфильтрации населения (а полностью исключить появление ее в результате культурного или торгового обмена нельзя), то этот процесс был достаточно длительным, и его вектор был направлен в Подонцовье, Приазовье и Поднепровье, а возможно и далее на запад.

2. Можно ли проследить аналогичным образом следы миграции восточного населения в районы левобережья Дона, Предкавказья и нижневолжского Правобережья, где обнаружены погребения II группы? Можно ли отсутствие яркого этнического показателя – характерной орнаментированной лепной посуды – заменить погребальным обрядом, а точнее его единственным параметром – южной ориентировкой? Следует признать, что пока данных для такого вывода недостаточно.

В этом случае остается нерешенным вопрос: откуда здесь появляются погребения с южной ориентировкой, не имеющей местных корней? Прежде всего, такая ситуация сложилась не только для нашей II группы, но и для других культур и групп, большая часть которых перечислена в исследовании В.А. Подобед, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. В конце бронзового века южная ориентировка распространяется от Приобья до Дуная, и, как и в нашем случае, в местах локализации этих культур для такой ориентировки отсутствуют местные корни. Исключение – ирменская культура. Для этой культуры характерно преобладание положение погребенных скорченными на правый бок и ориентировка их в южный сектор с отклонениями [Молодин 1985, с. 134; Степаненко 2012, с. 19, 22]. Одним из основных субстратов формирования этой культуры является позднеандроновская (федоровская) культура [Молодин 1985, с. 140]. Особенностью западносибирского варианта последней является абсолютное доминирование ингумации над кремацией, а также относительное преобладание юго-западной ориентировки [Молодин 1985, с. 105, 110, рис. 55, 1, 2, 4; 56, 6; Троицкая 1990, с. 63-65], при наличии западной [Молодин 1985, рис. 55, 8; 57, 5] и северо-восточной [Молодин 1985, рис. 56, 4]. Возможно, истоки южной ориентировки ирменских покойников лежат как раз в этом, федоровском, пласте. В ирменской культуре ориентировка в южный сектор становится абсолютно доминирующей – преобладает юго-западное направление, достаточно широко распространена ориентировка строго на юг, и присутствует юго-восточная [Степаненко 2012, с. 19, 22]. Ирменская культура – самая восточная культура, где столь широкое распространение получает ориентировка умерших в южном направлении, и, вполне вероятно, именно отсюда она распространяется на запад в качестве элемента погребального обряда. Похожая ситуация сложилась и в Центральном Казахстане – в позднеандроновское время широко распространяется юго-западная ориентировка и преобладает положение умерших на левом боку, а в финальную бронзу известны погребения с южной (с отклонениями) ориентировкой [Ткачев 2002, с. 77-78, 91, 117, 119, 134, 137]. Но, в отличие от ирменской культуры, насчитывающей 947 погребений [Степаненко 2012, с. 6], саргаринские погребения Центрального Казахстана с сохранившимися костяками единичны. Мы не можем достоверно установить, заимствовались ли у ирменцев (и/или саргаринцев) другие черты погребального обряда, такие, как доминирование правобочного положения, преимущественно основное положение в курганах, и т.д., или же они приобретались там, где они присутствуют, от других (субстратных?) источников, что, впрочем, для поставленной задачи не имеет принципиального значения. Важно то, что через цепь культур традиция ориентировки погребенных в южный сектор в сильно ослабленном виде достигает Нижнего Дона. Мои оппоненты обратили внимание на то обстоятельство, что “типичные по обряду и инвентарю белозерские захоронения в южной полосе степей почти отсутствуют восточнее р. Молочная. В Северо-Восточном Приазовье их нет” [Подобед и др. 2012, с. 225]. В действительности нельзя сказать, что здесь, в Подонье, находится западный рубеж распространения этой традиции. Но как тогда объяснить появление южной ориентировки в белозерской культуре, в регионе, где такая ориентировка опять же не имеет местных корней?

Более того, погребения кобьяковской культуры, истоки которой лежат на Северо-Западном Кавказе, и в большинстве случаев содержавшие останки погребенных, ориентированных к югу, не могли быть оставленными восточными мигрантами. Не стоит забывать и о небольшой группе “маклашеевцев” в степях Дона и Волги. Умерших в этих погребениях укладывали на спину, что соответствует обряду на исходной территории [Чижевский 2008, с. 16]. В Волго-Камье встречается и южная с отклонениями ориентировка, но, по свидетельству А.А. Чижевского, наибольшей популярностью пользовалось западное направление²¹. Но степные погребения маклашеевских мигрантов содержат костяки, ориентированные исключительно в южном направлении с минимальными отклонениями. Вряд ли эту традицию, получившую распространение в погребальном обряде белозерского, кобьяковского и степного “маклашеевского” населения, можно связать с миграциями из южно-уральского или западносибирского регионов. Скорее всего, мы имеем дело с распространением некоего нового культа, новой религиозной идеологии, отразившейся и на погребальном обряде в виде изменения ориентировки погребенных. Такое распространение не обязательно должно сопровождаться миграциями населения – носителей нового культа. Этим, по-видимому, объясняются достаточно быстрое распространение традиции такого ориентирования на огромной территории, лакуны между “южноориентированными” культурами/группами и использование в одних и тех же обществах/культурах, помимо южной, других направлений ориентации покойников, сравнительно легкой и, практически, мгновенный отказ от нее при кардинальных социальных, хозяйственных и военно-политических изменениях в начале эпохи раннего железного века.

Выше я уже говорил, что южная ориентировка распространяется с востока на запад. Но нельзя исключать и другие варианты. Ориентировку покойников головой к югу воспринимает население Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, и она становится одним из характерных признаков финальнобронзовой белозерской культуры, самой западной культурой, воспринявшей такую ориентировку. Эта яркая культура, до сих пор остающаяся маркером финальной бронзы восточноевропейской степи, с относительно многочисленным населением, по мнению некоторых исследователей, играла заметную военно-политическую и экспансионистскую роль в регионе [Дараган 2010, с. 118-122; Кашуба 2011, с. 66-67; Ромашко 2013, с. 239-242]. Вполне возможно, что на территории Степного Подонья и Предкавказья появление южной ориентировки покойников в погребениях II группы связано не с прямым восточным воздействием, а уже с западным, белозерским, импульсом. Тем более, что отчетливо прослеживаются параллели в некоторых категориях находок – посуда, бронзовые ножи, некоторые типы украшений и костяных изделий.

Впрочем, однозначно решить вопрос об источнике такой ориентировки для рассматриваемого региона при современном состоянии источниковой базы не представляется возможным. Очевидным представляется лишь то обстоятельство, что, несмотря на серию миграций в период, синхронный сабатиновской культуре или ранней фазе общности КВК [Черных 1983, с. 95], появление южной ориентировки погребенных на Дону и в Предкавказье не связано с каким-либо переселением, а обусловлено распространением новых для региона религиозно-культурных норм.

В представленной работе отмечается сходство позднесрубных погребений Дона и Предкавказья с комплексами группы I, позволяющее авторам отнести их к единой культуре – срубной, прослеживаемое по ряду признаков [Подобед и др. 2012, с. 221]:

1. “Большинство позднесрубных погребений (95,4%) демонстрирует ориентировку умерших в интервале 45-135°, которая присуща захоронениям массива ФБ(I)²²”, при этом,

²¹ Представление о традиционном положении маклашеевских погребенных головой к реке [Халиков 1969, с. 296, 297] является ошибочным [Чижевский 2008, с. 16].

²² Этим термином авторами обозначена группа/массив I, начиная с того момента, когда считают доказанной разнотипность групп I и II.

говоря о различиях, авторы отмечают, что восточная ориентировка в наибольшей степени характерна именно для группы позднеархаичных погребений, а “в массиве ФБ(І) чаще, чем она, встречается ориентировка на юго-восток”, что частично дезавуирует первое утверждение. Однако, по моим подсчетам, восточная ориентировка погребенных в рассматриваемой группе встречается, пусть и в относительном, но все же в большинстве захоронений группы – 20 погребений (41,5%). Юго-восточная ориентировка составляет 16 погребений (33,5%). На третьем месте (12 комплексов – 25%) – северо-восточная ориентировка. Восточная ориентировка перестает быть доминирующей, а другие варианты характеризуют более половины погребений рассматриваемой группы.

2. “В обоих массивах господствующим является положение умерших на левом боку”. Это действительно так: в І ОГ, рассматриваемой моими коллегами как массив ФБ(І), эта доля, по моим расчетам, составляет 83,3%, а в предшествующем позднеархаичном массиве она, насколько можно судить по таблице 6 [Подобед и др. 2012, с. 237, табл. 6], немногим выше – 85,8%.

3. “В обоих массивах чаще всего встречается сильная скорченность погребенных”. Заметна, в сравнении с данными из той же таблицы 6, и динамика изменения скорченности в финальноархаичную эпоху: доля позднеархаичных погребений с сильноискорченными костяками на Дону и в Предкавказье 82,4%, а в І ОГ таких 33,3%²³, соотношение средней скорченности, соответственно, составляет 16,1% : 39,6%, а слабой 1,6% : 20,8%. Совершенно очевидно несовпадение по этому показателю между позднеархаичным массивом и финальноархаичной группой І. И уж тем более неприменимо к последней группе абсолютно верное для первой утверждение о том, что сильная скорченность встречается “чаще всего”. Очевидным есть преобладание средней скорченности, при значительной доле слабой, а сильная степень скорченности характеризует треть погребений.

4. “В обоих массивах встречаются различные варианты положения рук погребенных, но при этом набор вариантов почти совпадает. Лишь положение рук, при котором они согнуты в локтях под углом, близким к прямому, и направлены кистями в противоположные стороны, в массиве ФБ(І) нам неизвестно. Впрочем, в массиве позднеархаичных погребений данное положение рук встречается крайне редко.

5. В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом и направлены кистями к голове”.

Очевидно, что, как и в предыдущих случаях, совпадение тех или иных показателей не столь важно, как частота их применения. Обратимся только к преобладающему положению рук (І вариант по предложенной мною классификации). В доле соотношения этот обряд встречается в два раза реже, чем в позднеархаичном массиве, и составляет 34% : 77,1%.

Все эти мои замечания в том или ином виде отражены в той части статьи моих коллег, где говорится о различиях между погребениями позднеархаичными и отнесенными к группе І, но, тем не менее, авторы, объясняя их “деформацией погребального обряда”, все же считают эти два диахронных массива однокультурными [Подобед и др. 2012, с. 221-222].

Представляется необходимым при определении культурной принадлежности той или иной группы, помимо приведенных выше параметров, касающихся ориентации в пространстве, основных и второстепенных деталей положения погребенных, учитывать и предметы, сопровождавшие покойного: и как элемент погребального обряда, и, нередко, как самостоятельный культурнообразующий признак.

Погребения І группы отличаются от позднеархаичного массива более разнообразным инвентарем. Присутствие керамики объединяет оба массива, но если почти каждое непотревоженное позднеархаичное погребение сопровождалось сосудом, то в группе І керамикой сопровождалась немногим более четверти погребений – 11 (27,5%). Другой,

²³ Доля вычисляется здесь не от количества погребений, где удалось установить степень скорченности, а от численности всех погребений группы І.

получившей широкое распространение в I группе, категорией погребального инвентаря являются бронзовые ножи, встреченные в каждом третьем погребении, тогда как о доле их в срубном массиве дают представление подсчеты В.В. Цимиданова – 1,8% [Цимиданов 2004, табл. 20]. В 28 погребениях группы I (58,3%) найдены различные украшения, в то время как в срубных могилах они сопровождают 2,2% погребений [Цимиданов 2004, с. 54, табл. 20]. Значительно возросло в финальную бронзу использование в погребальном ритуале кремня: если, по сведениям В.В. Цимиданова, в Донецко-Днепровском регионе, кремень встречен в 0,7% погребений²⁴ [Цимиданов 2004, с. 55-56, табл. 20], то 9 погребений с кремнем группы I составляют 18,75%. Нередко вместе с кремнем помещалась и сера, что, насколько мне известно, не зафиксировано в срубных могилах. Увеличивается и доля погребений, сопровождавшихся мясной напутственной пищей с 2,5% в Ростовской обл. [Цимиданов 2004, с. 49, табл. 10] до 23% в I ОГ отрадненской культуры. Итак, очевидно радикальное изменение финальнобронзового погребального комплекса, принадлежащего I обрядовой группе, по отношению к предшествующему позднесрубному не только в части размещения умершего, но и в части наполнения этого комплекса. Все это явно не деформация погребального обряда, а фактически трансформация его в новую форму, сохраняющую некоторые элементы, свидетельствующие о связи со старыми погребальными традициями. Невозможно отнести к одной культуре группу погребений с унифицированным обрядом, при котором погребенные уложены на левый бок сильно скорченно, головой к востоку, сопровождавшееся одним, реже двумя сосудами, где отклонение ориентировки к югу или северу, ослабление скорченности, появление в комплексе ножа, украшений, кремня являются нечастыми явлениями и их должно рассматривать как отклонение от нормы; и группу захоронений, где при распространенной восточной ориентировке, погребения с умершими, положенными на юго-восток и северо-восток, преобладают, наиболее распространена средняя степень скорченности и не редка слабая, а сильно скорченные погребенные встречены лишь в трети погребений, сосуд ставится лишь в каждую четвертую могилу, зато могилы с украшениями составляют около 3/5 всех комплексов, ножи в каждой третьей могиле, а кремень почти в каждой пятой и т.д.

Кроме того, резко меняется керамический набор в погребениях. В позднесрубных погребениях помещалась керамика характерных и устоявшихся форм: баночные или острореберные сосуды, реже горшки. В финальную бронзу, как в группе I, так и в группе II, керамический комплекс кардинально меняется – он становится морфологически и типологически разнообразен, приобретает культурную эклектичность, о чем уже говорилось выше, “старые”, позднесрубные, формы практически исчезли. В качестве одного из маркеров выделенной отрадненской культуры, я предложил использовать пластинчатые металлические височные кольца, происходящие из 13 погребений I группы [Потапов 2010а, с. 156-157]²⁵, которые не имеют себе аналогов в предшествующих позднесрубных памятниках, в которых, к тому же, височные кольца использовались лишь эпизодически [Цимиданов 2004, с. 54]. Следует заметить, что и керамика и височные кольца в погребениях отрадненской культуры (в моей трактовке – *В.П.*), имея внешний источник происхождения, изготавливались все же в местной среде, во всяком случае, большая их часть. Нередко, они несут в себе отличия от оригиналов, связанные с технологией производства, эстетическими представлениями и т.д. Среди получивших в это время широкое распространение на Дону и

²⁴ Вряд ли эта цифра будет принципиально отличаться от доли погребений с кремнем доно-предкавказского позднесрубного массива. Так, например, в аналитической статье Э.С. Шарафутдиновой, вышедшей в 1985 г., доля погребений с кремнем в этом массиве составляет 1% [Шарафутдинова 1985, с. 158].

²⁵ В данной заметке следует отметить два аспекта: 1) хронологический – обоснование датировки периодом финальной бронзы пластинчатых височных колец и 2) культуuroобразующий. Мои оппоненты ссылаются только на хронологическую составляющую этой работы [Подобед и др. 2012, с. 216, 223].

в Предкавказье ножей-кинжальчиков с параллельными лезвиями выделяется один вариант, характерный только для этого региона. Это экземпляры, сопоставимые с типом Н-22 по Е.Н. Черныху – с широким ребром по клинку, переходящим в черешок [Черных 1976, с. 117, табл. XXXV, 11-14], отличающиеся от него тем, что вместо ребра посередине клинка по всей его длине проходит грань (Северный П-10-4, Крепинский I-18-9; Криволиманский Ш-3-1), или же до середины длины клинка (от острия) проходит ребро, а дальше (от середины до черешка) – грань. Нож первой разновидности, помимо перечисленных находок, найден в слое Кобяковского поселения [Шарафутдинова 1980, с. 62, табл. XXXIII, 20], а второй – в погребении Михайловский 11-10 [Шарафутдинова 1988, с. 218, рис. 2, 7, 3].

Таким образом, вполне обосновано выделение в отдельную “отрадненскую” культуру погребений I группы, присоединение к ней погребений, включенных во II группу, которые в дальнейшем можно рассматривать в качестве обрядовых групп.

Авторы дискуссионной статьи, касаясь принципа выделения археологических культур, замечают, что в случае признания того, что “важнейшим признаком археологической культуры является более-менее стандартизированный погребальный обряд”, придется разбить на отдельные культуры те из них, в основу периодизации которых положены изменения погребальной обрядности, приводя в пример днепро-донскую бабинскую культуру [Подобед и др. 2012, с. 224]. На самом деле, вряд ли этапы выделяются на основании только деталей погребального обряда, скорее всего, используется сопряженность признаков. Например, с изменяющейся морфологией костяных “пряжек”, как в случае с бабинской культурой. Непонятна еще и убежденность в том, что генетическая преемственность обуславливает и принадлежность к одной археологической культуре. Да, она весьма значима, тем более, что в тех случаях, где она (преемственность) прослеживается археологически, это отражается на составляющих археологической культуры – погребальном обряде, типологии вещей, традициях домостроительства и т.д. Но важно оценивать эти переходящие признаки в зависимости от степени их значимости, распространенности и изменчивости. Если же мы берем, например, наличие в двух группах совпадающих признаков: курганный обряд и впускной характер погребений, восточную ориентировку погребенных, скорченную позу, положение на левом боку, сходные варианты положения рук, положение в могилу сосуда, костей животных, почему мы останавливаемся на отнесении к срубной культуре только финальнобронзовых памятников? По тем же самым признакам к срубным может быть следует отнести и памятники черногоровской культуры, которые, по моему убеждению, генетически связаны с отрадненской культурой [Потапов 2010б]?

В исследовании моих коллег много внимания уделено культурной атрибуции погребальных памятников финальной бронзы Левобережной Украины [Подобед и др. 2012, с. 213-225]. Годными к сравнительному анализу признаны 14 погребений из 25 [Подобед и др. 2012, с. 220-221]. Финальнобронзовая атрибуция некоторых из отобранных комплексов вызывает у меня определенные сомнения, которыми я готов поделиться. При этом я не могу предложить четко сформулированных убедительных контраргументов против отнесения этой группы погребальных памятников²⁶ к “белозерскому времени” и, несмотря на некоторые колебания, в дальнейшем изложении буду оперировать именно этой группой погребений ФБУ, отобранной моими оппонентами:

1. [2]²⁷. Кузьменки I-2-3 [Супруненко 2012, с. 376, рис. 2; Подобед и др. 2012, с. 216].

2. [3]. Верхняя Маевка XVIII-4-3 [Ковалева 1977, с. 69-70, рис. 14,2; Отрощенко 1987, с. 132-133, рис. 1, 3, 4; Подобед и др. 2012, с. 213]. Дата погребения определяется находкой чаши, имеющей белозерские аналогии. Но авторы раскопок относят этот сосуд к

²⁶ Знакомыми мне только по публикациям, иногда неполным, и обсуждениям атрибуции этих памятников в других работах.

²⁷ Номера по приложению 2 [Подобед и др. 2012, с. 233-234].

сарматскому погребению, яма которого срезала нижнюю часть костяка из погребения 3. То, что сосуд, “оказавшийся между двумя разновременными скелетами” [Отрощенко 1987, с. 133], был смещен, сомнений не вызывает: положение сосуда на боку и расположение его в том месте где, судя по плану погребения в публикации, должны были располагаться либо тазовые кости, либо нижние позвонки. Все это ведет к некоторой неопределенности в плане принадлежности сосуда. Возможно, что он перемещен в пределах погребения 3, но не исключено, что он был привнесен в результате сооружения сарматского погребения 4. К сожалению, упомянутый в публикации “фрагмент срубного сосуда” [Ковалева 1977, с. 69] не фигурирует ни на плане погребения, ни в рисунках находок. Кроме того, погребения 3 и 1 расположены друг за другом, что наводит на мысль о рядном положении могил, почти на одинаковой глубине (перепад – 5 см), со схожим положением погребенных. При этом погребение 1 на основании овальной костяной пряжки с двумя отверстиями может быть отнесено к бабинской культуре рубежа среднего и позднего периодов эпохи бронзы.

3. [4] Николаевка I-3-4 [Ковалева 1979, с. 29, рис 3, 9, 10; Подобед и др. 2012, с. 216]. Датировка финальной бронзой кажется наиболее вероятной, но поскольку она базируется на находке костяного пряслица, нельзя исключать и более позднюю дату (см. выше).

4. [5]. Осиповка п. 32 [Беляев 1981, с. 68-69, 70, рис. 4; Подобед и др. 2012, с. 213].

5. [6]. Песчанка 1-5 [Ромашко 1984, с. 106-108, рис. 1, 1-6; Махортых 2005, с. 150-151, рис. 123, 5-11; Подобед и др. 2012, с. 216].

6. [8]. Днепрострой (Кичкас) А. п.35 [Шарафутдинова И., с. 75, рис. 26, 1-3; Подобед и др. 2012, с. 213].

7. [9]. Кичкас II, 9/д [Шарафутдинова И., с. 77; Подобед и др. 2012, с. 213].

8. [10]. Новоукраинка 3-1 [Попандопуло, 1999, с. 164, рис. 3, 3; Подобед и др. 2012, с. 219]. Погребение 1 впущено в курган, в котором “претендентом на основное может быть погребение 3” [Попандопуло, 1999, с. 162, рис. 3, 4]. Не совсем ясна атрибуция этого безынвентарного погребения, поскольку отсутствует его план, и, следовательно, вызывает сомнение финальнобронзовая атрибуция безынвентарного же погребения 1, базирующаяся, очевидно, на следующих признаках: 1 – более поздняя стратиграфическая позиция “чем комплекс срубной культуры, не производящий впечатления раннего” и 2 – “левая рука была согнута под острым углом, а правая – под прямым (кисть протянута к локтю левой руки)” [Подобед и др. 2012, с. 217, 219]. Даже если погребение 3 действительно основное, то его срубная атрибуция, в свете недостаточности данных об этом погребении, остается под вопросом. Допустив его срубную принадлежность, следует признать, что в сооруженную над ним насыпь могли впустить погребение и в тот же археологический период, и позднее. Конечно, в срубной КИО такое положение рук, как в погребении 1, уступает по степени распространенности основному – “руки согнуты в локтях, кисти перед лицом или грудью”, но все, же имеют место (см. напр.: Цимиданов 2004, рис. 61, 2, 3; 63, 3).

9. [11]. Розовка 1-6 [Самар 1991, с. 129-130, рис. 2, 9; Подобед и др. 2012, с. 219].

10. [12]. Розовка 1-8 [Самар 1991, с. 130, рис. 2, 11; Подобед и др. 2012, с. 219]. Оба погребения из кургана 1 в с. Розовка вызывают такие же сомнения, как и погребение из Новоукраинки. Они впущены в досыпку над погребением 5, костяк которого нарушен, но срубная атрибуция которого подтверждается керамикой. Руки захороненного в погребении 6 положены так же, как и в новоукраинском комплексе, а в погребении 8 обе руки согнуты под прямым углом, правая “вывернута кистью в направлении туловища” [Самар 1991, с. 130, рис. 2, 11]. В этом же погребении были найдены остатки серо-зеленой растительной подстилки и валик из такой же прессованной массы, располагавшийся в месте несохранившейся правой кисти. Любопытно, что такой же валик, зажатый в кисти, обнаружен в погребении 7, и еще один – в погребении 13, около нижней части лица [Самар 1991, с. 131-132, рис. 3, 8, 9], а аналогичная растительная подстилка зафиксирована в погребении 9, отнесенном автором к сабашиновской культуре [Самар 1991, с. 130-131, рис. 3, 1, 2]. В.В. Отрощенко считает погребения 6, 7, 8 одновременными, что подтверждается

их рядной планиграфией, и полагает, что эта группа объединяет цепочку белозерских могильников Надсивашья с монокультурными погребениями западного Надазовья [Отрощенко 2012, с. 247-248]. Мне трудно определить в этой серии погребений признаки, свидетельствующие об их бесспорной финальнобронзовой принадлежности. То, что эти погребения впущены в досыпку над срубным погребением, свидетельствует лишь о том, что их нижний хронологический рубеж не может быть древнее времени сооружения этой досыпки.

11. [13]. Новокаменка 3-4 [Подобед и др. 2012, с. 219; Генинг 1990, с. 17-18, рис. 18, 3]²⁸. И в этом случае погребение отнесено к финальной бронзе лишь на основании того, что оно впущено в позднейшую досыпку над срубным курганом.

12. [14]. Первомаевка 5-1 [Ллінська 1960, с. 134, рис. I, 8; II, 5, III, 21; Подобед и др. 2012, с. 214].

13. [15]. Безыменное II, р. III, п. 1 [Подобед и др. 2012, с. 217, рис. 5, 4, 5].

14. [23]. Рай-Стародубовка, п. 1 [Клименко 1999, с. 88, рис. 1, 6, 7; Подобед и др. 2012, с. 217].

Сравнивая погребения финальной бронзы Украины (ФБУ) и I ОГ (массив ФБІ по версии моих оппонентов), В.А. Подобед, А.Н. Усачук и В.В. Цимиданов, намереваясь доказать их однокультурность, допускают, как мне представляется, ту же ошибку, что и раньше, при сопоставлении позднесрубных комплексов с I ОГ (ФБІ). Сравниваются лишь сами признаки, то есть, как правило, их наличие или отсутствие, но не их качественное и количественное содержание. Рассмотрим их по пунктам [Подобед и др. 2012, с. 221]:

1) “Умершие в обоих массивах были помещены в могилу скорченно на боку”.

– Такой признак, как “положение скорченно на боку” как раз можно считать “надкультурным” для всей эпохи поздней бронзы и даже для начала раннего железного века.

2) “В обоих массивах преобладает сильная скорченность погребенных, но вместе с тем довольно высок удельный вес средней и слабой скорченности”.

– Уже приводились данные по степени скорченности погребенных I группы: сильно скорченных здесь – всего треть погребений, относительно преобладают среднескорченные костяки – около 40%, а слабоскорченные – немногим более 20%. В группе ФБУ, действительно, преобладает сильная скорченность, но с учетом того, что о некоторых комплексах нет полной информации или разрушена часть костяков, мы можем оперировать лишь десятью погребениями из четырнадцати. Из них сильноскорченных – 4 (40%), среднескорченных и слабоскорченных – по 3 (по 30%). С учетом малой выборки, предложенная пропорция различных степеней скорченности вряд ли может считаться устойчивой.

3) “В обоих массивах преобладает положение умерших на левом боку”.

– В группе I доля таких погребенных составляла 83,3%, а в массиве ФБУ, с учетом отсутствия соответствующей информации о двух захоронениях, 66,7%. Различие не особенно существенное, но, с учетом малочисленности выборки ФБУ, оно может как уменьшиться, так и увеличиться. Впрочем, распространение левобочного положения погребенных я склонен связывать с единой, срубной, подосновой сравниваемых групп.

4) “В обоих массивах доминирует ориентировка погребенных в интервале 90°-135° (64,3% в массиве ФБУ(I) и 68,8 % в массиве ФБ(I))”.

– Выше, анализируя аргументы коллег в пользу культурного единства позднесрубных погребений Дона и Предкавказья с погребениями I ОГ, я уже приводил данные по основным направлениям ориентирования погребенных, из которых следует, что ориентировка погребенных головой на восток встречается чаще, чем другие варианты ориентировок. В

²⁸ Один из авторов дискуссионной статьи, А.Н. Усачук, обратил мое внимание, что в списке погребений ФБУ [Подобед и др. 2012, с. 233, приложение 2] комплекс из могильника Новокаменка ошибочно отнесен к кургану 1.

массиве ФБУ в шести погребениях отмечена восточная (43%), в пяти – юго-восточная (36%), и в трех случаях (21%) – северо-восточная ориентировки.

5) “В обоих массивах преобладает большинство вариаций положений рук”.

– Из 14 восточнукраинских погребений положение обеих рук проследить (или реконструировать) удалось лишь у 10²⁹. Преобладают I и II варианты – по 3 погребенных. Дважды встречено положение рук по V варианту и по одному случаю зафиксировано положение рук, соответствующее III и IV вариантам. То есть формально все варианты положения рук, отмеченные в I ОГ, встречены в массиве ФБУ. Но из выделенной группы ФБУ только в 3-х из десяти погребений встречено положение рук согнутыми в локтях перед лицом и грудью, тогда как в массиве I ОГ погребенных с таким вариантом (I-м) положения рук – около половины (45%). Вместе с тем, вариант II, лишь дважды (т.е. в 7% случаев) представленный в I ОГ, в ФБУ встречен трижды, что составляет 30%. С учетом относительной малочисленности последней выборки, важно, что этот вариант положения рук преобладает не только в относительном (процентном), но и в абсолютном исчислении. То есть его доля в погребальном обряде финальнобронзовых погребений восточной Украины заметно выше, чем в I-й обрядовой группе отрядненской культуры.

б) “В погребениях обоих массивов встречаются кости животных, причем удельный вес комплексов с ними довольно близок – 28,4% в массиве ФБУ(I) и 20% в массиве ФБ(I)”.

– По моим подсчетам, в первом массиве (I ОГ) насчитывается 11 таких погребений, что составляет около 23%, а во втором массиве (ФБУ(I)) – 6 (43%), что, впрочем, неприципиально, особенно с учетом неустойчивости последней выборки.

7) “Совпадают многие категории погребального инвентаря. В частности, в погребениях обоих массивов выявлены сосуды, пряслица, шилья, оселки, височные подвески, пастовые бусы, кремни, кусочки серы. Инвентарь массива ФБ(I) более разнообразен, и некоторые категории вещей, присутствовавших в погребениях данного массива, в комплексах массива ФБУ(I) до сих пор не обнаружены (например, бронзовые нож, игла, костяные проколка, наконечник стрелы, каменный пест, астрагалы мелкого рогатого скота, раковины моллюсков). Но, вместе с тем, практически все категории инвентаря из массива ФБУ(I) находят соответствие в массиве ФБ(I)”.

– Сосуды встречены в 11 погребениях I ОГ, что составляет почти 23% и в 8 погребениях “массива ФБУ(I)”, то есть 57% комплексов этой группы. Костяные пряслица в обеих рассматриваемых группах встречены трижды, что для I ОГ составляет 6,25%, а для ФБУ – 21,4%. Украшения в I ОГ представлены различными видами – бронзовыми бляшками, височными кольцами и подвесками, наборным браслетом, бронзовыми и костяными пронизьями, бронзовыми, костяными и стеклянными (пастовыми) бусами и бисером, найденные в 28 погребениях. В представленной моими оппонентами группе ФБУ присутствуют стеклянные бусы (Кузьменки I-2-3), бронзовые подвески (Песчанка 1-5, Кичкас А-35). Помимо того, что в I ОГ (“ФБ(I)”) ассортимент украшений на порядок шире, чем в ФБУ, доля погребений с украшениями намного выше – 58,3% и 21,4% соответственно. Отмечу, что сочетание в инвентаре “украшения + сосуд”, представленное во всех трех погребениях ФБУ с украшениями, трижды встречается и в I ОГ. Но если в последнем случае такое сочетание представлено 11% комплексов, содержащих украшения³⁰, то в восточнукраинской группе этот показатель составляет 100%. Соотношение погребений, содержащих кремь, в I ОГ и ФБУ составляет, соответственно, 11 (23%) и 2 (14,3%). Формально можно счесть отличия неприципиальными, но интересно то, что один из комплексов, содержащих кремь, Кузьменки I-2-3, маркирует северо-восточную границу

²⁹ В погребении Новокаменка-3-4 положение рук на плане погребения не соответствует описанному в тексте публикации [Генинг 1990, с. 17-18, рис. 18,3].

³⁰ Обнаруженных в степном Предкавказье: два – в Большом Ипатовском кургане и один – в могильнике Южный.

ареала ФБУ, то есть, расположен уже в лесостепи и наиболее удален от территории распространения памятников I ОГ, где кремень встречается гораздо чаще.

Немаловажным отличием является отсутствие в восточнoукраинской группе ножей, которые в Подонье/Предкавказье найдены в 16 комплексах, что соответствует трети всех погребений, входящих в первую обрядовую группу, различных типов бронзовых бляшек (нашивных и бляшек-пуговиц), которые представлены в 12 погребениях I ОГ, т.е. в каждом четвертом. В контексте культурной атрибуции массивов I ОГ и ФБУ наличие этих категорий находок в погребениях географически не стыкующихся белозерской и отрадненской культур, при полном их отсутствии в погребениях ФБУ, занимающих промежуточное между ними положение, является еще одним аргументом в пользу отличия последней группы, не только от белозерской культуры, но и от отрадненской.

8) “Хотя типы керамики, выявленные в захоронениях массива ФБ(I), с одной стороны, и массива ФБУ(I), с другой, различаются, оба массива роднит то, что многие сосуды из погребений находят параллели не в керамике синхронных поселений данной территории, а среди сосудов иных культур. Как отмечалось выше, сосуды массива ФБ(I) близки керамике кобьяковской, белозерской, бондарихинской и других культур. А некоторые сосуды массива ФБУ(I) находят параллели в белозерской, бондарихинской и чернoлесской культурах”.

– Выше, при анализе керамики, найденной в погребениях отрадненской культуры, я пришел к выводу, что, несмотря на мультикультурность происходящей из них посуды, значительная часть ее, судя по некоторым технологическим признакам, была произведена в местной отрадненской среде, а некоторая ее часть морфологически оригинальна. То есть керамика в данном контексте все же может быть использована в качестве культурного маркера. В качестве такого же маркера я предложил использовать пластинчатые височные кольца и подвески с приостренными концами, зачастую с сужением-перемычкой, иногда украшенные продольным рифлением [Потапов 2010а, с. 157].

Несмотря на неодинаковую репрезентативность сравниваемых групп и определенные элементы сходства, приведенные в работе моих оппонентов, отличия между сравниваемыми массивами представляются более существенными. В погребальном обряде это – присутствие досыпки над некоторыми погребениями ФБУ (Кузьменки); наличие погребений, впущенных в слой поселений этого же времени (Безыменное II, Рай-Стародубовка); преобладание погребений с сильноскорченными костяками в группе ФБУ, которые в I ОГ уступают умеренно скорченными погребенным; доминирование различных вариантов положения рук; указанные выше существенные различия в наборе инвентаря. Немаловажное значение имеют и морфологические особенности находок из погребений, в первую очередь керамики и некоторых разновидностей украшений.

Все это подводит к заключению о том, что погребения финальной бронзы Украины и погребения первой обрядовой группы отрадненской культуры – явления, несомненно, близкие, но, тем не менее, разнокультурные. К близким выводам приходят и некоторые другие исследователи, затрагивавшие эту проблему [Отрощенко 2012; Ромашко 2013]. Впрочем, я допускаю возможность возвращения к обсуждению проблемы соотношения доно-предкавказских финальнобронзовых памятников и синхронных им погребений Левобережной Украины. Но произойти это может только при условии значительного пополнения корпуса источников, происходящих из Днепро-Донецкого междуречья, на основе тщательного и критичного их отбора, аргументированной хронологической атрибуции и анализа возможных вариантов культурной атрибуции.

Я оставляю за рамками предлагаемой мною работы вопросы соотношения поздне-срубных и финальнобронзовых погребений Украины, как не имеющих принципиального значения для интересующей меня проблемы статуса и содержания отрадненской культуры. Я вполне убежден в постсрубном характере этой культуры и склонен относить к постсрубной группе восточнoукраинские погребения конца эпохи бронзы вслед за В.В. Отрощенко, Я.П. Гершковичем, В.А. Ромашко. Конечно, выделение

постсрубных культурных образований и отдельных памятников – процесс еще далекий от своего завершения, но, несомненно, набирающий силу.

Приношу свою искреннюю благодарность Вячеславу Анатольевичу Подобеду, Анатолию Николаевичу Усачуку, Виталию Владиславовичу Цимиданову за предоставленный повод вернуться к теме финальной бронзы, интересные идеи в этой области, новый, неизвестный мне материал, а так же за возможность заново проверить свои научные гипотезы и скорректировать их. Я старался не выходить в пылу дискуссии за рамки академичности, но все же прошу прощения у коллег, к которым испытываю самые теплые чувства и искреннее уважение, если невольно задел их своими замечаниями.

Потанов В.В.

“ДЕЯКІ ДИСКУСІЙНІ ПРОБЛЕМИ” АРХЕОЛОГІЇ ФІНАЛЬНОЇ БРОНЗИ ТА ДЕЯКІ ДИСКУСІЙНІ РІШЕННЯ ЦИХ ПРОБЛЕМ

У статті, що є відповіддю на критичну статтю В.А. Підобіда, А.М. Усачука і В.В. Циміданова “Деякі дискусійні проблеми археології півдня Східної Європи фіналу бронзового віку”, автор повертається до питання про культурну приналежність поховальних пам’яток фінальної бронзи Нижньої Донщини, Передкавказзя і Нижнього Поволжя та їхнього внутрішнього членування. На його думку, групи/масиви, які виділяються, що їх пропонується розглядати як приналежні до різних культур, є обрядовими групами однієї, отрадненської культури. Розглянувши припущення опонентів щодо появи південної орієнтації разом з переселенцями із Зауралля, і формуванні тут “отрадненської культури”, автор не знаходить на теренах південніше річища Дону в нижній його течії інших ознак такої міграції. Схожість між похованнями І групи та передуючими їм зрубними похованнями не є такою суттєвою, щоби об’єднувати їх у межах однієї культури, натомість дозволяє говорити про генетичний зв’язок отрадненської культури зі зрубною

Ключові слова: фінал бронзового віку, Нижня Донщина, Передкавказзя, Україна, поховальні пам’ятки, отрадненська культура, зрубна культура, міграції.

Potapov V.V.

“SOME DEBATABLE PROBLEMS” OF ARCHAEOLOGY OF THE BRONZE AGE ENDING AND SOME CONTROVERSIAL SOLUTIONS TO THESE PROBLEMS

The paper is a response to a critical essay written by V.A. Podobed, A.N. Usachuk and V.V. Tsimidanov (“Some debatable problems of archaeology of the South of Eastern Europe of the Bronze Age Ending”). The author of the paper returns to the question of funerary monuments cultural identity in the territories of the Lower Don River, the Caucasus and the Lower Volga River. According to the author the allocated/arrays groups that are proposed to consider as belonging to different cultural groups are ceremonial one. They belong to a common culture, which is called “Otradnenskaia culture”. Having considered the assumption of opponents of the appearance of southern orientation characteristic for immigrants from the Trans-Urals region, and of the formation here “Otradnenskaia culture”, the author does not find in the south of the Don River territory any other such migration characteristics. The similarity between the burials of Group I and preceded of them the Timber Grave culture burials are not so substantial to combine them into a single culture, but lets talk about the genetic connection with the carcass Otradnoe culture .

Keywords: the Final Bronze Age, the Lower Don, the Caucasus, Ukraine, funerary monuments, Otradnenskaia culture, the Timber Grave culture, migrations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.** Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье / С.А. Агапов, И.Б. Васильев // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев, 1976. – Вып. 2. – С. 113-135.
- Агульников С.М.** Впускные погребения белозерского времени в курганах Прото-Днестровского междуречья / С.М. Агульников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 7-10.
- Анфимов Н.В.** Протомеотский могильник с. Николаевского / Н.В. Анфимов // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1961. – Т. II. – С. 103-130.
- Бабенко В.А.** Отчет о раскопках курганного могильника “Золотаревка-6” в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. – Ставрополь, 2000 – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 22348, 22349.
- Беглова Е.А.** Отчет об исследовании курганного могильника Садовый в 2004 году. – М., 2005. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 31662.
- Беляев О.С.** Похоронения срубной культуры и раннего железного века Йосипівського могильника / О.С. Беляев // Археологія. – 1981. – № 36. – С. 67-70.
- Березин Я.Б.** Отчет о раскопках могильников “Буйвола Г” у г. Буденновска и “Успенский Г” у г. Новоалександровска Ставропольского края в 1997 г. – Ставрополь, 1998. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 19830, 19831.
- Берестнев С.И.** Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века / С.И. Берестнев // СА. – 1994. – № 3. – С. 121-139.
- Беспалый Е.И.** Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону / Е.И. Беспалый, И.Н. Парусимов // СА. – 1991. – №3. – С. 179-195.
- Беспалый Е.И.** Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. / Е.И. Беспалый // Аксайские древности. – Ростов н/Д, 2002. – С. 111-188.
- Буйнов Ю.В.** Хронология и периодизация бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: тез. докл. Междунар. конф. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1994. – С. 7-9.
- Буйнов Ю.В.** Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей / Ю.В. Буйнов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. науч. конф “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. – Самара: ООО “НТЦ”, 2001. – С. 220-223.
- Вальчак С.Б.** Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология / С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир; М., 1996. – С. 23-44.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов. – К.: Наук. думка, 1990. – 168 с.
- Ванчугов В.П.** Васильевский курганный могильник Белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья / В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. – К.: Наук. думка. 1989. – С. 54-65.
- Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент / В.В. Варфоломеев // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56-68.
- Воловик С.И.** Бондарихинская культура (проблема происхождения): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 1996. – 33 с.
- Гаврилюк Н.А.** Лощеная керамика степных погребений предскифского времени / Н.А. Гаврилюк // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 20-40.
- Гаврилюк Н.А.** Керамика внестепной группы в погребениях предскифского времени на территории Северного Причерноморья / Н.А. Гаврилюк // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: матер. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. – СПб.: 1996. –

С. 118-121.

Генинг В.В. Черная Долина в эпоху бронзы. Курганы у с. Новокаменка / В.В. Генинг, А.И. Кубышев. – К., 1990. – 57 с.

Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-восточное Приазовье – Подонцовье) / Я.П. Гершкович // АА. – № 7. – Донецк, 1998. – С. 61-92.

Горбенко А.А. Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 / А.А. Горбенко, В.А. Кореняко, В.Е. Максименко, Н.М. Фомичев. – Азов, 1974. – Архив АКМ. – КВФ 9797/19.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане / В.Н. Горбов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 52-72.

Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий / В.Н. Горбов // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 13-21.

Горбов В.Н. К вопросу о населении бассейна р. Ворсклы в конце бронзового века / В.Н. Горбов, Р.А. Литвиненко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та. 1998. – С. 69-79.

Горбов В.Н. Камышеватая-XIV – поселение позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова // Аркасівські читання: матер. I міжнар. наук. конф. – Миколаїв: Вид-во МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2011. – С. 49-52.

Гордин И.А. Предскифские захоронения у с. Пешково / И.А. Гордин, В.В. Потапов // ИАИАИАНД в 1990 г. – Азов, 1991. – Вып. 10. – С. 36-42.

Гуренко Л.В. Отчет и приложение к отчету о работе отряда археологической лаборатории НИС ВГПУ в Камышинском районе Волгоградской области в 1995 году. – Волгоград, 1996. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 19182.

Дараган М.Н. Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (10-9 вв. до н.э., правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели / М.Н. Дараган, М.Т. Кашуба, С.Н. Разумов // Revista Arheologică, serie nouă, 2010. – Vol. V (2). – С. 91-128.

Дворниченко В.В. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский р-н Астраханской обл.) в 1981 году / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов. – 1982. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 9905, 9905-а, 9905-б, 9905-в.

Дворниченко В.В. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.: Наука, 1989. – С. 14-132.

Дубинец О.В. Комплексы заключного периода доби бронзы поселения Іллічівка на Сіверському Дінці / О.В. Дубинець // МІАВУ. – № 1. – Луганск, 2003. – С. 279-288.

Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века / О.Р. Дубовская // СА. – 1985. – № 2. – С. 166-172.

Евдокимов Г.Л. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка / Г.Л. Евдокимов // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 107-126.

Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника / Г.Л. Евдокимов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 99-103.

Епимахов А.В. “Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья / А.В. Епимахов // РА. – 2010. – № 2. – С. 39-50.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы / Ю.А. Заднепровский // МИА. – 1962. – № 118. – 238 с.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского Междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. – С. 79-96.

Зданович С.Я. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по

данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) / С.Я. Зданович, Г.Ф. Коробкова // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1988. – С. 60-79.

Іллінська В.А. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки / В.А. Іллінська, Г.Т. Ковпаненко, Є.О. Петровська // АП УРСР. – Т. IX. – К.: Вид-во АН УРСР, 1960. – С. 127-140.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века / В.А. Ильинская // СА. – 1961. – № 1. – С. 26-45.

Ільюков Л.С. Древнейшие погребения в бассейне реки Егорлык / Л.С. Ільюков // ИАИАИАНД в 2011 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013. – Вып. 27. – С. 171-181.

Ільюков Л.С. Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ільюков, Л.М. Казакова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. – 168 с.

Кабанова Е.В. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья / Е.В. Кабанова // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 41-47.

Калмыков А.А. Погребение из могильника Золотаревка I и некоторые вопросы генезиса черноговоровской культуры / А.А. Калмыков, В.В. Потапов // ССПК. – Т. XI. – Запоріжжя, 2004. – С. 103-109.

Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) / Н.К. Качалова // СА. – 1989. – № 1. – С. 33-47.

Кашуба М.Т. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI-X вв. до н.э. / М.Т. Кашуба // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный; М.: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 2011. – С. 61-78.

Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога: в 2 кн. / Л.С. Клейн. – Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 2013. – Кн. 2. – 599 с.

Клименко В.Ф. Поселения срубной культуры на Донетчине / В.Ф. Клименко // Матеріали міжнародної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по ранне середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 86-88.

Ковалева И.Ф. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / [И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов] // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1977. – С. 8-113.

Ковалева И.Ф. Срубные курганные могильника Среднего Присамарья / И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, А. Андросов // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1979. – С. 25-44.

Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях экспедиции НМЦА РГПУ в дельте Дона в 2005 г. – 2006. – Архив НМЦА РГПУ. б/н.

Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях Южно-Донской экспедиции в дельте Дона в 2006 году. – 2007. – Архив НМЦА РГПУ. б/н.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант / В.И. Козенкова // САИ. – Вып. В2-5. – М., 1998.– 200 с.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних “кобанцев”. Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н.э. / В.И. Козенкова // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. V. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 220 с.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье / Ю.И. Колев // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С. 242-301.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии / С.Н. Корневский. – М.: Наука, 2004. – 243 с.

Корневский С.Н. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический

источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа / С.Н. Кореневский, А.Б. Белинский, А.А. Калмыков. – М.: Наука, 2007. – 229 с.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона: дис. на соискание учен. канд. ист. наук: спец. 07.00.06. “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 35,0.2-D.

Ларенок В.А. Пландеграфия и архитектура Мокро-Чалтырского поселения / В.А. Ларенок // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 26-28.

Ларенок В.А. Древнейший некрополь Кобякова городища / В.А. Ларенок, В.В. Потапов // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: тез. докл. V “Минаевских чтений” по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – С. 24-26.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. / В.А. Ларенок. – Ростов н/Д: ООО “Донской Издательский Дом”, 2013. – Ч. I. – 448 с.

Лимберис Н.Ю. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников Правобережья Кубани) / Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко. – Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 2012. – 316 с.

Литвиненко Р.А. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) / Р.А. Литвиненко // МДАСУ. – Вып. 5. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2006. – С. 157-187.

Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира” / Б.А. Литвинский. – М.: Наука, 1972. – 270 с.

Литвинский Б.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – 406 с.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики / В.Г. Ломан // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115-129.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко // ДД. – Вып. 7. – Азов, 1999. – 240 с.

Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые вопросы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы / Н.М. Малов // М.П. Грязнов и его место в археологии, теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема: тез. докл. обл. конф. – Омск, 1987. – С. 142-143.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Антонов I / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 4. – Волгоград: Перемена, 1994. – С.15-46.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника у озера Подгорное / В.И. Мамонтов // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – С. 46-89.

Мамонтов В.И. Нестандартные погребальные обряды сарматов / В.И. Мамонтов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. – Астрахань: Изд-во Астрахан. ун-та, 2010. – С. 179-185.

Матвеев А.В. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине / А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.С. Измер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 3. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 213-216.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С.В. Махортых. – К.: Шлях, 2005. – 380 с.

Мельников Е.Н. Материалы финала поздней бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточного Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 112-119.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Николаева Н.А. Исследование курганной группы у с. Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 году. – М., 1985а. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 10969, 10969-а.

Николаева Н.А. Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской системы (КАРОС) на землях совхоза Джангар Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 г. – М., 1985б. – Архив ИА РАН. – Р-1, – № 10970, 10970-а.

Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках курганов у станицы Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году. – Ставрополь, 1985. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2872.

Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников) / А.М. Новичихин. – Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. – 220 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Отрощенко В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 117-152.

Отрощенко В.В. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры / В.В. Отрощенко, Н.П. Шевченко // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 131-144.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 288 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 год. – СПб., 1902. – 174 с.

Панковський В.Б. Нові дані про виробництво вістер поворотних гарпунів у період пізньої бронзи / В.Б. Панковський, К.В. Горбенко // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 107-110.

Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев / И.Н. Парусимов // Труды АНИБ. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 26-73.

Подобед В.А. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2013. – С. 194-245.

Попандопуло З.Х. Курганные могильники у сел Новоукраинка Вольнянского района / З.Х. Попандопуло, О.А. Шмакова // ССПК. – Т. VII. – Запоріжжя, 1999. – С. 155-171.

Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры / В.В. Потапов // РА. – 1993. – № 3. – С. 218-220.

Потапов В.В. Погребения XII-X в. до н.э. в Волго-Донских степях (к проблеме отбора источников) / В.В. Потапов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. – Саратов: Изд-во Саратов. пединститута, 1997. – С. 128-129.

Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела / В.В. Потапов // Донская археология. – 2000. – № 3-4. – С. 62-69.

Потапов В.В. Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья / В.В. Потапов // Степи Евразии в древности и средневековье: в 2 кн.. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 213-216.

Потапов В.В. Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал / В.В. Потапов // МДАСУ. – Вып. 7. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2007. – С. 269-273.

Потапов В.В. Курганы Западного Маныча / В.В. Потапов // Археологические записки. – 2007. – Вып. 5. – С. 115-143.

Потапов В.В. Пластинчатые височные кольца на Нижнем Дону и в Предкавказье / В.В. Потапов // РА. – 2010а. – № 1. – С. 155-162.

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 2010б. – 26 с.

Потапов В.В. К вопросу о финальной дате кобяковской культуры на Нижнем Дону / В.В. Потапов // Материалы круглого стола “Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии”. – СПб., 2011. – С. 34-38.

Потапов В.В. Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения / В.В. Потапов // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 325-346.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т.М. Потемкина. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Прокофьев Р.В. Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца / Р.В. Прокофьев //

ИАИАИАНД в 2003 г. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. – Вып. 20. – С. 240-326.

Прокофьев Р.В. Поселение Малаховский Ерик II в дельте Дона / Р.В. Прокофьев, В.В. Потапов // Донская археология. – 2000. – № 1. – С. 45-55.

Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры левобережья Днепра / В.А. Ромашко // ПАП III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1984. – С. 106-114.

Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н.э.) / В.А. Ромашко. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та. 1995. – 92 с.

Ромашко В.А. “Чернолесская” столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Вып. 1. – Днепропетровск: Вид-во Днепр. ун-ту, 1998. – С. 79-95.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В.А. Ромашко – К.: КНТ, 2013. – 592 с.

Самар В.А. Курган срубного времени из Приазовья / В.А. Самар // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 125-136.

Саяпин В.В. Отчет о раскопках курганного могильника Отрадный II экспедицией Ростовского археологического центра в 1990 году. – Ростов н/Д, 1991. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 16846, 17318, 17319.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Ворон. педун-та, 1996. – 350 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1959. – № 60: Памятники Нижнего Поволжья. – Т. I. – С. 206-322.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78: Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции): в 2 т. – Т. I. – С. 169-268.

Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье / И.А. Сорокина // СА. – 1985. – № 3. – С. 136-151.

Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т АЭТ СО РАН. – Новосибирск. 2012. – 33 с.

Стоянов Р.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: состояние проблемы и перспективы ее решения / Р.В. Стоянов // Матер. междунар. науч. конф.: Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. – Ч. 2. – С. 297-302.

Супруненко О.Б. Дослідження курганів поблизу с. Кузменки на нижньому Пслі / О.Б. Супруненко // АДУ 2011 р. – К.: Волинські старожитності, 2012. – С. 374-376.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы / А.А. Ткачев – Тюмень: Изд-во ТюмГИГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Троицкая Т.И. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы / Т.И. Троицкая, О.В. Софеев // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С.63-72.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Новочеркасск, 1997. – Вып 2. – 67 с.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Азов, 1999. – Вып. 4. – 85 с.

Тугушев П.Е. Городище “Петровский городок” у с. Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования / П.Е. Тугушев // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Издательский дом “Полиграфия Поволжья”, 2009. – С. 91-104.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное II / А.Н. Усачук // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 21-27.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на

Дону / А.Н. Усачук // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 173-180.

Халиков А.Х. Древняя история среднего Поволжья / А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского Лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 5: Охрана и исследования в 2001 г. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 103-128.

Хреков А.А. Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 5-19.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1983. – С. 81-99.

Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. / И.Т. Черняков. – К.: Наук. думка, 1985. – 172 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / А.А. Чижевский. – Казань: РИЦ Школа, 2008. – 172 с.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) / Э.С. Шарафутдинова // САИ. – Вып. В1-11. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.

Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.

Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье / Э.С. Шарафутдинова // СА. – 1991. – № 1. – С. 184-196.

Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани / Э.С. Шарафутдинова // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991. – С. 70-91.

Шарафутдинова Э.С. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Кавказа / Э.С. Шарафутдинова // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: матер. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. – СПб., 1996. – С. 93-95.

Шарафутдинова Э.С. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье / Э.С. Шарафутдинова, О.Р. Дубовская // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та. 1987. – С. 27-38.

Шарафутдинова Э.С. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья.) / Э.С. Шарафутдинова, В.Г. Житников. – СПб.: Филол. ф-т СПб. ГУ; Нестор-История, 2011. – 180 с.

Шарафутдинова Э.С. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье / Э.С. Шарафутдинова, В.Н. Каминский // СА. – 1988. – № 4. – С. 214-221.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) / Д.Б. Шелов // МИА. – 1961. – № 98. – 94 с.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) / Н.И. Шишлина // Труды ГИМ. – Вып. 165. – М., 2007. – 400 с.

Яценко В.В. Отчет о раскопках курганов могильников Юдинский III и Орловский I в Родионово-Несветайском и Орловском районах Ростовской области в 1997 году. – Ростов н/Д, 1998. – Архив АНИБ. б/н.

**СПИСОК
финальнобронзовых погребений Подонья, Низовой Волги и степного Предкавказья**

Группа I

№ п/п	№ в списке ³¹	Название погребения	№ п/п	№ в списке	Название погребения
1	2	3	4	5	6
I - А			I - Б		
1	1	Арпачин II-5-11	41	29	Северный II-10-4
2	2	Балабинский I-10-12	42	36	Южный 3-1
3	3	Бессергеновский-1-2	43	40	Лебеди I-3-4
4	5	Донской-6-9	44	44	Ипатовский курган- 4
5	8	Койсуг 4-38	45	46	Ипатовский курган- 8
6	10	Колдыри-14-10	46	49	Ипатовский курган-11
7	11	Крепинский I-18-9	47	54	Красногвардейское-1-19
8	15	Мартышкина Балка- 92	48		Улан-Толга-4-5
9	16	Октябрьский I-1-1			
10	23	Русский Колодец XVI-3-10			
11	25	Салок I- 27			
12	26	Салок I-42			
13	27	Северный II-2-4			
14	31	Холодный IV-2-4			
15	33	Центральный IV-7-3			
16	34	Черный II-1-6			
17	37	Анапский I-2-3			
18	38	Батурицкий I-9-10			
19	42	Пролетарский-1-6			
20	43	Золотаревка I-25-8			
21	45	Ипатовский курган-5			
22	47	Ипатовский курган- 9			
23	50	Ипатовский курган-12			
24	52	Ипатовский курган-34			
25	53	Красногвардейское-1-6			
26	57	Тростянка-8-1			
27	65	Барановка-2-6			
28	66	Кривая Лука V-5-9			
29		Западенский-1-3			
30		Новопалестинский II – 5-7			
31		Аюта-I-1-16			
32		Отрадный II-23-2			
33		Южный-2-5			
34		Орловский I-1-12			
35		Золотаревка-6-6-1			
36		Ипатово-3-5-1			
37		Джангр-9-8			
38		Усть-Джегута-32-17			
39		Садовый-2-19			
40		Ипатово-3-2-161			

³¹ Приложения 1 к статье: [Подобед и др. 2012, с. 231-233].

Группа II

1	2	3	4	5	6
II - А			II - Б		
49	17	Отрадный II-4-1	55	4	Высочино V-29-9
50	19	Отрадный II- 15-8	56	18	Отрадный II-7-6
51	28	Северный II-9-6	57	32	Целинский III-3-2
52	35	Шахаевский II-2-11			
53	48	Ипатовский курган-10			
54		Кривая Лука XXXIV-2-3			

Погребения, не вошедшие
в обрядовые группы

58	6	Кастырский VII-1-15
59	7	Кировский I-3-6
60	9	Койсуг -5-10
61	12	Криволиманский III-3-1
62	13	Лакедемоновка I-4-4
63	14	Ливенцовский IV-1
64	31	Холодный IV-2-4
65		Буйвола 1-4-7

Приложение 2

Ориентировки по группам/подгруппам

№ группы	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	С
гр. I-а	10/25%	16/40%	14/35%			
гр. I-б	2/25%	4/50%	2/25%			
гр. I в целом	12/25%	20/41,5%	16/33,5%			
гр. II-а				6/100%		
гр. II-б				3/100%		
гр. II в целом				9/100%		
вне групп	1/12,5%	1/12,5%		1/12,5%	2/25%	3/37,5%
ВСЕГО	13/20%	21/32,3%	16/24,6%	10/15,4%	2/3,1%	4,6%

Приложение 3

Варианты положения рук

Группа/подгруппа	I	II	III	IV	V	Единичные варианты	Неполная информация
Подгруппа I-А	13/26%	2/4%	3/6%	5/10%	3/6%	3/6%	11
Подгруппа I-Б	4/8%	1/2 %	-	1/2%	2/4%	-	-
Группа I в целом	17/34%	3/6%	3/6%	6/12%	5/10%	3/6%	11
Подгруппа II-А	3/6%	1/2%	-	-	1/2%	-	1
Подгруппа II-Б	-	-	2/5,4%	-	-	-	1
Группа II в целом	3/6%	1/2%	2/4%	-	1/2%	-	2
Вне вариантов	2/4%	-	1/2%	1/2%	-	2/4%	2
Итого	22/44%	4/8%	6/12%	7/14%	6/12%	5/10%	15

Распределение инвентаря по группам

Признаки	Группы захоронений						вне групп
	Группа I			Группа II			
	Ia	Iб	всего	IIa	IIб	всего	
Кости животных	10	1	11	2	1	3	1
Сосуд	9	2	11	5	2	7	3
Фрагменты керамики		1	1				1
Бронзовый нож	14	2	16				1
Бронзовое шило	4		4				
Бронзовая игла	2		2				1
Костяное пряслице	2	1	3	1	1	2	2
Пест	1		1				
Оселок	1	1	2		1	1	
Костяная стрела	2		2				
Костяная втулка	1		1				
Бронзовая бляшка с петелькой	7		7				
Бронзовая бляшка	4	1	5				
Костяная бляшка		1	1				
Бронзовая пластина	1	1	2				
Бронзовый «перстень»	1		1				
Бронзовые бусы	5		5				
Бронзовая пронизь	6		6				
Металлическая пластинчатая подвеска	11		11				1
Бронзовая проволочная подвеска	4		4				1
Бронзовая цепочка	1		1				
Пастовые бусы	4		4				1
Костяная пронизь	1		1				1
Костяные бусы	1		1				1
Наборной браслет из бронзовых пронизей		1	1				
Астрагалы	2		2				
Кремень	9	2	11				1
Раковины	1		1				
Сера	6	2	8				
«Сосуд» из желтой массы	1		1				
Смола?	1		1	1		1	
Куски мела	1		1				
Бронзовая обойма	1		1				
Костяная «застежка»	1		1				
Костяное изделие неясного назначения	2		2				

Половозрастные определения

ОГ	№	Комплекс	пол	возраст	Определения
I-A	1	Бессергеновский-1-2		взрослый	
	2	Донской-6-9	жен.	взрослый	Б.В. Фирштейн
	3	Западенский –1-3		5-7 лет	
	4	Русск. Кол. XVI-3-10		ребенок	
	5	Аюта I-1-16	муж.	старше 30 л	Е.Ф. Батиева
	6	Койсуг-4-38		взрослый	
	7	Мартышкина балка п. 92		взрослый	
	8	Арпачин II-5-11		взрослый	
	9	Крепинский I-18-9		взрослый	
	10	Колдыри-14-10	муж.	25-30 лет	
	11	Северный II-2-4		взрослый	
	12	Новопалестинский II-5-7		взрослый	
	13	Красногвардейское-6		взрослый	
	14	Золотаревка I-25-8	муж.	25-35 лет	
	15	Орловский I-1-12	муж.	35-40 лет	Е.Ф. Батиева
	16	Балабинский I-10-12		ребенок?	
	17	Салок I- 27	жен.	35-45 лет	Е.Ф. Батиева
	18	Салок I- 42	жен.	30-40 лет	Е.Ф. Батиева
	19	Центральный IV-7-3		взрослый	
	20	Холодный IV-2-4		взрослый	
	21	Черный II-1-6	муж.	40-45 лет	Е.Ф. Батиева
	22	Отрадный II-23-2		взрослый	
	23	Южный 2-5		ребенок	
	24	Октябрьский I-1-1		старше 30 л.	Е.Ф. Батиева
	25	Ипатово 5-5-1			
	26	Ипатовский курган-5	муж.	35-45 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	27	Ипатовский курган- 9	муж.	45-55 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	28	Ипатовский курган-12	жен.	старше 55 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	29	Ипатовский курган-34	муж.	45-55 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	30	Кривая Лука V-5-9	жен.	взрослая (<i>matur</i>)	Л.Т. Яблонский
	31	Тростянка-8-1		взрослый?	
	32	Джангр-9-8		подросток	
	33	Усть-Джегута-32-17			
	34	Садовый-2-19			
	35	Ипатово-3-2-161	ребенок	3-4 года	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	36	Золотаревка 6-6-1	муж.	старше 55 л.	
	37	Анапский I-2-3			
	38	Батуринский I-9-10			
	39	Пролетарский-1-6			
	40	Барановка-2-6		подросток	

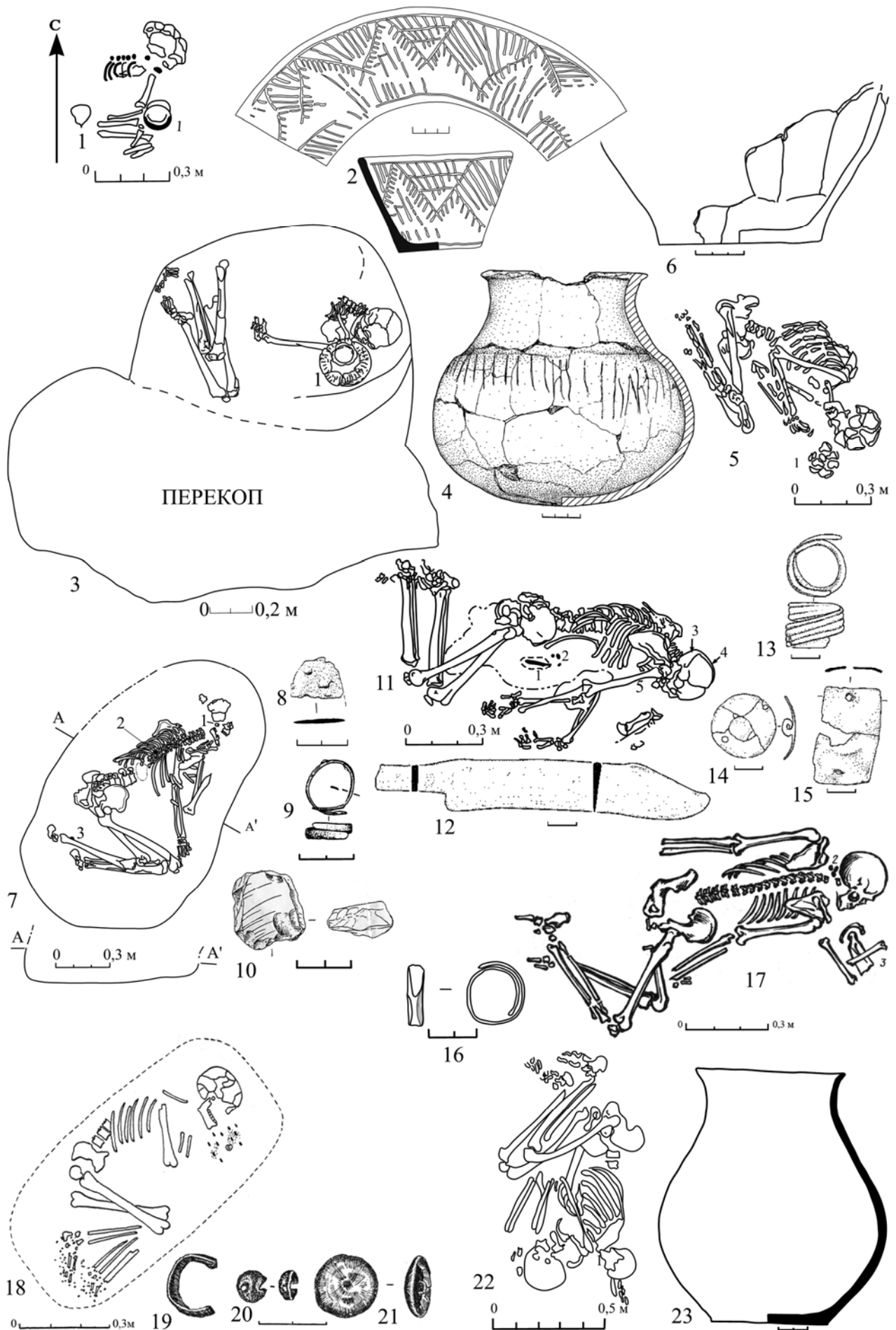
II-A	1	Отрадный II-4-1		взрослый	
	2	Отрадный II-15-8		7-9 лет	Е.Ф. Батиева
	3	Северный II-9-6		?	
	4	Шахаевский II-2-11		взрослый	
	5	Ипатовский курган-10	жен.	старше 55 л.	
	6	Кривая Лука XXXIV-2-3		ребенок	
II-B	1	Высочино V-29-9		до 12 л.	
	2	Отрадный II-7-6	жен.	старше 30 л.	Е.Ф. Батиева
	3	Целинский III-3-2	муж.	30-35 л.	Е.Ф. Батиева
вне групп	1	Кастырский VII-1-5			
	2	Кировский I-3-6	жен.	20-30 л.	Е.Ф. Батиева
	3	Койсуг-5-10		взрослый	
	4	Криволиманский III-3-1		35-40 л.	
	5	Лакедемоновка I-4-4		взрослый	
	6	Ливенцовский IV-1		взрослый	
	7	Холодный I-1-1		взрослый	
	8	Буйвола 1-4-7		подросток	

ОГ	№	Комплекс	пол	возраст	Определения
I-B	1	Красногвардейское-19		взрослый	
	2	Северный II-10-4		взрослый	
	3	Южный 3-1		взрослый	
	4	Лебеди I-3-4	муж.	взрослый	
	5	Ипатовский курган-4		ребенок	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	6	Ипатовский курган-8	муж.	35-45 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	7	Ипатовский курган-11		ребенок 11- 12 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	8	Улан-Толга-4-5	муж.	взрослый	

Рис. 1. Погребения финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья →

Fig. 1. Burials of the final of Bronze Age from the Lower Don River territory, the Caucasus and the Lower Volga River →

Западенский 1-3: 1 – план погребения (1 - сосуд), 2 – сосуд; Аюта I-1-16: 3 – план погребения (1 – сосуд), 4 – сосуд; Отрадный II-23-2: 5 – план погребения (1 – сосуд), 6 – сосуд; Орловский I-1-12: 7 – план погребения (1 – височное кольцо, 2 – кремь, 3 – фрагмент ножа), 8 – фрагмент бронзового ножа, 9 – бронзовое височное кольцо, 10 – кремь; Новопалестинский II-5-7 11 – план погребения (1 – нож, 2 – пластинка, 3 – бронзовая бляшка, 4 – височное кольцо, 5 – бусы, 6 – кости МРС), 12 – бронзовый нож, 13 – бронзовое височное кольцо, 14 – бронзовая бляшка, 15 – бронзовая пластинка; Кривая Лука V-5-9: 16 – бронзовое височное кольцо, 17 – план погребения (1 – височное кольцо, 2 – бронзовая цепочка, 3 – кости животного); Усть-Джегута 32-17: 18 – план погребения, 19 – бронзовое височное кольцо, 20 – бронзовая нашивная бляшка, 21 – бронзовая бляшка-пуговица; Шахаевский II-2-11: 22 – план погребения, 23 – сосуд.

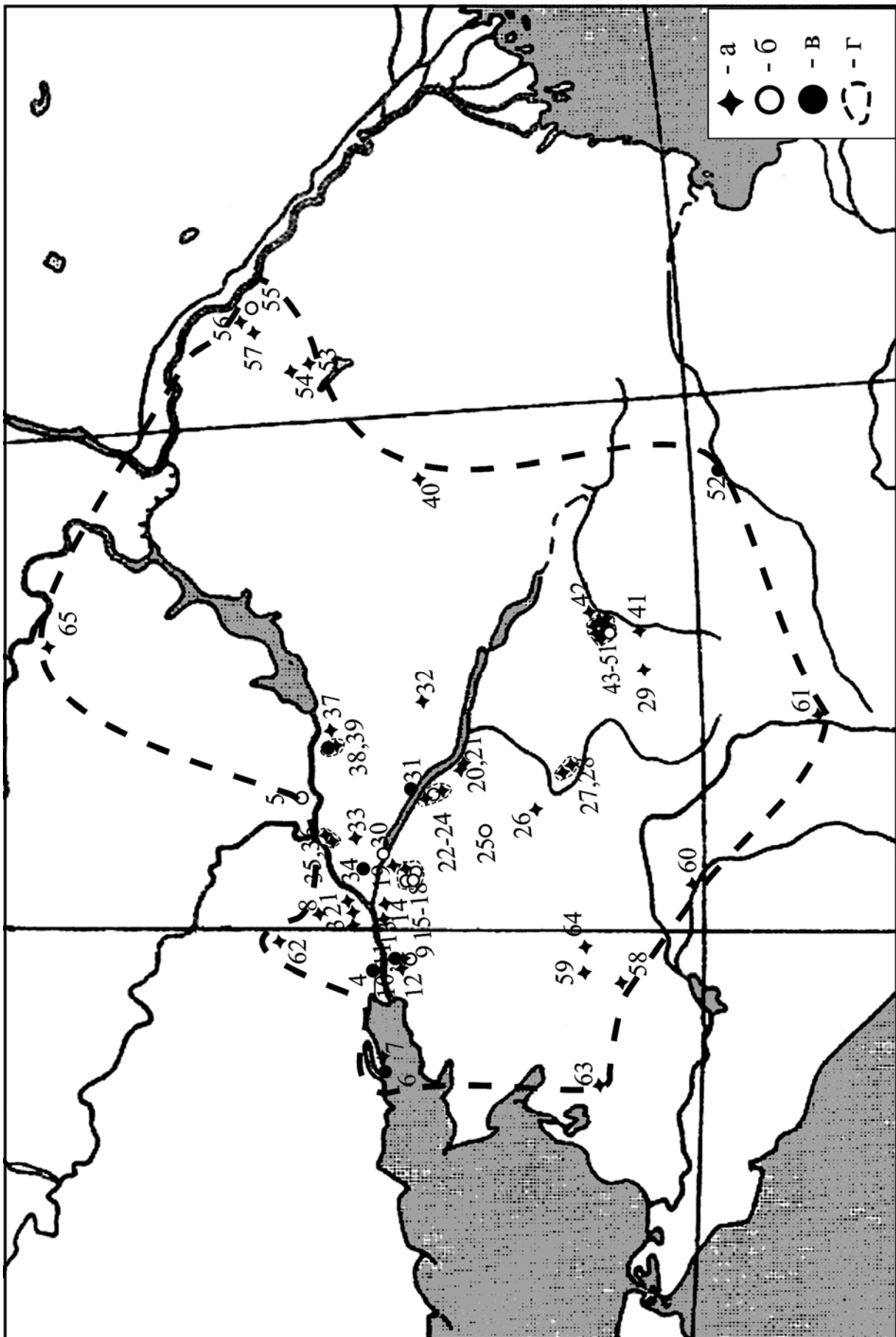

Рис. 2. Карта распространения финальноронзовых погребений по группам
Fig. 2. Distribution map the Bronze Age Ending burials in groups

← **Рис. 2.** Карта распространения финальнобронзовых погребений по группам:

← **Fig. 2.** Distribution map the Bronze Age Ending burials in groups:

1 – Бессергеновский 1-2; **2** – Донской 6-9; **3** – Западенский-1-3; **4** – Ливенцовский IV-1; **5** – Кастырский VII-1-5; **6** – Лакедемоновка I-4-4; **7** – Русский Колодец XVI-3-10; **8** – Аюта I-1-16; **9** – Высочинно V-29-20; **10** – Койсуг 4-38; **11** – Койсуг 5-10; **12** – Мартышкина балка-92; **13** – Арпачин II-5-11; **14** – Крепинский I-18-9; **15** – Отрадный II-4-1; **16** – Отрадный I-7-6; **17** – Отрадный II-15-8; **18** – Отрадный II-23-2; **19** – Колдыри 14-10; **20** – Южный 2-5; **21** – Южный 3-1; **22** – Северный II-2-4; **23** – Северный II-9-6; **24** – Северный II-10-4; **25** – Целинский III-3-2; **26** – Новопалестинский II-5-7; **27** – Красногвардейское-6; **28** – Красногвардейское-19; **29** – Золотаревка I-25-8; **30** – Шахаевский II-2-11; **31** – Кировский I-3-6; **32** – Орловский I-1-12; **33** – Балабинский I-10-12; **34** – Криволиманский III-3-1; **35** – Салок I-27; **36** – Салок I-42; **37** – Центральный IV-7-3; **38** – Холодный I-1-1; **39** – Холодный IV-2-4; **40** – Черный II-1-6; **41** – Золотаревка 6-6-1; **42** – Ипатово 3-5-1; **43** – Ипатово 3-2-5; **44** – Ипатово 3-2-7; **45** – Ипатово 3-2-8; **46** – Ипатово 3-2-9; **47** – Ипатово 3-2-10; **48** – Ипатово 3-2-11; **49** – Ипатово 3-2-12; **50** – Ипатово 3-2-34; **51** – Ипатово 3-2-161; **52** – Буйвола 1-4-7; **53** – Джангр 9-8; **54** – Улан-Толга 4-5; **55** – Кривая Лука XXXIV-2-3; **56** – Кривая Лука V-5-9; **57** – Барановка 2-6; **58** – Пролетарский I-6; **59** – Батурицкий I-9-10; **60** – Садовый 2-19; **61** – Усть-Джегута 32-17; **62** – Октябрьский I-1-1; **63** – Лебеди I-3-4; **64** – Анапский I-2-3; **65** – Тростянка 8-1.

Условные обозначения: **а** – I группа, **б** – II группа, **в** – погребения вне групп, **г** – границы ареала погребений финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья.

ІСТОРІЯ АРХЕОЛОГІЇ. ПЕРШОДЖЕРЕЛА

Колесник А.В., Стахурская К.И.

СТЫЛЬСКАЯ ПЕЩЕРА: ХРОНОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ, АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Реферат: Благодаря особенностям геологической истории, в Северном Приазовье сформировался крупный массив известняков различного типа. Наиболее значительные отложения известняковых пород обнажаются в бассейнах рек Кальмиус, Сухая и Мокрая Волноваха. Здесь известны небольшие карстовые полости. В их числе – Стыльская пещера. Она расположена в 6 км от с. Стыла в балке Архундыяс-Тарама, бассейн р. Сухой Волновахи. Село Стыла Старобешевского р-на Донецкой обл. было основано греческими переселенцами из Крыма в 1779 г. Название балки в переводе с греческого – балка архонта (старосты). Летом 1973 г. донецкий археолог А.И. Привалов обратил внимание на схематические рисунки охрой на своде пещеры. Осенью этого же года преподаватель Донецкого государственного университета Д.С. Цвейбель организовала детальную съемку пещеры и изготовление профессиональных акварельных копий рисунков в натуральную величину. В 1978 г. приведены в порядок чертежи 1973 г. Статья о живописи Стыльской пещеры была опубликована в 1993 г. Авторы публикации датировали росписи бронзовым веком. За прошедшие с момента археологического открытия памятника пещерного искусства 40 лет рисунки сильно пострадали в результате естественных причин и деятельности человека. Особый вред нанесли различные процарапанные современные надписи. В результате наносов сильно пострадала и сама пещера – входная камера почти полностью засыпана рыхлыми отложениями, ход во вторую камеру, о которой упоминают все старожилы, полностью закрыт. Отложения входной камеры частично были разобраны экспедицией Донецкого национального университета в 2012 г. Рисунки на своде пещеры едва различимы. В настоящей заметке впервые публикуются оригинальные цветные копии древних рисунков и черно-белые чертежи и фотографии 1973 и 1978 гг. Эти материалы являются наиболее качественным источником для изучения живописи входной камеры Стыльской пещеры.

Ключевые слова: Стыльская пещера, наскальные росписи, история археологии, архивные материалы.

Abstract: Due to the geological history in the Northern Azov region, a large massif of limestones of various types had formed there. The most significant limestone deposits outcrop in the Kalmius, Sukhaia Volnovakha and Mokraia Volnovakha rivers' basins. There are known comparatively small karst caverns, and the Styla Cave is one of them. The cave is located in 6 km from the village of Styla, in the Arkhutdyias-Tarama gully, in the basin of the Sukhaia Volnovakha River. The village of Styla of the Starobeshevsky district, the Donetsk region, was founded in 1779 by Greek emigrants from Crimea, and the name of the gully in Greek means "the archon". In the summer of 1973, A.I. Privalov, an archaeologist from the Donetsk, noted schematic images on the roof of the cave made in red ochre. In the fall of the same year, lecturer Donetsk State University D.S. Tsveibel organized the detailed survey of the cave, during which the life-size watercolor copies of the images were made. In 1978 were edited drawings made in 1973. An article about the Styla Cave had been published in 1993, where the authors dated the ochre painting to the Bronze Age. For the forty years past since archaeological discovery of the cave, paintings had been greatly damaged due to both natural causes and human activity. Especially harmful were graffiti left by the visitors. The cave itself was damaged by sediments: the entrance chamber is almost completely fill with porous deposits; the passage to the second chamber (which, according to the old time residents, was clearly visible) is covered completely. Sediments in the entrance chamber were partially removed in 2012 by an expedition of the Donetsk National University. Paintings on the cave's roof now are hardly recognizable. This article includes illustrations of the original color copies of the paintings, black-and-white photographs and line drawings made in 1973/1978 that are published for the first time. These materials are the most reliable sources for the study of paintings of the entrance chamber of the Styla Cave.

Keywords: the Styla cave, rock art, history of archeology, archive materials.

Стыльская пещера – широко известный в Донбассе памятник древнего искусства, один из немногих объектов наскальной живописи. Как известно, здесь сохранились схематические рисунки, выполненные охрой. За пещерой прочно закрепилось название “Стыльская” [Зубец 2009], хотя территориально пещера находится в пределах земель Докучаевского городского совета. Памятник расположен в 5 км на Ю-В от г. Докучаевска и в 6 км к С-З от с. Стыла Старобешевского р-на Донецкой обл. в балке Архундыяс-Тарама (бассейн р. Сухая Волноваха). Греческое поселение Стыла было основано в 1779 г., и пещера наверняка попала в поле зрения первых переселенцев из Крыма. По данным знатока местной истории и культуры Н.С. Чираха (2012 г.), название балки переводится со стыльского говора греческого языка как “балка архонта (старосты)”.

Археологическое открытие пещеры было совершено А.И. Приваловым летом 1973 г. в ходе плановых разведок в бассейне рек Сухая и Мокрая Волноваха. Александр Иванович Привалов (1949–2002) – замечательный донецкий археолог, много сделавший для изучения древнейшего прошлого края [Памяти ... 2004]. Тогда же им были найдены поселения бронзового века, могильники разного времени. О пещере А.И. Привалову поведал местный пастух. По воспоминаниям О.Я. Приваловой, первоначально А.И. Привалов не исключал современный возраст рисунков [Интервью], так как пещера была хорошо известна местным жителям и активно посещалась ими. Осенью этого же года Д.С. Цвейбель и А.И. Привалов провели детальную съемку пещерной полости, сделали промеры и рабочие зарисовки сохранившихся рисунков, древность которых уже не вызывала сомнений. Доротея Самойловна Цвейбель (1917–1990) – известный специалист в области каменного века Донбасса [Колесник, Панасенко 2012]. Специально приглашенный художник составил акварельные копии рисунков в натуральную величину. В 60-70-е гг. прошлого века цветные фотографии в закрытых помещениях требовали сложного оборудования, поэтому в публикациях пещерных росписей часто воспроизводились акварельные рисунки [Бадер 1965; Окладников 1972]. Эта традиция базируется на классической французской археологии конца XIX – начала XX вв. Полевые чертежи и акварельные копии рисунков из Стыльской пещеры точно передают оттенки цвета охры по состоянию на то время. В 1970-е гг. при массовом копировании наскальных красочных рисунков широко применялась также калька, которую увлажняли перед созданием дубля [Лот 1973]. При создании цветных копий рисунков Стыльской пещеры калька использовалась на промежуточном техническом этапе. Вскоре Д.С. Цвейбель провела широкие консультации со специалистами в области первобытного искусства по поводу открытия в Приазовье. Для дальнейших совместных работ был приглашен признанный авторитет в вопросах наскальной живописи каменного века О.Н. Бадер (Институт археологии АН СССР, г. Москва). Однако в силу ряда обстоятельств О.Н. Бадер отказался от участия в проекте. В какой-то степени это повлияло на действия Д.С. Цвейбель, которая в дальнейшем проявляла сдержанный интерес к памятнику. В публикациях Д.С. Цвейбель пещера упоминается вскользь в одном из популярных очерков [Цвейбель 1978]. Все дальнейшие усилия по популяризации и научной публикации [Привалов 1988] древних рисунков связаны с деятельностью А.И. Привалова. Итоговая статья увидела свет только в 1993 г., спустя 20 лет после блестящего полевого открытия [Привалов и др. 1993].

В 1978 г. А.Н. Усачук по просьбе Д.С. Цвейбель привел в порядок чертежи рисунков, используя ее рабочие записи и зарисовки, а также совместные с А.И. Приваловым полевые замеры расположения рисунков (рис. 10, 1).

Осенью 1979 г. Александр Иванович Привалов провел в окрестностях сс. Стыла и Николаевка Старобешевского р-на большую полевую экскурсию для студентов-археологов Донецкого госуниверситета. В 1985 г. с любезного согласия А.И. Привалова пещеру детально обследовали А.В. Колесник и В.Н. Горбов. Удалось проникнуть в наполовину засыпанный узкий ход на глубину 11 м и найти остатки еще одного рисунка; на доломитовой скале над пещерой найден обломок каменного топора эпохи средней бронзы. Несколькими годами позже А.В. Колесник вновь осмотрел пещеру. Выяснилась ужасающая картина: в пещерной полости была сожжена резиновая крышка, свод был покрыт толстым слоем копоти, рисунки, казалось, безнадежно утрачены. В 80-е гг. по инициативе археологов в Старобешевском райкоме комсомола обсуждался вопрос о консервации рисунков и

строительстве входного тамбура. Интерес к изучению и охране Стыльской пещеры не ослабевал в среде местной интеллигенции и позже. В частности, в 2005 г. научные сотрудники мемориального музея им. П.Н. Ангелиной (г. Старобешево) обсуждали проект реставрации рисунков, в 2012 г. Стыльский поселковый совет оказал реальную помощь археологической экспедиции ДонНУ по расчистке входной камеры.

Перечисленные эпизоды изучения Стыльской пещеры в качестве археологического памятника позволяют детально проследить динамику разрушения самой пещерной полости на современном этапе. В 40-е гг. XX в. в пещере отмечались две камеры, в которых можно было стоять в полный рост. В начале 70-х гг. входная камера была наполовину заполнена наносами, узкий лаз недоступен для прохода. В своде появилась трещина. В 1985 г. в лаз удалось проникнуть на 11 м, но дальше ход прерывался карстовым колодцем с весьма опасным неустойчивым глинистым сводом над ним. На момент работ 2012 г. вход был наполовину закрыт упавшим монолитным блоком, камера почти доверху заполнена рыхлыми наносами. Крупный отколовшийся блок доломита оказался и внутри камеры. Скорее всего, мы наблюдаем активизацию естественных процессов разрушения и захоронения карстовой полости в доломитизированном известняке.

К сожалению, сходная негативная динамика сохранности касается и самих рисунков. Следует признать, что решающим фактором разрушения древнего художественного панно является деятельность нашего современника. На момент археологического открытия пещерной галереи (1973 г.) рисунки были ясно видны и сохранили яркий цвет красок. В 1985 г. рисунки были сильно повреждены или частично уничтожены современными процарапанными надписями. Часть надписей датируется 20-ми годами XX в. Необходимо согласиться, что надписи типа “здесьбылвася” не являются случайными. Они имеют глубинные корни и отражают потребность человека в непривычной обстановке маркировать границы “своего” пространства [Топоров 1994]. Этот феномен является универсальным, надкультурным, требует специального изучения, но имеет прямые негативные последствия – уничтожение памятников древнего искусства. В 1988 г. пещерный свод с графикой был полностью покрыт гарью. Однако в 2012 г. на своде входной камеры отмечены плохо заметные фрагменты отдельных рисунков без следов копоти, что требует своего объяснения.

Сказанное позволяет понять, насколько ценными для нас являются профессиональные цветные копии 1973 г. и черно-белые копии и чертежи 1973 и 1978 гг., передающие состояние пещерной графики на момент археологического открытия, а также фотографии внешнего вида окрестностей пещеры того времени. В настоящей публикации они воспроизводятся по данным личного архива Д.С. Цвейбель, хранящегося у А.В. Колесника. Похоже, что копии 35-40-летней давности становятся единственным источником, сохранившим наиболее достоверную информацию об уникальной живописи Стыльской пещеры.

Сохранившийся архив включает 6 ватманских листов формата А-3 с акварельными копиями изображений (рис. 3-9), 8 итоговых листов миллиметровки разного формата с карандашными рисунками (рис. 10-14), 5 миллиметровок с эскизными зарисовками, 2 ватманских листа формата А-4 с карандашными эскизами, 2 предварительных плана пещеры и один итоговый план на миллиметровке (рис. 10, 1), 9 черно-белых фотографий. Чертежи всех рисунков на миллиметровке и ватмане, кроме фигуры козла, выполнены сплошной заливкой. Наиболее качественными копиями древних рисунков, видимо, следует считать профессиональные акварельные копии 1973 г. Акварельные рисунки и чертежи на миллиметровке практически совпадают, потому что в 1978 г., приводя в порядок чертежи рисунков, А.Н. Усачук сличал их не только с рабочими записями Д.С. Цвейбель, но с акварельными копиями и самими рисунками в пещере. Все чертежи и рисунки хранились в отдельной закрытой папке, бумага не выцвела. В публикации акварели воспроизводятся в той пространственной ориентации, в которой они были сняты и сохранились. Очевидно, что их расположение на своде пещеры было хаотичным. На фотографиях изображен скальный уступ с видом на вход в пещеру (рис. 1-2), участники полевого выезда осенью 1973 г. Один из снимков сделан в полости пещеры.

Колесник О.В., Стахурська К.І.

СТИЛЬСЬКА ПЕЧЕРА: ХРОНОГРАФІЯ ВИВЧЕННЯ, АРХІВНА СПАДЩИНА

Завдяки особливостям геологічної історії у Північному Приазов'ї сформувався великий масив вапняків різного типу. Найбільш значні відкладення вапнякових порід оголюються в басейнах річок Кальміус, Суха і Мокра Волновахи. Тут відомі невеликі карстові порожнини. Серед них – Стельська печера. Вона знаходиться за 6 км від с. Стила в балці Архундияс-Тарама, басейн р. Сухої Волновахи. Влітку 1973 р. донецький археолог О.І. Привалов звернув увагу на схематичні малюнки вохрою на склепінні печери. Восени цього ж року викладач Донецького державного університету Д.С. Цвейбель організувала детальну зйомку печери і виготовлення професійних акварельних копій малюнків один до одного. У 1978 р. деякі деталі малюнків було уточнено. Статтю про живопис Стельської печери було опубліковано 1993 року. Автори публікації датували розписи добою бронзи. Протягом 40 років, що минули від моменту археологічного відкриття пам'ятки печерного мистецтва, малюнки сильно постраждали через природні та антропогенні чинники. У даній статті вперше публікуються оригінальні кольорові копії стародавніх малюнків і чорно-білі креслення та світлини 1973 р. Ці матеріали є найбільш якісним джерелом для вивчення живопису Стельської печери.

Ключові слова: Стельська печера, наскальний живопис, історія археології, архівні матеріали.

Kolesnik A.V., Stakhurskaya X.I.

THE STYLA CAVE: THE HISTORY OF ITS STUDY AND ARCHIVAL HERITAGE

Due to the geological history in the northern Azov region, a large massif of limestones of various types had formed there. The most significant limestone deposits outcrop in the Kalmius, Sukhaia Volnovakha, and Mokraia Volnovakha rivers' basins. There are known comparatively small karst caverns, and the Styla Cave is one of them. The cave is located in 6 km from the village of Styla, in the Arkhudyias-Tarama gully, in the basin of the Sukhaia Volnovakha River. In the summer of 1973, A.I. Privalov, an archaeologist from the city of Donetsk, noted schematic images on the roof of the cave made in red ochre. In the fall of the same year, lecturer of the Donetsk State University D.S. Tsveibel organized the detailed survey of the cave, during which the life-size watercolor copies of the images were made. In 1978 some details of the drawings was clarified. An article about the Styla Cave had been published in 1993, the authors dated the ochre painting to the Bronze Age. This article includes illustrations of the original color copies of the paintings, black-and-white photographs and line drawings made in 1973 that are published for the first time. These materials are the most reliable sources for the study of paintings of the entrance chamber of the Styla Cave.

Keywords: the Styla cave, rock art, history of archeology, archive materials.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Капова пещера / О.Н. Бадер. – М.: Наука, 1965. – 32 с., 14 рис., 10 табл.

Зубец В.И. Карстовые полости Донбасса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donspeleo.narod.ru/infadonspel.htm>

Колесник А.В. Доротея Самойловна Цвейбель. Историко-биографический очерк / А.В. Колесник, А.В. Панасенко // Літопис Донбасу. – № 20. – Донецьк, 2012. – С. 35-42.

Лот А. В поисках фресок Тассилин-Аджера / А. Лот. – Л.: Искусство, 1973. – 119 с.

Окладников А.П. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства / А.П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1972. – 75 с.

Памяти Александра Ивановича Привалова // ДАС. – № 11. – Донецк: Вид-во ДонНУ, 2004. – С. 197-198.

Привалов А.И. Пещера с древними рисунками в Северном Приазовье / А.И. Привалов // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. – Перевальск, 1988. – С. 32-34.

Привалов А.И. Живопись пещеры Архундияс-Тарама (Северное Приазовье) / А.И. Привалов, В.А. Посредников, Д.П. Кравец // ДАС. – № 4. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. – С. 58-82.

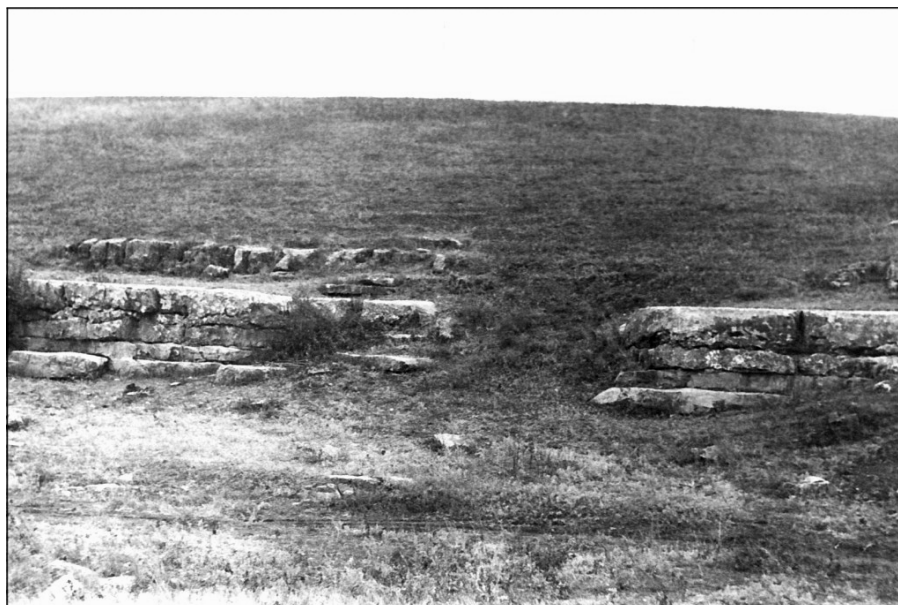
Топоров В.Н. Пространство / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. – Т. 2. – Изд. 2-е. – М., 1994. – С. 341-342.

Цвейбель Д.С. Рассказы о каменном веке / Д.С. Цвейбель // Неизвестное об известном. – Донецк: Донбасс, 1978. – С. 7-37.

Рис. 1. Стыльская пещера: 1-2 – общий вид; 3 – участники полевого выезда осенью 1973 г. (в центре А.И. Привалов и Д.С. Цвейбель)

Fig. 1. The cave of Styly: 1-2 – the general view; 3 – participants of the field works, autumn of 1973

1

2

Рис. 2. Стыльская пещера: 1-2 – внешний вид. Фото 1973 г.
Fig. 2. The cave of Stylytska: 1-2 – the general view. Photos of 1973

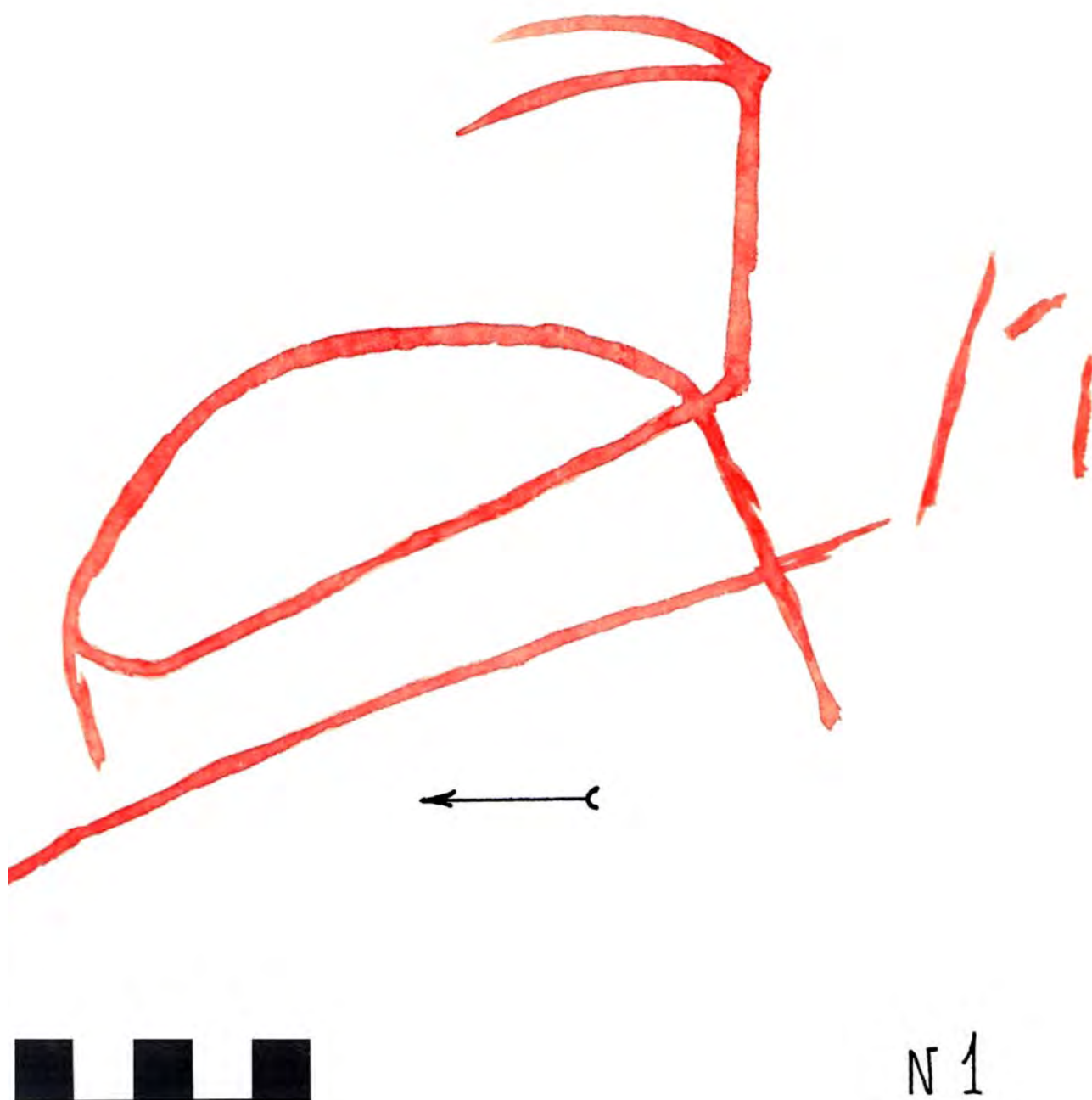

Рис. 3. Стыльская пещера. Рисунок № 1. Акварельная копия

Fig. 3. The cave of Styly. Picture № 1. Watercolor copy

Рис. 4. Стыльская пещера. Рисунок № 2. Акварельная копия

Fig. 4. The cave of Styly. Picture № 2. Watercolor copies

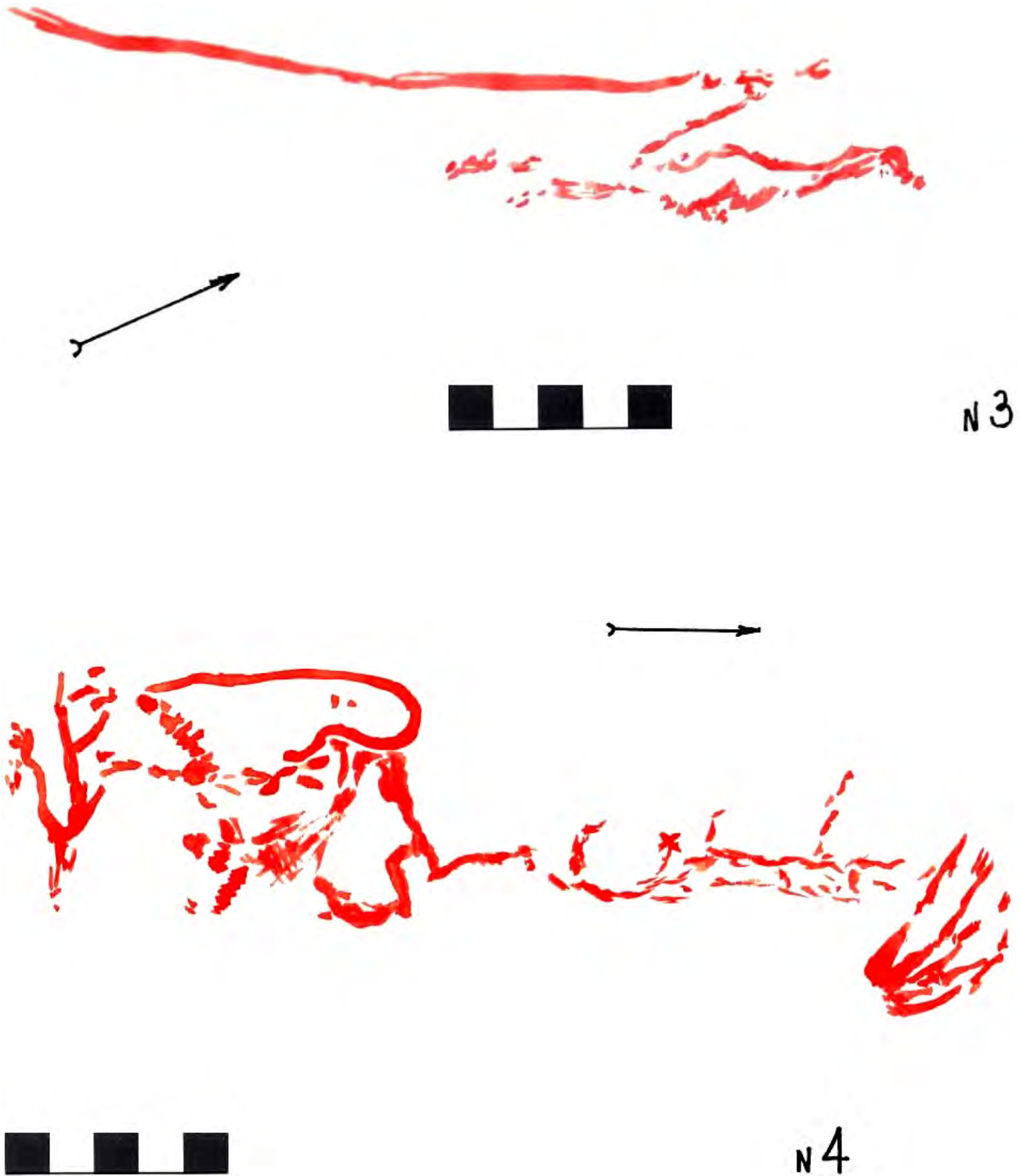

Рис. 5. Стыльская пещера. Рисунки № 3-4. Акварельные копии

Fig. 5. The cave of Styla. Pictures № 3-4. Watercolor copies

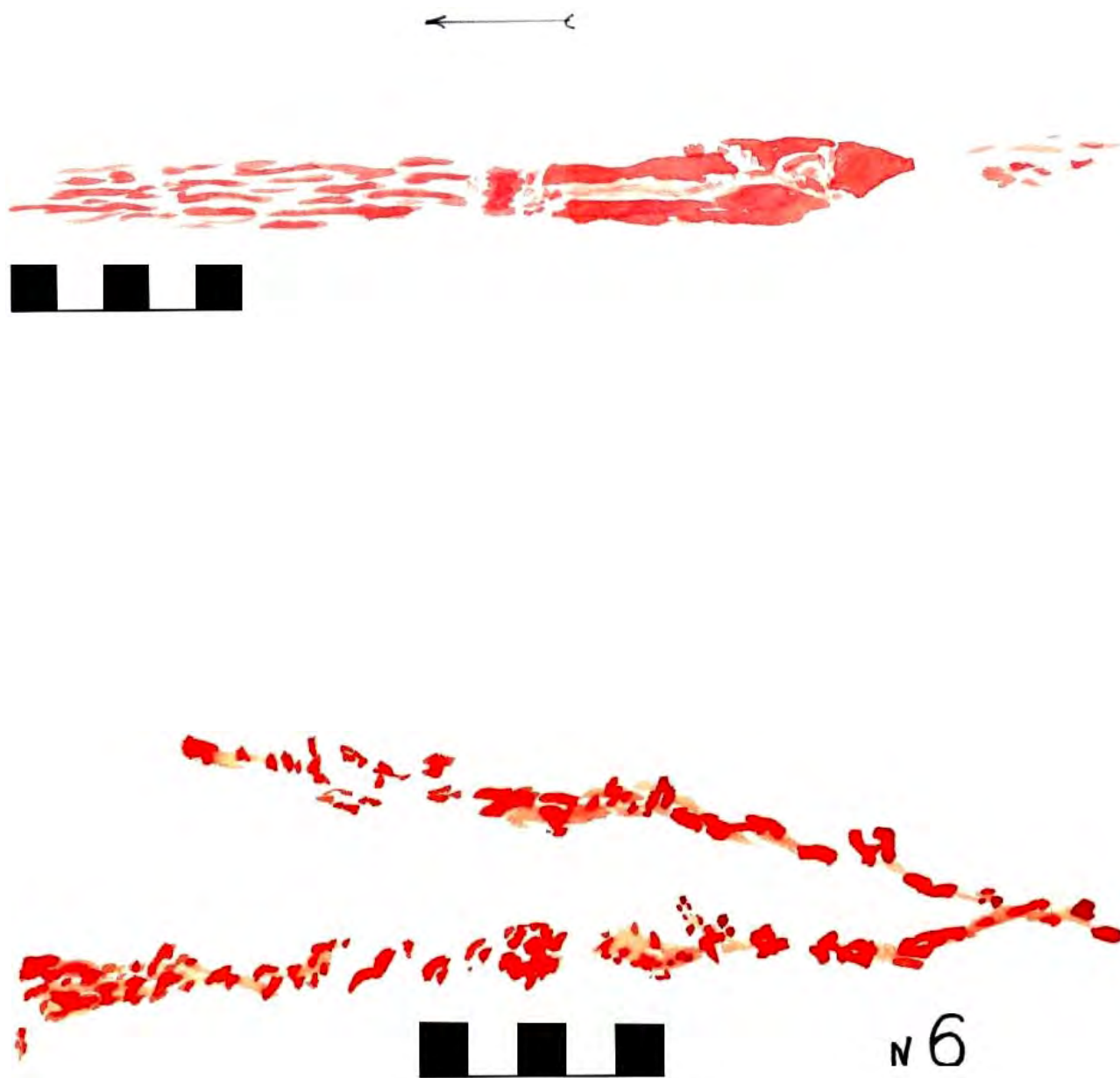

Рис. 6. Стыльская пещера. Рисунки № 5-6. Акварельные копии

Fig. 6. The cave of Styly. Pictures № 5-6. Watercolor copies

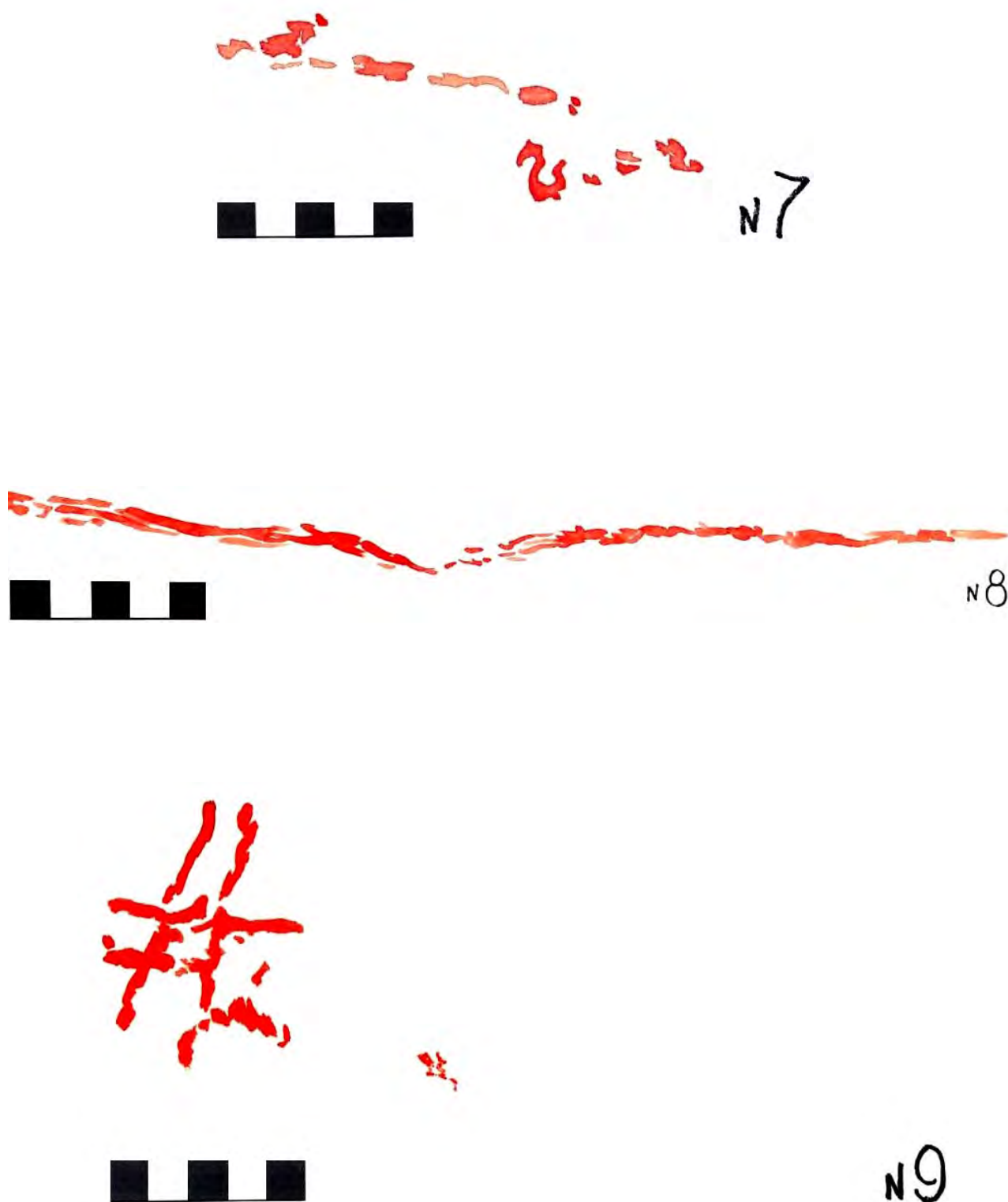

Рис. 7. Стыльская пещера. Рисунки № 7-9. Акварельные копии

Fig. 7. The cave of Styla. Picture № 7-9. Watercolor copies

Рис. 8. Стыльская пещера. Рисунок № 11. Акварельная копия

Fig. 8. The cave of Styly. Picture № 11. Watercolor copy

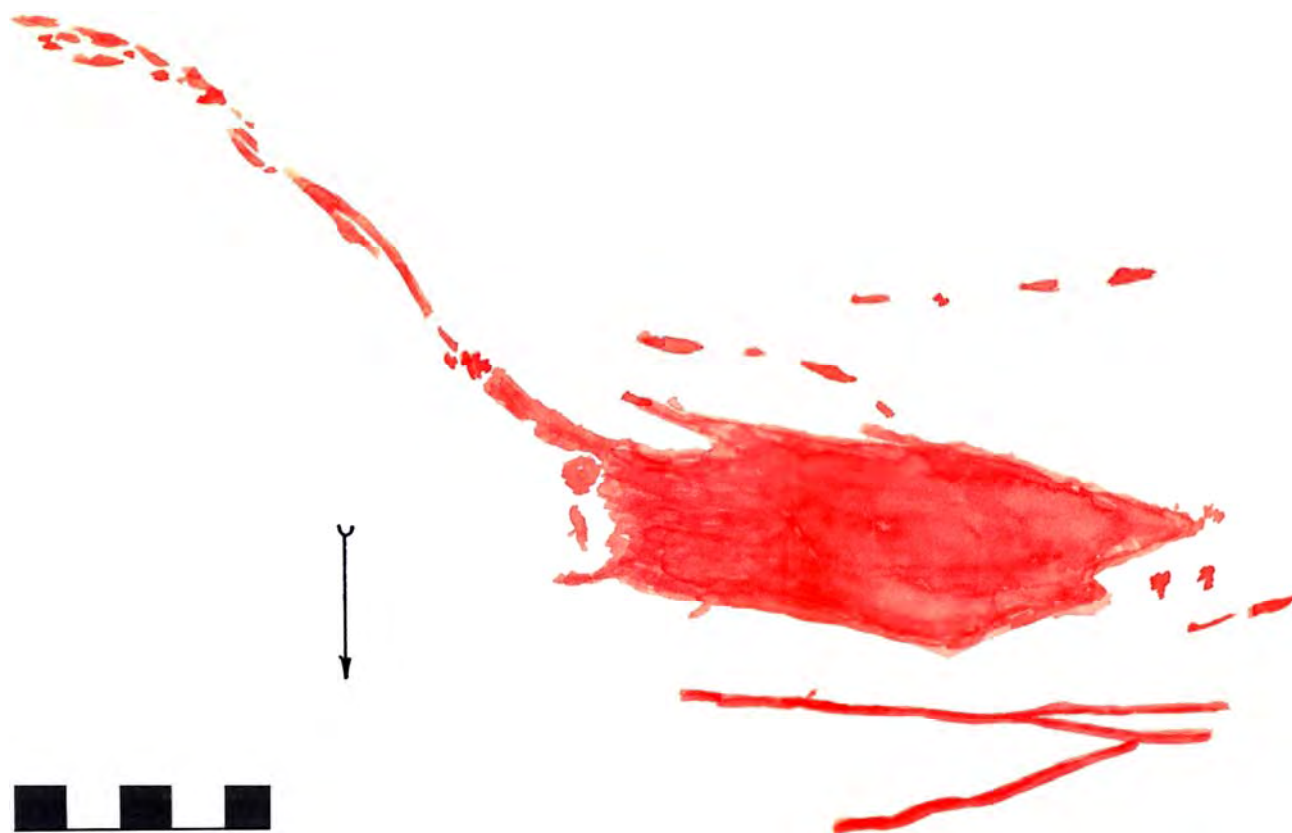
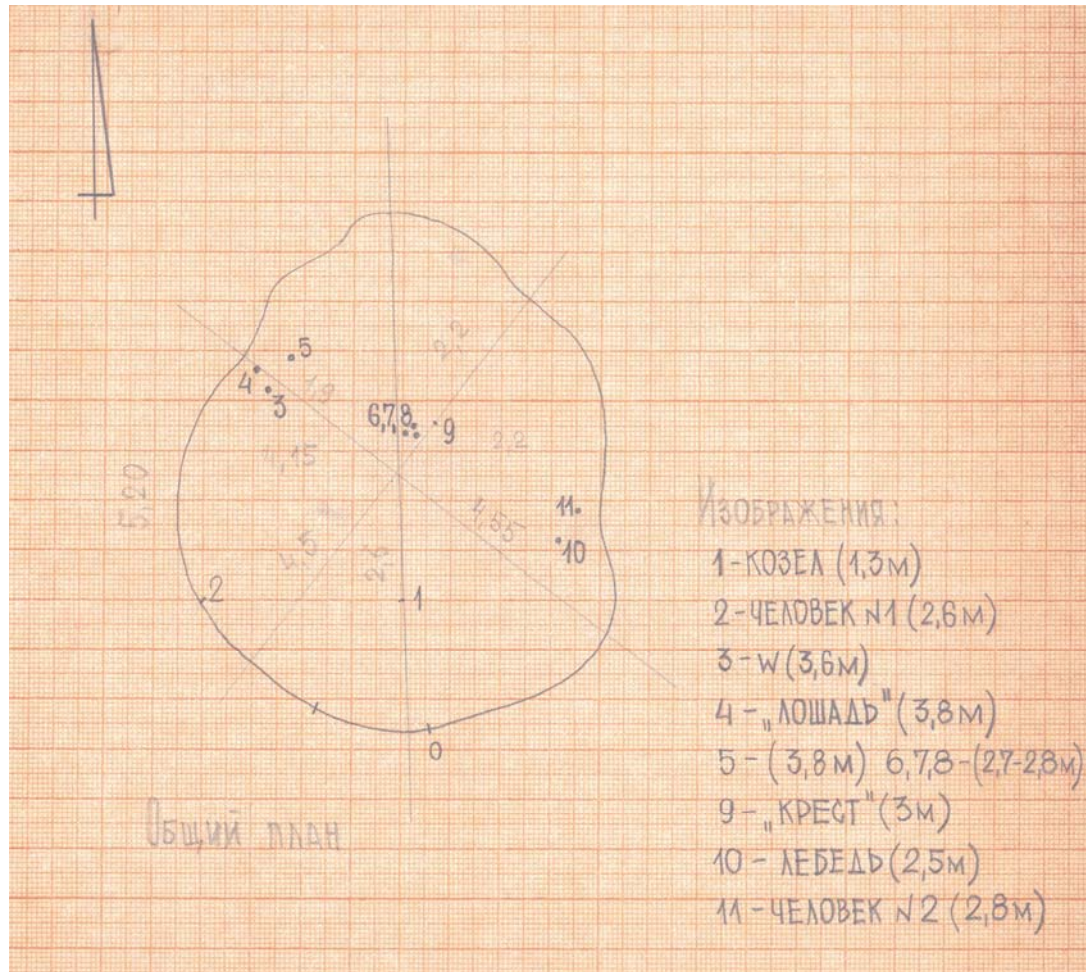
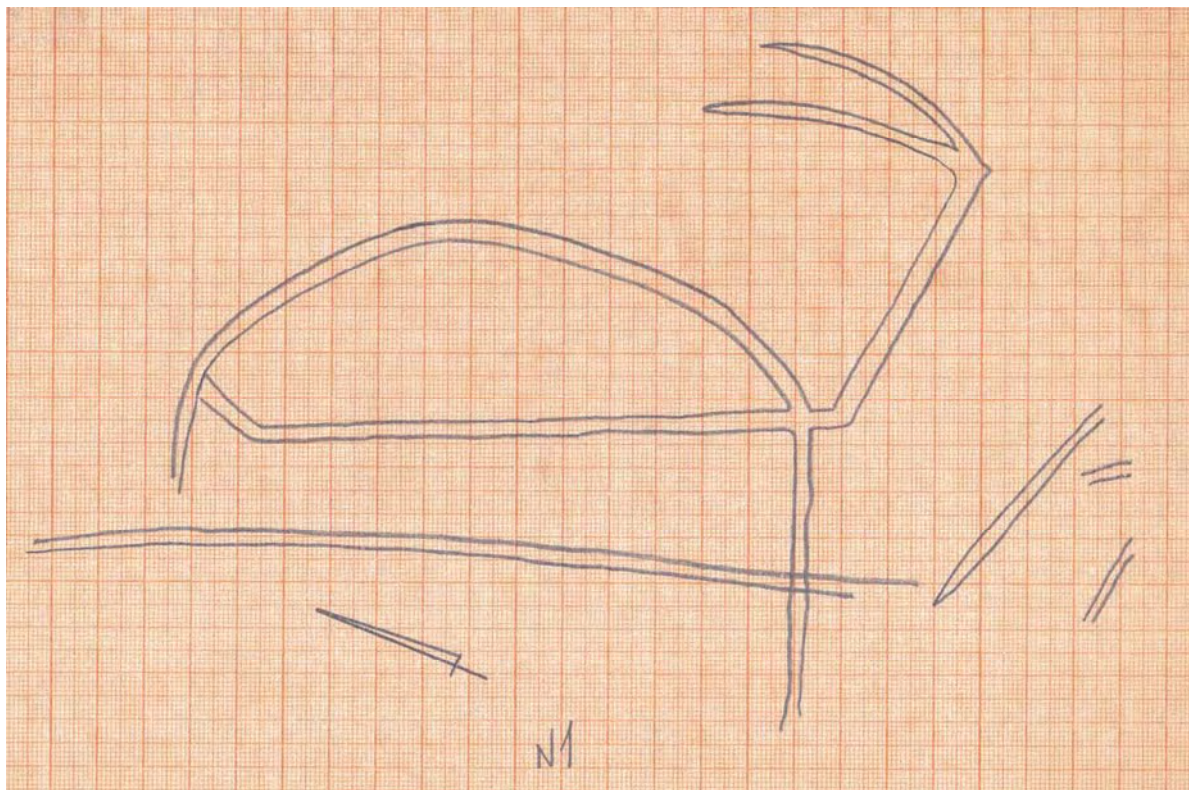

Рис. 9. Стыльская пещера. Рисунок № 10. Акварельная копия

Fig. 9. The cave of Styla. Picture № 10. Watercolor copy

1

2

Рис. 10. Стыльская пещера. Чертежи на миллиметровке: 1 – общий план пещеры; 2 – рисунок № 1

Fig. 10. The cave of Styla: 1 – the general plan of Styla's cave; 2 – picture № 1

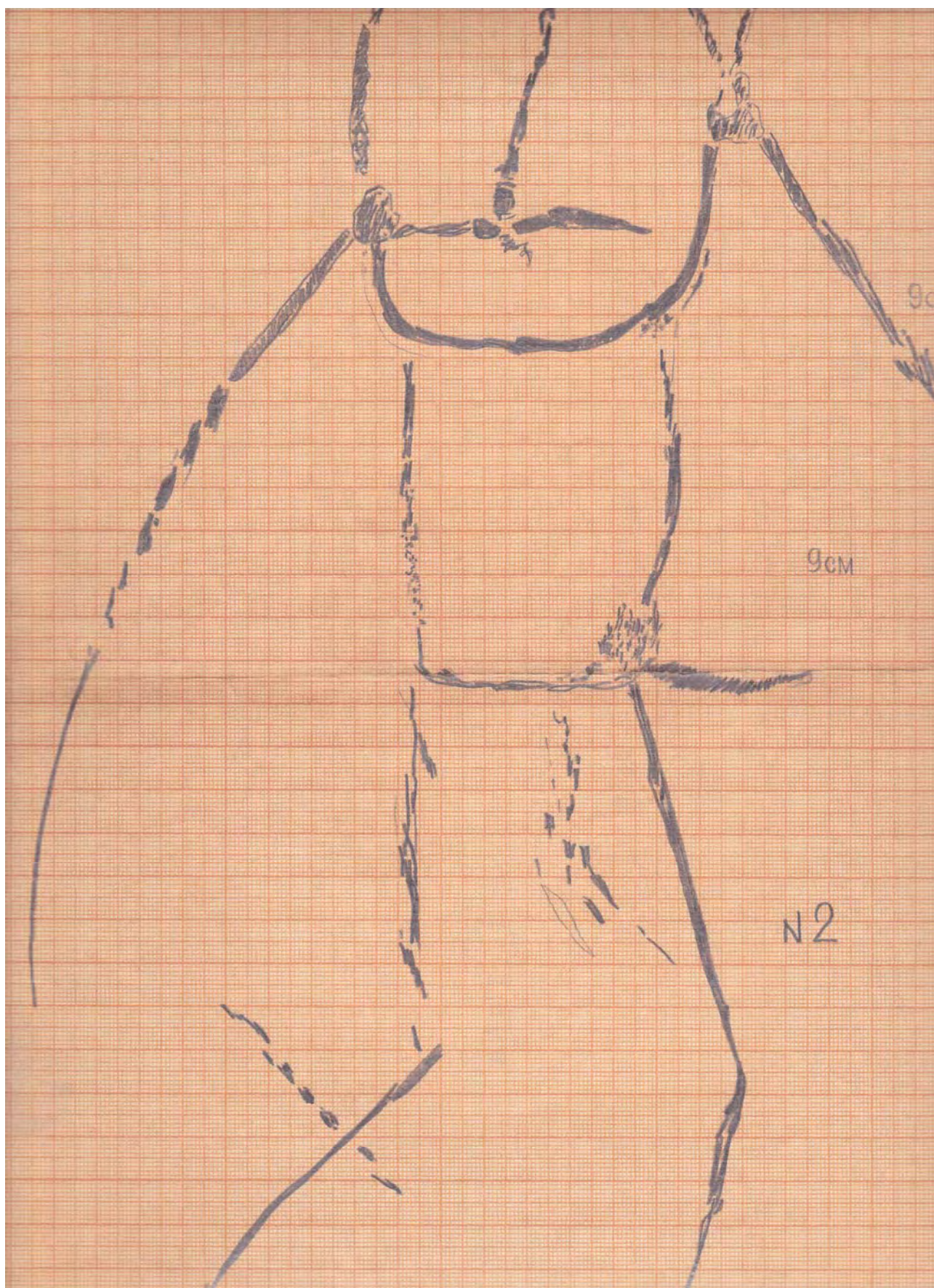
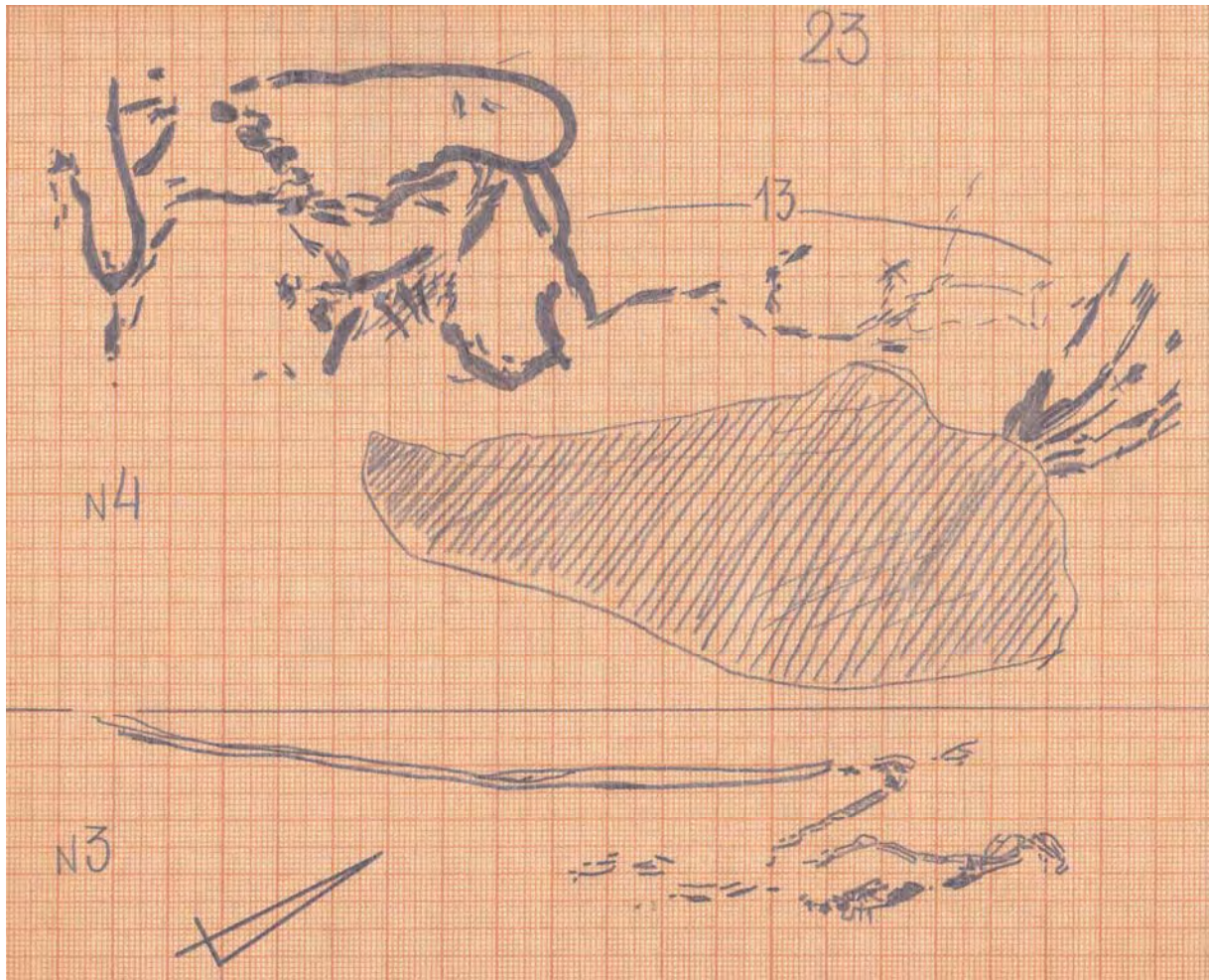
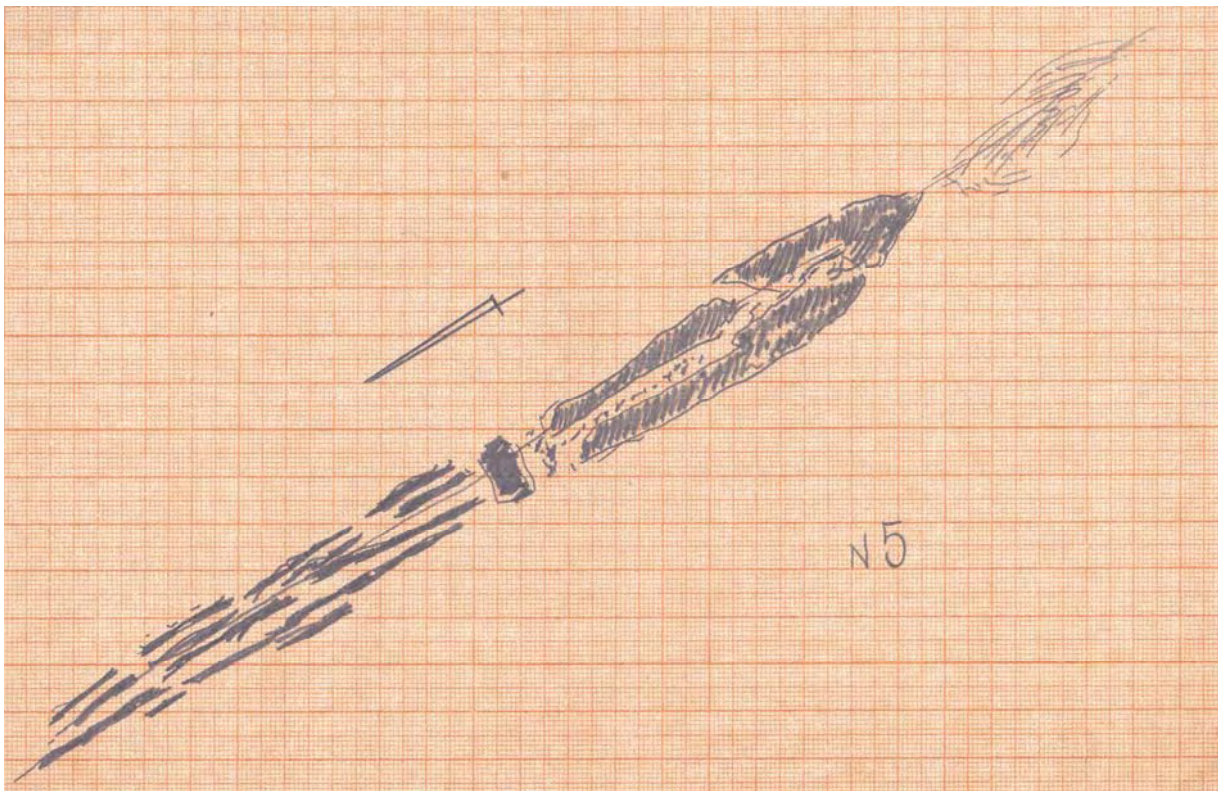

Рис. 11. Стыльская пещера. Чертеж на миллиметровке. Рисунок № 2

Fig. 11. The cave of Styly. Picture № 2

1

2

Рис. 12. Стыльская пещера. Чертежи на миллиметровке: 1 – рисунки № 3-4; 2 – рисунок № 5

Fig. 12. The cave of Styla: 1 – pictures № 3-4; 2 – picture № 5

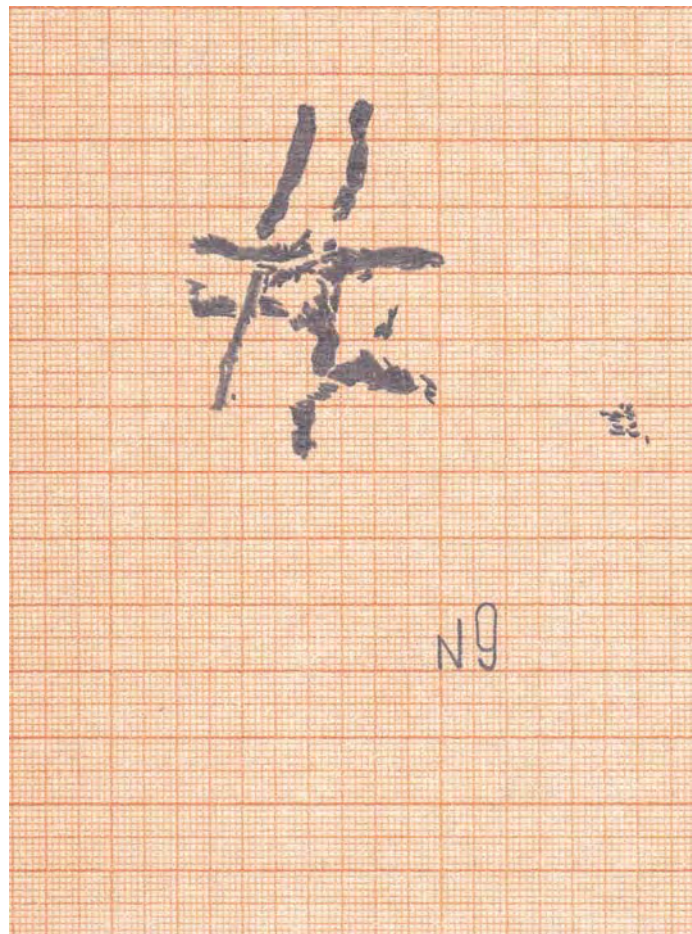
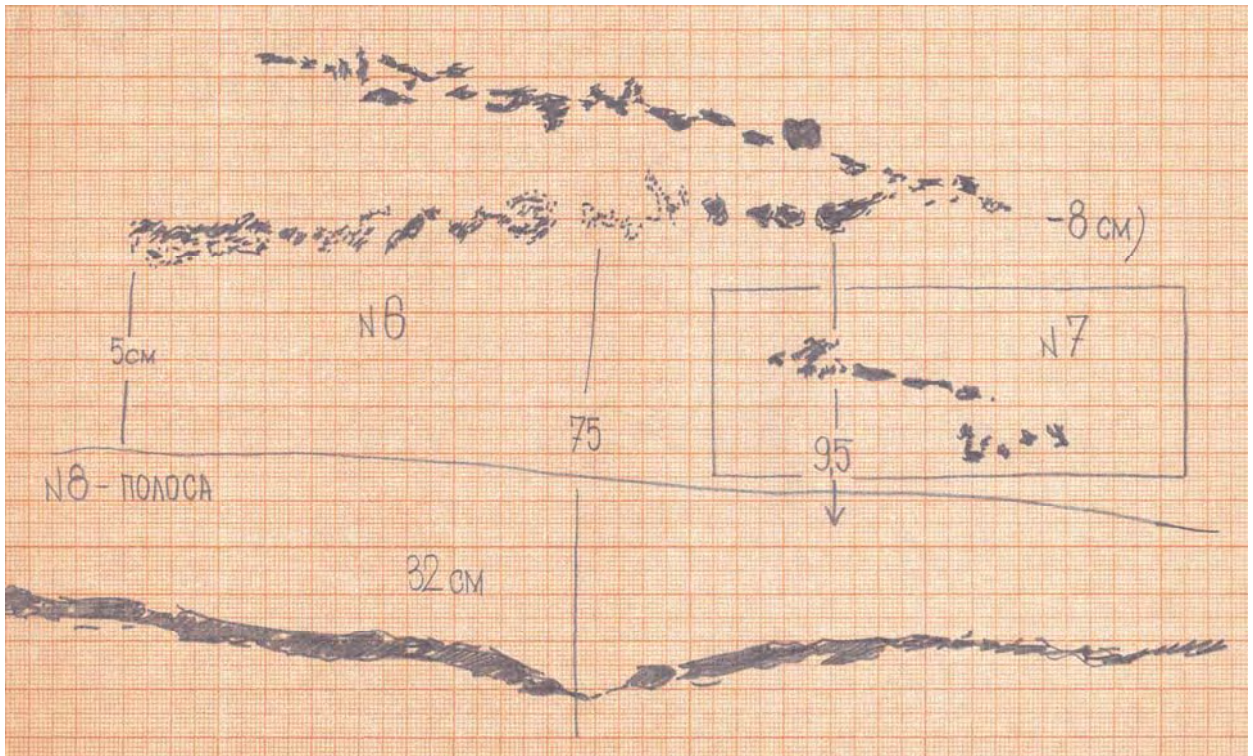

Рис. 13. Стыльская пещера. Чертежи на миллиметровке: **1** – рисунки № 6-8; **2** – рисунок № 9

Fig. 13. The cave of Styla: **1** – pictures № 6-8; **2** – picture № 9

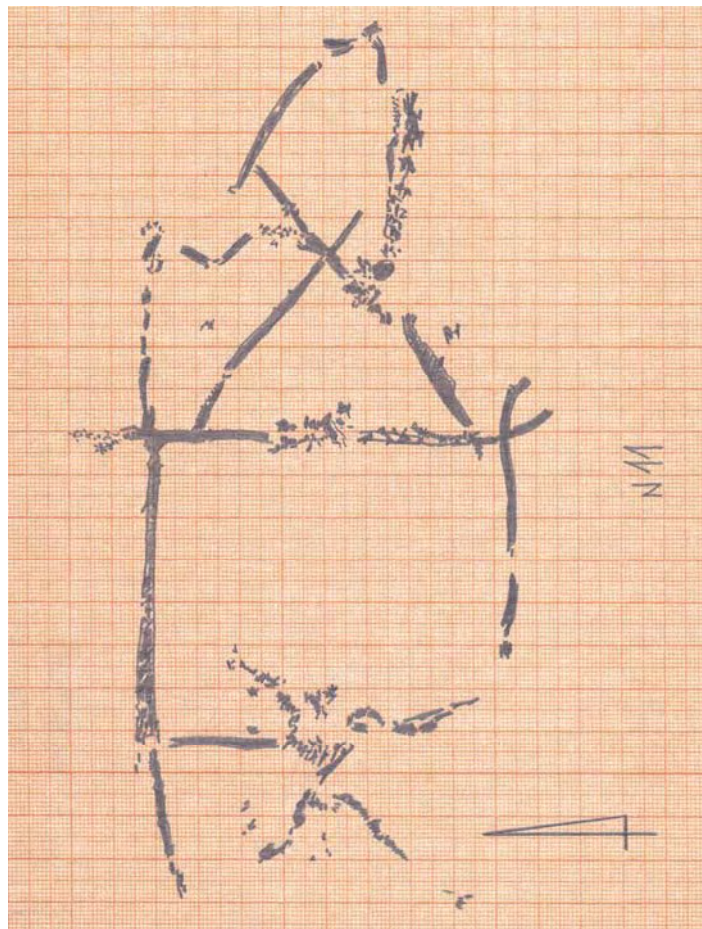
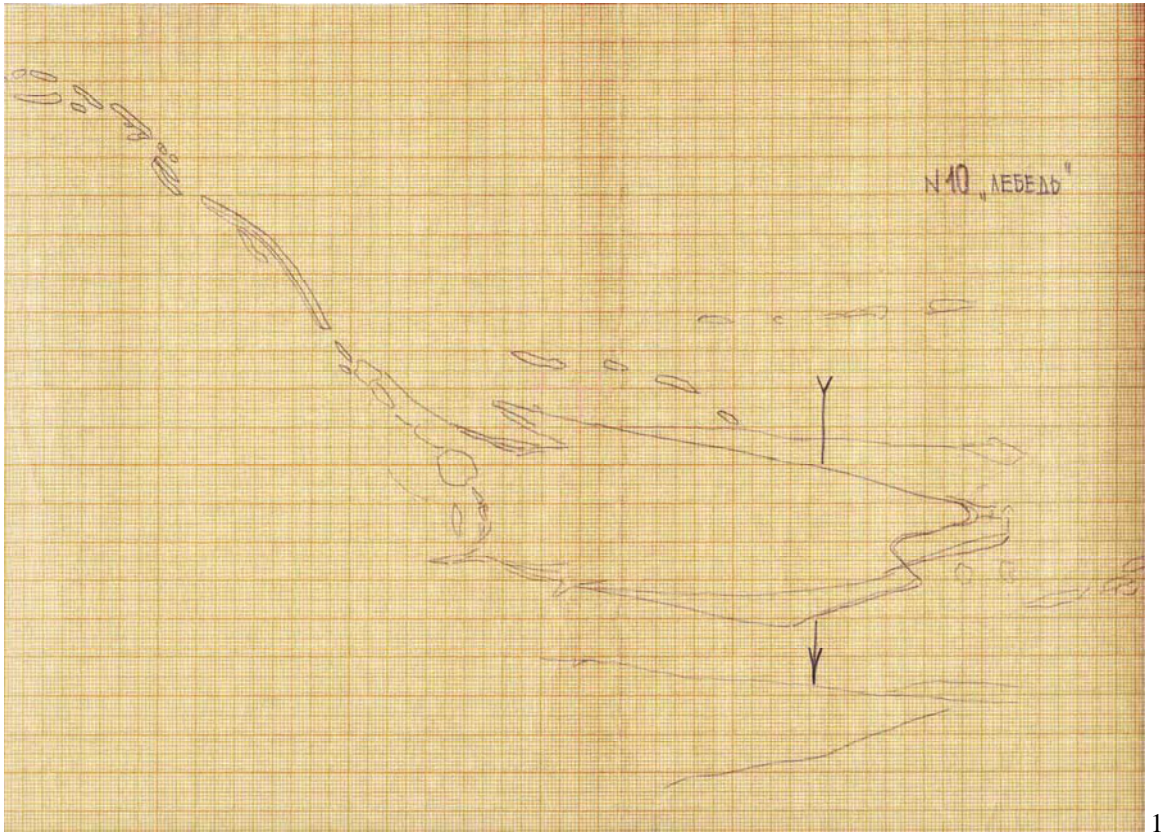

Рис. 14. Стыльская пещера. Чертежи на миллиметровке: 1 – рисунки № 10; 2 – рисунок № 11

Fig. 14. The cave of Styla: 1 – picture № 10; 2 – picture № 11

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

- АА – Археологический альманах (Донецк)
АВЕС – Археология восточноевропейской степи (Саратов)
АВЛ – Археология восточноевропейской лесостепи (Воронеж)
АДУ – Археологічні дослідження в Україні
АО – Археологические открытия (Москва)
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград)
БИ – Боспорские исследования (Керчь)
БСЭ – Большая советская энциклопедия (Москва)
БФ – Боспорский феномен (Санкт-Петербург)
ВДИ – Вестник древней истории (Москва)
ВУАК – Всеукраїнський археологічний комітет (Київ)
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
ДАЗ – Донецький археологічний збірник (Донецьк)
ДАС – Донецкий археологический сборник (Донецк)
ДБ – Древности Боспора (Москва)
ДД – Донские древности (Ростов н/Д)
ДСПК – Древности Степного Причерноморья и Крыма (Запорожье)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону (Азов)
ИАК – Известия Императорской Археологической Комиссии (Санкт-Петербург)
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Ленинград)
ИИМК – Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии Наук (Тюмень)
КСИА – Краткие сообщения Института археологии (Москва)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Москва)
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАК – Материалы по археологии Кавказа (Москва)
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья (Одесса)
МДАСУ – Матеріали і дослідження з археології Східної України (Луганськ)
МИАВУ – Материалы и исследования по археологии Восточной Украины (Луганск)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани (Краснодар)
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України (Київ)
ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии (Санкт-Петербург)
ПАП – Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск)
РА – Российская археология (Москва)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
СА – Советская археология (Москва)
САИ – Свод археологических источников
СГМИИ – Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)
ССПК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму (Запоріжжя)
ESA – Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Божко Раїса Петрівна – заступник директора з наукової роботи Маріупольського краєзнавчого музею, bogko_raisa@mail.ru

Бровендер Юрій Михайлович – кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін Донбаського державного технічного університету, brovender@mail.ru

Венцова Марина Ігорівна – магістр історії, аспірант кафедри всесвітньої історії Донецького національного університету, MVentsova@gmail.com

Горбов Володимир Миколайович – старший науковий співробітник відділу історії дорядянського періоду Донецького обласного краєзнавчого музею.

Гришук Ольга Михайлівна – магістр історії, аспірант кафедри всесвітньої історії Донецького національного університету, starlynx7@yandex.ua

Забавін В'ячеслав Олегович – викладач кафедри історичних дисциплін Маріупольського державного гуманітарного університету, аспірант кафедри всесвітньої історії Донецького національного університету, joiner1971@mail.ru

Загородня Ольга Миколаївна – здобувач Інституту археології НАНУ, olgaza@ukr.net

Колесник Олександр Вікторович – кандидат історичних наук, доцент, докторант кафедри історії України Донецького національного університету, akolesnik2007@mail.ru

Кушнір Віра Віталіївна – старший науковий співробітник відділу історії дорядянського періоду Донецького обласного краєзнавчого музею.

Литвиненко Роман Олександрович – доктор історичних наук, професор, професор кафедри всесвітньої історії Донецького національного університету, litrom@yandex.ua

Небрат Сергій Геннадійович – магістр історії, викладач ЗОШ № 66 м. Маріуполя, nebrat2007@ukr.net

Отрошенко Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор, завідувач відділу археології доби енеоліту – бронзового віку Інституту Археології НАН України, otrok@i.com.ua

Підобід В'ячеслав Анатолійович – старший науковий співробітник науково-методичного відділу охорони пам'яток археології Донецького обласного краєзнавчого музею.

Полідович Юрій Богданович – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник науково-методичного відділу охорони пам'яток археології Донецького обласного краєзнавчого музею, yurkop@ukr.net

Потапов Вадим Валерійович – кандидат історичних наук, науковий співробітник Лабораторії археології Південного наукового центру РАН, potapov_vadim@mail.ru

Салій Наталія Григорівна – фахівець з археології бронзової доби.

Санжаров Сергій Миколайович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії держави і права, науковий керівник Археологічного науково-дослідного центру “Спадщина” Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля, sansn58@yandex.ua

Стахурська Ксенія Ігорівна – студентка історичного факультету Донецького національного університету, igorevich.chn@mail.ru

Усачук Анатолій Миколайович – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник науково-методичного відділу охорони пам'яток археології Донецького обласного краєзнавчого музею, doold@mail.ru

Циміданов Віталій Владиславович – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник науково-методичного відділу охорони пам'яток археології Донецького обласного краєзнавчого музею, archaeodon@front.ru